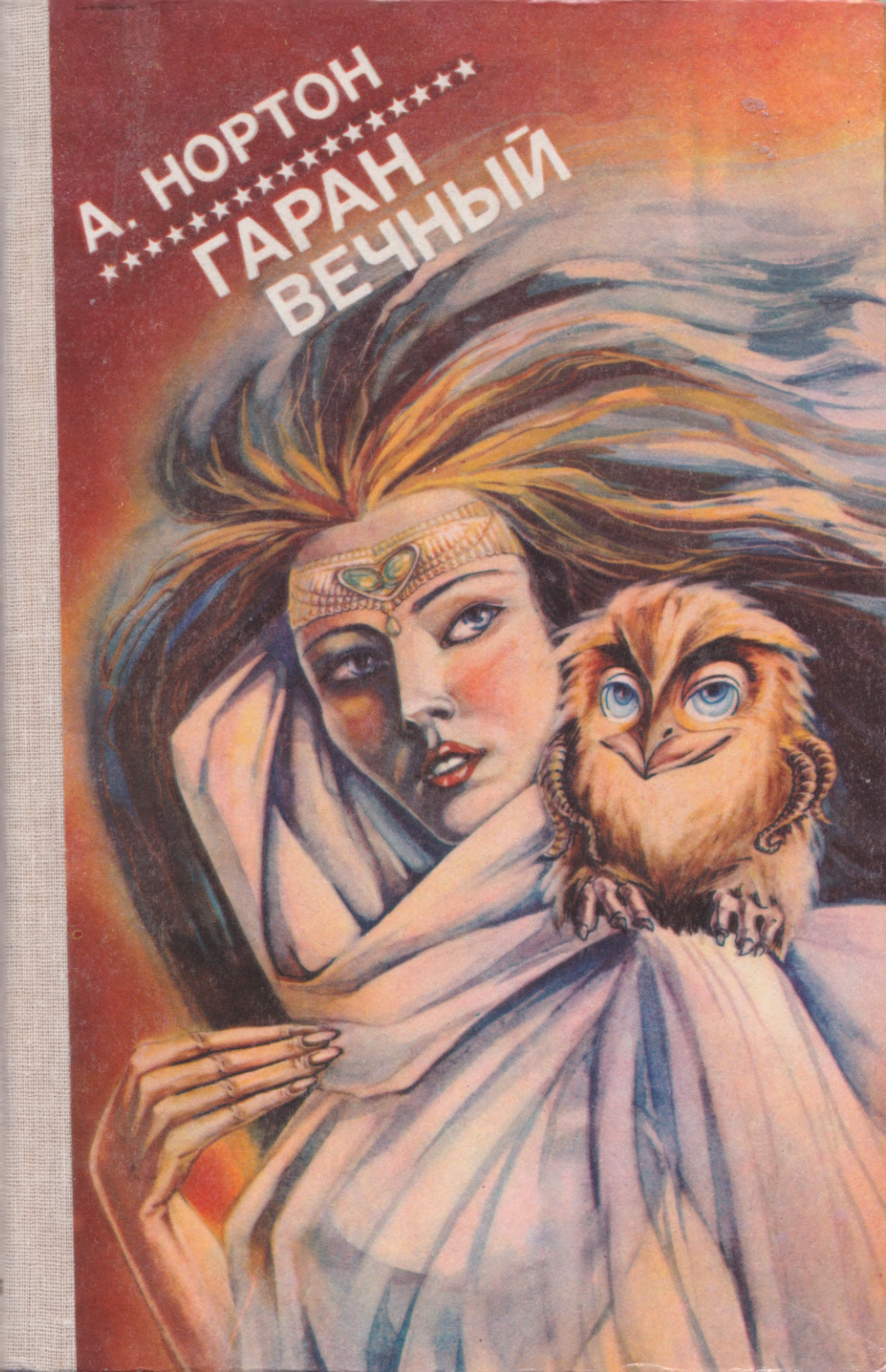
А. НОРТОН

ГАРАН ВЕЧНЫЙ



ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

12

А. Нортон

ГАРАН ВЕЧНЫЙ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

«ЭЯ»
НОВОСИБИРСК
1992

Н 82

Составитель В. П. Кирчев

А. Нортон
Н 82 Гаран вечный. Сб. фантастич. произведений. Пер. с англ. Н.: «ЭЯ», 1992.— 464 с. (Зарубеж. фантастика. Вып. 12.)

ISBN 5—87216—019—4 без объявл.

© Сост. В. П. Кирчев, 1992
© Художник О. Полищук

ВТОРЖЕНИЕ К ДАЛЕКИМ ПРЕДКАМ

Дзианта стояла перед дверью, поглаживая туго натянутую перчатку. Под липким материалом она ощущала покалывание энергии, так искусно вплетенной в ткань. Она видела, как работали с такими перчатками, но до этого никогда не пыталась использовать ее полный потенциал.

В последний раз она мысленно обыскала коридор, пробежав по нему туда и обратно. Все спокойно, как и обещала Энния. С этим горячим покалыванием в ладони она пошла вперед и направила ладонь на замок. Яза заплатила сказочную цену за временное пользование этой перчаткой. Теперь она должна была показывать, справедлива ли была цена.

Кончик языка нервно пробежал по зубам, Дзианта замерла на несколько секунд. И когда она уже решила, что Язу надули, дверь бесшумно скользнула в стену. Так просто, так хорошо!

Снова мысленный поиск, чтобы быть уверенной, что охранников нет, кроме тех, кого она была обучена находить и разоружать. Было похоже на то, что Высший Лорд Юкундус очень старомоден и использует только обычные защитные средства, которые для Воровской Гильдии опасны не более, чем детские игрушки. Но, пока она полностью не уверилась в этом, ее рука без перчатки лежала на поясе, отделанном декоративными драгоценными камнями, которые на самом деле были миниатюрными, но очень эффективными детекторами. Затем она вошла в комнату, одновременно опустив обруч ночного видения,— который также был сделан так, что как бы являлся частью ее сложного модного головного убора. Плащ, который был на ней, при нажатии кнопки на вороте, не позволял увидеть ее. Одежда ее стоила примерно столько, сколько тратила за год небольшая планета, если бы она когда-нибудь поступила в продажу. Математических знаний Дзианты было недостаточно для того, чтобы просто представить эту сумму.

Комната была обставлена с той роскошью, которую только мог предоставить Корвар, мир удовольствий. Сокровища... но она здесь только из-за одной вещи. Плотно обернув плащ вокруг себя так, чтобы он не мог зацепиться за что-нибудь и вызвать тем самым утечку энергии, следы которой могли быть позднее обнаружены, Дзианта осторожно пошла к дальней стене. Если

все пойдет так, как хотела бы Яза, если это будет чистый налет, то Юкундус никогда не обнаружит, что в его тайны проникли. До тех пор, пока они не будут благополучно проданы.

С прибором ночного видения она чувствовала себя как в хорошо освещенной комнате. Но не только он помогал ей: дважды она останавливалась из-за предупреждений, полученных ею от поясных детекторов, и подключала для проверки управляемые мыслью защитные устройства, хотя каждая проверка увеличивала ее беспокойство и истощала психическую энергию.

Перед ней на стене было изображение космической сцены. Она остановилась у стены. Не рискуя оторвать пальцы от детекторов, она отстегнула застежку зубами, ощутив при этом обжигающий удар. Затем она сунула расстегнутую перчатку за пояс и вытянула из нее руку.

Из-под плаща Дзианта достала небольшой брелок, поднесла его к одной из звезд, сияющих на стене, и нажала на нее. Послышался звук, который она услышала не ушами, он отозвался болью в мозгу.

Часть стены поднялась и появился шкаф. До этих пор искусство и приборы Гильдии работали успешно. Но остальная часть миссии зависела только от ее талантов и умения.

Шкаф был полон маленьких кубиков, таких маленьких, что она могла взять в руку сразу три или четыре штуки. Их было очень много, и за короткое время она должна отыскать те несколько, за которыми пришла, и «считать» их содержимое.

Ее дыхание участилось, когда она положила ладонь на первый кубик в верхнем углу. Не это, не это — ее рука скользнула ниже, ни один в этом ряду не был тот, что ей нужен, хотя она знала, что они все содержат ценную информацию. Записи Юкундуса: если верить всем слухам относительно него, то не имеет никакого значения, что ему пришлось бежать, что все его межпланетные владения конфискованы. С этими микрозаписями он опять может использовать людей, опять строить и, возможно, добиться еще большего могущества.

Здесь! Из среднего ряда она достала кубик и подняла его над прибором ночного видения так, чтобы он находился против обнаженного участка лба. Это была самая опасная часть налета, так как в этот момент она должна была отрешиться от всего, забыть о детекторах на поясе, о своей собственной мысленной защите и сконцентрироваться только на том, что она должна была «считать» из кубика. Кроме того, для нее содержимое кубика не имело смысла: никаких живых изображений — необходимо запомнить только закодированные символы. Вот и все. Облегченно вздохнув, она положила его на место и стала скользить пальцем по рядам, отыскивая другой. Яза была уверена, что их два.

Второй! Опять она была совершенно беззащитной перед любой опасностью, так как, пока шла передача информации, она ничего не могла предпринимать. Теперь ей следовало убедиться, что нет третьего кубика. И ее ищущие пальцы не обнаружили боль-

ше ни одного. Она закрыла стену. Облегчение наполнило ее. Теперь осталось только уйти и запереть дверь.

Опять плотно запахнув плащ, Дзианта повернулась. Не прикоснуться ни к чему, не оставить ни одного следа, который может быть обнаружен. Это было...

Дзианта застыла. Она потянулась, чтобы подобрать рукой без перчатки угол плаща, который мог коснуться маленького стола, настоящего произведения искусства. Ткань плаща выскользнула у нее между пальцев, и рука потянулась дальше, вперед, но не по своей воле, а как будто ее кисть была чем-то захвачена.

Некоторое время, секунду или две, девушка была уверена, что схвачена каким-то новым защитным устройством, которое ее детекторы не смогли обнаружить. Затем она поняла, что это было психическое требование ее внимания.

Никогда до этого она не испытывала такого ощущения. Когда она занималась психометрией, «считывала», то это было по ее собственной воле. То, что она чувствовала сейчас, это требование, принесло с собой страх и чуть ли не повергло ее в панику. На столе лежало что-то, что было «заряжено» так же, как «заряжены» приборы Гильдии, заряжено психической энергией, такой сильной, что оно могло управлять ее вниманием.

Первый страх Дзианты постепенно утих. Перед ней было что-то новое и любопытство завладело ею, хотя она знала, что любая задержка опасна. Но она хотела узнать, что же спровоцировало у нее такую волну в мозгу.

На столе шесть предметов. Таинственное животное, вырезанное из полудрагоценного камня. Пластина розового кристалла, с крылатым цветком с Виргаль 3 в ней. Коробочка из Стирианского каменного дерева и рядом головоломка с внутренними кольцами, которые делают аборигены Лизандера. Корзиночка, отделанная сапфирами, в которой лежали какие-то сладости. И последнее — кусок сухой пыльной глины, или так это выглядело.

Дзианта наклонилась поближе. На комке были какие-то загадочные знаки — они притягивали ее,— она отдернула руки назад, как будто ее пальцев коснулись языки трепещущего пламени. Но она не притронулась к этому безобразному комку и не должна была! Она знала, что если сделает это, то погибнет навсегда.

С лихорадочной поспешностью она обмотала руку плащом и обошла стол, как будто тот был ловушкой, западней. В этот момент она чувствовала, что так оно и есть. Хитроумная западня, возможно, поставленная не Юкундусом, а какими-то другими силами, для того, чтобы обезвредить любого, обладающего такими же способностями, как и она.

Дзианта проскочила через комнату с такой скоростью, как будто услышала звонок тревоги, который должен был привести сюда все городские патрули. Она выскочила в коридор, и дверь опять закрылась. Дзианта стояла, дыша так тяжело, что вся грудь болела, дышала как человек, бегством спасшийся от смер-

ти. Она боролась с желанием вернуться назад, взять в руки комок засохшей глины или, может, облепленный землей камень, или что бы там ни было — но взять и знать!

Дрожащими руками она сделала быстрые изменения в своей одежде, преобразовав ее таким образом, что это позволило ей выглядеть женщиной, которая имеет полное право находиться и гулять здесь. Это было предусмотрено теми, кто посылал ее сюда. Но что же с ней? Она добилась полного успеха и может вернуться к Язе с той информацией, за которой ее посылали. Но она не испытывала чувства ликования, ее грызли сомнения, ей казалось, что́ она оставила там что-то, неизмеримо более ценное и теперь потерянное навсегда.

От главного коридора отходил боковой, и из его тени выступил Рин. Он был так хорошо укрыт, что своим появлением удивил даже Дзианту. На нем был одет пояс с оружием персонального охранника — одно из ответвлений Воровской Гильдии, которое имело полулегальный статус, так как они обеспечивали защиту от убийц. А те из элиты Галактики, кто сделал Корвар своим местом для развлечений, имели причины бояться внезапной смерти.

В ответ на его взгляд она кивнула, но они не заговорили, а пошли, причем он отставал от нее на шаг, как это было определено их теперешними ролями. Пока они шли, стараясь не спешить, Дзианта видела свое отражение в многочисленных зеркалах. Она была поражена, видя себя в одежде Девы Цхоль: ее собственное лицо скрывалось под гримом. Плащ цвета золотого апельсина эффектно гармонировал с драгоценностями головного убора, пояса и ожерелья. Во всем этом великолепии она имела высокомерный вид, который был частью ее нынешней роли, так непохожей на ее обычное состояние.

Они уже были внизу, где толпится народ,— разнообразие одежд, рас, запахов. Корвар был не только местом для развлечений, но и перекрестком этой части Галактики. И поэтому его транзитное население часто менялось. Так что она в своем костюме не привлекала здесь ничье внимание. Находиться в компании с Девой Цхоль на вечер, на неделю, на месяц — это было делом престижа для лордов Галактики. Эннин, чье платье надела Дзианта сегодня вечером, хорошо ее натренировала. Эннин сегодня была с Высшим Лордом Юкундусом, занимала его и держала где-нибудь подальше отсюда.

Они добрались до главного холла, где поток гостей, входящих и выходящих, идущих в банкетные залы, игорные комнаты, был рекой, в которую они погрузились. Тем не менее Дзианта не поворачивала головы даже для того, чтобы взглянуть на Рина, хотя она продолжала осматривать лица, зондировать. Неужели это вечернее приключение, истощение ее сил привели к отвратительному ощущению, что за ней следят? А может, эта встреча с комком чего-то привела ее в состояние беспокойства и нервозности? Она чувствовала — что? Притяжение камня, да, но это было что-то, чем она могла и должна была управлять.

Это было что-то другое — ощущение того, что за ней следят — кто-нибудь из патрульных? В своей одежде она была защищена каждым прибором Гильдии против проникновения в мозг. А всем известно, что Гильдия обладает такой техникой, которая никогда не появлялась на рынке, и мало кто о ней знает.

И все же она не могла избавиться от ощущения, что находится в атмосфере какой-то слежки, поиска. Хотя она была уверена, что еще не обнаружена. Если бы это было не так, она сразу бы поняла это.

Рин пошел вперед и вызвал частный флиттер. Дзианта подняла воротник плаща, когда вышла в ночь, уже полностью уверенная в том, что ее страхи были напрасными,— ей можно ничего не бояться, по крайней мере, сейчас.

Тикил был весь в сиянии света, звуках музыки. Жизнь в нем кипела. Дзианта почувствовала радость, наслаждение тем, что она расплатилась сегодня вечером за долгие годы обучения и охраны. Иногда раньше она ощущала, что на нее давила тяжесть невыплаченного долга, хотя Яза никогда не напоминала об этом. Дзианта все еще не была свободна, получит ли она когда-нибудь свободу?

Но все же она была более свободна, чем многие другие. Когда их флиттер взлетел в верхние слои и описал круг, чтобы направиться на виллу Язы, они пролетели над Дипилом, где сверкающие сияния городских огней заменил угрюмый мрак, такой же темно-серый, какими эти трущобы из бараков были видны днем. Было мучительно смотреть на тех, внизу, кто все еще влачил жалкое существование за этими тускло-коричневыми стенами.

Дзианта помнила, что Дипил существует все время,— постыдное пятно, которое Корвар и вся эта часть Галактики хотели бы забыть, но не могли уничтожить.

Дзианте понадобилось только один раз взглянуть на тусклую серость внизу, чтобы понять, что теперь она имеет некоторую свободу и она ее решительно предпочитает тому, что находится внизу. Она была одной из счастливых. Как она могла сомневаться в этом?

И все потому, что как-то Яза увидела ее в космопорту, когда она просила различные предметы у людей и рассказывала что-нибудь о них. Этому фокусу с угадыванием она научилась сама и думала, что это только фокус, которому каждый может научиться, если захочет. Но Яза понимала, что только человек, обладающий особыми способностями, может делать это так хорошо, как Дзианта. Возможно, потому, что Яза была чужестранка, салярианка.

Благодаря заинтересованности Язы, она была извлечена из Дипила, доставлена на виллу, которая показалась ей чудом, где начала учиться. Хотя салярианка требовала от нее полного повиновения и изнурительных часов обучения, это не угнетало Дзианту. Знания она впитывала жадно, как еду и питье — она ведь ничему не училась до этого. Она упорно училась месяцами, годами, которые сделали ее могущественным инструментом.

Как и все люди ее расы, происходившие от кошачьих, Яза была очень практична, сконцентрирована на себе, но она была способна общаться с людьми других рас в процессе работы, совместной работы, не теряя при этом своей индивидуальности. Ее интеллигентность была очень высокого порядка, хотя она рассматривала вещи под несколько другим углом, чем люди расы Дзианты. Она была прирожденным лидером и была одной из немногих женщин, которые достигли высших постов в Гильдии. Ее прошлая история была окутана тайной, даже возраст был неизвестен. Но ее слова, произнесенные с легким свистом, были законом для обитателей не одной планеты, причем число людей, подчиняющихся ее приказам, было больше, чем подчиняющихся законам страны.

Дзианта была потомком населения Террана. Но с какой планеты она пришла сюда, в это тусклое существование, когда обитатели десятков миров были занесены сюда, во временный лагерь Дипил, она не могла сказать. В ее облике не было ничего примечательного. Никаких из ряда вон выходящих особенностей строения, цвета кожи, роста, по которым можно было бы определить, откуда она. И эта ее непримечательность делала ее еще более ценной. Ее можно было обучить, чтобы она принимала облик других рас, даже одной из двух нечеловекообразных, если бы в этом возникла необходимость. Как и у Язы, возраст ее был неразрешимой загадкой. Было очевидно, что ее раса развивалась дольше других рас, но ее мозг быстро впитывал знания, которые ей давали, а психические особенности ее мозга оценивались очень высоко.

Благодарность, а позднее присяга в верности Гильдии связывали ее с Язой. Она стала частью Гильдии, которая действовала во всей Галактике в сотрудничестве с темными и нижними мирами. Правительства появлялись и исчезали, но Гильдия оставалась, иногда приобретая силу и могущество для того, чтобы самой менять правительства, иногда загоняемая в подполье. Гильдия имела своих послов и свои собственные законы, преступить которые значило обречь себя на быструю и неминуемую смерть. Сам закон был частью Гильдии.

Дипил был уже позади и теперь они пролетали над садами и тщательно сберегаемыми островками вельда, которые разделяли виллы, Дзианта стиснула руки под плащом. Мысли о вечерней работе,— нет, не о работе, нет, об этом куске глины — заполнили ее мозг. Боль, жгучая как голод, захватила ее.

Она должна увидеть Огана, сразу же, как перепишет то, что принесла на ленте,— она должна увидеть Огана, узнать, что же это означает. Эта навязчивая идея, которая владела ею, идея дотронуться до загадочного предмета, была, конечно же, неестественной. Она подавляла ее мысли, она могла быть угрозой ее способностям. Оган, парапсихолог, который обучал ее, был единственным, кто мог бы объяснить причину этой тяги.

Флиттер сел на плоскую крышу, освещенную тусклым светом.

Для своей легализации Яза объявила себя главой торговой фирмы Салярики и таким образом занималась легальным и выгодным бизнесом в Тикиле. Она руководила своим предприятием так же эффективно, как и работала по заданиям Гильдии. Она была не единственным членом Гильдии, ведущим двойную жизнь. На Корваре она была Леди Яза, и ее богатство приносило ей почет и уважение.

Дзианта быстро спустилась вниз. Несмотря на поздний час, дом, как обычно, не спал, хотя шумов было мало и звучали они приглушенно. Но под крышей, где правила Яза, никогда не было неуверенности и нервозности. Благодаря своей постоянной бдительности, она продолжала держать бразды правления в своих руках с длинными когтями, и в любой момент в случае необходимости она могла пустить в ход все свое могущество, всю свою власть.

Дзианта поцарапала пальцем плексигласовую панель и та бесшумно откатилась назад. Дзианта оказалась на пороге комнаты Язы, наполненной каким-то запахом. Дзианта задержалась на пороге, пока пульверизаторы направляли на нее распыленную ароматизированную жидкость, имеющую тот запах, который Яза предпочитала в настоящее время. Дзианта сбросила плащ и медленно поворачивалась под струями. Для Дзианты этот запах был чересчур силен, но для Язы, уроженки Салярики, это было единственным способом, чтобы близко общаться с особью другой расы. Она была чрезвычайно чувствительна к чужим запахам, как все люди ее расы, и такая предосторожность позволяла им выносить присутствие других людей.

Дзианта вытерпела ароматный душ и сняла головной убор. Ее голова болела, но этого и следовало ожидать после того напряжения и нагрузки, которые испытал ее мозг сегодня вечером. После того, как она освободит свою память, Оган погрузит ее в освежающий сон, если она попросит его.

Свет в комнате был слабым и рассеянным. Яза не нуждалась в ярком освещении. Она свернулась клубочком в подушках, в своей любимой позе. Перед открытым окном висел гамак, в котором лежал во всю длину Оган. Огромное количество слухов ходило о нем. Говорили, что он психо-тех, один из группы, запрещенной законом. Как и у Язы, возраст его невозможно было определить. Но говорили, что он прошел через несколько курсов продления жизни. Но в каком мире он родился, никто не знал.

В отличие от салярианцев, прислуживающих на вилле, он был маленьким хрупким человечком, казавшимся рядом с ними усеченной тенью. Он был не только мастером психологии, но и обладал многими боевыми искусствами, что сделало его имя легендой. Теперь он лежал в гамаке, головой к открытому окну, как будто сильный запах беспокоил его. Однако, когда Дзианта вошла в комнату, он повернулся к ней; лицо было непроницаемым, как обычно.

В этот момент девушка поняла, что она не хочет говорить им о комке. Оган может дать ей покой, но она не хочет покоя

за то, что они узнают, что ее удивило и напугало. Она сохранит свою тайну, по крайней мере, сейчас. Почему, собственно, Оган все время должен быть полным господином?

— Приветствую,— послышался мурлыкающий голос Язы. Она была очень стройна, а движения самые грациозные, которые когда-либо видела Дзианта. С точки зрения жителей Салярики — очень красива. Черные волосы, скорее пушистый мех, были густы и шелковисты на голове и плечах, а также на верхних частях рук. Лицо не было таким широким и плоским, как у большинства ее соотечественников, оно заканчивалось острым подбородком. Самым удивительным в лице были огромные глаза, они отвлекали внимание от всего остального. Чуть-чуть раскосые, зрачки сужались и расширялись в зависимости от освещенности, как у ее дальних предков-кошек. Глаза были глубокого красно-золотого цвета и они разительно выделялись на фоне серой кожи и были похожи на камень корос, который так ценится на ее родине.

Два таких камня сейчас украшали широкий воротник, облегающий ее горло, но они сильно проигрывали при сравнении с ее глазами, несмотря на то, что камни слегка светились в слабоосвещенной комнате.

Она вытянула вперед руку со втянутыми когтями, на которые были сейчас надеты филигранные металлические колпачки, и поманила Дзианту. Ее короткое золотое платье, перехваченное поясом с подвешенными к нему мешочками с ароматическим веществом, мягко шуршало при движениях. Откуда-то из самой глубины горла донесся какой-то рокочущий звук. Этот звук остался ей от предков: Яза мурлыкала, Яза была довольна.

— Я не спрашиваю, моя милая, все ли прошло хорошо. Это ясно, раз ты здесь.— И она окликнула Огана.

Он не ответил, но гамак двинулся, поднимая его. Теперь была его очередь подозвать Дзианту. Она села у стола и подняла головной обруч на верх своих гладко причесанных волос. Еще несколько минут и она освободится от той информации, которую принесла с собой. В соответствии с ее мыслями машина, которая записывает, очистит память от того, что ей опасно знать. Эта процедура предусмотрена для таких, как она, чтобы в том случае, если она попадет во вражеские руки, она ничего не смогла бы сказать.

Девушка открыла свою память, зная, что каждый символ, который она «считала» из кубиков, будет записан. А вдруг машина запишет, а потом сотрет из ее памяти реакцию на комок? Но если это случится, то те, кто ее читает на видеоэкране машины, тоже узнают об этом. Нет — ее рука двинулась к ключу отсечки,— она не должна допустить этого.

Здесь. Ее палец опустился, и она ощутила знакомые головокружение и дезориентацию. Теперь она будет помнить только то, что она «считала» из кубиков.

— Блестяще.— Мурлыканье Язы стало гораздо громче, когда Дзианта снова пришла в себя.— Очень удачно, первый класс.

Теперь, моя милая, ты должно быть устала — иди в свое гнездышко.

Она устала, устала до боли. Такая нагрузка на мозг очень утомила ее, как это было всегда, хотя это был первый, по-настоящему большой набег. Те, что были раньше, были детским развлечением по сравнению с этим. Оган подошел к ней с чашкой какого-то восстанавливающего напитка молочного цвета. Дзианта жадно выпила его и пошла собирать свою сброшенную одежду.

— Красивых снов тебе,— губы Язы изогнулись, что было эквивалентно улыбке.— Пусть тебе приснится то, чего ты больше всего хочешь, моя милая. За это дело я все для тебя выполню.

Дзианта кивнула. Она слишком устала, чтобы говорить. То, что она больше всего хочет,— это не просто обещание. Яза может все. Гильдия не скупилась для тех, кто провел удачный налет. Сейчас она больше всего хотела спать, хотя Оган и не посылал ее.

Оказавшись в своей комнате, Дзианта стянула с себя остатки одежды Цхоль и бросила их на пол. Хотя она и была смертельно усталой, она не пошла в постель с этой маской грима и краски на лице. Она вошла в освежитель, установила ручки управления и вступила в волны освежающего и очищающего пара. Это позволило ей стать собой.

Как бы для того, чтобы убедиться, что она стала Дзиантой, она посмотрелась в страшное зеркало, страшное потому, что оно обычно использовалось для проверки грима, поэтому оно со всей беспощадностью раскрывало все дефекты наружности вместо того, чтобы сглаживать, затушевывать их. Перед ней действительно была Дзианта. В это время и при ее усталости отражение нанесло ужасный удар по ее тщеславию.

Она была худощава, с бледной кожей. Волосы после теплого влажного потока воздуха вились мелкими кудряшками. Они были цвета светлого серебра, хотя при дневном освещении должны были казаться темнее. Серые глаза тоже цветом напоминали серебро. Рот большой, губы ярко-красные, слегка изогнутые. Что касается остального,— она хмуро взглянула на себя, закуталась в ночную рубашку и вышла из комнаты.

Чтобы приснилось то, что она больше всего хочет, сказала Яза. А что если она попросит набор косметики для изменения облика,— чтобы все время быть кем-нибудь, а не только в то время, когда работает на Гильдию? Согласится ли Яза на это? Возможно, согласится, если Дзианта ее попросит, но Дзианта не относилась серьезно к этой идее.

Конечно же, то, чего она хотела бы больше всего прямо сейчас,— это комок глины. Иметь его прямо в руках, узнать его тайну! Дзианта вздохнула. Чем он воздействовал на ее мозг? А что случилось бы с ней, если бы она взяла его там?

Дрожа, она бросилась к постели, нырнула в ее мягкую пропасть и зарылась с головой под покрывало.

Дзианта очнулась от сна внезапно; если сны и были, то она их не помнила, как будто была усыплена. Она знала, что ей сле-

дует делать, как будто Яза отдала ей распоряжение. Страх ознобом сотрясал ее маленькое тело, но сильнее страха было непреодолимое желание, что пронизывало ее как чувство голода.

Девушка помнила наставление Огана: страх, вера и навязчивая идея сродни друг другу. Все они могут привести к тому, что человек полностью потеряет себя, перестанет владеть собой, исчезнет блок памяти. Она не очень боялась всего этого, но была уверена, что навязчивая идея владеет ею.

Солнце Корвара уже поднялось над горизонтом. Все эти комнаты были звукоизолированы и только четкое знание распорядка дня в доме руководило ею. Самый быстрый способ вызвать интерес и недоумение — это изменить обычный распорядок, вернее уклониться от него. Дзианта уселась перед окном, обхватила руками колени и стала смотреть вниз, в сад.

День обещал быть прекрасным,— это хорошо. Психические силы ослабевают при плохой погоде. Кроме того, им могут угрожать и другие факторы: силовые поля машин, солнце, планеты, даже человеческие эмоции. Дзианта думала сейчас о трудном тесте. Может, она не способна сделать все это, даже если она займет нужную позицию в необходимый момент и с необходимой поддержкой.

Необходимая поддержка. Психокинетическая сила.

В лаборатории Огана много всяких приборов. Но положить палец на один из них — это значило привлечь сразу же внимание к себе. Она должна зависеть полностью от другого источника.

Дзианта расцепила руки, подняла их, чтобы закрыть глаза, хотя она уже закрыла их, и сконцентрировалась, чтобы сформировать в мозгу изображение и тем самым послать вызов. Все зависело от того, свободен ли сейчас Харат.

Она послала свой вызов. Ей повезло: Харата не было в лаборатории. Она быстро побежала в освежитель, приняла душ и села перед безжалостным зеркалом, не собираясь заниматься собой; она хотела сделать только то, что позволило бы ей ходить по Тикилу в виде женщины, которая не вызывает желания посмотреть на нее во второй раз.

Она решила быть существом второго класса, из Йони. Ее рост, который она не могла изменить без дополнительной затраты энергии на формирование визуальных галлюцинаций, подходил для ее выбора. Девушка работала быстро — копна волос цвета меди пышно взбита, кожа подкрашена до соответствующего оттенка, линзы, сделавшие ее глаза темнее, вставлены — и вот она уже готова.

Она выбрала обтягивающие кожу брюки металлически-голубого цвета, зеленое платье с боковыми разрезами и затем стала думать о драгоценностях, которые были, если к ним внимательно присмотреться, больше, чем просто драгоценности. С сожалением она отказалась от самых лучших. Некоторые из этих приборов возбуждали побочные эффекты, которые могли быть обнаружены детекторами Патруля. Булавка в воротник без двойного назначения, кольца на пальцы, соединенные золотой сетью,

браслет на запястье — все это стало как бы перчаткой без ладони.

Последняя проверка в зеркале — чтобы убедиться, что преобразование облика полностью закончено. Она набрала код для получения утреннего сока и быстрого завтрака и съела все до последнего куска. Завтрак был поддерживающий силы, но не возбуждающий.

В ее коридоре было тихо, но она знала, что весь дом уже на ногах. Теперь последняя проверка — собрав все свое спокойствие и самообладание, Дзианта подошла к панели видеоблока и нажала кнопку.

Так она зафиксировала свой теперешний облик и объяснила, зачем она выходит из виллы. Без этого ее отсутствие вызвало бы подозрение, хотя она не впервые покидала виллу, изменив облик. Это было обычным для обитателей дома Язы.

— Я иду к ювелиру Каферу на Рубин Лэйн,— сказала она. Отлично. Яза должна поверить, что она пошла выбирать себе награду за прошлый вечер. Наградой будет драгоценность. А магазин Кафера совсем рядом с тем местом, куда она действительно направляется.

Некоторое время Дзианта ждала в напряжении. Мог вспыхнуть запрещающий сигнал. Могло быть так, что Оган запланировал какие-нибудь эксперименты на это утро. Но вспыхнул сигнал, зарегистрировавший окончание записи.

Хотя ей хотелось бежать как можно быстрее, чтобы ее не перехватили Яза или Оган, она заставляла себя идти почти прогулочным шагом, как будто она направляется в Тикил за утренними покупками. Она даже не рискнула снова вызвать Харата: приборы Огана могли записать этот вызов. Но, прежде чем ее нетерпение достигло критического уровня, она уже была на крыше, где ее ждал флиттер.

Один из телохранителей Язы повернул голову. Его глаза превратились в щелочки от яркого света солнца, бьющего прямо в лицо. Это был Снаскер, молчаливый старый воин, уши его превратились в лохмотья от старых боевых шрамов, еще один шрам рассекал челюсть. Снаскер бросил на Дзианту безразличный взгляд.

— В Тикил?— его голос напоминал низкий рык.

— Да. Если это доставит тебе удовольствие, Снаскер.

— Доставит, детка.— Он зевнул. Цапнув двумя когтями своего напарника, он прыгнул во флиттер.

Дзианта остановилась, чтобы подхватить маленькое существо, которое бросилось ей на руки, щебеча приветствия. Хотя она не понимала его речь, его слова звучали в ее мозгу:

«Харат здесь. Он пойдет с Дзиантой сейчас!»

Она выразила запоздалое согласие и уселась за Снаскером. Харат сидел у нее на коленях, тяжело дыша. Клювообразный рот приоткрыт, круглые глаза широко раскрыты.

Кто такой Харат, какую разновидность он представляет и как его классифицировать, как человекоподобное или высокоразви-

тое, обладающее телепатическими способностями животное, Дзианта не знала. Его маленькое тело было покрыто пушком, который мог быть и перьями и легчайшим мехом. Но он был без крыльев и хранил свернутыми в карманах своего одеяния четыре коротких щупальца, которые он использовал как неловкие руки. Ноги и ступни были покрыты пушком, который был короче, чем на остальной части тела, как будто он носил чулки с тремя пальцами. Пальцы заканчивались когтями, которые хорошо сочетались с его большим изогнутым клювом. Цвет его был серо-голубой, а глаза, окруженные черным ободком, светло-голубые.

Он появился у Огана, еще находясь в яйце, которое привез один из членов Гильдии, во время инкубационного периода. Обладал он высочайшими психокинетическими способностями. Однако он еще не мог перемещать предметы так, как надеялся Оган,— возможно, потому что он был еще молод и его силы должны были увеличиться. Но он мог воздействовать на психические силы других очень сильно.

На Корваре, в Тикиле, где другие разновидности, населяющие многочисленные миры, были скорее правилом, чем исключением, он ни у кого не возбуждал любопытства. Он с неохотой одевал ту небольшую сбрую, которую сейчас держала в руках Дзианта, но терпел ее, так как без нее его не брали в город. А Харат был ужасно любопытен, и его любимым занятием были поездки в Тикил. Так как Оган решил, что они полезны Харату для тренировки, то на сей раз ничего необычного в этом не было: Харат часто сопровождал кого-либо из домашних Язы.

Солнце было очень ярким, и маленькое тело Харата вибрировало у нее на коленях из-за легкого «клик-клик», которое он делал клювом, выражая удовольствие.

— Куда?— спросил Снаскер.

— Я направляюсь к Каферу.

Они пролетели над Дипилом, но Дзианта даже не посмотрела вниз. Она была страшно возбуждена тем, что задумала, и боялась, как бы это чувство не передалось Харату. У нее сейчас было ощущение того, что она может совершить все, если только решится на это.

Она не должна терять контроль — не должна опускать вниз этот жгучий комок энергии, который рождается где-то в позвоночнике и поднимается медленно к голове. Не здесь — еще не время!

Флиттер сел на платформе, в центре площади, украшенной деревьями. Сквозь деревья она видела вспыхивающие огни, которые обозначали Руби Лэйн, улицу ювелиров — яркие огни, которые были видны даже при солнечном свете. Теперь она должна подавить свое нетерпение и посетить Кафера, прежде чем она попытается провести свой эксперимент.

В нормальном состоянии она должна быть потрясена витриной Кафера. Это было исключительное удовольствие для тех, кто любит красоту драгоценных камней, великолепно граненных и обработанных. Или маленькие кубы и разные безделушки, и

старые и новые, сделанные из драгоценных камней и собранные здесь из тысяч миров, так как здесь деньги текут широкой полноводной рекой.

Несмотря на желание, которое влекло ее отсюда, Дзианта остановилась, потрясенная, перед диадемой, сделанной из маленьких трубочек, сплетенных из тончайших нитей. Каждая трубочка поддерживала цветок, листок, насекомое, и все это должно было тонко звенеть при движении, как луговые травы под легким ветерком. Сразу же за ней она увидела город, сделанный из карема, светящегося сплава с планеты Лидис, секрет которого давно утерян. Город был выполнен во всех мельчайших подробностях, даже с людьми, каждый из которых был не больше мизинца Дзианты, но имел собственное выражение лица и всю одежду с мельчайшими подробностями.

Она могла бы смотреть и смотреть, но не это привело ее сюда. Хотя жители Тикила поднимались поздно, и основная волна покупателей еще не нахлынула, здесь было много любителей, которые ходили из лавки в лавку, начиная с Кафера и далее вниз, по всей Руби Лэйн.

Харат сидел у нее на плечах, пока она шла. Упряжь была у нее в руках. Голова Харата непрерывно вертелась во все стороны, так как он хотел увидеть все сразу. Дзианта не общалась с ним с помощью обмена мыслями — она берегла силы для дальнейшего. Она принуждала себя не торопиться, останавливаясь то тут, то там.

Теперь, когда она дошла до конца улицы, она уже не могла больше выдержать и пошла по роскошному саду, приближаясь к дому, где находились апартаменты Юкундуса. Она должна подойти к ним как можно ближе.

К несчастью, она была не единственная, кто зашел сюда в поисках тени и места для отдыха. Каждая скамья была занята. И чем ближе она подходила к своей цели, тем более заполненным народом казался ей сад. Ее отчаяние достигло предела, и ей понадобились силы, чтобы сохранить контроль за собой. Где-нибудь должно быть место! Она не собирается отказываться от своего плана так быстро!

Ее возбуждение передалось Харату. Он что-то с недовольством защебетал, стал переминаться с ноги на ногу. Его острые когти проникали через одежду и впивались в тело. Если он будет в таком состоянии, то не сможет проявить свои способности.

Когда они уже дошли до конца последней аллеи, Дзианта увидела то, что самой судьбой было послано ей для того, чтобы она выполнила то, зачем пришла: небольшая тропинка между двумя пальмами. Она с надеждой повернула туда и тут же увидела скамью под густым навесом из листьев и почти невидимую с главной аллеи. И не занятую!

Причина этого была очевидна. Скамья вся была покрыта каплями росы, которые солнце не смогло высушить из-за густой тени, в которой находилась она. Она посмотрела и со вздохом подняла подол своей юбки с разрезами. Стиснув зубы, она села

на мокрую скамью. Холод моментально проник сквозь тонкое белье. Но этот маленький дискомфорт был ничто по сравнению с ее решимостью выполнить свое намерение. Она вся собралась, сняла Харата с плеча и посадила его на колени, лицом к себе, чувствуя поток связи между ними, когда его глаза встретились с ее глазами. Да, он хочет помочь ей, его не нужно уговаривать.

Теперь Дзианта сняла запреты со своей энергии, которую с трудом сдерживала утром. Ее импульсы внизу спины медленно нарастали, возможно,— из-за инерционности снятия запретов. Но энергия возрастала по ее вызову, поднималась к плечам, вот она перемещается по шее и, наконец, она пульсирует во лбу. Частота пульсирования увеличилась до привычного ритма. Она ощущала себя как единое острое внимание, так всегда происходило, когда она вызывала свою энергию, об этом процессе даже Оган мало что мог сказать.

Время настало — пора!

Дзианта больше не смотрела в глаза Харата. Она сформировала в мозгу картину того, что преследовало ее прошлой ночью. Она больше не жила в своем теле, она была как бы подвешена над столом, парила в воздухе, а место удерживало, как якорь, желание, ее страстное желание иметь этот уродливый комок.

Собрав все кусочки из своей памяти, девушка превратила мысленное изображение в реальность. Теперь — пора! Все ее силы и способности были напряжены, чтобы удовлетворить ее желание. И к ним присоединился мощный импульс энергии, энергии, которую испустил Харат. Иди!

Она держала свою энергию на пределе так долго, как могла. Но пришло время, когда даже с поддержкой Харата, она не могла поддерживать это напряжение. Энергия покидала ее, оставляя совершенно опустошенной и слабой. Боль пробежала по всем жилам ее тела, когда она снова вернулась в него. Ее руки дрожали от прикосновения к чужому, координации движений не было. Слюна текла изо рта, оставляя мокрые следы на подбородке. Она никогда раньше не доходила до предела своих сил и теперь была напугана своей слабостью, своим состоянием, вращением кустов и деревьев, когда она смотрела на них.

Харат щебетал и прижимался к ней, во всем его поведении ощущался страх. Если это так подействовало на нее, то что же должен был чувствовать он? Впервые за этот день она подумала о чем-то другом, оторвавшись от своей навязчивой идеи, которая владела ею со вчерашнего вечера. Дзианта попыталась поднять руки, чтобы приласкать его, и обнаружила, что они не слушаются, двигаются медленно, движения неверные.

Но...

Было еще что-то. Харат прижимался к ней и как будто показывал на землю. С трудом она протянула руку, чтобы взять это — комок!

Она сделала! Перемещение удалось! Она не оценивалась высоко по своим психокинетическим возможностям, но с поддержкой Харата переместила его сюда!

Только она была настолько истощена, настолько слаба, что с трудом заставляла одну мысль в голове встретиться с другой. Она хотела, она отчаянно хотела — и вот оно у нее на коленях, что же она будет делать с ним? Она об этом не думала, пока не думала. Она была как бегун после изнурительной гонки — ничего не надо, кроме глотка воздуха,— ее тело требовало отдыха, она должна была дать его.

Медленно, очень медленно ее силы стали возвращаться. В своем укромном убежище, в тени, Дзианта даже не могла предположить, сколько же прошло нормального времени. В том мире, откуда она только что вернулась, время течет совсем по-другому. Может, она сидит здесь несколько секунд, а может, и часов. Холод влажной скамьи проник в нее, и она задрожала, но она все еще не могла собраться с силами, чтобы встать и пойти на солнце, в тепло.

Теперь она могла взглянуть на этот тускло-коричневый комок — и взглянула с безразличием. Она продолжала смотреть на него, и безразличие исчезло. То дикое возбуждение, которое охватило ее при первом контакте, снова появилось и возросло. Оно действовало на нее! Она знала, что комок стоил всех усилий, которые она приложила, чтобы получить его. Он был — что? Она знала только одно — получить его и узнать его тайну для нее было так же необходимо, как дышать, как мыслить...

Но она не рисковала заниматься с ним сейчас, когда она была так утомлена после того, как перенесла его из апартаментов Юкундуса сюда. Нет, ей нужны все силы, когда она будет пытаться раскрыть его тайну. А это означало, что ей не следует прикасаться к нему голой рукой.

С большим трудом, так как руки все еще не слушались ее, Дзианта отстегнула пояс, открыла кошелек и затем, обернув пальцы краем юбки, чтобы предохраниться от прямого контакта, опустила комок в кошелек. Он был заметен, но ничего лучшего Дзианта не могла придумать.

Пища — питье — Дзианта вспомнила, что на одной из аллей она видела небольшую закусочную. Вместе с Харатом, который вцепился в ее платье, она с трудом направилась в выбранное убежище, борясь с головокружением.

Когда она вышла на солнце, оно обрушилось на нее, его тепло прогоняло прочь тот озноб, который мучил ее в тени. И Харат снова теперь вспрыгнул на ее плечо. Хотя та энергия, которую он передал ей, была очень большой, было ясно, что тяжелое испытание подействовало на него гораздо меньше, чем на Дзианту. Ее удивляло, что такое маленькое тело и мозг генерировали такое чудовищное количество энергии. И она тоже потихоньку избавлялась от этой гнетущей, подавляющей мозг усталости.

Дзианта вошла в закусочную и уселась в ближайшее кресло. Сразу же перед ней появилась панель со списком блюд и напитков. Она нажала соответствующие кнопки, чтобы получить блюда, восстанавливающие силы.

Пока она жевала витаминизированные бисквиты, она не за-

бывала и Харата. Она отламывала кусочки, макала их в консервы и давала ему. Первый ход прошел, даже боль в руках и ногах ослабла, когда она выпила густой сладкий сок, его тепло вместе с теплом солнца прогнало последние остатки озноба.

Избавившись от усталости, она почувствовала новый прилив силы. Она сделала это — перенесла его, сделала то, чего никогда не пыталась сделать раньше, за исключением нескольких лабораторных опытов. Причем эти опыты показали, что ее способности в этом слабы и не имеет смысла тратить время на интенсивные тренировки. Конечно, одна бы она не смогла этого сделать. Но это была ее мысль, ее план, который завершился полным успехом. Девушку грызло желание достать его из кошелька, осмотреть. Однако здравый смысл восторжествовал и не дал ей сделать такую глупость.

Харат длинным змеиным языком слизывал капли пота со своей пушистой груди. Внезапно он замер. Его тревога и напряжение передались Дзианте, но не с помощью передачи мыслей, а благодаря физическому контакту. Голова его медленно повернулась, чуть ли не на сто восемьдесят градусов. Дзианта едва удержалась от крика, когда его когти напряглись и впились в тело, проткнув ткань одежды. Она села выпрямившись и держа обеими руками чашку у губ, но не поднося ее к губам. Она собрала всю энергию, которую смогла, и послала ее в мысленный поиск.

Харат имел свою собственную защиту, которая не зависела от его пяти чувств, а определялась шестым или седьмым, или кто его знает, каким по счету, чувством, которое позволяло ему ощущать любую опасность. Сейчас его что-то насторожило и то, что он не сообщил об этом ей, говорило, что опасность была весьма серьезной.

Ее радостные чувства испарились. Она слишком много истратила сил и теперь ее мысленный поиск был ограничен, и она ничего не смогла обнаружить. Оган? Он проследил за ней в городе? Этому можно поверить. Может, даже, что все это он и устроил, подумала Дзианта. Возможно, вчера он заподозрил, что она кое-что скрыла от них, и сделал так, чтобы узнать, что же это было. Действительно, она выбралась из виллы вместе с Харатом чересчур просто.

Она хотела повернуть голову и была уверена, что увидит Огана. Бежать было бесполезно: он ее остановит мгновенно с помощью одного из своих приборов, которые так хорошо ей знакомы.

Харат зашевелился. Он стал слезать с ее плеча, цепляясь за платье когтями и поддерживая равновесие двумя верхними щупальцами. Затем соскочил на стол, вытянул вперед одно щупальце, погрузил его в чашу и вытащил обратно, приблизил к клюву и стал слизывать сладкие капли.

Он не ел, он играл, так же, как она играла роль Девы Цхоль прошлым вечером. Он изображал маленькое существо, которое ни о чем не думает, кроме еды... Дзианта стала наблюдать за ним,

стараясь понять его поведение. Очевидно, он не мог пользоваться передачей мыслей. Лизнул — проглотил, лизнул — проглотил. Больше он не поворачивал головы, а слизывал остатки с груди.

Вверх — вниз — медленно — дважды быстро. Дзианта затаила дыхание. Харат — Харат передавал кодированную информацию! Она прихлебнула из чашки, которую держала, а сама стучала пальцами по ее краю в том же ритме.

Боб-боб, боб,— она прочла предупреждение о присутствии сенситива — человека, восприимчивого к излучению психической энергии. Не Оган — Харату не было смысла предупреждать о нем. Для него Дзианта и Оган были союзники. Нет, это был чужой. И...

Может, он только делал обход. Один из патрульных сенситивов, оценивающий уровень психической энергии, а его товарищи использовали для контроля физические методы. Они, вероятно, проводили инспекцию района, где может быть сконцентрирована деятельность Гильдии.

Дзианта была горда своим успехом, но эта глупость могла ей дорого обойтись. Если где-нибудь поблизости находился сенситив во время ее работы, то он зафиксировал энергию, которую она излучала, и это сразу же вызвало расследование. Поэтому Харат использовал код для сообщения. Пока они не будут использовать излучение мыслей, они будут в безопасности, конечно, относительной. Ведь только по одному подозрению патрульные не могут подвергнуть никого физической проверке.

Ее пальцы потянулись к чашке. Харат почесал голову. Они поняли друг друга. Теперь она думала только о расстоянии между ними и о способах бегства. Она чувствовала себя гораздо лучше, чем когда входила сюда. Но она должна идти медленно, не торопиться, к флиттеру и так спланировать дорогу, чтобы не оставить следа. Может ли она довериться своему измученному телу?

Любой патрульный сенситив может узнать человека, растратившего энергию. Стоит ему только заметить малейшее пошатывание и он задержит ее для психической обработки. Тогда...

Она не должна позволять себе думать о том, что должно случиться потом. Нет, она должна собрать все силы и идти к месту посадки флиттера, идти так, чтобы не вызвать подозрений ни у кого.

Уже было поздно, и она не могла задерживаться здесь. Это место, наверное, находится под наблюдением. Необходимо восстановить истощенные силы... Дзианта достала платежную карту легального предприятия Язы и опустила ее в щель на панели автомата. Харат сразу же, как только она поднялась, вскарабкался к ней на плечо.

Хорошо. Она могла идти, не боясь, что при следующем шаге свалится,— вот что сделала пища. Теперь, стоянка флиттеров — медленно и спокойно, но не слишком медленно.

Харат закрыл глаза. Со стороны могло показаться, что он спит, но когти, впившиеся ей в плечо, говорили об обратном.

Он закрыл свой мозг, так же, как и она закрыла свой. Но ей, чтобы идти, были нужны глаза. Харат просигналил: «охотник». Но преследователем могла быть и женщина. Четыре, пять, шесть — десяток людей в поле зрения.

Некоторые — простые посетители, или по крайней мере не торопятся никуда. Трое других — все мужчины — в одежде торговцев. Если бы она могла использовать чтение мыслей, то сразу же определила бы врага, но это раскрыло бы и ее. Ей нужно заметить лица, чтобы быть уверенной, что никто из них не последует за ней до виллы.

Она подошла к лифту, поднимавшему на стоянку флиттеров, и начала подниматься наверх, страстно желая оглянуться и посмотреть, есть ли слежка. Но годы тренировки не прошли даром, и она вела себя так, как будто ее ничего не интересовало. Затем она нажала кнопку вызова автоматического флиттера. Последние секунды ожидания, пока перед ней опустится свободная машина, были самыми трудными: так близка возможность побега и вдруг в последний момент ее схватят.

Флиттер опустился, дверь кабины открылась, и Дзианта вошла туда, может быть, немного поспешнее, чем этого требовала осторожность. Сразу же она потянулась к кодовому ключу, задавая пункт назначения. Теперь она рискнула бросить взгляд назад, на платформу. Никаких признаков преследования.

Но это не доказательство, что она не под наблюдением.

Минутой позднее она уже приземлилась на огромном, заполненном народом главном рынке, который находился совсем рядом с космопортом. Здесь купцы торговали товаром, купленным у космопилотов, которым разрешались законом небольшие торговые сделки, хотя они промышляли и контрабандой. Гильдия имела здесь, в таком важном пункте, много контактов, установленных в стратегических местах, и ни один сенситив не смог бы преодолеть их защитные поля. Дзианта наконец-то смогла расслабиться — насколько позволяло ей содержимое кошелька. Она шла по узким проходам между лавками. С контакта Гильдии она могла заказать транспорт на виллу, чтобы ускользнуть от преследования патрульных, если, конечно, ее преследуют.

Покалывание на запястье левой руки вело ее туда, где она могла заказать помощь. Близились сумерки, Харат щелкал клювом, предупреждая ее, пушок его становился дыбом. Ему вовсе не нравился холод приближающейся ночи.

Светящиеся буквы на лавке образовали имя Какиг, и Дзианта повернула туда в соответствии с покалывающим показателем. Человек, который встретил ее, был таким же серокожим, как и все саляриканцы, но без кошачьих особенностей, свойственных его расе. Очевидно, к крови его предков примешалась кровь гуманоидов.

Дзианта подняла руку, как бы поправляя одну из булавок в своей прическе, а на самом деле показывая браслет на запястье.

— Девушка, — голос его был тонким и пронзительным, как будто выходил не из горла, а из какой-нибудь другой части тела. — Взгляните — здесь находятся ароматы сотен звезд. Огненное Дыхание Андроса, Алмазная Пыль Алабана...

— У вас есть Серповидная Лилия с Цветения Десятого Дня?

На его лице оставалось выражение вежливого торговца, проявляющего внимание к покупателю.

— Эта редчайшая жидкость готова вылиться в ваши руки, милая девушка. Но не здесь, как вы сами понимаете. Такая деликатная вещь портится на открытом воздухе.

Он хлопнул в ладоши, и маленький мальчик в ливрее появился как из-под земли.

Какиг щелкнул пальцами.

— Отведи девушку к Ларосу...

Дзианта кивнула в знак благодарности и поспешила за мальчиком, который передвигался в шумной толпе гораздо быстрее и свободнее, чем она. Они пришли к пыльной площадке, на которой парковались флиттеры.

— Четвертый. — Ее провожатый подтвердил переданную информацию, указав на флиттер грязным пальцем. Он быстро и внимательно осмотрелся.— Пора.— Она быстро пробежала через открытое пространство и села в кабину.

За панелью управления сидел салярикапец, который внимательно оглядел ее, чтобы убедиться, что она не шпионка. В кабине стоял тонкий запах Серповидной Лилии, который сушеные лепестки Десятого Дня Цветения могли сохранять годами. Любимый аромат Язы был везде, что имело отношение к ней.

В первый раз после предупреждения Харата об опасности она рискнула использовать передачу мыслей, чтобы общаться со своим покрытым мехом товарищем.

«Мы свободны?»

«Уже».— Если бы мысль могла выражать раздражение, то короткий ответ Харата выражал именно это чувство. Он ничего не прибавил к ответу, что было необычно для него, но Дзианта не настаивала. Теперь, когда она была в безопасности, факт, что она принесла с собой то, что не имела права добывать, начал угнетать ее.

Все зависело от того, насколько ценна ее добыча. Если она значила для Юкундуса не больше, чем все остальные безделушки, которые стояли на столе, то он даже не заметит ее отсутствия. А если бы она имела какую-то ценность, то не стояла бы на виду на столе, а была бы спрятана в сейф.

Дзианта все время держала руку на выпуклости кошелька, обуреваемая тем же страстным желанием, которое завладело ею со времени первого контакта. Она хотела исследовать этот странный предмет, но она боялась его. Однако она была уверена, что ее желание проникнуть в тайну сильнее страха. Возможно, что в исследовании таится риска не больше, чем она испытала при его добывании.

Она намеревалась хранить тайну — да. Но долго это не мог-

ло быть тайной — Харат. Он передаст информацию Огану. В этом можно не сомневаться. Конечно, все его поведение не обусловлено человеческими мотивами, он запрограммирован на работу определенной последовательностью импульсов — что означает...

Харат недовольно щелкал клювом, избегая мысленного общения. Она поставила его на землю, когда покинула кабину флиттера, приземлившегося в парке виллы, и он исчез из вида с такой скоростью, которую трудно было в нем заподозрить. Дзианта оценила это как предупреждение и поспешила в свою комнату. Если она сможет как-то использовать то, что приобрела, это нужно было сделать там и сейчас.

Бросившись на постель и зарывшись в подушки, она достала комок, на этот раз безо всяких предосторожностей. Держа его в ладонях, она поднесла его ко лбу, как будто боясь, что сюда ворвутся Оган и Яза и отнимут его.

Она отшатнулась, скорчившись от резкой боли. Мгновенный ответ, который она получила, был сильный и неожиданный как удар в лицо. Она не могла определить весь комплекс ощущений, который обрушился на нее так внезапно. Самым худшим из них был леденящий страх, подобного которому она никогда не испытывала. Возможно, она вскрикнула, когда этот страх охватил ее, этого она не знала.

И вот эта могучая сила отхлынула от нее. Дзианта, ошеломленная, смотрела отсутствующим взглядом на руки, безвольно лежавшие на коленях. Комок — где он? Она отпрянула, когда увидела его между подушек, она отшатнулась как от враждебного существа, готового к новому нападению.

Сможет ли она заставить себя снова прикоснуться к нему? Страх уже начал проходить, и через некоторое время она может почувствовать то же волнение от обладания им, которое заставило ее решиться на отчаянный поступок. Дзианта с трудом поднялась и потащилась в освежитель, чувствуя настоятельную необходимость в очищающем действии воды, тепла, жизни, ей было необходимо убедиться в том, что она Дзианта, а не...

«Не кто?» На этот раз она воскликнула громко, прижав руки к голове. На ходу она сбросила одежду и встала под влажный пар, такой горячий, насколько могло выдержать тело. Теплота проникала во все поры, постепенно достигая той ее части, которая оставалась замороженной.

Закутавшись в просторный халат, она неохотно вернулась в комнату. Может, ей завернуть комок во что-нибудь и закопать в саду? Ее все еще притягивало к нему помимо воли, но теперь она достаточно контролировала себя, что не прикасалась к нему.

Дзианта встала перед ним на колени и стала изучать артефакт с вниманием, которого ей недоставало, когда она сделала импульсивную попытку проникнуть в его тайну. Хотя его поверхность была очень грубой, она была уверена, что это не простой необработанный кусок глины или камня. Это было грубое примитивное изображение фигуры, такое грубое, что невозможно

было сказать, человек это или чудовище. На фигуре угадывались четыре конечности, но голова, если, конечно, она должна была быть, отсутствовала. Почему-то она решила, что он и был задуман таким, какой он сейчас. Он был такой древний, что Дзианта даже представить себе не могла его возраста, или эпохи, когда он был сделан. Эта бездна веков и была причиной такого ошеломляющего потока впечатлений во время ее «считывания», так как чем больше времени предмет находился в сфере эмоционального воздействия, тем больше впечатлений он может воспринять и сохранить. При «считывании» эти впечатления представляют собой хаотическую смесь изображений. Потребуется много сеансов «считывания», много тщательных исследований, прежде чем можно будет распутать хоть малую часть того, что находится в этой гротескной фигуре.

Уже давно известно и доказано, что любой предмет, будь то натуральный камень, или искусственно изготовленный предмет, который подвергался эмоциональной обработке, может воспринимать и хранить информацию. В начале этим занимались сенситивы-самоучки, обладающие определенными способностями, случайно обнаружившие и развившие их. Это считалось черной магией, а их талант был чем-то диким и непонятным, так как подавляющее большинство людей не обладало таким даром. Эти силы были непонятны самим их обладателям, они не могли ни контролировать, ни использовать их. Так что в одних экспериментах результаты были четкими и ясными и не могли оспариваться свидетелями. В других же экспериментах ничего не получалось. Поэтому часто те, кто имел репутацию «мага», но не мог подтвердить ее по первому требованию, в отчаянии прибегали к обману, шарлатанству, что еще больше увеличивало недоверие к сенситивам. Но всегда существовало определенное число чистых экспериментов, результаты которых не вызывали сомнения, но не находили объяснения. Только тогда, когда люди начали изучать, вместо того, чтобы насмехаться, когда людей, обладающих таким даром, перестали презирать и побаиваться, тогда начался прогресс. Передача мыслей стала таким же обычным делом, как и речь, как и все остальные, ранее «необъяснимые явления», которые отвергались как ненаучные многими поколениями. Когда народ Дзианты — это первая раса, которая не мутировала и не изменилась под влиянием жизни на планетах, отличных от их родного мира,— впервые вышел в космос, то оказалось, что вселенная населена многими разумными существами, для которых все эти способности были неотделимы от нормального образа жизни.

Таких было много: виверены с Варлока, тассы с Виктора... Дзианте не было необходимости перечислять их всех. Одной из частей ее тренировки было изучение всех вновь открываемых миров, с тем, чтобы определить, нельзя ли почерпнуть что-либо у них и добавить к объему ее знаний. Все, что было можно, она впитывала под внимательным надзором Огана, чтобы увеличить свои силы. Но это...

Древний... древний... древний...

— Сколько веков?— Дзианта была настолько поглощена своими мыслями, что сначала не поняла, что вопрос был задан не ее собственным мозгом, а... Она оглянулась.

В дверях стояла Яза. Запах лилий вливался в комнату, постепенно наполняя ее. У ее ног стоял, почесываясь, Харат. Вид у него был такой возбужденный, как будто он не мог оставаться спокойным. Клюв его открывался и издавал скрипящие звуки.

— Да...— голос Язы был еще более шипящим, чем обычно, и Дзианта поняла, что Яза едва сдерживает гнев.— Сколько же веков, и что это за вещь?

— Это...— Дзианта указала на фигурку.

Саляриканка двинулась к ней с мягкой грацией хищника и встала рядом со скорчившейся Дзиантой. Она наклонилась, рассматривая предмет круглыми глазами.— Почему ты занимаешься тем, что запрещено? Почему, я спрашиваю тебя, почему?

Ее янтарные глаза безжалостно смотрели в глаза Дзианты. Яза была гуманоидом, но Дзианта не смогла разглядеть человеческих эмоций в этом долгом, немигающем взгляде.

Дзианта облизнула пересохшие губы. Сегодня она уже столько раз подвергалась опасности, что теперь онемела. Она очень боялась Язу в таком состоянии, и теперь ей надо было говорить только правду или подобие правды.

— Я...

— Что? Ты получила приказ сделать это?

— Я... когда я была в апартаментах Юкундуса... это... это притягивало меня. Я не могла забыть это. Поэтому я решила... приобрести его.

— Может, она права?

Так же неслышно и неожиданно, как и Яза, появился Оган.— Такие сильные импульсы притяжения иногда бывают, когда сенситив работает при большом напряжении, почти на пределе.

— Скажи мне,— он тоже стал над Дзиантой,— когда он подействовал на тебя впервые? До или после «считывания»?

— После, когда я пошла из комнаты. Это было очень сильное ощущение, вызов, которого я никогда раньше не чувствовала.

Он кивнул.

— Да, возможно. Ты излучала очень сильные колебания, которые вызвали резонанс у этого предмета, и тот, в свою очередь, излучил колебания, которые так подействовали на тебя. Где он был, в сейфе?

— Нет,— и она рассказала, как увидела его впервые, среди безделушек, стоящих на столе.

— Что все это...— начала Яза, и тут же ее остановил повелительный жест руки Огана, который обратил ее внимание на артефакт.

Рука Огана лежала на голове Дзианты. Ей хотелось отдалиться, сбросить эту руку, прикосновение которой было легким и неугрожающим, хотя это могло измениться в любой момент. Оган

имел свои методы отделения правды от лжи, и сейчас она нуждалась в нем, как в защите от гнева Язы.

— Значит, это захватило тебя до такой степени, что ты решила похитить его с помощью телекинеза?— голос его был льстиво-ласковым.

— Я не могла приобрести это иначе.

— Из всего этого следует, что ты способна развить в себе силы, которые мы раньше не использовали?

— Мне помогал Харат.

— Да,— Яза была готова броситься с когтями на Дзианту, как ее дикие предки, но она сдерживалась и хлестала Дзианту словами как плетью.— Она взяла с собой Харата и вместе с ним устроила нам неприятности.

Харат свирепо щелкал клювом, как бы соглашаясь с этими обвинениями.

— Теперь во всем Тикиле сенситивы настороже. Как ты думаешь, когда Юкундус хватится этого?

К удивлению Дзианты Оган засмеялся. Она чувствовала, что под его постоянной невозмутимостью таится возбуждение.

— Леди! Подумай сама — сколько комнат в апартаментах, которые Юкундус выбрал для своей штаб-квартиры? Двести — триста — а может, четыреста? Здесь огромное количество возможностей. Если Юкундус так мало ценит эту вещь, что оставил ее в открытом месте, то он не скоро обнаружит ее отсутствие. Патрульные сенситивы, конечно, могли зафиксировать излучение энергии Дзианты. Но определить и проследить ее они не могли, если у них не было готового к работе сканнера. Она и Харат были правы, вернее, Харат проявил благоразумие, когда прекратил мысленную связь, обнаружив шпионов. Теперь сенситивы знают только одно, что в парке кто-то был, кто излучил невероятно большое количество энергии. Но...— Оган снова взглянул на Дзианту.— То, что вы сумели скрыться, вовсе не говорит о том, что ты, Дзианта, проявила ум и сообразительность.

Она была вынуждена согласиться.

— Да, это заслуга Харата.

— Да, Харат. Сейчас он нам скажет, что же это такое.

— Но я...— Дзианта подняла руку, протестуя.

— Ты в этом деле не представляешь ценности, по крайней мере, сейчас. Разве ты не устала?— Он говорил с ней нетерпеливо, как с ребенком. Таким тоном он говорил с ней, когда она была маленькой и не была так послушна, как он хотел.— Харат,— повторил он холодно.

Ей хотелось закрыть артефакт руками, телом, спрятать его,— с самого начала она желала, страстно желала иметь его. Но она была не в состоянии «прочесть» его, неудавшийся эксперимент показал это. Но она хотела знать, что это, откуда он пришел сюда и почему он имеет на нее такое влияние. Казалось, Харат польщен. И все же он ухватился за складки юбки Язы, отвернул голову в сторону и стал выбивать клювом стаккато в знак протеста, когда Оган приказал ему дотронуться до предмета.

Яза согнула свои стройные ноги и грациозно опустилась на пол рядом с Дзиантой. Она ласково пробежала пальцами по голове маленького союзника, успокаивающе промурлыкала что-то, не общаясь с ним мыслями, но каким-то своим способом она связалась с ним, льстя ему и приводя в хорошее настроение.

Наконец, он испустил последнюю барабанную дробь своим клювом, отпустил ее юбку и пошел по подушкам с чрезвычайной осторожностью, как будто он ожидал взрыва, который последует за любым прикосновением, даже мысленным. Вздыбив шерсть, он достал из кармана одно щупальце и осторожно, самым кончиком коснулся предмета.

Осторожно Дзианта открыла собственный канал связи, готовая принимать, что Харат будет «считывать».

— Только не самые ранние,— это было предупреждение Огана.— Дай нам последние записи.

Дзианта приняла ощущение горя и страдания.

— Все одновременно... много... много...— ответ Харата был протестом.

— Считай последние записи,— настаивал Оган.

— Спрятано... глубоко спрятано... черная смерть...— мысли Харата были короткими и отрывистыми как крики. Он отдернул свое щупальце, как будто фигурка обожгла его.

— Как Юкундус приобрел его?— на этот раз спрашивала Яза.— Малыш, малыш, малыш. Ты же можешь это увидеть для нас. Что это за странная вещь?

«Место, старое место... где лежит смерть. Спрятано, старое, загадочное. Там холодно, очень давно холодно, много времени прошло с тех пор, как там было солнце и свет. Смерть и холод. Много вещей вокруг одновременно... великий... великий лорд там. Нет... нет, не вижу».

Он опять отдернул щупальце и спрятал его в карман. Но он не отвернулся, он стоял, глядя на артефакт.

И затем: «Это то, что вы зовете Предтечи. Очень старинный. И он... он один из двух...»

Дзианта услышала шипение без слов. Губы Язы были полуоткрыты, в глазах горел огонь алчности.

— Отлично, малыш.— Она вытянула руку, как бы желая приласкать Харата. Но он повернулся и поковылял по подушкам, чтобы встать рядом с Дзиантой.

— «Я не знаю как,— просигналил он мысленно, чтобы поняли все,— но она часть этого. Только Дзианта может найти, если это возможно, где все это находится. Мрак и холод и смерть».

Его немигающие глаза были направлены на Дзианту. Она задрожала точно так же, как дрожала после акта телекинеза. Но она знала, что то, что он сказал,— правда. Какими-то особенностями темперамента или по игре случая она оказалась связанной с этой безобразной вещью, безо всяких надежд освободиться.

— Гробница Предтечи!— Яза держала один из ароматных мешочков у своего носа, стараясь освежиться при помощи запаха

сушеных лепестков лилии.— Оган, мы должны узнать, как попал к Юкундусу этот предмет...

— Если он купил его, леди, или, если он привез его с собой...— было ясно, что Оган тоже возбужден.

— Ну, так в чем же дело. Разве есть что-нибудь, что мы не можем раскрыть? Разве у нас не больше глаз и ушей, чем звезд на небе?

— Если купил, то скорее всего он украден из гробницы, уже обнаруженной,— сказала Дзианта.

Яза посмотрела на нее.

— Ты так думаешь? Неужели эту незнакомую диковину купили в порту, даже не пытаясь узнать ее происхождение? Она вовсе не красива — и только возраст ее и связь с Предтечами придает ей ценность. Юкундус проводит различные исторические исследования и держит ее у себя потому, что хочет изучить ее прошлое. Теперь положим его в безопасное место, пока...

Яза хотела взять его в руки, но ее пальцы беспомощно повисли в воздухе. Она не могла притронуться к его поверхности.

— Оган! Почему это?

Он быстро обошел гору подушек и стал внимательно изучать его. После этого он взял руку Язы.

— Психокинетическая энергия. Он заряжен до такого высокого уровня, какого я никогда раньше не наблюдал. Леди, эта штука может быть использована как фокусирующее устройство при парапсихологических опытах. Все силы, которые действовали на него во время телекинеза, собрались в нем. Он сам стал источником психоэнергии. Если его не разрядить, то к нему опасно прикасаться. Если не...— Он повернулся к Дзианте.— Возьми его! Слышишь?

Приказ заставил ее двигаться раньше, чем она осознала его. Рука без труда коснулась уродливой фигурки. Казалось, что он был теплым,— а может, это просто шутки разыгравшегося воображения. Но того барьера, который не позволил Язе дотронуться до артефакта, для Дзианты не существовало.

— Психическая связь,— произнес Оган.— До тех пор пока он не разрядился полностью, если, конечно, это произойдет, только эта девушка может касаться его.

— Но ты-то можешь нейтрализовать его? У тебя ведь столько приборов! А иначе чего они все стоят?— Яза была явно не готова к такому решению, которое выдвинул Оган.

— Об этом мы можем судить только теоретически. Но на сотнях планет сотни лет не было найдено ни одного предмета, которому поклонялась чужая раса и, следовательно, опыта такого изучения нет. Артефакт, который был предметом поклонения какого-либо народа, во время церемоний буквально становился, как говорили древние, богоподобным. В древности были боги, короли и королевы, которых обожали, которым поклонялись их подданные и при этом вливали в них энергию. Таким образом эти боги-короли приобретали столько энергии, что это позволяло

им совершать чудеса и давало им право называться всемогущими как и положено богам.

— И ты веришь, что это и есть такая богоподобная вещь? — Тень недоверия ощущалась в голосе саляриканки.

— Совершенно точно, что эта вещь содержит такое количество психической энергии, которое намного превышает обычный уровень. И я скажу, что не могу рискнуть подвергнуть его каким-либо исследованиям, потому что я могу разрушить все, что он хранит. Мы получили такой шанс, которого могли не иметь в течение всей жизни.

Возможно, эта фраза вызвала удовлетворенное мурлыканье Язы.

— И ты думаешь, что сможешь воспользоваться им — с помощью нашей малышки,— она бросила взгляд на Дзианту, одновременно прощающий и предупреждающий.

— Я ничего не могу обещать, леди. Но с помощью этого ключа, я думаю, что старые двери можно будет открыть. Для начала мы должны узнать историю того, как он попал к Юкундусу. В том, что ему известна его ценность, я очень сомневаюсь. Как нам известно, он не любит сенситивов. Обычно люди, имеющие тайны, не любят людей, читающих мысли, воздействующих на мозг. Я думаю, что пока эта вещь была у него, никто из людей, способных оценить ее, не видел эту фигурку. Хотя, может быть, телекинез разбудил его. Только Дзианта смогла распознать его, когда почувствовала его притяжение, проходя мимо стола, где он лежал. Просто набор счастливых случайностей, леди. Во-первых, она должна была быть в возбужденном состоянии, когда впервые увидела, ощутила его, а, во вторых, она должна была быть доведена до такого состояния, что решилась на запрещенное использование телекинеза, чтобы получить его. Два фактора, необычных фактора одновременно подействовали на него и на нее — и вот он здесь, и мы можем использовать его.

— Ну, а теперь, девушка,— сказала Яза Дзианте,— ты будешь пытаться «прочесть» его.

— Я не могу,— закричала она.— Я пыталась, но не смогла! Это... это было ужасно!.

Яза засмеялась.

— Чтобы получить тебя, милая, не делать ничего без разрешения. Ты будешь делать то, что скажет тебе Оган, или мы наложим замок на твой мозг.

Яза говорила легко и просто, но Дзианта не сомневалась, что она говорит именно то, что имеет в виду, и это не просто пустая угроза. Однако Дзианта не нуждалась в этой угрозе: воздействие артефакта на нее ничуть не уменьшилось, хотя она очень пострадала от первой попытки проникнуть в его тайну. Она знала, что больше не хочет пытаться, по крайней мере, сейчас.

— Он будет под твоей охраной, милая,— Яза поднялась.— Или под своей собственной, если его состояние, которое определил Оган, не изменится. Тем временем мы будем пытаться узнать, откуда он попал к Юкундусу.

Необходимости в предупреждении не было. Дзианта поняла, что она обрекла себя на заточение на вилле, а Яза привела в действие огромную армию своих шпионов. Девушка предполагала, что Оган проявит больше интереса к ее внезапному проявлению психокинетических способностей и к артефакту. Она с ужасом ждала тяжелых испытаний и тестов в лаборатории. Когда никаких вызовов не поступило, она сначала с облегчением вздохнула, а потом почувствовала, что уязвлена таким пренебрежением. Может, парапсихолог думает, что если артефакт будет продолжать оставаться заряженным, он будет сопротивляться исследованиям? А может, он все еще готовит суровые тесты?

Какова бы ни была причина ее полузаточения, Дзианта все более и более становилась беспокойной, по мере того, как проходили часы, а затем дни. В ее распоряжении было много развлекательных лент, трехмерные передачи из Тикила, но все эти развлечения, которыми она заполняла время ожидания, не могли больше удерживать ее внимание.

Через два дня она уже не могла сосредоточиться ни на чем. Утром третьего дня она сидела в глубоком кресле у окна и смотрела в сад, который был похож на джунгли и тщательно поддерживался в этом состоянии в соответствии со вкусами Язы.

Предтечи. Существовало много различных цивилизаций, народов. Даже занатане, эти развившиеся в результате эволюции из рептилий, долгожители вселенной, которые основным занятием жизни выбрали историю и археологию, не могли бы перечислить их всех. Народ Дзианты поздно вышел во вселенную, покинул свой мир. Одни из них покинули родную планету, скрываясь от войн, другие — в поисках приключений и новой, более богатой жизни. Волны эмиграции и переселения хлынули с этой планеты, затерявшейся на самом краю Галактики, планеты, которая называлась Земля Солнца. Некоторые из переселенцев нашли новые миры, и эти миры воздействовали на целые поколения вновь прибывших. Новые светила, новые элементы в воздухе, пище, воде — все это содействовало мутации. Когда-то были нормальные земляне, но Дзианта за всю свою жизнь едва ли встретила такого, кого можно было бы назвать землянином. Среди их потомков были и гиганты, и карлики. Цвет кожи, грива волос или их полное отсутствие, число пальцев, обострение или ограничение зрения и слуха и других чувств — все эти характеристики могли изменяться в широком диапазоне среди многочисленных потомков землян. Чтобы понять это, достаточно было посетить Дипил, где собрались и осели выходцы цивилизаций сотен планет. А можно было просто пройти по улицам Тикила, чтобы убедиться в бесконечном многообразии талантов природы.

Если земляне так модифицировались и изменялись во время своего вторжения в большой мир, то те ранние расы и народы, которых они называли Предтечами, тоже в свое время подвергались тем же изменениям. Но после себя они оставляли на своем пути загадочные следы. Когда в результате их прохождения возникали титанические конфликты, то после них находили сож-

женные до пепла миры, которые служили ужасными памятниками необузданной ярости.

Однако, были и другие планеты, на которых удивленные люди находили развалины, гробницы и даже устройства, которые все еще работали много лет, может, миллионы?

Каждая находка добавляла новый вопрос ко многим, на которые ответ еще не получен. Те, кто изучал эти находки, не могли собрать даже небольшую часть всего в единую картину, с уверенностью сказать, что они принадлежат одной цивилизации, одному народу. Легенды, терпеливо собираемые на всех планетах закатанами, дали имя — чему? Расе? Правителю? Никакой уверенности не было. Например, украшенный колоннами город на Арчоне-4 и два порта в Мочикане и Вотане назывались Заати и имели одинаковые резные украшения.

Все время таилась надежда, что находка какого-нибудь склада лент с записями сможет пролить свет. Два года назад обнаружили мир, который представлял собой один огромный город, вершина одной из цивилизаций, путешествовавших меж звезд. Сейчас он изучался.

Дзианта провела рукой по лбу. Она всегда интересовалась Предтечами. Но теперь... Она оглянулась на коробочку, лежавшую на столе. Когда Яза оставила артефакт под охраной Дзианты, она выбросила содержимое из коробочки, обернула шарфом фигурку и положила ее в ящик, после чего не удостоила ее взором. Дзианта тоже его не видела с тех пор, но она не могла выбросить его из головы.

Кольцо со странным и уродливым драгоценным камнем было ключом к миру-городу. История о его исследовании тысячи раз пересказывалась по стереовизору. А что нашла она? Другой ключ — чтобы открыть дверь? Где? Какую?

В Корваре была своя собственная древняя тайна — Рукарв. Это были катакомбы подземных коридоров, построенные народом или существами, совершенно неизвестными и чужими. В них было много замаскированных ловушек и Хранители Дикой Природы не допускали туда никого. Никто не знал, кто выкопал этот подземный лабиринт, что это, город или муравейник, а может, это крепость, или жилище, или путевая станция незнакомых обитателей потусторонних миров.

Дзианта медленно поднялась, двигаясь помимо своей воли, притягиваемая силой, которую излучал этот предмет. Она достала его из коробочки и поместила под луч сильного солнечного света, проникающего через окно, как будто ожидая, что натуральный свет обезоружит его и освободит ее от невидимых уз, которые притягивали ее к нему.

Держа его под солнцем, Дзианта разворачивала складки шарфа, закрывающего предмет, пока шарф не свалился на пол, открыв фигурку. Она была безобразна, как будто ребенок пытался слепить что-то из глины, которую он наковырял на берегу реки. Она была очень примитивной, никакого намека на сильно развитую, достигшую звезд цивилизацию.

С большой осторожностью Дзианта протянула руку, дотронулась. На этот раз она не ощутила ответного импульса энергии. Она доказала теперь справедливость теории Огана о том, что акт телекинеза зарядил фигурку? Девушка уже с большей уверенностью стала ощупать фигурку пальцами, особенно верхнюю часть, где должна быть голова.

Хотя глазу поверхность казалась грубой, шероховатой, на ощупь она оказалась гладкой. Она ощущала только слабое покалывание чего-то...

Вдруг Дзианта сжала его покрепче и правой рукой стала поворачивать верхнюю часть. Она не знала почему, но чувствовала, что должна это сделать.

Обманчиво грубая оболочка стала двигаться. Половина фигурки отделилась от нижней части, но она не сломалась, а открылась, как будто это была коробочка.

Внутри ящика была тончайшая сверкающая серебряная нить, уложенная в виде гнездышка, предназначенного для того, чтобы предохранить то, что лежало внутри, Дзианта поставила фигурку с ее содержимым на подоконник. Она была достаточно благоразумна, чтобы не касаться нити голыми руками. Дзианта взяла со стола длинную ложку, которой только что ела сок с мякотью.

Перевернув ее, она начала осторожно ворошить нить, пока не проделала в ней небольшое отверстие, в которое проникли лучи солнца. Они зажгли блестящие искры на перепутанной нити и коснулись того, что лежало внутри. Оно зажглось зелено-голубым огоньком.

Там лежал овальный камень — камень, который она не могла опознать по цвету. Камень примерно с половину ее ногтя, круглый, а не граненый. Дзианта поспешно отвернулась от него и стала, не глядя, снова закрывать его, чувствуя, что входит в состояние транса.

Кристалломания была одним из старейших способов возбуждать ясновидение. Когда сенситив фокусировался на шаре, сделанном из какого-нибудь светлого и чистого камня, энергия его освобождалась. Оган был прав относительно таких предметов. После долгого использования они запасают в себе психическую энергию. Так вот что она нашла — кристалл для всматривания, который долго использовался для освобождения энергии.

Как можно быстрее Дзианта сложила вместе две половинки и, повернув, снова закрыла. Она внимательно осмотрела поверхность. На ней не было даже малейшего указания на то, что она может быть открыта. Со вздохом облегчения Дзианта снова завернула фигурку и положила в коробочку. Только после того, как она заперла коробочку, Дзианта позволила себе расслабиться.

Если она возьмет его и использует так, как его следует использовать, что она увидит? Смерть и мрак? Она вовсе не желала пытаться увидеть это, и она не имела намерения сообщать Язе и Огану о своем новом открытии. Они бы стали заставлять ее

смотреть в камень. Она в этом не сомневалась... А она не...

У Дзианты было время для создания защиты мозга, но она сомневалась, что сможет сохранить тайну, если Оган что-либо заподозрит. Во всяком случае, чем дольше будут идти поиски вне виллы, тем лучше для нее. Но ранним утром она была вызвана в комнату Язы. Она прошла сквозь облако ароматного пара и увидела Язу в обществе мужчины, в котором она узнала одного из координаторов Гильдии.

Он холодно осмотрел Дзианту, как будто она была не человек; а инструмент, оружие, и он просто оценивал его эффективность. Яза не выказывала никаких признаков беспокойства, хотя высшие члены Гильдии были всегда опасны для тех, кто стремился достичь их. Все продвижения вверх осуществлялись с помощью убийств. Уничтожение ждало любого, кто мог быть признан ненадежным, или кто стоял на пути какого-нибудь полного амбиций члена Гильдии.

Когда проверку проводил кто-нибудь из координаторов, всегда можно было ожидать неприятностей. Если Язу и волновал этот визит, то никакие человеческие эмоции не отразились на ней, также как никакой детектор не смог бы прочесть ее мыслей, если бы она решила спрятаться под свою кошачью оболочку. Она смотрела на Дзианту ленивым немигающим взглядом, На ее коленях сидел Харат с закрытыми глазами, как будто он спал. Дзианта, увидев его, мгновенно поняла предупреждение. Она достаточно долго жила в доме и понимала, что любое отклонение от обычного означает боевой сигнал и она должна занять оборонительную позицию.

Яза вовсе не была так спокойна, как казалось, да и Харат не был здесь в роли комнатного животного. Он получил приказ воспринимать любую утечку из-под замков мозга посетителя. Это означало, что Яза не собирается давать информацию координатору, и Дзианте следует быть очень внимательной, чтобы не сказать лишнего. Так как артефакт сейчас самое главное беспокойство, то он должен быть тайной.

У нее было всего несколько секунд, чтобы оценить ситуацию и сформировать линию поведения. Яза уже махнула рукой ей.

— Это сенситив, который «считывает» выборочно содержимое лент, Макри. Ты хотел видеть ее. Вот она.

Он был большой мужчина, когда-то мускулистый и импозантный, а теперь располневший, даже слишком располневший. На нем была одета униформа космопилота с капитанскими крылышками. Она была тесна ему, то ли ее шили не на него, то ли шили давно, а он одел ее только сейчас. На подбородке курчавилась маленькая подстриженная бородка. Остальная часть лица была гладко выбрита, как и голова, на которую была наложена тонкая серебряная сеточка с кудряшками, очень мелкими, как обычно у тех, кому приходится одевать тесный головной убор космолетчика. Кожа была темнокрасного цвета.

Глаза его глубоко сидели на лице, хотя, возможно, это казалось из-за пышности щек. Эти глаза, несмотря на то, что они

были глубоко спрятаны на лице, были жесткие и блестящие и невольно напоминали Дзианте блеск серебряного гнезда, в котором был спрятан камень. Это воспоминание Дзианта поспешно закопала поглубже в мозгу.

Он хмыкнул. А затем стал расспрашивать, задавая короткие резкие вопросы обо всем, что касалось ее визита в апартаменты Юкундуса. Он, конечно, не интересовался содержимым лент, так как Оган уже стер все из ее памяти.

Он проследил шаг за шагом весь налет с того момента, как она открыла дверь, до конца путешествия и ее возвращения на виллу. В соответствии с невысказанным предупреждением Язы девушка ни словом не обмолвилась об артефакте и последующем похищении с помощью телекинеза.

Когда она закончила, выражение Язы не изменилось совершенно, и невозможно было понять, в точности ли она следовала невидимым инструкциям, или же совершила непоправимую ошибку. Макри опять хмыкнул. Как обычно свернувшаяся клубочком, Яза изменила свое положение.

— Ты видишь, Оган все тщательно проверил сканнером. Все произошло точно так, как мы тебе докладывали. Ни малейшего намека на то, что похищение обнаружено.

— Кажется, да. Но в городе жарко, очень жарко, говорю тебе! Каким-то образом все это связано с Юкундусом. Но ничего не дает повода предположить, что он знает о том, что его микрозаписи «считаны». По городу бегают сенситивы и что-то вынюхивают. Вы держите вот эту...— он посмотрел на Дзианту взглядом, который снова показал, что он считает ее не более, чем вещью, инструментом,— «под колпаком»?

— Можешь узнать.— Яза зевнула с безразличием.— Она и была все время здесь. Наши детекторы не зарегистрировали никакого зондирования мыслей. Неужели ты думаешь, что приборы Огана могли что-либо пропустить?

— Оган,— он произнес это имя, как будто парапсихолог был для него то же самое, что и Дзианта.— Ну что ж. Тебе нельзя ее оставлять здесь, по крайней мере, сейчас. Пока наши планы относительно Юкундуса идут хорошо и мы не хотим, чтобы они нарушались. Вышли ее отсюда.

Яза опять зевнула.

— Сейчас время, чтобы мне выехать отсюда. У меня есть хороший предлог: мне нужно посетить торговый пункт на Ромстве. Она поедет со мной.

— Согласен. Мы предупредим, когда можно будет вернуться.

Без дальнейших слов он покинул комнату. Его грубость была умышленной, почувствовала Дзианта. Ее предположение подтвердилось, когда она посмотрела на Язу.

По кошачьи очерченное лицо салярианки было непроницаемым, насколько мог судить человеческий глаз. Только губы ее были прижаты к зубам и из-под них виднелись белые кончики того, с помощью чего существовали ее предки: острые, несущие смерть клыки.

— Макри,— задумчиво сказала Яза. Голос ее был таким же безразличным и не обнаруживал никаких эмоций, как и ее лицо.— Макри выполнял свою миссию с таким видом, как будто видел перед собой полет звезд в вышине. Всегда, когда человек сосредотачивает внимание на том, что далеко впереди, он попадает в яму, которая у него под ногами. Но он сослужил нам хорошую службу — нам нужен был повод, чтобы покинуть Корвар без вопросов со стороны тех, кто послал Макри. Хотя он даже и не подозревал правду — что он был моим слугой в большей степени, чем хозяином.

— Ты что-нибудь узнала?— спросила Дзианта.

Яза мурлыкнула.

— Конечно, милая. Когда Яза говорит глазам, чтобы смотрели, ушам, чтобы слушали, носам, чтобы нюхали, они повинуются. Мы знаем основное направление, откуда пришла кукла Юкундуса. Теперь мы направимся на поиски тех, кто сделал ее. Выясним их миссию в жизни и узнаем то, что неизвестно или давно забыто. Мы направляемся на Вэйстар.

Вэйстар! Дзианта слышала о ней в течение всей своей короткой жизни. Она считалась легендой большинством звездных скитальцев, но она существовала, и Гильдия знала об этом. Хотя только немногие из ее членов знали, в какой части Галактики она находится. Она служила Гильдии во многих отношениях, но не была собственностью кого-либо из высших членов этой подпольной организации, как некоторые другие тайные базы.

Задолго до того, как Гильдия приобрела могущество, до того, как земляне проложили пути по звездным дорогам, Вэйстар уже существовала. Это был порт преступников, место встречи космических пиратов, когда пиратство еще существовало. Теперь это было место встречи грабителей, которые нападали на заселенные планеты, и людей Гильдии, которые скупали награбленное после этих нападений и иногда похищали корабли грабителей для своих собственных целей.

Судя по рассказам, она была когда-то космической станцией, расположенной в такой старой системе, что ее планеты уже давно превратились в пепел, который вращался по орбите вокруг почти мертвого карликового красного солнца. Если она была такой старой, как система, в которой она находилась, или хотя бы как жизнь, которая создала ее, то те, кто ее теперь использовал, даже не могли предположить ее возраст. Вэйстар имела такую же темную историю, как и Рукарв. Направиться на Вэйстар — это было то же самое, что и спуститься в недра Рукарва: последствия этого могли быть самыми плохими.

— Этот Макри... если мы направимся на Вэйстар...— сказала Дзианта. Хотя Гильдия там и не правила, но ее вес был достаточно большим, так что они могли признать Язу предателем. Что произойдет тогда? Когда высший член теряет власть, то вместе с ним исчезают и все его окружающие, если только им не поможет счастливый случай или они не связаны тайными узами с тем или теми, кто подготовил это падение.

Яза погладила покрытую пухом голову Харата и издала звук, который был похож на звуки, которые издавал своим клювом Харат.

— Макри один из тех, кто бегает туда-сюда с донесениями, разве не так, малыш?— спросила она Харата вслух.

Его мысленный ответ был недвусмысленен: «Он пытался найти что-нибудь, что могло бы принести тебе неприятности. Но его поиски не дали ему ничего такого. Он уверен, что его экран защищал от проникновения в мысли». В ответе было столько презрения, что удивленная Дзианта решилась на вопрос:

— Ничего не нашел?

Харат повернул голову, чтобы посмотреть на нее. Угол поворота был таким, что этому трудно было поверить. Он смотрел на Дзианту огромными немигающими глазами. «Харат может читать мысли». И снова презрительно щелкнул клювом.

Дзианта не поняла, как же он смог проникнуть через охранные барьеры, воздвигнутые с помощью техники Гильдии. Она была так убеждена в могуществе их приборов, что принимала как безоговорочный факт, что никто не может проникнуть через экраны. Однако Харат не был «нормальным» в человеческом смысле, так что вполне возможно, что их экраны для него не представляли затруднений.

Значит, Яза имела охрану, когда Харат был с ней. Несомненно он сообщал саляриканке каждую мысль, которая пробегала в мозгу Макри. И в мозгу Дзианты тоже!... Камень! Нет! Об этом даже и думать нельзя! Самое опасное, это когда из мозга нельзя извлечь ничего, что можно было бы прочесть. Это вызывает подозрение. Нужно думать о чем-то! Вэйстар... надо думать о Вэйстаре...

Яза снова промурлыкала.

— Харат все прочел.— Это было теплое ободрение, ласка, без всяких комментариев.— И на Вэйстаре есть те, перед кем, при всей его амбиции, Макри будет пресмыкаться, как будто он меньше нашего Харата по размерам, как сейчас он меньше его мужеством и способностями.

— Стоит отправиться на Вэйстар, чтобы получить такую поддержку,— Дзианта нашла в себе мужество, чтобы сказать это.

— Никогда не следует сообщать очевидное, милая. Однако лениться и бездельничать нам не придется. Все было спланировано до того, как сюда прибыл Макри и обеспечил нам легальный предлог. Но путешествие будет не очень приятным. Придется путешествовать во сне и герметичной кабине.

Дзианта очень хотела бы отказаться, хотя у нее не было ни одного шанса, что ее желание будет удовлетворено. Путешествие во сне — это было действительно примитивное путешествие. Целые поколения прошли с тех пор, как команды первых кораблей совершали полеты в замороженном сне, не зная, проснутся ли они вновь. Она подумала, что столь древний способ полета был выбран для сохранения тайны полета Язы.

У нее было мало времени обдумывать все это, потому что флиттер Язы уже доставил их в порт, где их провели на борт лайнера, совершающего полеты во внутреннем мире. Но они здесь не остались. Как только они переступили порог предназначенной для них каюты, Яза вынула два плаща с капюшонами из своего дорожного мешка. В этих искажающих зрелище плащах они быстро проделали извилистый путь по пустым коридорам на нижнюю палубу и, под покровом сумерек и искажающей одежды, снова спустились на землю в грузовом лифте.

Несмотря на плащ, Дзианта очень боялась, что их заметят, когда она спешила за Язой вдоль причалов. Вскоре они были в том конце порта, куда приземлилось только что несколько кораблей, которые были зарезервированы вольными торговцами. Яза без всяких колебаний, как будто она знала, что ищет, схватила Дзианту за руку, принудив ее идти быстрее, и подтащила к транспортному кораблю, на котором название и эмблема были изображены так неясно, что в слабом свете девушка не могла ничего разобрать.

Трап был спущен, но не было никого, кто бы охранял его. Яза не колебалась: схватив девушку за руку, она поспешно поднялась на борт корабля. Они не встретили никого. Казалось, что корабль был пуст. Дзианта решила, что команда получила приказ не видеть того, кто будет садиться на него.

Они поднялись на палубу третьего уровня. Их ждала открытая дверь, через нее они вошли в каюту, Яза быстро захлопнула ее.

— Приятного путешествия, милые дамы,— прислонившись к стене стоял Оган. Он выглядел странно здесь: в грубой одежде рабочего, охранявшего два низких, длинных, узких ящика. Дзианта не смогла сдержать дрожи, пробежавшей по ее телу, когда она, сбросив плащ, увидела их, хорошо представляя при этом, какое тяжелое испытание ждет ее. Несмотря на то, что люди давно научились преодолевать космические пространства, случайности всегда могли произойти. Дзианта уже забыла, когда она летала в космосе между мирами, хотя, конечно, она, как и все обитатели Дипила, которые попали на Корвар, перелетев со своих, объятых пламенем войн, планет, также прилетела сюда.

— Пока все идет хорошо,— Яза сложила плащи так, что получились подушки, которые она уложила в ящики.— Дзианта, артефакт у тебя, положи его сюда.

Так как у нее не было причин уклониться от выполнения приказа, девушка достала коробочку, которую крепко держала, когда они бежали через порт. Яза подержала ее в руках. Если она и хотела открыть ее, чтобы убедиться, что фигурка на месте, то не показала этого. Она положила ее с чрезвычайной осторожностью возле одной из подушек.

Оган улыбнулся.

— Очень разумно, леди. Естественно, если существует какая-то связь между трансом и сном во время путешествия, то это должно помочь. Теперь, Дзианта, он с тобой. Если он сможет отве-

тить на кое-какие вопросы, пока ты спишь, ты расскажешь нам, когда проснешься.

Дзианта отшатнулась к стене. Спать, когда совсем рядом смерть и мрак, которые таятся внутри этого таинственного предмета? Оган не знает, что предлагает ей. Да нет, знает, но ему на это наплевать. Ее талант имел ценность для Гильдии, но теперь она знала, что они работают не на Гильдию, — Яза и Оган готовят свое собственное дело. При этих обстоятельствах она имеет ценность, только если будет приносить пользу. Она вышла из того круга, где ей была гарантирована безопасность, по крайней мере, в определенных пределах, и теперь пути назад нет, как нет пути и для бегства.

— Иди, иди, — Оган потянул руку.— Не будь глупым ребенком. Тебя ведь гипнотизировали раньше — и ничего. Поду май, что ты нам потом расскажешь!

В этой тесноте она не смогла даже увернуться. Он схватил ее за руку так сильно, что она вскрикнула от боли, и прижал инъектор повыше локтя. Крепко держа ее, Оган опустил ее в ящик. Она безвольно подчинилась ему и положила голову на свернутый подушкой плащ. Ей было мягко и уютно, даже приятно, если бы она не думала о том, что произойдет. Рядом с ее головой лежала коробочка, Дзианта не смела даже взглянуть в ее сторону.

— Хорошо. Теперь ты видишь, как все просто. Не больно и не страшно. Смотри сюда, Дзианта, так же, как ты это делала раньше... раньше...— он все повторял и повторял эти слова монотонным голосом, а она смотрела, как он вертит блестящий шарик между пальцами. У нее не было ни сил, ни воли защищаться, сопротивляться...

— ... раньше...— слова исчезли в пустоте, она уснула.

Дзианте пришлось употребить все силы, чтобы не растянуться на причале. Над головой (если слова «над» или «под» имеют какой-нибудь смысл в пространстве) висело что-то огромное, тяжелое угрожающее.

Они спали, очень долго спали, а затем проснулись, чтобы пересесть на другой корабль, который перенес их на наружное кольцо через защитный барьер, окружающий Вэйстар.

Этот барьер был первой линией обороны Вэйстара. Он состоял из огромного количества старых обломков, как будто гигантский флот Звездной Конфедерации был специально разрушен и все обломки собраны здесь так, чтобы сформировать защитную оболочку над станцией.

За этой массой искалеченного металла находилось свободное пространство, в которое можно было попасть по туннелю между обломками. Центром всего была станция, которая была несомненно творением высокой цивилизации. По обеим сторонам станции находились причалы, а поверхность между ними была вся во вмятинах и многочисленных заплатах. У Дзианты, стоящей на причале и видящей вращающиеся куски металла над голо-

вой, возникло ощущение того, что она находится под готовым опуститься молотом. Это ощущение не исчезло даже при мысли о том, что в таком положении хрупкая станция и ее обитатели находятся в течение жизни многих поколений.

Но как только Яза ввела ее внутрь, Дзианта забыла о той массе, которая вращается вокруг. К ее удивлению внутри станции ощущалась небольшая сила тяжести, но как она поддерживалась, Дзианта не смогла понять.

Центром был огромный зал, окруженный балконами, галереями, коридорами. Зеленоватый свет, придававший лицам обитателей неприятный оттенок, струился из стен. Станцию населяли как гуманоиды, так и негуманоиды — в равных количествах. Изредка мелькали существа совсем отличных форм, которых Дзианта не встречала даже на Корваре, который был перекрестком многих межзвездных путей.

Сила тяжести была очень небольшой. Поэтому на стенах везде были поручни, а для того, чтобы подниматься и спускаться между уровнями, служили изогнутые брусья с небольшими поручнями. Очевидно, Яза хорошо знала дорогу и уверенно вела Дзианту на один из верхних уровней.

Везде на стенах виднелись остатки росписи, когда-то украшавшей стены. Они были сделаны теми, кто создавал станцию, задолго до того, как народ Дзианты вышел в большой космос. Но они были до того стерты, что мало можно было разобрать: геометрические углы, окружности тут и там — это все, что было видно, что осталось от старых мастеров.

Они подошли к двери, охраняемой человеком в космическом костюме. Запрещенный лазер на бедре, руки у рукоятки. При виде Язы он отступил в сторону и дал им войти. Комната за дверью была вся завалена вещами и заставлена мебелью. В ней трудно было сориентироваться не только с первого взгляда, но и с пятого.

Вся мебель подбиралась без мыслей о гармонии. Наверняка все, что здесь было, когда-то было украдено примерно с полусотни ограбленных кораблей. Кое-что предназначалось для использования гуманоидами, кое-что — чуждых форм. Все, что объединяло эту разностильную мебель, — это роскошь украшений. Однако это было раньше — теперь же их объединяло то, что все предметы были грязными, поношенными, поломанными.

Посреди этого склада украденных вещей полулежал, развалившись, человек, которого Яза выбрала для консультации об артефакте. Когда они вошли, он щелкнул пальцами зеленокожему виверну, который мгновенно приволок им стулья. Но сам не поднялся для приветствия. Он только поднял руку в направлении Язы в небрежном салюте.

Саляриканка, которая на Корваре пользовалась значительным уважением не только из-за ее пола, но и из-за высокого положения в Гильдии, очевидно, не обращала внимания на формальности и, если она и была уязвлена таким приветствием, то виду не подала.

Этот человек, как и его комната, представлял собой смесь великолепия и неряшливости. В отличие от многих существ, которых они уже встретили на станции, он был похож на чистого землянина, хотя его одежда была одеждой варваров. Как у представителя наемников ранних веков, на его голове была оставлена только щетка жестких черных волос, обрамленная обручем из металла цвета зеленого золота. С обруча свисал на лоб прекрасный камень коро.

Кожа была коричневого цвета как у всех космолетчиков. На лице были шрамы от уголков глаз вокруг рта к подбородку, что придавало его лицу жесткое выражение, призванное внушать ужас. Оно казалось высеченной из живой плоти маской.

Брюки из серебристо-белого меха покрывали его до пояса. Сверху была накинута туника Патрульного Адмирала, цвета темного серебра, с украшенными камнями звездами и позументами. Рукава были обрезаны. На голых руках чуть пониже локтей красовались иридиевые браслеты. Один был украшен земными рубинами, а другой — зелено-голубыми камнями.

На его коленях лежал поднос. На нем было что-то исключительно прекрасное, совершенно не к месту в этой обстановке варварской безвкусицы. Это был миниатюрный сад, с деревьями, кустами и озером, по которому плыла миниатюрная лодочка к острову. Остров был каменной горой. Взгляд Дзианты следовал за этим чудом, пока виверн переносил его на стол.

Человек заговорил на гал-базик, универсальном языке. Речь его была вполне интеллигентна и совершенно не подходила к его пиратскому виду.

— Это мой сад, милые девушки, это лучшее, что можно сделать на Вэйстаре, где ничего не растет. Он пахнет деревьями и водой озера и, если держать его, закрыв глаза, то можно представить себе, что находишься в настоящем саду.

Яза поднесла один из своих ароматизированных мешочков к носу. Ей необходимо было стимулировать себя этим живительным ароматом. Человек улыбнулся, длинные шрамы задвигались при движении губ и лицо его стало таким же привлекательным, как гримаса ночного демона.

— Прошу прощения, милые девушки. На Вэйстаре много всего, в том числе и запахов, но, к сожалению, это не те запахи, которые вы предпочитаете. Давайте вернемся к делу, а то, пока мы доберемся до него, у вас кончатся запасы стимулирующего вещества — сушеных лепестков лилии. Ваше сообщение получено. Возможно, я помогу вам, а может, нет. Тут могут встретиться трудности и требуется достичь договоренности.

Он опять улыбнулся.

Яза ответила ему улыбкой, в которой ничего не было, кроме безжалостной прямоты.

— По правде говоря, как же может быть иначе? Я готова, Срэнг, обсудить все.

В наступившей тишине их глаза встретились. Дзианта знала, что любая сделка заключается после свирепой борьбы. Но они

нуждались друг в друге, и их интересы совпадали, так что договоренности они должны были достигнуть. Саляриканка ничего ей не сказала о том, зачем они прибыли сюда, на Вэйстар, за исключением того, что загадка появления артефакта у Юкундуса может быть разрешена только тем, с кем они встретятся здесь.

— Мы использовали компьютеры, чтобы рассчитать координаты, которые вы послали нам,— сказал он. Возможно, ему нравилось, что Яза нуждается в сделке с ним.— Здесь возможно определить место с помощью сенситива по карте. Что будем делать?

Яза посмотрела на Дзианту.

— Мы можем попробовать...

Руки Дзианты стиснули коробочку, которую она держала. Она знала, что имеет в виду Яза, но она не верила в свои силы: ведь она не тренировалась в этом искусстве. Вдруг у нее ничего не выйдет? Может, у Срэнга есть свой сенситив, который может это сделать. Но это означает, что содержимое коробочки придется передать в его руки, а она знала, что Яза пойдет на это только в случае крайней необходимости.

Техника такого поиска была известна уже в течение многих веков и о ней знал каждый сенситив. Но не все могли проводить поиск успешно. Кроме того, Дзианта знала, что он обычно проводится по картам планеты, а возможен ли он на звездных картах? Она надеялась, что Яза не ожидает много от этого поиска и ее неудача не даст особых преимуществ в сделке этому человеку.

— Нам нужно немного отдохнуть,— сказала Яза с нотками самоуверенности в голосе, что доказывало, что и здесь, на Вэйстаре, она чувствует себя высокопоставленной особой, о чьем благополучии и удобствах должны заботиться окружающие.

— Ваше желание — мое желание...— насмешка прозвучала в этом формальном ответе,— Сфани покажет вам вашу комнату, которая, конечно, не идет ни в какое сравнение с вашими домами на Корваре, но это лучшее, что у нас есть. Когда вы будете готовы, скажите, и мы начнем работать.

Виверн провел их дальше по коридору в комнату, также обставленную награбленными вещами. Когда он вышел, Яза быстро повернулась к девушке.

— Отдохни получше, моя милая. Теперь все зависит от тебя...— пока она говорила, ее рука двигалась по краю шкафа, выписывая сложную фигуру. Дзианта прочитала сигналы.

Прощупывающие лучи! Конечно, в таком месте, как это, подозреваются все. Возможно, следует даже опасаться зондирования мозга — они ведь наверняка окружены большим количеством детекторов.

— Я сделаю, что смогу, леди.

Она устроилась в гамаке, который, к ее удивлению, предоставил ей больше комфорта, чем она предполагала, исходя из его внешнего вида. Яза подошла к автомату для получения пищи и, прочитав список, нажала соответствующие кнопки. При этом она пренебрежительно фыркнула.

— Не густо и все синтетика. По крайней мере, поддержит силы. Не многим лучше, чем Е-рацион,— казалось, что она высказывает свое мнение специально для тех, кто, возможно, подслушивал их.

Дзианта взяла тюбики с концентратом, который выбрала для нее Яза. Она знала, что он был очень питательным, хотя вкус оставлял желать лучшего. Дзианта лежала на спине в гамаке. Часть ее была сосредоточена на предстоящем тесте, страшась его, а другая часть хотела бы, чтобы это произошло поскорее, чтобы знать, чем это кончится, успехом или провалом. Но она была вынуждена подчиняться Язе. Ей было приказано отдыхать, хотя возбуждение вряд ли способствовало этому.

Вдруг появилось еще что-то. Когда она лежала, закрыв глаза, очищая мозг, собирая психическую энергию, она вдруг ощутила — волнение. Другими словами она не могла бы назвать это странное беспокоящее ощущение того, что пробежало по самому краю ее внутреннего существа.

Немного встревоженная, Дзианта сосредоточилась на той области, где ощутила слабое прикосновение. Ощущение пришло и ушло как еле заметный толчок. Она была уверена, что это не родилось в глубинах ее подсознания. Ее сканнировали! Хотя прикосновения были так слабы, что она могла и не заметить их.

Возможно, у Срэнга были сенситивы, которые сейчас исследовали ее. Дзианта не могла отделаться от мысли, что это не просто попытка прощупать, оценить ее возможности, ее силы. Это было...

Полная смятения, она подняла свою защиту. Что же она ощущала? Мысленное прикосновение. Однако это была не та мощность, которая требовалась для эффективного зондирования. Скорее всего это была сеть, накинутая на Вэйстар или его часть, просто для того, чтобы определять присутствие других сенситивов на станции.

Дзианта пыталась рассуждать логично. Срэнг наверняка знал, кто она и что может. Яза этого не скрывала от него. Значит, это был конкурент, желающий что-нибудь выведать,— может даже представитель Гильдии. Кто бы это ни был — она была уверена, что это враг.

Но Язе ей было нечего сказать — слишком мало она узнала. Лучше всего ей хранить молчание, пока она не убедится, что ее зондировали. С этого времени защиты нельзя ослаблять.

Девушка все еще была настороже, когда они вернулись в комнату Срэнга, где произошли изменения. Кое-что из мебели было выкинуто из комнаты, чтобы освободить место для стола, на котором была разложена звездная карта. Для Дзианты в ней было мало смысла — она ведь не была астронавигатором. Но это и не имело значения: она должна была получить сообщение от артефакта, когда она будет в нужном месте карты. Дзианта сконцентрировалась на фигурке, которую она вынула из коробочки и стиснула в руках. Она повела ее над картой, медленно двигаясь от левого угла к правому. Пока она ничего не ощущала.

Она прикрыла уже почти три четверти карты, когда вдруг ощутила перемену, как будто фигурка внезапно нагрелась. Тут же у нее в мозгу возникла картина — четкая, ясная, реальная — она могла коснуться камней, качающихся под ветром деревьев!

— Камни...— она говорила, не слыша своего голоса, не зная, что она говорит вслух,— Деревья, дорога... да, дорога... она ведет в... нет!

Должно быть она отшвырнула фигурку от себя, но она как будто приросла к ней и не могла освободиться от этого прикосновения, не могла освободиться от того ужаса, который захватил ее, вокруг нее был тот мир и ничего больше. Ей показалось, что она закричала, закричала о помощи!

Наконец облако страха схлынуло, оставив ее всхлипывающей, потрясенной до того, что она упала бы на пол, если бы Яза не поддержала ее.

— Смерть... смерть! Смерть во мраке. В гробнице Турана... смерть!

Кто такой Туран? Она не могла вспомнить. Она не должна! Срэнг наклонился над столом, быстро делая пометки на карте. Фигурка уже отпустила ее. Дзианта отбросила ее, так что она покатилась по карте и упала бы на пол, если бы Срэнг не подхватил ее. Он держал фигурку и смотрел на них.

— Значит, гробница, как ты и предполагала,— сказал он Язе.— Вероятно, неограбленная? Во всяком случае, о ней в наших записях ничего не говорится. Это хороший признак. А что еще ты узнала, девушка? Эта фигурка была у тебя, уверен, что ты узнала гораздо больше.

Дзианта была не в силах говорить. Она отрицательно помотала головой. Она все еще не пришла в себя после того, что почувствовала.

— Там смерть... смерть ждет...— сказала она без выражения.

— В гробницах всегда ждет смерть,— сказала Яза.— Но все, что там было страшного, все давно исчезло. Это настоящий Предтеча.

— Невозможно утверждать, что все опасности уничтожены временем,— ответил Срэнг.— Хотя сокровища наверняка неоценимы, опасность велика. Там могут быть ловушки. Там можно найти огромное богатство, а можно погибнуть в хитроумной западне.

Яза засмеялась.

— Разве ты не играешь каждый день с судьбой? Я пришла сюда не для того, чтобы выслушивать предупреждения об опасности, да и ты сидишь здесь не для этого, Срэнг, хотя может и на тебя подействовало время и ты стал осторожным и пугливым. Вспомни об Алне, императоре, который был похоронен со всеми своими огромными богатствами. Это только одна из находок. А Вар, Лафер, Сады Арзора, целая планета Лимбо? Нужно мне еще перечислять? У тебя есть шанс поискать в той части системы, где еще никто не бывал.

Срэнг посмотрел на карту.

— Пока не бывал,— сказал он.— Может, Юкундус...

Яза перебила его.

— Он там не был. Мы это знаем. Но это всего лишь вопрос времени. Ему нужно только психометрическое считывание. Однако,— она опять рассмеялась,— если он этого не сделал, то теперь уже не сможет.

— Послушай,— Срэнг повернулся к Дзианте,— этот Туран, о котором ты говорила, кто он?

У нее в памяти ничего не удержалось.

— Это имя, ничего больше.

Его взгляд не изменился, но Дзианта была уверена, что он не поверил ей. Что теперь произойдет? Он воспользуется сканнером? Она так боялась, что не смогла сдержать дрожи в ожидании своей судьбы. Но он не сказал ничего. Он смотрел на фигурку, задумчиво поглаживая ее пальцем.

Дзианта вся напряглась. Почувствует ли он щель? Откроет ли он ее? Вместо этого он подтолкнул артефакт в ее направлении.

— Держи его у себя, девушка. Мне говорили, что мощь таких штук увеличивается, если они находятся в руках сенситивов. Нам еще понадобятся твои указания. Ну, что ж,— он заговорил с Язой,— лучше всего использовать корабль. Юбан на орбите. Он только что сделал неудачный полет на Фернис и теперь ожидает моих распоряжений. Корабль класса Д. Трудное путешествие, милые дамы...

— Глубокий сон обглечит его,— ответила Яза.— Нам не нужна кабина для пассажиров. У нас с собой отсекающие время спальные ящики.

— Очень предусмотрительно,— в его зловещей улыбке открылись два клыкообразных зуба, совсем как у Язы.— Глубокий сон и запирание времени — я тоже воспользуюсь этим. Однако, Юбан мой человек.

Последние слова прозвучали предупреждением, которые Яза восприняла как хорошую шутку. Дзианта была уверена, что саляриканка не доверяет Срэнгу, но ей ничего не осталось делать, как принять его предложение.

А где же Оган? С тех пор, как после первого пробуждения они пересели на корабль, доставивший их на Вэйстар, они его не видели. В то, что он был удален от участия во всем этом приключении, Дзианта не верила.

Оставшееся время из пребывания на Вэйстаре было коротким, и они провели его в комнате, которую им предоставил Срэнг. Еще дважды Дзианта ощущала еле заметное сканнирование. Сначала оно встревожило ее, но затем пробудило любопытство. То, что это не было чисто механической проверкой, она была уверенной. Прикосновение производилось живым существом — Оган? Но длина волны была другой. Она решила, что кто-то пытается обыскать ее мозг в своих собственных целях.

Затем они оказались на корабле Юбана и опять устроились в ящиках для сна. Снова Дзианта легла с фигуркой рядом с ней,

но теперь она этого уже не боялась. Может, ей что-нибудь и снилось прошлый раз, но она все забыла и никаких неприятных ощущений не испытывала.

Когда они поднялись от сна, корабль Юбана уже был на орбите над планетой. Он вызвал их в рубку, чтобы посмотреть на видеоэкране поверхность, над которой они находились.

— Где будем садиться, женщины?— спросил он хриплым голосом. Он был молод, или казался молодым для того, чтобы быть командиром корабля. Вид его не был неприятным, пока не было видно его глаз, в которых горел опасный огонек, который придавал ему вид человека без теплоты и эмоций. Возможно, он был жертвой мутаций или кровосмешений, так как на руках его было по шесть пальцев, а вместо ушей только отверстия. Кроме того, Дзианта под плащом заметила и другие дефекты его телосложения. Было ясно, что он крепко держит в руках свою пеструю команду. Кроме того, было очевидно, что в нем объединились жестокость и безжалостность предводителя грабителей и интеллигентность, правда, отличающаяся от интеллигентности землян, но довольно высокого уровня.

Яза сжала руку Дзианты.

— Где?— спросила она.— Ты можешь сориентироваться?

Так как Дзианта колебалась, не зная, что сказать, Юбан произнес что-то неразборчивое. Затем он добавил:

— У нас нет ни времени, ни топлива, ни людей, чтобы обыскать всю планету. И, кроме того...— он подкрутил что-то и изображение на экране стало четким,— искать надо не здесь. Здесь почти все сгорело.

Дзианта видела на лентах записи сгоревших планет. Они сгорели или от войн или природных катастроф. Некоторые превратились в шары пепла, на других пробивалась какая-то радиоактивная растительность, пытаясь сохранить хоть какие-то формы жизни на небольших остатках почвы между вздыбленной землей и застывшей лавой.

На экране она могла теперь видеть воочию последствия аналогичной катастрофы, постигшей некогда этот незнакомый мир. Была ли она инициирована людьми, или же грозные силы природы обрушились на эту планету, было неизвестно. Под ними пролетали торчащие вверх остроконечными вершинами складки земной коры. Долины между ними были пустынными. Только кое-где виднелись жалкие островки скудной растительности. Теперь под ними было море, которое наверняка занимало вдвое большую площадь, чем до катастрофы.

Но она не могла сориентироваться...

Но вдруг! Это был Сингакок. Как будто рябь пробежала по экрану. Она видела город, окруженный плодородными землями. Она даже смогла различить башню Вута, длинные улицы...

— Здесь!

Но пока она кричала это, Сингакок исчез. Опять внизу были камни и снова камни. Дзианта наклонила голову. Сингакок, Вут, улицы — откуда она все это знает? Откуда это пришло к ней?

Почему она знает этот город, как будто много лет бродила по его улицам? Они ее спрашивали и она увидела город, как будто он был реален! Нет, этого не могло быть.

Юбан больше не обращал внимания на нее. Он обратился к астронавигатору:

— Засек?

— В пределах измеримой ошибки, да.

Она должна сказать им, не давать им приземлиться из-за этого сверхъестественного видения. Но затем благоразумие оставило ее. Может, это артефакт дал ей видение того, что некогда тут существовало, и так как они не увидели ничего больше, то это место было ничем не хуже других для начала осмотра. Все же ее беспокоила быстрая реакция Юбана на ее крик. Она думала о том, что же произойдет, когда окажется, что она ошиблась. Они начали снижаться для приземления. На такой местности следовало быть очень осторожными при посадке. Они не покидали своих мест, пока аппаратура не провела исследования атмосферы и всей окружающей природы. После получения всех данных стало ясно, что исследования можно проводить без шлемов и аппаратуры для дыхания.

Однако уже наступил вечер, и Яза с Юбаном решили, что до утра выходить не следует. Юбан предоставил свою каюту женщинам, а сам устроился в рубке управления. Когда они остались одни, Дзианта решила рассказать о своих опасениях Язе.

— Здесь не может быть того, что мы хотим,— сказала она шепотом, неуверенная в том, что здесь не установлены подслушивающие устройства.

— Почему же ты выбрала это место?— спросила Яза.

Дзианта стала описывать те моменты, когда изображение Сингакока пробегало по экрану, изображение города, который теперь не существовал.

— Сингакок, Вут,— повторила Яза.

— Эти слова с другого языка, это не гал-базик,— сказала девушка.

— Опиши этот город, постарайся нарисовать его в мозгу,— приказала Яза.

Деталь за деталью Дзианта начала вспоминать видение, мелькнувшее на экране. И она обнаружила, что чем упорнее старается вспомнить, тем больше подробностей возникает в ее мозгу. Как будто она видела то, что сейчас описывала.

— Думаю, что ты имела настоящее видение,— сказала Яза.— Когда прибудет Оган, мы, если конечно не найдем других следов, попробуем провести с тобой сеанс ясновидения.

— Когда Оган прибудет?

— Послушай, милая, неужели ты думаешь, что я могу слепо отказаться от такого союзника? Нам нужны были записи в компьютерах Срэнга. В определенной области они гораздо более полные, чем у кого-либо в Галактике. Ведь они бывали в тех местах, которые никто не посещал. Но войти в союз с Вэйстаром? Нет,

только идиот может решиться на это. Оган придет по нашим следам. Он приведет с собой тех, кто предан только мне. Какое бы вероломство Срэнг не замышлял вместе с Юбаном, оно не осуществится. Теперь слушай внимательно, если мы найдем следы твоего города завтра, отлично. Нам нужно будет заставить Юбана ковыряться там, пока не прибудет Оган. Но ты должна хорошо играть свою роль, тяни и задерживай нас. Не веди к гробнице Турана, пока мы не получим подкрепление.

Гробница Турана — эти слова отозвались эхом у нее в мозгу. Они затронули в ней что-то глубокое, не память (в памяти этого не могло быть), а сильный страх. Она мгновенно насторожилась, почувствовав опасность.

«Дзианта!»

Она проснулась от этого зова. Зова, который не был голосом. Это была волна в ее мозгу, которая разбудила ее, и теперь она лежала в темноте молча, с раскрытыми глазами, внимательно слушая.

«Дзианта!»

Значит, это ей не приснилось. Оган? Она начала тут же мысленный поиск, не подумав о том, что Юбан может иметь детекторы, способные зарегистрировать психическую активность.

«Харат!» Она узнала его, когда их психические силы встретились, и почувствовала замешательство. Харат же должен был остаться на Корваре. Оган ведь не брал его с собой. А никакие мысленные силы неспособны преодолеть расстояние между этой неизвестной планетой и Корваром.

«Что?..» Вопросов у нее было очень много, но все ее мысли были заглушены той мощной энергией, с которой он передавал свои мысли.

«Думай, думай обо мне! Нам нужно иметь опорную точку».

Преданные ей союзники, это о них говорила Яза, они пойдут по ее следу. Дзианта послушно сформировала в мозгу образ Харата и держала его, собрав все силы, отбросив все свое любопытство перед необходимостью того, что следует создать маяк для тех, кого ждет Яза.

И вдруг, неожиданно, как хлопок в ладоши, пришло новое сообщение: «Все! Отлично!».

Она была отрезана экраном Харата. Получив все, что хотел, Харат прекратил связь, и Дзианта знала, что ее не возобновить без его желания.

Девушка повернула голову. В полутьме она видела свернувшуюся клубочком спящую Язу, слышала ее мягкое размеренное дыхание. Следует ли разбудить ее? Сказать, что Оган уже в пути?

Но Харат? Как он оказался здесь? Нет, ей следует ждать, пока она не убедится окончательно. Дважды в эту ночь она посылала мысленные призывы. Но если Харат и был в пределах досягаемости луча, он не желал отвечать и Дзианта смирилась.

Они поднялись рано. Дзианта, боясь детекторов, решила все

рассказать Язе, когда они выйдут из корабля. Юбан тоже одевался, очевидно, готовясь идти с ними. Она должна быть чрезвычайно осторожна, чтобы не возбудить в нем подозрения.

Глаза капитана грабителей следили за ней, когда она прикрепляла к поясу мешок с едой и сосуд для питья. Чувствовалось, что он с большим бы удовольствием надел на нее упряжь, концы которой были бы у него в руках. Она заметила, что он взял с собой сканнер, хотя ни ей, ни Язе это оружие предложено не было.

Они вышли из корабля и остановились, рассматривая дикую, опустошенную, разрушенную планету. Ее город — как она могла увидеть его в этом?

Вся земля была рассечена глубокими впадинами. Жизнь на ней исчезла задолго до того, как они прилетели сюда. Руки Дзианты невольно тянулись к мешочку, который вмещал фигурку. Мешочек был подвешен на шнуре за шею и покоился у нее на груди. Если ее могло что-то вести в этой дикой стране, так это только он.

Яза подошла к ней.

— Сингакок,— сказала она мягко.— Так это и есть твой город?

У нее были причины задать этот вопрос. Во всех этих нагромождениях диких камней не было ничего, что могло бы навести на мысль о разумной деятельности.

— Я... я не знаю!— Дзианта смотрела во все стороны. Где же башня, длинные улицы, и все остальное? А может, ее видение было всего лишь галлюцинацией, рожденной ее воображением и введенной в мозг как видение?

— Куда нам идти?— Юбан и двое его людей стояли вооруженные, готовые в путь.— Я не вижу никаких признаков города. Вы что, издеваетесь над нами?

Яза повернулась к нему.

— Что ты знаешь об искусстве сенситивов, пилот? Таланты не поддаются насилию. Они приходят и уходят, и вызвать их невозможно. Оставь девушку в покое. Она сама знает, что ей делать. Придет время и она покажет нам, куда идти.

По его лицу промелькнуло какое-то выражение, но мертвые глаза остались безжизненными. Но Дзианта чувствовала нетерпение и недоверие в этих глазах. Она боялась их. Она знала, что он не простит никакой фальши, если заметит ее. Дзианта почувствовала, что она не настолько умна, чтобы играть роль, которую предложила ей Яза. Если она обнаружит хоть что-нибудь, что может привести их к цели, она скажет об этом, она боится этих глаз.

По всему было видно, что они предоставили роль лидера в этой экспедиции ей. Не имея пути к отступлению, она медленно спустилась по трапу и встала на камни. Затем она покопалась в мешочке, развернула фигурку и стиснула ее в руках.

Дзианта закрыла глаза. Ответ пришел мгновенно с силой удара, чуть не опрокинувшего ее на землю. Было такое ощущение, что она стояла на шумной улице среди толпы людей, мимо прono-

сились странные машины. Она чувствовала жизнь, мысли кого-то, которые она не могла понять,— все это было таким сильным, что оглушило ее.

— Дзианта!— кто-то сжал ее руку. Дзианта открыла глаза. Яза поддерживала ее, пристально глядя на девушку.

— Это... это здесь был город,— сказала Дзианта.

Юбан подошел к ней.

— Отлично. Но мы не можем его осматривать и обыскивать, если, конечно, не повернем время вспять. Куда нам идти, чтобы осмотреть, что осталось? Можешь ты сказать нам это?— в его вопросе звучал презрительный вызов.

В тех впечатлениях от города, которые получила Дзианта, не было никакой избирательности. Она не могла выделить ничего. Ее руки крепче сжали фигурку. Предположим, что она откроет фигурку и достанет оттуда камень, приведет ли он их туда, куда они хотят? Но она воздержалась от этого. Она будет пытаться взять от фигурки все, что можно в таком виде.

— Я попытаюсь...— тихо сказала она, освобождаясь от рук Язы. Рядом был плоский камень. Она подошла к нему, села, склонилась над фигуркой. Облизав губы, она заставила себя приложить ее ко лбу.

Она как будто нырнула в поток лиц, голосов. Они кричали, шептались, становились громче, затихали, они говорили на языках, которых она никогда не слышала, они смеялись, плакали, стонали, выли, кричали. Она пыталась остановиться, сконцентрироваться на том, что хотела узнать.

«Сингакок... Туран!» Второе имя она произнесла, используя его как якорь, который она бросила в море лиц, оглушающих голосов, в шум и гам давно исчезнувшего города.

«Туран»— она произнесла это имя, ожидая ответа.

Лица удалились, образовали две нечеткие линии, растаявшие одна в другой, их крики затихли, пропали вдали. Она увидела темную процессию. Это был Туран, и за ним было ее место, ее собственное место. Она должна следовать за ним... бегство невозможно...

— Что она делает?— спросил кто-то вдали. Она едва расслышала слова.

— Тихо. Она ищет...— послышался ответ.

Этот разговор не имел отношения к Турану. Она должна следовать за ним. Тени ее не становились плотнее, но они оставались, немного впереди процессии. По обеим сторонам уже не было никого, все лица исчезли. Остались только Туран и ее связь с ним.

Все, что она видела, немного дрожало, меняя очертания, как будто было покрыто тончайшей вуалью, которая волновалась под легким ветерком. Она видела только искаженные камни и пустынную землю, которая не была Сингакоком. Когда это произошло, она хотела остановиться, позвать Турана, восстановить видение.

Очень смутно она слышала пение, мягкое и высокое, как трели птиц, выпущенных на свободу из клетки, или дробь барабанов,

которые были в земле, неохотно выпускающей Турана. Туран...

Тени исчезли, растаяли. Дзианта не смогла собрать их вновь. Она стояла с фигуркой в руках перед вздыбленным голым красным камнем, стеной утеса. Она знала, что то, что она ищет, лежит под ним. Это артефакт привел ее на место, откуда он сам появился.

Девушка оглянулась через плечо. Яза, Юбан, его люди — они все смотрели на нее.

— То, что вы ищете,— сказала она; силы быстро покидали ее, как это бывало всегда, когда она делала такие усилия,— лежит здесь.— Она указала на камень, опустившись затем на какой-то обломок, так как она боялась, что ее дрожащие ноги не удержат ее.

Яза быстро подошла к ней.

— Ты уверена, милая?

— Да, полностью,— голос Дзианты стал почти шепотом. Она истратила столько сил, чтобы удерживать видение, что теперь нуждалась только в покое и отдыхе. Она была больше не способна обращаться к своим силам.

Саляриканка достала две капсулы, восстанавливающие силы. Дзианта взяла их дрожащей рукой и положила в рот чтобы они медленно растворялись. Юбан подошел к утесу и стал его внимательно рассматривать. По его сигналу люди пошли вправо и влево, осматривая все очень внимательно.

— Я ничего не вижу,— начал он, но тут один из его людей позвал его. Капитан поспешил к нему.

Яза наклонилась к Дзианте.

— Я же говорила тебе — не торопись — не открывай ничего, пока Оган не прибудет...

— Он здесь или близко,— Дзианта почувствовала прилив сил от капсул.— Сегодня утром я получила сообщение...

— Аххх...— Удовлетворенное мурлыканье.— Все отлично. А ты не обманываешь Юбана? Это то, что надо?

Дзианта посмотрела на каменную стену.

— Туран лежит здесь,— сказала она наконец.

Но кто такой Туран? Или что такое? Почему эта фигурка привела ее к нему? Она посмотрела на утес и ее усталость смешалась со страхом. Под ним... под ним лежит... Она хотела кричать, бежать. Но от Турана бежать было невозможно, она должна знать это.

Кто же этот Туран? Что ее связывает с ним, кроме этого безобразного предмета, который так мучает и притягивает ее?

Юбан посовещался со своими людьми, и один из них пошел к кораблю. Юбан подошел к женщинам.

— Там есть следы заделанного входа. Мы проделаем путь лазером.

— Только осторожно,— предупредила Яза.— У вас есть для этого глубинные детекторы?

— Конечно, осторожно и с детекторами,— ответил он. Он перевел взгляд с саляриканки на Дзианту.— А что она может

еще сказать нам? Это гробница?

— Туран лежит там,— ответила Дзианта.

— А кто этот Туран?— допытывался он.— Король, император, властитель звезд? Это Предтеча звездной империи или просто древний король этой планеты? Что ты можешь сказать нам?

Яза свирепо вклинилась между ними.

— Она устала. Все это очень ослабляет сенситивов. Открой это хранилище и дай ей что-нибудь оттуда. Тогда она проведет сеанс психометрии и сможет сказать тебе все. Сейчас ей надо отдохнуть.

— Ну, ладно, все же она привела нас сюда,— сказал он. Он снова направился к закрытым дверям в гробницу. Но Яза села рядом с Дзиантой, обняла ее за плечи и, притянув к себе, спросила:

— У тебя есть контакт с Оганом? Ему уже пора появиться.

Оган? Собрав все силы, Дзианта сформировала изображение парапсихолога и послала свое мысленное сообщение. Харат резко прервал связь утром, поэтому она не стала пытаться связаться с ним. Он мог заупрямиться. Лучше связываться прямо с Оганом. Если только...

Ответ? Слабое прикосновение, мгновенно прекратившееся. Оган? Оган. Это был не Харат, потому что она узнала бы его даже по такому слабому прикосновению. Это был человек. Значит, Оган, но почему-то не желающий принять сообщение. Она сказала об этом Язе.

— Не старайся тогда. Может, он боится детекторов. Но если он отозвался, то знает, где мы и как обстоят дела. Ты все сделала отлично в этом деле, моя милая. Я не забуду, что я у тебя в долгу.

Появились двое из экипажа корабля. Они несли какой-то ящик и портативный лазер, из тех, что предназначены для проведения подземных работ на астероидах. Но Юбан сначала запустил в работу детектор.

Яза и Дзианта присоединились к нему, когда он изучал изображение на небольшом экране прибора.

— Внутри пустота,— сказал он.— Возможно, гробница. С помощью излучений низкой частоты мы сможем проделать отверстие, причем никакого бокового излучения не будет.

Он тщательно установил и настроил лазер, испробовав его действие сначала на близлежащих камнях, чтобы быть уверенным, что глубина будет не больше заданной. Затем он стал перемещать луч по едва заметным следам старого входа, открывая отверстие не больше того, которое требуется для того, чтобы пройти человеку. Сверкающий луч фонаря прорезал мрак старой гробницы.

— Ну, пошли к Турану!— засмеялся Юбан.

Дзианта прижала руку к горлу. Другая рука судорожно прижимала артефакт. Она была потрясена, она не могла дышать. Ее потрясение не ослаблялось, а все усиливалось, ей уже казалось, что сама смерть рядом, только время, которое требуется для взмаха ресниц, отделяет ее от смерти. Затем постепенно это

жуткое ощущение пропало и она уже не могла сопротивляться, когда Яза подтолкнула ее в пролом в стене вслед за Юбаном.

Лампа капитана осветила пространство, куда они проникли, Они увидели сплошные развалины. Здесь когда-то действительно была гробница и очень богатая, но другие грабители их уже опередили. Валялись обломки ограбленных сундуков, теперь уже превратившихся в пыль, другие предметы, которые уже потеряли всякую ценность, после того, как они были разбиты теми, кто искал ценные и компактные вещи.

— Пусто!— Юбан водил фонарем в бешенстве во все стороны.— Будь все проклято, пусто!

— Осторожнее!— крикнула Яза и схватила его за руку, когда он двинулся вперед.— Мы ничего не узнаем, пока не проведем внимательного, я повторяю, очень внимательного осмотра того, что осталось здесь. Грабители часто оставляют то, что кажется им малоценным, а на самом деле самое ценное из всего, что есть. Так что не трогайте ничего, только расширьте проход, по которому мы сможем двигаться и искать.

— Ты думаешь, что в этом хламе осталось что-то ценное? — Но он отступил на пару шагов.— Ну, что ж. Я думаю, что здесь пусто, но если вы что-нибудь здесь найдете...

Дзианта прислонилась к стене. Как ей совладать с этим жутким страхом, который волнами накатывает на нее, оставляя каждый раз ослабевшей и больной? Разве остальные не чувствуют этого? Они должны чувствовать! Ужас пронизывает всю эту гробницу и рождает его не груда обломков, заполняющих три четверти ее, а что-то другое, что-то за... Она повернулась и бросилась к дверному проему, чувствуя, что страх просачивается через черные трещины в стенах и готов вцепиться ей в спину. Сзади послышался окрик, слова, которые она не слышала, так как стук сердца совершенно оглушил ее. Затем ее схватили руки, крепко держа ее, хотя она отчаянно боролась, пытаясь убежать отсюда, где все было пронизано черным ужасом.

— Пыталась сбежать...— голос Юбана над головой. Яза схватила ее, хотя она была в железных тисках капитана.

— В чем дело?— спросила саляриканка. В ее шипящем голосе было что-то, что заставило Дзианту подчиниться.

— Смерть... за дальней стеной — смерть!— И она дико вскрикнула: ей показалось, что держит ее не капитан, а что-то бесформенное и жуткое. Оно не дает ей бежать из гробницы. Она кричала и кричала, стараясь вырваться из рук капитана.

Ее привела в себя пощечина, достаточно сильная, чтобы вывести из истерики. Она всхлипывала от боли, от того, что они не могут понять, что держат ее так близко к... Она должна закрыть мозг! Она должна закрыть мозг!

Собрав последние силы, Дзианта отшвырнула от себя артефакт, как будто этот отчаянный акт мог сохранить в безопасности и тело и мозг.

— Дзианта!— голос Язы был требовательным, повелительным.

Девушка опять всхлипнула. Ей страстно хотелось упасть на пол, зарыться в землю, заползти под камни, спрятаться... от чего? Теперь она не знала, она только ощущала, что ужас полностью завладел ею.

— Дзианта, за какой дверью все это?

— Нет, нет и нет!— она кричала прямо в лицо Язы. Она не желает помогать им уничтожить себя.

Яза оценила ее решимость, поэтому она обратилась к Юбану:

— Оставь ее! Она сейчас в критическом состоянии. Если ее не оставить в покое, она или лишится своего дара или разума. Оставь ее.

— Что она задумала?— спросил Юбан.

— Ничего, капитан. Здесь что-то есть и нам лучше проявить осторожность, прежде, чем двигаться дальше.

— Капитан, взгляни сюда!— один из его людей встал на колени, наклонившись над чем-то. Он поднял черепок, в котором сверкали серебряные нити. Артефакт открылся, фокусирующий камень был виден всем. Юбан взял в руки черепок, отделил защитное покрытие. Камень засверкал, как будто в нем зажегся огонь, когда камень оказался открыт всему миру. Дзианта услышала легкий свист Юбана. Как только он приготовился вынуть камень, Яза сказала:

— Будь с ним поосторожнее. Если это, что я предполагаю, то теперь многое для нас прояснится...

— Что это может быть...— повторил он.— А что это? Какая-нибудь императорская игрушка?

— Фокусирующий камень,— ответила она. Дзианта удивилась, как быстро Яза это поняла.

— Такой камень,— продолжала саляриканка,— всегда использовался сенситивами для фокусирования энергии. Такие камни хранят энергию годами. Если он такой, то Дзианта может его использовать и тогда никакие тайны того народа, который применял его, не будут скрыты от нее. Мы можем найти ключ к гораздо большим богатствам, чем были спрятаны в этой ограбленной гробнице!

— А может, мы выслушаем такую же сказку, как уже слышали,— сказал Юбан.— Мне нужны доказательства.

— Ты получишь их, но не теперь. Ей надо отдохнуть. Она истратила слишком много сил. Оставь ее, а пока посмотрим, что лежит здесь. Если тут все будет пусто, попробуем где-нибудь в другом месте с помощью камня.

Яза поможет ей, Яза должна помочь ей! Как только они останутся одни, она объяснит Язе, она скажет, что страшные опасности ждут их, если они будут дальше иметь дело с Тураном... или с этим миром... или с фокусирующим камнем! Если бы пришел Оган, он распознал бы опасность. Она бы заставила его поверить, понять, что есть двери, которые нельзя открывать, так как за ними лежит... Дзианта не должна позволять себе даже думать об этом! Она не должна!

Девушка сконцентрировалась на том, чтобы создать внутри

себя мощный барьер, который бы позволил полностью отключиться от того, что происходит вокруг нее. Как-то она вернулась на корабль, улеглась на постель и дрожала, пока Яза старалась успокоить ее.

— Оган...— шептала Дзианта.— Оган должен знать... это очень опасно.

Яза кивнула.

— Этому я могу поверить. Камень, фокусирующий энергию, может действовать даже через такую оболочку. Возможно, связь между нами помогла тебе пользоваться им. Теперь отдыхай, милая, хорошо отдыхай. Я задержу этих бандитов, пока не придет Оган, и мы начнем делать то, что необходимо.

Она знала, что Яза дала ей сильное успокаивающее и была благодарна за это. Она погрузилась в глубокий сон без сновидений. Яза опять успокаивала ее: она, Оган и Харат, работая вместе, смогут использовать фокусирующий камень. Но не одна, она не должна делать это одна!

Она замерзла... так замерзла... она потерялась во мраке. Это был сон.

— Еще выстрел, капитан?

— Попытайся. Так она бесполезна для нас. Дай ей еще раз.

Боль и холод. Дзианта открыла глаза. Яркий свет освещал обломки, покрытые пылью, стену за ними. Ее держали перед стеной, держали крепко, так что она не могла сопротивляться.

Подошел Юбан, больно схватил ее за волосы. Его ногти оцарапали ей кожу. Юбан повернул ее лицом к себе.

— Проснись, ведьма!— он встряхнул ее голову.— Проснись!

Сон... это, должно быть, сон. Ведь это место Турана, они не имеют права быть здесь. Придут охранники и тогда с ними случится что-то ужасное, от чего они будут громко кричать, просить смерти, которая к ним не будет являться. Помешать покою Турана, значит, навлечь на себя страшный гнев и возмездие.

Она проснулась. Юбан, все еще держа ее за волосы, смотрел ей прямо в глаза.— Ты сделаешь это,— он говорил медленно, растягивая слова, как будто боялся, что она не поймет его.— Ты возьмешь эту штуку и ты будешь смотреть в нее и скажешь, что там спрятано. Ты поняла?

Дзианта не могла найти слов, чтобы ответить ему. Это был сон, это, должно быть, сон. Если же не сон... нет, нет, она не может! Она не может использовать этот камень здесь, где лежит Туран! Здесь, где ворота во что-то.

«Оган,— кричал ее мозг в ужасе.— Оган, Харат!»

Она встретила Харата... и с ним... с его помощью не Огана... другой разум, который приветствовал ее энергию мощным всплеском своей энергии. «Продержись до нас»,— приказал он ей.

— Я думаю, что она должна взять его в руку,— сказал кто-то позади нее.

— Тогда давай его!— Юбан крепче сжал ее.

Она не должна! Но те, сзади нее, те, кто крепко держали ее за руки, хотя она сопротивлялась изо всех сил. Но что ее сила по сравнению с их силой.

«Харат... я не могу... они заставляют меня смотреть в камень! Харат... они заставляют меня...»

Юбан схватил ее за руку, стал выламывать пальцы, стараясь распрямить их, хотя она судорожно сжимала кулак. В другой его руке она видела сверкающий огнем камень. Она знала, что в этом огне зло и старалась не смотреть на него.

«Харат!»— в отчаянии молила она.

«Держись...— пришел ответ Харата вместе с ответом кого-то другого.— Мы уже почти...»

Юбан с силой вложил камень в ее ладонь. Крепко держа ее за волосы, он стал наклонять ее голову вперед.

— Смотри!

Он больно тянул за волосы, и она была вынуждена подчиниться. Пылающий огнем камень казался горячим в ее ладони. Его цвет изменился и стал более глубоким. В нем клокотала жизнь, энергия, он притягивал ее, затягивал ее в...

Она вскрикнула и услышала вдали выстрелы, но было уже поздно. Она упала вперед лицом в самое сердце камня, который превратился в озеро кипящей энергии, готовое поглотить ее, сомкнуться над ее головой.

Горький запах сушеных лилий давил на нее, не давая ей дышать. Нет, она не могла потому, что она была замурована тут, вместе с Тураном. Туран был уже мертв и она должна была умереть, когда кончится воздух, и она погрузится в свой последний сон.

Она была Винтра, захваченная в плен во время последнего похода Турана. Ей он нанес свой последний в жизни смертельный удар.

Винтра? Кто такая Винтра? Что это за мрачное темное место? Дзианта попыталась двинуться и услышала скрежет металла в давящем мраке. Она... прикована! Прикована к стене, и любая безумная борьба, чтобы сбросить оковы, приведет лишь к тому, что она изранит себе руки и истратит на борьбу остатки драгоценного воздуха.

Она Винтра... нет, Дзианта! Прислонившись к стене, она пыталась разобраться в вихре переплетающихся мыслей, отдалить реальность от галлюцинации. Наверное, она в трансе и видит, чувствует, живет в кошмарном сне. Оган предупреждал ее о такой опасности. Он говорил, предупреждал ее, что нельзя входить в состояние транса, не имея рядом опытного человека, способного вывести из транса, если у спящего возникнут опасные для жизни галлюцинации.

Оган... Харат... мысли о них дали ей опору, твердую почву под ногами.

В гробнице Турана Юбан заставил ее сфокусироваться на камень. И вот результат. Но это же все реальность! Она чувствует тяжесть цепей, задыхается от недостатка воздуха, она...

Винтра! Как будто в ее голове установили колесико: когда

оно поворачивается в одну сторону, она один человек, в другую — другой. Винтра была обречена умереть здесь. Она погребальная жертва Турана потому, что она единственная пленница, захваченная в последнем его походе в горы. В ней кипит гнев, направленный против Турана. Она должна умереть тут, задыхаясь как рыба, выброшенная на сушу из родной стихии. Но она будет отомщена, и эта месть...

Видения в ее мозгу... кто, кто она?

Дзианта! Снова повернулось колесико. Она Дзианта и она должна вернуться назад, выйти из транса. Оган... Харат!.. В безумном отчаянии девушка посылала мысленные призывы, прося помощи, умоляя вытащить ее из этого сна, который был страшнее всех, виденных ею раньше, когда в трансе она перемещалась в другие плоскости, в другие личности. Раньше она тоже воспринимала ужасы как реальность, но она могла управлять ими. Теперь же она воздвигала один барьер за другим и ничего не менялось. Она видела, что защиты здесь она не имеет. Нет, ей нужно проснуться, зацепиться в своем собственном времени и пространстве, а чтобы сделать это, надо собрать все силы...

Харат... Оган!.. Она создавала в мозгу картины, взывая к ним.

Слабое прикосновение! Она ощутила его! Она почувствовала ответ! Дзианта все силы бросила на передачу: «Вытащите меня... вытащите меня... иначе я погибну!»

Да! Прикосновение! Ответ! Но он не пришел прямо, как она ожидала. Он растекался как вода, находящая себе путь между камнями, намного уклоняясь от своего направления во время борьбы с преградами.

«Харат! Я здесь! Приди ко мне! Не оставляй меня в этом мраке, заточенной там, где я ничего не могу поделать! Приди!»

Не Харат!

Здесь ощущалось чье-то присутствие. Но не Харата... не Огана. Может, из другой плоскости? Она мысленно коснулась... Ужас... ужас такой сильный, как будто тот, другой, чье присутствие она ощущала, получил смертельный удар.

— Помоги мне!— кричал он. Она ничего не могла понять. Он же пришел на ее зов. Тогда почему же?..

— Мертв! Мертв!

Ответ из мрака был полон ужаса.

— Я не мертва,— сказала Дзианта. Она не хотела принимать его, так как если бы это случилось, то ее возврат был бы невозможен. Она должна перевоплотиться в Винтру.

— Мертв!— повтор был уже слабее. Уходит. Тот, другой, уходит... оставляет ее здесь. Нет!

Должно быть, она вскрикнула очень громко. Этот звук кружился и кружился у нее в голове.

— Нет!

Вокруг была тишина, в которой слышалось только хриплое дыхание ее измученных легких. Затем... слова другого:

— Где мы?

Слова. Немыслимые послания, живые слова.

— В Гробнице Турана,— ответила она ту правду, которую знала Винтра.

— И я... я Туран...— проскрипел голос.— Но я же не Туран!

Звуки каких-то движений. Затем мысленный призыв, отрывистый и повелительный: «Свет!»

Слабое свечение постепенно усиливалось. Почему она подумала об этом. Она быстро послала импульс энергии ему, чтобы помочь сделать свет ярче.

— Здесь нет воздуха, мы погибнем,— предупредила она его.

— Иди в другую плоскость, быстро!

Его команда вернула ее мозг к защитным построениям, которые она должна была создать и для себя, и для него. Она сделала несколько шагов и вышла из своего тела. Это она делала очень неохотно. Находясь временно в безопасности, она осмотрелась.

Внизу, на полу, лежало тело, закованное в цепи, от которого она только что освободилась. Слева от нее находилось возвышение, на котором возлежал Туран. Его командорский плащ, накинутый на него, усыпан завядшими, пожелтевшими, умершими лилиями. Как только она увидела его, пламя свечей, стоявших у изголовья, взметнулось вверх.

— Проход для духа,— прозвучал голос другого в ее голове.— Здесь.

Она об этом не вспомнила, пока она не сказала, так как это было известно Винтре, а не ей. Но проход для духов действительно был. Щель, прорубленная в каменной стене.

— Потяни этот брус... .

Их единственная надежда. Ведь если это слабо подергивающееся на полу тело, которое она только что покинула, умрет, то она тоже погибнет. Она торопилась, зная, что ее жизненные силы быстро угасают. Остатками энергии, которые она смогла собрать, она присоединилась к энергии того, другого. Вся энергия была направлена на брус. Она трудилась с ожесточением. Страх возрастал в ней... они никак не могли..

Опять стало темно, так как все силы они сфокусировали на одном.

— Рука... правая рука моя...— простонал голос.

Она передала ему свою энергию и рухнула во мрак, не зная, не смерть ли пришла за ней.

— Винтра,— все тело ее болело. Она плакала от боли. Руки судорожно стискивали ребра опять и опять, заставляя воздух двигаться в груди.

— Я должна жить!

Затем опять свет. Свечи загорелись ровным светом, и стал виден открытый проход для духов. Через него проникал воздух, холодный, но свежий. Туран стоял на коленях возле нее. Он рассматривал звенья цепи.

— Странный обычай,— сказал он.— Человеческая жертва, чтобы воздать почести герою-воину.

— Ты... Туран...— Она старалась отодвинуться от него. Туран был мертв. Даже теперь было видно, что все тело покрыто ранами, которые, хотя и пытались лечить жрецы Вута, были слишком серьезными и никакое лечение не смогло бы помешать человеку отправиться в Нижний Мир.

— Не Туран,— он покачал головой,— хотя и время от времени становлюсь похож на него. Так же, как ты с Винтрой. По всей вероятности, нам придется быть ими, пока мы не отыщем путь назад.

— Ты был, это ты был с Харатом?— спросила Дзианта.— Это ты пришел, когда Юбан заставил меня сфокусироваться на камень?

— Да, я,— но дальше он не стал раскрывать себя.— Что же там у вас с этим камнем? Вероятно, какое-то новое явление, связанное с психометрией, перебросило нас сюда, и чем больше я буду знать, тем лучше. Расскажи мне все.— Это был приказ, но она могла только повиноваться.

Он нашел секретный замок на цепях и они упали, освободив девушку. Он забросил их в дальний угол. Дзианта начала свой рассказ с того момента, как впервые увидела артефакт — как сильно он поразил ее и к чему привело это постоянное влияние на нее со стороны этого странного безобразного предмета.

— На твоем лбу сейчас такой же камень?

Удивленная Дзианта подняла руки к голове. На ней был какой-то странный головной убор, стягивающий волосы более длинные, чем ее собственные. С обручей свешивался камень, который был прямо у нее перед глазами. Она сдернула обруч с головы и посмотрела на камень.

Это был он! Или подобный тому. Дзианта подумала, что получила бы ответ, притронувшись к нему, но не рискнула. Кто знает, что еще может произойти?

— Он?— спросил тот требовательно.

Дзианта с несчастным видом посмотрела на корону. Она полностью покинула Винтру, но когда она смотрела на камень, она чувствовала, что Винтра снова просыпается в ней, набирает силы. Возможно, она смогла бы изучить силы этого камня, но, сделав это, она может полностью перевоплотиться в ту, которой суждено умереть здесь, в гробнице Турана.

— Винтра... Винтра должна знать...— сказала она с видимой неохотой, но она не смогла скрыть правду.

— Если камень обладает силой, что может перевоплощать меня в Турана, а тебя в Винтру, тогда, возможно, он может делать и обратное. Мы должны узнать это. Ты же не одна, моя воля поддержит тебя. Я обещаю тебе, что ты не перевоплотишься в Винтру навсегда!

Он был Тураном, врагом, которому нельзя было верить (это в ней говорила Винтра, становясь сильней). Нет... он был единственным, кто мог помочь ей стать Дзиантой, вернуться в реальность.

— Я попытаюсь,— сказала она просто, хотя содрогнулась

при одной мысли о том, что может увидеть внутри этого кусочка цветного камня.

Дзианта увидела, что камень можно отделить от остальных украшений короны. Она отцепила подвеску, подняла ее ко лбу и...

Руки Турана были на ее плечах, он звал ее, но не словами, а мощными волнами мысленной энергии.

— Я не могу...— сказала она в отчаянии.

— Норнох Над Волнами, Норнох Трех Зеленых Стен... Лурла должна повиноваться...— Он произносил эти странные слова и имена нараспев.

— Ты, Эрия Глаз...— Дзианта обнаружила, что она или отвечает, или добавляет слова.— Туран, что все это значит? Я не помню... Я произношу слова, которых не понимаю...

Она прижала руки ко лбу. Ее волосы, не поддерживаемые короной, тяжело упали на ее плечи как плотная вуаль

— Ты вернулась в Винтру.— Он все еще держал руки на ее плечах и это успокаивало девушку, как будто он был якорем, удерживающим ее в этом теле, сдерживая ее стремление вырваться из него и от всего, что связывает ее с нормальной жизнью.

— Но до Винтры,— продолжал он,— была другая... эта Эрия, которая имела талант и могла его применять.

— Значит, я опять это только «видела» в трансе?

— Да. Все это ты узнала, хотя и не можешь вспомнить. Этот фокусирующий камень имеет своего двойника, связанного с ним очень сильно. Эрия применяла его гораздо раньше во времени. Один камень все время стремится соединиться с другим и тот, что находится в прошлом, действует как якорь на этот камень.

— Винтра...

— Винтра не имела таланта,— сказал Туран.— Для нее камень был лишь одной из драгоценностей, принадлежащих Турану. Но он, по моему мнению, уникален. Эта нечувствительная вещь, работая как фокусирующее устройство, может стать почти живым, наполовину живым. Разбуженный камень стремится соединиться со второй половиной. И если это не произойдет, то мы навечно останемся здесь.

— Но, если его двойник находится в глубине веков, до Винтры... сколько же времени отделяет нас от него?— она оборвала себя, задав вопрос и боясь услышать ответ.

— Не знаю, думаю очень много.

Дзианта стиснула руки, чтобы не дрожали. Корона с глухим стуком упала на землю.

— Если мы не найдем...— она страшилась закончить вопрос. Если он так же боится, как и она, то она не хочет этого знать. Что им теперь делать? Если они не могут вернуться...

Он подошел к возвышению, выглянул в темное отверстие.

— Ты...— Дзианта облизала пересохшие губы и начала снова,— ты... в его теле... ты можешь управлять им?

Насколько она знала со слов Огана, такое явление было совершенно неизвестно. Конечно, легенды о некромании, оживле-

нии мертвых для того, чтобы они отвечали на вопросы, и для использования их для разных целей, часто преступных, были давно известны галактическому народу. Но такой тип перехода был совершенно новым. Надолго ли он? Сможет ли он продолжать управлять этим телом, в которое вошел после того, как жизнь покинула его? Она вошла в тело Винтры, когда та еще была жива. Она сделала так, что ее более сильная индивидуальность вытеснила Винтру. Но в случае с Тураном...

Он посмотрел на нее. Колеблющееся пламя свечей делало его лицо похожим на нереальную маску.

— Я не знаю. Пока могу. Насколько я знаю, такое раньше не делалось. Но нам нет причин задерживаться здесь. Надо выбираться. Сейчас...

Он присел под отверстием и прыгнул. Дзианта с ужасом смотрела на это. Она боялась, что его новое тело не подчинится ему. Однако его руки ухватились за края рамы отверстия для духов. Он повисел мгновение и затем оборвался вниз.

— Нам нужно что-нибудь, чтобы забраться,— лестницу,— он осмотрелся вокруг. Но ничего не обнаружил. Везде было пусто, но...

Он поднял один конец гроба. Затем он отделил цепь от стенного кольца. Цепь была достаточно длинной.

— Ты подержишь гроб, пока я выбираюсь,— сказал он Дзианте. Один конец гроба был как раз под отверстием. Он обмотал цепь вокруг себя и полез. Подняв корону и стараясь не задевать камень, Дзианта подошла и стала удерживать гроб.

Он уже был в отверстии. Голова и плечи скрылись из виду. Затем он полностью вылез наружу. Свечи давали тусклый свет, но его было достаточно, чтобы увидеть, как конец цепи свесился из отверстия. Дзианта поняла, что он уже готов тащить ее отсюда.

Немного погодя она уже дрожала под дождем и порывами холодного ветра. Остатки памяти Винтры помогли ей.

— Стражники...— она схватила его руку. Он обмотал цепь вокруг пояса, как будто знал, что она может еще понадобиться.

— В такую ночь, как эта,— ответил он,— они, наверное, не будут слишком бдительны, и нам не следует бояться.

Погода была ужасная. Ее праздничная одежда, а ее нарядили для пожертвования в тонкое прозрачное платье, облепила все тело. Ветер растрепал ее длинные волосы. Дождь и ветер заставляли ее дрожать от холода. Она могла видеть только смутную тень спутника в ночном мраке. Но его рука, теплая и успокаивающая, обнимала ее за плечи.

— Я думаю, нам надо в Сингакок,— его голос с трудом пробивался к ней сквозь свист ветра и шум дождя.

— Но они...— это прорезался страх Винтры.

— А если Туран вернулся в результате чуда, сотворенного Вутом?— спросил он.— То, что я стою перед ними, даст нам большие преимущества здесь. Мы ведь должны узнать, что известно Турану или его народу о той игрушке, что у тебя в руках.

Храни, ее, Дзианта, ведь это единственное, что у нас есть, чтобы вернуться назад,— если мы когда-нибудь сможем вернуться.

Возможно, в его словах и был резон, но она была слишком захвачена эмоциями, чтобы увидеть его. Винтра боялась возвращения на место ее заточения, нового смертного приговора. Но она же не Винтра — она не хочет ею быть. Когда он повел ее за собой, она повиновалась.

Они шли под защитой деревьев, которые надежно укрывали их от ветра. С холма они уже видели Сингакок, огни города, раскинувшегося перед ними.

Внимание Турана было полностью поглощено дорогой, огибающей подножие холма как тонкий длинный язык, который высунулся, чтобы обхватить их и затащить в глотку Сингакока.

— У тебя сохранилась память Турана?— спросила Дзианта. Тело Турана было мертво, пусто. Может ли что-нибудь помнить оно?

— Может быть кое-что. Мне кажется, что я до некоторой степени разделяю с ним свою память. Ты тоже постарайся вспомнить то, что помнит Винтра..

— Я держу ее под контролем. Если я освобожу ее, то могу потерять контроль управления ею.

— Этого мы не знаем,— ответил он.— Но нам же нельзя идти вслепую. Попытайся хоть немного вспомнить, что ты знаешь о городе. Его улицы.

Дзианта немного ослабила контроль над памятью, но ничего полезного не нашла. Перед ней проплывали воспоминания узника, которого держали в строгом заточении, пока, наконец, она не была принесена в жертву Турану на его погребение.

— Винтра не бывала в Сингакоке, только как пленница.

— Верно. Ну, что ж, если ты вспомнишь что-нибудь полезное, сразу же скажи мне. Не имеет смысла сидеть здесь. Чем скорее мы проникнем в город, тем лучше.

Они с трудом спустились в темноте с холма, поминутно падая, царапая руки и ноги о жесткий кустарник. Если тело Турана плохо повиновалось ее спутнику, то он ничего об этом не сказал. Раз за разом он поднимал упавшую девушку на ноги и вел ее вниз, к дороге.

Они спустились как раз в то время, когда дорога осветилась светом фар какой-то машины, которая выехала из города. Они застыли на месте, зная, что сейчас их увидят. Затем Туран повернулся к тем, кто сидел в машине. Они должны увидеть его, узнать его. Если, конечно, поверят своим глазам.

Дзианта услышала крик, приказ остановиться, произнесенный на гортанном языке города. В полосу света вышли мужчины. Один из них в офицерском плаще, за ним двое вооруженных людей.

— Кто вы?— все трое остановились поодаль, оружие наготове. У них были ручные дезинтеграторы, у офицера — лазер. Информация пришла из памяти Винтры.

— Вы видите мое лицо,— ответил Туран,— назовите имя.

— Ты похож, но может, это фокус,— офицер стоял уверенно, хотя двое вооруженных солдат попятились назад. Туран поднял руки к горлу, медленно расстегнул и отвернул края туники. Жрецы Вута залечили его смертельные раны, но все же они были хорошо видны.

— Это без фокусов. Ты видишь это?

— Как ты вышел оттуда?— офицер был потрясен, но контроля над собой не потерял. Дзианта удивилась его мужеству.

— Через дверь, которая предназначена для Духа Вута,— ответил величественно Туран.— Теперь мне нужно в Сингакок, где находится то, к чему я вызван.

— В башню Вута?

— В дом Турана,— поправил он.— Куда я еще могу идти в такой час? Но сначала дай мне свой плащ.

Медленно офицер расстегнул и снял плащ. Затем он подал его Турану, стараясь не коснуться его.

Встряхнув плащ, Туран накинул его на плечи Дзианты.

— Пусть пока это, пока не будет чего-нибудь получше.

«Это неправильно,— мысленно сказала она ему.— В этом мире мы враги до самой смерти! Они не поймут этого и не примут».

«До смерти,— тоже мысленно ответил он.— Но не после. Все, что было между нами на этом свете, на том исчезло. Если кто-нибудь спросит, я отвечу». Затем он заговорил словами:

— Мы оставили гробницу, чтобы заслужить милосердие Вута, мы вернемся, когда он рассудит нас. О том, что случилось, пока говорить не следует.

Один из солдат положил на землю свое оружие и сбросил плащ.

— Лорд Командор, я был при Опетке, когда ты разгромил повстанцев. Окажи мне честь и позволь услужить тебе: прими этот плащ.

Он подал плащ Турану.

— В ту ночь я сделал великое дело, товарищ. За твое добро я сердечно благодарю тебя. А теперь — я должен вернуться в Дом Турана — с вашей помощью.

Дзианта не знала, что он задумал, в какую игру играет, она могла только следовать за ним. Она крепко прижимала к себе корону с подвешенным к ней камнем. По ее мнению они забираются в болото, где в любой момент под ногами может оказаться трясина, в которой они оба погибнут безвозвратно. Но она покорно уселась вместе с ним в машину. В молчании она скорчилась на сиденье для пассажиров, кутаясь в плащ, чтобы хоть немного согреться. Он сидел рядом с ней. Автомобиль повернул обратно в Сингакок, и они поехали туда, где их ждала неизвестность.

«Эти люди,— пришло к Дзианте мысленное послание,— кажется не имеют никакого понятия о возможности передачи мыслей».

То, что ее компаньон уже прозондировал мысли их спутников, очень обеспокоило Дзианту. Она считала, что осторожность сейчас самое лучшее для них, безрассудный риск слишком опасен. Однако он рискнул, и теперь они могли безбоязненно пользоваться таким методом общения.

«А ты можешь читать их мысли?»— спросила она.

«Не очень, только на уровне эмоций. У них другие частотные параметры. Все они очень взволнованы, впрочем, как и должно быть. Солдаты восприняли наше появление как чудо возвращения и находятся в благоговейном страхе и трепете. А офицер...»— он замолчал и Дзианта спросила: «Что офицер?»

— «Я кого-то вижу, не очень четко. Кого-то, кому он должен сообщить о происшедшем как можно скорее. Какая-то тень...» — Опять его мысли растаяли в мозгу Дзианты.

Дзианта включила теперь свой мысленный поиск. Она не поддерживала больше связь со своим компаньоном, она направила мысли на зондирование эмоций тех, кто сопровождал их. Да, она поняла опасения Турана. Это выглядело так, как будто она старалась установить устойчивую фокусировку на чем-то, что непрерывно колебалось и изменяло форму, когда она пыталась разглядеть подробности картины. Она разглядела все же, что это была женщина. И она пробудила бурное воспоминание в памяти Турана.

Зуха и Туран!

«Это та, кому должны сообщить о нас,— передала она Турану.— Это леди Туран. Я думаю, командор, что ты... мы лезем прямо туда, где грозит смертельная опасность тому, чье тело ты используешь сейчас. Я не могу сказать, что именно, но уверена, что впереди опасность».

«О которой мы уже знаем,— сказал он спокойно.— Так что мне следует остерегаться? Ну, что ж, не в первый раз интриги губят людей, интриги тех, в чьей верности и преданности они не сомневаются. Теперь... теперь мы должны попытаться передать сообщение офицеру, воздействовать на его разум, задержать его доклад. Можешь ты связаться с его разумом? Я могу чувствовать кое-какие из его мыслей, но этого недостаточно для такой работы».

«Я могу попытаться. Но это очень сложно, у него все находится в колебаниях, движении».

Дзианта полностью сконцентрировалась на этой проблеме. Теорию этого она знала хорошо и даже практиковалась под руководством Огана. Но это было в лаборатории, где множество приборов позволяло контролировать и корректировать ее усилия. А использовать это на Корваре вне виллы было невозможно. Детекторы моментально бы это обнаружили, и так как это было запрещено, она была бы приговорена к стиранию разума, как нелегально практикующий сенситив.

Осторожно она вызвала из воспоминаний Винтры изображение Зухи М Туран и создала ее в своем мозгу. Она почувствовала, что ее компаньон принял эту картину.

Мало-помалу она создавала то впечатление, которое должна ввести в мозг офицера: Зуха М Туран все знает о том, что случилось ночью. Это часть далеко задуманного сложного плана, офицер проник в этот план только по случайности и она отблагодарит его в будущем, если он не сделает ничего такого, что могло бы нарушить план.

«Великолепно,— восторженная похвала Турана придала уверенности Дзианте.— Отлично задумано. Теперь вводи это ему. Я буду поддерживать тебя».

Как на уроке у Огана Дзианта сфокусировалась на мозг человека, сидящего рядом с Тураном, вводя туда изображение Зухи и информацию, которую сочинила, со всей силой, какую могла собрать, чувствуя сопротивление его. Она была уверена, что дважды вошла в четкий контакт, соединившись с его разумом. Затем, утомленная событиями ночи, она больше не могла преодолевать его сопротивление.

Внезапно возникшая слабость волнами накидывалась на нее, унося силы мозга и воли. Когда волны схлынули, она осталась, обмякшая, опустошенная. Добилась ли она успеха в деле, о котором просил Туран, она не могла ничего сказать с уверенностью. Они уже неслись по улицам Сингакока. Она боялась огней, видневшихся через завесу дождя, людей на улицах. Внутри ее проснулась Винтра и вместе с ней все страхи и ненависть, которые стали частью ее второй натуры. Дзианте было трудно удерживать свою собственную личность. То она Винтра — то Дзианта... она очень устала от всего этого.

Машина повернула в спокойную боковую улицу, где дома далеко отстояли друг от друга, разделенные стенами. Это была дорога Лордов — недалеко уже было до дворца Турана.

Автомобиль остановился у ворот. Охранники подошли к машине, осветив фонарем темную кабину. Послышался вскрик, когда луч света выхватил из темноты лицо Турана.

— Принимайте нас,— в его голосе было нетерпение, как будто эта задержка вызвала в нем раздражение.

— Лорд Командор...— голос человека с фонарем выдавал безграничное удивление, почти шок.

— Долго я буду ждать у своей собственной двери?— спросил Туран повелительным тоном.— Открывайте ворота!

Охранник бросился к воротам и они открылись. Они ехали по темной аллее, такой густой, что тяжелая, мокрая от дождя листва не давала возможности увидеть ничего за пределами аллеи. Автомобиль нырнул в туннель, вынырнул из него и остановился перед роскошной лестницей, ведущей в дом.

Дзианта оступилась, как только вышла из автомобиля. Она так устала, что эта лестница казалась ей неприступной вершиной, на которую она никогда не сможет подняться. Но Туран был рядом. Его рука взяла ее за локоть и повела, поддерживая, по лестнице. Один из солдат бросился к двери и стал громко стучать.

Дверь медленно открылась, как только они подошли к ней. Вспыхнули огни.

— Кто пришел беспокоить Высшего Консорта Дома Туранов. Сегодня третий день траура...

Человек, произносивший эти негодующие слова, внезапно осекся и смотрел, широко раскрыв рот, на Турана.

— Ты долго будешь держать нас на дожде, Лакстер? Ты будешь меня допрашивать у своей собственной двери?— Очевидно, компаньон Дзианты решил играть свою роль нагло и самоуверенно. Насколько правильным был выбор такого поведения, сейчас никто бы не мог сказать.

Потрясенный привратник отшатнулся. Его лицо было смертельно бледным. Он поднял руку, как бы желая оттолкнуть сверхъестественное видение.

— Лорд Командор Туран!

— Да, Туран!— Он посмотрел в холл.— Третий день траура кончился. Пусть все домашние узнают об этом.

— Лорд Командор.— Лакстер отступил еще дальше.— Ты... ты...

— Мертв? Нет, Лакстер, я не умер. Разве мертвецы ходят, говорят, возвращаются в свои дома, к своим домашним? А где же Высший Консорт? Пусть она узнает, что в трауре больше нет необходимости.

— Да, Лорд Командор...

— И смотри, чтобы этот офицер и эти солдаты были приняты гостеприимно в Доме. Они привезли нас сюда в эту дикую ночь,— он сбросил плащ и вернул его солдату.

— Боевой товарищ, теперь ты имеешь право быть моим другом. Так как я прошел через нечто большее, чем просто война, самую свирепую битву, какую ты только можешь себе представить!

Солдат вытянул руку в салюте.

— Лорд Командор, я готов служить тебе. Будь уверен, как только ты позовешь, я откликнусь без промедления!

Вся эта сцена прошла перед Дзиантой как на видеоэкране, когда она наполовину спит, глядя спектакль, не очень интересующий ее. Если она не расслабится, не найдет что-нибудь восстанавливающее силы, ей будет плохо.

— Теперь в мои комнаты,— Туран давал распоряжения.— Принеси нам вино и еду. Мы очень голодны, Лакстер.

Дзианта знала, что они поднимались по лестницам, вернее Туран тащил ее по ступеням. Но остальное она уже не помнила. Очнулась она уже в постели и Туран поднес к ее губам узкий бокал с горячей ароматной жидкостью. Почти без сознания она глотала и глотала. Напиток прогнал ее дрожь, но увеличил усталость. Она не могла открыть даже глаз, все тело ее было сплошной ноющей болью.

Она согрелась — совсем согрелась. Медленно она открыла глаза. Над ней был многоцветный потолок и, когда она смогла сфокусировать свой взгляд,цвета сформировали какие-то изображения формы. Но она никогда не видела их раньше. Эти странные животные — а может, это вовсе не животные, а растения? Это не

в ее комнате на вилле, это в...

С усилием она повернула голову, посмотрела на широкую постель. По ее краям стояли четыре столба, которые поддерживали живые растения, напоминающие лозу. Цветы кремового цвета, тронутые розовым на кончиках лепестков, виднелись в листве. За растениями виднелась стена комнаты, украшенная рисунками и металлическими пластинками.

Дзианта обхватила себя руками, чтобы собраться с мыслями. Эта странная комната была не на вилле. Тогда где же она и как сюда попала? Ее мысли путались, когда она пыталась припомнить, что же произошло с ней. И вдруг, как будто невидимый барьер рухнул у нее в мозгу, все всплыло в памяти. Туран — Винтра — гробница — бегство из нее. Туран... Должно быть, это дворец в Сингакоке, куда они приехали. А Туран — где же Туран?

Она дико осмотрелась вокруг, нуждаясь в этот момент в подтверждении, что она не осталась здесь, в прошлом, одна. Но никаких признаков чьего-либо присутствия в комнате не было. Девушка сползла с постели, спустила ноги на пол и попыталась встать. Комната стала погружаться вниз, раскачиваясь, и она была вынуждена ухватиться для поддержки за один украшенный листьями столб.

Со стены на нее смотрело огромное зеркало и в нем было отражение — не Дзианты, а Винтры! Шок от того, что перед ней стояла совершенно незнакомая женщина, был так велик, что она даже не могла смотреть на себя новую, изучать. Но затем она взяла себя в руки, укрепила свою волю и начала внимательно изучать свое новое обличье.

Она видела стройное тело, едва покрытое прозрачным бледно-розовым платьем, специально подобранным под цвет лепестков. Нет, оно не было стройное, оно было изможденное, исхудавшее. Руки до плеч, ноги до бедер были темно-коричневого цвета, а лицо, шея, все остальное имело желтоватый оттенок. Создавалось впечатление, что она долгое время находилась на солнце с открытыми руками и ногами. Ее волосы свисали до самых плеч и имели странный светло-голубой цвет. Она знала, что этот цвет натуральный, а не экзотический цвет краски.

Глаза, которые смотрели на нее из зеркала, были окружены ресницами темно-голубого цвета. Такого же ненатурального цвета были и брови. Во всем остальном ее лицо и тело были гуманоидными по форме, однако на руках и ногах был заметный пушок голубого цвета, резко контрастирующий с темно-коричневой кожей.

Так вот она — Винтра — Винтра повстанцев, предводительница Боевых Женщин Карка. Это всплыло у нее в памяти. Но она не должна давать Винтре слишком много свободы. Нет, она должна оставаться Дзиантой, в противном случае для нее нет будущего.

Корона — фокусирующий камень! Она быстро осмотрелась. Это был ключ, единственный ключ, который должен — или мо-

жет?— открыть путь назад. Ее обостренное беспокойство придало ей силы. Она начала рыскать по комнате в поисках камня. Стол рядом с другим зеркалом, на столе маленькие склянки, баночки, гребень, готовый к употреблению, две коробочки... Она стала открывать ближайщую, когда вдруг какой-то звук отвлек ее внимание. Часть разукрашенной стены вдруг исчезла, и в образовавшемся отверстии стояла другая женщина. Из памяти Винтры пришла информация.

Зуха М Туран.

Она держалась со спокойной уверенностью и превосходством того, кто со дня рождения повелевал и никому не отдавал отчета. Но теперь на ее лице, закрытом толстым слоем грима, было выражение напряженного ожидания.

Ее верхняя накидка была такая тонкая и прозрачная, как и у Дзианты. Она казалась каким-то иллюзорным облаком над нижней, более плотной и короткой туникой. Ее темно-голубые волосы были убраны в сложную прическу, поддерживаемую шпильками, украшенными искусно изготовленными насекомыми, которые при движении непрерывно колебались как живые. Талия была затянута широким поясом, с которого свешивались маленькие звенящие колокольчики. Из-под накидки выглядывали обтягивающие ноги туфли серебряного цвета.

Она безмолвно переступила порог и дверь закрылась. Они остались одни в комнате.

Дзианта чувствовала тревогу. Хотя она и не использовала мысленный поиск, но была уверена, что с Высшим Консортом вошла опасность. Где Туран? Может, его подвело тело мертвеца? Может, он снова вернется в гробницу и она вместе с ним? Но она не Винтра, с ней совладать не так просто, у нее есть оружие — ее мозг и она будет защищаться до последнего.

Она должна узнать, что же произошло с Тураном? Осторожно, как будто она обращалась со взрывчаткой, которая в любой момент может уничтожить ее, она попробовала мысленное зондирование.

Мысли женщины не поддавались прямой расшифровке. Но эта женщина ненавидела ее и в этой ненависти был страх, Дзианта это отчетливо ощущала. Туран... Дзианта пыталась ввести мысли о нем в мозг Зухи.

Мысль о Туране вызвала взрыв — безумная ненависть! А с ней — страх, почти паника. Страх и ненависть! Все, что вызывала в ней Винтра, было ничто по сравнению с тем, что вызывал в ней Туран. Но на лице не отразился дикий шторм, бушующий внутри.

Однако Дзианта узнала немного. Туран жив — и эта женщина его боится. Она хотела, она верила, что он мертв — а он жив. Не просто жив. Она была уверена, что он постоянная угроза для нее, и необходимо найти способ покончить с ним.

— Колдунья!— Зуха произнесла это слово так, как будто хотела бы заменить его импульсом лазера, чтобы испепелить Дзианту.— Ты ничего не выиграешь от своей черной магии! Будь уверена, я позабочусь об этом!

— Колдовство здесь ни причем. Это была воля Вута. Каждый человек может открыть дверь. Если по воле Вута человек пройдет сквозь дверь обратно в жизнь, кто имеет право спрашивать его об этом?

Все знания Винтры пришли к ней на помощь в миг нужды в них. Эти древние верования уже давно не признавались образованной знатью. Люди высшего общества только на словах верили во всю эту суеверную чепуху.

Жрецы Вута учили, что возможен выход через дверь для духа, которую можно было открыть только изнутри. Старинные легенды об этих невероятных событиях укрепляли могущество Вута. Его жрецы должны признать возвращение Турана, так как это укрепит веру в их учение.

— Туран умер. Каким колдовством ты заставила его двигаться и подчиняться тебе? Ты мне скажешь, и он...

Но прежде чем гнев полностью овладел ею так, чтобы она забыла всякую осторожность, Зуха замолчала. Было совершенно ясно, что она отказывается даже допустить мысль о каком-либо чуде. Ее вопросы говорят о том, что она что-то подозревает. То, что Зуха не обладала даром, Дзианта была уверена, или же ее энергия излучалась в совсем другом диапазоне волн.

— Туран не мертв. Разве не видела ты его собственными глазами?— она должна быть очень осторожна. Дзианта видела, что Зуха близка к такому опасному смешению гнева и страха, что может неожиданно напасть на нее.

— Собственными глазами, ты говоришь? Да эти слюнявые жрецы тоже. Подозревают ли они колдовство или нет, не знаю, но в любом случае они ничего не скажут, потому что это возвращение Турана им выгодно. Но Туран был мертв, теперь он жив... или его тело ходит...— ее рука сделала такое движение, какое делает человек, хватаясь за оружие.— Это не Туран.— Последняя фраза была четко выделена и означала она, несомненно, объявление войны.

— Но если это не Туран,— спросила девушка,— то кто же он?

— Скорее, что это такое, а, колдунья? Что ты вызвала из Холодных Глубин, чтобы вывести тебя из гробницы Турана? Будь уверена, что мы дознаемся до всего и тебя ничего хорошего при этом не ждет. Смерть с Тураном — это блаженство по сравнению с теми мучениями, которые положат конец твоей грязной возне с черной магией.

— Так это колдовство, моя милая, привело меня к тебе обратно?

Дзианта была так же поглощена разговором, как и Зуха, и они обе не заметили, что в комнате появился еще один человек. Это был Туран. Его лицо было обезображено раной, полученной в последнем бою. При хорошем освещении его вид был неприятным, так как кожа была грязно-серого цвета, и только глаза на безжизненном лице излучали жизнь. Дзианта удивилась, что это искалеченное тело все еще служит своему новому хозяину.

— Ты говоришь о колдовстве,— он подошел ближе, когда Зуха не ответила.— Но ты не говоришь о бесконечной милости Вута, о том, что твои молитвы о моем возвращении достигли его ушей. Откуда такие изменения в тебе, моя дорогая подруга, мой Высший Консорт? Разве ты не говорила мне тысячи раз, что моя смерть будет и твоей смертью, что ты возродишь древний обычай нашего народа и радостно последуешь за мной темным путем, если Вут выберет меня, чтобы я пошел первым? Но кто же разделил со мной гробницу? Не ты, несмотря на все твои клятвы. Ты послала со мной того, кто был моим врагом, того у которого в душе не любовь, чтобы облегчить мне путь, а ненависть, чтобы обрушить на меня темных и злых духов. Все твои обещания растаяли как дым в последний час прощания. Что же это, Зуха? Все твои сладкие слова — это лживые слова?

Он все время надвигался на нее, она отступала. И теперь под маской грима, наконец-то, появились какие-то эмоции. Часть ее грима отвалилась от кожи, когда ее губы искривились и напряглись, как будто она через силу сдерживала крик ужаса. Она медленно отступала при его приближении.

— Нет, не подходи ко мне, мертвец! Назад! Возвращайся в свои Холодные Глубины, откуда тебя вызвали при помощи черного колдовства!

— Из Холодных Глубин? Так вот что ты от меня хочешь, Зуха! А может, твоя фальшь и вернула меня назад, может, Вут не поверил твоим пустым словам и дал мне жизнь, чтобы я служил ему.

Она уперлась спиной в стену, протянула руку, ощупывая поверхность стены. Затем потайная дверь открылась и она почти упала туда, убегая все дальше и дальше. Затем дверь закрылась, оставив в комнате Дзианту и Турана.

— Вина рождает страх,— сказал он как бы про себя.— Как глубоко внедрилась в нее ненависть. Хотел бы я знать, в чем ее корни.

— Туран,— обратилась к нему Дзианта,— что ты узнал?

— Очень немного в то время, когда они оставляли меня в покое. Мне пришлось проявить много изобретательности, чтобы ускользнуть от жрецов. Они захотят заполучить меня для обследования, так как чудо им на руку. Я отослал их прочь. Я узнал, что, несмотря на дворцовые интриги, у Турана есть преданные сторонники. От одного из них я узнал кое-что о камне.

Он запустил руку под тунику и достал оттуда фокусирующий камень.

— Перед восстанием Туран совершил путешествие с рыбаками в южное море. И вдруг без всяких видимых признаков налетел шторм, совершенно не такой, как обычно. Из описания я предположил, он был результатом подводного извержения вулкана, которое сопровождалось огромными волнами. Но когда все кончилось, корабль оказался на плаву, но с поврежденными двигателями. Океан был неспокоен и по поверхности воды плавало много всякой всячины, поднятой извержением со дна.

Вскоре они увидели землю там, где ее не должно было быть по их картам,— каменный остров, покрытый морской растительностью, что доказывало его недавнее появление из-под воды. По настоянию Турана капитан отправил небольшую лодку на этот вновь образованный остров, и они там сделали две находки. Одна — кусок кирпичной стены, который не мог быть природным явлением.

Туран приказал работать, чтобы побольше осмотреть, но тут последовали два новых толчка, которые потрясли островок. Капитан боясь за корабль, решил отплыть подальше от этого островка, который мог снова погрузиться в море. Капитан ждал людей, высаженных на берег, которые спешили к лодке, и вдруг Туран отдалился от остальных.

Он не стал их догонять и капитан, выведенный из терпения крикнул ему, чтобы тот возвращался, а в противном случае они оставят его на берегу. Когда Туран вернулся, он ни слова не обмолвился о том, что его задержало, но вся его одежда была покрыта морской слизью, как будто он ворочал мокрые камни. Он потом сказал, что заметил что-то, похожее на высеченную из камня фигуру. Но было видно, что он чрезвычайно возбужден и даже пытался уговорить капитана встать на якорь где-нибудь рядом, чтобы утром послать на остров небольшую экспедицию. Однако, по всем признакам ожидался шторм и капитан не согласился. И действительно, шторм обрушился на них и полностью вывел из строя поврежденные двигатели и они были вынуждены идти в один из небольших портов при первой же возможности. Хотя Туран все время говорил о возвращении на этот остров, ему это больше не удалось. Вскоре после его возвращения вспыхнуло восстание.

— Ну и какое же отношение имеет все это к фокусирующему камню?— спросила Дзианта.

— Насколько мы знаем, у этого народа нет сенситивов. Но у них есть несколько девушек, которые содержатся в башне Вута. Они могут впадать в транс и отвечать на те вопросы, которые им задают жрецы. Очевидно, их способность весьма ограничена и быстро истощается. Каждая из них теряет эту способность после нескольких сеансов. Таким образом эти силы находятся в ведении жрецов и хорошо охраняются. Это используется только в моменты трудных испытаний для страны.

Туран постарался заручиться поддержкой жреца Третьего ранга, имеющего доступ к девушкам. Он попросил рассказать историю этого камня. Что рассказал ему жрец, пока неизвестно, но он тут же приказал украсить им корону, приготовленную для Высшего Консорта, которую она должна была одеть для погребения вместе с Тураном. И здесь он оставался до тех пор, пока Зуха не приказала одеть корону на твою голову, когда она решила, что ты должна выполнить ту роль, которую она отводила себе во многочисленных клятвах любви и преданности своему супругу.

— Это все вам поведал человек, преданный Турану? Он ничего не заподозрил, когда ты задавал вопросы о том, что и так

должен знать?

Губы Турана искривились в каком-то подобии улыбки. Впечатление от этой улыбки мертвеца было таким сильным, что Дзианта поспешно отвернулась в сторону.

— Я заметил, что он узнал камень и был удивлен, что он у меня. Остальное я потихоньку извлек из его памяти, так что он об этом и не догадывается. В этом мире сенситивы имеют преимущества перед остальными людьми. Уверен, что камень был найден на острове. Но существует ли еще этот остров — вот в чем вопрос. И если есть двойник этого камня, то остров — это первое место, где надо искать его.

— Если у тебя есть карты этой планеты, то мы можем поискать его по карте,— сказала Дзианта, вспомнив, как успешно она провела поиск по карте звезд.

— Мы должны отыскать их и побыстрее. Как я уже говорил, я не могу больше уклоняться от встречи с жрецами в их башне Вута. Даже если их сенситивы очень слабы, они могут обнаружить, что тот Туран, который вернулся, не настоящий, не то, во что они верят. Тогда Зуха снова поднимет свой крик о колдовстве, обвинит в нем нас и потребует нашего уничтожения. Так что времени у нас совсем мало...

Она посмотрела на него и кивнула. Тело Винтры хорошо повиновалось ей, да и взгляд в зеркале убедил ее, что она жива. Но Туран, с этими ужасными ранами, с этим мертвенно-бледным лицом — он вызывал подозрение и она была уверена, что это долго продлиться не может.

Они спешили так, как будто кто-то наступал им на пятки и все время подгонял — беги, беги. Дзианта нашла нижнюю короткую тунику, как у Зухи, и одела сверху длинную полупрозрачную накидку. Она забрала подол в обе руки, чтобы длинные полы не мешали ей бежать по коридору, соединяющему женскую половину с покоями Турана.

Они несколько раз слышали разговоры и передвижения в комнатах, мимо которых проходили, но в холл никто не вышел. Насколько они могли довериться мысленному зондированию, никто их не заметил. Дзианта едва поверила фортуне, которая наконец-то благоволила им.

Если существовали какие-либо записи о путешествии Турана, то их следовало искать в его личных архивах. Но искать вслепую, это значило потерять много драгоценного времени. Требовалось применить способности обоих — один должен стоять на часах и охранять, другой — заниматься поисками, как в апартаментах Юкундуса.

Трудно было даже представить, что они находятся не просто в чужом мире, но и во времени, которое давно забыто в ее собственном времени, а люди этого города не живут даже в преданиях и легендах. Дзианта этому не удивлялась, она только очень хотела вернуться обратно в свое время, хотя там, может, ее вновь ждет опасность. Но все опасности, которые существовали в ее реальности известны и отсюда они кажутся вовсе не опасностями,

а обычной жизнью. Только неизвестность ввергает нас в безотчетный и непреодолимый страх.

— Здесь,— Туран вошел в дверь и махнул рукой.

— Записи?— Она огляделась и увидела вокруг себя что-то знакомое. Она видела такие древние свитки с письменами в музее.

— Может для сохранения тайны, а может потому, что это обычный метод хранения информации в этом мире.

Он прошел в кабинет и вернулся с короткими веревками, связанными одним концом, оставшиеся концы были свободны. На веревки были нанизаны бусинки разного цвета и формы. Дзианта с удивлением смотрела на эти странные веревки. Для нее они не имели никакого смысла. Записи — заложенные в эти бусинки, нанизанные на веревки с неравномерным расположением по длине. Это было запоминающее устройство, о котором она никогда не слышала. Она взглянула на Турана, решив, что он смеется над ней.

Он пробежался пальцами по веревке, останавливаясь на бусинках тут и там.

— Запоминающее устройство. В наше время такие могут использоваться лишь отсталыми племенами, не знающими письменности. Здесь же это персональный шифр, который известен одному человеку. Информация, которая хранится с помощью этого кода, чрезвычайно важна и секретна. Каждый тип бусинки, тип узла, их цвет, размеры, расположение — все имеет смысл. Знающий шифр может сидеть в темноте и читать пальцами послание, написанное таким образом, просто пробегая по нему пальцами.

— Если они принадлежат Турану, ты можешь...

Он печально покачал головой.

— Я едва могу прикоснуться к памяти Турана. Даже не могу использовать все свое могущество, оно необходимо, чтобы управлять телом Турана.

Значит, он сам признает, что оболочка Турана весьма ненадежна. Дзианта протянула руку и коснулась клубка веревок. Если здесь зашифрована информация кодом, известным только одному человеку, то требуется мощная концентрация энергии, чтобы получить ее.

По сравнению с этим «считывание» информации в Корваре с лент было детской игрой. Там информация была введена таким же человеком, как она. Здесь же кодирование производил человек другого мира, другого времени, с совершенно чуждой психологией... Ну что ж, если это единственный ключ, что у них есть, она должна попытаться.

— Ты постоишь на страже?

Он кивнул, а Дзианта стала внимательно рассматривать веревки. Они были тонкие, шелковые, а бусинки белые, голубые и красно-оранжевые. Она пропускала их через пальцы взад и вперед.

Ощущение... ненависть... жгучая, смертельная ненависть, как будто эти шелковые веревки превращаются в змей и хотят на-

нести ей смертельный удар, если она попытается прочесть то, что они хранят. Со вскриком она отшвырнула прочь этот моток веревок.

— В чем дело?

Дзианта не ответила. Она держала руку ладонью вниз над всем этим клубком. Своим мысленным зондом она пыталась узнать, что служило источником излучения той ненависти, которая встретила ее первую попытку.

— Их... их недавно брали в руки. Брал кто-то, кто так полон ненависти и злобы, что теперь эти эмоции экранируют все. Пока я не разрушу их, ничего не могу поделать.

Он тяжело опустился на скамью, прислонившись спиной к стене, закрыв глаза. Вместе с закрывшимися глазами с его лица исчезли островки жизни и Дзианта содрогнулась, стараясь побыстрее отвести взор. Как будто в комнате был мертвец. Сколько же времени он может поддерживать Турана в полуживом состоянии?

— Кто же это сделал? Ты можешь узнать?

Она снова взяла клубок в руки. Сильные эмоции затрудняли прием впечатлений. Она сложила веревки в компактный пакет, поднесла его ко лбу, стараясь подавить все, кроме изображения, которое она хотела получить.

Зуха, да, ошибки не было, это она, Высший Консорт. Но было еще другое присутствие. Она поискала имя, внешний облик, чтобы Туран мог узнать по описанию того, чье присутствие она ощущала. Ненависть и озлобление Зухи — они были сильны и как волны обрушивались на Дзианту, но она терпела и искала.

— Зуха,— сказала она.— Но есть кто-то другой. Зуха приводила кого-то, чтобы получить информацию, но они ничего не достигли. Зуха была очень зла,она что-то очень хотела найти здесь. Она... я думаю, что она взяла некоторые из шнурков с собой, те, что считала наиболее важными.

— Если мы вскоре не найдем карту...— его мысль растаяла у нее в мозгу.

Время — она не могла победить время. Дзианта опять собрала все шнурки вместе. Если бы она имела часы, может дни, она бы разобралась в этом. Но у нее нет времени. Необходимо найти другой путь. Достаточно было взглянуть на Турана, чтобы понять это.

Остров, поднявшийся из морских глубин, и где-то на нем двойник того камня, такой же фокусирующий камень. Их камень связан с тем камнем, а они сами прикованы к своему камню. Если они не смогут разрушить эти связи, Туран должен будет умереть снова и она тоже — от рук Зухи — и смерть будет очень мучительной.

Многие предполагают, что после кончины бренной оболочки человека еще остается какая-то доля его интеллектуального облика. Обладающие способностями сенситивы уверены в этом. Дзианта не могла примириться с тем фактом, что она, Дзианта, покончит счеты с жизнью здесь, в этом чужом для нее мире, в чужом для нее времени.

Остров из моря и камень, найденный там. Девушка металась взад и вперед, лихорадочно обдумывая все возможное. На скамье в полумертвом состоянии сидел Туран. Один путь есть, но она не может осуществить его здесь, среди врагов, где в любую минуту может появиться кто-нибудь, не желающий видеть их живыми. Но где же?

Дзианта остановилась, осмотрелась вокруг, пытаясь быть хладнокровной. Она отважно обратилась к памяти Винтры. В этом мире уже существуют летательные аппараты. Близ города есть аэропорт. Если Туран сможет управлять самолетом, если они смогут добраться до аэропорта, если он захватит самолет... Слишком много если, слишком многое может стать непреодолимой преградой. Но это ее, а может, их единственный шанс.

Она опустилась возле Турана, взяла его холодные руки, стараясь согреть их, вдохнуть в него силы. Он открыл глаза, повернулся к ней. Опять на лице мертвеца появилась жуткая улыбка.

— Я вытерплю,— сказал он, как будто хотел убедить не ее, а себя.— Ты думала о чем-то... о чем же? Я могу мыслить, но иногда забота о теле требует от меня всех сил.

— Я знаю. Да, я кое-что придумала. Это может оказаться невыполнимым, но это все, что я могу предложить. Когда я впадаю в глубокий транс, должна быть в полной безопасности.

Он внимательно смотрел на нее.

— Ты хочешь попытаться сделать это, зная, к чему это может привести?

— Я не вижу другого пути.— Ей хотелось бы, чтобы он стал отговаривать ее, сказал бы, что есть другой путь, что не следует ей рисковать и испытывать влияние этого камня, который и так принес ей столько зла. Но он не сказал всего этого. Хотя он все еще внимательно смотрел на нее, его мысленный экран был закрыт, очевидно, он проверял ее план на выполнимость, выявляя его слабые стороны.

— Ну что ж, это возможно,— сказал он медленно.— Но ты права, нам нужно уединенное и безопасное место, где ты могла бы попытаться сделать это. Я не думаю, что мы сможем отыскать его здесь. Память Турана слишком мало открыта для меня и я не знаю, какие интриги против меня здесь плетутся. Но угроза Турану существует, он должен опасаться даже своих домашних. Это не впервые в истории, когда могущественный клан распадается, взорванный интригами изнутри. А где же нам найти безопасное место? Ты об этом думала?

— План у меня есть, но очень сомнительный,— она опять хотела бы, чтобы он отказался, доказал, что она не права.— У этого народа есть самолеты. Если мы захватим один из них,— я не думаю, что они очень отличаются от наших флиттеров,— мы сможем долететь до моря. Найдем безопасное место на берегу...

— Кажется...— начал он, но Дзианта резко повернулась к одной из стен, в которую была встроена потайная дверь.

Шум, слабое царапание заставили ее искать что-нибудь, что

можно было бы использовать как оружие. Ее взгляд остановился на высокой вазе на ближайшем столике, и она потянулась за ней, когда Туран встал со скамьи и пошел медленным тяжелым шагом, чтобы открыть дверь.

Человек проскользнул через узкую щель открывшейся двери и тотчас же закрыл ее за собой. Волосы на его голове были закрыты повязкой, на лице виднелись следы шрамов.

— Лорд Командор, хвала Вуту, ты здесь!— он перевел взгляд с Турана на Дзианту.— И эта тоже с тобой.

— Что-нибудь произошло, Вамаж?

Человек кивнул.

— Большие неприятности, Лорд Командор, может даже произойти катастрофа. Она...— чувствовалось, что он вложил в это произнесенное слово гнев и отвращение,— она послала за жрецами. Они заберут тебя и...— он указал пальцами на Дзианту,— эту в башню Вута, потому что о чуде должно быть объявлено всем. Но они не уверены, что вы доберетесь до убежища в целости и сохранности. За всем этим стоит Пувульт, Лорд Командор. Уже прошло полгода, как ты его изгнал, но ходили слухи, что он вернулся, когда ты воевал с повстанцами на севере. А когда... когда тебя похоронили и положили в гробницу, он появился открыто. И даже в этом доме, среди твоих стен.

— Значит, Высший Консорт приветствовала его?— спросил Туран.

— Лорд Командор, уже давно говорят, что она стоит на стороне молодой, а не старшей ветви твоего дома.— Вамаж избегал смотреть в глаза Турана. Было ясно, что у него есть и еще новости, но он боится их выложить.

— Когда я лежал в гробнице, Пувульт взял власть в свои руки?— Насколько могла посудить Дзианта, этот вопрос не возбудил подозрений в Вамаже относительно памяти Турана.

— Ты говоришь правду, Лорд Командор. Они думали, что ты ушел навсегда... и вдруг ты вернулся...

— С помощью Чуда,— прокомментировал Туран.— Оно дало мне могущество и я могу видеть все их интриги, с помощью которых они хотят покончить со мной.

Вамаж нервно облизнул губы. Он не мог смотреть прямо на Турана, его взгляд был направлен куда-то за его плечо.

— Лорд Командор,— он помолчал, как бы набираясь мужества для продолжения и затем начал быстро говорить,— она утверждает, что ты еще в гробнице, а эта ведьма Винтра сотворила подобие человека. Хотя каждый может прикоснуться к тебе, как я прикасался, и почувствовать, что ты настоящий, а не бесплотный! Но она говорит, что если тебя поместят в башню Вута, то все злые силы исчезнут: тогда все люди убедятся, что это колдовство, а не настоящее возвращение. Жрецы очень разгневаны. Они говорят, что в прошлом Вут возвращал на землю тех, чье земное предназначение еще было не закончено. Они не верят Зухе, но хотят, чтобы весь народ убедился в могуществе Вута.

Так что они придут за тобой, а она уверена в том, что ты не достигнешь башни Вута.

Туран засмеялся.

— Значит, она сама не верит своим словам, в противном случае она спокойно предоставила бы Вуту возможность решения.

Вамаж махнул рукой.

— Лорд Командор, я думаю, что она боится того, что ее предположения не верны. И если ты умрешь, тогда будет объявлена воля Вута.

— Но я не собираюсь умирать,— голос Турана был тверд. Его сильная воля поддерживала психические силы, которые в свою очередь поддерживали жизнь в мертвом теле.— По крайней мере, пока. Следовательно, нам следует подумать о безопасности...

— Мы можем сопровождать тебя в башню, Лорд Командор. Жрецы Вута встанут стеной на твою защиту, если потребуется!— прервал его Вамаж.

Туран покачал головой.

— Где мои верные солдаты?— какая-то тень пробежала по его лицу.— Мои верные солдаты,— повторил он с некоторым удивлением, как будто эти слова всплыли у него в памяти, а он не понимал их значения. Дзианта боялась, что Вамаж заметит эти сомнения, но он был настолько поглощен своими мрачными мыслями, что он ничего не замечал. Затем он горячо заговорил:

— Она их послала на север после того... после того, как тебя положили в гробницу, Лорд Командор. Они все твои боевые товарищи, они знали, как ты ненавидишь Пувульта. Под этой крышей ты можешь доверять только мне, Форми Тераху и более молодым Кор Си Питу, Джантан Си Ихто. У каждого из нас есть преданные люди, как ты знаешь. Нас вполне достаточно, чтобы в безопасности доставить тебя в Башню.

Туран нахмурился.

— Есть еще один, не из этого Дома, Он вне подозрений и за ним не следят. Он одолжил мне плащ в ту ночь, когда я вернулся.

— Да, я отыскал его. Его отец — жрец Вута, некто Гантель Су Рвельт. Они жили на южном берегу — юношу взяли в армию год назад.

«С южного берега!» Туран увидел в этом благоприятный шанс.

— Ты можешь тайно связаться с ним?

— Могу, Лорд Командор, но ты же знаешь, что в этих стенах не укрыться от подглядывания и подслушивания, здесь все имеет глаза и уши.

Туран вздохнул. Его лицо совсем превратилось в обтянутый черной кожей череп мертвеца.

— Вамаж,— он снова тяжело опустился на скамью, как будто уже не мог удерживать себя на ногах.

— Я покину дворец вместе с леди Винтрой. Я пока не хочу в башню Вута. Я еще должен кое-что сделать, о чем я узнал слиш-

ком поздно, когда был уже при смерти. Я должен это сделать теперь, пока тело еще подчиняется мне. Время работает против меня. И я должен быть свободен, чтобы передвигаться по стране безо всяких расспросов и вмешательства. Я прошу твоей помощи в этом, если даже мои боевые товарищи не хотят откликнуться на мой зов, то где же справедливость в этом мире?

— Истинная правда, Лорд Командор! Ты можешь положиться в своем деле на нас.

Дзианта смотрела на его встревоженное лицо и думала, можно ли доверять этому человеку?

— Отлично, больше мне никто не нужен. Я скажу тебе, что мне нужно. Ты знаешь о моем путешествии на остров, поднявшийся из моря? Мы говорили с тобой об этом...

— Да, я помню, Лорд Командор. Ты тогда хотел взять корабль и отправиться на поиски острова, но помешало восстание. Но... зачем?

— Там я нашел кое-что... вещь, которая должна обеспечить мою безопасность.

— Лорд Командор, ты, по-моему, болен, а может...— он повернулся к Дзианте. На его лице было сильное подозрение — ... может в том, что говорит Высший Консорт, есть доля правды, и эта распутница действительно околдовала тебя? Что можно найти на морских камнях, что способно помочь тебе сейчас?

— Нечто древнее и могущественное. В этом нет никакого колдовства. О том, что там лежит, я знал задолго до того, как Винтра вошла в мою жизнь.

— Камень! Камень, который ты привез оттуда и который затем приказал вделать в погребальную корону, чтобы он не достался никому. Но это же просто камень!

— Только с виду. Каким образом леди Винтра, в короне которой был этот камень, смогла прийти мне на помощь и доставить сюда, в эту комнату? Этот камень из глубочайшей древности. Разве ты не слышал о людях, обладающих странными способностями и могуществом? Что ты скажешь о старинных преданиях и легендах?

— Но им же верят только дети и простодушные люди! А мы делаем с помощью наших машин все чудеса, что они делали, о чем нам рассказывают легенды.

— Возможно. Но на острове есть вещи, обладающие невероятным могуществом, которого даже представить невозможно. Я считал, что камень, который я нашел,— это сокровище для глаза, а он оказался сокровищем для разума. С тем, что я нашел тогда на острове, и с тем, что я надеюсь отыскать там, я буду хорошо вооружен и смогу противостоять любому, кто хочет уничтожить меня. Даже часть его помогла мне выйти из гробницы и вернуться в мир живых.

— Как ты доберешься до острова?

— С твоей помощью и с помощью того молодого солдата. Вы подготовите для меня и этой леди, так как она тоже посвящена в тайну...

Вамаж действовал с быстротой, которую Дзианта не ожидала от него. Только интуиция спасла ее. Вамаж сжег бы ее небольшим лазером, спрятанным в рукаве, если бы она не бросилась на пол плашмя.

— Вамаж!— Туран вскочил на ноги.— Что ты делаешь?

— Это же Винтра, Лорд Командор. Если ты хоть немного зависишь от нее, то ей лучше погибнуть.

— И мне с ней. Вот чего ты добьешься, Вамаж, если убьешь ее. Я же говорил, что это она вернула меня к жизни, и без ее дальнейшей помощи я снова умру.

— Колдовство, Лорд Командор. Отдайся жрецам и прими их помощь...

Все еще лежа на полу, Дзианта послала сильный импульс энергии. Голос Вамажа внезапно изменился и затих, руки безвольно повисли, лазер выпал из разжавшихся пальцев. Она быстро схватила его. Управлять им оказалось просто — целься и нажимай кнопку.

«Тебе не следовало говорить ему все»,— мысленно передала она Турану.

«Он нам нужен, в противном случае мы будем делать один промах за другим и в результате ничего не добьемся».

По мнению Дзианты один промах они уже совершили, но она была вынуждена принять план Турана. Может, он делает громадные усилия, чтобы удержать жизнь в мертвом теле, и это отражается на его способностях трезво мыслить? Возможно, наступит время, когда ей придется взять командование на себя.

Неохотно она выпустила Вамажа из-под мысленного замка. Он потряс головой, как будто старался избавиться от головокружения и когда он полностью пришел в себя, Дзианта положила лазер на скамью рядом с Тураном.

— Смотри, человек Сингакока,— она говорила резким грубым голосом Винтры, предводительницы повстанцев,— у меня оружия нет. Твое оружие лежит на скамье. Подумай, если бы я была врагом, отдала бы я сама оружие? Я ненавижу Сингакок. Но когда мы с Тураном были в гробнице, мне встретилось нечто, что связало нас и что стоит выше всякой вражды между нами. Возьми оружие и, если ты мне не доверяешь, убей меня.

«Если он попытается,— подумала Дзианта,— если я чересчур рискнула, то остается только надеяться, что Туран успеет остановить его». Но Вамаж, хотя и протянул руку, как будто собираясь выстрелить в нее, но на полдороге остановил ее.

— Она говорит правду,— сказал Туран,— она не вооружена и среди врагов. Она не лжет.

Вамаж покачал головой.

— Это одна из их штучек, Лорд Командор. Чем еще повстанцы могут удержать нас от похода на них? Это их штучки...

— Чепуха. Винтра сейчас не имеет к повстанцам никакого отношения.

— Ты хочешь клятвы под алтарем Вута?— спросила Дзианта.— Меня связали другие узы, когда я провела во мраке гробни-

цы долгие часы, пока не открылась дверь для духа. Неужели ты думаешь, что кто-нибудь способен пройти через такое испытание и не измениться? Теперь я связана с Лордом Командором и это будет до тех пор, пока его миссия не завершится,— она надеялась, что убедила Вамажа, по крайней мере, в той части, что относилась к Дзианте.

Вамаж смотрел то на одного, то на другого.

— Лорд Командор, я был рядом с тобой с самой битвы при Ллируме, Я по собственной воле поклялся служить тебе. Сейчас я буду делать то, что скажешь ты...

Не слишком ли быстро он сдался? Дзианта запустила мысленный зонд. Находящиеся в непрерывном движении картины чужого мозга могли ввести в заблуждение, но она могла безошибочно отличить врага от друга.

— Все, что мне нужно,— это летательный аппарат и молодой солдат в качестве проводника. Уже поздно и я должен лететь сегодня вечером.

— Это будет сложно...

— Я не говорил, что это должно быть просто. Я говорил о том, что мне надо лететь!— голос Турана зазвенел, в его взгляде появился гнев.— Если мы не отправимся сейчас же, будет слишком поздно.

— Это верно,— согласился Вамаж.— Ну что ж.— Он заторопился, достал плащи с капюшонами и без знаков отличия из ящиков.

Часть пути они смогли проделать по личному коридору Турана.

— Хороший обычай,— сказал Туран Дзианте, когда Вамаж пошел проверить, свободен ли путь через дворец.

— Ты ему доверяешь? Он может сделать то, что по его мнению лучше для тебя, если сочтет твои приказы неблагоразумными. Винтру он считает самым коварным и основным врагом и не может изменить свое мнение о ней.

— Конечно, полностью положиться на него нельзя. Но ты видишь какие-нибудь другие пути, чтобы выйти из ловушки? Если он не предаст, то мы выиграем. Если же он ведет двойную игру, то мысленный поиск предупредит нас об опасности. Жаль, что мы не можем с уверенностью читать их мысли.

Однако по всему было видно, что Вамаж их не предал. Он вывел их из дворца через боковой выход на улицу, где ждал автомобиль.

— В аэропорту нас встретит солдат, Лорд Командор. Но нам нужно еще пересечь полгорода. Кто знает, что может произойти, пока мы доберемся туда.

— Тогда поехали.

Вамаж сел за руль машины. Она была меньше, чем та, на которой они приехали во дворец. Дзианта оказалась тесно прижатой к Турану. Вамаж сидел прямо перед ней. Дзианта была наготове. Она должна действовать при первых признаках того, что Вамаж уклоняется от исполнения приказа Турана. Пересечь

полгорода — это займет много времени, и будет довольно трудно держать Вамажа под контролем. Туран снова поднял все барьеры. Возможно, он все силы направил на борьбу за поддержание сил в мертвом теле.

В такой ситуации Дзианте следовало бы во все глаза рассматривать древний незнакомый город. Ведь перед ней было то, чего при всей своей учености не знали закатане,— цивилизация Предтеч. Но все, о чем она думала сейчас,— это ее бегство отсюда. Она должна контролировать Вамажа в течение всего пути.

Но казалось, что он достоин доверия Турана. Во всяком случае, автомобиль мчался быстро, безо всяких задержек, сначала по тихим улицам, а затем по улицам с оживленным движением. Если их бегство уже замечено, то преследователи еще не напали на след. Вамаж свернул с широкой улицы на боковую и затем опять куда-то свернул. Дзианта не имела чувства направления, а в памяти Винтры о городе ничего не было, поэтому она не могла оценить правильность решения Вамажа.

Наконец он сделал еще поворот и направился к месту, где было припарковано много автомобилей. Вамаж снизил скорость, когда они проезжали мимо стоянки, и затем направил машину к освещенному зданию.

По одну сторону дороги было огромное освещенное поле. Дзианта увидела, как на освещенную полосу выехал самолет, развернулся и после разбега взлетел в воздух. Он был вовсе не похож на флиттеры ее мира, он имел фиксированные крылья и, очевидно, требовал для взлета сильный разбег. Подняться непосредственно с места вверх он не мог.

Память Винтры содрогнулась при виде самолета. В ней возникли живые картины того, как с этих самолетов вниз летят какие-то предметы, взрывающиеся при падении, сеющие смерть, разрушения, страдания.

Был ли Туран пилотом? Винтра не знала этого. Дзианта попыталась мысленно прозондировать и получила ответ, что дело это сложное и требует длительного обучения и тренировок. А может, Вамаж полетит с ними в поисках того, чего может и не оказаться? Может, Туран хочет довериться еще кому-то? Или хочет подчинить мозг какого-нибудь пилота и заставить его выполнять приказания? Но это же невозможно на длительное время.

Вамаж все еще вез их. Огни уже превратились из сплошной линии в бегущую на них цепочку. Наконец он описал круг и остановился у небольшого самолета.

Вамаж погасил фары автомобиля, высунулся из окна и тихо позвал — Дорамус Су Гантель?

— К вашим услугам, Командор,— последовал быстрый ответ.

— Отлично,— Туран впервые заговорил с тех пор, как оставили дворец.— Благодарю тебя, боевой друг.

— Мне все кажется, что я сделал неправильно,— ответил Вамаж. В его голосе прозвучали тревога и усталость.— Я не понимаю, зачем тебе все это надо...— Он повернулся к ним, сидя

в кресле.— Лорд Командор, эта женщина — твой смертельный враг. Это же Винтра, которая поклялась перед Господином Бенгарила, что твоя голова будет насажена повстанцами на кол. А теперь...

— А теперь, по воле Вута, она служит мне так, как никто не может служить. Вспомни, откуда я вернулся, Вамаж. Если бы она хотела, чтобы я был мертв, разве я был бы здесь?

— Высший Консорт подозревает колдовство...

— У нее свои цели, ты же сам знаешь, Вамаж. Разве не ты предупреждал меня о ее намерениях покончить со мной? Я обещаю тебе, что когда я вернусь, все, что тебя беспокоит и озадачивает, будет разрешено и получит разумные доводы и разъяснения. Но если я останусь сейчас здесь, между жрецами и Высшим Консортом, то неминуемо вернусь туда, откуда пришел и очень быстро.

Вамаж вздохнул так тяжело, что Дзианта услышала этот вздох.

— Я не могу сомневаться, Лорд Командор, в твоих словах. Но если бы был третий вариант...

— Третьего, что могло бы спасти меня, нет, Вамаж. То, что мне нужно делать, не терпит отлагательства. Чем больше я теряю времени сейчас, тем меньше шансов на успех задуманного мной...

Он вышел из машины, Дзианта выскользнула за ним. Солдат подошел к ним.

— К твоим услугам, Лорд Командор. Приказывай.

— Надо лететь на южный берег и найти укромное местечко, где нас не увидят. Это очень важно и необходимо сделать быстро. Ты пилот?

— На личном самолете отца, Лорд Командор. Но на таком маленьком я не летал...

Туран прервал его.

— Тогда ты быстро приобретешь опыт за один вечер, боевой друг.— Он повернулся к Вамажу.— За все, что ты сделал сегодня вечером для меня, я всегда буду тебе благодарен. Ты спас мне жизнь, или продлил ее. Память об этом навсегда останется во мне.

— Позволь я полечу с тобой,— Вамаж протянул руку и притронулся к Турану.

— Я оставляю тебя здесь,— прикрывать мои тылы. Трудную задачу я тебе поручаю...

— Нет ничего, что бы я не сделал для тебя, Лорд Командор. Будь спокоен за свои тылы. Но сам берегись.

Дзианта почувствовала, что он смотрит на нее, когда предупреждает Турана.

— Не волнуйся,— ответил Туран.

Они взобрались в кабину самолета, солдат включил мотор и он начал свою беспокойную вибрирующую жизнь. Самолет развернулся, побежал по полю — Дзианта ждала взлета и почти уверилась, что что-то произошло и самолет не поднимется.

Однако их тряхнуло и самолет взлетел. Ощущение было очень

неприятным. Дзианта чувствовала колебания самолета всем телом, такого во флиттере не было. Полет в эру Предтеч был гораздо более неприятным занятием, чем в ее время.

— Хорошо, что маленькие самолеты могут взлетать без разрешения, Лорд Командор. Иначе...

— Если бы потребовалось разрешение, то нам пришлось бы сочинить какую-нибудь историю,— сказал Туран.— Ну, а теперь решим, куда лететь. Слушайте меня, многое зависит от этого. Ты должен сесть куда-нибудь поближе к морю. Это место должно быть укромным. Мы ищем источник могущества, который находится на острове. Укажет нам остров один...— Туран заколебался и продолжал,— от этого зависит будущее.

Но он не сказал, чье будущее. Дзианта улыбнулась в темноте. Влияние Турана — настоящего Турана — было огромным, раз он мог заставить слепо повиноваться себе этих двоих. Хотя у Вамажа остались сомнения. Возможно, сенситивы в этой цивилизации, где их таланты никем не признаются, могут воздействовать на людей, сами не сознавая того. Дзианта знала, что она может взять солдата под контроль, но на некоторое время, как она уже проделала это с Вамажем.

— Здесь есть плато Ксута, Лорд Командор. У него плохая репутация и там мало кто бывает со времен Командора Рольфри, хотя это все лишь болтовня крестьян...

Болтовня крестьян — может быть, но Дзианта уловила слабые тени в его мозгу, когда он говорил,— он сам верил в то, что на Плато таится что-то — не люди — что-то странное, угрожающее, внушающее страх. Если Туран тоже уловил это, то он не обратил внимания, потому что коротко сказал:

— Пусть будет Ксут. Ты можешь доставить нас туда?

— Думаю, да, Лорд Командор.

— Отлично,— Туран наклонился вперед со своего кресла, внимательно наблюдая за действиями пилота. Дзианта поняла, что Туран пытается овладеть искусством пилотирования этой древней машины.

Если бы можно было наладить четкий контакт с чужим мозгом, то никаких трудностей бы не существовало. Но мысленные картины человека чужой цивилизации непрерывно размывались и фокусировка на них должна происходить на более высоком уровне. Без просьбы об этом со стороны Турана Дзианта настроилась на его волну и начала снабжать его дополнительной энергией.

Они молчали. Пилот, наверное, думал, что они спят. Несколько раз они видели огни пролетавших самолетов, но, видимо, их никто не преследовал. Сомнения грызли Дзианту. Невозможно, чтобы Высший Консорт так просто выпустила их из Сингакока!

Ночное небо посерело, приближался день. Наконец они увидели восход солнца. Впервые за время долгих часов полета заговорил пилот:

— Море, Лорд Командор. Теперь поворачиваем на юг, к Ксуту.

Туран сидел безмолвно в кресле. Дзианта посмотрела на него с беспокойством. Он выглядел смертельно больным, и это ощущение усиливалось при солнечном свете. Сможет ли он выдержать? Да и надежда их такая слабая! Она почувствовала, как страх охватывает ее, начинает пронизывать холодом все ее тело.

— Ксут, Лорд Командор. Я думаю, что смогу сесть вдоль этой дорожки.

Дзианта закрыла глаза, когда нос самолета наклонился вниз и машина начала спускаться. Это казалось очень опасным, по сравнению со спуском на флиттере. Самолет стремительно несся вниз, прямо в скопления старых скал, и Дзианта только надеялась на то, что пилот знает, что делает, и что провидение должно спасти ее от гибели здесь, в чужом море.

Машина коснулась земли, подпрыгнула и еще раз коснулась, причем толчок был таким сильным, что Дзианту сбросило с кресла. Она услышала стон Турана и посмотрела на него. Лицо еще больше посерело, рот был открыт, как будто он задыхался. Хотя самолет уже катил по земле, пилот был в напряжении, как будто ожидал еще опасность.

Наконец, машина остановилась и пилот шумно с облегчением вздохнул.

— Фортуна милостива к нам, Лорд Командор.

Дзианта осмотрелась вокруг. Они находились совсем рядом с краем утеса, ветерок обдувал их, утреннее солнце было прямо перед ними. Сзади слышался шум морского прибоя, хотя море было не так близко, как она предполагала. Пилот приземлился на узкой ровной полоске между монолитными стенами скал. Растительности никакой не было. А торчащие из земли камни были неестественно черного цвета, хотя поверхность, из которой они торчали, была серого цвета с красными прожилками. Внезапно что-то ударило в ее мозг и она вскрикнула. Ощущение было таким, как будто она погрузилась туда, откуда явились эти камни, торчащие из земли.

— Ветер... в камнях,— слабым, похожим на вздох голосом произнес Туран.

Дзианта смотрела. Ее реакция сенситива на это место была чрезвычайно резкой. Здесь было что-то злое, что она почувствовала в словах солдата. Она не хотела прикасаться к этим странным черным камням, читать, что содержится в них. Здесь было присутствие прошлого, враждебного, подавляющего жизненные силы. Это были не просто камни, стоящие здесь в результате длительного воздействия ветра, солнца и воды. Нет, это были чужие камни, стоящие здесь по чьей-то воле. Развалины — давно исчезнувшего города — замка — Дзианта не хотела знать этого.

Над морем летали птицы с яркими желтыми крыльями. Но они не приближались сюда, между камнями тоже не было видно ничего живого, как будто все живое избегало Ксута. Дзианта погрузилась в мозг Винтры и получила тревожный ответ. Ксут — да, он известен повстанцам. Но только по рассказам, легендам,

как темное место, где в прошлом произошло что-то, что изменило весь порядок в мире, откуда пошли все социальные язвы и болезни мира, которые процветают и сейчас и которые послужили причиной последнего восстания.

Теперь она обратилась к своим способностям сенситива. Как сильно это влияние! Не только погода, эмоции, расположение города, но даже излучение его остатков, его окрестностей! Не сможет ли это древнее зло, которое горьким ароматом щекочет ей ноздри, помешать в том, что она должна сделать?

Стараясь не входить в контакт с черными камнями, Дзианта пошла к морю. Дзианта вышла на полку, которая казалась остатком старого огромного моста над прибоем: внизу морские волны бешено бились о его основание. Не было видно никаких признаков песчаного берега. Морские волны стремились к берегу, преодолевая гребенку остроконечных камней, торчащих из воды.

Но здесь, на этом выступе, на нее не действовало мрачное излучение черных камней. Это было единственное место, поднявшееся высоко в воздух, обдаваемое мельчайшими водяными брызгами прибоя, откуда она могла вести мысленный поиск в море.

Избавившись от воздействия камней, Дзианта не хотела возвращаться снова к ним. Отсюда она должна сделать попытку найти то, ради чего они прибыли сюда.

«Здесь,— передала она мысленное послание.— Среди камней ощущается слишком много древнего зла. Мне необходимо быть свободной от излучения камней.»

«Я иду...»

Она повернулась и увидела, что он идет медленно, осторожно, как будто управляет каждым движением тела, не надеясь на то, что инстинкты смогут управлять его телом достаточно надежно. Он махнул пилоту, приказав ему остаться у самолета, и когда он подошел к Дзианте, голова его была поднята, взгляд был твердым и ясным.

— Ты готова?

— Готова,— теперь, когда предстояло сделать то, что она решила, ей очень захотелось ускользнуть от этого. Она уже использовала фокусирующий камень и из-за него сюда попала. Если воспользоваться им еще раз, то что же может произойти еще? Не случится ли так, что она снова застрянет где-то, как сейчас? Она взяла камень в руки, но прежде, чем смотреть в него, она попросила:

— Держи меня. Не дай мне потеряться. Ведь если я...

— Тогда мы оба...— он кивнул.— Я сделаю все, что нужно, не беспокойся об этом.

— Ну, тогда...— она сжала камень в ладонях и поднесла его ко лбу...

Море, шум моря — дикое, разгневанное, ревущее море! Ее комната в башне вся дрожит, воздух наполнен громом волн. Гнев моря направлен против Норноха. Выстоят ли стены против

этого шторма? Если да, то против следующего и еще следующего?...

Дзианта — нет, кто это, Дзианта? Имя, слабый проблеск в памяти, который она старается ухватить, но он исчезает, как исчезает сон при пробуждении, Эрия!

— Эрия! — Ее голос звенит на фоне шума ветра и волн, как будто она старается разбудить себя, подготовить к тому, чтобы встретиться с тем, что должно быть.

Она неуверенно подняла руки. Ведь она же должна держать что-то на полу — смотри! Страх потерять что-то сдавил ей сердце. Она бросилась на колени, ее руки шарили по толстому ковру.

При каждом движении слышался звон полированных раковин, из которых была сделана ее юбка. Она была одета поверх тончайшей прозрачной рубашки, которая едва закрывала ее плоскую грудь. Ее кожа — зеленая — бледно-зеленая — или золотая — или голубая — нет, цвета играли, ведь она была покрыта чешуей, как будто драгоценные камни были приклеены к ее коже.

Она была Эрия Глаз! Глаза!

Больше она не шарила по полу руками в бесполезных поисках. Как только могла прийти ей в голову такая глупая мысль? Где еще могли быть Глаза, как не там, где они были с тех пор, как выбор пал на нее и она стала тем, что она есть сейчас? Она подняла руку и прикоснулась к обручу с двумя камнями на голове, которые она не могла видеть, только чувствовать,— над каждым виском, где им и следовало быть. Как она могла подумать, что они потерялись?

Она была Эрия и...

Она была — Дзианта! Волна памяти прокатилась по ее мозгу, расчистив путь другим мыслям. Ее голова повернулась и она с удивлением осмотрелась вокруг.

Стены овальной комнаты были опаловые, мягкие цвета играли на них и они были гладкими как внутренность раковины. Ковер на полу был ярко-красным, мягкий и пружинистый, как будто в нем самом была жизнь.

Два окна — длинные и узкие щели. Она подбежала к ближайшему. Она Дзианта — нет, Эрия! Глаза — они хотели, чтобы она была Эрией. Она подняла руки к голове, чтобы стянуть этот обруч с камнями. Ее руки ощутили жесткие как водоросли волосы, но не смогли снять обруч.

Дзианта должна остаться Дзиантой и выяснить, где же находится Норнох.

Она смотрела из окна, прищуриваясь, когда соленые брызги попадали ей на лицо. Но она разглядела другие башни.

Море наступало, уже много веков оно наступало. Ее народ сдерживал натиск моря, но когда рухнут Три стены, когда море придет опять, людям придется отступить, отступить назад и вниз, чтобы превратиться тем, кто выживет, в лишенных разума живых существ, копошащихся в мертвой тине, какими они были раньше.

Но это — это не должно произойти! По крайней мере, пока Глаза имеют голос, разум! Шесть Глаз и те, кто их носит,— по одному на каждую стену.

Она прильнула к щели, руки уперлись в стену. Она старалась успокоиться. Она собирала все силы — те, что достались ей при рождении, и те, что она развила упорными тренировками. Она все сконцентрировала на том, что было ее обязанностью — заставить стены держаться, быть защитой народа от моря.

Думать о стене, о том, как существа Лурла построили эту и две другие из выделений собственного тела. Строительство велось веками и все это время люди Норноха кормили, ухаживали, заботились о Лурла, чтобы создать защиту от моря. Заставь Лурла работать — заставь — заставь — заставь! Она уже была не Эрия — она была воля, сила, непрерывно толкающая Лурла, пока они не стали лениво ворочаться, реагировать. Ах! Как медленно! И все же большей скорости от них не добьешься.

Выделение, строительство, укрепление. Двигаться живее, чтобы волны не превратили нас снова в ничто. Глаза — направьте энергию туда, чтобы заставить Лурла работать.

Но как медленно! Может потому, как сказал Фани, что их народ отошел от старых обычаев, не стал приносить жертвоприношения? Воля — она не должна позволять своим мыслям отходить в сторону от главной цели, от того, что необходимо делать. Лурла — она могла видеть их в своем мозгу — их тела слизняков. Они ползали вдоль стены, за которую она отвечала, оставляя за собой пену, которая затвердевала на воздухе и укрепляла основание Трех Стен и башен. Старайтесь, Лурла! Проснитесь и двигайтесь — работайте ради жизни и спасения Норноха. Но они стали еще более неуклюжими, чем обычно. Двое упали со стены и лежали неподвижно. Что это?

Проснитесь, Лурла! Сейчас не время спать! Шторм свиреп, неужели вы не чувствуете, что башня шатается? Проснитесь, выделяйте, стройте!

Лурла — она как будто уже кричала во весь голос.

Рев моря все еще стоит в ушах, но он становится слабее, его ярость уменьшается. Наверное, Фани ошибался — это вовсе не самый страшный шторм из всех. Ей уже не нужно бояться...

«Дзианта!»

Окон, через которые она смотрела, уже не было. Она была на открытом воздухе. Слышались крики птиц, носящихся над морем. Перед ней, положив руки на ее плечи, как будто эти руки вытащили ее из того времени и места, где она только что побывала, стоял Туран.

Она высвободилась из его рук, отвернулась от моря и стала смотреть на камни, как будто она могла увидеть Норнох, его башни, Три Стены, которые были все еще в опасности, если Лурла будут спать, а не выполнять свою вечную задачу.

Нет, все давно закончено. Как давно? Сколько лет, веков прошло с тех пор? Она не могла ответить на этот вопрос. Возможно, столько же лет стояло между Эрией и Винтрой, сколько

между Винтрой и Дзиантой. Но это число ее мозг оценить не мог.

Она знала, где находится, вернее находился Норнох, если от него хоть что-то осталось. Она протянула руку, указывая на местность.

— На суше... или под водой, но здесь!— громко сказала она. На нее уже обрушилась слабость, которая всегда сопровождала ее, когда впадала в транс. Она позволила Турану отвести ее к самолету.

Моментально, как будто их приход был сигналом, из кабины самолета вышел солдат. Его лицо под шлемом было очень встревоженным.

— Лорд Командор. Я только что получил сообщение. Они пользовались Эс-кодом...

Ни память Винтры, ни память Турана не могли сообщить им ничего о том, что такое Эс-код и для чего он служит. Дзианта использовала мысленное зондирование и получила ответ — «Военный код для сообщений высшей степени секретности».

— Повстанцы...— начал Туран.

Но пилот замотал головой.

— Лорд Командор, они охотятся за тобой и получили приказ немедленно убить тебя.

На лице пилота было написано смятение, как будто его лишили всего, во что он верил, и приказали делать то, чего он не мог понять.

— Зуха в отчаянии,— сказала Дзианта.

— Это не имеет значения. Только время для нас важно,— ответил Туран.— Боевой друг, теперь мы должны расстаться. Ты сослужил мне очень важную службу, ты даже не представляешь, какую услугу ты мне оказал. Однако, дальше не полетишь с нами...

— Лорд Командор, куда бы вы ни направились, я с вами, — его решение было твердым.

— Но не в Норнохе же...— что заставило Дзианту сказать это? Она не знала.

Его голова резко дернулась как от удара.

— Что... что вы знаете о Норнохе?

— Там находится то, что мы ищем,— ответила она.

— Лорд Командор! Не верь ей! Норнох — это же сказки, которыми моряки пугают детей. Нет Норноха, нет людей-рыб — они только в кошмарных снах!

— Тогда нам придется искать в снах.

Пилот встал между ними и кабиной самолета.

— Лорд Командор, эта... ведьма действительно околдовала тебя. Не позволяй ей вести тебя к смерти.

Хотя она очень устала, но Дзианта сделала то, что должна была сделать. Она собрала энергию и ударила ею, как ударила бы обычным примитивным копьем или мечом. Он обхватил голову руками и, пронзительно вскрикнув, опрокинулся назад и рухнул на землю в тени от крыла самолета.

— Конечно, это плохо,— сказала она,— но ничего другого не оставалось...

— Я знаю,— сказал Туран. Голос его был монотонным, очевидно, он устал так же, как и она.— Мы должны улететь до того, как он придет в себя. Туда, куда мы направляемся, ему не место. Ты уверена в направлении?

— Абсолютно,— ответила она просто, когда они забрались в кабину самолета.

Дзианте хотелось закрыть глаза, когда Туран запустил моторы самолета и направил его к морю. Поднимется ли самолет в воздух, или они потеряют высоту и рухнут в голодные волны океана? Она знала, что Туран перенял все искусство пилотирования от солдата, но это же его первый полет и он может стать последним. Они были низко — над самой водой, — и несколько мгновений Дзианта думала, что все кончено. Но затем нос самолета выровнялся. Изможденное лицо Турана выражало страшное напряжение, как будто он усилием воли поднял самолет в воздух.

Она держала фокусирующий камень в руках, ощущая силы, исходившие из него и тянущие ее. Но где же лежит второй Глаз? Может, в глубине океана, откуда им не достать его?

Она сосредоточилась на камне, однако приняв все меры предосторожности, чтобы не впасть в состояние транса. Сохранять это шаткое равновесие между фокусированием и сохранением своей личности было очень трудно, это изнуряло ее. Да и телесные силы стали истощаться. Она была голодна, хотела пить, нуждалась во сне, но она старалась прогнать все это прочь используя то, чему учил ее Оган. Он заставлял ее использовать тело всего лишь как инструмент, и нельзя допускать, чтобы требования тела возобладали над разумом и волей.

Далеко ли? Это был вопрос чрезвычайной важности. Ведь самолет мог быть не предназначен для длительного полета. Кончится горючее и тогда...

Дзианта полностью заблокировала мозг, не отвечая на вопросы Турана, сосредоточив все силы на том, чтобы вести их к цели. Она стала частью этого путеводного камня.

Время перестало существовать для нее. Она ощущала только тонкие нити, исходившие из камня. Вдруг она заметила, что нити становятся крепче, их легче чувствовать, когда самолет берет курс от земли, в открытое море. Камень стал теплее и она быстро взглянула на него. Яркость тоже увеличилась и он излучал вспышки света, как будто это было устройство для передачи сообщений.

— Камень,— сказала она голосом, так как не хотела нарушать концентрацию мыслей на нем.— Он проявляет признаки жизни!

— Должно быть, мы где-то рядом,— голос его был тихим, почти шепот.

Но если он в глубинах океана...

Дзианта пододвинулась к иллюминатору, пытаясь разглядеть, что же впереди. Солнечные лучи отражались от воды и слепили глаза. Но... какая-то тень поднималась из воды!

— Туран! Остров!

Самолет сделал круг. Все, что Дзианта видела внизу,— это острые пики скал и никакой растительности. Где же им сесть? Если бы это был флиттер их времени, то трудностей при посадке не было бы — достаточно небольшой площадки. Но самолеты этого мира требовали больших пространств при взлете и посадке.

Туран описывал круги. Он сказал:

— Остров больше, чем я предполагал. Может, рассказы о нем были неверны, а может, он еще больше вышел из воды с момента своего первого появления.

— Смотри!— закричала Дзианта.— На юг — туда!

От утесов в центре острова прямо в бушующие волны тянулась полоса, сложенная из громадных каменных плит. Волны бились о плиты, оставляя на них пену. Это было похоже на огромный пирс, к которому могло пришвартоваться много кораблей.

— Ты можешь сесть на нее?

— Единственный путь, чтобы узнать это, — попытаться,— Туран уже пришел в отчаяние и готов был садиться куда угодно.

На этот раз Дзианта закрыла глаза, когда самолет спустился и покатил по этой странной мокрой полосе, если это, конечно, была полоса. Дзианта ощущала толчки, броски, встряхивания. Вероятно, плиты были вовсе не такими гладкими, как казалось сверху.

Наконец вибрация мотора прекратилась. Они остановились, не разбившись об острые камни и не рухнув в океан. Когда она рискнула выглянуть в иллюминатор, то ничего не увидела. Он был весь мокрый. Самолет стоял близко от воды, изредка обдаваемый брызгами при сильных ударах волн. Но они уже были в безопасности.

— Туран! — Она огляделась вокруг. Он сидел, откинувшись назад. Она тронула его за плечо, тряхнула.— Туран!

Он медленно, как бы преодолевая боль, повернул голову. В глазах была смерть.

— Я больше не могу держать тело. Слушай, открой мозг!

Страх охватил ее. Она бросила фокусирующий камень на колени, чтобы его излучение не мешало приему, наклонилась вперед, обхватила его голову руками, как будто это был предмет, который она должна «прочитать» ради спасения своей жизни.

Информация втекала в ее мозг — все, что он узнал от солдата, как им улететь отсюда, когда она закончит все, зачем они прилетели, что она должна делать потом, когда она все успешно завершит.

Она все это восприняла. Затем запротестовала:

— Держись! Ты должен держаться! Ведь в противном случае...

Остаться здесь навсегда! Это хуже, чем смерть! А может, смерть отпустит его, когда он вернет ей тело, которого так и не смог полностью оживить? Этого она не знала. Единственное, что она твердо знала, так это то, что она не должна позволить ему умереть здесь. Поэтому она должна найти ключ не только к ее возвращению, но и к его оживлению.

Она наклонилась к нему и инстинкт заставил ее попытаться вдохнуть жизнь в это тело тем путем, когда о мысленной энергии люди даже не догадывались. Ее губы коснулись безжизненных губ Турана, и она постаралась передать ему свою энергию.

— Держись!

Времени было мало. Дзианта с трудом открыла дверцу кабины и вышла из самолета. Она прижала фокусирующий камень к груди и пустилась в путь по каменным плитам. С воздуха путь казался гораздо короче. Самолет остановился примерно на середине полосы и ей предстояло пересечь широкое пространство, прежде чем она доберется до главной части острова.

Было ясно, что дорога была делом чьих-то рук, а не слепой природы. Но она долгое время была под водой. На плитах были раковины, и кое-где встречались гниющие остатки водорослей, пустивших корни в трещинах плит. Камни, из которых была сделана дорога, были огромны и так плотно пригнаны друг к другу, что даже века не смогли отделить их.

Тяга фокусирующего камня стала такой сильной, как будто к нему была привязана веревка, которая тянула его вперед. Где-то впереди находился второй конец веревки. Как найти его в этом диком нагромождении камней?

Ее дорога кончилась перед грудой камней, как будто здесь были развалины какого-то сооружения, но камень все еще тянул ее дальше. Дзианта начала трудный путь, среди острых камней. Ее одежда не была приспособлена к такому путешествию. Колени были исцарапаны и кровоточили после нескольких неудачных падений, ногти сломались, а ладонь была порезана об острый край раковины.

Но она упорно пробиралась вперед между камней, пока не достигла самой верхней точки. И здесь...

Хотя веревка еще продолжала тянуть ее, но пути дальше не было. Перед ней снова встало древнее огромное сооружение, но на сей раз совершенно целое. Это были гладкие стены, которые возвышались над утесом.

Дзианта пробежала кровоточащими пальцами по поверхности, ища какое-то отверстие, трещинку, которые не заметили ее глаза. Но стена была гладкой и непроницаемой. Дзианта знала, что за стеной лежит то, за чем она пришла. С воплем отчаяния девушка опустилась на землю у подножия стены. Ее руки не смогли проделать путь сквозь нее. Может, в самолете есть какой-нибудь инструмент, с помощью которого пробьется она через стену? Но это маловероятно, ведь кладка выстояла века под сокрушительными ударами морских волн и ее не так легко разрушить.

Оставался только один путь, опасный путь. Поддержки у нее не было. Звать Турана, значит убить его. И все же она должна сделать этот последний шаг, в противном случае они останутся здесь навсегда. Отказ принять смерть без борьбы был присущ ее народу и это укрепило ее решимость. Она поднесла фокусирующий камень ко лбу...

Она снова оказалась в овальной комнате. Она чувствовала тяжесть Глаз, прикрепленных к головному обручу. Страх сгущался вокруг нее, как будто с таинственно мерцающих стен сходили мрачные тени.

Шторм — она выдержала этот шторм, заставила Лурла работать и укреплять стены — но с большим трудом. Они сопротивлялись — сопротивлялись! Тяжело дыша, она обдумывала, что же это значит. Может, ее могущество, ее способность управлять Глазами ослабевает? И уже настало время, когда...

Нет! Это время еще не пришло. Она не так стара и слаба! Просто-напросто шторм был сильным, таким сильным, какого еще не бывало до сих пор. И Лурла устали. А вовсе не ее слабость тому причиной. Она посмотрела на свое обтекаемое тело, твердое под юбкой из ракушек. Нет, она еще не готова отказаться от Глаз, отречься от них.

Эрия подошла к щели окна. Волны были уже гораздо меньше, но все равно море выглядело голодным, злым и даже облака, низко висящие над морем, были зловещими. Если расчеты Огни правильны...

Несмотря на вздохи моря, она услышала за собой слабый звук. Обернулась и увидела женщину, стоящую в двери, которая открывалась в стене. Она была тонкая и хрупкая, грубые волосы темно-зеленого цвета — цвета юности. Тело было обнажено и блестело от недавнего погружения в воду, шейные жабры все еще немного приоткрыты.

— Приветствую Глаза,— сказала женщина, но в приветствии слышалась насмешка.— После шторма нам удалось собрать хороший урожай. Он много хорошего выбросил на берег. Хуна заявила, что у нее не хватает силы управлять Глазами.

Все это время она внимательно смотрела на Эрию жестокими и алчными глазами.

«Ах, да, Атея, как сильно ты хочешь, чтобы я тоже отказалась от непосильной ноши!» Эрия с трудом заставила себя не коснуться рукой обруча с Глазами. «Атея, тебе с самого начала не нравилось, что Глаза были доверены мне и теперь ты внимательно следишь за мной, зная, что твоя сестра имеет шанс получить их. Но Хуна — она ведь на пять лет моложе меня! И нельзя забывать, что в Норнохе меня не очень-то любят. Я всегда одна, не люблю общества, такова уж я, этого я изменить не могу, это часть моей жизни. Но тогда — кто же встанет на мою сторону, если поднимется разговор?»

— Хуна хорошо служила,— Эрия очень следила за своим голосом. Эта не должна заподозрить, что Эрию смутили ее новости.

— Она могла бы служить даже лучше,— показался острый язычок, который облизнул губы, как будто почувствовал что-то приятное и хотел продлить удовольствие.— Собирается военный совет...

Эрия замерла и затем усилием воли постаралась расслабиться, надеясь, что Атея не заметила этого движения чувств. Однако она боялась, что от проницательного взора Атеи ничто не укроется.

— Но это же против обычаев. За Глазами надзора нет...

— Фани сослался на закон о Тройной Опасности. В таких случаях воины не зависят от Глаз. Это тоже обычай.

Эрия с трудом подавила восклицание. Фани — фанатик, приверженец старых путей, от которых современные люди отошли, — Фани, который говорит о Кормлении,— если Фани найдет сторонников, то что же тогда произойдет?

— Воины встречаются сейчас,— Атея придвинулась ближе, ее глаза пытались отыскать следы беспокойства на лице Эрии.— Фани говорил с ними. И Голос Пика...

— Голос Пика,— перебила ее Эрия,— не говорит уже столько лет, сколько ты помнишь себя, Атея. Сам Рубин не мог заставить его ответить, когда работал с ним в прошлом году. Древние имели свои тайны, и мы давно потеряли их.

— Потеряно не так много, как мы считаем. Возможно, потому, что мы ищем другие пути, менее трудные, но и более слабые. Тор нашел способ заставить говорить Голос. Они с братом изучали мудрость древних. Говорят, что наше будущее очень мрачно, если мы не найдем способа умилостивить Лурла. Хуна не смогла заставить работать троих во время шторма.

Троих? Она не справилась с тремя! Но ей, Эрии, не подчинилось четверо! И Хуна отказалась от Глаз. Из этого следует, что она тоже должна — но о чем это говорила Атея? Она хотела знать побольше.

— Ты говоришь, что Хуна могла бы служить лучше,— ей очень не хотелось задавать вопросы Атее, она чувствовала, что та злорадствует.— Что ты имела в виду?

— Если Голос предскажет следующий шторм, то Фани будет иметь мощный голос на совете. Разве Глаза не поклялись служить всю жизнь Норноху? Где же они могут служить, если их власть над Лурла ослабнет? Только использовать свою силу, чтобы заставить Лурла производить побольше потомства. Когда-то Кормление было обычаем. Только новые веяния последних лет устранили эти обычаи.

На этот раз Эрия не смогла сдержать отчаянный вздох и тут же увидела огонек торжества в глазах Атеи.

— Кормление было давно, когда люди следовали старым темным обычаям. Ведь есть же указ Гана, что люди не должны возвращаться к мрачным варварским обычаям. Разве для того мы поднялись из грязной слизи?

— Фани считает, что речи Гана и ему подобных ослепили, расслабили нас. Как ты находишь Лурла, Носительница Глаз?

Так же они сильны, так же они подчиняются твоим приказам, как раньше?

Эрия изобразила улыбку.

— Спроси об этом у Норноха, Атея. Разве башни рушатся? Разве стены трещат под ударами шторма?

— Пока нет. Но если Голос скажет, что надвигается второй шторм, третий...— теперь улыбнулась Атея.— Думаю, что после заявления Хуны, Фани будут слушать многие. Он может даже потребовать единоличной власти, Эрия. Подумай над этим.

Она кивнула и исчезла, Эрия снова посмотрела на море. Голос — неужели брат Фани восстановил его? Но скорее всего просто трюк, чтобы Фани приобрел вес в совете и мог столкнуть народ на старые пути, к старым варварским обычаям, от которых их отвратил Ган. Голос был установлен на высочайшем пике внутри Трех Стен. В старые дни он точно предсказывал приходы штормов. Но обычай послужил причиной того, что он замолчал. Дело в том, что по обычаю только определенная линия народа обслуживала Голос, разбиралась в его сложном механизме. Когда был Год Кровавого Потока, первыми погибли те, кто понимал Голос.

Годы он продолжал исправно функционировать, хотя уже не было тех, кто за ним ухаживал. Народ поверил, что он вечен. Затем он стал ошибаться, сначала нечасто, а затем постоянно, и наконец, заглох навсегда. В течение двух поколений люди работали над ним, стараясь разобраться, запустить, но без всякого успеха. В конце концов пришли к тому, что Голос, как и Лурла, подчиняется только мысленным приказаниям, а те, кто мог приказывать, уже не существовали. Никаких видимых точек коммуникации, таких, как Глаза, обнаружить не удалось.

Глаза — и Хуна отказалась от своих! Возможно, что она в большей степени не смогла совладать с Лурла, чем предположила Атея? Конечно, Лурла теперь уже не ублажают так, как раньше. Но их количество аккуратно контролируется и пополняется по мере надобности. Однако можно предположить, что начала развиваться какая-то мутантная ветвь, которая не так быстро и беспрекословно подчиняется Глазам. Люди в течение веков сильно изменились с тех пор, как шаг за шагом они выходили из моря.

Теперь они уже амфибии. Но над ними все время висит страх, что море погубит Норнох, их единственный оплот на суше, они потеряют с таким трудом добытый разум и превратятся опять в морских существ, которые уже не смогут называться людьми.

Вернуться к Кормлению Лурла пищей, давно запрещенному, правильно ли это? Ган учил, что это дико, по-варварски и низводит их до уровня клыкастых морских хищников.

Обруч, поддерживающий Глаза, сильно давил ей на лоб, голова ощущала его тяжесть. Она уже не могла горделиво носить его как раньше. Она вернулась к окну, оперлась о твердую раму. Ветерок с моря охлаждал и смачивал ее покрытую чешуей кожу. Она так устала. Пусть бы те, кто никогда не одевал Глаз, по-

носил бы этот тяжелый обруч. Они думают только о власти и привилегиях ее положения. А тяжесть, страх, ответственность — никакие уважение и почтительность не могут их уравновесить.

Почему бы тогда не последовать примеру Хуны, признать, что это стало слишком трудно для нее, что четверо отказалось повиноваться ей? Если она так сделает, то сдаст еще одну стену Фани и тем, кто подчиняется ему. Единственные возможные носительницы Глаз еще молоды, легко поддаются влиянию, а одной из них — Вазе, Эрия не доверяет. Нет, пока она еще может, останется на посту, тем более, если собираются вернуться к Кормлению. Даже мысль об этом была для нее ужасна, а к тому же ворота Норноха будут распахнуты для людей худшего типа.

И все же, если Голос предскажет следующий шторм и Фани потребует власти до того, как он придет...

Она как будто плыла между клыкастыми хищниками, готовыми схватить и прикончить ее. А она так устала...

Хуна — она должна пойти к Хуне. Она должна узнать все, она должна убедиться, что в том, что происходит, виноваты не Глаза, а мутация самих Лурла. Знание — сила, и чем больше знания она соберет, тем прочнее построит свою защиту.

Даже если Хуна отказалась от Глаз, она еще не покинула башню. По обычаю она не могла сделать этого, пока не придет новая носительница и не произведут церемонию смены. Так что время еще есть.

Эрия бежала по коридорам, перебираясь из одной секции в другую. Большинство людей не бывало здесь, в соединительных коридорах между башнями. Покой носителей тщательно оберегался. Их беспокоили только иногда, когда требовалось проверить Лурла или каким-нибудь другим образом использовать их талант. Во время, когда собирался совет и, кроме того, появлялась возможность услышать Голос, внимание всего Норноха устремлено туда. Она никого не встретила во время своего путешествия, башни были пусты.

Вскоре она пришла в башню Хуны. Своими перепончатыми пальцами Эрия отстучала свой личный код. Медленно, неохотно дверь открылась и Эрия вступила в комнату, которая была копией ее собственной. Перед ней стояла Хуна. Она выглядела очень странно без Глаз. Эрия никогда не видела ее без Глаз, ведь они получили их в один день.

— Сестра,— заговорила Эрия, смущенная тем, что Хуна смотрит так, как будто Эрии нет в комнате вовсе.— Мне рассказали такое, чему я не могу поверить.— Она замолчала.

— Чему ты не поверила?— Хуна спросила тоном, в котором отсутствовало всякое выражение, как и в лице.— Что я отказалась от Глаз, что я больше не смотрю и не охраняю? Если ты говоришь об этом, то это правда.

— Но почему ты это сделала? Все... все из нас знают, что Лурла бывают непослушны временами, что их бывает трудно заставить выполнять свою задачу. В последнее время это случается все чаще.

— Во время шторма я поняла, чем стали Лурла.— Хуна не ответила ей прямо.— Трое из них не ответило на призыв Глаз, даже когда я использовала всю силу. Следовательно, я когда-нибудь погублю Норнох. Пусть кто-нибудь другой, у кого больше сил, займет мое место и охраняет стены.

— Ты уверена, что кто-нибудь станет делать это лучше тебя?

При этом вопросе жизнь вернулась в лицо Хуны, в больших глазах сверкнул огонек. Она смотрела на Эрию так, как будто все еще носила Глаза и теперь старалась прочесть мысли своей подруги.

— Что ты имеешь в виду?— спросила она.

— Ты не чувствуешь, что Лурла изменились?— сказала Эрия.— Они стали менее подвижными в последнее время. Возможно, в этом виноваты не мы, наши силы не стали слабее, просто Лурла научились противодействовать нашему влиянию.

— Может быть и так, но говорят, что Кормление вернет их к повиновению. Без него они становятся неуправляемыми. Во всяком случае, пусть другие, тренированные по-новому и, возможно, более сильные, встанут на мое место и попробуют.

Кормление! Значит, Хуну уже почти убедили. Неужели она не понимает опасности, если это мнение получит широкое распространение?

Может ей, Эрии, следует хранить при себе свои наблюдения, может, она дает оружие в руки врагам?

И тут выражение лица Хуны изменилось. Она отбросила свое безразличие, в ней пробудился интерес.

— Значит, ты находишь, что они стали менее подвижными, более инертными? Скажи мне, сколько их не подчинилось тебе в этот раз?

— Почему ты думаешь...

— Почему я думаю? Потому что ты боишься, Эрия. Да, я чувствую твой страх. Ты пришла узнать, почему я отказалась от Глаз. Поэтому я решила, что ты тоже считаешь, что твои силы слабеют. Здесь нет места тем, кому Глаза не подчиняются. Не лучше ли покориться и отдать Глаза до того, как народ потребует испытания, после которого их сорвут с тебя и ты станешь ничтожным, достойным только сожаления существом!

— Это не просто,— Эрия попыталась отвергнуть обвинения. Но не так просто солгать тому, кто носит Глаза.— Фани говорит на совете. Он настаивает на возвращении к Кормлению. Он обещает, что Голос заговорит...

— Предположим, что это правда, и Голос сообщит о следующем шторме,таком же сильном, как этот? Предположим, что носитель не сможет заставить Лурла выполнять их задачу, у него не получится — тогда из-за его тщеславия падет Норнох!

— Это не тщеславие, нет. И не страх,— запротестовала Эрия.— Если мы вернемся к Кормлению, то мы сразу же вернемся к тому, с чего начали, забудем учение Гана, погрязнем во Зле. Ведь Кормление Зло, в этом я уверена!

— Странные слова из уст того, кто поклялся управлять

Лурла, не щадя ничего, даже собственной жизни!— Это был голос мужчины.

Эрия быстро повернулась, чтобы увидеть говорящего.

— Фани!— прошептали ее губы.

Он стоял горделиво в дверях, выше, чем многие мужчины, может быть, менее развит физически. Его быстрый острый ум светился в глазах. В этот момент Эрия интуитивно поняла, почему он представляет угрозу ей и таким, как она. Фани имел власть, но не такую, какую имели носители, однако достаточно сильную. Он не имел власти над Глазами, это раздражало его, поэтому он был их врагом.

Фани не был и воином. Он не мог обращаться ни с каким оружием. Его единственное оружие — это его мозг и язык. Но он очень искусно пользовался ими и часто одерживал победы даже над более сильными соперниками. Он завоевал себе место в этом мире, теперь хотел получить еще большую власть.

Эрия все это поняла в тот момент, когда их глаза встретились. Она уже боялась не только за себя, она боялась за Норнох, за тот образ жизни, который Фани разрушит, чтобы прийти к власти.

— Ты поклялась защищать Лурла,— повторил он, когда не дождался ответа.— Разве не так, Носительница Глаз?— В нем чувствовалась та же злоба, что и у Атеи, но во много раз более сильная и жестокая.

— Я клялась в этом,— ответила угрюмо Эрия.— Но я клялась также следовать по пути Гана.— Теперь ее будущее было потеряно для нее. Она боялась этой встречи, но неожиданно для себя открыла, что обладает источником внутренней силы.

— Если Лурла погибнут, то как нас могут спасти поучения того, кто давно умер?— Он изображал человека, который объясняет очевидное ребенку или туповатому человеку. Однако Фани всех женщин считал именно такими.

Спорить с ним было бессмысленно, убедить его было невозможно. Он мог настоять на проведении испытания. Будут ли поддерживать ее другие носители? Она подумала, что ей не стоит рассчитывать на это, особенно после такой перемены в Хуне. Кажется, она сама на себя навлекла неприятности своим необдуманным визитом к Хуне. Но даже если это и так, нельзя терять времени на сожаления, необходимо собрать все силы для борьбы с Фани. То время, что у нее еще осталось, она должна использовать на...

Время? Что-то смутное, слабое шевельнулось в глубине ее мозга — странное воспоминание, которого она не могла понять. Время очень важно — не только для нее, но и еще для кого-то другого — она почувствовала какое-то смятение, странное ощущение, что она совсем другой человек. Это было пугающее чувство и она поспешно подняла руки, чтобы почувствовать Глаза.

Что же она чувствовала в этот странный миг отчуждения, дезориентации? Он прошел, этот миг, но осталось странное чувство, напоминание ей, что она должна что-то сделать как можно

быстрее. Отточенной тренировками волей она отогнала это чувство. Сейчас нужно думать только о Фани.

— Не тяжел ли для тебя вес Глаза, Носительница?— спросил он.— От этого есть хорошее лекарство: откажись от них. Или может ты хочешь, чтобы у тебя их забрали с позором после того, как весь народ убедится, что Лурла тебе не повинуются?

— В этом убедиться невозможно!— Она гордо подняла голову. Все странные ощущения того, что она это не она, исчезли.— Кто ты такой, что судишь о пригодности Носителей?

Она была бесстрашна, возбуждена, она бросила ему вызов, так как нельзя было терять времени. Ее слова подействовали на него так, как ее мысленные подхлестывания действовали на Лурла. Он, конечно, не дернулся под действием слов, но цвет его чешуи заметно изменился.

— Есть только один путь оценить Носителя — испытание. Так как Хуна отказывается носить Глаза, то испытание будет. Ты тоже можешь принять в нем участие.

Он хотел напугать ее? Если да, то он очень разочаровался. Интуитивно она чувствовала, что это означало бы конец. Ее голос был спокойным, когда она ответила:

— Отлично, пусть увидят все.

Что бы ни привело Фани к Хуне, он обо всем забыл. Бросив на Эрию свирепый взгляд, он вышел из комнаты. Дождавшись, чтобы шаги в коридоре стихли, Эрия повернулась к Хуне.

— Ты открыла ему дверь, отказавшись от Глаз.

— *А ты откроешь другую,— ответила Хуна.— Я только подчинилась Закону, когда увидела, что не могу больше управлять* Лурла. Если видишь, что ты теряешь силы, то чем дольше ты оставляешь Глаза у себя, тем большую ошибку совершаешь.

— А если Фани совратит совет и с ним весь народ назад, на старые темные пути? Неужели ты не помнишь Хроники Носителей — кто были первые, кто шел на Кормление? Может, тебе мучительно спрашивать об этом? Чем лучше может Фани продемонстрировать свою власть, как не таким спектаклем?

— Мы клялись, когда принимали Глаза, что будем подчиняться Закону...

Эрия нетерпеливо махнула рукой.

— Не говори мне о Законе — особенно, когда речь идет о Кормлении. Особенно, когда речь идет о том, что может помочь Фани захватить власть в Норнохе! Но не бойся, если он добьется своего, я буду первой жертвой, а не ты!

Она отвернулась от Хуны. Любые слова, которые она могла бы сказать ей, будут использованы против нее. Она вовсе не желает обвинять Хуну, что та хочет стать добровольной мученицей.

Она направилась в свою башню, пытаясь обдумать все, совладать с теми страхами, которые Фани поселил в ее мозгу. Но когда он выглянула из окна, она увидела то, что немедленно оттеснило все ее размышления на второй план. Она увидела все признаки того, что давно уже научилась распознавать,— приближение шторма.

То, что он пришел так быстро после предыдущего,— было очень странно и неестественно. Лурла очень устали, они нуждались в отдыхе, переваривании специальной пищи, выращенной для них. А кроме того — стена Хуны осталась без защиты.

Лурла — Эрия с помощью Глаз посмотрела в их норы. Они лежали на полу неподвижные, толстые, бескостные куски мяса. Не было видно ни малейшего шевеления. Она запустила мысленный зонд. Одна — две подняли немного свои передние концы. Остальные не двинулись. Они не выглядели объевшимися.

Эрия решила впервые сделать то, что не допускалось обычаями: она заглянула в норы других носителей. В каждой она заметила Лурла, которые выглядели нормально и большое число тех, кто выглядел совсем необычно. Некоторые из них, ненормальных, двигались непрестанно, без отдыха, сердито. Если бы Фани это увидел — это было бы ему на руку.

Накопленный за много лет опыт подсказал ей, что шторм наберет силу примерно через день. Времени достаточно, чтобы Фани нанес удар. Она ничего не могла поделать — а может?..

Лурла кормили культурой, выращенной по рецепту, выработанному Ганом. Но до этого... Она опять использовала Глаза для необычной задачи. Она не была уверена, что сумеет сделать то, что задумала, однако она решила пройти по старым каналам между стен и камней острова. Она знала о их существовании только по рассказам. Она облегченно вздохнула, когда обнаружила, что оказалась в море.

Воодушевленная первым успехом, Эрия начала концентрировать силы, создавать картины в мозгу и наконец нашла открытые ворота в океан. Теперь...

Эрия собрала все силы. В воде было много жизненной силы. Она не могла различить отдельные формы, имитирующие ее, она только соприкасалась с самой жизнью. Эрия начала применять свои силы так, как она обычно воздействовала на Лурла. В этот раз она не толкала, а создавала сзади себя сеть, как у рыбаков, и тянула ее за собой.

Она трудилась изо всех сил, концентрируя энергию, создавая силовые поля самой разнообразной конфигурации. Наконец, боясь даже подумать, что она добилась успеха, она потащила свою добычу по давно забытым и неиспользуемым внутренним туннелям в бассейны, где выращивалась культура для кормления Лурла. Трижды она проделала это титаническое путешествие из моря в бассейны, где валялись неподвижные Лурла.

Сколько она перетащила, она не могла сказать. Хотя можно было зарегистрировать довольно сильную эманацию жизненной силы. Эрия занялась одной из Лурла, которая не ела,— ближайшей к бассейну. Она начала толкать ее к бассейну. Лурла двигалась медленно, неохотно, как будто эти усилия были для нее очень трудны. Но она двигалась.

Затем...

Она приблизилась к краю бассейна. В ней вдруг проснулся интерес, она пробудилась. Эрия уже понимала, что первая часть

ее эксперимента удалась. Лурла стала питаться, и она поглощала жизненную силу.

Она излучала удовлетворение, довольство, это излучение достигло ее собратьев. Они зашевелились и двинулись к бассейну — тяжелые, неповоротливые туши,— чтобы присоединиться к пиршеству. Изнуренная Эрия упала на ковре. Она прервала контакт с Лурла, чтобы восстановить контроль над собой. Если Лурла наедятся и устоят против надвигающегося шторма, тогда Фани не рискнет предложить на совете Кормление. Придется только восстановить старые туннели. Конечно, со временем перед ними встанет проблема, с которой столкнулось поколение Гана: невозможность кормить Лурла натуральной пищей в количествах, достаточных для восстановления их сил, особенно после сильных штормов, когда морские обитатели скрываются в глубины. Но она выиграла первый раунд у Фани, и он не сможет незамедлительно провести в жизнь свои планы. Это все, чего она хотела сейчас.

Время...

Опять ее обеспокоили проблески каких-то неясных воспоминаний. Что-то глубоко закопанное в ее памяти пыталось пробиться наверх. Эрия села, обхватив колени руками, прижав колени к груди. Она как бы приготовилась к схватке с кем-то, непрошенно вторгшемся в ее память. Время неумолимо уходит... Почему это так ее беспокоит? Она не должна думать над этим, она боялась делать это и страх был таким же сильным, как и страх, вызываемый Фани.

Звук — он отозвался эхом, вибрацией стен башен — прошел через все ее тело.

Голос! Ее поколение никогда не слышало его, но ошибки быть не могло: его невозможно было спутать ни с чем. Похвалы Фани оказались не пустыми словами — Голос говорил.

Не словами — только ритмом биений. Но эти звуки проникали в тело каждого, в разум каждого! Эрия вскрикнула. Вибрация голоса сконцентрировалась в Глазах, и они вызвали такой приступ боли, что она покатилась по полу, крича от боли и стараясь сорвать с головы обруч, источник диких мучений.

Как-то она умудрилась отцепить его, содрать с головы. Она лежала без сил, облегчение было таким сильным, что она могла только стонать от счастья, что боль покинула ее. Но биение Голоса сотрясало ее тело и мозг. Постепенно она начала понимать смысл его звучания.

Как она тащила из моря жизненные силы для Лурла, так теперь тащило ее саму. Но что-то внутри ее, какой-то твердый сердечник, который был Эрией, сопротивлялся этой силе. Все ее мысли собрались вместе.

Когда рассказывали о Голосе, никогда не упоминали о таком эффекте. В этом было что-то злое — неправильное. Голос был предупреждение, защита народа. Он не воздействовал на разум, не угнетал его. Что сделал Фани с ним?

Неправильно — все неправильно! Понимание этого зрело в

ней. Это было давление, вмешательство в разум других людей! Все же она против воли, стоя на четвереньках, продвигалась по направлению к дверям в ответ на зов неумолимого, неумолкающего Голоса.

Нет, она не должна слушать Голос — этот Голос стал оружием Фани. Эрия боролась с силой Голоса, наконец она растянулась на полу. Обруч с Глазами был одет на руку как гигантский браслет. Она посмотрела на Глаза. Они светились зелено-голубым огнем, такими она их никогда не видела. Может ли она с их помощью разрушить воздействие Голоса?

Боль, может ли она выдержать ее? С мужеством, которого она не ожидала в себе, Эрия положила руки на Глаза. Боль, да, но не такая сильная, не такая уничтожающая, как тогда, когда обруч был на голове.

Она могла выдержать ее, она могла разрушить влияние Голоса на нее. Она должна пойти, должна видеть, что произойдет, она вооружена, чтобы противостоять Фани и его Голосу.

Она вышла из башни и направилась к сердцу Норноха. Вокруг нее шли люди. Все молчали, они смотрели прямо перед собой, их тянул Голос, они не принадлежали себе.

Итак, они шли к сердцу Норноха, где был высочайший пик, на котором в его убежище находился Голос. На пологом месте под ним стоял Фани. Голова его была покрыта прозрачной серебряной раковиной огромных размеров. Рядом с ним была Атея и прочие, тоже экранированные от воздействия звучания Голоса.

Люди покачивались в такт звукам, которые обрушивались на них сверху. Их лица были пустыми, безо всякого выражения. Они сбивались все теснее и теснее к подножию пика. Голос повелительно притягивал их, сбивал в тесную кучу, толпу без разума и собственных мыслей.

Эрия остановилась поодаль, она держала себя в безопасности от зова Голоса, крепко стискивая Глаза. В толпе она увидела знакомые лица. Не только Хуна, которая отказалась от Глаз, но и другие носительницы сняли свои обручи.

Она посмотрела на Фани. На его лице было выражение торжества. Он медленно поворачивал голову, рассматривая толпу, он наслаждался властью над этими безвольными, нет, лишенными воли насильственно, созданиями.

Эрия подалась назад, но поздно: он уже заметил ее и понял, что зов Голоса не действует на нее, не лишает воли, не затаскивает в его сети. Наклонившись вперед, он тронул за плечо одного из охранников в шлеме и показал на Эрию.

Как только охранник поднял свой гарпун, Эрия повернулась и побежала. Куда она могла бежать? Назад в башню? Но они настигнут ее там. Она свернула на одну из боковых лестниц и бежала по ней, зная, что бежит от смерти.

То, что теперь Голос управлял Норнохом, было очевидно. Не было никакого смысла в том, что она нашла способ кормить Лурла. У нее не будет возможности рассказать об этом никому, кроме тех, чьи уши будут глухи к ее словам.

Задыхаясь, она добралась до верха стены и побежала вдоль нее. Небо было темным. Сверкали меж облаков молнии, освещая горы и башни острова. Как будто звучание Голоса ускорило приход шторма.

Лурла — их нужно поднять, послать на посты! Но если за ней охотятся, а другие носительницы сняли свои обручи с Глазами...

Если бы она могла найти место, откуда могла бы исполнить свой долг! Перед ней была башня Хуны. Ее башня за портом стены. Эрия оглянулась и увидела, что сзади появился первый охранник.

Вокруг башни по самому краю стены! Она старалась не смотреть на острые камни внизу. Эрия одела обруч с Глазами через плечо. Так он не мог упасть, а руки ее освободились и она могла держаться. Шаг, еще шаг, не думать о преследователях, сосредоточиться только на своем опасном продвижении!

Наконец опять широкая поверхность, широкая как дорога. Она побежала по ней, а ветер с моря все крепчал. Если порывы ветра еще усилятся, ей больше не обогнуть башню по узкому краю. Шквалом ее сбросит вниз и разобьет о камни.

Несмотря на начинающийся шторм, она уже видела свою цель, но не знала, хватит ли у нее сил и мужества, чтобы добраться до нее. Каменный утес, подобный тому, на котором был Голос, но не такой высокий. Он был на расстоянии хорошего прыжка от стены. Она хорошо знала, что на нем со стороны моря есть расщелина, где она может спрятаться.

Она подбежала к намеченной точке, оценила расстояние. Если у нее не получится с первого раза, то на второй раз она не решится. Отважно она бросила себя над пропастью, сильно ударившись, упала на утес. Собравшись с силами, она нашла расщелину и, скорчившись, протиснулась в нее.

Запах моря поднимался снизу. Ветры и волны начали свое жестокое нападение на Норнох. Она одела обруч и сосредоточилась на Лурла.

Они... они уже работали! И с такой скоростью, какой она никогда не могла от них добиться. Это, должно быть, действие Голоса! Неудивительно, что Фани, чувствуя себя в безопасности, позволил носителям снять обруч.

Но... и тут она все увидела! Лурла работали, да, но бессмысленно, бесцельно. Они выбрасывали свою пену и вдоль стен и на пол, где попало. Они перемещались очень быстро. Даже когда она вошла с ними в контакт, ничего не изменилось. Бесценный строительный материал без разбору и без пользы оказывался везде, кроме тех мест, где в нем была настоятельная необходимость.

Поспешно Эрия пыталась замедлить их движение, дать им направление, как она это всегда делала. Бесполезно. Воздействие Глаз на них прекратилось, оно перебивалось Голосом. Фани убил Лурла и она ничего не могла поделать.

Эрия пришла в себя, когда в камни у ее головы ударился гарпун, брошенный со стены. Она оглянулась и увидела, что охран-

ник нацеливается для следующего броска. Скорчившись, она старалась превратиться в ничто.

Но прежде, чем последовал бросок, она услышала хриплый крик со стены, а затем по краю утеса, на котором она пряталась, покатилось, подскакивая на камнях, тело охранника. Он был сброшен или порывом ветра или просто оступился.

Прежде, чем второй охранник займет его место, она должна уйти отсюда, хотя ей очень не хотелось спускаться вниз, покидать это место. Она нашла еще одну расщелину. Но она была очень мала для нее. Она спустилась ниже и обнаружила то, что искала: отверстие поглубже. Эрия забилась туда. Теперь она была уверена, что сверху ее не видно. Ниже уже было море, бежать было некуда. Море обдавало ее брызгами, дышало своими запахами, манило к себе.

Она снова посмотрела на Лурла. Зрелище было ужасным. Распределение пены и закрепление вещества было беспорядочным. Потоки пены стекали со стен прямо на пол, не успев затвердеть на стенах и укрепить их.

Из своего укрытия Эрия слышала звучание Голоса, хотя он почти заглушался ревом ветра и моря. Он работает для Лурла. Знает ли Фани, что происходит? А может, он этого и хочет?...

Долг повелевал ей вскочить и кричать народу, о том, что происходит. Но уши людей сейчас были глухи, да и она, прежде чем добежала бы до них, была бы убита. Она села, зажав Глаза руками, и стала думать.

Глаза — их носители были очень чувствительны к ним. Если бы она могла связаться с разумом хоть одного носителя, предупредить. Но они же все сняли обручи. Она должна попытаться. Раньше она пыталась изучать старые способы коммуникации с помощью моря, тогда не думала, что это может ей пригодиться. Почему не попробовать другое? Если она соберет все силы и приложит к...

Она быстро скинула обруч с плеча и он резко ударился о камни. К ее ужасу один Глаз отскочил. Прежде чем она успела схватить его, он покатился и исчез в трещине. Остался один левый. Она должна попытаться, хотя силы, которые были в ее распоряжении, уменьшились вдвое.

Эрия сосредоточилась так, как никогда в жизни не делала. Она закрыла глаза и представила лица носителей. Но она не могла держать в уме больше трех за раз. Ну что ж, пусть три... Она кричала им, как будто стояла перед ними, кричала предупреждение, раз за разом, опять и опять, не зная, слышат ли они ее или нет. Наконец она устала, устала до того, что не могла удержать в мозгу их лица. Она открыла глаза — в темноту, во мрак!

Шторм! Нет, шум моря казался слабым шепотом. Но она в темноте! Она шарила руками вокруг себя и чувствовала влажную липкую поверхность.

Эрия стала биться в эту поверхность. Сначала ей показалось, что она поддается, но это оказалось только иллюзией. Она пробежала пальцами по ней и поняла всю правду: она замурована.

Запах слизи был ей знаком — это была пена Лурла! Эта дыра, в которую она забилась, была связана с норами Лурла. Их пена, которую они выпускали сегодня в таком изобилии, выбилась наверх и перекрыла отверстие, через которое она проникла сюда. Она навечно замурована здесь!

Ей стало плохо от ужаса. Прижимая обруч к груди, она тыкалась в темноте вправо и влево, громко крича. «Погребена — заживо — выхода нет — это смерть — смерть...»

«Не смерть — не смерть,— это тот, неизвестный, в ее мозгу проснулся, заговорил.— Обратно — не смерть — обратно — выходи, возвращайся!» Но это не Эрия думала — это была...

Шум моря — она уже могла дышать — она вернулась! И в ее руках...

Дзианта резко вскочила, глядя на то, что она держала. В одной руке был фокусирующий камень, в другой — кольцо из блестящего металла с двумя гнездами и в одном гнезде был двойник камня, другое — было пусто! Глаза Эрии!

Но как — она осмотрела свое тело, почти ожидая увидеть покрытую чешуей кожу, чужие, незнакомые формы. Нет, она была в теле Винтры. И она — она как-то не только нашла двойник камня, но и принесла его из прошлого. Как долго она была в Норнохе? Туран... он умер?

Вскочив на ноги, она бросилась к самолету. Солнце уже было низко — оно почти садилось, рисуя сверкающую полосу на волнах. Остров скрывался в зловещем полумраке. Дзианта содрогнулась, припомнив последние моменты, когда была Эрией. Она не хотела больше такого жуткого испытания. Должно быть, она приобрела себе свободу в тот момент, когда Эрия умерла. И если она не...

Она открыла дверь кабины и заглянула внутрь. Он лежал на сиденье, закрыв глаза. Он выглядел совсем как мертвый.

— Туран!— она схватила его за плечи, напряглась изо всех сил, чтобы поднять его, заставить открыть глаза, взглянуть на нее.

Дзианта склонилась над ним. Страх настолько овладел ею, что она даже не догадывалась применить мысленное зондирование, чтобы нащупать хоть искорку жизни в теле Турана. Его глаза медленно открылись и Дзианта с облегчением увидела, что они сфокусировались на ней, узнали ее...

— Не умер,— его безжизненные губы едва шевелились, когда он произносил слова.— Ты... вернулась...

— Ты знаешь, что я умерла, там?

Казалось, что у него не было сил даже на то, чтобы кивнуть, но она ощущала слабое шевеление мысли и все поняла.

— Ты мне помог!

Он что-то сказал неразборчиво и голос его затих. Глаза опять закрылись, голова повисла.

— Нет! Нет, Туран! Мы же выиграли, добились успеха!—

Перед его закрытыми глазами она держала два камня, один отдельно, а второй вделан в обруч. Неужели уже слишком поздно или нет?

Дзианта подумала о том, как Эрия использовала эти камни. Может ли она сделать то же самое, передать с их помощью Турану немного своей жизненной силы?

Она попыталась одеть обруч на голову, но его форма не подходила на нее. Наконец, после нескольких попыток, она взяла камни в руки и поднесла их ко лбу. Думать, думать о жизни, энергии, силах, искать в Туране остатки жизни, еще не погашенных смертью. И она нашла их, соединилась с ними, начала снабжать их своей волей, своими силами, своей верой и надеждой. Она старалась возродить к жизни своего спутника, влить в него жизненные силы.

Он ощутил прилив энергии. Глаза его открылись, он сел в кресло.

— Нет,— его голос окреп.— Я могу держаться. Не истощай свои силы, ты и так сделала очень много. Может наступить момент, когда нам понадобятся все силы. Мы должны вернуться назад — назад, к началу — в гробницу Турана. Ты должна пилотировать самолет.

Дзианта не протестовала. В свой мозг она уже вложила соответствующую информацию. Но куда им лететь? Сможет ли она правильно выбрать направление?

Он, должно быть, прочел ее сомнения и ответил:

— Я покажу,— затем он снова впал в состояние небытия, экономии энергии. Дзианта поняла, что все теперь ложится на ее плечи.

Дзианта села в кресло перед пультом управления. Весь порядок ее действий надежно сидел у нее в голове. Сможет ли она поднять самолет? Или же он рухнет в море, и для них наступит быстрый конец. Но других путей нет — надо было рисковать.

Руки у нее дрожали. Она запустила мотор, и самолет двинулся вперед. Она как безумная работала рычагами управления и с трудом поверила, что они взлетели в вечерний воздух. Она обогнула скалу — единственное, что осталось от Норноха,— глаза устремлены на указатель управления. Стрелка немного вибрировала, а затем успокоилась. Если Туран поможет, то они смогут добраться до цели. Пока они летели над морем, она обдумала все, что произошло с ней. Она не могла понять, каким образом камень из прошлого остался с ней. Единственное, что она могла предположить, что энергия того камня, который был у нее, оказалась решающим фактором, обусловившим переход во времени, невероятный переход. Без тщательного изучения невозможно понять, каким образом психические силы запасены в этих камнях.

Эти камни в те далекие времена в Норнохе эксплуатировались целыми поколениями сенситивов. Такое общение с ними позволяло аккумулировать энергию. Камни, разбуженные Дзиантой, ста-

ли ее излучать. Надолго ли хватит этой энергии? Удастся ли с ее помощью вернуться к современникам?

Наступила ночь. Самолет все летел, стрелка компаса, не колеблясь, показывала нужное направление. Туран пошевелился, вздохнул. Но Дзианта не стала сообщаться с ним ни мысленно, ни голосом. Его не следовало беспокоить. Для того, чтобы держаться, ему нужны были все силы. Он спас ее в момент смерти Эрии, отдав ей все резервы. Это был долг, который она обязана была вернуть.

Наконец они увидели берег, огни на нем. И тут же в небе появились движущиеся огни. Это были, по крайней мере, два самолета. Дзианта не могла маневрировать самолетом и не знала других средств для защиты. Оставалось только надеяться...

Самолет летел прямо по курсу, так что Дзианте не приходилось управлять им. Она схватила обруч с камнем и начала освобождать его из гнезда. Наконец ей это удалось и она крепко зажала камни в ладонях.

Самолеты уже взяли их в кольцо и летели рядом, окружив их самолет. Дзианта сжалась. Начнут ли они стрелять по ним? Никакой информации она не смогла почерпнуть из памяти Винтры. У повстанцев самолетов не было и Винтра не имела с ними дел. Может, лучше приземлиться? Но, взглянув на Турана, она поняла, что пересечь страну пешком им не удастся. Внезапно на приборной панели засверкали разноцветные огни. Код — но она не смогла понять его и тем более ответить. Они были беспомощны, пока самолет не достигнет цели, которую указал Туран.

Но нападения не последовало и Дзианта облегченно вздохнула, Зуха приказала всем убить их при первой возможности, но пока ничего не случилось. Очевидно, за это время ситуация изменилась и пришли уже другие приказы. Долго ли они были на острове? Она не знала. Она даже понятия не имела о том, сколько же прошло времени: день или много больше.

Самолет все продолжал полет. Приближалось утро. Дзианта была очень голодна и ее способности к самоуправлению уже не могли справиться с этими чувствами. Она нашла небольшой пакет с пищей, приготовленный на случай непредвиденной посадки. Содержимое тюбика было малоаппетитным, но она выпила все, что было. Туран? Она достала второй тюбик, приготовилась открыть его.

— Нет,— Туран говорил почти шепотом. Он смотрел мимо нее — на самолеты, которые сопровождали их.

— Они не атакуют,— сказала она, хотя это было и так ясно.— Иногда они пытаются связаться с нами. Теперь прекратили и это.

— Фокусирующие камни,— он произнес эти слова, сделав громадное усилие, и это очень встревожило Дзианту.

— Здесь,— она протянула руку, чтобы он смог их увидеть.

— Надо сохранить...

— Я знаю,— она еще не думала, куда их спрятать. Если их

схватят, то, конечно, обыщут. В этом она не сомневалась. Она пробежала рукой по волосам. Они были густые и жесткие, но надежно скрыть и закрепить камни в волосах было невозможно. Оставался только рот. Для пробы она засунула камни за щеки. Они были примерно того же размера, что и косточки абрикосов, и Дзианта решила, что сможет укрыть их таким образом.

Камни будут с ней в хорошем контакте и Дзианта сможет контролировать психическую энергию врага. Она провела языком по камням, с приятным чувством ощущая гладкость их. Пока что им очень повезло: они все еще на свободе и даже имеют оба камня. Но она знала, как опасно чувствовать себя уже победителем. Только больной человек надеется исключительно на слепой случай, везение.

С приборной доски донесся какой-то слабый звук. Она установила максимальную скорость полета, когда они поднялись с острова и направились к цели. О том, хватит ли у них горючего, она не думала, ей и без того хватало забот, а в случае, если горючего мало, она все равно ничего не смогла бы поделать. Может, это был сигнал, что горючее на исходе?

Это указатель направлений подал сигнал. Должно быть, они над гробницей или близко. Где она может приземлиться — и как?

Самолет клюнул носом, пошел вниз. Дзианта ухватилась за рычаги. Но они были все блокированы и не поддавались ее усилиям!

— ТУРАН!

Он через силу повернул голову, морщась от боли.

— Они... они ведут нас,— прошептал он.

Ведут к земле! Они же разобьются! Она отпустила бесполезные рычаги и запустила мысленное зондирование. Мысли этих людей были непонятны ей, но она поняла совершенно отчетливо, что они пленники. Они летели вниз по требованию их захватчиков почти рядом с целью, гробницей.

— Они... хотят... нас... тайно.— Туран постарался сесть повыше на сиденье.— Никто не узнает, что произошло...

Дзианта постаралась схватить и удержать одну из этих мысленных волн. Наверное, ей в этом помогли Глаза.

Зуха!

Мысли были неясными. Она как будто расслышала несколько слов, произнесенных шепотом. Но кое-что она узнала. Да, Туран был прав. Их захватили и хотят посадить на небольшом частном аэродроме, вдали от Сингакока. Зуха не хотела, чтобы кто-нибудь вмешался в ее намерения разделаться с ними. Будь они в своем времени и мире, Дзианта бы использовала свою энергию, чтобы отключить память Зухи и ее людей на время, достаточное, чтобы спастись.

— Помогай им... не сопротивляйся...— сказал Туран.— Зуха хочет умертвить нас.

Дзианта поняла его. Может быть, следует попытаться использовать страх и ненависть этой женщины, чтобы она поместила их туда, куда они стремятся? Может ли она усилить желания Зухи?

— Я должен умереть,— сказал Туран, отвечая на ее мысли.— А ты должна показать Высшему Консорту свой сильный страх — она поймет его.

— Страх быть снова погребенной с тобой,— согласилась Дзианта. Но ведь этот страх не был наигранным. Она действительно боялась. Тот ужас, который она испытала, будучи Эрией, когда оказалась замурованной в расщелине скалы, снова вернулся к ней. Может ли она выдержать такое испытание снова?

— Другого пути нет. Наш выход отсюда находится там.

Конечно, она и сама знала об этом в глубине души, но боялась прямо взглянуть в лицо необходимости. Они должны были дойти до конца. Снова оказаться в гробнице и попытаться из нее вернуться в свое время.

— Я мертв,— сказал он.— Ты должна внушать ей, что очень боишься вернуться в гробницу. В этом я не смогу помочь тебе.

— Я знаю.

Дзианта начала после полной концентрации всех сил бороться за свой единственный шанс. Нерегулярная длина волны означала, что прием Зухой ее внушения нечеткий. Так что Дзианта не могла быть уверена в успехе, пока сама Зуха не продемонстрирует свое подчинение приказу Дзианты.

Дзианта собрала весь страх — а это оказалось очень просто,— страх перед мраком, заточением во мраке, смертью. Однако она старалась, чтобы эта паника не подавила в ней все остальное, не завладела ею полностью. Только не это — только не гробница! Умереть замурованной рядом с мертвецом! Не это! Она сформировала картины в мозгу. Она уже дрожала, стискивая руками неподвижные рычаги управления.

Самолет по спирали спускался вниз. Она уже видела поднимающиеся внизу деревья. А вдруг они разобьются? Но нет. Зуха не хотела их быстрой смерти. Она желала мести Турану и женщине, которую она считала ответственной за его возвращение. Внушить ей мысль о погребении в гробнице. Дзианта все время передавала свои мысли, пока самолет приближался к земле.

При приземлении Турана бросило на нее. Он уже был просто массой. Она видела труп. Может ли она рискнуть и проверить? Нет, она должна внушать — возвращение мертвеца и все еще живой пленницы назад, в гробницу.

Она не попыталась сбежать из самолета. Пусть они думают, что она в полуобмороке от страха. Правда, они были недалеко от истины. Может, Зуха не удовлетворится тем, что просто снова замурует ее в гробницу. Вдруг у нее на уме какие-либо изощренные пытки?

Дверь кабины распахнулась и Дзианта увидела солдата. Он смотрел на нее, на Турана, безвольно лежавшего у нее на плече. Затем офицер приказал ему посторониться.

— Лорд Командор!— Он схватил Турана, чтобы отодвинуть его от девушки. Тело повалилось на него. Вскрикнув от неожиданности, офицер отскочил назад. Туран упал, ударившись головой и плечами о край двери.

— Мертв!— закричал офицер.— Лорд Командор мертв!

— Так и должно было быть,— в ответе Высшего Консорта слышалось торжество.— Только колдовство этой ведьмы делало так, что он казался живым. Но наконец он отказался подчиняться ей.— Она стояла, закутавшись в теплый плащ, защищающий ее от порывов ледяного ветра. Глаза ее горели, когда она переводила их с трупа на девушку. Она наклонилась вперед — поза ее напоминала позу змеи перед броском — и прошипела:

— Он, к счастью для него, мертв. Но ты еще жива, ведьма! Теперь ты в моих руках!

Солдат и офицер вытащили тело Турана и положили на землю перед самолетом. Дзианта не двигалась, всеми силами она старалась достичь разума Зухи, внушить ей то, что должно быть сделано.

— Ваше Величество,— обратился к ней офицер, стоящий на коленях перед мертвым Тураном.— Какие будут приказы?

— Какие же они должны быть? Разве наш господин не должен быть возвращен в гробницу, куда мы положили его с почестями и уважением? Это должно быть сделано без промедления и в присутствии свидетелей, которые бы распространили эту весть в городе и положили бы конец всем диким домыслам о возвращении и прочих чудесах. Пусть также прибудет Высший Жрец Вута, чтобы запечатать собственной печатью Вута дверь духов. Эта печать уже не может быть сорвана колдовством.

Она говорила быстро, так как все это спланировала заранее и хотела бы, чтобы все ее приказы были выполнены точно и без задержек. Мертвый Туран должен снова исчезнуть и как можно быстрее. Неужели он действительно мертв? Дзианта могла только надеяться, что искорка жизни еще тлеет в нем и она сможет раздуть ее.

— А с ведьмой, Ваше Величество?— офицер поднялся на ноги и подошел к самолету, чтобы вытащить Дзианту.

— Ах да, ведьма! Тащи ее сюда!

Он грубо схватил ее и потащил из кабины. Дзианта надеялась, что офицер не обнаружит камни. Он заломил ей руки за спину и поставил перед Зухой.

— Тобой должны были бы заняться жрецы Вута,— сказала медленно Зуха,— чтобы узнать тайны твоего колдовства. Но они были мужчинами до того, как приняли обет. Я должна была бы сжечь тебя на месте, превратить в пепел, но эта смерть слишком легка для тебя. Ты была погребена вместе с Тураном и вернула его к жизни — зачем?

— Спроси его,— ответила Дзианта.— Я делала все по его желанию, а не по своей воле.

Ее голова дернулась от сильного и неожиданного удара, нанесенного с быстротой молнии. Больше всего она боялась, что камни поранят ее рот изнутри и их присутствие будет обнаружено.

Она стояла, пошатываясь от удара. Зуха отступила назад.

— Впрочем, все это не имеет значения. Ты или он — какая

разница? Все равно вы проиграли. Туран мертв и вернется в гробницу. А что касается тебя...

Дзианта сжалась в комок. Это был критический момент. Подействовало ли ее внушение?

— Ты сама сказала, что Туран заставлял тебя служить ему. Вероятно, он будет доволен, если ты снова будешь у него в услужении в гробнице. Ты вернешься туда вместе с ним. Но на этот раз выхода оттуда не будет. Ни через дверь духов, ни как-нибудь иначе. Я приму все меры для этого и проверю лично.

Она повернулась к офицеру.

— Ты возьмешь тело моего мужа и отвезешь его в гробницу. Я пошлю туда тех, кто подготовит его к вечному сну. Этот сон не должен быть больше потревожен. Возьмешь с собой и эту ведьму и будешь тщательно стеречь ее, пока не придет время, когда она вернется туда, откуда вышла. Ты головой отвечаешь за нее.

— Все будет сделано, Ваше Величество.

Дзианта была так рада, что почти не заметила, как ее грубо схватили, швырнули в один из автомобилей и куда-то повезли. По прибытии на место ее связали и бросили на пол комнаты. Она лежала перед двумя солдатами, которые не сводили с нее глаз. Они, вероятно, думали, что ведьма может испариться в любое мгновение.

Чувство облегчения и радости постепенно уступало место страху перед предстоящим испытанием. Пусть она избежала смерти Эрии, но кто мог поручиться, что следующий переход во времени пройдет также безнаказанно. Она уже истратила много энергии и не была уверена, что ей хватит остатков на переход. А еще нужно «перетащить» и Турана...

Отдых — вот что ей нужно. Несмотря на все неудобства ее положения, она заставила себя расслабиться с помощью отработанной техники сенситивов, погрузиться в себя, чтобы собрать и обновить запасы энергии.

Она углубилась в свою память, чтобы постараться воссоздать все подробности и мельчайшие детали наружного ограбленного помещения гробницы, откуда начала она свое путешествие сюда. Ей нужна была точка для фокусировки. Последним воспоминанием Дзианты были руки капитана, которые силой заставили ее смотреть в фокусирующий камень. Но она оттолкнула это воспоминание и сосредоточилась на самой комнате — стены, пролом, сделанный грабителями много лет назад. Понемногу она восстановила полную картину, которую она видела в тот момент, когда впервые вошла туда. Она исключила из нее все то, в чем была неуверена. В памяти должно остаться только реально существующее, то, что может служить центром концентрации сил и энергии, куда она может вернуться. Она очень боялась, что память подведет ее и она не сможет зацепиться в своем времени. Пока не наступит решительный момент перехода во времени, она не будет знать, добьется ли успеха.

Создав точное изображение комнаты в гробнице и зафиксировав его в памяти, Дзианта позволила себе расслабиться. Ту-

ран — ей страстно хотелось рискнуть и связаться с ним. Может быть, мысленное прикосновение заставит его шевельнуться, если, конечно, он еще не умер по-настоящему. Нет, все остальное она должна сделать сама, не рассчитывая ни на чью помощь, опираясь только на свои силы и знания.

Все подготовительные операции она уже проделала. Теперь она должна погрузиться в полутранс, чтобы сохранить силы — ждать. Она старалась прогонять прочь мысли о том, что произойдет в ближайшем будущем. Дыхание — слабое, ровное, глаза закрыты. Могло показаться, что она спит, хотя это не было сном.

Дзианта наслаждалась в мире, созданном ее фантазией. Это был бассейн со спокойной ароматной водой и в нем спокойно плавало ее тело — она сама. Над ней был только купол ослепительного голубого неба. Она чувствовала себя легкой, как листок на поверхности воды, свободной, как само небо...

Звук голоса болезненно отозвался в мозгу, разрушив чудесное видение. Он раздался так внезапно, что Дзианта не успела уловить смысл слов. Но чужие руки уже схватили ее и стали грубо поднимать. Когда она открыла глаза, то в дверях увидела офицера. Значит, уже время.

Они бесцеремонно втолкнули ее в темноту автомобиля.

Во время движения ее швыряло в разные стороны при толчках. Дзианта не могла видеть, куда они едут, и не хотела входить в мысленный контакт с врагами. Турана здесь не было. Несомненно они перевозили его с большей аккуратностью, чем ее.

Поездка была долгой. Она была вся избита и еле сдерживала стоны. Но наконец машина остановилась и ее выволокли на улицу. Это место было ей знакомо. Они находились у подножия холма, с которого они с Тураном совершили сумасшедший спуск в ночь бегства. Теперь было утро и весь пейзаж можно было рассмотреть со всеми подробностями.

Конвоир оттащил ее немного в сторону от процессии, поднимающейся на холм к двери духов. Во главе шел жрец Вута высшего ранга, как подсказала ей память Винтры. Он что-то говорил нараспев, поднимаясь в гору. Его с двух сторон поддерживали два прелата, один из них нес тяжелый молот, другой — ящик, из которого Высший Жрец Вута брал горсти какого-то пепла и разбрасывал по ветру.

За ними два офицера несли катафалк с Тураном. Все, кроме лица, было закрыто богато разукрашенным покрывалом. Оно крепилось к катафалку металлическими застежками, освященными жрецами Вута. Затем шли три солдата, а за ними — Зуха в желтой траурной одежде. Однако ее вуаль была откинута назад, как будто она хотела видеть каждую подробность этой церемонии — вторичного погребения Турана, после которого, как она надеялась, он уже не сможет вернуться.

Дзианта дрожала. Но это было вызвано не порывами ветра и снега, который кружился вокруг них.

Она смотрела, как Высший Жрец склонился над катафалком, бросил пригоршню пепла. Должно быть, они теперь стояли перед

открытой дверью духов. Два солдата исчезли в отверстии и показались уже изнутри, готовые принять тело Лорда Командора.

Затем катафалк обвязали веревками, подняли в воздух и он исчез в отверстии. Вновь показались солдаты, Зуха сделала повелительный жест охранникам Дзианты.

Конвоиры, бесцеремонно толкая, гнали ее на вершину холма. Но Дзианта сопротивлялась, кричала. Зуха не должна была заподозрить, что Дзианта сама желает этого наказания, рвется в гробницу, откуда лежит ее единственный путь спасения. Свирепый ветер и колючий снег встретили ее на вершине холма.

— Но мы должны знать, как она совершила это,— жрец Вута стоял перед Зухой. Голос его звучал повелительно.— Если повстанцы обладают такими знаниями...

— Если бы такие знания у них были, мы давно бы знали об этом. Солдат, которого мы нашли в Ксуте, сказал, что это она управляет Тураном и это она обрушила на солдата невидимый удар, когда тот отказался выполнять безумные приказы Командора. Она является страшной опасностью для всех нас. Неужели ты хочешь забрать ее в башню Вута и там изучать истоки ее колдовства?

Жрец повернулся и посмотрел на Дзианту. Будет ли он протестовать? Неужели он сейчас погубит все, что она так тщательно готовила, за что она так бешено боролась?

— Сейчас она не внушает никакого страха и опасения. Разве она позволила бы схватить себя, если бы обладала такими силами, какие ты ей приписываешь?

— Теперь у нее нет в подчинении Лорда Командора. Каким-то образом он помогал ей. Я не знаю как, но это правда. Она сама призналась в этом. Я уверяю тебя, она представляет страшную опасность. Она боится только одного — посмотри на нее,— она боится возвращения в гробницу. Заточи ее и запечатай печатью Вута и она больше не сможет принести нам беспокойства и тревог.

Некоторое время он колебался. Солдаты и офицеры сомкнули ряды, окружив Зуху, и жрец решил не идти против силы.

Зуха поняла, что выиграла. Она резко повернулась к Дзианте и ее стражам.

— Разденьте ведьму,— приказала она.— Если на ней есть амулеты, которые придают ей могущество, отдайте их жрецам. Пусть на этот раз на ней не будет ничего, кроме ее собственной шкуры.

Солдаты содрали с нее одежду и затем один из офицеров схватил ее за плечи и толкнул вперед. Она почувствовала, как веревка опутывает ее руки. Она уже вконец окоченела на ледяном ветру. Ничего не соображая, она как во сне видела, как ее поднимают, проталкивают в отверстие, опускают. Затем свет исчез для нее: это была закрыта и опечатана священной печатью дверь духов.

Дзианта лежала в леденящем душу и тело мраке и слышала глухие стуки над головой. Они очень тщательно опечатывали дверь духов, они не желали больше возвращения Турана. Туран... она использовала мысленный зонд — никакого ответа!

Он исчез. Умер? Она осталась одна в этом жутком месте и, если она сможет спастись, то только благодаря своим собственным усилиям.

Дзианта достала изо рта камни, прижала их ко лбу, как делала Эрия, чтобы достигнуть максимального могущества.

Она была не Винтра, оставленная умирать в этом мраке,— она была Дзианта! Дзианта! Яростно она бросила все силы, чтобы закрепить в себе это сознание того, что она Дзианта!

Жуткое ощущение покинутости, одиночества исчезло. А вместе с ним и страх этой пустоты, страх остаться навсегда здесь, где не было никакой жизни. Дзианта — она была Дзианта! Она стала Дзиантой — да, наконец-то!

«Дзианта!» Она кричала и это имя давало ей опору. В этой пустоте и мраке она использовала это имя как проводник отсюда из царства пустоты и смерти, в свою жизнь, в свой мир, в свое время!

«Дзианта!»

Она открыла глаза. Она была так слаба, что упала бы на пол, если бы ее не поддерживали. Юбан.

— Она вернулась,— сказал он кому-то сзади, кого она не могла видеть. Чувство облегчения от того, что ее переход оказался успешным, было таким сильным, что она потеряла сознание.

Шум — возгласы, крик, который резко оборвался. Против ее воли ее снова возвращали в мир тревог. Она лежала в пыли, после того, как Юбан отбросил ее в сторону или его оторвали от нее. Света не было, за исключением луча лазера, который плясал над ее головой. Потрясенная, она вжалась в стену, страстно желая слиться с ней воедино, освободить себя от зрелища разыгравшейся перед ней битвы.

«Дзианта!» Мысленный зов — Туран!? Нет. Туран мертв, это... Ее истощенный мозг медленно соображал: это — Оган! Она почувствовала мысленное прикосновение, подтверждающее ее догадку.

Огонь прекратился и яркий луч света пробежал по ограбленной гробнице, болезненно ударил по глазам Дзианты. Она увидела распростертое тело, валявшееся на полу. Узнала одного из команды корабля.

Кто-то склонился над ней. Она увидела Огана, слабо махнула рукой.

— Идем!— он поднял ее и повел из темноты мрака пещеры на открытый воздух, свежесть которого должна была привести ее в себя. Но она так устала, так истощила все силы. Ее голова тяжело лежала на плече Огана и темнота все больше смыкалась над ее сознанием...

Сколько же она спала? Тогда была ночь, а теперь уже день.

Она проснулась на корабле, на открытом воздухе. Солнечное небо было над головой. В первый же момент пробуждения она поняла, что она свободна, она благополучно вернулась в свое собственное время, но тот, другой — не вернулся.

Ощущение потери товарища, которое вдруг охватило ее, заставило потемнеть сияющее над ней небо, превратило ее успех в поражение.

Она села на импровизированной кровати, хотя это движение вызвало в ней страшную слабость.

Корабля нет... но тогда... Где же и как? Вокруг были каменные утесы, напоминающие разрушенные стены и в небольшой долине среди них лагерь. Недалеко сидел скрестив ноги Оган и задумчиво смотрел на нее. Перед ним на разостланном на земле куске ткани лежали — Глаза!

Дзианта вздрогнула. Она не хотела никогда больше видеть их.

«Но ты должна!»— прозвучал мысленный приказ Огана.

— Зачем?— громко спросила она.

— Есть причины. Мы обсудим их потом.— Он поднял край ткани и закрыл им камни.— Сначала...— он встал и подал ей тюбик с Е-рационом.

В лагере было еще двое. Они, как заметила Дзианта, выполняли функции часовых: охраняли долину, просматривая все доступы к ней. Оружие было наготове.

Оган, вероятно, ожидал нападения. Но где же Яза? Салярианка ожидала Огана, как подкрепление. Может, она в плену у Юбана?

— Где Яза?— Дзианта покончила с едой и чувствовала полное обновление сил, растекающуюся по ее телу энергию.

Оган снова сел на свое место. Здесь, среди остроконечных скал, он выглядел совсем не на месте — беспомощный, растерянный. Но Дзианта не сделала ошибки — она не поверила внешнему впечатлению...

Он не ответил ей, а напротив, поднял мысленный экран. Неужели... неужели Яза мертва? В ее жизни так много пронеслось различных событий, что Дзианта могла поверить даже в то, что эти бандиты расправились с Язой. Юбан пытался использовать ее могущество в своих собственных целях. Она старалась вспомнить, что же она слышала перед тем, как он заставил ее смотреть в фокусирующий камень. Было ясно, что он действовал не по приказу Язы, ведь она сама хотела возглавить экспедицию.

— Яза...— Оган прервал беспорядочную цепь ее мыслей,— она на корабле бандитов. Думаю, что они хотят ее использовать как заложника в переговорах с нами.

Он хмыкнул.

— Но, к несчастью для них, у меня есть все необходимое и я вовсе не нуждаюсь в Язе. Да я и не хочу сотрудничать с ней.

— Но Яза — она так ждала, когда ты придешь на помощь.

— О, я шел и как видишь, пришел. Чтобы помочь тебе. Яза

имела огромную власть на Корваре, здесь же ее авторитет ничего не стоит. Осознание этого было для нее хорошей оплеухой.

— Но...— Оган всегда был приближенным Язы. Дзианта так верила в его верность и преданность, что сейчас была ошеломлена.

— Тебе трудно поверить, что я решился на это сам. Но это дело мое, человека моих способностей. Оно не может быть оставлено людям, которые не смогут понять того, что найдут. Они не смогут правильно использовать этого и, следовательно, они будут играть и испортят. Я знаю, что открыто, а они только подозревают.

Он знал, что открыто и Дзианта понимала это. И он знал, что только она может использовать это. А он будет использовать ее, будет выжимать из нее все знания, которые она получит с помощью этого. Сделает ее... Искра строптивости вспыхнула где-то глубоко в ней. Она не собирается стать так просто его инструментом.

Решив это, она стала мыслить более четко. Тот, другой сенситив — который вошел в тело Турана и разделил с ней все опасности пребывания в том времени,— он не был Оганом. Но тот сенситив работал с Харатом и... может, это тот, кого послал Оган? Если так, то почему же парапсихолог не упоминает о нем?

Дзианта решила, что здесь кроется какая-то тайна и чем скорее она узнает все, что возможно, тем лучше. В этот момент она ощутила зонд Огана и быстро опустила барьер.

Он нахмурился. Давление зонда стало сильнее. Она открыто посмотрела ему в глаза. В первый раз за все время их отношений она открыто сопротивлялась ему.

— Если ты что-то хочешь узнать, спрашивай громко.

Зонд исчез.

— Ты глупый ребенок. Если ты думаешь, что эти камни, которые ты как-то научилась использовать, сделали тебя равной мне, ты ошибаешься. Подумай и ты поймешь это сама.

— Я не собираюсь становиться больше, чем я есть на самом деле.— Откуда-то пришли эти слова. Дзианта невольно произнесла их и подивилась своей смелости. Неужели она действительно изменилась? Она хорошо знала, что Оган может сделать с ней, с ее разумом и ее телом, чтобы подчинить своей воле. Однако то новое, что появилось в ней, ее уверенность в себе не давали ему возможности попытаться воздействовать на нее. Пока она не уверится полностью в своих силах, ей надо быть осторожней.

— Ну что же, отлично,— он казался удовлетворенным, хотя ее заявление следовало считать, по меньшей мере, двусмысленным. Вероятно, он решил считать ее тем, чем она была, а не тем, чем стала теперь.

— Где Харат?— спросила она, желая немного прояснить тайну того, кто был с ней. Однако, прямо она еще не хотела спрашивать.

— Харат?— он посмотрел на нее.

Она поспешно укрепила свой барьер. Не сделала ли она ошибку, спросив это?

Харат был здесь, она знала его прикосновение, она не могла ошибиться. Почему же Оган удивился, когда она спросила о Харате? Харат был инструментом Огана и было естественно, что они вместе.

— Харат на Корваре.

Дзианта была удивлена этой ложью. Почему Оган думает, что она поверит ему? Он же знал, что Харат сообщался с ней, и не было причин скрывать это. А если он отказался от Харата, то кто же другой сенситив? Может он должен скрывать потерю своего сенситива-союзника и делает это при помощи лжи? Но он же знает, что этой лжи поверить невозможно. Она почувствовала себя так, как будто ее снова швырнуло куда-то, где не было реальной опоры. Оган действовал совсем не похоже на себя. Может, он проводил какой-то свой заумный тест? Дзианта не могла понять этого.

Снова мысленный зонд. Причем с такой силой, что раньше бы он пробил ее защиту. Но теперь она выдержала. Она знала, что теперь барьер должен поддерживаться непрерывно.

— Почему ты думала, что Харат здесь?— если поражение в чтении мыслей и смутило его, то на тоне голоса это не отразилось.

— А почему бы ему и не быть здесь?— ответила Дзианта.— Ты всегда использовал его для усиления своей мощи. Разве теперь в нем нет необходимости?

Дзианте понравилась логика своего рассуждения. Но примет ли ее Оган? И все же, где Харат? Почему Оган делает тайну из его присутствия здесь?

Оган поднялся.

— Харат слишком уникален, чтобы рисковать им,— сказал он.

Он отвернулся от нее и стоял, будто прислушиваясь к чему-то. Затем он поспешно пересек долину и присоединился к часовым.

Дзианта смотрела на него. Было ясно, что он ждет чего-то плохого. Может, Юбан потерял терпение, а может, саляриканка, узнав о предательстве Огана, вошла в союз с капитаном грабителей. Яза не была дурой. Хотя она и хотела отделаться от разбойников, чтобы единолично завладеть тем, что откроет фокусирующий камень, она никогда не отрезала бы себе путь к отступлению.

Глаза — Дзианта подумала о камнях, которые были спрятаны у нее под одеждой. То, что они были ценней любой добычи из гробницы, она уже знала. Оган подозревал это. Яза, возможно, тоже. Но у них не было доказательств, которые имела она. Было еще одно обстоятельство: могли ли они служить только одному сенситиву или любому, включая и Огана?

Дзианта одевала их дважды в других мирах. Как Винтра, которая не догадывалась о их могуществе и на которую они были

одеты силой ее врагами, и как Эрия, которая очень хорошо знала их силу и использовала ее. Дзианта не смотрела на это со стороны: она сама была и Винтра и Эрия. Следовательно, камни подчинялись ей. Каким образом они были предназначены ей? Если так, стоит ли ей теперь вступать в сделку с Оганом?

Был еще и другой, который занимал место в ее мыслях. Кто тот сенситив, который пожертвовал собой, чтобы помочь ей вернуться из прошлого — и где же Харат, этот источник энергии? Дзианта постаралась думать о Туране, как о проблеме, которую она должна разрешить для своей собственной безопасности в своих будущих отношениях с Оганом. Она постаралась отбросить прочь тот мрак, который появлялся при одном воспоминании о Туране. Туран был мертв — а тот, кто сопровождал ее в диком путешествии в прошлое, был незнакомец, подчиняющийся Огану. О нем она ничего не знала. Но узнает! То, что Оган использовал его, не делало его незначительным. Оган в прошлом тоже использовал ее много раз, он обучал и заставлял ее желать то, что он или Яза хотели. Почему она должна пренебрежительно относиться к этому неизвестному сенситиву? Оган использовал его и он умер. Оган будет пытаться использовать ее и, если обстоятельства потребуют, он без раздумий и жалости избавится от нее тоже.

Дзианта подняла камни, положила их к себе. Если Оган думает так поступить с ней, то он будет удивлен. Дзианта знала, как Эрия использовала камни. Если у нее получится так же, то она будет гораздо более могущественна, чем предполагал Оган. В том, что ей придется использовать свое могущество здесь, на этой планете, Дзианта не сомневалась.

Оставался Харат. Если он еще на планете, то она свяжется с ним. Связь между ними наладил Оган, это было первое, что он сделал в процессе обучения Дзианты. Сейчас из всех, кто был теперь на поверхности этой разрушенной планеты, Харат был единственным, кому она могла доверять.

Оган вернулся.

— Нам надо двигаться.

— На твой корабль?— она надеялась, что еще нет. Странно, но пока она была на открытом пространстве, у нее сохранялась иллюзия свободы.

— Пока нет,— она наклонилась собрать вещи. С тюками и другой поклажей они пробирались между остроконечными камнями и наконец выбрались на равнину. По ней протекал ручеек, виднелись чахлые кустики и клочки жесткой травы. Единственные признаки жизни на этой планете.

Что же случилось на ней, что привело Сингакок и всю страну к этому состоянию? Война с катастрофическими последствиями или естественный катаклизм неслыханной силы произвели такие разрушения. Сколько же веков назад произошло все это?

Путь был очень трудным и, хотя Оган хотел идти быстрым шагом, эту скорость сохранить не удалось. Пришлось идти медленно среди расщелин в скалах и торчащих из земли камней.

Бесконечные подъемы и спуски утомили всех и в первую очередь Огана. Он стал тяжело дышать и останавливаться для кратковременного отдыха.

Долина постепенно расширялась, растительность становилась богаче. Однако даже самые высокие кусты ели достигали плеча человека. Продираться сквозь толстые ветви стало еще труднее, что совсем замедлило их продвижение. Дзианта еще не видела на этой планете столько растительности и удивлялась, что она могла сохраниться в кошмаре, постигшем Сингакок.

Вдруг один из мужчин выругался и выстрелил из лазера в кусты. Дзианта успела заметить, что в его вытянутую для шага ногу вцепились чьи-то зубы. Нога вся была в желтой пене.

— Что-то вроде ящерицы,— он сунул ногу в воду и стал смывать пену. Затем поставил ее на камень, внимательно рассматривая.— Насквозь не прокусила.— Его товарищ методично водил лучом лазера по кустам, срезая их до земли, пока Оган не взял его за руку.

— Не трать все заряды на это...

Мужчина оттолкнул его.

— Я не хочу, чтобы меня здесь отравили,— крикнул он. Но лазер не отключил.

Теперь они шли еще медленнее, так как внимательно осматривали дорогу впереди себя. Ноги Дзианты ужасно болели. Она не привыкла к таким путешествиям и ей все меньше нравилось все это, каждый шаг, каждое движение причиняли ей боль.

Несколько раз Оган застывал, внимательно прислушиваясь. Остальные в это время отдыхали. Дзианта решила, что Оган ведет мысленный поиск, проверяя, нет ли за ними преследования. Но она не присоединилась к нему. Может, это была уловка Огана, чтобы ослабить ее бдительность и внезапно проникнуть через ее барьер. Она должна быть все время настороже и не забывала об этом.

Затем они подошли к естественной преграде. На их пути низвергался водопад. Им пришлось карабкаться на одну из стен, окружавших долину.

Поднявшись, они оказались на открытом пространстве. Оган и его люди очень опасались неожиданного нападения. Поэтому они пустились почти бегом. Оган даже схватил Дзианту за руку и потащил ее за собой. Наконец они достигли укрытия из камней, смогли остановиться.

Они достали еду и перекусили. Дзианта растирала ноющие ноги. Она была не уверена, что сможет двигаться дальше. Однако она знала, что Оган не остановится перед тем, чтобы тащить ее насильно. Он старался оторваться от возможных преследователей.

— Это Юбан?— она скатала пустой тюбик в шар.

Оган только хмыкнул. Дзианта поняла, что он сейчас находится в состоянии ультраконцентрации, мысленного поиска, стараясь узнать все, что возможно. Однако в нем не чувствовалось обычной самоуверенности, все его усилия были безре-

зультатны, это было видно. Дзианта встревожилась. Ведь обычные люди, такие, как Юбан, были открытой книгой при чтении мыслей для мастеров типа Огана. А эти таинственные преследователи, которых он не мог обнаружить, были защищены экранами. Но почему же, если он это обнаружил, он все еще пытается бороться?

Почему он не приказывает ей поддержать его? Вероятно, потому, решила Дзианта, что он не хочет, чтобы она узнала тайну того, во что он сам пытается проникнуть. А может, ей все это только кажется? Она прислонилась спиной к камню и закрыла глаза.

Если Оган ее не приглашает, она может попытаться сама. Не для того, чтобы узнать, кто преследует их, а из-за Харата. Ведь это важно узнать, где Харат и почему Оган скрывает, что он здесь.

А Харат... опять ее мысли вернулись к тому, кого Харат направил к ней,— Турану, но не Турану. Она попыталась припомнить тех, кто временами посещал лабораторию Огана на вилле. Он мог быть одним из них. Но Оган старался держать ее подальше от тех, кого использовал в экспериментах. Ее озадачивало то, что Туран (он должен оставаться Тураном, так как у нее нет для него другого имени) был тренированным сенситивом с такими силами, что она не могла понять, как он мог подчиниться Огану.

Он не был тем, кого используют как инструмент, он был тем, кто сам использует других. Физическая оболочка Турана, которую он был вынужден одеть, сбивала ее с толку. Она решила попытаться воссоздать личность вне ассоциации с мертвым Лордом Командором. Задача была подобна тому, чтобы попытаться из обломков сложить то, что она никогда не видела.

Затем она задумалась о себе. Всю свою жизнь, сначала в Дипиле, а потом у Язы, она не была сама собой. Саляриканка дала ей кров, образование, комфорт. Но Дзианта знала, что это все не из-за нее самой, а из-за того, что она благодаря своим необычным способностям будет полезна Язе, много сделает для нее.

Оган сначала был для нее божеством, а затем она стала ненавидеть и бояться его. Она признавала его мастерство и ненавидела его. И вот теперь она узнала всю глубину своих эмоций. Раньше или позже она выступит против Огана и будет бороться за свою свободу. Она не была настоящим человеком, когда он обучал ее. Она была глиной, из которой он лепил. Теперь она стала сама собой и не желала снова терять себя.

Яза и Оган, они были главными фигурами в ее жизни. Но теплых чувств она к ним не испытывала. Харат — самый ближайший к ней друг, если можно это слово отнести к смешному созданию. Она доверяла Харату.

Затем Туран. Между ними были отношения не учителя и ученика и не хозяина с работником, а именно то, что она называла товариществом, как между двумя членами команды корабля,

или двумя патрульными, связанными общей целью, подвергающимися одной опасности, зависящими друг от друга в момент угрозы.

Как он зависел от нее до самого конца!

Дзианта почувствовала, как под плотно сжатыми ресницами появилась горячая влага. Она плакала по чисто физическим причинам, когда была ребенком: холод, голод, боль. Теперь слезы были вызваны чувством невозвратимой потери, ощущением раны, глубокой раны внутри нее, и она начала понимать, какие страдания причиняет ей эта рана. Все это сделал Оган — он послал незнакомца за ней — и оставил его там умирать.

Следовательно, она должна за все рассчитаться с Оганом, и за него и за себя. Когда настанет ее час, а не его. Она ни в коей мере не недооценивала своего оппонента.

Рука Огана, тронувшая ее за плечо, оторвала ее от размышлений.

— Поднимайся, нам нужно перебраться в другое место. Маут пошел вперед на разведку и нашел что-то.

Девушка осмотрелась. Один из людей Огана исчез, другой держал в руках приемник и слушал сообщение. Она со вздохом поднялась на ноги. Если это далеко, то она не была уверена, что сможет дойти.

— Торопись,— крикнул на нее Оган.

Они опять продирались, карабкались, спускались. Дважды Дзианта спотыкалась и падала и во второй раз она не могла подняться без посторонней помощи. Но Оган тащил ее дальше, ругаясь сквозь зубы.

Наконец он притащил ее к пещере и толкнул в темный угол вдали от входа. Она корчилась от боли, но Оган не двинулся помочь ей подняться. Однако он дал ей лечь там, где она упала, а сам вернулся ко входу и стал отдавать приказания своим людям, отослав одного из них куда-то.

Ночные тени сгущались. Солнце, такое яркое и жгучее над этой опустошенной страной, уже скрылось и его сверкающие лучи золотили самый краешек неба. Дзианта лежала в глубине пещеры. Все ее тело болело от непривычного физического напряжения, но мозг ее был ясен.

Человек, которого Оган куда-то отослал, еще не вернулся. Дважды приходили кодированные сигналы от него. Дзианта не смогла их расшифровать, а Оган очень встревожился. Очевидно, все его планы расстраивались. Наконец, он подошел к ней и наклонился так, что их головы оказались на одном уровне.

— Ты здесь в безопасности...

— В безопасности от Юбана?— рискнула она перебить его.— Это его люди преследуют нас?

— Юбан!— Он пренебрежительно отмахнулся рукой, как будто капитан грабителей был не более ценной величиной, чем назойливая муха, которую можно было прихлопнуть в любое

мгновение.— Нет... Дела обстоят гораздо серьезнее. Здесь оказался Патрульный Корабль!

— Патруль! Но как...— среди всех возможных опасностей эта была самая маловероятная.

Оган пожал плечами.

— Действительно, как? Всегда есть уши, которые слышат, и рты, которые доносят. Яза летела через Вэйстар. А Вэйстар не контролируется Гильдией, там могут быть шпионы, хотя бы один. Кроме того, может быть, выследили и меня. Как все произошло, сейчас не имеет значения. Главное то, что они здесь.

Он помолчал, пристально глядя на нее.

— Ты знаешь, какое наказание ждет сенситива, работающего на Гильдию. Помни это, девушка.

Во рту у нее пересохло. Да, это вдалбливали в нее с самого начала ее обучения. Она должна была знать, что ждет ее, если служители закона схватят ее во время какого-либо налета Гильдии. Не смерть, нет. Смерть была предпочтительнее. Стирание — стирание разума — это означало, что человек, некогда бывший Дзиантой, исчезнет из жизни и появится какое-то тупоголовое существо, годное только для выполнения механической работы. Память, личность — все исчезнет, стертое по приговору суда.

Какое-то удовлетворение промелькнуло по лицу Огана, он заметил ее смятение.

— Помни, Дзианта, хорошенько помни, стирание...— Оган подчеркнул последнее слово.— К несчастью, Патрульный Корабль приземлился именно там, где может причинить нам большие неприятности, и нам придется оставаться в укрытии, пока они не решат, что кроме корабля грабителей тут ничего нет больше.

— А твой корабль — они же могут обнаружить его.

Он покачал головой.

— Не корабль, Дзианта. Я приземлился на Эль-Би. А он защищен от детекторов. Мой корабль вернется, сейчас он не на орбите, где его могут обнаружить детекторы Патруля.

— Но у них же есть личные детекторы, разве нет? Если они их пустят в ход?— Она старалась овладеть собой, не дать страху, который поселил в ней Оган, перерасти в панику.

— Естественно. Они сейчас все прочесывают ими. Они обнаружат грабителей. А мы пока в безопасности.

— А если у них есть сенситив?

— У них нет,— ответил Оган.— Хотя он и должен был бы быть при выполнении такого задания. Но нам повезло. Я прощупал их и не нашел сенситивов. Так что, пока мы будем осторожны, мы в безопасности. Но у нас мало времени. Эль-Би поставлен на определенное время и, если мы не вернемся к этому моменту, он взлетит без нас.

— Что ты собираешься делать?

— Я должен попытаться. Поэтому я оставлю тебя здесь с Маутом. Есть надежда, что патрульные и грабители будут заняты друг другом. Но пойми — если они найдут тебя...— он сделал

безнадежный жест,— с тобой все будет кончено. Никто не поднимет руку, чтобы заступиться за тебя. Поэтому — у тебя фокусирующие камни — дай их мне. Я сохраню их.

— Для тебя они никакой ценности не представляют,— Дзианта начала свою игру. Все зависело от того, сможет ли она убедить Огана.— Они связаны со мной. Я знаю их тайны и они реагируют только на того, кто разбудил их.

Поверит ли он? У него не было возможности проверить ее слова, так как все оборудование было в лаборатории, а лаборатории здесь не было.

— Что ты можешь сделать с ними?— спросил он.

Дзианта быстро перебирала в уме все свои возможности. Она должна была сообщить нечто очень важное, чтобы сохранить камни при себе.

— Если у Патруля нет сенситива, то я могу использовать их для затуманивания рассудка. Кроме того, раньше они применялись для управления...— управления Лурла, какими-то животными, смогут ли они воздействовать так же на людей? Но она решила не говорить на эту тему с Оганом.

— Ты много узнала и ты должна мне рассказать все.

— Все,— сказала она таким тоном, как будто все еще находилась под полной властью Огана.

— Может, действительно, тебе лучше хранить камни при себе...— продолжал Оган к великому облегчению Дзианты.— Ты останешься здесь с Маутом до моего возвращения.

Дзианта знала, что уходит он с большой неохотой, что он очень заинтригован ее открытиями и сожалеет, что не может подвергнуть все ее слова немедленной проверке.

Оган никогда не проявлял терпения, когда дело касалось его любимой парапсихологии.

Девушка смотрела, как он осторожно выходит из пещеры. Она не знала, почему с радостью не отдала камни Огану. Она только чувствовала, что не может сделать этого. Вероятно, потому, что она владела ими в двух эпохах, сначала как Эрия, а потом как Винтра. Она сроднилась с ними.

Она достала камни, положила на ладонь, затем сжала в кулак. Если она посмотрит в них снова, где она окажется? В Сингакоке? В Норнохе? Ни то, ни другое она не хотела видеть.

Она не хотела служить Огану с помощью камней. Если придет необходимость, то она внушит Огану, что потеряла их здесь, между камнями, вне пределов досягаемости, так что достать их будет невозможно. Еще оставался Харат. Оган, должно быть, оставил его на Эль-Би, хотя она все еще не могла понять, почему он отказывается признать, что Харат на планете. Оган ушел — и она может послать вызов. От Харата она, несомненно, узнает всю правду.

С камнями в руках Дзианта осторожно опустила мысленный барьер. Впервые с тех пор, как Оган нашел ее. Она создала четкий образ Харата в мозгу и затем стала посылать вызов все дальше и дальше.

«Харат?»

Его ответное прикосновение было внезапным. Затем пришло сообщение, прежде чем она успела задать ему вопросы...

«Предупреждение... настоятельная необходимость... не пытайся связаться... оставь только прикосновение в качестве маяка...»

Значит, Харат не на Эль-Би, возможно, он покинул аппарат, ищет их. А может, он почему-то сбежал от Огана? Но он не ответил. Нить между ними была слабой и тонкой по его воле. Нить только как маяк, а не для передачи сообщений. Он передал только предупреждение. Она опустила голову так, что подбородок уперся в колени. Она думала о Харате, сохраняя путеводную ниточку. Он идет к ней — угрожает какая-то опасность...

Звуки принимаемых кодированных сигналов прервали ее размышления. Она подняла голову. В пещере уже было темно. Ее страж у выхода пещеры был только неясным пятном на фоне темного неба. Вероятно, это работал его приемник.

— Девушка,— раздался из темноты его голос, в котором чувствовалось почтение к женщине, обычное для нормальной жизни и казавшееся странным в этой обстановке.— Сообщение от Огана. Нам надо уходить отсюда — на восток.

— Он сказал оставаться здесь.— Уходить теперь, когда Харат на пути сюда? Она не должна.

— Планы изменились, девушка. Сюда идут патрульные или грабители. У них детекторы нового типа.

«Может, они засекли мой вызов Харата»,— с тревогой подумала Дзианта.

— Идем!— Маут отбросил всякую деликатность. Наверное, у него была инструкция вести ее силой в случае неповиновения.

Мозг Дзианты бешено работал. У нее есть камни и все их силы в ее распоряжении. Этот человек не сенситив и в этом ее шанс для бегства. Она должна скрыться от него и дождаться Харата.

— Я иду,— но она не двинулась с места. Вместо этого она оборвала нить, связывающую ее с Харатом, и приложила всю энергию, которую смогла собрать, на Маута.

— Мы идем вниз...— он повернулся и вышел из пещеры. Он даже не оглянулся, чтобы посмотреть, идет ли она за ним. Ее попытка увенчалась полным успехом, а Маут был уверен, что она следует за ним.

Дзианта удивилась, что у нее получилось. Оган мог проделывать такое с людьми без таланта сенситива. Но то, что она тоже может формировать такие галлюцинации, для нее было неожиданностью. Ее доверие к камням еще больше возросло.

Она не могла оставаться здесь долго. Так что, пока Маута нет, ей тоже надо уйти отсюда. Ведь как только галлюцинация ослабнет, он вернется за ней.

Поискав, она нашла тюбик с едой и необходимую в пути воду. Больше она ничего не стала брать. Но на выходе из пещеры она заколебалась. Ночь была черна, а камни внушали ей страх.

Лучшее, что она могла сделать, это найти подходящее убежище и дожидаться Харата.

Лучше всего идти наверх, найти место, с которого она могла бы просматривать окрестности. Тщательно спрятав камни, Дзианта начала нелегкий путь наверх.

Она уже достаточно далеко удалилась от пещеры, как вдруг услышала какой-то звук внизу. Она замерла, ее тело распласталось на скале. Маут — он вернулся! Она должна остаться на месте, малейший звук выдаст ее!

Ночь была очень тихой, ветер не свистел между изъеденными эрозией камнями. Она слышала, как он передвигался внизу, даже его приглушенное ругательство, когда он увидел, что пещера пуста. Затем послышались звуки радиопередачи. Он сообщает Огану о том, что произошло, или выслушивает приказ?

Если бы она могла читать этот код! Может ли она рискнуть на мысленное зондирование? Пока она раздумывала, Маут снова пошел и по звукам она поняла, что Маут идет в ее направлении!

Вдруг в темноте ночи вспыхнул яркий луч света. Он был направлен на Дзианту, а выхватил из мрака Маута.

— Замри — на месте!

Он подчинился и послышались звуки подходивших людей. Патрульные? Они задавали вопросы, спрашивали о ней. Дзианта проглотила комок в горле. Она была так же беспомощна, как и Маут, хотя и не была освещена. Любое ее движение было бы замечено.

Кто-то появился в круге света, где находился Маут. Он был не в униформе Патруля. Скорее всего это был костюм космолетчика — значит, люди Юбана. Может, Яза заключила с ними сделку, как и предполагал Оган... Может, ей окликнуть их? Но она не была уверена, на свободе ли Яза, или пленница Юбана. Нет — оставаться на свободе, пока возможно — найти Харата и узнать всю правду.

Маут был разоружен и его повели вниз. А они не стали подниматься выше. Они не предполагали, что она там могла спрятаться. Однако они быстро догадаются об этом. Дзианта не питала иллюзий относительно стойкости Маута: он, конечно же, расскажет все, когда подвергнется всем методам грабителей, которые они применяют, чтобы узнать что-нибудь. Пока есть возможность, надо уйти отсюда подальше.

Теперь они обыскали пещеру. Но это не займет много времени. Дзианта решила, чтобы они поскорее ушли. Она не применяла психическое давление, но иногда даже и такое желание может оказать действие.

Она вздохнула с облегчением и смогла наконец расслабиться. Наконец они уходили. Она внимательно прислушивалась к их уходу, терпеливо дожидаясь, когда последние звуки растают вдали.

Теперь — наверх — и побыстрее! Девушка начала осторожно карабкаться вверх. Темнота требовала такой осторожности. Она

предварительно все ощупывала руками, поставив ногу, долго пробовала, прежде чем довериться опоре. Дважды она оборвалась и с дико бьющимся сердцем слушала, как со страшным грохотом катятся вниз камни. Она была уверена, что этот шум немедленно приведет преследователей сюда.

Через некоторое время, которое показалось ей вечностью, Дзианта достигла вершины и обнаружила, что она довольно гладкая и на ней нет ничего, что могло бы служить укрытием. Значит, надо спускаться вниз по другой стороне горы. Вдруг что-то появилось в воздухе — она вздрогнула — и поняла, что это какая-то птица. Значит, в этом мире существует ночная жизнь Ленивое хлопание крыльев придало ей уверенности и мужества. Она набралась храбрости и начала спуск.

Склон с другой стороны оказался гораздо более пологий. Она обрадовалась и продолжала спускаться медленно, осторожно, прислушиваясь к каждому звуку. Один из кустов зацепился за нее, когда она поскользнулась, ухватилась за его покрытые шипами ветки.

Она не удержалась на ногах и с громким шумом вместе с камнями и землей покатилась вниз, пока другой куст, более крепко сидящий в почве, не задержал ее. Она очень испугалась и не могла двинуться дальше. Этот шум можно было услышать на большом расстоянии. Чтобы не думать, она использовала мысленное зондирование.

Харат!

С тех пор, как она разорвала связь с ним в пещере, она все делала для того, чтобы найти укрытие, откуда могла бы вновь связаться с ним. Это конечно было не укрытие, но по четкости прикосновения Дзианта поняла, что Харат совсем близко.

Он должен быть рядом — совсем рядом! Затем, секундой позже, она услышала слабый шум — Харат на склоне?

Действительно, что-то двигалось по горе в ее направлении, производя гораздо меньше шума, она была в этом уверена, чем человек. Харат, к тому же, имел ночное видение. Для него этот путь среди камней был более простым делом, чем для нее. Она покрепче ухватилась за куст, как за якорь, и ждала.

Торопливые шаги — и затем перед ней — Харат!

Он бросился к ней, обе пары щупальцев распростерты, стремятся к ней. Они излучали необходимость прикосновения, контакта тела с телом. Дзианта прижала это маленькое пушистое тельце к себе, хотя было очень странно, что такой всегда самодовольный Харат нуждается в такой ласке.

— Ты потерялся?

«Нет! Иди с Харатом, иди!»

Он был очень возбужден, рвался из ее рук.

«Надо идти — он умрет!»

— Кто умрет? Оган? — Может, парапсихолог попал в катастрофу, когда пытался пробраться к Эль-Би?

«Он!» Харат, казалось, был не способен понять, что Дзианта не знает, о ком идет речь. Как будто человек, о котором он гово-

рил, был такой важный, что о нем должны знать все, не задавая вопросов.

«Идем!»

Она никогда не видела Харата таким возбужденным. Он не отвечал на ее вопросы и старался освободиться от нее с той же горячностью, с какой приветствовал минуту назад. Ему нужно было ее внимание, но только для одного — чтобы она повиновалась ему. А она не могла заставить его говорить.

Он уже освободился из ее объятий. Дзианта не удерживала его силой.

«Идем!»— и он побежал так же быстро, как пришел сюда.

Дзианта осторожно поднялась на ноги. Ясно, что она не должна отпускать Харата. Она не могла видеть в темноте как он, и путь представлял для нее большие трудности.

— Харат!— вложила ли она достаточно убедительности в этот зов?— Харат — подожди — я не вижу тебя!

«Идем!»— она уловила слабое движение внизу, как будто Харат там бегал взад-вперед от нетерпения, борясь с желанием бежать дальше. Безрассудно Дзианта бросилась вниз и наполовину спрыгнула, наполовину съехала до места, где ее поджидал Харат. Он поднял верхнее щупальце, ухватился за ее одежду и изо всех сил потащил ее.

«Идем!»

Харат предложил свои услуги в качестве проводника. Дзианта подчинилась ему, она уже не думала о неровностях дороги, так как Харат выбирал путь с наименьшим количеством препятствий. На небе появилась луна, стало немного светлее. Луна озарила все своим бледным зеленоватым светом, придав всему оттенок нереальности, призрачности.

Харат повернул на восток. Дзианта подумала, что эта местность ей незнакома. Конечно, это же недалеко от корабля грабителей.

— Яза?— но Харат говорил «он» и, к тому же, не проявлял большой любви к саляриканке в прошлом. Нет — он ведет не к ней. Теперь он шел осторожно, выбирая путь среди острых камней, высившихся тут и там как окаменевшие деревья.

— Корабль грабителей,— осмелилась предположить Дзианта.

Харат не ответил, он только резко дернул ее одежду, как бы запрещая связь здесь. Они все кружили между камнями и наконец пришли туда, где острые каменные пики сомкнулись вместе, образовывая стену. Харат отпустил ее и бросился со всех своих двух ног и четырех щупальцев к стене, проворно взобрался на возвышение и исчез в щели между двумя камнями.

«Идем!»

Дзианта не была уверена, что сможет пройти там, где прошел Харат. Шель казалась очень узкой. Дзианте надо было непременно пролезть, дабы не потерять Харата. Она вся сжалась и протиснулась между камнями, едва не оставшись при этом совершенно голой.

Она увидела перед собой небольшое углубление, подобное тому, в котором ранее Оган устроил свой лагерь. Здесь было совершенно темно, но она различила, что на земле кто-то лежит, а рядом с ним сидит Харат.

Харат — и незнакомец-сенситив. Если Харат так тащил ее, значит, он не умер? Сердце Дзианты так колотилось, что, казалось, сотрясало ее всю. Она опустилась на колени перед тем, кого не могла рассмотреть.

Она ощупала его руками. Он был одет в костюм космолетчика и тяжелые ботинки исследователя планет. Голова его была непокрыта, и он лежал лицом вниз. Тело было холодным, но, поднеся руку к его губам, Дзианта ощутила слабое дыхание. В трансе? Очень может быть. Если это так, то для того, чтобы вывести его из транса, у нее нет для этого знаний. Это может только Оган.

«Нет! Оган убъет!»

Мысль Харата была резкой как удар. Дзианта даже откинула назад голову.

«Ты — Харат — привел, привел...»— Харат мысленно передавал ей, но он, видимо, был так потрясен упоминанием об Огане, что страх привел его к мысли о том, что он не мог связно передавать. На чем был основан этот страх, Дзианта не могла предположить, но в его реальности она не сомневалась. Если Харат сказал, что Оган несет опасность, она должна принять это без доказательств.

— Харат...— она обратилась к нему с тем спокойствием, которое только могла изобразить.— Как нам сделать это...

Он тоже взял себя в руки.

«Посылай — с Харатом — посылай...»

Он имеет в виду процесс, обратный тому, который она обычно делала с помощью Харата: не брать энергию от него, а давать ему свою?

«Да, да»— он поспешно подтвердил ее предположение.

— Я буду посылать,— согласилась она без дальнейших расспросов.

Одной рукой она расстегнула платье, достала фокусирующие камни. Помогут ли они ей в этом, она не знала, но что они помогут ей собрать все силы, она была убеждена.

Она наклонилась над беспомощно распростертым телом, коснулась пальцами холодного лба. Вокруг ее запястья крепко обвилось щупальце Харата. Теперь они были связаны физически, осталось связаться психически, а это было более сложной задачей, получится ли это у них?

У нее вдруг возникло странное ощущение, как будто она, нет, не она, а часть ее, ее внутреннее я, несется со страшной скоростью куда-то вдаль и вдаль, в пространство, где все хаос, где все беспорядочно кружится, перемещается, несется куда-то, и нет ничего прочного, устойчивого — только ее связь с Харатом. Их несло дальше и дальше, фокусирующие камни нагрелись в ее ладони, из них исходил устойчивый поток энергии. Он проходил

через ее тело, через руки, через пальцы, к щупальцам, к тому месту, где вошли в контакт три тела.

Несутся, несутся, кружатся, все вдаль и вдаль, и вдаль — пока Дзианта не выдержала. Ей захотелось крикнуть: Харат, хватит! Ведь если они рискнут дальше двигаться в этом сумасшедшем водовороте, их связь с реальностью лопнет, порвется, и они будут навсегда потеряны, как тот, кого они пытались найти и не могли отыскать.

Перед ней все непрерывно мелькало, и она не могла сосредоточиться на чем-то, чтобы сфокусировать энергию. Необходимо было создать мысленное изображение Турана, но этого человека, который лежал перед ней, она никогда не видела и не могла представить, так как он лежал в темноте вниз лицом. Но точку для фокусирования необходимо иметь...

Видит ли Харат так же, как все люди? Сможет ли он создать мысленную картину и передать ее Дзианте? Дзианта сомневалась в этом. Кружение постепенно затихало, становилось слабее.

«Торопись»,— приказал Харат.

— Мы должны иметь изображение,— она резко ответила ему, объясняя причину того, что у них ничего не выходит.— Создай картину, Харат!

То, что возникло в ее мозгу, было так искажено, что она чуть не прервала контакт. Она была поражена тем странным видением, которое спроецировал на ее мозг Харат. Это была невероятная смесь человека типа Дзианты и чего-то другого, похожего на Харата. Это странное видение, конечно же, не существовало в действительности.

— Нам нужна истинная картина,— они вернулись обратно, все еще соединенные физически, но психическая связь уже порвалась.

Разочарование Харата быстро перешло в ярость, которая была направлена на Дзианту, хотя он понимал, что и он виновен в этом. Дзианта старалась быть терпеливой.

— Это человек, как и я,— сказала она Харату.— Но если это тот, кто сопровождал меня в другой эпохе, то я не знаю, как он выглядит на самом деле. Я не могу построить изображение, которое нам надо. Я должна увидеть его...

Харат был очень разгневан неудачей, в которой он винил Дзианту. Мысленный контакт был прерван по его воле, а теперь он отдернул щупальца от ее руки.

Зеленоватый свет луны заливал углубление, где они находились. Если бы она могла развернуть этого человека лицом к свету...

Казалось, другого пути нет, чтобы узнать то, что ей нужно. Спрятав камни в безопасное место, она начала переворачивать человека. Это было трудно, хотя он и был меньше и легче, чем Оган или грабители. Наконец, она добилась того, что свет упал на его лицо.

Хотя в этом призрачном свете трудно было судить о цветах, ей показалось, что кожа его темного цвета, как у всех космопи-

лотов. Волосы коротко стрижены, чтобы удобнее было одевать шлем.

Черты лица были правильными, он даже мог считаться красивым по стандартам ее народа. Дзианта внимательно рассматривала лицо, запоминая мельчайшие подробности. Ей нужно было запомнить его так, как будто она видела его много раз, почти каждый день. Все должно быть зафиксировано в памяти. Она не имеет права упустить что-либо.

Дзианта протянула ладонь и легким прикосновением пальцев провела по лбу, по переносице, по очертаниям пухлых губ, по твердому подбородку. Так он сделан, и она должна запомнить все это.

Харат суетился около них.

«Торопись — он потерялся. Если он слишком долго будет потерян...»

Она знала об этом древнем страхе всех сенситивов, впадающих в транс,— они боятся не найти своего тела, потеряться. Но она уже знала, кого им следует искать на тех дорогах, по которым не ходят обычные люди.

— Я знаю...— она снова достала Глаза из потайного укрытия, стиснула их пальцами левой руки, а пальцы правой положила на лоб незнакомца, почувствовав, что щупальца Харата обвились вокруг ее кисти.

— Пора...— на этот раз она дала сигнал. Она теперь не боялась этого сумасшедшего кружения, которое так страшило ее в первый раз, когда их вел Харат. Она зафиксировала в своем уме только одно — лицо незнакомца. Глаза ее были плотно закрыты.

На этот раз они не искали, они звали, используя все свои силы, все, которые могли быть собраны с помощью камней. Хотя при этом имя не произносилось, что дало бы их зову большую точность, но зато теперь все их силы были направлены на передачу изображения.

«Ты, кто изображен здесь,— где бы ты ни находился — приди!»

Ее тело, ее мозг — все слилось в одно — в крик. Долго ли она сможет быть в таком состоянии? Она не знала.

«Приди!»

Прикосновение — слабое — издалека — как будто что-то царапнулось.

Это был действительно ответ; слабый, но адресованный несомненно ей. Она боялась расслабиться, даже подумать о том, что у нее получилось! Она не должна ни на мгновение прервать слабую нить ее зова и получаемого ответа.

«Приди!»

Так ужасно медленно. А она все слабеет, несмотря на энергию, получаемую ею от камней и от Харата.

«Приди!»

Последнее усилие, в которое она вложила все. И тут Дзианта оборвала связь, будучи не в силах больше поддерживать контакт.

Она упала лицом вниз, одна рука на теле незнакомца. Она была в сознании, но силы все покинули ее, она была очень слаба, она не могла ни двинуться, ни произнести хотя бы звук, даже тогда, когда ощутила, что человек пошевелился.

Он освободился от нее, с трудом сел. Харат суетился рядом, издавая клювом какие-то звуки, выражающие необычное возбуждение. Откуда-то издали Дзианта слышала, как незнакомец произнес что-то на языке, который не был ей известен. Это был гал-базик. Но в ее ушах был шум, она хотела только лежать, неспособная поднять даже руку. Так всегда бывало у нее после непосильного труда.

Она думала, что незнакомец удивится, что он не поймет, где он и что с ним произошло. Если это так и было, то он быстро сориентировался. Он внезапно наклонился, чтобы посмотреть на нее, и воскликнул что-то на своем языке.

Затем он поднял ее и устроил постель, чтобы она могла лежать более удобно. Он хорошо понимал ее теперешнее состояние. Он не пытался наладить с ней мысленную связь, за что она была очень благодарна ему. Возможно, его длительное испытание так же истощило его силы, как поиск истощил силы Дзианты.

Он встал, и Дзианта посмотрела на него. Большая часть его тела была в тени, но из того, что было видно, можно было заключить что он невысок и худ. Он был не молод, но лицо производило впечатление молодого человека. Щелкающий клювом Харат подбежал к нему, вскарабкался, как на дерево, и уселся на плече. Складывалось впечатление, что они большие друзья и знакомы уже много лет.

Харат был довольно тяжел, но эта ноша не тяготила незнакомца, когда он пролез между камнями, скрывающими их, и стал прислушиваться. Дзианта смотрела на него. Она заслужила длительный отдых...

И вдруг ее глаза остановились на... Он обернулся, и Дзианта увидела, что на нем одеты очки ночного видения, а его одежду нельзя было спутать ни с чем даже в этом призрачном освещении. Ошибки быть не могло. Она увидела эмблему на груди его костюма. Патруль!

Что Харат сделал с ней? Даже Оган — даже Юбан — они были меньшими врагами, чем этот! Что ей теперь делать? Если этот сенситив патрульный, как следует из его униформы, он смертельный враг, и причем он уже знает, что она делала на этой планете, так как сам участвовал в ее приключении.

Но стирание...

Ужас, черный ужас, которого она еще никогда в жизни не испытывала, охватил Дзианту. И это сделал Харат! Надо бежать, она должна бежать!

Она попробовала, насколько ее измученное тело способно подчиняться приказам. Хотя она могла сесть, но при этом поняла, что бежать без чьей-либо помощи ей не удастся. Харат? Нет, она больше не доверится ему.

Оган. Как она ни боялась, как ни ненавидела парапсихоло-

га, он все же не угрожал ей таким жутким наказанием, как этот незнакомец. Но если она попытается войти в контакт с Оганом, то либо Харат, либо незнакомец, либо оба засекут это с легкостью.

Глядя на незнакомца глазами, расширенными от страха, она начала отодвигаться от него, стараясь отдалиться насколько возможно. Если бы она могла добраться до края углубления, перевалиться через камни и скрыться... но это бесполезно. Она знала, что Харату известна волна ее излучения и он с легкостью выследит ее. Он выследит ее, как охотничья собака выслеживает дичь по запаху.

Но Харат физически беспомощен. Если бы ей удалось как-то вывести из строя незнакомца, она бы избавилась от Харата. Дюйм за дюймом она отдалялась от того места, где лежала, двигаясь как краб по каменистому дну. Эти усилия бросили ее в дрожь, но ее воля и ощущение нависшей опасности двигали ею.

Она внимательно следила за незнакомцем, стараясь не пропустить момент, когда он захочет подойти к ней. Но он смотрел вдаль, полностью поглощенный этим. Было ясно, что он не ждет неприятностей от Дзианты.

Харата она тоже боялась, но его голова также была повернута в том же направлении, в котором смотрел незнакомец. Вероятно, он делал мысленный поиск, сообщая полученную информацию незнакомцу.

Рука Дзианты наткнулась на камень. Им она сможет сокрушить патрульного. Но она боялась промазать. Она может сопротивляться, если он попытается задержать ее силой, но ей нужно собраться с силами для бегства. Она уже добралась до места, где надеялась легко выскользнуть наружу.

Однако она не успела сделать этого. Незнакомец сбросил очки ночного видения и повернулся. Он удивленно остановился, когда заметил Дзианту не там, где оставил ее. Она прижалась спиной к стене, в руке зажат камень, как древнее примитивное оружие.

— В чем дело?— спросил он, используя гал-базик.

Она подняла камень. Дзианта успела заметить, что у него нет оружия. Конечно же, он очень слаб после такого испытания, которое ему пришлось перенести.

— Стой!— предупредила она его.

— Почему?

Дзианта не могла видеть его лицо, так как он опять был в тени. Но его очертания она различала. Она удивилась тому, что он удивляется. Он же знает, что они смертельные враги.

— Стой!— повторила она.

Он шел к ней. О, если бы она не возвращала его из транса! Глупо было довериться Харату — он же заодно с Язой, Оганом и другими, кто только использует ее как инструмент, не думая о том, что она живой человек.

— Я не желаю тебе зла;— он стоял спокойно.— Почему же ты...

— Не желаешь зла? Ну, конечно, всего лишь приятный визит к Координатору — и затем стирание!

— Нет!

Ему не следовало бы так резко отрицать. Неужели он считает ее такой дурой, которая не знает, что случится с ней после всего, сделанного ею (и для него тоже), и не помнит, что случилось с теми сенситивами, которые работали на Гильдию и были схвачены патрульными?

— Нет... пойми же...

Слабо, но попытавшись собрать все силы, что у нее были, она швырнула камень. Если он подойдет ближе, она пропала. Это был единственный шанс. В тот же момент, когда камень покинул руку, у нее в голове взорвалась жуткая боль, такая ужасная, такая всепоглощающая, что она даже не смогла извлечь из себя крик боли, который рвался с ее губ. Она рухнула на землю под тяжестью этой боли.

Шторм обрушился на них — она должна быть на башне. Лурла — они лежали неподвижно, они не повиновались, хотя она посылала приказы. Они должны! Если они не будут работать, она будет сброшена в бушующее море со стены, а Глаза отдадут тому, кто может их использовать для спасения Норноха. Но сейчас Глаза были пустыми — они трещали, раскалывались на кусочки и затем рассыпались в пыль, которая просачивалась между пальцами. Она оставалась совершенно безоружной перед сокрушающей силой моря.

Они были высоко на холмах — внизу собиралась вражеская армия. Над ними и сзади непрерывно курсировали самолеты, извергающие смертоносные лучи. Это была ловушка, спасения из которой не было. Она должна постараться, чтобы смерть быстро настигла ее, когда клещи западни сомкнутся вокруг них. Попасть в плен к этим из Сингакока было много страшнее, чем погибнуть в битве. Она Винтра — и рождена не для того, чтобы служить предметом насмешек на городских улицах. Никогда! Самолеты уже над ними, их лучи расплавляют спрятанные в укрытиях орудия. Это была смерть, и Винтра должна приветствовать ее.

Тепло — свет — жизнь — она жива. Они нашли ее. Она будет пленницей Сингакока. Нет! У нее есть руки, и враги узнают ее силу. Но она не могла двинуться. Она ранена? Так тяжело, что ее тело не способно повиноваться ей?

Со страхом открыла она глаза. Над ней безоблачное небо. Конечно, она лежит в холмах Куэйта. Но звука самолетов не слышно. Все вокруг тихо, спокойно. Она одна в этом лагере смерти? Вокруг мертвые, с которыми она должна поскорее встретиться?

Шум — кто-то идет — если это кто-нибудь из повстанцев, она попросит удар милосердия. В этом ей нельзя отказать — это ее право.

Она Винтра — и все знают, что она не должна попасть живой в руки врага.

Винтра — но ведь она кто-то еще — Эрия! Затем Дзианта! Каждое имя, казалось, формировало вокруг нее другой мир. Она привела мысли в порядок, Дзианта — вот что правильно. Если только Глаза еще раз не швырнули ее обратно. Она — Дзианта, а Дзианта...

Ее память, казалось, вся была в прорехах, как будто из нее выхватили целые куски. Затем она увидела мохнатое существо на двух ногах, заканчивающихся когтями. Оно склонилось над ней и его круглые глаза смотрели прямо в ее глаза.

Это было в памяти Дзианты. Это был — Харат! Сначала она приятно удивилась. Затем ее память полностью восстановилась. Харат ее враг! Она попыталась двинуться, хотя бы шевельнуть рукой — бесполезно. С трудом извернувшись, она взглянула на себя и увидела, что спутана шнуром. Она стала пленницей и теперь она полностью разделяла ненависть Винтры к своим врагам и ее отчаяние.

То, что Харат изменил им, не удивляло Дзианту. Он же был не цивилизованным жителем Галактики и не подлежал стиранию или другому наказанию, которое должно было обрушиться на нее. Несомненно он помогал Патрулю, как раньше помогал Огану.

Дзианта даже не пыталась использовать мысленное зондирование. Зачем? Харат так рьяно сотрудничал с незнакомцем, что она не надеялась привлечь его снова на свою сторону. Он очень горячо требовал ее помощи в возвращении этого незнакомца из призрачных миров. Какая она дура, что отозвалась на этот призыв!

Она отвернулась от Харата, не желая смотреть на него. Она видела только освещенные солнцем камни. Это было уже не то место, где ее поразил страшный удар. Оно было более открытое, и она могла видеть незнакомца.

Он лежал на животе немного поодаль, на краю обрыва, всматриваясь вниз. Он слышал звуки выстрелов. Где-то внизу шел бой.

Дзианта слышала щелканье клюва Харата. Очевидно, он пытался привлечь ее внимание. Упрямо она отворачивала глаза от него. Мысленный барьер был закрыт. Харат предал ее, и она не желает иметь контакт с ним. Затем что-то больно дернуло ее за голову. Это Харат, чтобы повернуть ее голову, ухватился щупальцами за волосы. Дзианта мгновенно закрыла глаза, чтобы укрыться от его пристального взгляда, но ощущала его настойчивые попытки пробиться мысленным зондом через барьер. Пожалуй, нет необходимости тратить силы на эту борьбу — они могут понадобиться позже. Она подняла барьер и позволила пройти контакту.

«Чего ты боишься»?

Она с изумлением выслушала вопрос, который задал Харат. Он и сам все отлично знает, что ее ждет.

— Ты... ты выдал меня Патрулю. Они... они убьют мой талант, я стану ничем! — крикнула она ему.

«Нет! Этот человек просто пытается понять. Без него ты бы уже погибла».

Она вспомнила бегство из гробницы Эрии. Лучше бы она умерла там. То, что останется после стирания, уже не будет Дзиантой!

— Лучше бы я погибла!

Она смотрела прямо в глаза Харату. Внезапно он отпустил ее волосы, прервал контакт. Она смотрела, как он бежит между камнями, щелкая клювом, как будто он пережевывал то, что услышал от нее. Он подбежал к человеку, который все еще наблюдал за боем внизу.

Харат вытянул щупальце и обвил его вокруг руки незнакомца. Дзианта увидела, что голова незнакомца повернулась, хотя она не могла еще увидеть его лица. Она была уверена, что они с Харатом сейчас общаются. Однако Дзианта не стала пытаться подслушивать их мысли.

Незнакомец обернулся, чтобы посмотреть на нее. Она ответила ему враждебным ненавидящим взглядом. Он пожал плечами и снова стал смотреть вниз, видимо, считая происходящее там более важным.

Послышался грохот. Скалы задрожали. Над утесами показался нос корабля, направился вверх, пламя, извергающееся из дюз, раскалило воздух. С грохотом он исчез в пространстве, оставив их полностью оглушенными.

Конечно, это не Эль-Би Огана. Его корабль слишком мал, чтобы так эффектно взлететь. Это, должно быть, корабль грабителей. Теперь она потеряла все надежды. Она осталась в руках Патруля. Она хотела бы в отчаянии закричать, выпрашивать милости. Но гордость заставила ее упрямо сжать губы, чтобы она не могла высказать что-либо, что показало бы ее слабость.

Кто увел корабль грабителей? Патруль? Оган? Если Оган, то он может вернуться с поддержкой. А может, Оган еще здесь? Ее мысли бешено работали. Если он здесь, то она может связаться с ним...

Незнакомец встал и пошел к ней. Он встал так, как будто больше не боялся обнаружения. Дзианта смогла его разглядеть. Она знала его, как Турана, хотя тело Турана было лишь оболочкой для кого-то другого. Теперь же эта униформа создала крепчайший барьер между ними. Это был не страх перед Патрулем, это был страх перед исчезновением.

В прошлом на Корваре она вела очень уединенную жизнь. Те налеты, куда ее посылала Яза, требовали глубочайшей концентрации, и она не могла отвлекаться ни на что, кроме того, от чего зависел успех или провал ее миссии. Все домашние Язы были в основном женщины, и жизнь Дзианты была спланирована так, что она была как бы жрицей какого-то божества.

Оган никогда не казался мужчиной. Он был мастером, непрерывно работавшим над совершенствованием своих талантов, отрешенным, погруженным в себя — он внушал благоговейный трепет и иногда страх. Немногочисленные служители-мужчины

были для Дзианты не больше людьми, чем металлические роботы.

Но этот был мужчиной, обладающим талантом, как и она. Она не могла забыть, как они вместе боролись и подвергались опасностям, как боевые товарищи, в эпохе Турана. А теперь они враги. Он дал ей возможность почувствовать себя личностью, такого ощущения она раньше не испытывала никогда.

Он не производил сильного впечатления. Он был среднего роста и так худ, что казался еще ниже, чем был на самом деле. Она не ошиблась в определении цвета его кожи: он был темно-коричневого цвета, и это был натуральный цвет, а не вызванный воздействием космоса. Волосы были жесткие, черные, курчавые. Он, несомненно, из землян, но — мутант, как многие, происходившие из Первой Волны колонистов сотнями и тысячами поколений позже.

Он опустился рядом с ней, задумчиво глядя на нее, как будто она была уравнением, которое он должен был решить. Дзианту пугала тишина, установившаяся между ними, и она задала вопрос:

— Чей корабль взлетел?

— Грабителей,— ответил он.— Они передрались между собой. Перебили друг друга и оставшиеся улетели. Кое-кто, правда, остался — человека два или три, те, кто находился вне зоны действия пламени двигателей.

— Оган! Он будет искать...— она сказала и тут же поняла, что допустила промах. Она прикусила язык, наказав себя за самопредательство.

— Искать тебя? Нет, он не сможет выследить нас, даже если захочет. У нас есть экран, которого он не сможет преодолеть.

— Что же мы собираемся делать теперь?— Дзианта решила взять быка за рога, подумав, что он будет говорить правду. Патрульных нельзя недооценивать.

— Пока будем ждать. За это время ты должна понять, что я не хочу держать тебя в таком виде.— Он показал на шнур, которым она была связана так, что не могла шевельнуться.

— Ты хочешь, чтобы я пообещала тебе не делать попыток к бегству, когда меня ждет стирание?

— Куда ты хочешь бежать? Этот мир совсем не гостеприимен.— Эти разумные доводы вызвали в ней раздражение.— Вода, пища — и все остальное... — он взмахнул рукой и показал на каменные громады, окружающие их.— Здесь самое безопасное место. Гораздо безопасней, чем в Сингакоке.— Впервые он показал, что помнит их приключения в той эпохе.— По крайней мере Высший Консорт не гонится за нами со своими псами.

Он достал пачку курительных палочек из кармана, зажег один конец и задумчиво вдохнул сладкий аромат. По всему было видно, что он спокоен и доволен, как будто он находился в каком-нибудь дворце удовольствий на Корваре, и это еще больше злило Дзианту.

— Чего мы ждем?— спросила она, решив узнать самое худшее поскорее.

— Возможности вернуться на мой корабль. Я вовсе не собираюсь тащить тебя на руках. Возможно, по пути придется вступить в бой. Так что лучше подождать, а если ждать, то лучше здесь. Но если ты согласишься быть разумной и не делать необдуманных поступков, то мы можем пробраться на корабль. А там, могу заверить тебя, будет гораздо удобнее и приятнее.

— Удобнее для тебя, а не для меня. Я же знаю, что ждет меня впереди!

Он вздохнул.

— Мне хотелось бы, чтобы ты выслушала меня, а не считала, что знаешь все ответы наперед.

— В беседе с патрульным я могу все предсказать, во всяком случае в тех вопросах, которые касаются меня!— воскликнула она.

— А кто сказал,— спокойно ответил он,— что я имею отношение к патрульным?

Сначала Дзианта не поняла, что он сказал. Затем она иронически рассмеялась. Неужели он считает ее такой дурой и думает ее обмануть таким образом? Когда сам он сидит перед ней в униформе Патруля. Когда...

— Одежда,— продолжал он,— не обязательно определяет статус. Да, я работал в Патруле. Но преследуя свои собственные цели, и работал только в космосе, потому что в этом случае мои цели совпадали с их целями. Видишь ли, я искал эти Глаза уже много лет, не зная, что именно я разыскиваю, как это выглядит, для чего предназначено.

Глаза! Где они теперь — у него? Дзианта начала извиваться в бесполезной борьбе с веревками и тут же поняла, что все напрасно, что они стягиваются еще туже при ее движениях.

— Они еще у тебя,— должно быть, он прочел ее мысли, хотя она не ощутила никакого прикосновения.

— Если ты не из патрульных, то кто же ты, и почему на тебе их форма?— Дзианта вела себя вызывающе, она не могла поверить, что он не обманывает ее по каким-то своим причинам.

— Я сенситив, работающий в Хист Технир Зорбиак, руководитель экспедиции закатан на Икс Один. А чтобы ты знала, Икс Один— это планета в той системе, где мы находимся.— Он опять вдохнул ароматный дым. Харат появился из-за камней, как будто он был в разведке. Он устроился у ног незнакомца.

«Оган здесь,— передал он открытым текстом.— Другой ранен, остальные мертвы».

Он выпустил свои щупальца и стал чистить свое тело.

— Год назад,— продолжал незнакомец,— открытия, сделанные на Икс Один, были разграблены грабителями. Мне было предложено отыскать украденное, так как моя область деятельности — археологическая психометрия. По следам я дошел до Корвара. Мы обнаружили там семь предметов, и вот тогда я вступил в патрульные. Восьмой предмет ты похитила из апартаментов Юкундуса. Это похищение и Харат заставили меня пойти по

твоему следу.—Он протянул руку и погладил Харата по голове, на что тот ответил излучением радости и благодарности.

— Они привели тебя на Вэйстар тоже?

— Да. Когда произошло похищение, я был уверен, что сенситив, сделавший это, знает, что похитил, и постарается узнать историю похищенного предмета. У нас есть свои люди на Вэйстаре, они сообщают нам о всем необычном, что там появляется. Мы подкупили нескольких капитанов кораблей, предложив им за информацию больше, чем они зарабатывают грабежами.

— А как ты смог подкупить Харата?

Он засмеялся.

— Спроси его. Он сам пришел ко мне. Я понял, что он не очень доволен службой у Огана. Я знал, что он может связаться с тобой, когда возникнет необходимость. Однако я не думал, что это приведет меня к превращению в Турана,— он поморщился.— Не хотел бы я снова испытать то, что произошло с нами.

— Ты знал о Глазах все время! – У нее было странное ощущение, что ее одурачили· заставили решать сложнейшую задачу, ответ которой был известен.

— Да нет же! Я просто знал, что уродливая фигурка, купленная Юкундусом, гораздо более ценная вещь, чем кажется. Это мог почувствовать каждый. Но Глаза — нет, я и не догадывался о них. Теперь я думаю, что это самая значительная находка, которую сделали закатане за века своей работы.

— Но,— Дзианта вернулась к той части рассказа, которая касалась ее будущего.— Ты поступил в Патрульную службу, чтобы преследовать нас. Ты одел их форму.

Он вздохнул.

— Это надо было. Мне нужны были права. Но я не патрульный.

— Тогда кто же ты?

Он опять засмеялся.

— Я вижу, что мне пора представиться. Меня зовут Рис Ланти, я виверн, обученный...

— Ты обучен говорить ложь!— крикнула она.— Все знают, что виверны не занимаются парапсихологией!

— Да, это верно,— с готовностью согласился он.— В большинстве случаев. Но я особый случай. Я родился с талантом, который Совет признал и отдал меня на обучение. Может ли один сенситив лгать другому?

Хотя он предложил ей свой мозг для зондирования, она не захотела снять свой защитный барьер. Он был ее единственной защитой. Он ждал и, поняв, что она не собирается отозваться на его призыв, слегка нахмурился.

— Мы теряем время из-за твоей подозрительности,— сказал он.— Но ее можно было ожидать. Однако, разве я открыл бы тебе свой мозг, если бы хотел что-то скрыть от тебя? Ты же знаешь, что это невозможно.

— Я всегда считала, что это невозможно. Но ты сказал, что ты виверн, а виверны большие мастера галлюцинаций...

— Ты много знаешь.

— Оган собирал всю информацию о проявлениях психических сил — всю, что только можно было получить,— ответила она.— Я обо всем получила представление.

— Это я тоже предполагал.

— Если ты не патрульный,— она опять вернулась к тому, что беспокоило ее,— то что же ты намереваешься делать со мной? Отправить меня на стирание, когда прибудет корабль? Ты же знаешь закон...

— Все зависит...

— От чего... или от кого?— Дзианта настаивала.

— В основном от тебя. Дай мне слово, что ты не будешь делать попыток к бегству. Пойдем на мой корабль.

Дзианта попыталась без лишних эмоций взвесить все свои шансы. Оган был на свободе. Она не сомневалась в правдивости Харата. Он говорил, что у него спрятан защищенный от обнаружения Эль-Би, взлет которого осуществляется автоматически в заданное время. Следовательно, у него есть возможность бежать. Корабль грабителей взлетел, так что помощи от Язы можно не ждать. К тому же, она была уверена, что саляриканка порвала с ней, исключила из своего круга. Яза никогда не колебалась в таких делах.

Так что ей приходилось выбирать между Оганом и Рис Ланти. Дзианта склонялась к тому, чтобы довериться Ланти, хотя он и был связан с патрульными. Во всяком случае она получит свободу, а это дает ей шанс избежать приговора суда.

— Так ты сказал,— она говорила так, чтобы он поверил, что она сдалась, так как выбора у нее не было,— что бежать мне некуда? Ну что ж, я даю слово.

— Отлично,— он разрезал веревки своим ножом, и они упали на землю, освободив Дзианту.

Дзианта села, стала разминать кости. На ее плечи опустились руки, помогли встать и мягко поддержали ее, когда она пыталась двигаться на онемевших ногах.

— Закатане знают что-нибудь о Сингакоке?— спросила она.

Харат вскарабкался на Ланти и устроился у него на плече. Рука его лежала на руке Дзианты, готовая поддержать ее в случае необходимости. Так они начали свой путь вниз по склону.

— О Сингакоке — нет. Но на Икс Один найдены развалины в хорошем состоянии. Возможно, жители этого мира переселились туда, когда катастрофа обрушилась на Сингакок. Когда я был Тураном, то увидел родство архитектуры Сингакока и тех строений. А с помощью Глаз мы сможем добыть еще более ценные сведения. Ведь перед нами не будет ничего невозможного,— в голосе звучало возбуждение.

— Ты... ты опять хочешь вернуться в прошлое, после того, что мы пережили там?— Дзианта удивилась.

— На этот раз мы все подготовим тщательно. Рядом будут помощники для страховки, готовые помочь вернуться из транса. Да, я собираюсь снова посетить прошлое. А ты не хочешь?

Ей было трудно признаться, что она боится. Он сразу же узнает о страхе, как только она снимет барьер между ними.

— Я не знаю.

— Я думаю, что если тебе предоставить право выбора самой, то ты не откажешься от возможности изучить тот мир получше...

Его прервало возбужденное щелканье клюва Харата. Рука Ланти отпустила ее и преградила путь дальше.

— Оган близко.

— Ты сказал, что можешь создать защитное поле.

— Да, против вторжения в мозг. Такой же, как ты поддерживаешь против меня. Но если Оган имеет возможность увеличить свой потенциал, то мы должны увеличить свои силы втроем. Я не хочу недооценивать этого человека, он не легкий противник.

Это был ее шанс, но нет, мир, в котором она была сейчас, был весь в узлах, как та веревка, которой она была связана. Она не была уверена, что ей стоит сбежать от этих двоих и искать Огана, даже если бы она не дала слово.

— Что он может использовать против нас?— спросил Ланти.

— Не знаю,— ответила она, желая, чтобы он поверил. Дзианта действительно не могла сказать, какую аппаратуру он мог взять с собой. Гильдии было известно, что он собирал различные устройства, связанные с психической деятельностью. У него мог быть даже какой-нибудь эквивалент Глазам.

— Я...— начала она, и вдруг весь мир перед ней странно исказился. Камни, скудная растительность — все стало плоским, колыхающимся, как будто этот ландшафт был изображен на легком прозрачном полотне, которое нежно трогал ветерок. Эта перемена была пугающей. Она внезапно перешла из мира полного опустошения к миру жизни.

Она стояла на улице меж двух рядов зданий.

Перед ней расстилался город. Его башни четко вырисовывались на ярко-голубом небе, пронизанном солнечными лучами. Народ кишел, двигался, пешком, на машинах — и все же во всем этом было что-то нереальное.

Дзианта вскрикнула, попыталась отскочить в сторону, когда огромный грузовой автомобиль поехал прямо на нее. Но она не смогла сделать этого: что-то крепко держало ее, несмотря на крики, на яростную борьбу. Затем — автомобиль прошел сквозь нее — ни столкновения, ничего! Другой автомобиль проскочил почти рядом с ней. Она закрыла глаза от ужаса и начала отчаянную борьбу с тем, что вернуло ее в Сингакок и держало здесь. Это был действительно Сингакок.

Глаза — это они сделали! Хотя она не смотрела в них. Если они могут делать это помимо ее желания!... Она подняла руку к груди. Расстегнув карман, она достала оттуда камни и швырнула их прочь.

Но она все равно оставалась в Сингакоке! Заперта в нем! Дзианта вскрикнула. Она изо всех сил, удвоенных страхом, боролась, вырывалась, стараясь освободиться от того, что ее держало,

разорвать эти узы. В это время вокруг нее, через нее — люди и машины давно погибшего города продолжали свой путь, не обращая внимания на нее.

— Дзианта.

Она закрывала глаза. Теперь она поняла, что, несмотря на реальность возникшего города, в нем не было ни звука. Ее имя вернуло ее к реальности. Но все же она боялась открыть глаза.

— Дзианта!— руки держали ее, несмотря на свирепую борьбу. Эти руки были так же реальны, как голос, звавший ее.

— Что ты видишь?— голос прозвучал очень отчетливо и требовал ответа.

— Я... я в Сингакоке...— и так как она очень боялась, то сняла свой мысленный барьер.

Мгновенно она ощутила то же сильное всепоглощающее чувство товарищества, которое ей было знакомо со времени общения с Тураном. Она прекратила сопротивляться, теперь она стояла дрожа. Она позволила вливаться в себя тому чувству уверенности, стабильности, прогонять страх, придавать устойчивость в этом нереальном мире. Это чувство уверенности излучал он, Ланти.

Какая же она дура, что не доверилась ему раньше,— ведь он не может желать ей ничего плохого! Они вместе боролись в Сингакоке, он отдал ей последние силы, чтобы вызволить ее из Норноха, и теперь он вовремя подставил свое плечо, чтобы дать ей опору.

Дзианта открыла глаза. Город все еще был перед ней. Было странно видеть его здания, колонны, людей, машины — и знать, что это всего лишь галлюцинация. Но кто же вызвал ее? Не Ланти — он не мог бы сделать это и одновременно войти с ней в мысленный контакт. Харат? Глаза? Но она же выбросила их прочь.

— Глаза! Я их выбросила, а все равно вижу Сингакок!

— Ты видишь то, что хранилось в твоей памяти и теперь возбуждается кем-то. Оган...— голос Ланти был совсем близко, она даже могла чувствовать его руку. Но она не видела его... видела только Сингакок.

— Не смотри... попробуй мысленные ощущения. Ты чувствуешь чьи-нибудь мысли?— спросил Ланти.

Она попыталась. Только Ланти и Харат — никаких чужих мысленных изображений, таких, какие она ощущала в Сингакоке. Город не производил звуков и мысленных ощущений — он воспринимался только одним органом чувств.

— Это зрение — только зрение...

— Отлично,— голос Ланти был спокоен, как будто он понял, что происходит.— Только зрительная галлюцинация. Она сделана для того, чтобы ты выбросила Глаза.

Для того, чтобы она выбросила Глаза? Тогда эта галлюцинация сработала успешно.

— Да. Я выбросила их.

— Не очень далеко. И Харат принес их. Теперь слушай, она была предназначена для всех нас. Но я виверн, а Харат не че-

ловек, поэтому она на нас не подействовала. Но если мы останемся здесь, чтобы освободить тебя от этого видения, то можем подвергнуться более сильной и эффективной атаке. Следовательно, нам надо уходить отсюда. Ты должна отрешиться от того, что видишь, положиться только на мысленное зрение и другие органы чувств, тогда мы сможем пробраться на корабль. Ты поняла?

— Да,— Дзианта крепко зажмурила глаза. Сможет ли она идти вслепую, даже если он поведет ее?

— Сможешь,— Ланти был уверен в себе и в ней.— Закрой глаза, если тебе так легче, и иди за нами. Харат будет все время с тобой. Я сейчас посажу его тебе на плечо.

Она ощутила его тяжесть и острые когти, которые впились в ее плечо.

— Закрой глаза, Харат хочет что-то попробовать.

Она ощутила прикосновение щупальцев Харата к ее голове, затем их кончики дотронулись до ресниц. Это было... как зрение и совсем другое — ощущение было очень странным. С помощью Харата она смогла видеть все вокруг, как будто на нее не действовала зрительная галлюцинация. Держась за руку Ланти и смотря глазами Харата, Дзианта двинулась вперед. Она почувствовала сильное облегчение и поняла, что может им верить, что они ее истинные друзья.

Они дошли до небольшого ручейка и, вспомнив о ядовитой ящерице, Дзианта предупредила Ланти. Ланти успокоил ее:

— Мы посылаем вперед предупреждающие сигналы, так что можешь не беспокоиться об этом.

Затем он добавил.

— Нам еще долго идти. Оган может еще иметь какое-нибудь оружие. Мы находимся под экраном, но раз он проник сквозь него и воздействовал на тебя, он может попытаться пойти на прямое нападение.

Прямое нападение — огонь лазера из кустов? Нет; она не должна позволять себе думать об этом, она должна полностью сосредоточиться на путешествии. В зрении ее и Харата была некоторая разница. Она некоторое время не могла приспособиться к вносимому им искажению, но это все же было лучше, чем двигаться совсем вслепую.

Они стали подниматься в гору, и этот подъем показался ей очень трудным. После этого последовал спуск, во время которого и Харат и Ланти непрерывно предостерегали ее об опасностях. Спускались они так долго, что она решила, что они никогда не достигнут дна.

И вот перед ними корабль. Он был много меньше, чем корабль грабителей, который был когда-то торговым кораблем. Она решила, несмотря на то, что очертания корабля были очень странными благодаря искажениям Харата, что перед ними корабль Патруля.

— Стой!— рука Ланти как якорь удержала ее на месте.

— Что случилось?— Дзианта при помощи зрения Харата не

могла увидеть ничего такого, что могло бы вызвать тревогу. Но ее восприятие могло быть ошибочным.

— Корабль — он был на потайном замке — и трап был убран внутрь!

— Но теперь трап...— она сейчас тоже видела это,— он же спущен!

— Да. Мы идем прямо в ловушку. Неужели он думает, что мы до такой степени перепугались, что потеряли разум? Если так, то он ошибается — но...

Дзианта напряглась.

— Это не корабль. Он хочет, чтобы мы решили, что это корабль.

Она слышала его дыхание. Харат тоже напрягся на ее плече. Острые когти впились в кожу. Она обрадовалась, так как эта боль вернула ее в реальность.

— Искажение! Ты чувствуешь его?— Конечно, он тоже ощущал жжение внутри, вращение желудка, как будто тело и разум отделяются друг от друга.

Это ощущение становилось все сильнее и сильнее. Дзианта знала, что долго она не сможет выдержать. Она почувствовала, что щупальца Харата соскользнули с ее головы, с ресниц. Она больше не могла пользоваться его зрением, а ощущение дезориентации все усиливалось.

Харат испустил пронзительный крик, почти человеческий. Очевидно, он был более подвержен этой атаке, чем люди. Он потерял равновесие, и Дзианта подхватила его, чувствуя судороги, сотрясающие его маленькое тело. Когда она прижала его к себе, Харат расслабился, и мысленный контакт с ним исчез.

— Назад!— Ланти потянул ее за собой. Но искажение сконцентрировалось с ними, отступало с ними. Барьер, созданный Ланти, не выдерживал атаки Огана. Когда он полностью рухнет, чудовищное искажение затмит их рассудок, они превратятся в идиотов.

— Я увеличил мощность барьера,— голос Ланти не изменился, он еще не потерял уверенности.— Но, продолжал он,— я не смогу поддерживать его долго.

— Когда он не выдержит,— досказала она,— мы можем сойти с ума.

— Есть еще кое-что,— он потянул ее за руку.— Сядь сюда, за эти камни.— Мягко он принудил ее сесть на корточки. Искажающее воздействие уменьшилось.

— Ты сказал, что мы можем кое-что сделать.

— У тебя есть Глаза.

— Я их выбросила. Харат...

— Харат принес их мне. Здесь.— Его руки на ее руках, затем разжимают ее пальцы и опускают на ладонь два кусочка минерала.

— Так как ты уже работала с ними, они легче будут общаться с тобой. Оган поразил тебя зрительной галлюцинацией. Он прячется где-то поблизости. Он не смог проникнуть на корабль,

но создал у нас иллюзию, что он вошел туда. Мы должны направить на него его собственную иллюзию.

— Это можно сделать?— Она слышала о мастерах внушения Верлока, этих вивернах, которые создают сны и химеры. Они могут любого подчинить своему влиянию и заставить их жить в мире, который они сами создали. Ланти был виверном, но она еще не слышала, что можно кого-то поразить его собственной галлюцинацией.

— Ничего нельзя сказать заранее. Надо попытаться. Твоя иллюзия — Сингакок. Если получится — пошлем его туда же!

Дзианта ахнула. Она никогда не слышала о такой возможности. Но ведь она слышала о невероятных вещах, которые могут делать виверны в области создания иллюзий. Вдруг она поняла одну вещь — Ланти зависит от нее, нуждается в ней. Такое ощущение было у нее впервые. Для Язы и Огана она была всего лишь инструментом. Ланти же приглашал ее к совместному действию, в результате которого они оба получат выгоду.

— Я... я никогда не делала этого,— она облизнула губы, желая, чтобы он не переоценивал ее возможности и силы.

— Я пробовал немного. Но этот случай особый... Теперь открой глаза. Смотри на Сингакок, если мы, конечно, еще в нем и не вышли за его пределы. Если вышли, то смотри на то, что тебя окружает, фокусируйся на всем с помощью камней. Представляй все это настоящим.

Она боялась, боялась города, боялась того, что может случиться, когда она будет смотреть в камни, боялась быть заброшенной снова в прошлое. Она решительно посмотрела в лицо страху, отодвинула его в сторону.

Прижав Глаза ко лбу, как это делала Эрия, чтобы высвободить максимальную энергию, Дзианта открыла глаза. Она была не на улице, скорее в саду, и перед ней возвышалось здание, похожее на дворец Лорда Командора, хотя она была уверена, что это не он. У дверей стояли охранники. Люди входили и выходили, вероятно, это было место, где вершатся важные дела. Так как она уже не была Винтрой и не имела ее памяти, то она не могла узнать это здание. Оно было настолько реальным, что если бы не полнейшее отсутствие звуков, она бы решила, что вновь попала в прошлое время.

— Давай!— по этой команде Дзианта всеми силами собралась на картине перед ней, пытаясь создать ясную, точную, со всеми деталями картину.

Она не могла предполагать, что делал Ланти. Харат еще лежал безвольным комочком у нее на руках. Она держала эту сцену, максимально сосредоточившись на ней. Это стоило ей немалого труда.

Внезапно вся картина перед ней затрепетала, подернулась дымкой, превратилась в разрисованное тонкое полотно, сквозь складки которого можно было увидеть корабль, как палец, указывающий в космос, на свободу!

Затем — иллюзия исчезла!

Тут же исчезло отвратительное ощущение, вызванное искажением. Она свободна! Дзианта вскочила на ноги. Харат зашевелился. Ланти сидел на корточках, уткнув лицо в ладони. Она подошла к нему, положила руку, державшую камни, на его плечо.

Он задрожал от ее прикосновения, поднял голову. Глаза были закрыты, кожа покрыта потом.

— Рис?

Он открыл глаза. Сначала она решила, что его поразила та же иллюзия, которая так долго терзала ее. Затем он заморгал и узнал ее. Но прежде чем она заговорила, сзади послышался дикий крик. Они оглянулись одновременно.

По камням бежал Оган. Руки его были прижаты к голове. Он кричал что-то бессмысленное, делая нелепые прыжки в стороны, как бы увертываясь от чего-то, видимого только ему.

— Идем.

— Он же увидит нас...

— Он видит Сингакок. Я не знаю, как долго это будет продолжаться. Нам надо идти, пока иллюзия не кончилась.

Оган безумно крича, бегал взад и вперед между камнями, а они проходили мимо. Они шли к кораблю, но Оган не обратил на них внимания. Ланти приложил к губам передатчик, передал кодированный сигнал. Дверь корабля раскрылась, выполз настоящий трап.

Напуганная Дзианта бросилась по ступеням со скоростью, на которую она только была способна. Она боялась, что в любой момент ее снова поразит волна безумия, но ничего не произошло. Она была уже внутри. Ланти, охранявший тылы, тоже был рядом с ней.

Внутри было совсем мало места. Дзианта забилась в угол, дверь закрылась.

Они перебрались в рубку управления, и Ланти усадил ее в кресло. Он нажал кнопку усыпления ее и Харата, а сам сел в кресло пилота и занялся своими приборами.

Она ощутила перегрузку при взлете, и все вокруг погрузилось во мрак.

Капли жидкости скатывались по подбородку. Ланти склонился над ней, выжимая содержимое тюбика ей в рот. Энергия вернулась к ней, Дзианта выпрямилась в кресле.

— Куда...

— Куда мы прибываем? На Икс Один.

— А Оган?

— Он остался ждать патрульных.

— Он все расскажет,— она была уверена в этом. Возможно, Ланти и не выдал бы ее, но он не сможет укрыть ее от патрульных. Раньше или позже ее возьмут.

Она забыла, что сняла мысленный барьер, и увидела, что он покачал головой.

— Если они и придут, то ничего не добьются. Закатане редко вмешиваются в дела людей, но когда это делают, то, значит имеют веские причины.

— А зачем им прикрывать меня?

— Затем, Дзианта-Винтра-Эрия, что ты для них самая ценная находка за целый век. Ты открыла совершенно новую дверь в прошлое, и они приложат все усилия, чтобы оставить ее открытой. Неужели ты думаешь, что они позволят стереть такую ценность?

Он говорил очень уверенно, он верил в то, что говорил. Ей тоже очень хотелось верить.

Опять он прочел ее мысли.

— А ты попытайся — попытайся поверить в невероятное, и ты увидишь, что это реальность. Что мы здесь делали?— Ланти показал на экран, в котором виднелся быстро уменьшавшийся Сингакок.— То, что мы делали,— это невероятное: ты умирала дважды, я умер один раз, но ты же не будешь отрицать, что мы оба живы? Зная это, почему ты не хочешь верить, что тебе не следует бояться будущего?

— Думаю, что это не так!— ответила Дзианта. Но он был прав. Говорят, что смерть конец всему, но она дважды прошла сквозь нее. Может, это все было иллюзией, как та, в которой они оставили Огана. Если иллюзия — то пусть остается.

Ланти улыбнулся, и Харат в ее руках нежно пощелкал клювом.

— Ты увидишь, все будет хорошо!— Как-то его мысли встретились с ее, обещая согреть ее разум. Глаза, греясь, ждали в ее ладонях. Ждали. Чего? Следующей иллюзии? Следующего приключения?

ГАРАН ВЕЧНЫЙ

Сквозь голубой туман

Через шесть месяцев и три дня после того, как вконец измученная Великой войной 1985—88 годов Земля подписала Шанхайский мир, в парке Нью-Йорка на скамейке сидел молодой человек и безнадежно разглядывал гравий под своими скверными, изношенными башмаками. Его научили сидеть на месте пилота в контрольной кабине истребителя, и больше ничему. Поиски надежного места в цивилизованном мире стоили ему здоровья и гордости.

Кто-то подошел и сел на другой конец скамейки. Летчик внимательно оглядел его. Вот у этого типа приличная обувь, теплое пальто, и весь его вид свидетельствует о том, что он обеспечен и доволен жизнью. Хотя человек был уже не первой молодости, он был легок в движениях и выглядел подвижным и деятельным.

— Не вы ли капитан Гарайн Фитерстон?

Удивленный летчик кивнул. Два года назад он, капитан Гарайн Фитерстон из Объединенной Демократической Армии, руководил опасным истребительным рейдом в опустошенных странах Азии и нанес сокрушительный удар большой экспедиционной армии, тайно сгруппировавшейся там. Это было эффективное дело и принесло пережившим его некоторую славу.

Новоприбывший достал из бумажника газетную вырезку и показал ее летчику.

— Вы — тот человек, которого я ищу,— сказал незнакомец, пряча вырезку обратно.— Храбрый, инициативный и умеющий думать пилот. Человек, командовавший таким рейдом, стоит того, чтобы в него вложить деньги.

— Это предложение?— устало спросил Фитерстон. Он уже не верил в удачу.

— Я Грегори Фарсон,— сказал тот, как будто это было ответом на вопрос.

— Антарктический человек?

— Именно. Как вы, вероятно, слышали, моя последняя экспедиция была остановлена неожиданным распространением военных действий на тот район. Теперь я снова собираюсь плыть под парусами на юг.

— Но я не понимаю...

— Каким образом вы можете мне помочь? Очень просто, капитан Фитерстон. Мне нужны пилоты. К сожалению, большинство из них взяла война. Мне повезло, что я встретил такого, как вы...

Это было действительно просто. Однако Гарайн окончательно поверил в это, лишь когда они через несколько месяцев достигли ледяного берега полярного континента. Увидев на берегу три больших самолета, он заинтересовался движущими мотивами, которые скрывались за планами Фарсона.

Когда грузовой корабль отплыл, чтобы вернуться только через год, Фарсон собрал всех. В группе было трое летчиков — все ветераны войны, и два инженера, которые большую часть своего рабочего времени тратили на вычерчивание карт.

— Завтра,— шеф оглядел всех,— мы отправляемся вглубь страны. Сюда,— он указал на красную линию на разложенной перед ним карте.— Десять лет назад я участвовал в экспедиции Вердена. Однажды, когда мы летели к югу, наш самолет попал в какой-то причудливый поток воздуха и сбился с курса. Мы летели вслепую и вдруг увидели вдалеке плотный голубой туман. Он как бы поднимался прямой линией от плоскости льда к небу. К счастью, горючее у нас было на исходе, и мы не рискнули приблизиться, чтобы исследовать этот туман, и повернули назад, к базе.

Верден, кстати, не заинтересовался нашим рапортом, и мы так и не провели исследования. Три года назад экспедиция Каттака искала по приказу Диктатора залежи нефти и тоже видела этот туман. Так вот, сейчас мы отправимся его исследовать!

— Почему,— спросил с любопытством Гарайн,— вы так жаждете попасть в этот туман?

Фарсон замялся было, но ответил:

— Есть предположение, что подо льдом, покрывающим этот континент, скрываются богатые залежи минералов. Я думаю, что этот туман является результатом какой-то формы вулканической активности и, возможно, трещин в земной коре.

Гарайн хмуро смотрел на карту. Он не очень верил этому объяснению, но Фарсон платил, так что Гарайну пришлось откинуть сомнения,— приходится прощать человеку, который тебя регулярно кормит.

Четыре дня спустя они вылетели. Хэмли, один из инженеров, Раульсон, пилот, и Фарсон заняли один самолет, другой инженер и пилот — второй, а Гарайн — с дополнительными припасами — находился на третьем самолете один.

Он радовался своему одиночеству, когда они поднялись в бело-голубую пустоту. Его самолет был тяжело нагружен, поэтому не мог и пытаться следовать за другими в верхние слои атмосферы. Они сообщались по радио, и Гарайн, защелкивая наушники, вспомнил, что говорил утром Фарсон:

— Туман искажает радиоволны. В нашей последней экскурсии слышимость была очень скверной, вроде как,— он засмеялся,— речь на иностранном языке.

Пока они двигались над ледяной поверхностью, Гарайн подумал, что, может быть, это была и в самом деле речь — какой-нибудь тайной экспедиции, вроде экспедиции Каттака.

В герметически закрытой кабине он не чувствовал мороза, машина шла гладко. С легким вздохом удовлетворения он откинулся на мягком сиденье, не сводя глаз с курса, которым следовали самолеты над ним и впереди него.

Примерно через час полета Гарайн увидел далеко впереди темное облако. Тут же зазвучал в наушниках голос Фарсона:

— Вот он. Держите прямо вперед.

Облако росло и стало уже пурпурно-голубой стеной между небом и льдом. Первый самолет быстро приблизился к этой стене и нырнул в нее. Внезапно машина сильно затряслась и качнулась к земле, как будто потеряла управление. Затем она выпрямилась и пошла вниз. Гарайн слышал, как Фарсон спрашивал, в чем дело, но первый самолет не отвечал.

Самолет Фарсона снижался на полной скорости. Действия первого самолета внушали тревогу. Может, этот туман был ядовитым газом?

Гарайн послушно двинулся вперед, пока не встал крыло в крыло с Фарсоном. Туман был прямо перед ними, и Гарайн видел в нем движения маслянистых, непрозрачных волн. Мотор прорезал их. На стеклах была липкая, мглистая влага.

Вдруг Гарайн понял, что он не один. В пустой кабине был другой разум, куда более сильный. Гарайн яростно боролся с ним — с самой мыслью о нем. Однако, после долгой мучительной минуты, в течение которой его, видимо, изучили, невидимка взял верх. Руки и ноги Гарайна до сих пор управляли машиной, но чужак контролировал его.

Самолет мчался сквозь плотный туман. Машина Фарсона пропала из виду. Хотя Гарайн все еще боролся против давившей на него воли, силы его слабели. Неожиданно пришел приказ идти в самую сердцевину темных волн.

Их закружило. Один раз, когда туман раздвинулся, Гарайн мельком увидел искореженную скалу, с желтыми ребрами. Фарсон был прав: ледяная кора здесь треснула.

Все ниже и ниже. Если приборы не врали, самолет был уже ниже уровня моря. Туман редел и, наконец, исчез. Внизу расстилалась долина, покрытая яркой зеленью. Там и сям виднелись группы чего-то похожего на деревья. Он увидел желтый поток воды.

Но что-то в этом ландшафте было пугающе-чуждым. Пока Гарайн кружился над ним, он все время пытался освободиться от чужой воли, которая привела его сюда. В наушниках раздалось какое-то кваканье, и присутствие тут же исчезло.

Подчиняясь пилоту, машина снова начала набирать высоту. Гарайн яростно стремился вверх, подальше от этой зеленой местности. Туман снова поглотил его. Он видел капли воды на стеклах. Еще сотня футов — и он освободится и от тумана и от этого неправдоподобного мира внизу...

Вдруг левый двигатель зловеще зашипел и замолк. Самолет накренился и заскользил в пике. Внизу он снова завертелся в ровном свете зеленой страны.

Там росли деревья — высокие деревья, похожие на папоротники, с чешуйчатыми малиновыми стволами. Самолет несся прямо на них. Гарайн пытался справиться с управлением. Машина выровнялась, пике сменилось планированием. Он увидел открытое пространство земли и тут же почувствовал, что царапает какую-то поверхность. Прямо перед ним маячило дерево — папоротник. Самолет помчался к длинным ветвям. Далее — страшный грохот, взлетели вверх обломки дерева и металла. Поднялась алая туча, а затем глаза Гарайна заволокло мраком.

Гарайн очнулся. Тело было наполнено болью. Он был закован в искореженной массе металла, которая когда-то была кабиной. Через дыру в стенке у самой его головы пробился зеленый длинный шип, за который еще цеплялись искромсанные листья. Гарайн смотрел на него, боясь шевельнуться, чтобы боль не усилилась.

Затем он услышал снаружи какое-то топотание, как будто мягкие руки толкали и тянули обломки самолета. Ветка затряслась, и часть кабины с лязгом отвалилась.

Гарайн медленно повернул голову. Через отверстие пробиралась гоблиноподобная фигура.

Она была примерно пяти футов ростом и шла на двух ногах как человек, но ноги были короткие, похожие на обрубки и заканчивались ступней с пятью пальцами равной длины. На тонких стройных руках с маленькой кистью было только по четыре пальца. У создания был высокий, красиво округлый лоб, но подбородка не было, и лицо отчетливо напоминало морду ящерицы. Спина была тускло-черная с бархатистой поверхностью. Нижнюю часть тела покрывала короткая металлическая юбка с поясом удивительной работы, украшенным драгоценными камнями.

Некоторое время существо разглядывало Гарайна, и эти немигающие золотистые глаза отогнали от летчика всякий страх. В их глубине не было ничего, кроме глубокой жалости.

Человек-ящер легко шагнул и отвел со лба Гарайна взмокшую от пота прядь волос. Затем он дотронулся до металлических оков, державших летчика, как бы оценивая их прочность, повернулся к отверстию и, как видно, отдал приказ, а затем снова присел на корточки возле Гарайна.

Появились еще двое и стали разламывать остатки кабины. Они делали это очень осторожно, но Гарайн потерял сознание еще до того, как они его освободили.

Когда Гарайн снова начал воспринимать окружающее, он обнаружил, что лежит на носилках, покачивающихся между двумя неуклюжими животными. Их можно было принять за маленьких слонов, только у них было по четыре бивня и совсем не было хобота.

Они пересекли равнину и поднялись по холму в высокую пещеру, где четверо людей-ящеров взяли носилки. Гарайн уставил-

ся на потолок. На черном камне была вырезана масса ветвей и цветов. В воздухе танцевали блестящие пылинки, излучавшие слабый свет. Когда они собирались группами, свет становился еще ярче.

Два человека-ящера в длинных мантиях сначала поговорили с шефом носильщиков, а затем склонились над Гарайном. Один из них покачал головой, глядя на искалеченное тело летчика, и знаком велел нести носилки во внутреннюю комнату.

Здесь стены были бледно-голубые. В самом центре комнаты находился длинный блок кварца. Носильщики поставили носилки рядом и вышли. Человек-ящер в мантии разрезал острым ножом одежду на летчике и обнажил тело. Затем они положили Гарайна на кварцевый стол и закрепили металлическими обручами. Один из них подошел к стене и потянул за светящийся прут. Феерический голубой свет упал с потолка на беспомощное тело Гарайна. Он чувствовал, как у него пульсирует каждый мускул, каждый сустав, как покалывает кожу, и скоро боли как не бывало.

Свет погас. Три человека-ящера подошли к Гарайну, завернули его в мягкую мантию и отнесли в другую комнату. Она была круглая как гигантский пузырь. В центре пола было углубление, заполненное подушками. На них и положили Гарайна. Наверху сформировалось розоватое облачко. Гарайн смотрел на него, пока не уснул.

Что-то теплое прижалось к его голому плечу. Он открыл глаза и некоторое время не мог сообразить, где он. Затем почувствовал, что кто-то вертится рядом с ним на мантии, и взглянул туда.

Если люди-ящеры напоминали своей гротескностью гоблинов, то у этого посетителя было что-то от эльфа. Ростом он был не более трех футов, и его обезьянье тельце сплошь покрывала шелковистая белая шерсть. Крошечные ручки — безволосые и вполне человеческие, а ноги очень напоминали кошачьи лапы. По бокам круглой головы торчали широкие веера-уши. Мордочка мохнатая и на верхней губе — жесткие кошачьи усы. Как потом узнал Гарайн, это была Ана.

Беспечные маленькие существа выбирали себе хозяина или хозяйку из Народа, а одна из них пришла к Гарайну. Они охотно сопровождали своих покровителей и молчаливо радовались самому незначительному подарку. Честные и храбрые, они могли выполнять мелкие поручения, носить письма выбранному ими другу и оставались с ним до смерти. Это были не люди, но и не животные. Считалось, что они появились много веков назад в результате какого-то эксперимента Древних.

Похлопав Гарайна по плечу, Ана заинтересовалась его волосами, сравнивая бронзовые пряди со своей белой шерсткой. Поскольку Народ был безволосым, волосы выглядели в Пещерах странно. С довольным мурлыканьем Ана потерлась головой о руку Гарайна.

С легким щелчком открылась дверь в стене. Ана вскочила на ноги и бросилась приветствовать вошедших. Один из Вождей

Народа, первым нашедший Гарайна, вошел в сопровождении нескольких подчиненных.

Летчик сел. У него не только не было никакой боли, он чувствовал себя сильнее и моложе, чем был несколько месяцев назад. Он улыбнулся и радостно протянул руки к человеку-ящеру. Тот сделал то же самое.

Люди-ящеры захлопотали вокруг Гарайна, надевая на него короткую юбку и драгоценный пояс,— по-видимому, это была единственная одежда, которую носили в Пещерах. Когда это было закончено, вождь взял Гарайна за руку и повел к дверям.

Они прошли по коридору с резными и инкрустированными блестящими камнями и металлом стенами и, наконец, вошли в громадную пещеру, стены которой скрывались в тени. На возвышении стояли три высоких трона. Гарайна подвели к подножию помоста.

Самый высокий трон был из розового хрусталя. Направо от него — зеленый нефритовый, гладкий от времени. Левый трон был вырезан из цельного агата. Розовый и агатовый троны были пусты, а на нефритовом восседал один из Народа. Он был выше остальных, и его глаза, устремленные на Гарайна, светились мудростью и печалью.

— Хорошо!— прозвучало в мозгу летчика.— Мы сделали мудрый выбор. Этот юноша достоин быть мужем Дочери. Но его надо испытать, как огонь испытывает металл. Он должен вывести Дочь наружу и сразиться с Киптой...

Шипящее бормотанье эхом прокатилось по холлу, Гарайн прикинул, что тут собралось не менее сотни людей Народа.

— Ург!— скомандовал сидящий на троне.— Возьми этого юношу и обучи его. Тогда я снова поговорю с ним. Ибо,— печаль сквозила в его словах,— розовый трон должен быть занят снова, а черный агат сгорит в порошок. Время течет быстро.

Вождь увел изумленного Гарайна.

Гарайн узнает о темных существах

Ург привел летчика в одну из шарообразных комнат, в которой была низкая мягкая скамья, а перед ней — металлический экран. Они сели.

Последовал урок языка. На экране появлялись изображения различных предметов, а Ург называл их, отчетливо произнося, чтобы Гарайн мог повторить. Позднее американец узнал, что лечебное излучение, которому он подвергался, ускорило его умственные способности, поэтому он усвоил словарь в немыслимо короткий срок.

Судя по картинкам, Ящерный Народ управлял миром кратера. Тут были и другие формы жизни: слоноподобные ТАНДЫ — животные для переноски грузов; похожие на белок ЭРОНЫ жили под землей, занимались сельским хозяйством при малом освещении и два раза в год застенчиво выходили, чтобы обменять

зерно на жидкую резину, производимую Народом; еще были ГИБИ, гигантские пчелы, также дружившие с Народом. Они снабжали пещерных жителей медом и воском, а в обмен получали убежище на время Великих Туманов.

Народ был высокоцивилизованным. Руками они делали только тонкую резьбу или ювелирные изделия, а все остальное — шитье металлической одежды, приготовление пищи, обработка полей, рытье новых пещер — делали машины.

Освобожденные от физического труда, они стали приобретать знания. Ург показывал на экране обширные лаборатории, громадные научные библиотеки. Однако, все они знали, что в самом начале их учили Древние Существа другой расы. Сам Народ появился в результате направленной эволюции и экспериментов, проведенных Древними.

Вся их мудрость заботливо охранялась, но от кого или от чего — Ург не говорил, хотя утверждал, что существует вполне реальная опасность. Что-то об этом было записано на голубой стене кратера, что-то, что оспаривало владычество Народа.

Гарайн хотел было продолжить расспросы, но зазвучал гонг.

— Пора обедать,— сказали ему.— Пошли.

Они пришли в большую комнату с тяжелым столом из белого камня, идущим вдоль трех стен, и скамейками перед ним. Ург сел, нажал на круглую ручку в столе, предложив Гарайну сделать то же. Стена напротив них раскрылась и появились два подноса. На подносе стояла тарелка с горячим мясом под вкусным соусом, каменная чашка с овсянкой и кисть каких-то плодов прямо на ветке с листьями. Ана смотрела так тоскливо, что Гарайн отдал ей фрукты.

Народ ел молча. Закончив, все быстро встали, и подносы исчезли в стене. Гарайн обратил внимание, что здесь были одни мужчины, и вспомнил, что еще ни разу не видел женщин. Он рискнул спросить. Ург рассмеялся.

— Ты думаешь, что в Пещерах нет женщин? Что ж, пойдем в Холл Женщин и сам увидишь.

В Холле Женщин захватывало дух от богатства камней, за которые можно было купить целую нацию. Камни сверкали на куполообразном потолке, на расписных стенах. Здесь находились женщины и девушки Народа. Их темные тела покрывали платья из серебряной сетки. На каждом пересечении нитей находился крошечный камешек, так что женщины были покрыты как бы сверкающей чешуей.

Их было немного — наверное, не более ста. Некоторые держали на руках свои уменьшенные копии, которые таращились на Гарайна круглыми желтыми глазами и робко сосали кончики темных пальцев.

Женщинам поручалась самая тонкая ювелирная работа, и они с гордостью показывали незнакомцу свое рукоделие. В дальнем конце холла изготовлялась удивительная вещь: серебряная сетка, которая служила основой их платьев, была укреплена здесь, и три женщины вставляли в каждое микроскопическое отверстие

маленький розовый камень. Кое-где они клали по узору крошечные изумруды или пламенные опалы, так что в конце концов получалась радуга.

Одна из работающих погладила платье рукой и, искоса взглянув на Гарайна, с легким поддразниванием в голосе объяснила:

— Это для Дочери, когда она взойдет на трон.

Дочь! Как это говорил Лорд Народа? «Этот юноша достоин быть мужем Дочери». Но Ург говорил, что Древние ушли из Тэйва.

— Кто это — Дочь?

— Трэла Света.

— Где она?

Женщина вздрогнула, в ее глазах появился страх.

— Трэла лежит в Подземелье Мрака.

Подземелье Мрака? Имеется в виду, что Трэла умерла? Значит, он, Гарайн Фитерстон — жертва для какого-то ритуального жертвоприношения, которое соединит его с мертвой?

Ург дотронулся до его руки.

— Нет. Трэла еще не вошла в Место Предков.

— Ты читаешь мои мысли?

Ург засмеялся.

— Мысли читать легко. Трэла жива. Сэра служила Дочери, когда та была среди нас. Сэра, покажи, пожалуйста, какая она была.

Женщина подошла к зеркалу, вделанному в стену, такому же, каким пользовался Ург для уроков языка, и, пристально вглядевшись в него, подозвала летчика. Зеркало затуманилось, и он увидел, как сквозь стекло, комнату со стенами и потолком из розового кварца. На полу лежал толстый розовый с серебром ковер. В центре находилось ложе из груды подушек.

— Комната Дочери,— возвестила Сэра.

Подвижная панель в стене отошла, и в комнату вошла женщина. Очень молодая, почти ребенок. Счастливая улыбка пухлых алых губ, радостный блеск фиолетовых глаз. Сложена она была как человек, но красоты неземной. Нежные краски слабо играли на ее жемчужно-белой коже, и Гарайну вспомнился перламутр с его переливанием от света к тени. Иссиня-черные волосы спускались до колен. Платье из серебряных нитей опоясывалось вокруг талии темнорозовыми драгоценными камнями.

— Такой была Трэла, когда Темные Существа взяли ее,— сказала Сэра.

Ург рассмеялся, услышав разочарованный вздох Гарайна, когда изображение исчезло.

— Зачем тебе жалеть о видении, когда сама Дочь ждет тебя? Тебе остается только вывести ее из Подземелья Мрака.

Где это — Подземелье...— Гарайна прервал трезвон гонга.

— Темные Существа!— воскликнула Сэра.

Ург пожал плечами.

— Если уж они не щадят Древних, можем ли мы надеяться ускользнуть? Пойдем в Тронный Зал.

Перед нефритовым троном Лорда Народа стояла небольшая группа людей-ящеров рядом с двумя носилками. Когда Гарайн вошел, Лорд произнес:

— Пусть иноземец подойдет ближе и посмотрит на работу Темных Существ.

Гарайн неохотно подошел и остановился у носилок. Лежавшие на них изо всех сил старались передать сообщение, прерывая его стонами и криками агонии. Это были люди Народа, но их кожа была не черного, а зеленого с плесенью цвета.

Лорд наклонился вперед.

— Достаточно,— сказал он.— Можете умереть.

Как бы повинуясь приказу, измученные люди оставили жизнь, за которую они до сих пор цеплялись, и затихли навсегда.

— Взгляни на работу Темных Существ,— сказал правитель Гарайну.— Джейв и Бети были захвачены ими, когда шли с поручениями к Гиби. Видимо, Темные Существа нуждаются в материале для своих лабораторий. Они собираются и Дочь отдать своим страшным работникам!

Ужасный вопль ненависти поднялся в Зале. Гарайн стиснул зубы. Отдать это чудесное видение, которое только что было перед его глазами, на такую смерть!

— Джейв и Бети были заперты недалеко от Дочери и слышали угрозы Кипты. Наши братья были заражены страшной болезнью и отпущены, чтобы они принесли заразу к нам. Но они выкупались в луже кипящей грязи. Они умерли, но вместе с ними умерло и зло. Поскольку мы воспитываем таких людей, как они, я думаю, что Темные Существа не успокоятся. Слушай, иноземец, рассказ о Темных Существах и Подземельях Мрака, и о древних Существах, которые вывели Народ из грязи давно высохшего моря и сделали его великим, о Древних, которые в конце концов пришли к своему упадку. До того, как страны внешнего мира родились из океана, до того, как Страна Солнца и Страна Моря — Атлантис поднялась из расплавленных скал и песка, далеко на юге была страна. Сухая страна скал, равнин и болот, где жила, плодилась и умирала грязная жизнь. Затем пришли с далеких звезд Древние Существа. Их раса была старше, чем эта земная. Их мудрецы следили за рождением Земли из Солнца. Когда их мир погиб, унося в небытие большую часть людей, оставшаяся горсточка бежала в новый мир. Когда они вышли из космического корабля, они попали в ад. Вместо своего любимого дома они получили голые скалы и зловонную грязь. Вырыв этот кратер — Тэйв, они вошли в него с сокровищами со своего корабля, а также с несколькими живыми существами, пойманными в болотах. Из этих существ они создали Народ, Гиби, Тандов, и обрабатывающих землю Эронов. Народ оказался наиболее способным к мудрости и стремлению вверх. Но познания Древних все еще остаются для него недостижимыми. За тысячелетия, которые Древние прожили за охранявшей их стеной тумана, внешний мир изменился. На север и на юг пришел Холод, в Стране Солнца и Стране Моря ступали ноги настоящего человека. Древние следи-

ли в своих зеркалах видения, как человек расселился по всему миру. Они умели продлевать жизнь, но все-таки раса вымирала. Нужен был новый приток крови. Поэтому были приглашены несколько человек из Страны Солнца. На время раса расцвела. Древние решили оставить Тэйв ради внешнего мира. Но океан поглотил Страну Солнца. Раса Древних своевременно пополнилась от Страны Моря и снова приготовилась к Исходу, но океан снова обманул их. Люди, оставшиеся во внешнем мире, одичали и возвратились к первобытному состоянию. Древние не хотели смешивать свою кровь с этими полуживотными; они укрепили стену тумана и остались. Однако, некоторые из них решили вкусить запретный плод и пригласили дикарей. От этих чудовищных браков произошли Темные Существа. Они живут только ради того зла, которого они достигли, и могущества, применяемого для жестокости. Грех был обнаружен не сразу. Когда он стал явным, другие Древние могли бы уничтожить потомство, но закон запрещал убийства. Древние могли пользоваться своим могуществом только для добра, в противном же случае могли его лишиться. Поэтому они выселили Темных Существ на крайний юг Тэйва и отдали им Подземелья Мрака. Никто из Темных Существ не бывал севернее Золотой Реки, а Древние не ходили южнее ее. Примерно в течение двух тысячелетий Темные Существа соблюдали закон. Они работали, создавали силы разрушения. Тем временем Древние обыскивали мир, ища людей, которые могли бы обновить расу. Однажды здесь появились люди с далеких северных островов. Шестеро из них сумели пробиться сквозь туман и выбрали себе жен из дочерей Древних. Потом они позвали светловолосых людей другого племени, племени великих мореплавателей. Темные Существа тоже призывали людей, но в то время как Древние искали для добра, Темные в основном брали творящих зло. В конце концов им удалось закрыть путь посланцам, так что Древние не могли больше никого приглашать. Затем Темные пересекли Золотую Реку и вошли в страну Древних. Трэн, живущий в Свете и Лорд Пещер, созвал наш Народ.

— Только одно может помочь вам,— сказал он.— Попытаемся вызвать Темных и создать им видимость победы. Трэла, Дочь Света, не войдет в Комнату Приятной Смерти с остальными женщинами, а отдаст себя в руки Темных Существ, чтобы они окончательно уверовали в свою победу. Вы, Народ, удалитесь в Место Рептилий до тех пор, пока Темные не уйдут. Не все Древние погибнут — большая часть их будет спасена, но каким образом они уцелеют — я не могу сказать. Когда из внешнего мира придет золотоволосый юноша, пошлем его в Подземелья Мрака освободить Трэлу и покончить со злом.

Тогда встала Леди Трэла и тихо сказала:

— Пусть будет так, как сказал Лорд Трэн. Я сама отдамся в руки Темных Существ, чтобы на них пришла погибель.

Лорд Трэн улыбнулся ей и промолвил:

— И на нашу долю выпадет счастье! Ведь после Великих Туманов всегда приходит свет!

Затем женщины Древних простились со всеми в Комнате Приятной Смерти, в то время как мужчины стали готовиться к битве. Три дня они сражались, однако, новое оружие Темных взяло верх, и их глава сел на этот агатовый трон в знак своей власти. Тем не менее, Темные Существа, привыкшие к темноте, не ужились в наших Пещерах и скоро ушли обратно к себе, а мы, Народ, вернулись.

Но теперь настало время, когда Темные Существа хотят принести Дочь в жертву своему злу. Если ты не сможешь освободить ее, иноземец, они погибнут навсегда.

— А что случилось с Древними?— спросил Гарайн,— С теми, о которых Трэн сказал, что они спасутся?

— О них мы ничего не знаем, кроме того, что когда мы относили тела погибших в Место Предков, некоторых не хватало. Для того, чтобы ты поверил в правдивость моего рассказа,Ург отведет тебя в галерею над Комнатой Приятной Смерти, и ты сам увидишь тех, кто спит там.

Ург повел его. Гарайн поднялся по ступеням лестницы, идущей от Тронного Зала, и вошел в узкую галерею, одна стена которой была из прозрачного хрусталя. Ург показал вниз.

Они находились над большим залом со стенами из зеленого нефрита. На полированном полу были разбросаны подушки. На каждой лежала спящая женщина. Некоторые прижимали к себе детей. Их длинные волосы рассыпались по полу, загнутые ресницы бросали тень на бледные лица.

— Они же спят!— сказал Гарайн.

Ург покачал головой.

— Это сон смерти. Каждые пять часов от пола поднимается пар. Такое дыхание их не разбудит и, если не тревожить их, они пролежат так тысячу лет. Взгляни туда...

Он показал на закрытые двойные двери комнаты. Там лежали первые мужчины Древних Существ, которых Гарайн видел. Они тоже, казалось, спали, подложив руки под свои красивые головы.

— Трэн приказал, чтобы те, кто останется жив после битвы в Тронном Зале, вошли в Комнату Приятной Смерти, чтобы Темные не мучили их для своей потехи. Сам Трэн остался позади, чтобы закрыть дверь, и так умер.

Среди спящих совсем не было пожилых. Девять мужчин выглядели старше тридцати, а остальные были явно моложе. Гарайн сказал об этом.

— Древние выглядят так со дня их смерти, хотя многие жили двести лет. Облучение сохраняет их. Даже мы, Народ, можем задерживать старость. А теперь пойдем. Наш Лорд Трар хочет еще поговорить с тобой.

Снова Гарайн стоял перед нефритовым троном Трара и слышал возбужденные голоса Народа в полумраке. Трар вертел в своих нежных руках небольшой блестящий жезл из зеленого металла.

— Слушай внимательно, иноземец,— начал Трар.— У нас мало времени. Через семь дней начнутся Великие Туманы. Никто

не сможет выйти из убежища и остаться в живых. Трэлу нужно вывести из Подземелья до наступления этого времени. Этот жезл будет твоим оружием; Темные не знают его секрета. Смотри.

Двое из Народа поставили перед ним металлический брусок. Трар прикоснулся к нему жезлом. Хлопья ржавчины быстро распространились по всей поверхности бруска, и он рассыпался кучкой пыли, на которую наступил ногой один из Народа.

— Трэла находится в самом сердце Подземелий, но люди Кипты с годами стали беспечны. Смело входи и надейся на удачу. Они не знают о твоем появлении здесь и о словах Трэна относительно тебя.

Ург выступил вперед и поднял руку в знак просьбы.

— В чем дело, Ург?

— Лорд, я хотел бы пойти с иноземцем. Он ничего не знает о Лесе Моргелей и о Кипящей Луже. В лесной стране легко заблудиться...

Трар покачал головой.

— Нельзя. Он должен идти один. Так говорил Трэн.

Ана, весь день ходившая следом за Гарайном, пронзительно засвистела, на цыпочках подошла к нему и дернула за руку.

Трар улыбнулся.

— Это создание может пойти: его глаза отлично послужат тебе. Ург проводит тебя до внешнего Портала Места Предков и покажет дорогу к Подземельям Мрака. До свидания, иноземец, и да будет с тобой Дух Древних.

Гарайн поклонился правителю и вышел в сопровождении Урга. Недалеко от двери стояла кучка женщин. Сэра выступила вперед с небольшим мешочком.

— Иноземец, — быстро сказала она, — когда ты увидишь Дочь, скажи ей, что Сэра ждет ее много лет.

Он улыбнулся.

— Скажу.

— Не забудь, иноземец. Я считаюсь красивой леди среди Народа, у меня хватает поклонников, но мне кажется, я могу позавидовать Дочери. Нет, я не буду объяснять,— она лукаво засмеялась.— Ты потом поймешь. Вот тут еда. Теперь иди быстрее, чтобы успеть вернуться сюда до Туманов.

Их провожали добрые пожелания женщин. Ург пошел вниз по лестнице. Внизу была каменная ниша, где горел тусклый розовый свет. Ург пошарил внутри, достал пару высоких котурнов и помог Гарайну зашнуровать их. Они были точно впору. Их обычно носили Древние.

Проход перед ними был узкий и кривой. Под ногами лежал толстый слой пыли с отпечатками ног Народа. Обогнув угол, они подошли к высокой двери, выступавшей из мрака. Ург нажал на нее. Раздался щелчок, и камень отошел назад.

— Здесь Место Предков,— сказал Ург, войдя внутрь.

Они стояли у входа в колоссальный зал, куполообразный потолок которого исчезал в тени. Толстые колонны из светящегося хрусталя разделяли его на проходы, ведущие внутрь к оваль-

ному возвышению. Проходы были заполнены ложами и в каждом мягком гнезде лежал спящий. Ближе к двери лежали мужчины и женщины Народа, а ближе к возвышению — Древние. На некоторых ложах были надписи. Сын пренормана Ирландии. Ург провел согнутым пальцем по архаическим буквам, вырезанным в камне, который служил основанием ложу.

— Спи спокойно, любимец Света. Свет вернется в назначенный день.

Гарайн подошел к возвышению.

— Кто лежит здесь?

— Первые Древние Существа. Подойди и посмотри на тех, кто создал Тэйв.

На возвышении ложи стояли в два ряда. Между ними, в центре, стояло одинокое ложе, выше остальных.

Пятьдесят мужчин и женщин выглядели так, будто прилегли на часок отдохнуть. Спокойные лица улыбались, глаза окружали тени усталости. У них были нечеловеческие особенности, которые исчезали у их потомков.

Ург двинулся к высокому ложу и подозвал Гарайна. Там лежали мужчина и женщина. Голова женщины лежала на плече мужчины. Ург остановился перед ними.

— Смотри, иноземец, это один из тех, кто был призван из вашего мира. Марена из Дома Света благосклонно взглянула на него, и их счастье длилось долго.

У мужчины на ложе были золотисто-рыжие волосы. На его руке был тяжелый золотой браслет. Однажды Гарайн видел такой на груди мужчины.

В их лицах было что-то такое, что заставило Гарайна отвернуться — будто он вторгся туда, где человеку быть не следует.

— Здесь лежит Трэн, Сын Света, первый Лорд Пещер, и его Леди Трэла. Живущая в Свете. Они лежат так тысячу лет и будут лежать до тех пор, пока планета не обратится в прах под ними. Они вывели Народ из грязи и создали Тэйв. Таких, как они, больше не будет.

Они молча прошли по проходам. Гарайн мельком увидел еще одного белокурого мужчину — видимо, тоже иноземца, поскольку Древние все были брюнетами. Ург еще раз остановился, прежде чем выйти из зала. Он подошел к ложу мужчины, завернутого в длинную мантию, лицо его было искажено агонией.

Ург назвал имя:

— Трэн.

Это был последний Лорд Пещер. Гарайн хотел было подойти ближе, чтобы рассмотреть мертвое лицо, но Ург нетерпеливо повлек его к двери.

— Это южный вход в Пещеры,— объяснил он.— Положись на Ану, она поведет тебя и убережет от кипящей грязи. Если встретишь моргелей — быстрее убивай, это слуги Темных Существ. Да сопутствует тебе удача, иноземец!

Дверь открылась, и Гарайн вышел на поверхность Тэйва. Мягкий голубой свет был таким же сильным, как и тогда, когда

Гарайн впервые увидел его. С Аной на плече и с зеленым жезлом и мешком пищи в руках он зашагал по сырой почве.

Ург поднял руку в прощальном приветствии, и дверь захлопнулась. Гарайн пошел один, взяв обязательство вывести Дочь из Подземелий Мрака.

В Подземельях Мрака

В Тэйве не было смены дня и ночи, и голубой свет был всегда. Однако Народ искусственно делил время. Тем не менее, Гарайн, недавно прошедший через лучи здоровья, не чувствовал усталости. Когда он колебался в выборе дороги, Ана начинала щебетать и уверенно показывала вперед.

Перед ним вырос густой лес папоротниковых деревьев. В лесу было тихо и мрачно, и Гарайн впервые обратил внимание на особенность Тэйва: здесь не было птиц. Им пришлось пересечь только западную часть леса. Через час они вышли к реке. Мутные воды были густошафранового цвета. Гарайн решил, что это и есть Золотая Река, граница владений Темных Существ.

Он обошел излучину и пошел по мосту, такому старому, что угловые камни источились от времени. Мост вывел их в обширную долину, покрытую высокой увядшей желтой травой. Налево слышалось шипение и булькание, в воздухе стояло огромное облако пара. Гарайн задыхался от ветра, наполненного химикалиями и дувшего в его сторону. Пока они шли по долине, все время во рту и в носу ощущался серный налет, и Гарайн обрадовался, когда попал в папоротниковую рощу, в которой скрывался родник. Там Гарайн помылся, в то время как Ана развязывала мешочек с едой, который дала Сэра.

Они поели лепешек из зерна и сухих фруктов. Затем Ана дернула Гарайна за руку и показала вперед.

Гарайн осторожно пополз через густой кустарник. Наконец, он вылез на свет и увидел вход в Подземелья Темных Существ. Две высокие колонны, высеченные в виде отвратительных чудовищ, охраняли грубо пробитое отверстие. Легкий зеленый дымок вился и танцевал в их разинутых пастях.

Гарайн внимательно пригляделся к входу. Никого не было видно. Он сжал разрушающий жезл и потихоньку двинулся вперед. Дойдя до зеленого тумана, он собрался с духом и вошел внутрь.

Туман окутал Гарайна. В легкие вполз горячий, влажный, слабо окрашенный воздух с тошнотворно-сладким запахом разложения. Зеленые пылинки в воздухе давали очень мало света и, казалось, цеплялись за незваного гостя.

Пустив Ану вперед, он спускался по ступенькам вниз, мягкие подошвы его котурнов ступали бесшумно. В стенах располагались статуи. Над каждой извращенной фигурой светился ореол из зеленых пылинок.

Ана остановилась, ее широкие уши расправились, чтобы уловить малейший звук. Откуда-то из-под земли донесся бешеный собачий лай. Ана вздрогнула и попятилась поближе к Гарайну.

Лестница становилась все уже и круче, и все отчетливее звучал захлебывающийся лай. Затем проход перегородила черная каменная решетка. Гарайн увидел сквозь нее лестничный пролет, ведущий вниз, в шахту. Из шахты неслась рычащий смех.

Снующие там существа казались придуманными демоническим умом: гладкие, бесшерстные крысоподобные звери величиной с пони. С острых морд стекала рыжая слюна. Но в их глазах светился разум. Это были моргели, сторожевые псы и рабы Темных Существ.

Со второго пролета лестницы, идущего непосредственно через шахту, донесся стонущий зов. Открылась дверь, и внизу появились двое. Моргели прыгнули было вперед, но быстро отступили под ударами бичей.

Появилась вторая группа: два Темных Существа тащили пленника. Он делал отчаянные и безнадежные попытки освободиться, но они подтащили его к краю шахты и остановились. Моргели, почуяв обещанную добычу, пригнулись внизу.

На лестнице, несколькими ступеньками выше, стояли две фигуры, на которых смотрели стражники, ожидая приказаний. Один был мужчиной, их расы, стройный, красивый и злой, с холодным лицом патриция. Его рука властно держала за локоть спутницу.

Этой спутницей была Трэла. Ее голова была надменно поднята. Былая улыбка исчезла, лицо выражало только печаль и покорность, однако дух белым пламенем метался в ее глазах.

— Смотри!— приказал ее тюремщик.— Разве Кипта не выполняет своих обещаний? Если ты не возьмешь обратно свои слова, Леди Трэла, мы бросим Дандэна в пасти наших рабов.

За нее ответил пленник.

— Кипта, сын подлости, Трэла не для тебя. Помни, Возлюбленная,— обратился он к Дочери,— день освобождения близок!

Гарайн почувствовал непонятную пустоту от легкости, с которой пленник назвал Трэлу «возлюбленной».

— Я жду ответа от Трэлы,— сказал Кипта.

Она ответила:

— Зверь из зверей, ты можешь послать Дандэна на смерть, можешь как угодно оскорблять меня и вредить мне — все равно я знаю, что Дочь не для тебя. Скорее я своими руками оборву нить своей жизни и понесу за это кару от Старших.— Она перевела взгляд на пленника.— Я прощаюсь с тобой, Дандэн. Мы снова встретимся за Завесой Времени.

— Трэла, дорогая...

Один из стражников ударил пленника по губам, оборвав его речь.

Но Трэла смотрела мимо него, прямо за решетку, за которой скрывался Гарайн, Кипта потянул ее за руку, чтобы привлечь ее внимание.

— Смотри! Так умирают мои враги! В шахту его!

Стражники толкнули своего пленника к краю шахты, и моргели подползли ближе, пристально глядя на молодое скорчившееся тело. Гарайн понимал, что он не должен вмешиваться. Ана потянула его направо, где был проход под аркой. Оттуда можно было попасть на балкон, идущий вокруг шахты.

Те, внизу, так увлеклись своим развлечением, что не заметили чужого. Однако, Трэла смотрела вверх, и Гарайн подумал, что она его увидела. Что-то в ее позе привлекло внимание Кипты, и он тоже поднял глаза вверх и на мгновение застыл от изумления, а затем втолкнул Дочь в дверь позади.

— Эй, иноземец! Добро пожаловать в Подземелья! Итак, Народ вмешался...

— Привет, Кипта!— Гарайн сам удивился словам, так легко слетавшим с его языка.— Я пришел, как было обещано, и останусь, пока Черный Трон не будет уничтожен.

— Даже моргели не хвастаются добычей, пока она не попала им в зубы. Что за зверь с тобой?

— Чистый зверь, Кипта, какого у тебя нет. Вели своим двуногим моргелям оставить юношу в покое, пока я не рассердился,— и он покачал зеленым жезлом.

Глаза Кипты сузились, но улыбка не увяла.

— Я давно уже слышал, что Древние не могут убивать...

— Как иноземец, я могу и не придерживаться их ограничений,— ответил Гарайн,— и ты сам это увидишь,если не отзовешь своих вонючих скотов.

Хозяин Подземелья засмеялся.

— Ты такой безмозглый, как Танд. В Пещерах тебя больше не увидят!

— Выбирай, Кипта, да побыстрее!

Главарь Темных, казалось, размышлял некоторое время, а затем махнул своим людям.

— Оставьте его!— приказал он.— Иноземец, ты храбрее, чем я думал. Мы можем договориться...

— Трэла уйдет из Подземелья и Черный Трон будет уничтожен.— таковы условия Пещер.

— А если мы не согласимся?

— Тогда Трэла уйдет, Трон будет уничтожен, а в Тэйве будет такой Судный День, какого еще не было.

— Ты вызываешь меня?

И снова Гарайн произнес неизвестно откуда взявшиеся слова:

— Я воспользуюсь, как в Ю-Лаке...

Прежде чем Кипта успел ответить, в шахте началась суматоха: Дандэн, отпущенный стражниками, помчался скачками, преследуемый моргелями. Гарайн упал плашмя на балконе и спустил вниз конец своего пояса.

В следующее мгновение он уже тащил туго натянувшийся пояс. Пятки Дандэна были над щелкающими челюстями моргелей. Летчик схватил юношу за плечо и помог перебраться через перила.

— Они ушли! Все!— закричал Дандэн, как только встал на ноги.

Он был прав: моргели лаяли внизу, а Кипта и его люди исчезли.

— А Трэла?— воскликнул Гарайн.

— Они увели ее обратно в камеру. Они считают, что сберегут ее там.

— Они ошибаются!— Гарайн поднял жезл. Его товарищ засмеялся.

— Нам лучше скорее идти, пока они не подготовились.

Гарайн поднял Ану.

— Куда идти?

Дандэн показал на проход позади. Затем он забежал в боковую комнату и вышел с двумя плащами с капюшонами, чтобы они могли сойти за Темных Существ.

Они шли по совершенно пустым туннелям. Им никто не препятствовал. Все Темные ушли из этой части Подземелий.

Дандэн обеспокоенно засопел.

— Неладно это. Я боюсь ловушки.

— Пусть ставят, лишь бы мы прошли.

Проход повернул вправо, и они вошли в овальную комнату. Дандэн опять покачал головой, но не рискнул протестовать, а, наоборот, рывком открыл дверь и вошел в маленькую прихожую. Гарайну показалось, что в темных углах что-то шелестело и скрипело. Дандэн так резко остановился, что американец, налетел на него.

— Это комната стражей — и она пуста!

Гарайн заглянул в большую комнату. На стенах висели полки со странным оружием, спальные матрацы стражников были аккуратно сложены, но людей не было.

Они пересекли комнату и прошли под аркой.

— Даже перегородка не опущена,— заметил Дандэн и указал наверх. Там висела каменная решетка. Гарайн озадаченно осмотрел ее. Дандэн потянул его в узкий коридор, где по обе стороны шли зарешеченные двери.

— Камеры,— объяснил он и потянул засов у одной из дверей. Дверь качнулась, и они вошли внутрь камеры.

Трэла поднялась им навстречу. Забыв о переодевании, Гарайн был поражен ее ледяным приемом и отступил назад. Однако, Дандэн шагнул вперед и схватил Трэлу в объятия. Она отбивалась, пока не увидела лицо под капюшоном. Тогда она радостно вскрикнула и обняла Дандэна за шею.

— Дандэн!

Он улыбнулся.

— Да, но это заслуга иноземца.

Она подошла к Гарайну и внимательно посмотрела ему в лицо.

— Иноземец? Такое холодное имя не для тебя, раз ты служишь нам так.

Она потянула ему руки, и он поднес их к губам.

— Как тебя зовут?

Дандэн засмеялся.

— Извечное женское любопытство!

— Гарайн.

— Гарайн,— повторила она.— Как похоже...

Ее перламутровая кожа слегка порозовела.

Рука Дандэна легко опустилась на плечо спасителя.

— Он и вправду на него похож. Пусть он с этого дня носит другое имя: Гаран, Сын Света.

— А почему бы и нет?— спокойно ответила она.— В конце концов...

— Вознаграждение, которое полагалось бы тому Гарану, может быть его? Расскажи ему историю его тезки, когда мы снова будем в Пещерах...

Дандэна прервал испуганный писк Аны, а затем насмешливый голос:

— Итак, добыча сама вошла в ловушку. Немногие охотники могут этим похвастаться.

В дверях стоял Кипта. Порок и злоба плясали в его глазах. Гарайн бросил свой плащ на пол, но Дандэн, видимо, прочел его мысли, потому что схватил его за руку

— Ты, видимо, набрался мудрости, Дандэн, если встаешь между нами? Если бы это сделала Трэла... Но прекрасная женщина считает меня слабым.— Кипта так посмотрел на ее гордую фигуру, что Гарайн охотно придушил бы его, если бы не Дандэн.— Теперь у Трэлы имеется второй шанс. Как тебе нравится, Леди, что эти мужчины окажутся в Комнате Инструментов?

— Я тебя не боюсь,— ответила она.— Трэн однажды сделал пророчество, а он никогда не говорил зря. Мы завоюем свободу...

— Это уж как решит судьба. А пока что я оставлю вас одних.

Он вышел и с шумом захлопнул за собой дверь. Они услышали скрежет задвинутого засова и удаляющиеся шаги.

— Зло ушло,— тихо шепнула Трэла.— Наверное, лучше было позволить Гарайну убить его. Нам надо уходить...

Гарайн снял жезл с пояса. Зеленые светящиеся пылинки собрались на его полированных гранях.

— Дверь не трогай,— посоветовала Трэла,— только ее петли.

Под действием жезла камень начал разрыхляться и опадать хлопьями. Дандэн и Гарайн взяли дверь и положили ее на пол. Трэла быстро схватила с пола плащ Гарайна и закуталась в него, чтобы скрыть блеск расшитого камнями платья.

В коридоре стоял безжизненный холод. Светоносные пылинки исчезли, как если бы отцвели.

— Быстрее!— приказала Дочь.— Кипта убрал живой свет, и мы можем заблудиться в темноте.

Когда они достигли конца холла, там тоже не было света, и Гарайн натолкнулся руками на каменную решетку, которая на этот раз оказалась опущенной. Откуда-то с другой ее стороны раздался серебристый смех.

— Эй, иноземец,— насмешливо позвал Кипта,— с твоим ору-

жием тебе не трудно будет пройти через решетку, но темноту ты не сможешь победить так просто, а также то, что бегает по холлам.

Гарайн уже работал жезлом и через пять минут очистил путь. Но когда они хотели идти вперед, Трэла остановила их.

— Кипта спустил охотников.

— Охотников?

— Моргелей... и других,— пояснил Дандэн.— Темные ушли, и только смерть идет этим путем. Моргели видят в темноте...

— Ана тоже.

— Хорошая мысль,— одобрил Сын Древних.— Ана выведет нас.

Как бы в ответ Ана потянула Гарайна за пояс. Гарайн взял Трэлу за руку, а другую она протянула Дандэну. Они цепочкой прошли через стражи. Затем Ана остановилась и прислушалась. Ничего не было видно, но тьма, висевшая над ними, казалась складками занавеса.

— Что-то преследует нас,— прошептал Дандэн.

— Бояться нечего,— сказала Трэла.— Эти не осмелятся нападать. Я думаю, они смоделированы Киптой. Те, кто не имеют настоящей жизни, больше всего боятся смерти. Это создания...

Что-то медленно ползло позади.

— Кипте не стоило бы и пытаться,— пренебрежительно продолжала Дочь.— Он знает, что его уроды не нападут. Только на свету они будут ужасны — и тогда только из-за страшных своих форм.

Ана снова подергала за пояс хозяина, и они вошли в узкий проход. Там ощущение преследования возобновилось, и, хотя Трэла продолжала уверять, что никакой опасности нет, Гарайна наполнило чувство отвращения.

Они прошли через три холла в длинный коридор, который заканчивался в шахте моргелей. Здесь, полагал Гарайн, их ждала самая большая опасность от моргелей.

Ана резко остановилась и прижалась к ноге Гарайна. Из темноты выступили два желтых диска с шафрановыми искрами в глубине. Гарайн сунул жезл в руки Трэлы.

— Что ты собираешься делать?— спросила она.

— Пойду расчищать путь. Здесь слишком темно, чтобы пользоваться этим оружием против движущихся тварей...— И он двинулся к немигающим глазам.

Бегство из Подземелий

Не сводя глаз с этих бездушных желтых дисков, Гарайн оторвал капюшон, свернул его в комок и прыгнул вперед. Его пальцы скользнули по гладкой коже. Острые клыки схватили его за плечо, тупые когти царапали по ребрам. Зловонное дыхание било в лицо, горячая слюна капала на шею и грудь Гарайна.

Капюшон был всунут в глотку моргеля, и зверь начал медленно задыхаться. Из ран Гарайна капала кровь, но он мужественно держался до тех пор, пока не увидел, что желтые глаза погасли. Умирающий моргель сделал последнюю попытку освободиться и потащил своего противника по каменному полу. Затем тяжелое тело зверя застыло в неподвижности. Задыхаясь, Гарайн привалился к стене.

— Гарайн!— закричала Трэла. Ее рука коснулась его плеча и потянулась к лицу.— У тебя все хорошо?

— Да,— выдохнул он.— Пошли дальше.

Пальцы Трэлы задержались на его плече. Теперь она шла рядом, ее плащ издавал шуршащие звуки, когда он слегка касался стены и пола.

— Подожди,— внезапно сказала она.— Это шахта моргелей...

— Я проверю дверь.— Через минуту он вернулся.— Открыта.

— Кипта думает,— задумчиво сказала Трэла,— что мы пойдем в безопасную галерею. Поэтому он пустил нас через шахту. Моргели лучше охотятся на почве.

Они прошли через шахту. Из-под пола поднимался удушающий пар, и они шли очень осторожно. Дандэн шел впереди.

— Дай-ка свое оружие, Гарайн,— окликнул он, когда они поднялись по лестнице, никем не потревоженные.— Эта дверь закрыта.

Гарайн толкнул оружие в руки Дандэна и прислонился к скале. Его тошнило, голова кружилась. Глубокие раны на плече и руке дергало и жгло. Они до сир пор двигались в темноте, поэтому его недомогание прошло незамеченным.

— Это странно,— пробормотал он.— Мы идем чересчур легко...

Из темноты до него донесся голос:

— Правильно замечено, иноземец. В настоящий момент ты свободен, так же, как Трэла и Дандэн. Но наш счет впереди. А теперь — прощай, до новой встречи в Тронном Зале. Я аплодирую твоей храбрости, иноземец. Возможно, ты все же пойдешь служить мне.

Гарайн повернулся и метнулся по направлению голоса, но ударился о стену. Кипта захохотал.

— Не с твоей ловкостью Танда схватить меня!

Его смех оборвался, как будто за ним закрылась дверь. Трое молча заторопились вверх по склону. Наконец, они вышли на дневной свет Тэйва. Трэла сбросила плащ и протянула руки к стране в кратере. Сверкающее платье плотно облегало ее. Она тихо запела, увлеченная собственной радостью. Дандэн протянул к ней руку, и она ухватилась за нее как смущенный ребенок.

Гарайн тупо размышлял, сможет ли он дойти до Пещер: его рука и плечо болели как в огне. Ана подобралась поближе к нему, вглядываясь в его побелевшее лицо.

Из Подземелий донесся вой. Трэла вскрикнула, и Дандэн ответил на ее невысказанный вопрос:

— Они пустили моргелей по нашему следу!

Вой из Подземелий эхом отозвался в лесу. Значит, моргели были и впереди и позади них! Гарайн мог убить одного, Дандэн — другого, Трэла могла защитить себя жезлом, но в конце концов моргели убьют их.

— Мы потребуем защиты у Гиби с Утеса. По закону они должны помочь нам;— сказала Трэла и, приподняв платье, пустилась бежать по направлению к скалам. Гарайн поднял плащ с земли и накинул его на плечи, чтобы скрыть раны. Когда он не сможет бежать вровень с Трэлой, она не должна догадаться об истинной причине его отставания.

Впоследствии Гарайн мало что мог вспомнить об этом бегстве по лесу. В конце концов до его ослабевшего слуха донеслось бульканье воды. Он был далеко от своих товарищей, которые шли по песчаному берегу реки, а затем без колебаний прыгнули в маслянистую воду и легко поплыли к другому берегу. Гарайн сбросил плащ и подумал, что не сможет побороть поток, если войдет в него. Но Ана уже бегала кругами по берегу, приглашая Гарайна следовать за ней. Гарайн устало вошел в желтый поток.

Слегка солоноватая вода смыла кровь и пот с его ноющего тела, но нестерпимо жгла раны. Он не мог бороться с течением, и его сносило вниз. Наконец ему удалось выползти, когда течение прибило его к берегу, и он лег, задыхаясь, уткнувшись лицом в мох. Когда Трэла и Дандэн нашли его, вода капала с его испачканной одежды, а Ана гладила его мокрые волосы. Трэла вскрикнула огорченно и положила его голову к себе на колени, в то время как Дандэн осмотрел его раны.

— Почему ты не сказал нам?— потребовала Трэла.

Он не пытался отвечать, радуясь, что лежит так, и ее руки поддерживают его. Дандэн исчез в лесу, но быстро вернулся, неся кучу раздавленных листьев. Он закрыл ими раны Гарайна.

— Вам лучше было бы идти,— сказал Гарайн.

Дандэн покачал головой.

— Моргели не умеют плавать. Чтобы добраться сюда, они должны бежать к мосту, а мост далеко отсюда.

К ним подбежала Ана. В ее маленькой руке была гроздь пурпурных ягод. Так они пировали, Гарайн непринужденно лежал на ложе из папоротника, принимая пищу из руки Трэлы.

В травяном пластыре Дандэна явно было что-то целебное, потому что после короткого отдыха Гарайн смог встать, всего пару раз поморщившись от боли. Они пошли уже медленнее. Дорога шла через узкие мшистые долины и солнечные прогалины, где цвели странные цветы, которые распространяли сильный аромат. Поток, которому они следовали, дважды разветвлялся, и одна из ветвей пошла через луг к стене кратера.

Трэла внезапно наклонила голову и издала громкий, мелодичный свист. Сверху опустилось желтое с черным насекомое величиной с ястреба. Оно дважды облетело вокруг ее головы и затем уселось на протянутую руку Трэлы.

Пухлое тело насекомого было агатово-черным, согнутые но-

ги — по три с каждой стороны — хромово-желтые. Круглая голова с большими фасеточными глазами заканчивалась острым клювом. Крылья, слабо трепетавшие в воздухе, были черными с золотыми крапинками.

Трэла погладила круглую голову, в то время как насекомое прижалось нежно к ее щеке. Затем оно снова поднялось в воздух и улетело.

— Нас ждут, и теперь мы можем идти спокойно.

Скоро они услышали вдалеке бормочущие звуки. Показалась стена кратера, где росли низкорослые деревья.

— Это город Гиби,— заметил Дандэн.

За скалу цеплялись башни и башенки из множества восьмигранных сот.

— Они готовятся к Туманам,— сказала Трэла,— и будут сопровождать нас к Пещерам.

Они миновали деревья и подошли к восковым небоскребам, высившимся вокруг. Над ними парила громадная туча Гиби. Гарайн чувствовал, как их крылья касаются его тела. Все они толкали друг друга ревниво, чтобы находиться около Трэлы.

Мягкий шорох их крыльев стих, когда появилась крупная Гиби выдающейся красоты. Остальные отлетели, и Трэла приветствовала Королеву Сот как равную, а затем повернулась к своим спутникам и передала им сообщение Королевы Гиби.

— Мы пришли как раз вовремя. Завтра Гиби покидают свой город. Моргели перешли через реку и вышли из-под контроля: вместо того, чтобы охотиться за нами, они бросились опустошать лесные замки. Весь Тэйв предупрежден. Но они могут быть захвачены Туманом и уничтожены. Мы отдохнем в скальных пещерах, и Гиби придут за нами, когда настанет время уходить.

Гарайн проснулся от громкого шепота. Над ним наклонился Дандэн.

— Нам пора идти. Гиби запечатывают последние соты.

Они торопливо поели лепешек из зерна и меда. Снова появилась Королева. Первый рой уже вылетел на восток.

С народом Гиби, грозовой тучей нависшим над ними, они пошли через луга. Пурпурно-голубой туман загустевал там и тут странными образованиями, похожими на пыльных дьяволов пустыни, которые поднимались и плясали, а затем исчезали вновь. Тропическая жара Тэйва усилилась; это было так, как будто почва сама испарялась.

— Туманы приближаются. Нам надо торопиться,— произнес Дандэн.

Они прошли через лесок, окаймляющий луг, и вышли на центральную равнину Тэйва. Здесь царила тягостная тишина. Ана, сидевшая на плече Гарайна, вздрогнула.

Они перешли на быструю ходьбу; Гиби держались вместе. Трэла чуть не плакала.

— Они летят так медленно — из-за нас. А еще так далеко...

— Смотрите!— Дандэн указал на равнину.— Моргели!

Стая моргелей, объятая страхом, неслась вскачь. Они про-

бежали в сотне ярдов от людей, но не свернули со своего пути. Некоторые лишь зарычали.

— Считай, что они уже мертвы,— заметил Дандэн.— Им не успеть добраться до убежища в Подземельях.

Прошлепав через мелкий ручей, трое припустились бегом. Трэла споткнулась и сбила шаг. Гарайн сунул Ану Дандэну и, прежде чем девушка успела запротестовать, подхватил ее на руки.

Туман становился гуще, окутывая их как занавесом. Черные волосы, тоньше, чем шелк, перехлестнулись через горло Гарайна. Голова Трэлы лежала на его плече, ее вздымающиеся груди изгибались дугой, когда она вдыхала душный воздух.

Они неожиданно столкнулись с толпой Народа. Кто-то бросился к Трэле с напевным криком: это Сэра приветствовала свою госпожу.

Женщины унесли Трэлу, оставив Гарайна слегка разочарованным.

— Туманы, иноземец,— сказал Ург, показывая на отверстие Пещер. Двое из Народа нажимали на рычаг. На отверстие опускалась хрустальная пластина и, щелкнув, встала на место. Пещеры были наглухо закрыты.

Туман снаружи стал теперь чернильно-черным и волнами бился о защитный барьер. Ночью он будет еще чернее.

— Так будет сорок дней. Все, что без защиты,— умрет,— сказал Ург.

— Значит, у нас есть сорок дней для подготовки,— вслух подумал Гарайн. Лицо Дандэна просветлело.

— Хорошо сказано, Гарайн. Сорок дней до прихода Кипты. У нас много дел. Но сначала надо принести дань уважения Лорду Народа.

Они прошли в Тронный Зал. Увидев Дандэна, Трар поднялся и протянул ему жезл власти с нефритовым наконечником. Сын Древних коснулся его.

— Приветствую Живущего в Свете и иноземца, который выполнил завет Трэна. Трэла снова в Пещерах. Теперь ты должен превратить этот Черный Трон в пыль...

Гарайн достал из-за пояса разрушающий жезл, но Дандэн покачал головой.

— Еще не время, Трар. Кипта должен закончить то, что он начал. Темные Существа придут сюда через сорок дней.

Трар задумался.

— Значит, дело идет к концу. Но Трэн не говорил о новой войне...

— Но он предвидел конец Кипты!

Трар выпрямился, как будто сбросил с плеч тяжесть.

— Ты правильно говоришь, Лорд. Чего нам бояться, когда здесь есть человек, который сядет на Розовый Трон? Слушай, о Народ, в Пещеры вернулся Свет!

Народ эхом откликнулся на его крик.

— А теперь, Лорд,— Трар с уважением повернулся к Дандэну,— каковы твои приказания?

— Перед тем, как немного поспать, я пойду в Комнату Обновления вместе с этим иноземцем, который более не иноземец, а Гарайн, принятый Дочерью согласно закону. Пока мы отдыхаем, пусть все приготовят...

— Живущим в Свете сказано!

Трар сам проводил их из Холла.

Они прошли по извилистым переходам к глубокому бассейну, в котором прятались странные пурпурные тени. Дандэн разделся и нырнул в него. Гарайн последовал его примеру. Вода бодряще пощипывала тело, и они пробыли в ней недолго. Из бассейна они прошли в шарообразную комнату вроде той, где Гарайн отдыхал после лечения световыми лучами. В середине комнаты лежали подушки, и они с наслаждением вытянулись на них.

Гарайн проснулся с тем же ощущением ликования, какое он чувствовал раньше. Затем они оделись и поели, и Дандэн отправился в лаборатории. Гарайн пошел было с ним, но Сэра перехватила их.

— Дочь хочет поговорить с Лордом Гарайном...

Дандэн улыбнулся.

— Иди,— приказал он.— Распоряжения Трэлы не могут быть игнорированы.

Холл Женщин был пустынен. Коридор по ту сторону, выложенный по кровле и стенам плитами хрусталя с розовыми переливами, был как вымерший. Сэра отдернула золотистый занавес, и они вошли в комнату аудиенций Дочери.

Полукруглое возвышение из прозрачнейшего хрусталя, нагруженное розовыми и золотыми подушками, было обращено к ним. Перед ним фонтан в форме цветка, качающегося на изогнутом стебле, посылал брызги воды в мелкий бассейн. Стены комнаты были разделены на альковы мраморными колоннами, каждая из которых изгибалась наподобие папоротникового листа.

Из-под куполообразного потолка, подвешенные на цепях из скрученного золота, семь ламп, каждая созданная из одного желтого сапфира, давали мягкий свет. Пол был устлан мозаикой из золота и хрусталя.

Две маленькие Аны, которые играли среди подушек, забормотали в ответ на приветствия Гарайна. Но здесь не было и следа хозяйки комнаты. Гарайн повернулся к Сэре, но прежде чем он смог выразить свой вопрос, она спросила насмешливо:

— Кто такой Лорд Гарайн, что не может подождать с терпением?— Она отправилась на поиски Дочери.

Гарайн недовольно оглядел комнату. Столь роскошное помещение — не место для него. Он шагнул к двери, но тут появилась Трэла.

— Приветствую Дочь!— Его голос звучал официально и холодно, даже для него самого.

Ее руки, поднятые для приветствия, упали. Лицо затуманилось.

— Приветствую тебя, Гарайн,— медленно ответила она.

— Ты послала за мной...

Он торопился поскорее уйти из этой драгоценной шкатулки и от недостижимого сокровища, которое в ней находилось.

— Да,— холодно сказала она.— Я желала узнать, беспокоят ли тебя твои раны и как ты устроился.

Он взглянул на свое гладкое тело, полностью излеченное мудростью Народа.

— Я в полном порядке и рад делать ту работу, которую мне поручит Дандэн...

Она резко отвернулась от него, так что ее платье как бы зашипело на полу.

— Ты можешь идти,— приказала она.

Он слепо повиновался. Она говорила с ним, как со слугой, которого можно вызвать и отослать. Даже если ее любовь принадлежит Дандэну, она могла бы предложить Гарайну хотя бы дружбу. Но в глубине души он знал, что дружба была жалкой крохой того пиршества, к которому стремилось его сердце.

Позади послышались шаги. Значит, она велела позвать его обратно! Его гордость возмутилась. Но это была Сэра. Ее голова выступала вперед до тех пор, пока она поистине не стала напоминать пресмыкающееся.

— Дурак! Моргель!— зашипела она.— Даже Темные не третировали ее так! Убирайся вон из Холла Женщин, пока тебя не разорвали в куски!

Гарайн постарался не обращать внимания на ее брань и упреки. Он попросил одного из Народа проводить его в лаборатории.

Пройдя глубоко под поверхностью Тэйва, где светоносные пылинки разгоняли даже тень мрака, они вошли в место непрекращающейся деятельности. Здесь стояли столы с грудами инструментов, стеклянных колец, металлических трубок и других материалов. Это была фокусирующая точка для беспрерывных потоков Народа. В дальнем конце Гарайн увидел высокого Сына Древних, работающего над каркасом из металла и блестящего хрусталя.

Дандэн благодарно взглянул на подошедшего Гарайна и быстро проинструктировал его, вскоре Гарайн стал лучшим помощником Дандэна. Они лихорадочно работали над устройством защиты, чтобы успеть закончить его до конца сезона Туманов. Они проводили в лабораториях дни и ночи. Дважды они входили в Комнату Обновления, но кроме этих необходимых экскурсий, они не выходили из лабораторий. От Трэлы не было никаких известий, и никто о ней не говорил.

Жители Пещер полагались на два способа защиты: ядовитая зеленая жидкость, которую наливали в хрупкие стеклянные шары и бросали на врага, и энергетический экран. Незадолго до рассеивания Туманов это оружие было перенесено ко входу и установлено там. Дандэн и Гарайн в последний раз проверили его.

— Кипта сделал ошибку, недооценив своих врагов,— рассуждал Дандэн, ласково дотрагиваясь до края экрана.— Когда я был взят в плен в день гибели моего народа, меня доставили в лаборатории Темных, чтобы их ученые могли изучить секреты Древних. Но я оказался более способным к роли ученика, чем к роли учителя: и открыл защиту для Черного Огня. Впоследствии я узнал, что Кипту раздражала моя мнимая глупость, и он попытался воспользоваться мной, чтобы вынудить Трэлу подчиняться ему. За это — как и за многое другое — он заплатит. Давай подумаем об этом...

Он повернулся, чтобы приветствовать Трара, Урга и других вождей Народа, которые подошли незаметно.

Между ними стояла Трэла. Ее взгляд был устремлен на прозрачную стену, отделявшую их от редеющего Тумана. На Гарайна она обратила внимания не больше, чем на Ану, играющую с ее шлейфом, или женщин, шептавшихся позади нее. Однако Гарайн отступил в тень — и видел не орудия войны, а облако черных волос и прекрасные белые руки под роскошной вуалью.

Ург и еще один вождь налегли на дверной рычаг. С протестующим скрипом стеклянная стена ушла в скалу. Зелень Тэйва звала их прогуляться по ее свежести; жизнь возрождалась. Но на всем пространстве луга и леса царила странная тишина.

— Поставить часовых,— приказал Дандэн.— Темные скоро появятся.

Он подозвал Гарайна и сказал Трэле:

— Пойдем в Тронный Зал.

Но Дочь не ответила на его улыбку.

— Сейчас не время заниматься пустяками. Лучше воззвать к помощи тех, кто ушел до нас.

Сказав так, она бросила на Гарайна ледяной взгляд и пошла обратно. Сэра несла за ней шлейф.

Дандэн взглянул на Гарайна.

— Что произошло между вами?

Гарайн тряхнул головой.

— Не знаю. Мужчине никогда не понять женщину.

— Но она злится на тебя, и ты должен знать, почему.

На мгновение Гарайном овладело искушение сказать правду: что он не осмелился сломать барьер, который воздвигла она между ними, объяснить Дандэну, что дело не только в его гордости. Но он молча покачал головой. Никто из них больше не видел Трэлы до тех пор как в Пещеры вошла Смерть.

Битва в Пещерах

Гарайн и Дандэн смотрели на равнину Тэйва. На некотором расстоянии от них стояли две тонкие башни со стальными верхушками. В действительности это были полые трубы, содержащие Черный Огонь. Перед ними хлопотали фигуры в черной одежде.

— Видимо, они считают, что мы уже разбиты. Позволим им думать так,— комментировал Дандэн, дотрагиваясь до экрана, который они установили перед входом в Пещеры.

Пока он говорил, Кипта важно прошел по высокой траве и крикнул:

— Эй, скальный житель, я хочу поговорить с тобой...

Дандэн обогнул экран. Гарайн шел на шаг позади.

— Я слушаю тебя, Кипта.

— Хорошо. Я надеюсь, что твои уши служат тебе так же хорошо, как и глаза. Вот мои условия: Трэла будет жить в моих комнатах, а иноземец будет развлекать моих капитанов. Открой Пещеры без сопротивления, чтобы я мог по праву занять место в Тронном Зале. Сделай это, и между нами будет мир...

Дандэн неподвижно стоял перед экраном.

— Вот наш ответ: вернись в Подземелья; сломай мост между твоей страной и нашей. Пусть Темные Существа никогда не появляются здесь, всегда...

Кипта расхохотался.

— Значит, таково ваше решение! Тогда мы сделаем так: Трэла будет моей на время, а потом я отдам ее своим капитанам...

Гарайн прыгнул вперед и ударил Кипту кулаком по губам; его пальцы схватили Кипту за горло, в то время как Дандэн, пытавшийся оттащить Гарайна от его жертвы, вдруг закричал:

— Берегись!

Из травы выскочил моргель. Его зубы сомкнулись на запястье Гарайна и вынудили его отпустить Кипту. Тогда Дандэн свалил моргеля тяжелым ударом своего пояса.

Кипта ползком добрался до своих людей. Нижняя часть его лица была залита кровью. Он с дикой яростью выкрикнул приказ.

Дандэн потащил Гарайна за экран.

— Будь осторожнее!— говорил он, задыхаясь от ярости.— С Киптой надо расправляться не голыми руками, а другими средствами.

Башни качнули своими верхушками по направлению к входу. Дандэн приказал плотно заклинить экран.

Моргель, сбитый Дандэном, пошатываясь, поднялся на ноги. Когда он наполовину прохромал расстояние, отделявшее его от хозяина, Кипта приказал открыть огонь. Широкий луч черного света вылетел из верхушки ближайшей башни и ударил зверя в голову. Раздался визг агонии — и моргель обратился в серый пепел, тут же унесенный ветром.

Черный луч ударил в экран и был отражен с глухим треском. Трава под ним сгорела, осталась лишь голая опаленная земля. Те, кто стоял в Пещере за своей хрупкой защитой, почти ослепли от блеска вспыхнувшей травы и закашлялись от едкого дыма, клубами выходившего из трещин скалы.

Затем луч угас. Тонкий дымок вышел из верхушек башен, от почерневшей земли пошел пар. Дандэн облегченно вздохнул.

— Выдержало!— воскликнул он, отбросив, наконец, державший его страх.

Люди Народа тащили к экрану трубчатые машины, в то время как другие несли сосуды-шары с зеленой жидкостью. Дандэн стоял в стороне, как будто эта работа была исключительно делом Народа, и Гарайн вспомнил, что Древним Существам было запрещено отнимать жизнь.

Здесь командовал Трар. По его приказу шары были помещены в ложкообразные патроны. Бойницы экрана щелкнули и открылись. Трар дал сигнал. Шары медленно поднялись, проскользнули в бойницы и поплыли к башням.

Один, нацеленный поближе, ударился о выжженную землю и лопнул. Жидкость медленно вытекла наружу и обратилась на воздухе в серо-зеленый газ. Другая струя газа поднялась уже от подножия одной из башен — и затем другой...

Мгновенно последовали мучительные вопли, которые вскоре ослабли до нытья. Они могли видеть очертания людей или животных, некоторое время качавшихся в тумане.

Дандэн отвернулся, его лицо побелело от ужаса. Гарайн зажал уши руками, чтобы не слышать этих криков.

Наконец, все затихло: никакого движения у башен не было. Ург заложил в ближайшую машину светящийся розовый шар и выпустил его во вражеский лагерь. Шар втянул в себя остатки газа, очистив воздух. Тут и там лежали сморщенные, мертвенно-бледные существа. Башни нависали над ними.

Одна из прислуживающих Трэле женщин ворвалась в их круг.

— Скорее!— Она вцепилась в Гарайна.— Кипта схватил Трэлу!

Она помчалась обратно, американец за ней. Они вбежали в Тронный Зал и увидели борющуюся группу перед возвышением.

Гарайн услышал звериное рычание и не сразу понял, что оно исходит из его собственной глотки. Через секунду его кулак прилип к отметинам на лице Кипты. С воплем ярости Темное Существо выпустило Трэлу и бросилось на Гарайна, вцепившись когтями ему в лицо. Дважды Гарайн ухитрялся вырваться и нанести хорошие удары по ребрам врага. Наконец, ему удалось сделать захват, которого он жаждал, и его пальцы сомкнулись на горле Кипты. Несмотря на сопротивление Темного Существа, он держал его до тех пор, пока обмякшее тело не перестало двигаться.

Задыхаясь, Гарайн поднялся с залитого кровью поля и ухватился за Нефритовый Трон для опоры.

— Гарайн!— Руки Трэлы обхватили его, жалеющие пальцы касались его ран. В эту минуту он забыл Дандэна, забыл все, что старался помнить. Она была в его объятиях, его рот искал ее губы. Она не отвечала, но уступала, как цветок уступает ветру.

— Гарайн!— прошептала она нежно. Затем, уже застенчиво, бросилась прочь.

За ней стоял Дандэн с белым лицом и плотно сжатыми губами. Гарайн опомнился и, опустив глаза, старался не смотреть на любимую.

— Так, иноземец, Трэла бросается в твои объятия...

Гарайн быстро обернулся. Кипта сгорбился на широком сиденье агатового трона.

— Нет, я не умер, иноземец,— и не тебе убить меня, как ты думаешь сделать. Сейчас я уйду, но вернусь. Мы уже встречались и ненавидели, сражались и умирали раньше — ты и я. Ты был тогда неким Гараном, Маршалом Воздушных Сил Ю-Лака на исчезнувшем мире, а я был Лордом Кума... Это было в дни до того, как Древние Существа проложили путь в космос. Ты, я и Трэла — мы были связаны вместе, и даже рок не может разбить эти оковы. Прощай, Гарайн. А ты, Трэла, вспомни конец того Гарайна. Он был не из легких.

С последним злобным хихиканьем он откинулся назад на троне. Его избитое тело резко упало. Затем четкие линии трона стали расплываться и мерцать, а затем трон и сидящий на нем исчезли. Они смотрели на пустое место, над которым возвышался Розовый Трон Древних Существ.

— Он сказал правду,— пробормотала Трэла.— Мы имели другие жизни, другие встречи — и так будет впредь. Но сейчас он возвращается в темноту, которая его породила. Все кончено.

Глухой шум неожиданно наполнил Пещеры; стены закачались. Ящеры и люди столпились вместе, пока колебание не прекратилось. Наконец появился вестник с сообщением от Гиби, что Подземелья Мрака завалены землетрясением. Угрозе Темных Существ определенно пришел конец.

Поскольку в Пещерах были обвалы и некоторые проходы оказались закрытыми, небольшое число людей Народа пострадало. Разведчики Гиби донесли, что местность около входа в Подземелья осела, и Золотая Река вышла из берегов и разлилась озером.

Насколько они могли узнать, никто из Темных Существ не пережил битвы и обвала Подземелий. Но не было уверенности, что горстка поставленных вне закона все же не могла остаться где-нибудь в Тэйве.

Сам кратер изменился. На центральной равнине появилась цепь холмов, деревья в лесу попадали, как подрубленные гигантским топором, и лужа кипящей грязи исчезла.

Вернувшись в свой город, Гиби нашли большую часть своих восковых небоскребов разрушенными, но они принялись строить все заново без жалоб. Белки-фермеры появились из своих нор и снова принялись работать на полях.

Гарайн чувствовал себя лишним во всей деятельности, охватившей Пещеры. Больше чем когда-либо он был здесь иноземцем, а не жителем Тэйва. Неугомонно он исследовал Пещеры, проводил долгие часы в Месте Предков, изучая людей внешнего мира, бывших его предшественниками в этой странной земле.

Однажды ночью, когда он вернулся в свою комнату, он нашел там Дандэна и Трара, ожидавших его. В позе Дандэна была какая-то удивительная суровость, а в манерах Трара — трезвая рассудительность.

— Был ли ты в Холле Женщин после битвы?— резко спросил Сын Древних.

— Нет,— коротко ответил Гарайн, удивляясь, что Дандэн обвиняет его в двойственном поведении.

— Отправлял ли ты послание Трэле?

Гарайн сдержал поднимающееся раздражение.

— Я не отважился на то, чего не могу.

Дандэн кивнул Трару, как будто его подозрения подтвердились.

— Теперь ты сам видишь, Трар, как обстоит дело.

Трар медленно покачал головой.

— Но такого проступка никогда не было...

— Ты забыл,— резко напомнил ему Дандэн.— Это было однажды — и наказание было взыскано. Так будет и теперь.

Гарайн растерянно переводил взгляд с одного на другого. Дандэном, казалось, владел безжалостный гнев, а Трар выглядел несчастным.

— Это должно произойти после Совета, так желает Дочь,— сказал Лорд Народа.

Дандэн шагнул к двери.

— Трэла не будет знать. Совет состоится сегодня вечером. А пока посмотри, чтобы он,— Дандэн указал большим пальцем на Гарайна,— не оставил этой комнаты.

Гарайн оказался пленником под охраной одного из Народа, не способный понять, в чем Дандэн обвиняет его и чем он возбудил ненависть правителя Пещер. Наверное, взыграла ревность, и Дандэн решил окончательно избавиться от соперника.

Решив так, американец охотно пошел в комнату, где ждали судьи. Дандэн сидел во главе длинного стола, по правую руку его — Трар, а остальные вожди Народа — поодаль.

— Вы знаете обвинение,— со злобой сказал Дандэн, когда Гарайн вошел и остановился перед ним.— Этот иноземец собственным языком обвинил себя. Поэтому я прошу, чтобы вы вынесли ему такой же приговор, как и иноземцу второго призыва, который восстал против требования.

— Иноземец признал свою вину?— спросил один из Народа.

Трар печально наклонил голову.

— Да.

Гарайн открыл рот, чтобы спросить, в чем его обвиняют, но Дандэн сказал:

— Что вы скажете Лорды?

Они долго молчали, а затем дернули головами в знак согласия.

— Поступай как хочешь, Живущий в Свете.

Дандэн невесело улыбнулся.

— Смотри, иноземец.— Он провел рукой над стеклом показывающего зеркала, вделанного в верхнюю часть стола.— Такова судьба бунтовщика...

В гладкой поверхности зеркала Гарайн увидел изображение пролома в стене Тэйва. У ее подножия стояла группа мужчин

Древних, и в их кругу боролся пленник. Они заставили его влезть на стену кратера. Гарайн видел, как он добрался до края и медленно двинулся по нему, шатаясь от испарений, стараясь увернуться от пара горячих источников, пока не скатился вниз, в кипящую грязь.

— Так он кончил, таков будет и твой конец...

Спокойная жестокость этого приговора подняла в Гарайне волну гнева.

— Лучше умереть, чем задерживаться в вашей норе,— с ненавистью крикнул он.— Я спас тебе жизнь, а ты посылаешь меня на такую смерть, даже не сказав, в чем меня обвинили. Ты немногим отличаешься от Кипты — за исключением того, что он был открытым врагом!

Дандэн вскочил, но Трар удержал его за руку.

— Он говорит справедливо. Спроси его, почему он не выполнил требование.

Пока Дандэн колебался, Гарайн наклонился через стол, швыряя слова, подобно оружию, прямо в холодное его лицо.

— Я признаюсь, что люблю Трэлу — люблю ее с той минуты, как увидел на ступеньках шахты моргелей в Подземельях. С каких пор любовь к тому, кто не может принадлежать тебе, является преступлением — если ты не пытаешься отнять его?

Трар выпустил руку Дандэна, его золотистые глаза блеснули.

— Если ты любишь Трэлу — требуй ее. Это твое право.

— Разве я не знаю,— Гарайн повернулся к нему,— что она принадлежит Дандэну? Когда Трэн высказал свою волю насчет нее, он не знал, что Дандэн выживет. Неужели я унижусь до того, что стану принуждать ее к нежелательной для нее сделке? Позвольте ей идти к тому, кого она любит...

Дандэн мертвенно побледнел, его руки, все еще лежавшие на столе, задрожали. Лорды Народа один за другим выскользнули из комнаты, оставив их вдвоем.

— А я думал приговорить тебя к смерти,— прошептал Дандэн хрипло, как будто слова выходили между сухих губ.— Гарайн, мы думали, что ты знаешь — и все-таки отказываешься от нее.

— Что я знаю?

— Что я — сын Трэна и брат Трэлы.

Пол закачался под ослабевшими ногами Гарайна.

— Какой же я дурак,— медленно произнес американец.

Дандэн улыбнулся.

— И какой благородный дурак! А теперь иди к Трэле, которая заслуживает того, чтобы услышать обо всей этой путанице.

Гарайн, на этот раз с Дандэном, прошел второй раз по коридору, чтобы откинуть золотистые занавеси и предстать перед Дочерью. То, что она прочла в лице Гарайна, заставило ее вскочить с подушек и броситься в его объятия. В словах они не нуждались.

С этого часа началась жизнь Гарайна в Тэйве.

Лорд Ю-Лака

Часто я (бывший Гарайн Фитерстон из мира по ту сторону Туманного Барьера, а ныне Гаран Пламени, муж Лучезарной Леди, Трэлы, Дочери Древних Существ) слышал полузабытые легенды об этой царственной расе, которая прилетела с умирающей планеты через пустоту пространства, чтобы приземлиться на антарктическом побережье нашего молодого мира и выжечь здесь гигантский кратер Тэйв для будущего своего жилья.

Время от времени, как мне рассказывали, они возобновляли энергию их рода, приглашая определенных людей из мира по ту сторону барьеров, которые они воздвигли. Я был одним из таких приглашенных. Но я пришел поздно и в смутное время. Ибо зло пришло в кратер, и конфликт расколол порознь жителей кратера. Теперь из-за этого разгрома, который мы нанесли с помощью поруганной природы Кипте, Лорду Черного Пламени, и его приверженцам, из Древней Расы осталось только двое: моя жена и ее брат.

В момент своего низвержения Кипта сделал несколько непонятных обещаний насчет нашего неопределенного будущего, а также несколько насмешливых упоминаний о далеком прошлом, которые меня заинтересовали. Ибо он сказал, что мы трое — Трэла, Кипта и я — были связаны вместе. Мы жили и сражались в далеком прошлом, и снова будем жить и сражаться в далеком будущем.

Трэла рассказала мне историю Гарана, который лежит в Пещере Спящих. Но задолго до него — очень задолго — были и другие.

Поэтому, когда я спросил Дочь о словах Киптры, она привела меня в одну из странных шарообразных комнат, где были зеркала видения, вделанные в столы. Она села на скамью, покрытую подушками, потянув меня вниз рядом с собой.

— Мы пришли издалека во времени и пространстве, любимый,— мягко сказала она,— но все же не настолько издалека, чтобы я не могла вспомнить начало. А ты помнишь?

— Нет,— ответил я, глядя на зеркала.

Она вздохнула.

— Может быть, это справедливо: то была моя вина — мне и нести груз памяти. То, что мы сделали, мы двое, в великом городе Ю-Лаке на исчезнувшем мире Кранда, легло между нами надолго — очень надолго. Теперь, наконец, это ушло, но я боюсь вызвать это снова.

Я резко встал.

— Тогда оставим.

— Нет!— она схватила мою руку.— Мы дорого заплатили, три раза мы платили за это. Один раз в Ю-Лаке и дважды в Пещерах. Наше несчастье ушло, и мне хочется снова увидеть самое замечательное событие, которому я когда-либо была свидетельницей. Смотри же, мой Лорд!

Она подняла свои тонкие руки над зеркалом. Оно затуманилось.

Я стоял на причудливо изогнутом балконе из опалесцирующего камня, покрытого замысловатой резьбой, и смотрел вниз, еще не вполне проснувшись, на фантастический город. В розовом небе, странном для моих полуземных глаз, но все-таки близком, появились первые золотистые полосы близкого рассвета. Ю-Лак Могущественный лежал подо мной, а я был Лордом Гараном, Маршалом Императорских Воздушных Сил, пэром Империи.

По рождению я не имел права ни на этот титул, ни на должность, так как моя мать была придворной дамой, а отец — офицером. Они нарушили закон, запрещающий брак между различными кланами и кастами, и поженились тайно, и так обрекли меня с самого рождения быть одним из государственных воспитанников и нижайшим из низших.

К счастью для меня и таких же неудачников, подобных мне, Император Форс, когда он взошел на Розовый Трон во Дворце Света, издал декрет, позволяющий государственным воспитанникам служить в армии. Я сделал свой выбор в пятнадцать лет и подчинил себя военному мечу.

Жизнь была тяжелая, но это избавляло от худшей участи и, имея некоторое честолюбие и одаренность, несомненно унаследованные от моего отца, я шаг за шагом поднимался вверх. Через четырнадцать лет я стал Маршалом Императорских Воздушных Сил и военным лордом, произведенным собственной рукой Императора.

Но солдат, стоявший на балконе и глядевший вниз на удивительную красоту утреннего Ю-Лака, не был ни счастлив, ни доволен. Все его с трудом завоеванные почести значили для него не более, чем многочисленные шрамы на его теле. Ибо он осмелился (хотя ни один человек не знал этого) поднять глаза и отдать сердце одной, столь же далеко стоящей над ним, как красное солнце Кранда находилось далеко над желтыми полями.

Я, ветеран бесчисленных пограничных стычек и рейдов, был подавлен и томился, как мальчишка и самый неоперившийся рекрут, беспокойно дремлющий в казармах под моей башней. Хотя в течение дня я решительно изгонял свое нечестивое стремление, ночью и на рассвете моя память и сны выходили из-под контроля, как ни страдал и не старался я держать их в узде.

Подобно жрецам, кающимся в великом храме Оуна, я терзал себя воспоминаниями, которые причиняли куда более невыносимое страдание, чем любая телесная рана. Среди моих товарищей я слыл закаленным воином, с холодным сердцем и не интересующимся ничем, кроме неотложных дел моего ведомства.

Три года — Великий Оун, неужели это было так давно? Тогда я командовал флагманским кораблем Императора, трижды счастливым судном, которое было выбрано перевезти Леди Трэлу из ее храмовой школы в Торане в хрустальный дворец ее отца, венчавший центральный холм Ю-Лака.

Имперская Принцесса была окружена бесчисленными придворными ее свиты, но одной благословенной ночью она ускользнула от них всех и вошла в контрольную кабину, где я — несомненно по указанию Свыше — остался дежурить в одиночестве. Когда прошел наш украденный час, она была для меня не Имперское Высочество, а Трэла.

С тех пор я видел ее дважды. Один раз в тот день, когда я преклонил колено перед Императором, получая от него жезл моего звания, и осмелился поднять глаза на золотой трон по его правую руку. А второй? Это было в императорских садах удовольствий, где я ожидал аудиенции. Она прошла мимо с ее дамами. Кто я такой, с выжженным на плече военным клеймом, чтобы смотреть на Несравненную Особу?

Касты на Кранде были строго разграничены. Человек мог высоко подняться в какой-нибудь одной, но не мог перейти в другую. Крестьянин мог стать лордом страны и дворянином, но никогда ни он, ни его сыновья не могли служить при дворе и во флоте.

Так же военнослужащий, даже если он рожден с титулом, не имел права жениться на дочери Ученых. Они были нашими правителями и великими дворянами, находящимися бесконечно выше обычных людей по объему своих знаний. Они обладали огромной способностью так же использовать и подчинять своей воле людей и природные силы, как я властвовал над безмозглыми рабами на полях, этой субчеловеческой рассой, которую Ученые создали в лабораториях. Они были особой расой, благословенной — или проклятой — со сверхчеловеческими силами.

Однако Трэла была моей возлюбленной, и все декреты Императора и цепи древних обычаев не могли ни уничтожить этого факта, ни стереть образ Трэлы из моего сердца. Я думаю, что так и закончил бы свою жизнь, довольствуясь лишь поклонением ей в моих снах, но Судьба совершенно иначе решила будущее всех ничтожных человеческих созданий, которые ползали по шару, каким был Кранд.

В это утро я недолго предавался жалости к себе и беспомощным желаниям. Крошечный колокольчик зазвенел в комнате позади меня, давая знать, что кто-то желает войти в мою спальню. Я подошел к диску на стене и провел по нему рукой. На его полированной поверхности появилось изображение моего адъютанта, молодого пройдохи, Анатана их Хола.

— Войди,— сказал я в отверстие трубки, помещавшейся рядом с диском, таким образом своим голосом открывая дверь.

— Привет, бездельник, в какую стычку ты опять впутался?— спросил я, привыкший принимать с раннего утра кающегося, но виновного молодого офицера, являвшегося ко мне, чтобы я вытащил его из какого-нибудь затруднительного положения, в которое он попадал из-за беспечности и юношеской храбрости.

— Как ни странно,— ответил он весело,— ни в одну. Хвала Оуну. Но внизу ждет посыльный из дворца.

Несмотря на все мое самообладание, пульс у меня ускорился.

Я снова повернулся к вызывающему диску и приказал писарю во внутренней канцелярии заверить посыльного, что я приму его, как только должным образом оденусь.

Анатан сам разложил мой мундир и снаряжение, пока я плескался в ванной. Одновременно он болтал о сплетнях и слухах в казармах и при дворце.

— Лорд Кипта приехал нанести нам визит,— сказал он.

Я уронил тунику, которую уже взял в руки.

— Кипта из Кума?— спросил я резко, надеясь, что мое смятение не будет замечено.

— Какой же еще? Существует один только Кипта, о котором я знаю.— Его внезапно округлившиеся невинные глаза не обманули меня.

Анатан, несмотря на все его легкомысленные разговоры и манеры, всегда был верен мне, и я не боялся, что он изменит мне теперь. Ни к кому я не чувствовал такой ненависти, как к Кипте из Кума, который имел силу раздавить меня как насекомое и который сумел бы быстро использовать эту силу, узнай он когда-нибудь о моих истинных чувствах к нему.

В каждой груде фруктов всегда найдется один плод, который мягче и более склонен к гниению, чем другие — и если этот самый плод не убрать, он со временем испортит и остальные. По моему мнению, хозяин Кума как раз и был таким гнилым плодом среди Ученых.

Он не общался более с членами своей касты, а жил замкнуто в высокой мрачной каменной цитадели своего темного, продуваемого ветрами города, проводя здесь тайные эксперименты в своих лабораториях, находящихся далеко под поверхностью Кранда. В чем именно заключались эти эксперименты, никто из Ученых не мог сказать, но я имел свои подозрения и они были не из приятных. У всех знаний существует как темная, так и светлая сторона и, если слухи были справедливыми, Кипта поворачивался к мраку гораздо чаще, чем к свету. Я слышал рассказы и даже записал один или два, но без доказательств что я мог сделать? Лорд Кипта был Ученым по рождению, а я был государственным воспитанником, который из-за благосклонности Императора добился некоторой известности и положения. Если я хочу сохранить и то и другое, или даже свою жизнь, мне лучше бы было забыть смутные истории.

Кипта был весьма популярен у определенной категории офицеров моего корпуса. Время от времени он щедро принимал гостей, и его кошелек был всегда открыт для тех, кто временно испытывал финансовые затруднения. Но мой подозрительный ум рассматривал это как желание Кипты сделать как можно больше военных обязанными ему. Я всегда очень вежливо благодарил его за многочисленные приглашения, но ссылался на неотложные дела. Глядя на меня, Анатан и лучшие из его товарищей поступали так же.

Однако, случалось не часто, чтобы Хозяин Кума покидал высокую главную башню. Он предпочитал приглашать компанию

к себе, а не искать ее вне своей крепости. Но в прошлом месяце был сбор Ученых Ю-Лака, и он, несомненно, был вызван Императором присоединиться к ним.

Если он приехал занять свое место среди пэров, то его не ожидали так рано, я об этом знал. Как Командующий Аэропортом Ю-Лака, я не получил предупреждения о его приезде, чтобы я мог приготовить стоянку для его личного корабля среди прогулочных и походных судов семьи Императора. Его внезапное, необъявленное прибытие означало неприятность для любого человека, подумал я с беспокойством.

Я, застегнул пряжку на украшенных драгоценными камнями чешуйчатых доспехах, служивших больше для церемониала, чем для защиты, и защелкнул замок перевязи для меча. Взяв из рук Анатана серебристый военный плащ, я оставил апартаменты.

Лестница, которая вела из личной резиденции к служебным кабинетам, вилась изящной крутой спиралью вокруг центрального стержня конусоподобной башни. Ее стены были цветасто украшены фресками со стилизованными сценами войны и охоты — занятий, всегда соединяющихся воедино в умах моей расы. Но тут и там в гладкую отделку окрашенной поверхности были глубоко вделаны обзорные зеркала, так что идущий мог бы в мгновение войти в контакт с любой частью громадной военной базы, сердцем которой была коническая башня.

Мне интересно было проверить подготовленность моих младших офицеров, пока я шел. Я мельком увидел один из почти устаревших верховых отрядов, возвращавшийся с ранних утренних маневров. Люди ехали верхом непринужденно, их маленькие, покрытые чешуей животные, жаждущие приюта конюшен, волочили тяжелые бронированные хвосты по пыли учебного плаца. Таких отрядов осталось только два, и у них были необременительные обязанности: быть стражами Императора, когда он путешествовал по стране.

Торговля в лице разделенных границей купцов первой продемонстрировала выгоды пересечения наших переполненных островами морей и горных стран быстрым безопасным воздушным транспортом. Военные вскоре последовали их примеру. Пехота и отряды всадников были поспешно расформированы; высокомерные и всемогущие Воздушные Силы расширили и укрепили свое положение за одно десятилетие. Военно-морской флот исчез из пришедших в упадок гаваней Кранда, исключая горстку судов, гниющих, хотя они качались на якорях, что могли удостоиться титула, который гордо носили когда-то полмиллиона военных кораблей.

Довольное выгодами и превосходством, которое оно похитило у сил защиты, Воздушное Министерство пыталось, как я сначала подозревал и мог теперь доказать, установить непоколебимую монополию. Какую дикую цель они поставили перед собой, знал только Оун, и все же, вопреки всем предупреждениям, правители Кранда отказывались вмешиваться.

Я нет-нет, да трогал пальцами рукоятку своего меча, пока

шел. Люди давно уже не пользовались металлом, чтобы разрешать свои страсти и ненависть; оружие, которое я носил, было лишь приятной игрушкой, символом моего ранга. На войне использовались более искусные вооружения: жидкости, которые сжигали и замораживали, смерть, которая скручивала сам воздух вокруг жертвы. А ужасы, и во сне не снившиеся большинству рода человеческого, разрабатываемые в различных лабораториях. Выскочившая вспышка — какой человек может предвидеть результат? И этот сбор Ученых в Ю-Лаке. Ни одно дикое племя на границе не было охвачено мятежом, пять великих наций много лет жили в мире. Однако, я волновался, и моя рука невольно касалась рукоятки меча для большей уверенности, хотя говорят, что нет лекарства против страха.

Посыльный из дворца, изящный молодой человек, прикрепленный к охране Императора, нетерпеливо ожидал моего появления.

— Трон желает присутствия достопочтимого Лорда Гарана, — официально изложил он.— Он будет иметь честь присутствовать в Зале Девяти Принцев в третьем часу.

— Слышать — значит повиноваться как этому, так и всему другому,— пробормотал я стандартный ответ, требуемый от получателя императорского послания.

Он преклонил колено и коснулся пола передо мной в знак приветствия.

В третьем часу? Тогда у меня еще есть время съесть завтрак, прежде чем я должен буду пойти. Взяв Анатана под локоть, я пришел в столовую, которая располагалась внутри башни. Мы заняли два сидения у полированного стола, который тесно прижимался к стене. Анатан дважды нажал крошечную кнопку на конце стола. Стенная панель, обращенная к нам, опустилась назад, и выскользнули чашки с едой. Пища была приятного вкуса и чрезвычайно питательная, но так приготовлена с искусственными окрасками и привкусами, что ни один не мог сказать, каково естественное происхождение того или иного блюда. Этот обычай, введенный жителями сверхцивилизованного города, мне никогда не нравился, и я тосковал по грубой, но для меня более сочной пище, какую подавали в пограничных лагерях или в маленьких деревенских гостиницах.

Горожане, пресыщенные всем, что могла предложить им утонченная жизнь, разучились радоваться жизни. На их наполненные ароматом «дворцы удовольствий» крепкий деревенский люд смотрел с праведным ужасом. И, если те многочисленные рассказы, которые мы слышали, были обоснованы, тайная полиция могла действительно найти многое, что ее заинтересовало бы в одном из этих прекрасных, почти сказочных замков.

Как бы читая мои мысли, Анатан прервал молчание.

— В квартале Сотан появился новый «дворец».

— Итак,— снисходительно заметил я,— ты наткнулся на него прошлой ночью?

Он покачал головой с притворной печалью.

— Он не для таких, как я. Я шел мимо и видел, как туда вошел Кандон из Стала, а у двери стояли охранники Лорда Пэлкуна.

— Видимо, крупная игра?

Я удивился, когда он назвал имена двух самых богатых и влиятельных людей из низшего ранга Ученых, которые содержали резиденции в Ю-Лаке.

— Это и кое-что еще.— Он усмехнулся в знакомой манере, от которой его мальчишеское лицо стало злым.— Если Лорд Гаран захочет нанести визит туда, не понадобится ли ему компаньон?

— Когда это, щенок, я бессмысленно тратил время за занавесями «дворцов удовольствий»? Но я обещаю тебе,— добавил я легкомысленным тоном, не будучи способным прочитать будущее,— когда я войду во дворец в Сотане, то ты будешь рядом со мной.

— Договорились! Вы обещали, мой Лорд,— нетерпеливо выкрикнул он. Таким образом мы прекратили разговор, потому что я сел в одномоторный флайер, который должен был перенести меня через город к посадочной площадке за хрустальными стенами дворца Императора.

Хозяин Кума

Было раннее утро, воздушные линии над большей частью города не были переполнены прогулочными и деловыми судами, которые парили бы, ныряли вниз или мчались наперерез в более позднее время. Кроме одного или двух патрульных, мимо которых я пролетел, никто не пересек мне путь, до тех пор, пока я точно не развернул свой корабль, прежде чем приземлиться на площадке рядом со средним, наклонным шпилем крепости.

Легкий, черный двухместный флайер, чьи плавные линии указывали на скорость и надежность в управлении, грубо вклинился перед носом моего корабля, пошел вниз и приземлился плоским брюхом как раз на то место, которое я наметил для себя.

С темпераментной речью, приготовленной для опрометчивого юнца, который так своевольно узурпировал облюбованное мной место, я посадил свой крошечный флайер рядом с блестящим черным скоростным судном. Но это был не отпрыск какого-нибудь придворного, с кем я встретился лицом к лицу, когда вышел из машины. С пренебрежительной улыбкой, содержащей, по-моему, более чем подозрительную насмешку, скривившей его тонкие губы, высокий Хозяин Кума задержался у начала направленного книзу откоса. На его надменно поднятой голове не было ни церемониальной короны, ни шлема, и утренний ветер трепал его кудрявые черные волосы и рвал тяжелые фалды длинного оранжевого плаща.

Рядом с ним стоял его пилот, хмурый малый, Джеплен из Тока, который имел дурную репутацию среди боевых людей в те-

чение многих лет. Он, по крайней мере, не претендовал на мою дружбу, а хмурился так воинственно, что его брови сошлись вместе как колючий кустарник.

— Наш достопочтенный Лорд Гаран,— промурлыкал Кипта.— Можем ли мы отважиться поздравить победителя Тэрнана с подвигом? Джеплен проявил жестокий приступ зависти, когда вести о твоем успехе достигли нашего жалкого захолустья. Я даже удивился его полному выздоровлению. Оно полное или нет, Джеплен?— он изводил насмешками своего угрюмого офицера.

— О, да,— проворчал тот, все время стараясь очень ясно прочесть по лицу Кипты его истинное мнение обо мне и моих действиях.

Мое военное обучение не могло мне помочь в словесных и мысленных изгибах дворцовой речи, где могут хвалить человека фактически в лицо, в то же время сильно презирая его. Так как моя речь была всегда такой прямой, как мысли, я не любил разыгрывать придворного более, чем это было необходимо.

— Вы оказываете мне чересчур большую честь, милорд,— ответил я со всей учтивостью, какую мог собрать.— Слово похвалы от Хозяина Кума не отпускается необдуманно.

Его опущенные веки слегка приподнялись, улыбка стала более ярко выраженной.

— Дни, проведенные при дворе, отполировали солдата, чтобы создать из него настоящего придворного,— заметил он уже с прямой и нескрываемой насмешкой.

Человек моей касты и ранга не досчитался бы зубов за меньшее. Положение Кипты защищало его от моего негодования, и он отлично это знал, и все же никогда прежде его враждебность не была такой открытой. Неудивительно — в моих венах кровь ускорила свой бег,— если он открыл какой-нибудь след моей деятельности и пытливого недоверия к нему. Его маска чувства товарищества слетела, и я увидел подлинное лицо человека, который пользовался этой маской для своих целей.

Хотя мои мышцы и напряглись, я обуздал возрастающий гнев. Но когда-нибудь, если Оун позволит, я встречусь лицом к лицу с этим насмехающимся дьяволом как мужчина с мужчиной.

— Я благодарю Хозяина Кума.— Мой ответ был таким холодным, каким я смог его сделать, но тем не менее формально вежливым.

Он плотнее запахнул плащ вокруг своих широких плеч и резко повернулся с Джепленом по пятам. Я подождал минуту или две, пропуская их вперед, прежде чем последовал за ними по скату вниз.

Пока я стоял здесь, меня заинтересовали плавные линии кумского флайера. Корабли были моей жизнью, и новые очертания всегда меня привлекали. Хотя я не рискнул задержаться, чтобы исследовать его внимательно, я понял, что его форма, в особенности внешний вид моторного отделения предполагала какое-то совершенно новое развитие, нечто совсем отличное от

нашей самой современной конструкции.

По-видимому, рабочие темного северного острова нашли какую-то новую форму продвижения вперед, создав в результате машину намного меньшую и более компактную, чем я когда-либо видел.

Я неохотно оторвал себя от рассматривания, зная, что Кипта заподозрит меня, если я задержусь слишком долго. Но я решил, когда поставил ногу на откос, открыть секрет элегантного судна прежде, чем его хозяин снова быстро удалится из Ю-Лака.

Откос кончался единственной широкой ступенькой, затем я очутился на зеленой и янтарной мостовой, которая вела в Зал Девяти Принцев. Вздымающиеся колонны из отполированной меди поддерживали кровлю в покрытом проходе, но бока были открыты для наполненных ароматом ветров. Налево от меня четыре потемневшие колонны из тусклого зеленого камня вели в первый из удивительных садов, которые делали внутреннюю часть раскинувшейся цитадели местом чудес и наслаждений.

Направо ступеньки, ведущие вниз, были круче, давая доступ к бронзовой площадке, где полдюжины или около этого ярко раскрашенных яликов качались на желтой, усыпанной лепестками воде одного из пяти каналов. Так как было еще рано, никто, кроме одинокого охранника, не ходил по галерее. Ни одна дама, несмотря на мои дерзкие надежды, не гуляла по дорожкам сада и не проплывала в образе лепестка по каналу. Там царила спокойная тяготящая тишина.

Но Зал Девяти Принцев был занят, когда я вошел. Одна из самых небольших совещательных палат и приемных комнат дворца, зал был снабжен массивным столом, вырубленным из цельного бревна и обработанным знаменитым науглероживающим процессом в лабораториях Императора, так что он стал таким твердым и прочным, как вековые скалы Имуринского моря. Точно в центре у этого стола, расположенного так, чтобы сидящие за ним видели единственный вход в палату, стояло кресло из того же самого материала, а по обеим сторонам кресла — скамьи без спинок.

Благодаря моему положению, я хорошо знал Императора и членов его всесильного совета. Ибо большая часть последних была справедливой, хотя и строгой, частью, требовавшей от своих подчиненных стойкой и абсолютной преданности и верности государству. Убедившись в моей честности, они предоставили мне почти полную свободу в моем ведомстве, требуя только полумесячные рапорты. В прошлом, с тех пор как я вступил в свою высокую должность, наши отношения были довольно дружескими, хотя никогда не становились теплее, чем допускала строгая формальность дворца.

Но сейчас произошло изменение в их отношении. Долгие годы войны и служения в армии снабдили меня шестым чувством, появляющимся у тех, кто ходит по самому краю опасности. И теперь я тотчас ощутил напряжение и некоторую холодность, которые встретили меня, как только я вступил внутрь.

То ли я олицетворил какую-то личную опасность, то ли какой-то неизвестный мне случай встревожил их — я не знал. То же самое чувство, которое направляло мою руку к мечу сегодня утром, когда я торопился встретиться с посыльным Императора, снова дернуло мои пальцы по направлению к оружию на бедре. Я почувствовал, как натянулась кожа на моих плечах. Пахло тревогой.

— Маршал Флота приветствует Лорда Воздуха, Правителя Пяти Морей, Любимого Оуоном...— начал я официальное приветствие.

— Достаточно.— Голос Императора сухо оборвал меня.— Садись, Лорд Гаран,— вон там.— Он указал на табуретку приблизительно в шести шагах от того места, где я стоял. Я повиновался, но во рту у меня внезапно пересохло. Здесь существовала опасность — для меня!

— Ты содержишь тайную службу информации, не так ли?

— Да, Великий. Это существенная часть моих обязанностей.

— А это тоже часть твоих обязанностей?— Он передал две металлические пластинки служителю, стоявшему сбоку. Тот обогнул стол и остановился передо мной, держа то, что нес, так что я мог увидеть это.

Вырезанные на мягкой поверхности металла чертежи и формулы были совершенно незнакомы для меня. Полностью озадаченный, я поднял глаза на холодную маску, которой было лицо Императора.

— Я никогда не видел этого раньше, Ваше Величество. Я не понимаю их смысла.

— И все же они были найдены среди секретных документов твоей разведывательной службы,— ответил он многозначительно.

Я взглянул ему прямо в лицо.

— Я повторяю, Великий, что никогда не видел этого раньше.

После чего Малкус из Трота, тощий — кожа да кости — человек, начисто лишенный всяких добрых чувств, захихикал, прикрыв рот волосатой рукой. Эта злая пародия на человека с его клокотавшим в горле смехом разозлила меня, чего несомненно он как раз добивался.

— Стоит ли Маршал Флота перед судом за преступление, Великий? Я умоляю вас, милорды, будьте немного откровеннее с вашим слугой.

Император нахмурился.

— Жалоба на твой отдел и тебя была подана людьми Кума...

Кум! Это название разорвалось красным пламенем в моем разуме. Кум! Значит, я был прав, подозревая какой-то дьявольский смысл в необъявленном прибытии Кипты.

— За некоторыми личными делами Хозяина была установлена слежка...

Я вздрогнул. Тут моя совесть действительно была нечистой. Я подыскивал ключ к мрачной загадке Кипты. В этом я был виновен.

— А теперь, как и предсказывал Лорд Кипта, среди твоих бумаг было найдено это.— Рот Императора скривился.

— Ваше Величество и милорды, я могу только повторить то, что уже говорил: эти пластинки, которые вы показали мне, я никогда раньше не видел. Если они действительно были найдены среди бумаг Флота, то я не знаю, как они попали туда. Но я обещаю вам,— закончил я искривленными губами,— что не буду медлительным в расследовании этого странного дела.

Малкус снова захихикал, его неприятное кудахтанье непрошеного веселья отдалось эхом по всему залу.

— Смотрите, добродетель оскорбилась,— изрек он, веселясь.

Я быстро повернулся к нему.

— Вы насмехаетесь надо мной, милорд?

Он пожал плечами, но не удостоил меня ответом. Я поднялся на ноги. Твердыми руками расстегнул пряжку перевязи с мечом и снял ее.

— Великий, так как, кажется, я не являюсь более достойным вашего доверия, я возвращаю в ваши руки этот символ моего звания. Я был простым и откровенным солдатом и солдатом собираюсь быть. Я немного знаю о зигзагах государственной политики, но мне ясно, что стране зачем-то нужен козел отпущения. Если мое разжалование пойдет на пользу Ю-Лаку, я готов получить распоряжения. Ибо я знаю, что был преданным при всех обстоятельствах по мере своих сил и способностей.

— Сегодня это, милорды, немногими может быть произнесено в Ю-Лаке,— быстро и ясно произнес чей-то голос. Я обернулся.

В дверях стоял человек моих лет, судя по одежде — Ученый. Среди Великих я знал только троих с такой могучей духовной силой. Ее имели Леди Трэла и Император, и — Кипта. Но у куминца была чуждая воля, не такая, как у других. Кем этот был новоприбывший, я не знал, но какая-то сокровенная часть меня, нерушимая часть, признала и приветствовала предводителя людей.

— Приветствую тебя, Трэн,— Император поднялся.

— Мир и вам, Ваше Величество. Позвольте приветствовать вас, милорды.

С легкой грацией он пересек комнату, чтобы встать рядом со мной.

— Что я вижу? Почему благородный полководец отдает свой меч? Может ли хоть один человек в чем-нибудь упрекнуть Гарана из Ю-Лака?

— Совсем недавно,— сказал я горько,— я также просил ответить на этот же вопрос, милорд.

Наши глаза встретились, и я почувствовал некоторую теплоту, распространяющуюся по мне.

— Я наблюдал за тобой, Лорд Гаран. Говоря открыто перед этим собранием, я скажу, что здесь нет другого человека в пределах внутреннего моря, на которого я охотнее всего возложил бы свое доверие. Это говорю я, Трэн из Гурла!

Император улыбнулся, его холодная маска раскололась.

— Подними свой меч, милорд. Где доказательство преступления отсутствует, там не может быть аргументов за или против человека. Но было бы хорошо добраться до сути этого дела, хотя бы ради собственного успокоения. Слово, сказанное в ухо мудрого человека, более важно, чем шорох мимолетного бриза.

Совершенно ошеломленный столь внезапным резким изменением, я застегнул перевязь и преклонил колено, чтобы коснуться пола перед собранием.

— Могу ли я уйти, Великий?

Император кивнул. Я повернулся, чтобы уйти, но я знал, что Трэн провожал меня взглядом, пока я не вышел из палаты. Какая-то игра, чьей ставки или цели я не мог понять, была разыграна или, возможно, игра только началась. Но то, что я был частью этой игры — сомневаться не приходилось.

Все еще ломая голову над этой странной встречей в Зале и прощальными словами Императора, я отклонился к садам, взамен возвращения прямо к посадочной площадке и своему флайеру.

Мне было ясно приказано возвратиться домой и выявить личность или личности, ответственные за появление куминских документов среди моих официальных документов. Я должен был безотлагательно пустить в ход свою секретную машину наблюдения и следствия.

Но мысленно я продолжал думать о том, что кто-то пытался дискредитировать меня перед собранием, хотел таким образом сместить меня с занимаемой должности. Это могло означать только одно обстоятельство — я был угрозой. Воздушные Министры с их неуклонно растущей властью или Кипта из Кума, от которого каждая капля крови во мне начинала пульсировать,— кто из них действовал против меня? Ибо в прошлом году я копался в секретах обоих, стараясь обнаружить нечто таинственное, которое — я знал — лежало там, дожидаясь, когда будет открыто.

Где-то на Кранде был центр беспорядков, ответственный за пограничную стычку, за каждое усиление городских смут, даже за редкие авиационные катастрофы — в этом обстоятельстве я был твердо убежден. Но — доказательства?

Эта мысль повлекла за собой любопытство. Почему Трэн из Гурла, которого, насколько мне известно, я никогда раньше и в глаза не видел, появился в тот самый момент, когда его речь в мою пользу смогла весьма помочь мне? Я полагал, что был знаком со всеми Лордами из Ученых, но он был мне неизвестен. И все же человек с таким личным магнетизмом и силами должен быть широко известен.

Гурл был скалистым островом далеко на севере; он не вмещал городов какой-нибудь значительности, и его жители в основном были бедствующими рыбаками. Кто был Трэн из Гурла?

Погруженный в эту и другие проблемы, я забрел в сад глубже, чем предполагал. Я оказался на обширной, ровной лужайке

с густой желтой травой, где собиралась группа людей, смотрящих на шалости пары крошечных существ, называемых Анами. Я собрался было сразу же ретироваться, как одна из девушек, увидев меня, крикнула:

— Милорд, сжальтесь над нашим положением. Ана Сэн-сэн удрала в кусты и не хочет выходить, потому что эти две злючки дергали ее за шерсть. Она там кричит. Не выручите ли вы несчастное существо ради нас?

Та, которая обратилась ко мне, была Аналия, младшая сестра Анатана, дочь старинной и благородной военной семьи. Сейчас же, выполняя ее просьбу, я сбросил плащ и снял шлем, прежде чем, подбадриваемый их криками, полез в густые кусты.

Ана сама подошла ко мне, и я вынес ее с триумфом; мои волосы взъерошились и пара длинных ярко-красных царапин прочертила мое предплечье. Аналии доставило удовольствие восклицать надо мной и ничего не делать, но все же она направила меня на соседнюю поляну, где был фонтан и где мои пустяковые раны могли быть исцелены.

В их бесхитростной компании я забыл до некоторой степени о своих тревогах. В сущности я никогда не был неопытным и пользующимся наслаждениями беспечным юношей. Со дня своего пятнадцатилетия я принял на себя положение и заботы мужчины, и с этого дня я никогда не ослаблял ни на один час своей бдительности против мира, в котором, как я знал по тяжело добытому опыту, было нелегко существовать. Но теперь, в эти короткие полчаса, в компании придворных девушек, я вернул обратно небольшую часть той неопытной юности.

Все закончилось слишком быстро, но я не пожалел об этом. Из-за тонких листов папоротниковых деревьев вышла та, которую я хорошо знал.

Трэла из Ученых стояла, улыбаясь нам.

Каждая струя ее черных волос казалась для меня сетью вокруг моего сердца и, очарованный ею, я находился в оцепенении. Я был счастлив стоять и наблюдать за игрой выражения на ее лице, в то время как ее леди с радостными криками собрались вокруг нее.

Дворец удовольствий в Сотане

— Привет тебе, милорд Гаран.— Она улыбалась, глядя мне в лицо.

— Привет тебе, Цветок Ю-Лака.— Я приложил к губам и ко лбу протянутую мне руку.

— Ты пренебрегаешь нами, милорд. Неужели заботы твоего ведомства так тяготят тебя, что ты не можешь часок-другой провести с нами?

Я стоял, разинув рот, неспособный собрать свои мысли в находчивый ответ на эту мягкую насмешку.

— Я, как всегда, в твоем распоряжении, величественная Леди,— запинаясь, пробормотал я.

— Тогда ты должен повиноваться мне сейчас,— быстро сказала она.— Поможешь мне в Голубом бассейне, милорд. Мне нужна там лишняя пара рук. Нет, малышки, вы останетесь здесь.

Отделавшись таким образом от своих девушек, она повела меня с собой. Но вместо того, чтобы идти по тропинке к Голубому Бассейну, она разыскала маленький садик в гроте и села там на каменную скамейку.

— Садись, Гаран. Я многое должна сказать, а времени для этого у меня мало. Во-первых, дай посмотреть на тебя. Сколько же времени прошло? Три года, не так ли? Я могу даже сказать тебе количество в часах. Ах, почему ты не родился?... Но достаточно! Ты сделал разумно для себя, Гаран.

— Только потому, что...— начал я горячо, но ее нежные пальцы поспешили запечатать мои непослушные губы, преградив путь потоку опрометчивых слов.

— Не то, Гаран, не то! Существуют другие вещи, о которых мы должны поговорить. Ты, кажется, рылся в опасных омутах знаний, задавая щекотливые вопросы неподходящим людям. Что ты узнал?

Я пожал плечами.

— Довольно немного. Каждая тропинка приводит в конце концов к глухому барьеру.

Она кивнула.

— О, они умны, очень умны. Но ты сделал кое-что для начала. Поэтому — будь бдительным, оглядывайся назад по ночам, Гаран. Ты идешь по прогнившему мосту; ты уверен, что он не разрушится, чтобы увлечь тебя в бездну. Но с этого часа ты не должен сражаться в одиночку, воин. Ты знаешь Трэна из Гурла?

— Я увидел его впервые час назад.

— Трэн, как и ты, прикладывает свое ухо к земле и таким образом слышит вещи, не предназначавшиеся ему. Дважды его путь тайного расследования пересекался с твоим, и тогда он понял, что здесь существует другой, кто сомневается в будущем. Ибо не все мы, Гаран, бездельники и дети, играющие на солнце. Некоторые из нас готовятся к подходящему шторму...

— Значит, у тебя есть какая-то определенная мысль о том, что нагрянет?— прервал я нетерпеливо.

— Еще нет. Неделю тому назад здесь открылся новый дворец удовольствий в квартале Сотан.

Я нахмурился, сбитый с толку ее быстрой переменой темы разговора.

— Да, мой помощник говорил мне.

— Было бы неплохо, если бы ты посетил его, Гаран.

— Но...— торопливо запротестовал я.

— О, достаточно хорошо известно, что ты не ходишь в подобные места, но позволь мне уговорить тебя побывать там сегодня ночью. Нет, большего я не могу сказать. Будь осторожен, Гаран. А теперь уходи и быстро, прежде чем придут мои девушки,

разыскивая меня. Три года, Гаран...— Ее голос угас, после того как она отправила меня прочь. Я не осмелился оглянуться назад.

Ошеломленный собственными спущенными с цепи эмоциями, я добрался до посадочной площадки и своего флайера. Черный корабль из Кума до сих пор находился там, отчужденный и производящий впечатление среди яркокрашенных судов, которые теперь заполняли поверхность платформы, но я уделил ему не более чем один мимолетный взгляд. Все мои мысли были далеко от того, что не касалось этой встречи и я размышлял, что могло быть скрыто внутри этих ее двух слов — «три года».

Я полностью пришел в себя только тогда, когда мой флайер приземлился на площадке оборонительной башни и я увидел мальчишескую фигуру Анатана, торопливо бросившегося мне навстречу. Я вспомнил обещание, которое так необдуманно дал ему этим утром. Невозможное стало действительным.

— Приехал Закат из Ру, милорд. Он ждет вас в офицерской комнате,— почти выпалил молодой офицер, прежде чем мои ноги коснулись настила посадочной площадки.

— Немедленно приведи его в мои личные комнаты,— приказал я.

Ру был самой северной колонией Ю-Лака, блиставшего цепью зависимых стран. Три месяца в году его опустошенные ветром равнины были почти непригодными для жилья. Но богатства, лежащие в его промерзших горах, привлекали нас, так что мы держали Ру в ревнивых тисках. Линия укрепленных постов, крошечных оазисов цивилизации — таковы были границы, которые мы возвели в этой мрачной стране.

Закат был офицером старой школы, которые управляли людьми и страной тяжелой, но всегда справедливой рукой. Я доверял ему больше, чем любому другому из подчиненных мне офицеров. Событие достаточно серьезное, чтобы омрачить будущее, привело его в Ю-Лак. С ощущением внезапного холода от этого я расхаживал по своей комнате, ожидая его появления.

— Привет, Лорд.— Плотная фигура в дверях вытянулась в официальном приветствии.

— Входи, Закат. Я рад снова пожать твою руку. Но какая судьба привела тебя из твоего обрамленного снегом севера?

— Злая судьба, Гаран.— Он смерил меня взглядом, пока отвечал, и затем со вздохом облегчения добавил:— Все в порядке. Ты до сих пор не стал городским жителем, получив титул лорда. Нет ни ожирения, ни трясущихся рук, ни мрачных глаз — ничего, что могло бы изменить тебя. Ты до сих пор тот лихой парень, который сопровождал меня в Улал в давние дни?

— Я не изменился, военный пес. Вижу и ты тоже. Дай мне открытое сражение, и я буду рад...

— Открытое сражение!— Он скривился.— Этого я не могу предоставить тебе, Шетина Темного Существа! Может ли человек сражаться с призраками и победить?

Поразительно было слышать свои собственные мысли, которые исходили от этого северного полководца.

— Что случилось в Ру?

— Ничего такого, на что я мог бы наложить свою руку, иначе я быстро бы покончил с этим, можешь быть уверен,— многозначительно сказал он.— Это всего лишь растущая тревога, перешептывания, источник которых я не могу проследить, необоснованные слухи, мятежные разговоры. Скажу тебе откровенно, Гаран, я сейчас одинок в Ру.

— Ты хочешь помощи?— предположил я.

Он встряхнул головой.

— Ты должен знать лучше меня, чем кто-то, парень. Когда это было, чтобы я бежал, скуля, к своим хозяевам? Нет, не помощь в материальном смысле. Но иногда две головы лучше, чем одна. Я хочу откровенно поговорить с единственным человеком в Империи, которому я полностью доверяю. В Ру беспокойно, и я не могу проследить, в чем дело. В первый раз я остался без всякой поддержки...

— Не ты один страдаешь,— вмешался я резко.

— Что ты имеешь в виду?

— Не считая тебя, Анатана из Хола и еще одного человека,— я вспомнил ее в саду,— я также являюсь одиноким сегодня. Этим утром Император проверял мою лояльность.

— Что!— Он вскочил на ноги, глядя на меня в страшном изумлении.

— Это правда. И все потому, что я подобно тебе пытался обнаружить основу всей этой массы интриг, которые растут и увеличиваются по всему Кранду. Я тоже сражаюсь с призраками, Закат.

— Так,— он опять опустился на свое место,— какой же выход существует из этого положения? Ну, парень, похоже, мы снова в Улале, но в этот раз мы должны драться не кулаками, а умом. Давай поговорим и уясним, что же случилось за те годы, которые прошли с тех пор, как мы вместе сражались.

— Расскажи мне о Ру,— потребовал я.

Он нахмурился.

— Трудно выразить в словах то ощущение, которое охватывает меня, когда я передвигаюсь от гарнизона к гарнизону. Внешне все хорошо; в этом смысле все в порядке. Страна находится в мире с варварами, беспорядков на рудниках там нет. И все же я чувствую, будто иду по мосту, подпорки которого разрушены. Меня преследует мысль, что сердцевина этого проклятого дела лежит обнаженной перед глазами, и я не мог бы ее обнаружить, даже будь я чуточку умнее. Это дело задумано дьяволом.В прошлом месяце добыча в Сапитских рудниках была на десять процентов ниже, чем обычно. И тем не менее инженеры встретили меня с вежливыми объяснениями, для которых я не имею достаточных знаний, чтобы проверить их. За последние три месяца там произошло несколько сотен самоубийств. Вновь набранные рекруты находятся в скверном состоянии — умственно, морально, физически. Близ Форта Штаб-квартиры убиты три пастуха, и нельзя понять, как они были способны проникнуть так

далеко вглубь колонизированных стран и как их не заметили. Противоестественные огни появились в небе, и дважды штабель легковоспламеняющейся руды был подожжен таинственным способом. У горцев появилась новая тайная религия. Случаи все пустячные, но собранные вместе, достаточные, чтобы заставить человека крепко задуматься.

— Кого ты подозреваешь?

Он пожал плечами и затем ответил мне уклончиво:

— Там находился человек из Кума, который совершил путешествие через горы.

— Кум! Всегда Кум!— Я ударил кулаком по подлокотнику своего кресла.

— Да, всегда Кум,— тяжело отозвался Закат.— А теперь, каковы фантомы, которых ты преследуешь так безрезультатно?

— Хлебные бунты в провинции Кэт, возникшие из-за незапланированного неурожая. Дождя там было в избытке, почва — самая плодородная в Империи, но в этом году поля были удивительно бесплодными. И Ученые не смогли объяснить этого, по крайней мере, мне. Затем здесь появился новый культ Блуждающей Звезды или приблизительно такой же бессмыслицы. Я подвергнул дисциплинарному взысканию четырех человек за посещение ими митингов и за подстрекание к беспорядкам впоследствии. Кто-то тайно пронес бутылки с портукалом в казармы, и я повесил одного человека за введение в употребление практики вдыхания дыма листьев райта. Ты знаешь, к чему это приводит?— Он кивнул, и я продолжал:— Как и ты, я интересуюсь Кумом. Мой интерес возрос настолько, что я привел в движение определенный механизм три месяца назад.

— Какой результат?— в его вопросе было нетерпение.

— Да никакого. И все же я не думаю, что разведчики, которых я посылал туда, были абсолютными дураками.

— Изменники?— предположил он.

— Возможно. Но что я могу сделать? Час тому назад меня предупредили, чтобы я остерегался. Затем это дело с находкой секретных куминских документов среди моих бумаг. Император приказал мне предоставить человека, ответственного за их нахождение там, или отвечать самому за это дело.— Я продолжал объяснять Закату все, что произошло со мной на суде.

— Что ты знаешь о Трэне?— спросил я в заключение.

Он встряхнул головой.

— Ничего. Гурл — довольно незначительная пропахшая рыбой обнаженная скала в господствующем море. Я посетил дежурный гарнизон, находящийся там, только один раз, вскоре после того, как получил клеймо. Ученых там не было, во всяком случае, тогда. Но Лорд Гурла заинтересовался твоими делами с какой-то целью. Я должен вспомнить его. А что тут делает Кипта? Раньше он не слишком жаловал вниманием общество членов своей касты.

— Когда ты возвращаешься в Ру?— внезапно спросил я.

— Рано утром,— ответил он с некоторым удивлением.— Почему ты спрашиваешь?

Я улыбнулся.

— Тогда ночью ты будешь традиционным солдатом-отпускником...

— Что ты имеешь в виду?— прервал он.

— Сегодня ночью мы вместе посетим новый дворец удовольствий в квартале Сотан.

Он взглянул на меня с некоторым отвращением.

— Никак не думал, что Гаран из Флота дошел до посещения дворца удовольствий...— начал он, но я перебил его.

— Мы пойдем с поручением. У меня есть основания предполагать, что проницательный человек может обнаружить там кое-что интересное. Ты должен был бы знать меня лучше, Закат, и не подозревать так всецело.

Хмурые морщины на его лбу разгладились.

— Три года абсолютной власти и изнеженной жизни часто изменяют человека к худшему, парень. Но я не хотел бы думать, что этот мир наложил на тебя печать.

— Значит, ты пойдешь?

— Охотно. Несмотря на все,— в его тоне появился озорной юмор,— я не откажусь осмотреть интерьер дворца удовольствий за чужой счет.

— Добро, значит, договорились. Что ты скажешь насчет того, чтобы провести со мной утренний смотр?

— Давай! Это мне больше по вкусу, чем все дворцы удовольствий в этом вашем тепличном городе.

Итак, с Анатаном и Закатом по пятам я начал свой ежедневный обход. Похоже, что в моем мозгу, обостренном утренним делом, появилось достаточно подозрений в слабости моих людей. Частичные отклонения в выполнении точных приказов, следы расхлябанности, которая продолжала существовать несмотря на мои выговоры, едва различимое начало упадка в первоклассных отрядах, некоторая опрометчивая дерзость, отмечаемая в самых молодых людях,— я увидел все это и результат принес домой к себе, так как никто еще, кроме меня, и других, подобных мне, не стоял перед растущим призраком какой-то неизвестной опасности.

Я знал, что Закат тоже видел, что лежит отчетливо перед нами, и что он тоже тщательно анализировал и взвешивал впечатления от утренней проверки. Мы сидели за обедом в столовой вместе, но почти не разговаривали до тех пор, пока не закончили, и я повернулся к нему.

— Ну?

Он покачал головой.

— Какой человек может подвергнуть дисциплинарному взысканию призраков? Я видел здесь то же самое, что и в Ру. Что я могу посоветовать, когда сам не могу привести в порядок собственный дом? Но клянусь Меченосной Рукой самого Оуна, парень, я пойду с тобой до конца, что бы ни случилось. Теперь пой-

дем в этот ваш дворец, раз ты так решил.

Мы устремились в мою гардеробную и там переоделись в богатую, но не бросающуюся в глаза повседневную форму, потому что я надеялся скрыть наши личности насколько возможно. Анатана предупредили сделать то же самое и, пока я прикреплял тяжелый мешочек с похожими на бруски монетами к поясу, мы встретили его за дверью, тяжело дышавшего от волнения.

— Запомни,— предостерег я,— что мы должны по возможности остаться неузнанными и ночью находимся на службе. Не вздумай отделиться от нас и, самое главное, держи язык за зубами.

— Слышать — значит повиноваться, Лорд.

Напоследок я оглянулся вокруг. Какое-то внутреннее чувство, должно быть, подсказало мне, что пройдет немало времени, прежде чем я пойду обратно по этому коридору.

— Пошли.

На посадочной площадке нас ждал скромный флайер без каких-либо опознавательных знаков, и мы залезли внутрь. Анатан взял управление на себя, и мы по пологой спирали поднялись над военным кварталом. Мы с моим помощником договорились приземлиться на общественной стоянке, примыкающей к дворцу, так как только постоянным и хорошо известным завсегдатаям предоставлялась привилегия использования конфиденциальной стоянки на его крыше.

Закат сильно протестовал, но мое желание секретности одержало верх, к моему сожалению. Очень скоро под нами заблестели фиолетовые светильники общественной стоянки, и Анатан посадил флайер. Служащий подошел, чтобы направить нас в ряд других кораблей и получить плату, которую Анатан приготовил заранее. Закат и я держались в тени, надвинув наши шлемы так, что клювообразные козырьки затеняли наши лица.

Анатан сунул квитанцию в карман, и мы пошли по откосу, который вел вниз до уровня улицы. Там, никем не замеченные, мы скользнули в толпу. Ю-Лак всегда становился прекраснее с наступлением ночи. Тогда ритм его жизни получается полным и шумным, иллюзия беззаботного веселья скрывает праздное времяпрепровождение горожан.

— Направо,— Анатан направлял нас.

Я буквально задохнулся, когда впервые увидел объект нашего изучения. Сокровища, должно быть, лились рекой при постройке той грезы, что стояла перед нами. Стены с вырезанными на них животными и цветами были сделаны из кремового хрусталя, чуть розоватого наверху и густошафранного у основания.

Широкий портал был открыт в соответствии с правилами, однако слабо мерцающая портьера скрывала наслаждения внутри от глаз случайного прохожего. На двенадцати розовых ступенях, ведущих наверх к нему, бездельничали телохранители и слуги, одетые в ливреи, полдюжины или более самых богатых лордов города. Все касты, кроме военной, были представлены здесь.

Изящная смуглая девушка-рабыня, с раскосыми, вызываю-

щими глазами, стояла, ожидая, чтобы распахнуть портьеру для нашего прохода. Она лукаво вскинула на меня глаза и с усмешкой сказала:

— Вы решили сегодня почтить нас своим посещением, Лорд Гаран?

Моя слабая надежда на секретность пропала.

— Да, лунный цветок. Разве скромному солдату Флота запрещено участвовать в ваших развлечениях?

— Ничуть!— Странно рассмеялась она. Затем, выдернув из-за пояса похожий на флейту свисток ее пустынной родины, она извлекла из него низкую мелодичную ноту.

Тонкая белая рука выскользнула из-за портьеры и поманила нас внутрь. Терианка улыбнулась.

— Гит ждет вас, милорд. Входите.

Со своими двумя спутниками я прошел через разрез портьеры.

Айла и Лания

Квадратный вестибюль, в котором мы оказались, освещался мягким желтым светом одной из новых солнечных ламп. Напротив нас был широкий сводчатый проход, прикрытый пурпурной с зеленым металлическим отливом занавесью. С рукой на складках этой занавеси стояла ожидающая нас проводница, девушка с покрытых льдом берегов Северного Ахола. Ее стройная фигура была закутана в янтарный шелк, и широкие полоски из мягкой меди охватывали ее грудь и талию. Ловко уложенная масса ее золотисто-рыжих волос скрывала почти все лицо, оставляя лишь узкий белый клинышек.

При нашем появлении она опустилась на колени и коснулась ладонями пола.

— Не соблаговолят ли благородные Лорды следовать за мной?— Ее голос был тонкий, но достаточно мелодичный.

Закат дернул меня за руку.

— Они, кажется, собираются получить много удовольствий от нашей компании, парень. У меня такое ощущение, что мы лезем в клетку сапта.

Я предупреждающе сжал его пальцы. Но я также почувствовал, что мой пульс участился. Замечание Заката было подходящим. Всего три дня назад я был свидетелем, как измученного и старого грифа ласково уговаривали спуститься по откосу, который вел к клетке гигантского сапта. Он довольно охотно пошел к своему концу, доверяя людям, которые убеждали его.

Девушка отодвинула занавес. Я вошел без колебания.

Комната, в которой мы очутились, была похожа на золотую чашу, вырезанную, чтобы встретить губы какого-нибудь горного божества. Она была овальной формы, окруженная кольцом сводчатых проходов, количество которых достигало двенадцати, похожих на тот, через который мы вошли, каждый из них был за-

крыт драпировками, цвета которых сбивали с толку и переходили в другие. Стены наверху сходились резко в конус, острие которого было открыто к звездам.

С того места, где мы стояли, пол опускался широкими ступенями, полностью окружавшими комнату. В центре всех сужающихся рядов было небольшое овальное отверстие, из которого поднимались ленивые струйки окрашенного, душистого дыма. Массивные ступени были завалены грудами бесценных металлических изделий, украшенных драгоценными камнями, графинами, стояли маленькие столики, нагруженные лакомствами. Здесь сидели большинство из тех, кто пришел до нас, которым прислуживали красотки дворца.

Они были прекрасны. Никогда раньше я не видел, чтобы все расовые типы, живущие под солнцем Кранда, собирались вместе. Каждая поражала своей красотой. Подобно темнокожей терианке у входной двери и белой ахолианки рядом со мной, каждая была идеальным образчиком своей расы.

Я услышал тяжелое дыхание Анатана и смешок Заката.

— Приятно грабить такое место,— сухо заметил Закат.— Нетрудно понять, почему эти дворцы закрыты для офицеров-летчиков низшего ранга. Сюда бы несколько моих руанских парней...

— Дыхание Зэнта,— перебил Анатан,— взгляните на эту девушку в черном. Видели ли вы когда-нибудь подобную ей?

Он указал на одну из пещерных жительниц Лапидиана. Ее волосы, обесцвеченные до белизны кости поколениями народа, который жил без света, обвивали гордую голову тяжелыми кольцами. Она была закутана от шеи до пят в совершенно черное, но белые руки были обнажены до плеч. У нее был поразительный и привлекающий внимание внешний вид, когда она медленно двигалась среди рядов своих куда более ярко одетых подруг.

— Не хотите ли вы, милорды, остаться здесь? Или, может быть, вы пройдете во внутренние дворы?— мягко спросила ахолианка, когда мы вдоволь насмотрелись.

— Во внутренние дворы,— быстро ответил я, прежде чем Анатан успел запротестовать.

Мы последовали за ней по самой верхней ступени, на которую выходили двенадцать занавешенных сводчатых проходов. Анатан дернул меня за плащ и шепнул:

— Попросите показать Госпожу Дворца. Так полагается при первом посещении.

Удивляясь, откуда он получил свои познания, я выполнил его указания. Ахолианка кивнула и немедленно отдернула прочь огненную с серебром портьеру, висящую на другой двери. Мы прошли мимо многих чудес. Я запомнил одну комнату, стены которой были из прозрачного хрусталя, а за ними плавали живые чудовища из внешних морей, странные создания с фосфоресцирующими телами или челюстями, сверкающими в тусклом свете. Там были и другие комнаты, такие же странные или такие же сверхъестественно прекрасные. Наконец, мы вошли в маленькую комнату с белыми стенами и полом. Но свод был покрыт лаком

ночной черноты, усыпанным большими звездами из хрусталя. На ложе ярко-алого цвета возлежала та, которая правила всем этим красочным лабиринтом.

Судя по ее одежде и сильно накрашенному лицу, это была женщина Аркта. По контрасту с девушками снаружи, она была отвратительно плоской. Худая вплоть до истощения: ее туго обтягивающее фигуру платье из серебряной сетки показывало каждую кость и впадину. Лицо было густо раскрашено, как принято на ее родине: огромные пурпурные круги вокруг впалых глаз, оранжевые рубцы на губах, а все остальное набелено. Однако, ее роскошные волосы по праву находились в этом дворце очарования. Черные и очень длинные, они не были изуродованы шпильками или заколками, а свободно падали и лежали на полу, когда она сидела.

Тем не менее, я уставился, раскрыв рот от изумления, не на правительницу дворца удовольствий, а на мужчину, который сидел развалясь у ее ног и болтал заплетающимся языком. Трэн из Гурла, держа нетвердыми руками кубок с вином, искоса взглянул на меня. Опершись на ее ложе для опоры, он поднялся, покачиваясь, на ноги.

— Твои новые друзья, Айла? Могу ли я тогда выразить недовольство, что другие добиваются твоего общества, или нет? Увы, твоя благосклонность не для меня одного. Могу я хоть остаться или должен уйти?

Она покачала головой, а ее глаза, обращенные к нам, смотрели холодно и недружелюбно.

— Останься, милорд. Вас, милорды-незнакомцы, я рада видеть в своем владении. Стоит вам только шепнуть Ланию о своих желаниях и перед вами окажется все, чего бы вы ни пожелали.— Она показала жестом в сторону ахолианки. Так же небрежно она отпустила нас.

Трэн глумливо захохотал и качнулся ко мне.

— Эту сладость не тебе собирать, солдат. Иди поищи другие сады для своей добычи.

Что-то слабо щелкнуло о застежку моего плаща возле горла и упало в складки моего кушака. Разыгрывая сконфузившегося простака, я быстро вышел со своими спутниками из палаты, оставив Айлу и ее титулованного Лорда в уединении, чего они и хотели.

Мои пальцы коснулись плеча Анатана, и я приблизил свои губы почти к его уху.

— Отвлеки на минуту эту Ланию.

Он бросил на меня быстрый взгляд и затем скользнул вперед, чтобы держаться рядом с плавно движущейся девушкой-проводником. Я нащупал в своем кушаке и вытащил овальный серебряный шарик величиной с мой ноготь. Быстрый осмотр под прямыми лучами одной из коридорных ламп открыл тонкую линию, проходящую по его середине. Я был достаточно знаком с такими средствами для безопасной передачи секретных посланий. Одним вращением пальцев я разделил его на половинки и затем развернул кусочек исписанного шелка. Он гласил: «Через час в

Комнате Грифов. Никому здесь не доверяй».

Я молча протянул записку Закату. Он быстро просмотрел единственную строку и затем хищно усмехнулся.

— Похоже, мы лаем на горячий след, Гаран. Комната Грифов. Теперь наше дело — разыграть гуляк. Твой парень Анатан должен нам помочь.

Я встревожился, когда увидел темную голову Анатана рядом с золотистой головкой ахолианки. Ибо было ясно даже для самого бестолкового зрителя, что они достигли некоторого взаимопонимания и увлеклись флиртом. Необходимо было предупредить мальчика, чтобы он сейчас не свалял дурака.

Я прибавил шагу и поравнялся с ним. С выставленными напоказ манерами кабацого забияки я оттеснил плечом Анатана и бесцеремонно окликнул его спутницу:

— Эй, хозяйка. Мы отдали долг вежливости вашей госпоже, теперь веди нас к вашему приюту радостей. Подавай нам ваши чудеса.

Анатан готов был возмутиться моим непристойным поведением, когда используя фалду своего плаща как штору, я сунул записку Трэна в его руку. Толчок в спину сказал мне, что он прочел и понял.

— Что бы вы хотели, милорды?— спросила Лания с ласковой покорностью.— Вина? У нас самые лучшие. Крепкое белое марочное вино из Ру, густое пурпурное из Хола, золотистое из Кума — множество других. Не позабавят ли вас танцовщицы? В одном из наших залов золотистые девушки из забытых храмов Кора следуют мистическим лабиринтам былых богов, во всем Ю-Лаке вы не увидите ничего подобного. Может быть, вам нужны подруги на вечер? Девушки из пустынь Териата, так сильно предающиеся любви, как неистовые ветры их родины, лапидианки с серебряными волосами и страстными губами, женщины Аркта, владеющие всеми сладостными городскими пороками? У нас имеются все нации, все характеры.

— Храмовые танцовщицы,— быстро выбрал Закат, и я одобрил его выбор, потому что из того, что Лания предложила нам, это казалось наименее вероятным для вовлечения нас в будущие затруднения.

Молча она повернула в поперечный коридор, который вскоре стал скатом, ведущим вниз. Затем я впервые заметил тень тревоги на лице Заката. Анатан был явно мрачен и шел немного позади, как бы сомневаясь в нашем смелом предприятии. Сначала я подумал, что он просто надулся, но позднее понял, что у него был значительный аргумент сомневаться в нашем необдуманном выборе вечернего развлечения. Зал походил на тропические джунгли страны Кор, и он предполагал, что может находиться у подножия этого зловещего ската.

Хотя Кранд объединялся в культе Оуна и был так объединен веками, все же на нем до сих пор продолжали существовать в таких примитивных странах, как Кор и Ру, храмы древних богов, этим темным существам наш народ поклонялся раньше, пока

сам не выполз из логова зверя. Я сам знал очень немного об этих забытых и теперь тайных обычаях; в сущности, немногие, кроме приверженцев, знали о них. Эти адепты Кора были последним оплотом древней религии.

Тонкий звук волынки, такой высокий в гамме, что наши человеческие уши с трудом могли различать его тона, разорвал тишину. С этим звуком пришло низкое биение, как будто воздух, мертвый и отяжелевший от груза неисчислимых лет, пульсировал за пределами восприятия в каком-то нечеловеческом ритме.

Закат неожиданно запнулся, шаркая ногами и меняя шаг.

— Ритм — гипнотизирующий контроль,— пробормотал он.— Не поддавайтесь ему.

Анатан тоже постоянно менял шаг — то широко шагал, то волочил ноги. Я начал подражать им. Скат, казалось, тянется в глубины самого Кранда, и в его гладких полированных стенах не было отверстий. Постоянно сверкающие светильники, размещенные на потолке над нашими головами через равные промежутки, постепенно меняли оттенок: от теплого золотого до леденящего голубого, а затем до какого-то туманного серого. До сих пор чуждый назойливый звук волынки и таинственное биение отбивали такт для наших шагов, несмотря на то, что мы и прыгали и тащились, чтобы избежать их вяжущих чар. Только Лания равнодушно шла вперед, не оглядываясь на нас.

Наконец мы пришли в комнату вроде прихожей с тускло-серыми стенами и полом. Лания издала своим высоким голосом воющий крик, и сразу же часть стены отошла внутрь, выставляя темноту за ней.

— Мы должны принять меры предосторожности,— Лания кивнула по направлению к тайной двери.— Некоторые из наших чар не для обычных глаз.

Через похожую на щель дверь жуткая музыка слышалась громче, ее звуки, казалось, имеют какую-то странную жизнь и существуют сами по себе. Ахолианка прошла внутрь, а мы последовали за ней, но Закат, всегда быстро соображающий, обнажил свой разящий меч и сунул его в дверную щель, так что она осталась открытой на добрых два дюйма.

Мы очутились в абсолютной черноте, темноте такой густой, что она казалась реальным покрывалом. Чья-то рука коснулась меня, и мои пальцы сжались на украшенном драгоценными камнями браслете Анатана. Минутой позднее я услышал справа от себя тяжелое дыхание Заката.

— Ждите и смотрите, солдаты.— В голосе Лании была едва различимая тонкая насмешка.

Чуждый и прерывистый ритм звучал все громче и грознее.

— Двигайте пальцами, руками против этого ритма,— прошептал Анатан. Я почувствовал, как его запястье свободно вертится в моем захвате. Я послушно старался выполнить его советы.

Из темноты над нами вылетел одинокий луч света, зеленый, переходящий в серый. Этот свет казался гниющей эманацией чего-то гнусного и давным-давно мертвого. В нем было осторож-

но задуманное зло. Пока мы, как зачарованные, следили за этим лучом, золотые крылатые призраки проплыли по нему, двигаясь по кругу все время, пока, наконец, они не коснулись черного мозаичного пола, плиты которого, видимо, были вырублены в каменоломнях Древней Расы; тех, кто правил Крандом прежде, чем человеческая нога коснулась его поверхности.

Большие золотистые крылья опустились, сложились и исчезли, как будто их владельцы больше не собирались пользоваться ими. Пятнадцать живых желтых фигур начали свой танец. Буйный и прекрасный и все же полный древнего смысла, который был чрезвычайно злым, этот танец производил впечатление. Каждая поза — соблазнительное приглашение, каждый скользящий шаг, казалось, стремился извлечь из глубины души наблюдателя ту темную часть его, которая унаследована им от зверей.

Когда я почувствовал это, то начал бороться каждой унцией своей внутренней силы, чтобы преодолеть эти давно живущие мысли и страсти, которые вызвали во мне танцовщицы сплетением своих чар. Я снова увидел перед собой залитые кровью улицы Улала, когда мы грабили его, и все то, что изменилось там, когда опьяненные кровавым вожделением, мы устремились в город, который сопротивлялся нашему могуществу слишком долго. Там были случаи, превратившие этот день...

— Пошли отсюда!— закричал я. Я почувствовал их пробуждение под моими руками, как будто они стряхнули с себя какой-то ошеломляющий сон. Мы повернулись и освободились от зрелища золотистых танцовщиц и злой паутины, которую они сплели вокруг нас.

Сунув пальцы в щель потайной двери, мы распахнули ее. Закат взял обратно свой меч, мы вышли на откос с переутомленными и широко раскрытыми глазами, с так колотящимися сердцами, как будто мы участвовали в гонке, которая утомила нас до крайности. Мы уже прошли почти полпути вверх, когда нас догнала янтарная тень.

— Танцовщицы — крепкий орешек, солдаты.— Насмешка опять звучала в интонациях голоса Лании.— Похоже, чересчур крепкий для вас.

Я повернулся к ней, наполовину всерьез, наполовину играя роль, которую выбрал для себя.

— Хватит с нас ваших дьявольских таинств. Мы желаем человеческих радостей, а не тех, что вызывают ночные демоны!

— Слышать — значит повиноваться, Лорд. Что вы скажете о спокойном ужине в отдельной комнате — в присутствии подходящих компаньонок?

— Хорошо, хозяйка,— одобрительно проворчал Закат.

Как бы поняв, наконец, что нам по вкусу, она повела нас по лабиринту поворотов, изгибающихся коридоров и искусно сделанных палат, пока мы не пришли в маленькую, но причудливую комнату, созданную из голубой стали. Стены и свод образовывали полушарие, на котором размещались четыре фигуры в на-

туральную величину. Это были великолепные серые грифы, возносящиеся как будто в гневе. Закат внезапно сжал мне руку, но я сам уже понял, где мы находились. Мы стояли в комнате, в которой Трэн назначил нам встречу.

В дальнем конце комнаты был низкий диван, и Лания пригласила нас сесть, в то время как она пошла распорядиться о нашем обслуживании. Уходя, она заглянула в мое лицо.

— Нравится ли вам эта комната, Лорд?

— Вполне,— коротко ответил я.

К моему величайшему изумлению она засмеялась и откинула свою голову назад так, что мы впервые отчетливо разглядели ее лицо под ловко уложенной массой медных локонов. Анатан вскочил на ноги с резким вскриком, в котором сочетались открытие и огорчение.

— Аналия!

— Она самая, брат.— Она снова засмеялась. Затем, отойдя вправо, она отдернула портьеру. Оттуда вышел Трэн, все признаки опьянения слетели с него, опять энергичная, властная личность, которую я видел сегодня утром в Зале Девяти Принцев.

Он вел за руку Айлу, но сейчас в ее поведении было трудно уловимое различие, как будто под гримом находился скрытый другой человек.

— Ты не узнаешь меня, Лорд Гаран?— тихо спросила она.

Тотчас же я упал на колени, глядя, разинув рот от изумления в это отвратительно размалеванное лицо, потому что это была моя Леди Трэла, которая стояла здесь, скрытая под гримом и кричащими одеждами Арктa.

Она с улыбкой обернулась к Трэну.

— Мы оказались лучшими актерами, чем предполагали, милорд. Нет, Гаран, я не та Айла, которую ты видел раньше. Айла и Лания находятся... где-нибудь в другом месте в этот час. Мы заняли их места. Настоящая Айла до некоторой степени другая...

— Что неудивительно,— сухо заметил Трэн,— поскольку она ставленница Кипты. Давайте перейдем к делу. Часы летят исключительно быстро, когда опасность кружит над миром.

Похищение Трэлы

— Вполне ли разумно говорить здесь?— резко спросил Закат.— Стены дворцов удовольствий славятся своими ушами.

— Здесь их нет. Эта комната безопасна. Айла и Кипта заботятся об этом, потому что она служит для их целей,— ответил Трэн.— А что случилось с Лордом из Ру, что он стал таким подозрительным?

— Ничего — на что я могу наложить руку,— проворчал Закат.

— Ничего такого, на что ты можешь наложить руку. Мы все можем сказать это. И все же в течение двух лет ты, Лорд Гаран,

допытывался и выслеживал в закрытых сферах. Даже на расстоянии Гурл ощущает тревогу в воздухе. Никто из нас не ошибся,— Трэн торжествующе возвысил голос,— потому что это самое место, где мы сидим, опровергает самоуверенное спокойствие нашего мира. Знаете ли вы, кто стоит за Айлой, кто так искусно спланировал каждое пятнающее душу удовольствие в этой куче навоза? Кипта, куминец! Именно он в это самое утро пытался запутать тебя перед советом, Лорд Гаран, и таким образом избавиться от человека, который начал подозревать слишком много.

Этот ночной демон Айла под стать ему по изворотливости ума, и весь этот чудесный «ящик»— ее западня, чтобы захватить тех, кого Кипта хочет,— Кардона из Стала, Пэлкуна и всех остальных. А кто есть у нас, кто до сих пор не ослеплен, кто может еще ясно видеть, чтобы отвернуться от Кипты и всех его дел? Горсточка против мира. Около двадцати человек моей касты, Лорд из Ру, ты и твой помощник, находящийся здесь. На кого ты можешь положиться?

— Откровенно говоря — ни на кого, кроме тех, кого ты назвал. Мой корпус полностью пропитан заразой, которую я не могу определить. По моему мнению, весь Ю-Лак испорчен какой-то отвратительной хандрой.

— Потому что Ю-Лак — это Кранд, и ты близок к истине. Кипта сделал даже больше, чем он предполагает. Ибо, если бы он знал свою силу, мы все внезапно перестали бы существовать. Говоря начистоту, Кипта является ревностным собирателем того, что мы знаем как «Темное знание», и он близко знаком с силами, которые откликнулись на его зов, так близок с ними, что он хочет заставить весь Кранд принять участие в его радости.

— Это наша вина — Ученых,— прервала Трэла.— Мы слишком долго были пассивными, утратив интерес ко всему, кроме глубин наших собственных познаний. Будь мы более бдительны, более осторожны против сил Потустороннего Мрака, это зло никогда бы не распространилось среди нас. Разве Зи-Лин, основатель нашей расы, позволил бы Кипте прожить хотя час после обнаружения его происков?

— Ты забыла,— в низком голосе Трэна прозвучала печаль,— что Зи-Лин правил объединенным народом. А сколько человек пойдет за нами? Нет, нам придется сражаться в одиночку и, может быть, проиграть.

— Как ты предлагаешь бороться с ним?— вмешался Закат. — Силой оружия? Я думаю, Кипта имеет более мощные средства.

— Вот именно. Поэтому мы должны хитростью проникнуть в его укрепления, ибо, прежде чем составлять наши планы, мы должны знать цель и место его нападения. Один из нас должен пробраться в Кум.

— Невозможно,— сказал я кратко.

— Почему?

— Ты думаешь, что я не пытался сделать это?— Я повернулся к Трэну.— Хоть я и не ученый, но знаю свой долг и всегда выполнял его по мере своих способностей. Когда я был в отпус-

ке три месяца назад, то лично предпринял попытку. Я вернулся ни с чем, только с этим...— Я расстегнул свой военный плащ и распахнул его, обнажив горло, чтобы показать тонкий голубой шрам.— Я едва остался жив.

— Так.— Трэн внимательно посмотрел на меня.— Я этого не знал.

— Никто не знал до настоящего момента. Какой же мужчина гордится неудачей?

— Но наша проблема остается в прежнем состоянии,— сказал Трэн.

Трэла покачала головой.

— Напротив, она решена.

— Что ты подразумеваешь?

— В Кум поеду я. Меня Кипта не будет подозревать. С чего бы? Я ведь держалась в стороне от всяких лабораторных работ, не проявляя интереса к научным исследованиям, так что даже мой отец считает, что я позорю нашу касту. Я поеду в Кум из любви к приключениям, и его Хозяин ничего не заподозрит.

— Нет!— Слово вырвалось из моих уст, как удар меча.— Ты не сможешь выполнить это! Если мои подозрения насчет Кума справедливы, ни один незапятнанный человек не рискнет идти туда в надежде вернуться опять непорочным. Кипта играет со смолой.

— Кто такой Лорд Гаран, чтобы указывать мне?

Несомненно тогда, в тот необдуманный момент, я чуть было не раскрыл свой столь ревниво охраняемый секрет.

— Покорнейший из твоих многочисленных слуг, Величественная Леди. И все же, даже я осмеливаюсь сказать, что это дело не для тебя.

— Он прав,— сурово поддержал меня Закат.— Кум — не место для женщины.

Трэн согласно кивнул. Но Трэла не была убеждена. Какие добавочные аргументы она собиралась выдвинуть, чтобы поддержать свой план, мы никогда не узнали, потому что внезапно из куполообразного потолка над нами донеслись тихие звуки перезвона. Трэн и Трэла застыли и посмотрели друг на друга глазами, в которых словно пламя горело возбуждение.

— Это предупреждение,— сказал гурлиец.— Кто-то идет по проходу. Нам надо уходить.

— Внутренний коридор,— предложила Трэла.— Покажи им, Трэн.

Он встал и шагнул к портьере, из-за которой они с Трэлой вышли. Обнаженная стена разошлась, открыв узкую дверь, через которую мы протиснулись один за другим.

— Проходи, Трэн,— прошептала Трэла.— Вспомни, что этот портал закрывается только женским голосом.

Он послушно присоединился к нам, но Леди Трэла не последовала за ним в коридор. За ним половинки стены сомкнулись с щелчком, и мы очутились в темноте, сбитые с толку. Трэн бросился к этой глухой стене.

— Это же явное безрассудство!— горячился он.— Она же не сможет сыграть роль Айлы достаточно хорошо, чтобы ввести в заблуждение кого-нибудь из приближенных этой женщины.

Услышав эти слова, я понял, какую шутку сыграла с нами Трэла. Выставив нас из комнаты, она собралась смело встретить вновь прибывшего, кем бы он ни был. Я навалился плечом на эту неподатливую дверь.

Кто-то болезненно вцепился в мою спину длинными ногтями.

— Оставь!— крикнула мне в ухо Аналия.— Это дверь открывается только на звук одного голоса. Дай я попробую.

Мы с Трэном отступили, предоставив Аналии место, в котором она нуждалась. Мы хранили молчание, пока она говорила наизусть какое-то заклинание высоким пронзительным голосом Лании.

Потайная щель появилась вновь, и в тот же миг мы смогли увидеть и услышать то, что происходило в Комнате Грифов. Что касается меня, то я не удивился, увидев красивое смуглое лицо Кипты с его слегка насмешливой улыбкой. Но сзади его стоял еще один. Трэн схватил меня за руку.

— Айла!

Да, это была настоящая Айла, Айла из белой с черным комнаты, с ее тощим телом и великолепными волосами, размалеванным лицом и наполненным злобой голосом. Напротив нее, гордо выпрямившись, стояла Трэла. Две Айлы, но какие непохожие.

— ... неожиданная радость,— вкрадчивым голосом говорил Кипта.— Леди Айла польщена, что вы нашли удовольствие в ношении того типа одежды, которую она ввела в употребление в Ю-Лаке. Но боюсь, что мы должны быть довольно невоспитанными, чтобы спросить о причине этой восхитительной встречи...

Айла положила конец его насмешкам, так как увидела предательское колыхание портьеры, скрывающей потайную дверь, за которой мы прятались. Этот гобелен был выткан таким образом, что просвечивал со стороны двери, но из комнаты казался плотным.

— Дурак!— зашипела она на Кипту.— Она не одна. Забирай ее отсюда...

При этих словах я рванул портьеру в сторону и бросился вперед с мечом в руке, но было уже поздно. Кипта с быстротой одной из тех древесных змей, которые обитают в лесах Кора, дернул Трэлу к себе и толкнул сопротивляющуюся девушку в безжалостные руки Айлы. Он встретил мою атаку, развернув диван поперек прохода.

Я упал, ругаясь, а моментом позже на меня свалились Закат и Трэн. Я мельком увидел Анатана, перескочившего через наши тела и теперь находящегося лишь в двух шагах позади Кипты.

Дико озлившись, я вскочил на ноги. Закат, крича о мести, уже рванулся вперед, и я бежал недалеко позади него. Но мы недолго неслись, потому что, обогнув поворот коридора, наткнулись на Анатана, яростно колотящего по стене кулаком и рукояткой меча.

— Они прошли здесь!— крикнул он, как только мы возникли перед ним.

На гладкой поверхности изогнутой стены не было и следа двери. Здесь и нашли нас, расстроенных, Трэн и Аналия. Ученый превозмог свою ярость.

— Они удрали в Кум,— утвердительно заявил он.— Только в Куме они будут в безопасности, потому что знают, что против них поднимется весь Ю-Лак.

— В Кум, значит.— Я согласился с убедительностью его аргументов.— Хорошо...

Я повернулся, но он схватил меня за запястье.

— Куда ты собираешься?

— В Кум.

— Как ты туда попадешь?

— У меня есть флайер...

Он сразу вмешался.

— Они собьют тебя в пределах шестимильной зоны от своих морских укреплений. Здесь есть другой путь.

— Какой?

— Через то место, где вы видели танцовщиц Кора. Этот холл — часть древних Путей Мрака, туннелей, вырытых под поверхностью Кранда теми существами, которые трудились здесь раньше, чем стал господствовать человек. Путь в Кум, который находится здесь, для такого человека, который осмелится выбрать его.

— Я осмелюсь пойти по любой дороге,— горячо ответил я.

Закат продемонстрировал свои желтые зубы.

— С хорошим клинком в руке мужчина может разобраться в своей дороге. Когда мы отправляемся?

Трэн вынул из мешочка на поясе пачку листков для письма и протянул их мне.

— Составь просьбу о безотлагательном отпуске для себя и Заката...

— И для Анатана тоже!— воскликнул юноша.— Нет,— прибавил он, увидев несогласие на моем лице,— я пойду, так как собираюсь последовать вашему примеру.

— Тогда составь на троих. Посмотрим, хватит ли моих полномочий. Нам нужны запасы продовольствия и оружие...

Закат коснулся своего меча, но Трэн покачал головой.

— Если верить легендам, мы должны встретиться с некими опасностями, против которых нужно кое-что более убедительное, чем сталь.

— Даже так?— вмешался я.— Что ж, ресурсы моей службы для нее открыты. Оставьте меня на полчаса в большом арсенале и, клянусь, я смогу обеспечить нас средствами, достаточными, чтобы стереть весь Кум в прах.

Аналия вынесла решение.

— Пусть Лорд Гаран возвращается в свой арсенал и доставит оттуда оружие, о котором он говорит. Я провожу его тайными путями. За час до рассвета мы встретимся в десятом дворе.

— За час до рассвета? Так долго?— спросил я, представляя себе Трэлу, бьющуюся в костлявых руках этой женщины-демона, и неторопливую улыбку Кипты, намекающую на отвратительные пороки. Спокойно ходить туда и сюда, собирая оружие. продукты,— каждая трепещущая жилка во мне неистово запротестовала. Мне хотелось наброситься на Хозяина Кума, бить и бить его до тех пор, пока красная кровь не зальет пол. Сознание того, что Кум находится в сотне миль по воздуху от нашего побережья, и что это расстояние еще больше по Путям, не уменьшило моего нетерпения.

— Он не осмелится вредить ей,— спокойно сказал Трэн.

— Не сможет, даже если бы хотел.

— Что ты подразумеваешь?

— Сегодня он просил Императора отдать Трэлу ему в жены.

Мои пальцы сжались, как бы разыскивая призрачное горло. Никогда моя ненависть к Кипте не была такой жгучей. Это пресмыкающееся во мраке животное домогается — ее! Я улыбнулся и увидел, как Аналия поморщилась от этой улыбки.

— Еще один счет между нами,— пробормотал я и затем громко добавил.— Будь добра, хозяюшка, покажи мне ваши тайные пути. Чем быстрее я примусь за дело, тем скорее мы сможем двинуться по следу этого охотника из Преисподней.

— За час до рассвета в десятом дворе,— напомнил мне Трэн.

Я отрывисто кивнул, и мы с Анатаном вышли из комнаты вслед за сообразительной Аналией. Мы шли спотыкаясь за ней по разнообразным извилистым потайным ходам, проложенным в стенах. Впоследствии я узнал, что с самого начала эта тройка — Трэн, Трэла и Аналия — следила за строительством дворца удовольствий, догадываясь о его назначении. Главный проектировщик всех его чудес за плату передал собственный комплект чертежей, на которых каждый секрет был точно обозначен. В течение всех дней и ночей со времени открытия дворца Трэла и Аналия разыгрывали свои роли внутри его стен, непринужденно расхаживая по проходам, которые Кипта и Айла считали известными только им.

Наконец, мы вышли в узкую аллею, плохо освещенную и пустынную.

— Запомните хорошенько это место,— приказала Аналия, отпуская нас.— Когда вы вернетесь сюда, трижды постучите рукояткой меча. А теперь быстро уходите, пока вас не увидели.

Выйдя из темноты закоулка, Анатан не сразу нашел дорогу к общественной стоянке, где мы оставили флайер. У нас было в запасе немного времени, потому что город уже утих для нескольких часов сна — до восхода солнца. Нужно заметить, что я мало обращал внимания на улицу, по которой мы торопились, потому что мои мысли были направлены на содержимое военного склада, и я мысленно составлял список того оружия и личного снаряжения, которое должно пригодиться нам больше всего.

Поэтому это случилось, что первое предупреждение, которое встревожило меня, произошло, когда бредовое, слюнявое нечто

атаковало меня из прохода между двумя зданиями. Я хотел было выхватить меч, но сразу же отказался от этой попытки. Для клинка уже не было времени.

Я мельком увидел нападавшего, прежде чем он вступил в борьбу со мной. Черты его лица застыли в ужасной неподвижности курильщика райта. Из потрескавшихся губ капала слюна. Скрюченные пальцы тянулись, готовые вцепиться мне в глаза,— излюбленная манера атаки тех, кого райт превращает в зверей. К усиливающемуся ужасу, я увидел, что он носил знаки отличия унтер-офицера моих собственных войск.

Мой испуганный крик и пронзительные визги нападавшего слишком поздно донеслись до Анатана. Я был крепко зажат этим типом, поэтому Анатан не осмеливался ударить, опасаясь ранить меня.

Я оправился от потрясения, полученного при этой встрече, и ухитрился нанести резкий удар прямо по его горлу, прежде чем похожие на обрубки пальцы нападавшего вонзились и разорвали мою шею над краем доспехов. Этот единственный удар, который, должно быть, спас меня, попал, больше по воле судьбы, чем по моему замыслу, в нерв и таким образом на мгновение остановил его.

Загрохотав доспехами, мы упали на мостовую; нападающий все еще тянулся к моему горлу, в то время как я, извиваясь, как змея из отдаленных морей, старался освободиться от его захвата. Его окрашенные райтом зубы щелкали всего в полудюйме от моего тела, и я со смесью страха и отвращения понял, что бьюсь в руках одного из тех несчастных, кого райт превращает в хищников. Я был всего лишь мясом, чтобы утолить его хищное и противоестественное желание.

Полностью избавившись от внезапного шока, я схватил его запястье одним из тех захватов, заимствованных у лапидиан, посредством которых они могли заставить человека сломать свои кости. Существо верхом на мне завыло и снова защелкало зубами, на этот раз задевая мою кожу.

Я нажал на его запястья, и тогда зубы сомкнулись на моей левой руке, прокусив ее до кости. Благодарение Оуну, я сумел удержать свое сжатие достаточно долго, пока Анатан не пришел мне на помощь. Он изо всех сил ударил тяжелой рукоятью своего парадного меча по незащищенной голове курильщика райта.

Человек закрыл глаза и вздохнул, затем откатился от меня. Пошатываясь, я поднялся на ноги. Кровь капала из моей раненой руки и разбрызгивалась по мостовой. К моему полному удивлению, мы были одни. Шум нашей борьбы и крики нападавшего никого не привлекли. Я осмотрел пустынную улицу, а затем перевел взгляд на Анатана. Он спокойно кивнул, и я понял, что та же самая мысль, которая пронеслась через мою чувствующую головокружение голову, владела им также. На нас преднамеренно напали. Кто-то расставил ловушку, и мы вляпались в нее. Курильщика райта поместили здесь, чтобы навредить нам.

— Пусть лежит.— Анатан дернул головой по направлению

к безвольному телу моего недавнего противника.— Пойдем-ка лучше к флайеру, пока еще можно.

Охотно согласившись с ним, я обмотал краем плаща кровоточащую руку, и мы дали ходу. Не замедляя шага, мы прошли более ярко освещенный и заполненный народом проспект. Вскоре мы шли, тяжело дыша, по откосу к общественной стоянке.

Нам пришлось подождать, пока сонный служащий отыскал наш флайер. Что касается меня, я вздохнул с облегчением только тогда, когда мы очутились в узких пределах закрытой кабины флайера.

— Направляйся к арсеналу,— приказал я Анатану,— и приземляйся на его крышу. Мне не хотелось бы еще раз рисковать этой ночью. Когда будем возвращаться, постарайся посадить машину в той аллее.

— Трудное дело,— прокомментировал он.

— Но легче, чем еще одна встреча с курильщиком райта. А сесть там можно, если будешь внимательным.

Секундой позднее наш садящийся аппарат коснулся плоской крыши приземистого арсенала, где хранились секреты моих войск, предназначенные для защиты всего Ю-Лака.

Пути Мрака

В туманном свете крошечного радиевого жезла, который хранился в моем поясном мешочке, я отыскал люк, закрывающий трап, который отпирал эту и любую другую дверь в пределах военного квартала. Я собирался это использовать.

Однако, потребовалась помощь Анатана, чтобы поднять эту тяжелую плиту из окованного металлом камня и откинуть ее на крышу. Снова вступил в действие мой радиевый жезл, освещая плотный мрак под нами.

Точно помня, в какие цейхгаузы мне хотелось бы попасть, я поспешил вниз по трапу и через лабиринт коридоров, выходивших на него, пока, наконец, не подошел к двери, отмеченной широкой алой полосой. Пока я отпирал ее, мои пальцы так дрожали, что ключ звенел о замочную пластинку, ибо я твердо верил, что бегу наперегонки со временем.

Внутри, аккуратно уложенные в застекленные ящики, находились чешуйчатые костюмы, покрывающие человека с головы до ног, даже до кончиков его пальцев. Они были легки по весу, но подвергались химической обработке, так что противостояли всем известным смертельным газам и тепловым лучам. Указав Анатану на них, я распорядился:

— Отбери этих костюмов для нас всех. Я присоединюсь к тебе позднее на крыше.

Оставив его здесь, я спустился уже по другому трапу этажом ниже, разыскивая комнату, где хранились некоторые новые лучеметы последнего образца, все еще не взятые на вооружение.

На полигоне они произвели превосходное впечатление как в точности, так и в дальнобойности, но все же их стоимость не удовлетворяла наших экспертов.

Я отложил шесть маленьких, похожих на факел, жезлов и дополнительные заряды к ним — зеленые, фиолетовые и инфракрасные линзы. К новому и недостаточно испытанному оружию я добавил равное количество находящихся в употреблении моделей, снова с дополнительными зарядами. Затем, когда уже повернулся уходить, я натолкнулся на пояс из кожи грифа с большим радиевым осветительным элементом — вид снаряжения, которое носили те, кто осмеливался спускаться в подземелья Лапидиана. Я добавил это к своей добыче.

Вернувшись на крышу, я нашел там Анатана, нетерпеливо расхаживающего около флайера. Кроме неразрушимых чешуйчатых костюмов он обнаружил четыре боевых меча старинного образца, которые предназначались для рукопашного боя на поле битвы и не использовались как парадные украшения.

Мы опустили люк на место, и я запер его. Когда мы сели в флайер, Анатан нажал на рычаг, который отправил нас высоко в небо. Избегая патрулей, совершающих свои регулярные дозорные полеты над городом, мы летели по более высокой трассе, чем раньше.

К счастью, дворец удовольствий легко было обнаружить с высоты, и Анатан отыскал нашу аллею. Затем, несмотря на свои сомнения, он совершил искусный пример маневрирования, приземлившись на мостовую в десяти шагах от двери. Если бы у нас не было одного из самых маленьких личных кораблей, он не смог бы сделать это. Как бы то ни было, мы добрались до места назначения, хотя полированные бока флайера находились всего лишь на расстоянии вытянутой руки от деревьев по сторонам аллеи.

Мы подняли нашу добычу и нагруженные пошли к двери. На мой стук она открылась плавно и бесшумно и показалась Аналия; яркий отблеск ее платья и украшений затерялся в тени.

Мы снова пошли по тем же извилистым проходам в стенах, пока не прошли через отверстие в маленький бедный дворик. Здесь находились Трэн и Закат, склонившиеся над рваной полоской пожелтевшей рыбьей кожи — материи, на которой древние народы нашей расы увековечивали свои действия.

— Вы уже вернулись? Хорошая работа, Лорд Гаран. Что вы принесли нам?

Я торопливо объяснил, что выбрал из оружия, и предложил Трэну для осмотра один из чешуйчатых костюмов. Хрустальные восьмиугольные чешуи костюма сверкали при свете как драгоценные камни. Закат погладил его с любовью, какую испытывает каждый воин к полезному оружию своей профессии. Но его интерес значительно возрос, когда Анатан показал старинные боевые мечи.

— Хорошая сталь.— Он провел большим пальцем по сверкающему лезвию одного из них.— Я предпочту иметь это, чем

все лучевые жезлы на Кранде. Сталь никогда не подведет человека. Ты молодец, Анатан.

— Похоже, что ты не без успеха ограбил свой арсенал — согласился Трэн, вторично проверяя нашу добычу.— Мы тоже не бездельничали, пока вы путешествовали.

Он махнул рукой по направлению к углу дворика, где были свалены в кучу небольшие контейнеры с пищевыми концентратами и сосуды с так называемыми «водяными» леденцами, которые использовались на марше через пустынные страны. Обработанные пища и вода, которых хватало человеку на много дней, могли поместиться в поясном мешочке не больше двух моих кулаков Кроме того, имелась карта, над которой они стояли склонившись, когда мы вошли.

— Мы очень мало знаем о подземных путях. Мы, смертные, исключая извращенных лапидианцев, избегали нижних дорог — Трэн показал на разглаженную карту.— Но всегда находились те, кто искал знание в необычных местах. Таким был солдат Ким-каменщик, живший в Ю-Лаке около пяти тысяч лет назад.

Они тогда были котлованы первых крупных защитных башен и, желая обеспечить их неразрушимым основанием, продвинулись много глубже, чем когда-либо проникали раньше. На двадцать седьмой день земляных работ они обнаружили секцию одного из Путей Мрака.

Ким-каменщик добивался и получил разрешение проникнуть и исследовать неизвестный проход, принимая во внимание возможное будущее использование его для военных целей. Он был не в состоянии собрать каких-нибудь сторонников и пошел один. Снаряжение в те времена было, конечно, значительно хуже того, которым располагают наши подземные исследователи на сегодняшний день, но он сумел обследовать и составить карту обширной части Путей, решетящих горные породы, на которых стоит Ю-Лак. Все указывало на то, что эти громадные туннели и комнаты были выдолблены механическими средствами, и предполагалось, что они были плодами мастерства той нечеловеческой расы, которая предшествовала нам в господстве над этой планетой. Первое подземное путешествие только возбудило в Киме-каменщике жажду дальнейшего знания. Он ходил снова и снова и в конце концов не вернулся. Между тем Амист Великий, Император Ю-Лака в тот период времени, посчитал за лучшее закрыть отверстие.

Он принял это решение сразу же после того, как получил конфиденциальный отчет, составленный Кимом-каменщиком после возвращения из предпоследнего путешествия. Можно легко догадаться, что воин-исследователь открыл нечто чрезвычайно опасное для города. Что бы это ни было, но его отчет никогда не публиковался.

До середины прошлого года все самые ранние отчеты и карты Кима-каменщика спокойно хранились в библиотеке Ученых в Семте. Но, когда я из любопытства захотел посмотреть их, оказалось, что они исчезли, за исключением этой единственной

рты, которая зацепилась за крышку ящика, где они хранились. Служащий сообщил мне, что Кипта из Кума, имевший разрешение главного библиотекаря, забрал их для личного изучения.

Потом был построен этот дворец, и галерею прокопали до пересечения с одним из Путей, нанесенных Кимом-каменщиком на карту. В то же самое время Кипта проявил неожиданный интерес к очень древним храмам Кора и несколько раз полусекретно побывал в них. А Кор, как мы знаем, является последним оплотом той таинственной религии, вышедшей из забытых ритуалов Древнейших Существ.

Оставив эту единственную карту, Кипта оставил мне могущественное оружие. Потому что на этой карте начерчено то, в чем мы больше всего сейчас нуждаемся,— путь под океаном в Кум. Предание гласит, что именно по этому пути пошел Ким-каменщик в то последнее путешествие, из которого не вернулся. Судьба, постигшая Кима-каменщика пять тысяч лет назад, может до сих пор ожидать тех, кто последует по его стопам сегодня. Но я уверен, что это та дорога, по которой Кипта и Айла ушли сегодня ночью. Где-то на ней может находиться опасность, которая заставила Амиста герметически закрыть Пути. Существует ли та опасность до сих пор?

Закат фыркнул.

— Мы можем только пойти и посмотреть.

Я разложил чешуйчатые костюмы и выделил каждому оружие. Трэн рассмеялся.

— Похоже, что порода Кима-каменщика не перевелась. Давайте готовиться.

Мы сбросили парадные доспехи и нижние туники, потом натянули плотно пригнанные чешуйчатые костюмы. Основная материя, на которую крепились защитные чешуи, имела эластичные свойства и плотно прилегала к коже владельца. Гротескная маска, оборудованная ожс-линзами, которые давали мощное увеличение далеких объектов и, кроме того, давали возможность тем, кто использовал их, ясно видеть в почти абсолютной темноте, висела у каждого через плечо, так что ее в любое время можно было натянуть.

Полностью закрытые таким образом, мы были, насколько мне известно, неуязвимы для любого применяемого оружия. Гладкая поверхность чешуй затупляла и отводила самое острое лезвие, а также противостояла сжигающим или замораживающим лучам.

Поверх чешуйчатых костюмов мы опоясались найденными Анатаном мечами, прицепив к своим поясам, кроме того, лучеметы старого и нового образца. Дополнительные заряды для наших жезлов и маленькие баночки с продовольствием вошли в сумки из кожи грифа, которые мы забросили на спину.

Когда мы были готовы и повернулись к двери, нас ожидала пятая чешуйчатая фигура. Аналия, скинув рыжий парик и распустив черные волосы, застегивала на талии пояс с радиевым осветительным элементом. После этого она спокойно прицепила

к поясу лучевые жезлы, перед тем как наклониться за сумкой с продовольствием.

— Аналия!— закричал ее брат.— Что за безумие?

— Я тоже иду,— хладнокровно прервала его Аналия.— Где Трэла находится, туда и я последую. И ты не можешь отказать мне. Я берусь за это рискованное дело с открытыми глазами, точно так, как делала с самого начала. Пути Мрака могут вмещать не больше опасности, чем было в этом дворце. Я иду.

После этих слов она повернулась и исчезла за дверью. Я взглянул на Трэна, который складывал оставшийся чешуйчатый костюм — Анатан принес шесть вследствие какого-то соображения — в такой маленький сверток, какой мог, чтобы сунуть его в свою продовольственную сумку. Он посмотрел на меня с улыбкой.

— Когда женщина говорит таким голосом, Лорд Гаран, лучше позволить ей поступить по-своему сразу, потому что даже дискуссия в течение многих лет не заставит ее изменить свою точку зрения. Аналия не задержит нас; служа своей госпоже, она не раз доказывала свою силу и ловкость. Пусть идет.

Итак, я был вынужден уступить, хотя мне, конечно, не по душе была мысль, что женщина разделит с нами опасности неизвестного. Мое неудовольствие разделял Анатан, который был взбешен. Только Заката ничего не беспокоило, так как он страстно желал испытать опасности дороги, лежавшей перед нами.

Аналия ждала нас в холле, и под ее опытным руководством мы пробирались через сеть коридоров и комнат в поисках того ската, который вел вглубь, которым мы шли так недавно — и все же так давно. Несмотря на мои невысказанные сомнения, мы не привлекли внимания ни в одной из комнат, через которые проходили. Наша странная одежда характеризовала нас как шутов некоторого сорта для немногих полупьяных глупцов, на которых мы наталкивались.

Еще раз мы нашли и спустились по широкому скату, но теперь не было слышно гипнотического пронзительного ритма, чтобы запутать наши ноги и мысли,— лишь сухое и пыльное безмолвие, как в примитивных горных храмах Ру, безмолвие, полное пыли исчезнувших веков. Светильники теперь не меняли оттенка и мерцали лишь бледно-серым светом, когда мы продвигались вперед, пока, наконец, совсем не погасли, и мы остановились, чтобы натянуть свои маски с их пронзающими тьму глазными экранами.

Снова под нашими ногами был черный пол, но теперь наполненный гниением луч не исходил из вышины, а крылатые, танцующие фигуры исчезли. Здесь инициативу взял на себя Трэн, быстро поведший нас вперед через обширную пустоту этого покинутого зала.

Другой скат, на этот раз такой крутой, что мы были вынуждены ухватиться за перила из полированного временем камня, открылся перед нами, и Трэн, не колеблясь, ринулся вниз по нему. На полпути спуска он опустился на колени и поднял какой-то предмет, который протянул нам. На ладони его чешуйчатой пер-

чатки мерцал обрывок блестящего материала, который украшал платья Трэлы и Айлы.

— Этот вестник говорит нам, что мы следуем по верному пути,— сказал он и бросил обрывок. Но я остановился и отыскал его, а затем спрятал в свою сумку.

Мы спускались все ниже и ниже во все сгущающуюся тьму, тьму, которая могла полностью подавить нас, если бы не было наших окс-линз. Аналия хотела было включить радиевый элемент-фонарь, не зная, что или кто могло находиться в ожидании нас внизу, но Трэн не разрешил. Пока мы могли видеть, лучше было не предупреждать о нашем приближении.

Я заметил перемену в характере стен. Раньше они были из гладкого блестящего камня, а теперь из больших блоков какого-то серого вещества, которое имело слегка отталкивающий блеск, как будто покрытое слоем слизи. Трэн кивнул на них.

— Мы вошли в Пути. Ни один, кто когда-либо видел работу Древнейших Существ, не сможет спутать ее ни с чем другим.

Не останавливаясь, мы шли по скату, становившемуся все круче, так что нам пришлось ослабить до некоторой степени наш безудержный темп и крепко держаться за перила. Я уже начал опасаться, не станет ли этот спуск чересчур крутым для наших ног, когда он внезапно сменился похожей на глубокий желоб тропой, бегущей почти по горизонтальной поверхности в густую тьму перед нами. Как только я шагнул на эту непонятную мостовую, то почувствовал, что те, кто построил такой путь для собственных забытых надобностей, были полностью чужды мне и всем теплокровным живым существам, подобным человеку, настолько чужды, что я не мог представить себе их истинные формы и цели. Для чего служила эта дорога, выполненная ими, и другие подобные ей? Кто ходил по ним?

Первые несколько шагов убедили меня, что дорога никогда не предназначалась для человеческих ног. Потому что она обладала закругленной приподнятой серединой, с которой мы постоянно соскальзывали. Для того, чтобы удержаться на ногах, мы были вынуждены сбавить скорость и перейти на явное перемещение ползком.

Я не могу сказать, сколько миль и сколько часов мы шли этой прямой, неразветвляющейся дорогой. Однако, мы трижды останавливались подремать и перекусить. Ничего нельзя было увидеть или услышать, только темнота, пронизываемая силой наших линз на расстоянии нескольких футов.

Во время третьей остановки Трэн достал карту из рыбьей кожи, и Аналия осветила ее своим поясным фонарем, так что он смог проследить путь, который прошли, и путь, который мы еще должны пройти.

— Здесь есть крутой поворот направо и та дорога, по которой мы должны следовать. Мы должны быть почти у него.

— Тогда пойдем дальше к этому повороту,— сказал Закат, вскакивая на ноги.— Пока в этой змеиной норе было мало интересного для бойца. Где же находится то опасное, о котором Ким-

каменщик жужжал в уши своего господина?

— Где-то перед нами, милорд. Я все-таки верю Киму-каменщику и его рассказам. Пойдем дальше и проверим их?— Трэн скатал карту и спрятал ее в свой мешок.

Мы поднялись на усталые ноги и пошли дальше. Именно так, как Трэн показал нам на карте, наша дорога резко разделилась на две, причем одна ветвь шла вправо. Анатан и его сестра уже повернули на нее, когда мне бросилось в глаза что-то блестящее на поверхности другого ответвления. Мои пальцы сомкнулись на втором маленьком клочке платья. Я протянул свою находку другим.

— Неужели карта ошибочна?— спросил я Трэна.— Судя по клочку, это так.

— Если это только не приманка, чтобы направить нас по ложному следу.

— Тоже верно. Однако, есть только один способ проверить это.

— А именно?

— Разделить нашу группу. Каждый отряд последует в ответвление. Смотрите, я ставлю небольшой инфракрасный заряд в свой лучевой жезл. Пока он горит, я буду идти по этой дороге. Если я ни на что не натолкнусь в течение этого времени, чтобы подтвердить свой выбор, то вернусь сюда и последую за вами. Вы сделаете то же самое.

Трэн сразу согласился.

— Это наиболее благоразумный подход. Кто пойдет с тобой?

— Закат,— немедленно ответил этот человек.— Мы и раньше вместе охотились.

— Хорошо.— Трэн порылся в своей сумке, чтобы найти и установить заряд в жезл на поясе, и я сделал то же самое. Когда, наконец, оба были зажжены, мы попрощались друг с другом на время и отправились по маршрутам, которые выбрали,— Трэн, Анатан и Аналия направо, а мы с Закатом прямо вперед. Моя рука сжала эти два клочка в сумке, когда мы пошли.

Мы отошли на некоторое расстояние, когда Закат приподнял край маски и понюхал воздух.

— Ты не чувствуешь никакого запаха?

Я последовал его примеру. Затхлая сухость воздуха была с привкусом приторного запаха, запаха сладковатого и все же тошнотворного гнилостного.

— Да,— ответил я.

— Не нравится мне это. Здесь такая же вонь, как в некоторых старых горных погребениях. Впереди нас ждет что-то неприятное. Но это отнюдь не причина для возвращения.

По мере нашего продвижения зловоние усиливалось и, к моему изумлению, свет из лучевого жезла медленно изменил цвет, приняв пурпурный оттенок. Я обратил на это внимание Заката.

— Какая-то дьявольская игра. Здесь находятся вещи, с которыми людям лучше не связываться. Наш друг из Кума охотился на запретных тропах. Однако теперь охотятся за ним; а это сов-

сем другое дело. Давай отыщем источник этого запаха.

Мы внезапно дошли до крутого поворота на дороге, первого поворота, который нам встретился. Осторожно обогнув изгиб, мы обнаружили, что находимся на краю неизвестности...

Существо из Бездны

Тропа резко оборвалась у края неизмеримой бездны. Из ее глубин доносилось слабое вздыхающее бормотание, отдаленное жужжание, как будто какая-то форма жизни существовала и ползала далеко под нами.

— Конец,— сказал Закат.— Наш выбор оказался ошибочным.

— Сомневаюсь,— задумчиво сказал я. Мое внимание привлекло что-то подвешенное над бездной. Две длинные цепи, из того же материала, как и тот, из которого были возведены стены Пудей, висели туго натянутые и устойчивые, как будто они поддерживали какой-то невидимый груз. Я отстегнул лучевой жезл и направил его перед собой, так что пучок световых лучей до сих пор горевшего заряда смог охватить то, что должно было висеть между цепями.

— Ах...— замурлыкал Закат как гигантская Ана, потому что луч высветил мост из какого-то поглощающего свет материала, мост, тянущийся за завесу тьмы.

Перемещая луч, я проследил очертания моста, чтобы увидеть, где он касался нашего края пропасти. Но он не соприкасался. Он обрывался на расстоянии добрых трех футов в куче разбитых осколков. Разрушился ли он недавно, или столетия назад — нам никто не мог рассказать, но этот пролом оказался эффектной преградой.

Я оценил длину позади нас. Человек, если он был проворным и не боялся высоты, мог бы преодолеть брешь прыжком с разбега — если Оун будет добр к нему. Однако, мост обладал гладкой поверхностью и она изгибалась в виде гребня, который с самого начала служил для нас помехой, а внизу сияла бездна.

Закат так же быстро, как и я, принял наш единственный шанс.

— Один должен стоять здесь,— сказал он,— и направлять луч на край этой гибельной западни, в то время как другой прыгает. Затем, если с помощью Оуна удастся совершить это, он должен проделать то же самое, пока его товарищ не присоединился к нему. Просто, но смертельно опасно.— Он засмеялся.

Выбора у нас не было. Затянув пояс и крепко привязав мешок с продовольствием за плечами, я приготовился. Затем, прежде чем он смог запротестовать, я сунул свой лучевой жезл ему в руки и вернулся назад до конца коридора. Я стремительно пронесся мимо Заката, который пригнулся у края бездны с жезлом наготове, чтобы освещать мне место приземления.

Затем я опустился над пучиной; сердце билось так, что отда-

валось в ушах. Мои ноги коснулись гладкой поверхности моста и соскользнули. В стремительном броске я метнулся вперед, мои напрягшиеся пальцы сомкнулись на этом срединном гребне. Изгиб, который казался нам самой большой опасностью, спас меня. Я намертво вцепился в него, лежа вниз лицом на бледной призрачной поверхности, пока мое дико колотящееся сердце не успокоилось. Тогда с помощью одной из гигантских поддерживающих цепей я смог подняться на ноги.

Из продуктового мешка я вытащил два мотка тонкой прочной кожаной веревки, которой Трэн сообразил снадбить нас. Одной я привязался к цепи, к другой привязал груз — консервную банку — и перебросил ее через пустоту Закату. Он прикрепил к ней мой лучевой жезл, и я потянул веревку обратно.

Пока она качалась в пространстве, я испытал, возможно, самое жуткое переживание, какое любой человек моего мира мог когда-либо представить себе. Потому что, когда луч больше не бил в мост, тот исчез из поля зрения, и мне показалось, что я стою на разреженном воздухе, хотя мои ноги ощущали твердую поверхность.

В то же мгновение факел оказался в моей руке. Снова разбитый на куски конец моста появился из небытия.

Закат приготовился и исчез в том направлении, откуда мы пришли. Затем вылетел из устья коридора по направлению ко мне. Видимо, он оттолкнулся с большей силой, чем я, потому что удачно приземлился, и я помог ему подняться на ноги.

— Это же гнездо дьявола, если здесь когда-либо существовал хоть один,— сказал он тяжело дыша, когда снова встал прямо.— Мне даже не хочется думать об обратном путешествии. Нет, давайте зажжем оба факела. Что касается меня, то я не хочу шагать по бессодержательному воздуху, даже если мои ноги утверждают обратное.

Я отвязался от цепи, служившей мне опорой, и мы отправились в это невероятное путешествие над бездной. Строители и инженеры Древнейших Существ, должно быть, обладали великим мастерством, но как чужды были их мысли для человеческой расы. Я восхищался мужеством Кима-каменщика, который проникнул внутрь Путей один, защищенный только слабым снаряжением своего времени. Возможно, этот пролом в мосту и объяснял, почему он не вернулся из своего последнего рискованного предприятия.

— Запах заметно усиливается,— прервал Закат мои мысли.

Он поднял светильник и направил его луч далеко вперед. Точно внутри круга света ч т о - т о двигалось. Закат внезапно остановился.

— Это и в самом деле полностью проклятое место. Похоже, нас тут поджидает нечто... Я никогда не предполагал, что стану верить в ночных демонов. Однако, это существо, или призрак, возникло при освещении. Ты понимаешь, что это означает?

Я понимал даже слишком хорошо. Это ч т о - т о было невидимым при обычном освещении, таким же невидимым, как и мост,

тогда как при инфракрасном освещении они были различимы. И оно двигалось по направлению к нам.

— Я думаю, надо оставаться здесь,— продолжал Закат, когда увидел, что я понял смысл его слов.— Лучше предоставить незнакомцу первому показать свою силу, так чтобы мы могли разнюхать его слабое место. Говоря о слабостях...

Запах разложения и непотребного гниения становился трудно переносимым в неподвижном воздухе и значительно усиливался с каждой минутой. Казалось, теперь я мог уловить слабый звук — зловещее шарканье.

Закат снова поднял свой светильник и послал луч вперед. Значительных размеров что-то попятилось от сияния.

— Прекрасно, как бы то ни было, оно не симпатизирует этому свету,—заметил с удовлетворением мой товарищ.— Этой слабостью мы можем воспользоваться. Заряди свой жезл, и мы заставим его убраться.

С четырьмя жезлами, испускающими лучи, мы шагнули вперед. То, что загораживало нам путь, отступило. Мы не увидели ничего, кроме темной массы, неуклюже, но быстро движущейся от наших лучей.

Развязка наступила довольно быстро. То, что бежало от нас, набралось храбрости или, может быть, разгадало секрет наших светильников, потому что, когда мы опять двинулись вперед, оно не пошевелилось, а припало к поверхности моста, ожидая нас.

Я видел кошмарных рептилий подземных лапидианских болот и летающие ужасы холианских солончаковых равнин, но то, что было перед нашими глазами на невидимом мосту в Путях, было гораздо более отвратительным для человеческого глаза, чем те. Во-первых, его почти невозможно было рассмотреть — свет наших жезлов выхватывал только слабые туманные очертания. Оно не обладало конкретной формой, так как его тело казалось странно подвижным, как будто оно могло изменять внешний вид по желанию.

Самой ужасной принадлежностью у него были глаза, горящие как тусклые пурпурные фонари в складках рыхлой серой плоти. Оно, казалось, не имело конечностей, кроме массивных тумб жира, оканчивающихся всасывающими подушечками, с помощью которых оно передвигало свое задуманное дьяволом тело.

— Вонючие ночные птицы Депта,— выругался Закат,— здесь ползает то, что заставляет человека не верить своим глазам. Если это было то, чего испугался Ким-каменщик...

Не приняв быстроту, с которой оно предварительно избегало нас, существо поползло вперед, создавая своими подушечками тот слабый шаркающий звук, который я отметил раньше. Глаза прочно удерживали нас в паутине ужасного обаяния.

Существо перед нами имело разумный мозг. Возможно, сильно непохожий на наш, но мозг, который был даже выше по возможностям, какими он обладал. Интеллект высокого порядка светился в этих удивительных глазах.

Однако, ползун был ошеломлен этой встречей так же, как и мы. Я ощущал волну любопытства, исходящую от него. Оно не было, я чувствовал, злым, так как мы знали истинное зло. Как только я посмотрел в эти горящие глаза, я получил некоторое представление об ужасно чуждой расе и ее невероятной цивилизации. Расе, далекой от наших моральных стандартов. Поэтому, хотя я чувствовал отвращение и некоторый ужас, мне было не страшно.

Остановившись на некотором расстоянии от нас, существо собралось в комок и приподнялось, создавая впечатление о некой обстановке, чтобы посидеть и подумать о поставившей его в тупик проблеме. Оно недолго смотрело на нас, а затем, повернув круглую червеобразную голову, взглянуло вниз, в бездну.

Из глубины донесся тонкий воющий крик. Затем из темноты наверх вылетело что-то сверкающее как серебро, парящее на широких крыльях. Оно грациозно кружилось и порхало вокруг места, а потом, наконец, сложило крылья и встало рядом с бесформенным чудовищем.

По виду оно походило на человека: то-есть, оно обладало стройным телом и конечностями, которые соответствовали нашим рукам и ногам. Но все четыре конечности заканчивались всасывающими подушечками, как у ползуна. Голова была круглой и, казалось, не имела характерных черт, кроме больших пурпурных глаз. Бахромистая перепонка служила ему волосами. Последняя медленно выпрямилась, когда оно осматривало нас, пока оболочка не окружила круглую голову как светящаяся туманность.

В моем мозгу зазвучали слова:

— Зачем ты топчешь Древние Пути, человек?

Я кое-что знал о мысленной передаче, применяемой Учеными, поэтому осторожно продумал до конца свой ответ вместо того, чтобы произнести его вслух.

— Я преследую врага из своего мира.

Серебряное существо обернулось к ползуну, и у меня создалось впечатление, что был задан какой-то вопрос и получен ответ. Затем снова пришел вопрос:

— Он прошел этой дорогой?

— Думаю, что да.

Мой ответ, казалось, возбудил эти создания. Я почему-то знал, что они были взволнованы и выбиты из привычного равновесия. Теперь уже я задал вопрос:

— Вы те, кого мы называем Древнейшими Существами?

Я почувствовал их насмешливое пренебрежение.

— Нет, мы только глина, которой они придали форму на своих гончарных кругах. Древнейшие существа уже давным-давно исчезли. Мы остались. Мы должны здесь кое-что делать. Глупец, глупец! Тратишь впустую свои дни, преследуя врагов, в то время как гибель быстро подступает к этому слабому миру!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Спроси того, кто прошел через забытые Пути до тебя. Разыщи его, человек.

Затем вся связь между нами прекратилась, потому что внезапно опалесцирующие огни запорхали по массе ползуна. Он поднялся и опустился. На жирных складках его тела появились огромные раны. Его плоть расползалась кусками. Я вздрогнул под ударом мысленных волн, бьющихся в непередаваемой агонии. Его спутник взлетел и завис над ним на мгновение, затем повернулся и умчался.

Ползун снова приподнялся и, по-видимому, ослепленный, неуклюже двинулся к краю моста. Какое-то мгновение он постоял, пошатываясь, а затем нырнул вниз и исчез. Мы остались одни.

Закат встряхнулся, как бы избавляясь от зловещего сновидения.

— Что бы все это значило?— спросил он.

— Ползающее существо встретило смерть, как представляют ее жители преисподней, но это не естественная смерть,— ответил я.— Другой, вероятно, полетел разыскивать причину.

— Давай-ка уйдем с этого места,— Закат вздрогнул, когда посмотрел вниз, в пустоту, поглотившую умирающего ползуна.

Мы снова отправились по этому ненадежному пути и отбросили всякую осторожность, потому что нам хотелось вновь ощутить твердость прочного грунта под собой. Сухость в горле и острые спазмы в животе побуждали меня устремиться к пище, но Закат не хотел останавливаться, говоря, что лучше дойти до конца моста прежде, чем делать привал. Больше мы не видели крылатой фигуры и не натыкались на другого ползуна, и я уже почти уверил себя, что мы стали жертвой собственных фантазий, если бы не более поздние события.

Наконец, мы дошли до конца этого жуткого моста и на этот раз спокойно шагнули с невидимости на твердую почву. Закат запнулся, упав на колени. Когда он поднялся, то держал небольшой металлический конус — распространитель разрушающих лучей.

— Я думаю, что вместо ползуна мы должны были почувствовать дыхание этого.— Он задумчиво потрогал конус.— Эта смерть была предназначена нам. Хозяин Кума перестал смотреть на нас как на забаву.

В воздухе над нашими головами кто-то закружил и запорхал. Поддерживаемый широко раскинутыми крыльями висел серебряный призрак из бездны. Он задержался на секунду, а затем снова исчез, но за это мгновение я почувствовал озноб от холодной и смертельной ненависти, направленной не на меня, а против того, кто оставил этот предательский конус.

Закат с нескромным удовлетворением посмотрел на меня.

— Похоже, вместо двух охотников стало трое. Это существо из бездны враг не из приятных. Сейчас Кипта взбаламутил глубины самого Ада. Может быть, Оун допустит, чтобы мы первыми настигли его!

Охотно поддержав это пожелание, я шагнул на изогнутую дорогу. Получив подтверждение через смерть ползуна, что мы находимся на правильном пути, я позволил себе уменьшить мощность лучевых жезлов, сохраняя таким образом ту часть заряда, которая еще оставалась.

Наше путешествие в течение долгих часов было только повторением того, что мы совершили на другой стороне разбитого моста. Тропа бежала по прямой между глухих стен. Ничего не было видно и слышно. Три раза мы останавливались отдохнуть и поесть, затем снова шли дальше. Я размышлял о том, что если Трэн, верный нашему соглашению, последовал за нами, то как он переправился через пропасть.

Я потерял счет времени в этой лишенной солнечного света норе, но, должно быть, прошло несколько дней после последней встречи с серебряным существом, когда мы внезапно вступили в область, где стены испускали мягкий фосфоресцирующий свет. Он усиливался по мере нашего продвижения вперед, пока, наконец, мы не получили возможность совсем сбросить свои маски.

Коридор, по которому мы следовали, кончился у подножия откоса, и мы без колебания начали подъем. Наверху находилась запертая дверь из какого-то материала, непохожего на тот, которым были облицованы Пути.

Мы навалились на нее, и она начала поддаваться под нашими усилиями. Постепенно отжав дверь, пока щель не стала достаточно большой, чтобы протиснуться через нее, мы вытащили жезлы и вошли.

Небольшой коридор, в котором мы очутились, был вполне совершенным и соответствовал нашему миру; чуждая атмосфера Путей исчезла. Мы крадучись скользнули вперед, производя своими покрытыми чешуей ногами, несмотря на все усилия, шуршащие звуки на полу.

В конце концов мы очутились перед другой дверью. Нам снова пришлось напрячь всю силу, чтобы сдвинуть ее массивную створку.

Я был полностью ошеломлен и чуть было не вскрикнул, когда мы протиснулись внутрь этой второй двери. Перед нами находилась гигантская лаборатория. Мой неподготовленный ум не мог понять значение даже одной тысячной чудовищных приспособлений, собранных здесь. Мы стояли в тайной лаборатории Кипты, куда даже Ученые никогда не проникали.

Закат, не обращая внимания на то, чего он не понимал, двинулся вдоль этой коллекции сверхнаучных приборов. Минутой позже самонадеянность покинула его с единственным приглушенным восклицанием. Когда я присоединился к нему, то увидел ряд ящиков с прозрачными крышками, стоящие в узком проходе. Даже теперь я не могу позволить себе остановиться на том, что содержали эти ящики. Достаточно сказать, что мозг, ответственный за содержимое, должно быть был абсолютно, нечеловечески безумным.

Отвернувшись от этого омерзительного зрелища, мы побежа-

ли по проходу, забыв об осторожности. Если бы я не ненавидел Кипту до глубины души еще раньше, то почувствовал бы к нему отвращение после этого единственного быстрого взгляда на результаты его отвратительных экспериментов.

Мы снова подошли к откосу, поднимающемуся вверх. Мы стали подниматься, полные страстного желания покинуть это место безумных ужасов. В верхней части откоса находился холл, не более чем передняя для какой-то комнаты, скрывающейся за занавесом. Приглушенный шум голосов остановил меня, когда я потянулся отстранить ткань.

— Таким образом, это скоро начнется, моя дорогая Трэла. Разве не ясно? — донесся до нас обходительный голос Кипты.

Однако ответ был приглушенным, как будто говоривший пристально смотрел на какое-то ужасающее зрелище.

— Ясно.

— Тогда вы должны согласиться со мной, что наша надежда заключается...

Дальнейшие слова слились в неразборчивое бормотание, как будто Кипта удалился от нас. Я не стал больше ждать. Протянув руку, я рванул занавес.

Обреченный мир

— Гаран! — Глаза Трэлы, широко раскрытые от удивления, были прикованы ко мне.

Кипта быстро обернулся, рычание сорвалось с его искривленных губ.

— Дьявольщина! Я думал, ты...

— Мертв, Кипта? Нет еще — твой луч убил другого.

— Трэна! — снова воскликнула Трэла.

— Нет. Существо из бездны. Его спутник установил твою вину. Я бы на твоем месте держался подальше от Путей, Кипта. Конечно, если ты живым пересечешь порог этой комнаты. Что ты предпочитаешь? Сталь против стали, или голую силу? Это час расплаты.

Он рассмеялся мне в лицо, его минутное замешательство исчезло.

— Ты думаешь, что я унижусь до обмена ударами с таким как ты, солдат? Здесь я хозяин, как ты скоро узнаешь?

Он отступил к дальней стене. Я не нуждался в предупреждающем крике Трэлы. Я прыгнул, но было слишком поздно. Под его рукой стена, казалось, растаяла, и он исчез. Я ударился о твердую поверхность и был отброшен назад, контуженный, на пол.

— Он такой скользкий, как ящер из глубин, — гневно заметил Закат.

Совершенно разъяренный своей неуклюжестью, я мог бы попытаться проломить эту стену, если бы бесполезность такой попытки не была очевидной с самого начала. Взамен я отправился

на поиски какой-нибудь двери, которая дала бы мне возможность выследить Хозяина Кума.

— Нет!— Трэла потянула меня назад.— Сейчас не время для личных распрей или мести! Смотри!

Она показала пальцем вниз на установленную в полу плиту. На монотонной чёрной поверхности мерцали и сверкали крошечные искорки света.

— Что это?— тупо спросил я.

— Гибель идет на Кранд и на всех нас!— Никогда я не слышал такого тона печальной уверенности, как тот, который звучал в голосе Трэлы.

— Ты не понимаешь? Это карта звездного неба, мириадов миров, делящих с нами эту вселенную. Один из этих далеко расположенных миров сбился со своего обычного пути и мчится в пространстве — снаряд, нацеленный богами на Кранд! Бессчетные сотни лет он двигался к нам и было время, когда мы могли избежать гибели...— Она запнулась, а ее пальцы дергали рваное платье.— Могли бы избежать гибели, ты понимаешь? Спокойно расположились бы в другой точке пространства и выждали бы, пока разрушение пройдет мимо нас! Но Кипта лишил нас этого шанса, нашего единственного шанса. Ему нужна была энергия для его отвратительных экспериментов, поэтому он совершил непростительный поступок, деяние, которое Ученые еще сто тысяч лет тому назад поклялись никогда не совершать. Он использовал энергию нашего солнца!

А так как ритм нашей солнечной системы был настолько тонко сбалансирован, то он погубил нас. Мало-помалу за истекшие годы наша орбита изменилась. Мы, Ученые, знали, знали об этом с самого начала, но не могли установить причину. Теперь эта причина нам понятна — слишком поздно!

— Но Кипта — когда он узнал, что это означало разрушение...

Она безумно рассмеялась, топча ногами эти крошечные искорки, которые были звездами.

— Кипта благоразумен и хитер. Никогда он не попадет в собственную ловушку. Он намеревается покинуть Кранд, найти молодой мир, чтобы завоевать его с помощью своего темного знания, где-нибудь среди звезд. А Кранд будет оставлен встречать рок, который Кипта навлек на него!

— Но Ученые, несомненно...— начал я снова.

Она некоторое время смотрела на меня, и затем безумие, казалось, сошло с ее лица: она опять стала спокойной с крепкими нервами женщиной, которая отважилась сыграть роль Айлы во дворце удовольствий в Сотане.

— Ты вправе упрекать меня, Гаран. У нас нет уже времени для необдуманных слов и бесцельных действий. Давайте вернемся в Ю-Лак и посмотрим, что можно сделать. Сейчас же, пока Кипта не вернулся со своими охранниками, как он грозил.

— Тогда обратно через Пути,— решил я.— Сейчас весь Кум поднимется против нас. Только вот мост...

— Когда мы достигнем его, тогда будем думать о том, как переправиться,— сказал Закат.— Слушайте!

Откуда-то из стен нарастало зловещее бормотание. Трэла ухватилась за меня.

— Они идут! Кипта...

— Мы уходим! Пойдем.

Мы проследовали тем же путем через внушающую страх лабораторию, по проходу, заставленному ящиками с монстрами, и через обе тяжелые двери, чтобы окунуться во мрак Путей. Трэла крепко прильнула ко мне, потому что, не имея наших проникающих тьму линз, она двигалась как слепая. Я не счел ситуацию неприятной.

Хотя мы шли быстро, спотыкаясь, по гребневидному пути, нас достиг звук погони, громогласно повторенный сводами Путей. Трэла остановилась, опираясь рукой о стену.

— Вы идите дальше,— она дышала со свистом,— продолжайте путь к Ю-Лаку, а я больше не могу.

Я засмеялся и все же увидел в ее словах зерно здравого смысла.

— Ты верно сказала: один из нас должен остаться, чтобы задержать эту свору. Закат, бери принцессу и идите!

— Неужели ты не видишь, Гаран? Я не могу больше идти. Дай мне свой лучевой жезл...

Я увидел, что она действительно выдохлась; она не могла идти наравне с нами со своими слабеющими силами. Было только одно решение. Я повернулся к Закату.

— Иди!

Он с угрюмой решительностью покачал головой, вынуждая меня пустить в ход свое последнее оружие.

— Это приказ!— резко сказал я.

Его голова поднялась, и он пристально посмотрел мне в глаза.

— Так как ты приказываешь, я должен повиноваться. Ты не оставил мне ничего — даже чувства собственного достоинства.

Потом он повернулся и покинул нас, двигаясь вначале медленно, как будто на него внезапно навалился груз прожитых годов. Трэла взглянула на меня.

— Уходи, уходи! Не оставляй хоть этого у меня на душе.

Я улыбнулся.

— Я предвидел это три года назад, но, вероятно, смутно. Моя судьба — служить тебе, Леди, и так будет до конца. Ты по своей доброте одарила меня кое-чем, чтобы сражаться за тебя. И Оун добр ко мне. Потому что я проявлю себя на твоих глазах в конце.

— Гаран!— Она посмотрела мне в лицо ясными глазами.— Гаран, поскольку это конец для нас, Кранд и его дурацкие обычаи больше не имеют значения,— Гаран, неужели ты не понимаешь? Я пленена тобой, как была пленена три долгих года, состоящих из минут, часов и дней, с мыслями о тебе, связывая их все как бы золотистым шнуром. Нужны ли нам чувствительные ухаживания, сентиментальный флирт? Мы знаем!

Ее руки обвились вокруг меня, и я ощутил, как ее губы при-

жались к моим с нечеловеческой силой. Пути, Кипта, Кранд — все было забыто, когда мы стояли в застланной розовым туманом сердцевине нашей мечты. Трэла была моей! Моей! Ее нежное тело трепетало под моими руками, ее волосы, эти чудесные волосы, о которых я столько раз грезил, легко касались моей щеки.

Так мало мгновений украли мы у времени, такой скудной была наша нежность, однако это обогатило мою жизнь навечно, и я знал — много ли, мало ли осталось мне дней,— что гордо пройду через них, благодаря этим мгновениям.

— Значит, это конец? — прошептала она.

При ее вопросе воля к жизни вспыхнула внутри меня, и я больше не соглашался с предназначенной нам судьбой.

— Если мы переправимся через мост...— Я подхватил ее и отправился в путь.

Жуткое окружение, видимо, пугало наших преследователей, что выражалось в нерешительном продвижении вперед, ибо шум сзади становился глуше, в то время как мы шли дальше.

Наполненный волей к победе, вкусив этот изумительный дар Трэлы под щедрыми небесами, я легко продолжал путь, моя сила, казалось возрастает с каждой минутой. Время от времени мы были вынуждены отдыхать и, когда Трэла пришла в себя, она пошла уверенным шагом впереди меня, держа один из лучевых жезлов, чтобы освещать нам дорогу. При нашей последней остановке, прежде чем мы достигли моста, я заставил ее уступить моим просьбам и надеть защитный чешуйчатый костюм, принадлежащий мне, оставив для меня только съемную маску. Воздух Путей холодил и увлажнял мою кожу, поскольку, за исключением набедренной повязки, я был обнажен. Но зато Трэла была в безопасности.

Мы снова отважились вступить на этот невидимый мост, который инженеры исчезнувшей расы перекинули через бездну. Когда мы медленно, шаг за шагом, продвигались вперед по призрачной поверхности, выявленной нашим светильником, звук погони позади нас опять стал громче. Когда мы пересекли, возможно, треть моста, стали видны фонари, которые они держали над головой. С такого расстояния мы могли различить только темные фигуры, двигающиеся туда-сюда, но отчетливо было видно, что люди Кипты не имели желания следовать за нами по невидимости, которая находилась перед ними. Поэтому, после долгого шумного спора, только одна фигура отделилась от группы и, осторожно двинулась нам вслед.

— Кипта! — негромко воскликнула Трэла.

Я хотел бы знать, какое оружие он нес, и подтолкнул Трэлу вперед, опасаясь, что он может испробовать какую-нибудь дьявольщину с разрушающим лучом. К моему удивлению, Кипта этого не сделал, он только следовал за нами с непреклонной решимостью. Когда он прошел значительное расстояние по мосту, раздались полные страха и ужаса крики его людей. Они бросились в бегство, спеша назад по дороге, по которой они пришли, и оставив нас троих над бездной.

Кипта, бросив долгий взгляд на своих удаляющихся соратников, твердо двинулся дальше, и я знал тогда, что он страстно желал нашей смерти. Я отстранил Трэлу, так как решил пойти ему навстречу. Когда я увидел желтое пламя, мечущееся в его глазах, я понял, что его черная всепоглощающая ненависть ко мне подавила осторожность. Чтобы утолить эту ярость, пылающую внутри него, он должен разорвать меня собственными руками. Он отбросил свое оружие.

Итак, мы медленно двигались друг другу навстречу, осторожно балансируя на этой нити безопасности. Трэла держала свой светильник так, что я мог видеть опору для ног, а Кипта не имел такого помощника, поэтому он только интуитивно переставлял ноги. По дороге я отбросил в сторону свою маску и продуктовый мешок и шел без груза. Он также обнажился для сражения, но пока я подбирался на расстояние удара, его рука опустилась к широкому поясу, и на долю секунды я уловил блеск стали.

Затем мы сошлись, как сражающиеся рептилии джунглей. Слюна из этого оскаленного рта брызнула на мое тело. Мои пальцы сомкнулись вокруг запястья этой зловеще скрытой руки, а моя другая рука нащупала его горло. Он был ловким и опытным бойцом, Кипта из Кума. Я и сам участвовал в сотне казарменных драк, но никогда еще не сталкивался с таким узлом великолепных мышц и крепких нервов.

Я испробовал все уловки, какие знал, одну за другой, но только обнаружил, что он безупречно отражает каждую из них. Скатывающийся пот сделал наши тела липкими, они скользили под цепкими пальцами, наше зрение затуманилось. Один раз он почти вывернулся, и я почувствовал жгучую боль, хлестнувшую по моим нижним ребрам, но удар оказался неточным, и, прежде чем он смог ударить еще раз, я навалился на него. Затем я заметил тень, прошедшую по этому искаженному лицу, так близко находящемуся от моего, краска гнева сошла с его щек, и я догадался, что к нему вернулся здравый смысл, заставив его понять, что ему никогда не следовало бы встречаться со мной на той почве, которую выбрал я. Он больше не пытался повалить меня, всю борьбу теперь он вел за свободу, ту свободу, которая позволила бы ему применить какое-нибудь другое оружие, чем собственную силу.

Как скользкий ящер, с которым его сравнил Закат, он вертелся и извивался, в то время как я только старался удержать свой соскальзывающий захват. Затем стремительным движением он разомкнул мой захват, отскочив от меня в том же самом рывке.

Он оступился, затем, оправившись, помчался обратно к началу моста. Я даже не пытался преследовать его: я находился, пошатываясь от головокружения, в опасной близости от края бездны. Моя протянутая рука сомкнулась на одной из тех огромных цепей, которые поддерживали мост, и я держался за нее, чувствуя тошноту и слабость.

— Гаран!

Я с усилием поднял голову.

— Назад!— крикнул я, и мой голос звучал глухо.— Возьми маску и держись наготове. Он намеревается уничтожить нас лучом.

В ответ она направилась вперед, туда, где я покачивался рядом с поддерживающей цепью.

— Не думаю,— твердо ответила она.— Взгляни, точно как ты предсказывал, из бездны поднимается месть.

Сквозь туман, все еще застилающий мои глаза, я увидел серебряных призраков, которые поднимались по спирали из утробы мрака. Ровно взмахивая своими мощными крыльями, они миновали нас и понеслись, как боевые стрелы, вслед за Киптой.

Что произошло, когда они спикировали на несущегося куминца, какое ужасное дело свершилось там, во тьме,— мы не могли видеть. Но, когда сюда долетел содрогающий крик, вопль, в котором перемешались отчаяние и дикий ужас, я понял, что существа из внутреннего мира возвратили свой долг сполна. Плоды греховных изысканий Кипты, наконец, вызвали его смерть.

Сквозь мрак пронеслись обратно крылатые фигуры, исчезая, ни разу не взглянув на нас. Почудилось мне или нет, что один из призраков держит в своих всасывающих подушечках безвольное тело? Я подумал, что он держал, но, может быть, мои глаза обманули меня.

Мы думали, что они исчезли, когда самый последний из них подлетел к нам. Он кружил и снижался, пока его всасывающие подушечки не коснулись точно поверхности моста. Третий раз эти странные пурпурные глаза на лишенном характерных черт лице задержались на мне.

— Итак, человек, исполнив свое желание, ты возвращаешься во внешний мир? Только я думаю, что ты ненадолго задержишься там. Мы тоже можем читать предупреждение, направленное со звезд, которых мы никогда не видели. Кранд породил нас, теперь мы можем оставить его как сброшенную кожу. Не бойся нас, человек, мы веками стоим в стороне.

Сильно взмахнув своими крыльями, он поднялся и по плавной кривой исчез в бездне. Мы остались одни. Как только мы решили отдохнуть, пытаясь собраться с мыслями, отдаленные крики откуда-то спереди громыхнули в наши уши.

— Это подмога,— сказал я. Мне показалось, что Трэла вздрогнула, а лицо изменилось, как будто какая-то маска скользнула назад на место. Она медленно повернулась, вся легкость ее шагов пропала.

Мы вместе двинулись вперед, и время от времени я повышал голос в ответ на разыскивающие крики. Вскоре мы увидели свет их лучевых жезлов.

Но вместо того, чтобы ускорить шаг, Трэла шла все медленнее, не сводя с меня глаз, но я не мог прочесть в них то, о чем явствовала тень в глубине. Она поникла, как будто ее пронизал какой-то холодный ветер. Счастливое ликование наполняло меня. Разве она не по своей воле находилась в моих объятиях? Разве она не была моей?

Закат, Анатан и Трэн согнулись над чем-то на той стороне разрушенного конца моста. Оказывается, они сплели из веревок сеть, так что мы могли добраться до них в относительной безопасности, избежав неопределенности моего первого прыжка. Трэла отправилась первой и, когда я увидел, что она благополучно попала в руки Трэна, то прочно закрепил веревки вокруг своего тела. Минутное покачивание через темноту, и руки Анатана втягивали меня наверх.

— А Кипта?— спросил гурлиец.

— Существа из бездны предъявили ему иск.

— Вы ранены!— Рука Анатана скользнула по запекшейся крови на моих ребрах.

— Только царапина.

Трэн осмотрел ее при свете радиевого элемента Аналии, перевязав незначительную рану длинным узким куском шелка из своей сумки. Затем он достал запасной чешуйчатый костюм, который нес в мешке, и помог мне надеть его. Все это время я не спускал глаз с Трэлы, которая стояла в стороне со своей фрейлиной. С растущим беспокойством я увидел, что она избегала встречи с моим пристальным взглядом.

— Итак, Кипты не стало,— заметил Трэн, пока я возился с застежкой своего мечевого пояса.

— Да, и способ его исчезновения был не из приятных.— Я стал описывать появление и исчезновение крылатых призраков из бездны.

— Кипта погиб,— размышлял гурлиец.— Наконец-то, влияние Кума подорвано. Остается — Кранд.

Я увидел, как Трэла подымает голову.

— Да,— ее голос был тверд, хотя губы дрожали,— остается Кранд.

Исход

Мы поспешно отправились в обратный путь, поскольку, зная сущность того, что лежало перед нами, мы стремились достигнуть поверхности. Я не сомневался, что имелся какой-нибудь способ спасения от надвигающегося бедствия. Призраки из бездны намекали на такое, а Трэла заявила, что приготовления Кипты к бегству были почти закончены.

То, что сделал Кипта, могли сделать и мы, если осталось достаточно времени. Итак, одна часть моего мозга была занята мыслью о спасении, в то время как другая — все еще перебирала те минуты в Путях, когда я и Трэла нашли радость у врат смерти. Вспоминая, какой она была тогда, я не мог понять, почему она постоянно избегает меня теперь. Она быстро шла впереди, не отпуская от себя Аналию, в то время как я был вынужден отвечать на вопросы, которыми Трэн засыпал меня.

Его поиски внизу, в боковом ответвлении Путей, привели

в странную, смертоносную, похожую на болото, полость, где непонятные и ужасные формы жизни прятались среди гигантских бобов. Одно время он и его спутники были вынуждены пробивать себе дорогу целиком с помощью лучевых жезлов. Но когда они не обнаружили другой путеводной нити в течение назначенного времени, то вернулись, чтобы воспользоваться нашим путем, и таким образом пришли к мосту как раз вовремя, чтобы увидеть прыжок Заката через пропасть.

Еще раз мы пришли к откосу, ведущему из этого места, и двинулись через зал, где танцовщицы Кора свивали свои странные узоры. Дворец удовольствий вокруг нас был безмолвен и пустынен. В каждой комнате, через которые мы проходили, были следы поспешного бегства их обитателей. Однако, мы нигде не встретили ни одного человека.

Снова Аналия вела нас по проходам в стенах дворца, но в этот раз мы выбрали тот, который проходил под городской улицей и заканчивался на краю императорских садов; проход, который был сделан по приказу Трэлы, когда их безрассудное предприятие во дворце удовольствий впервые было задумано.

Была ночь, когда мы вышли в свежую прохладу мокрого от росы дерна. Я был рад снова глубоко вдохнуть вымытый дождем воздух верхнего мира. Мы не имели возможности определить, сколько времени находились в Путях.

Мы быстро направились через сады, потому что по замыслу Трэна должны были предстать перед Императором и рассказать нашу историю. Когда мы достигли дворца, он, избегая общедоступных залов и коридоров, проследовал кружным путем к внутренней палате.

Он властно постучал и открыл дверь. Мы бесцеремонно ворвались таким образом на закрытое заседание совета. При виде Трэлы Император вскочил с криком. Затем все столпились вокруг нас, задавая вопросы и требуя ответов.

Я прислушивался к отрывистому изложению Трэном нашей истории, но наблюдал за Трэлой и поэтому мало обращал внимания на него и слушателей. Когда гурлиец закончил, Император глубоко вздохнул.

— Значит, шло к тому. Счастье Кипты, что он не стоит перед нами сейчас. Впрочем, если верить вам, его настигло возмездие более страшное, чем мы могли бы придумать. Кум больше не является угрозой. Остается та гибель, которую его Хозяин навлек на нас. Пусть ни одно слово об этом деле не вылетит из ваших уст. Кранд не должен впасть в безумие. Наша жизнь внешне должна идти как всегда, однако мы сможем втайне приготовиться к концу. Сколько времени нам остается, дочка? — Он повернулся к Трэле.

— Кипта говорил — три месяца, прежде чем начнутся наихудшие возмущения.

— Так мало? Тогда мы должны впрячься в работу. Десять часов на то, чтобы собраться с силами — и затем мы снова собираемся здесь.

После этого он отпустил нас. Трэла и Аналия ускользнули через дальнюю дверь, даже не оглянувшись. Закат, Анатан и я, стараясь не привлечь внимания, прошли в мою штаб-квартиру. Трэн остался с Императором.

Достигнув своих апартаментов, я принял ванну и, бросившись в постель, беспокойно ворочался с открытыми глазами, мысленно перебирая все проблемы, стоявшие передо мной. Наконец, я задремал, провалившись в наполненный грезами сон.

На втором экстраординарном заседании совета мы встретились с теми Учеными, которым доверял Император, и с некоторыми членами других каст, считающихся надежными. Добрых четыре часа, если не больше, ведущий астроном Кранда читал лекцию, касавшуюся причин гибели его и соседних миров.

В прошлом было доказано, что жизнь, как мы ее понимаем, не могла существовать ни на одной из двух других планет, которыми обладало наше солнце. Но другие солнечные системы были доступны для нас. Одна из таких, находящаяся в нескольких сотнях световых лет, обладала девятью планетами, одна из которых родилась недавно. Этот дикий молодой мир должен стать местом нашего назначения.

Когда это было предварительно решено, они повернулись ко мне за консультацией относительно космических кораблей. Я изложил им то немногое, что знал.

— Ускорение, способное преодолеть силу притяжения Кранда, на космическом корабле может убить звездоплавателей, прежде чем он пробился бы через плотные слои нашей атмосферы. Это должен быть корабль, радикально отличный по конструкции от любого, который мы когда-либо задумывали, и гораздо более мощный, чем любой из существующих в настоящее время.

Трэн кивнул.

— Но мы можем теперь получить энергию в избытке,— мрачно сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Источники Кипты доступны для нашего пользования. Энергия солнца.

Другие слегка отшатнулись от него.

— Ты же нарушишь древний запрет?— тихо спросил Император.

Трэн оглядел нас.

— Мы должны прямо смотреть в лицо тому, что лежит перед нами. Ибо, у Кранда и большей части его жителей нет будущего. А для горстки, горстки тех, кто продолжит наш род и заново создадут цивилизацию — и лучше, чем создали мы — для них есть надежда. Единственный корабль, о котором упоминал Лорд Гаран, корабль, снабженный неистощимой энергией солнца, сможет вырваться. Вопрос, который стоит перед нами сейчас, заключается в том, что мы должны сами и наш мир наброситься на работу — очень напряженную работу — для того, чтобы незначительная часть нашего числа могла добраться через космос к безопасности. Осмелимся ли мы сказать, что достойны такой

жертвы со стороны наших собратьев?

Император повернулся к одетому в белое человеку, находящемуся справа от него,— Верховному Жрецу Храма Знания. Тот разгладил свою мантию морщинистыми ладонями, а его старые-старые глаза, казалось, пристально смотрят в будущее.

— Оун раскрыл нам этот путь; разве убоимся мы идти по тропе, которую Оун указал нам?— неторопливо начал он.— Если те, кто пойдет,— достойны, тогда мы выполним задачу, стоящую перед нами. Но вот что я скажу, люди Кранда: время Ученых прошло. Мы согрешили, возвысившись над нашим миром, и поэтому в течение этих последних дней, до сих пор оставленных нам, не должно быть ни Ученых, ни простых людей — только братья, борющиеся плечом к плечу за общее благо.

Слабое бормотание последовало за его речью, а мое сердце учащенно забилось. Барьер пал, в таком случае Трэла стала полностью моей, будь, что будет. Я был волен открыто претендовать на то, что она подарила, когда смерть стояла над нами в Путях.

— Лорд Гаран,— я с усилием собрал блуждающие мысли и взглянул на Императора,— тебе больше, чем кому-либо из нас, известны секреты авиационного конструирования. Под твоим руководством находятся наши специалисты. Что ты нам предложишь?

— Есть один человек, некий Хей-Лин из Кэмпта, который занимался межпланетными кораблями два года назад. Он успешно приземлил ракету на нашей соседке, Сойе. Но его надо будет полностью посвятить в нашу тайну.

— Ты доверяешь ему?

Я заколебался.

— Я очень мало знаю Хей-Лина, так как соприкасался с ним только во время его работы. Он сообщал мне о развитии своих экспериментов один раз в месяц в течение прошлого года. О нем самом я ничего не знаю. Тем не менее, он сегодня единственный на Кранде человек, кто способен решить эту задачу.

— Хм...— Император погладил пальцами подбородок.— Лорд Закат, как твои рудники в Ру? Сможешь ли ты увеличить добычу в них вдвое, возможно, в течение следующего месяца?

— Предоставьте мне свободу действий, и я попытаюсь,— сказал офицер с мрачной осторожностью, но его ответ, казалось, удовлетворил Императора.

— Тогда остается подобрать какое-нибудь пустынное место, подходящее для постройки нашего корабля, и приниматься за работу. В то же время я приказываю, Лорд Гаран, освободить твоего инженера от служебных обязанностей и распорядиться, чтобы он докладывал мне. Лорд Закат получит новые грузовые заказы для Ру. Если Оун соблаговолит, мы сохраним наш совет до конца. Вы согласны, милорды?

Один за другим они дали свое согласие, и таким образом решение было принято.

Следующий месяц был периодом кошмарной, изнуряющей деятельности для всех нас. В то же время волнения, которые Кипта так искусно посеял, разрастались и усиливались, что делало мою службу нелегкой. Если бы не было Анатана, на которого я стал полагаться все более и более с каждым днем беспорядков, то я бы никогда не смог обеспечить надлежащий порядок в своем корпусе.

Юный Анатан, казалось, стал старше и в любой час был готов явиться по моему зову. Кроме того, что я нуждался в его помощи и вообще был привязан к нему, у меня была еще одна причина держать его рядом с собой: ибо только через него я получал известия о Трэле. Аналия, его сестра, по-прежнему была первой фрейлиной Трэлы, и она постоянно сопровождала Принцессу. За все это время я не встречался с Трэлой лицом к лицу.

Однажды вечером я сидел в одиночестве у себя в комнате, просматривая рапорты из Ру содержащие комментарии Заката по поводу тамошней ситуации, когда вошел Анатан. Он положил на стол передо мной маленький металлический футляр для письма. Рулончик шелка внутри содержал всего одну строку:

«У грота на восходе луны».

Подписи не было, и я недоуменно разглаживал шелк.

— От кого ты получил его?

— От Аналии,— коротко ответил он

Поняв, из чьих рук, должно быть, вышло письмо, я поспешно засунул его в свой мешочек на поясе. Однако Анатан задержался рядом со мной, на его лице явно была написана нерешительность.

— Ну?

Он беспомощным жестом вытянул руки.

— Это несправедливо!— Крик, казалось, сорвался с его губ, а затем он повернулся и выбежал от меня, как будто я был ночным демоном.

Весьма удивленный причиной его вспышки, я подошел к окну. Луна скоро должна была взойти, и, с бешено бьющимся сердцем, я схватил длинный темный плащ, который достаточно скрывал мою форменную одежду. Завернувшись в него, я поспешно вышел.

Мой личный флайер коснулся дворцовой посадочной площадки, и я поспешил вниз по откосу, на ходу пробормотав часовым пароль. В саду дул прохладный ветерок, и никогда обреченный Кранд не казался таким прекрасным в моих глазах, как в эту ночь, когда я пересекал полянки императорского сада в поисках того грота, где мы однажды задержались.

Я пришел рано. Никто не ждал меня среди деревьев. Сгорая от нетерпения, я шагал взад и вперед по затененной лесистой лощине. Однако, мне не пришлось долго ждать. Из темноты появилась белая фигура, которую я хорошо знал.

— Трэла!

Мои руки обвились вокруг ее упругого тела, мои губы уло-

вили свежесть ее плоти. Но она вырвалась из обьятий и, прижав руки ко рту, отпрянула от меня.

— В чем я провинился, любимая? Я испугал тебя?

Она покачала головой, и тогда в полосе лунного света я увидел безмолвные слезы, скользящие по ее бледным щекам.

— Это я виновата, Гаран...

— Может быть, ты устала?— нетерпеливо прервал я.— Тогда я не стану докучать тебе, милая.

— Нет, нет! — Ее голос поднялся до пронзительного крика.— Могу ли я говорить об этом!

Она сплела тонкие пальцы, а слезы все еще лились и увлажняли манишку ее платья. Затем она, казалось, отчасти овладела собой.

— Ты ни в чем не виноват — ни в чем, Гаран, все, что ты совершал, было правильным и прекрасным и всегда хорошим. У нас будет что вспомнить, когда... когда...— ее голос ослабел.

Я затрепетал, а холод пронзил меня до самых костей, ибо я почему-то знал, что счастье покинуло меня.

— Что ты хочешь сказать мне, Трэла?— я спросил так ласково, как мог.— Не пугай меня, возлюбленная.

— Я не свободна в жизни и любви, Гаран. Не свободна выбирать радости жизни. Было решено, что для блага Кранда я должна принадлежать Трэну. Теперь я сознаю всю глубину своего греха. Потому что я была уже отдана Трэну, когда стояла в Путях и вызвала твою любовь, которую сама же породила. Я была предназначена Трэну, когда вернулась из Храма Света. Отвернись теперь от меня, Гаран, так как ты имеешь на это право. Я по своей слабости предала нашу любовь.

Я почувствовал холод, который неожиданно напал на меня, прокрадываясь в самое сердце.

— Ты жена Трэна?— спросил я одеревеневшими губами.

Она вскинула голову.

— Нет, и не думаю, что когда-нибудь буду. Когда я впервые посмотрела тебе в лицо в контрольной кабине отцовского флагмана, когда наши глаза встретились и открыли в глубине друг друга сердечную тайну, тогда я уже поняла, что ни за кого другого не смогу когда-либо искренне выйти замуж. Потому что ты мой, Гаран, и я твоя, хотя между нами подвешены миры. Так было между нами раньше, так будет между нами и впредь! Когда они убедили Трэна жениться на мне, я оттягивала и откладывала, все время уклоняясь от этого, надеясь, что судьба, может быть, когда-нибудь окажется милостивой. Когда мы стояли в Путях, я думала, что смерть придет разрешить нашу безнадежную загадку, поэтому заговорила. Но мы пробились, и наступает конец всем моим замыслам. В тот день, когда Трэн будет выбран возглавить бегство с Кранда, я полечу с ним. Мои обязанности жестоко спланированы. Я должна отвергнуть любовь. Отвергнуть, Гаран...

Ее голос ослабел и угас. Она опустилась на скамью, пристально вглядываясь широко открытыми глазами в деревья, ко-

торые скрывали наше убежище. Я грубо засмеялся, и горечь этого звука отозвалась даже в моих собственных ушах.

— Итак, солдат должен находиться в стороне. Вы, Ученые, решили так. Хорошо, а если солдат не пожелает, Трэла? Что если я заявлю, что, несмотря на то, что ты сказала мне, ты моя по праву?

— Гаран.— Мои слова придали ей новые силы.— Гаран, я поступила жестоко, но не заставляй меня всегда вспоминать этот час с еще большей горечью. Я запятнала нашу любовь, а ты хочешь разбить ее.

— Простите. Я больше не протестую, Царственная Леди. Гаран возвратится на свое место, чтобы принести пользу Кранду.— С этими словами я повернулся и покинул ее, не обращая внимания на плач, который преследовал меня. Меня охватило бешенство, и весь мир вокруг себя я видел в багровом тумане.

Когда я снова оказался в своей комнате, то заперся и пристально смотрел на стены тусклыми, невидящими глазами. Всю ночь я расхаживал по комнате. Когда наступило утро, я преодолел внутреннее смятение. В течение этих мучительных часов что-то во мне, может быть, дух моей жаждущей и обманутой юности, умерло навсегда.

Я прожил оставшиеся дни достаточно спокойно, механически выполняя работу, которую должен был делать. Мои специалисты работали в дебрях Кора, где космический корабль постепенно воплощался в своей колыбели. Закат совершил чудеса в Ру, откуда доносились слухи о его безжалостном правлении. Анатан всегда слонялся неподалеку, не сводя с меня опечаленных глаз. Я одиноко шел своим путем.

Было решено послать вперед луч сконденсированной энергии, направленный луч, чтобы достигнуть планеты, выбранной для нашей дальнейшей жизни. В этом гигантском туннеле чистой энергии шарообразный корабль безопасно заскользит к своему месту назначения. Незримые барьеры отразят блуждающие метеориты, охраняя путешественников. Проверить нашу теорию уже не было времени. Грядущая гибель уже сейчас тяжело нависла над нами — сверкающий шар в ночном небе.

За три недели до конца мы созвали последнюю чрезвычайную конференцию в Ю-Лаке. Было уже невозможно хранить дальше тайну судьбы Кранда: конец уже наступал. Были извержения, две приливные волны и ряд землетрясений, с каждым разом все более сильные.

В эту ночь мы собрались, чтобы выбрать тех, кто отважится отправиться в космическое пространство, чтобы хоть какая-то часть нашего мира могла быть спасена. Трэн и Трэла сидели рядом, и перед Лордом из Гурла лежал список имен. Было ясно, что эти смельчаки должны быть молодыми и сильными, полностью способными выдержать напряжение космического путешествия. Далеко не все из собравшихся отвечали этим требованиям. Однако, даже тени недовольства не появилось на их лицах, пока они слушали.

Одно за другим зачитывались имена. Я был страшно доволен услышать, что Аналия и Анатан включены в список. Но когда, наконец, Трэн закончил, я встал, чтобы опротестовать список,— Милорды, вычеркните мое имя.

— Но ты нам нужен...

Я пресек возражения Трэна.

— Вряд ли вам на вашем диком молодом мире понадобится солдат. Я останусь здесь, где, может быть, буду полезен, наводя порядок в эти последние дни. Нет, я не уйду. Я принадлежу Кранду и останусь на Кранде до конца.— Я взглянул на Трэлу. Ожесточенность и ненависть покинули меня, и я с улыбкой смотрел ей в лицо. Я увидел, как ее рука коснулась колеблющихся губ и затем двинулась по направлению ко мне. Я был вполне удовлетворен.

Несмотря на все их уговоры, я не отказался от решения, которое принял. И Анатан остался бы со мной, если бы я фактически не втиснул его в транспортный флайер, который должен был доставить их в Кор, на корабль. В последнюю минуту Трэла подошла ко мне.

— Любимый,— сказала она отчетливо,— сейчас ты подарил мне память более драгоценную, чем сокровище тысячи королей. До свидания, до будущей нашей встречи.— И на виду у всех она поцеловала меня в губы.

Затем они улетели, а мы стояли на посадочной площадке, провожая взглядом черное пятнышко флайера, быстро исчезавшее вдали. Закат зашевелился первым. Он повернулся ко мне и протянул руку, былая широкая усмешка появилась на его некрасивом лице.

— Ты был хорошим товарищем, Гаран. Когда мы встретимся по ту сторону звезд, то расскажем друг другу немало невероятных историй. А теперь, прощай.

— Куда ты направляешься?— спросил я.

— Обратно в Ру. Я все же солдат и хочу остаться на своем посту до конца.— Его флайер тоже исчез в подернутом дымкой небе.

Я остался один.

Мы находились на гребне самой высокой сторожевой башни Ю-Лака. Мое тело было прижато к камню: я чувствовал холод от этого прикосновения сквозь плащ. Внутри меня был холод смерти.

— Начинается!— Сказал ли это Император, или монотонное пульсирование крови в моем мозгу выбило это слово?

За далекими горами появилось большое неровное пятно зарева, расцветшего вспышкой пламени. Раздробляющий гул... Ропот безумствующего города исчез, поглощенный им. А с поверхности нашего пораженного мира поднималось копье света, все выше и выше. Копье протеста, брошенное против богов.

Единственный глубокий судорожный всхлип вырвался у меня помимо воли. Рука Императора обняла меня за плечи.

— Там выходит сердце Кранда. Разве эта жертва не заслужена, сынок?

«Нет!»— стучала горячая кровь в моих жилах.

Я посмотрел прямо в его прекрасные глаза.

— Да,— мои губы произнесли слово, которое мое сердце не воспринимало.

Я смотрел, как огненное копье взвивается в пустоту. Небеса стали снова темными и мрачными. Снизу доносились крики обезумевшего мира, наполненные страхом и ненавистью.

— До конца, сынок?

— До конца.— Скрепил я договор между нами.

Мы повернулись и бок о бок спустились со сторожевой башни на улицу. Здесь мы расстались: его ждали дела, меня тоже.

Как солдат я знал, что должен впредь до самого конца использовать все свои полномочия и всех людей под моей командой, чтобы поддерживать порядок. Я отлично понимал, что это была неблагодарная работа. Я представил себе ее гнусность, пока торопился в казармы через теснящиеся бесчинствующие толпы, которые заполняли улицы. Не было силы под солнцем Кранда, которая могла бы надеяться навести порядок в этом хаосе,— но мы должны попытаться.

Везде кружилась чернь в безнадежном смятении. Некоторые совершали бессмысленные акты насилия, открыто дрались на улицах, грабили и опустошали дома. С чувством гордости, которое оставалось даже теперь, я увидел светлые униформы солдат, когда они буквально сражались за то малое, что могли сделать для сохранения хоть какого-нибудь порядка. На каждом уличном углу, казалось, имелся оракул. Некоторые из них молились; другие выкрикивали обвинения в грядущем уничтожении Ученым, подстрекая своих слушателей к актам насилия в мире, скатывающемся в безумие.

Я пробивал себе путь, благословляя физические действия, которые отвлекали меня от многих воспоминаний. Тяжко было сознавать, что моя леди Трэла, если планы не потерпели крах, продолжала свой путь через невыразимое пространство между звездами к другому миру и другой жизни, в которой мне нет места. Я был не из тех, кто смиряется с утратой. Наоборот — тогда и там я поклялся Оуну, что если бы он даровал мне когда-нибудь другую жизнь, где-нибудь в другом мире, как некоторые из нашего народа верили могло случиться, то я опять бы нашел живое существо, которое было бы Трэлой. И тогда — ничто — ни сила Всевышнего, ни сила человека никогда бы не разлучила нас.

Поддерживаемый этой клятвой, как изнуренный штормом моряк цепляется за спасательный плотик, я достиг казарм. Войска строились в колонны — ехали рысью,— чтобы смело противостоять хаосу. С таким же успехом Ана могла попытаться обуздать грифа. Потому что на каждый акт насилия, который они предупреждали, приходилась тысяча других, ведущих к кровавому концу.

Следующие несколько дней были кошмаром бессмысленной, непрестанной деятельности. Не было реальной ночи — или дня,— только служебные обязанности и ужасная усталость как ума, так и тела. Вся нормальная жизнь на Кранде, казалось, остановилась, Дворцы удовольствий были заполнены людьми, ищущими забвения. Половина домов в деловом квартале Ю-Лака была разграблена и опустошена. Мы не производили арестов — не было ни времени, ни тюрем. Мы осуществляли быстрое правосудие прямо на месте преступления. Лишь немногие продолжали вести нормальную жизнь и выполнять обычные обязанности: мои люди — к моей гордости,— полиция и большинство Ученых. Тому, кто нуждался в доказательстве зла, вызванного безумием Кипты, достаточно было только открыть глаза и осмотреться.

В эти последние дни разрушения Кранда я был так занят работой, что почти не имел времени думать о Трэле или делать предположения о судьбе космического корабля.

На четвертый день такого образа жизни без сна и без малейшего отдыха я понял, что должен найти какое-нибудь забвение, иначе свалюсь с ног. К тому же, у меня было дело во Дворце. Я устало потащился на крышу, где держал свой флайер. Я вышел в холодную, продуваемую ветром, кроваво-красную утреннюю зарю. Надо мной как угроза нависала вторгающаяся планета — молот, занимающий четверть неба. Я знал, если наши Ученые рассчитали правильно, что теперь приближался миг, когда весь Кранд разлетится на куски..

Когда я возвышался над разрушенным городом, то увидел, что у нас появился еще один безжалостный враг. Громадные водяные валы громили низинные пространства, снося стены, которые стояли неизменившимися в течение поколений, неся смерть любому, кто замешкался там.

Охваченный внезапным предчувствием, я понесся на максимальной скорости к Дворцу. Император и я заключили договор; я был уверен, что он предпочтет встретить свой конец в чистом, пожалованном Оуном, воздухе. Ни он, ни я не могли сделать ничего больше для нашего родного мира.

Я летел против напора мощного ветра с той же самой необходимостью доведения до конца распоряжений, которая удерживала меня на моем посту на всем протяжении этих сводящих с ума, ужасных дней. Рычаги управления флайером были врагом, с которым я должен был бороться изо всех сил. Подо мной содрогались здания, раскачиваясь, как молодые деревья в страшную бурю, и слышался глухой рев. Мое судно больше не подчинялось управлению, как я ни старался. Пока оно описывало круги, я уловил перемежающиеся видения неба и земли. Разрушающиеся здания падали обломками на маленькие бегущие существа моего прежнего собственного рода. Громадные волны откатывались назад, унося с собой остатки разбитых каменных островов.

Темнота — и с ней паника, которая была как массированный удар. Я ожидал всего, но это, несущее с собой весь вековой страх человека, было намного хуже, чем могло вызвать любое пре-

дупреждение. Это длилось только миг, в то время как что-то такое огромное, что не охватишь взглядом, промелькнуло и исчезло в пространстве. Внезапно я понял: Кранд раскололся пополам и добавил новую луну — или то был Кранд, который исчез, столкнув и свою луну? Мой флайер, полностью потерявший управление, сокрушал и бил воющий, ревущий ветер. Только привязные ремни сиденья пилота еще предохраняли меня от таких ударов, которые вызвали бы смерть. Дыхание — я не мог больше дышать... Теперь, когда на меня опустился мрак, я увидел — не хаос мира, так как нет человека, который мог бы смотреть на это и остаться живым. Я увидел — Трэлу — Трэлу, какой она была и всегда будет для меня!

Мы долго благоговейно молчали — моя Леди Трэла и я, который был теперь Гараном Пламени в пещерном мире Тэйва. Эти сцены, которые мы только что видели, все еще жили в наших воспоминаниях и причиняли боль даже сейчас.

Кто же я? Гаран из Ю-Лака, который существовал — как далеко во времени, мог ли кто-либо подсчитать это теперь? Или Гаран, который существует — здесь в настоящее время, который может протянуть руку тому, погибающему Гарану, и почувствовать связь между ними?

Трэла — я поднял ее, полностью стряхивая то изумительное прошлое, которое теперь тяготело надо мной. Она тут в моих объятиях, и мы никогда не расстанемся — никогда.

Забыта была комната, в которой мы стояли,— зеркала видения были чистыми.

Поиски были закончены — конец стал началом.

СУД НА ЯНУСЕ

1. Здесь даже солнце не грело, а только слепило глаза и освещало квадратные угрюмые дома Дипила. Нейл Ренфо прижался лбом к холодному окну, пытаясь не думать, не вспоминать, отогнать пылающие волны ярости и разрушения, которые сжимали ему горло в последние несколько дней и камнем навалились на грудь. Дипил на планете Корвар — последнее убежище, скорее даже тюрьма для беспланетных обломков космической войны. Военные планы, в которых они не имели голоса, выгнали их из родных миров и погнали сюда много лет назад. Когда война кончилась, оказалось, что вернуться домой они не могут. Их дома были уничтожены, либо превращены в пепел прямыми военными действиями, либо по приказу, подписанному на конференциях, там теперь имели «исключительные права» другие поселенцы. А те, кто был произвольно помещен в стены Дипила, могли гнить там до конца своих дней. Выросли целые поколения вялых детей, знающих только Дипил. Но те, кто помнил... Нейл закрыл глаза. Ограниченное пространство, круговые стены, бесконечная дрожь от вибрации машин, ведущих Свободного Торговца по не отмеченным на картах дорогам космоса, яркое возбуждающее зрелище странных миров, причудливых созданий, новых людей, то чуждых душой и телом, то похожих на мальчиков, застенчиво держащихся в тени, жадное впитывание всех чудес торговых встреч... Это он помнил. Затем беспорядок, страх, сжимающий желудок, кислый привкус во рту, когда он лежал в тесной койке спасательной лодки и горячие руки держали его, испуг, когда их выбросили с корабля, который был его домом, период дрейфа, во время которого радио передавало сигналы бедствия, приход крейсера, взявшего их, единственных выживших... А потом Дипил — на много лет, навсегда. Тогда была надежда, что война скоро кончится, и он, когда станет достаточно большим и крепким, запишется в Свободные Торговцы, или они найдут каким-нибудь образом деньги, вложенные в банк Доном Ренфо, и оплатят проезд до родной планеты. Но эти надежды оказались лишь бесплодными мечтами. Долгие тусклые годы показали им призрачную несостоятельность их грез. Оставался только Дипил, оставался навечно. Уйти из него нельзя. Так было до него... но не для нее — теперь... Нейлу хотелось заткнуть уши, как он закрыл глаза. Он спрятался от серости Дипила, но не мог укрыться от тяжкой жалобы, полупения-полустона, монотонно исходящего от постели у дальней стены. Нейл отошел от окна и остановился рядом с кроватью, заставляя себя смотреть на лежавшую на ней женщину.

Теперь это был призрак, кожа да кости, а не Мелани. Нейл был готов стучать кулаками в серые стены и кричать от боли и от злобы. Если бы только он мог взять ее на руки и убежать из этого вечного резкого света, от холодной сырости, которые убивали ее, как убили Дона Ренфо. Ее высушили безобразие и безнадежность Дипила. Но, вместо того, чтобы дать выход бушующему в нем шторму, Нейл опустился на колени перед кроватью, взял беспокойные, все время двигающиеся руки в свои и прижал холодную плоть к своим щекам.

— Мелани,— тихо окликнул он, надеясь вопреки всему, что она на этот раз ответит, узнает его. Или милосерднее не вытягивать ее обратно? Вытянуть... Нейл задохнулся — это путь побега для Мелани! Если бы он был уверен, полностью уверен, что другого пути нет... Он нежно опустил ее руки, натянул покрывало на ее плечи. Быть уверенным... Он резко кивнул, хотя Мелани не могла видеть этого жеста внезапного решения, и быстро пошел к двери. Три шага по коридору, и он постучался в другую дверь.

— А, это ты, сынок! — нетерпеливо нахмурившееся широкое лицо женщины смягчилось.— Ей хуже?

— Не знаю. Она ничего не ест, и доктор...

Губы женщины изобразили слово, которое она не произнесла вслух.

— Он сказал, что у нее нет шансов?

— Да.

— В данном случае он прав. Она не хочет никакого шанса, ты сам видишь, мальчик. Он видел это еще на прошлой неделе! Нейл прижал руки к бокам, словно приглушая горячий ответ на эту жестокую правду.

— Да,— ответил он ровным голосом.— Я хотел бы знать... скоро ли...

Женщина откинула упавшие на лицо волосы. Глаза ее вдруг стали ясными и твердыми. Она медленно облизнула губы.

— Ладно,— она плотно закрыла за собой дверь своей комнаты.— Ладно,— повторила она, словно удерживая себя в чем-то. Но, когда она остановилась у постели Мелани, она была озабочена, руки ее были осторожными, даже напряженными. Она подняла покрывало и обернулась к Нейлу.

— Два дня, может, чуть больше. Если ты хочешь сделать это, откуда возьмешь деньги?

— Достану!

— Она... она не хотела бы этого таким путем, сынок.

— У нее будет это! — он схватил свою верхнюю тунику.— Ты побудешь здесь, пока я вернусь?

Женщина кивнула.

— Стовер — самый лучший. Он торгует честно, никогда не обсчитывает.

— Я знаю! — нетерпеливо ответил Нейл, выскочил за дверь и через коридор на улицу. Время близилось к полудню. Людей было мало. Те, кому повезло найти случайную

работу на день, уже давно ушли. Другие были в общественной столовой за полуденной едой. А здесь были те, кто имел работу в определенных местах, темную работу. Корвар, если не считать Дипила, был планетой увеселений. Местное население открыто жило поставкой роскоши и всевозможных развлечений для знати и богачей с полусотни планетных систем. И вдобавок к этой роскоши и удовольствиям, здесь были модные пороки, запрещенные радости, поставляемые контрабандой и незаконной торговлей. Человек, обладающий достаточным количеством кредитов, мог вступить в Воровскую гильдию и стать членом одной из снабженческих линий. Но существовали также разветвления мелких дельцов, хватающих крохи, которых не удостаивали внимания Капитаны гильдий. Жизнь этих дельцов была ненадежна, опасна, и набирались они из безнадежно отчаявшихся — из отбросов Дипила. Некоторые радости можно было купить у таких, как Стовер. Радости — или для измученной беспомощной женщины — возможность легко умереть. Нейл остановился перед бледным мальчиком, слонявшимся рядом с некоей дверью, честно поглядел в узкие глаза на крысиной мордочке и сказал только одно слово:

— Стовер.

— Дело, новичок?

— Дело.

Мальчик ткнул пальцем через плечо, указывая, и дважды стукнул в дверь. Нейл открыл дверь и чуть не закашлялся: там висело плотное облако дыма. Четыре человека сидели на подушках вокруг стола и играли в «Звезды и кометы». Щелканье их счетчиков время от времени прерывалось недовольным ворчанием, когда кто-нибудь из играющих терял комплект своих звезд.

— Какого дьявола? — голова Стовера приподнялась на два дюйма, и он глянул на Нейла. — Давай, выкладывай, здесь все свои.

Один из игроков хмыкнул. Двое других, видимо, не слышали, их внимание было поглощено столом.

— У тебя есть галюс? Сколько стоит? — сразу перешел к делу Нейл.

— Сколько тебе надо?

Нейл сделал расчет еще по дороге. Если Мара Диза сказала верно — один пакет. Нет, лучше два, на всякий случай.

— Два пакета.

— Два пакета — двести кредитов, — ответил Стовер. — Товар нерезаный. Я даю полную меру.

Нейл кивнул. Стовер был честен на свой манер, и за эту честность нужно было платить. Двести кредитов. Нейл надеялся, что купит подешевле. Товар, конечно, контрабандный, привезенный из другого мира каким-нибудь членом корабельного экипажа, желавшего иметь лишние деньги, несмотря на риск портовой проверки.

— У меня будут деньги... через час.

Стовер кивнул.

— Приноси, и товар твой... Моя сдача, Грем.

Нейл вышел на улицу и глубоко вздохнул, выгоняя дым из легких. Домой возвращаться не было смысла: за всю коллекцию их нищенских вещей не выручить и двадцати кредитов, не говоря уже о двух сотнях. Он давно уже продал все ценное, когда приглашал специалиста — врача из верхнего города. Да, была только одна вещь стоимостью двести кредитов — он сам. Он пустился бегом, словно должен был сделать это быстро, пока его не оставило мужество. Он добежал до здания, стоявшего так удобно и угрожающе близко к главным воротам Дипила — Пункту набора рабочей силы для других планет. Все еще оставались миры, и немало, где дешевле было использовать человеческую силу, куда не ввозились машины с опытным обслуживающим персоналом, и часть этих миров была уже ободрана разорительными торговыми налогами. Такие места, как Дипил, давали рабочую силу. Мужчина или женщина подписывали контракт, получали „колониальные", их отвозили в „замороженном" состоянии, и затем они работали за свою плату — пять, десять, двадцать лет. По идее это являлось избавлением от гниения заживо в Дипиле. Но... замораживание было делом удачи. Случалось, что некоторые так и не просыпались. Тех же, кому повезло, встречали арктические миры, где люди трудились под ударами диких штормов. Контракт был азартной игрой, в которой не выигрывал никто, кроме агентства. Нейл вошел в селектор, на некоторое время закрыл глаза, а затем снова открыл. Когда он положил руку на рычаг и опустил его, он сделал тем самым бесповоротный шаг. Возврата не будет никогда. Через час он снова пришел к Стоверу. Игра в звезды-кометы кончилась, контрабандист был один, и Нейл был рад этому, когда выкладывал пачку кредитов.

— Двести пятьдесят,— сосчитал Стовер и достал из-под стола маленький сверток.— Вот два и пятьдесят кредитов сдачи. Записался на другой мир?

— Да,— Нейл взял сверток и кредиты.

— Ты мог бы сделать что-нибудь другое,— заметил Стовер.

Нейл покачал головой.

— Нет? Может, ты и прав. Все одинаково. Ты получил, что хотел, а это — самое главное.

Нейл почти бегом вернулся в свой барак.

— Снова приходил врач. Директор прислал его.

— Что он сказал?

— То же самое. Два дня, может быть, три.

Нейл упал на стул у стола. Он верил Маре и раньше, так что это сообщение ничего не изменило. Он развернул сверток, полученный от Стовера: две металлические трубочки. Они имели цену... цену его рабства в неизвестном мире, цену всего, что могло случиться с ним в будущем. Они помогут умереть женщине, которая была его матерью. Галюс — поро-

шок, содержащийся в трубочке,— надо было высыпать в чашку с горячей водой. Тогда Мелани Ренфо не будет лежать здесь, в Дипиле: она, может быть, снова переживет счастливейший день в своей жизни. И если тонкая нить, привязывающая ее к этому миру, не оборвется к тому времени, когда она проснется, наготове будет вторая трубочка. Мелани жила в страхе, отчаянии и боли, а умрет счастливой. Он оглянулся и встретил взгляд Мары.

— Я дам ей это,— он коснулся трубочки,— а если... понадобится, ты дашь вторую?

— Разве тебя не будет здесь?

— Я... я улетаю ночью... Мне дали два часа... Ты поклянешься, что останешься с ней? — он развернул сверток из пятидесяти кредитов.— Возьми это и поклянись!

— Нейл! — в глазах ее вспыхнули жаркие искры.— Ладно, сынок, я поклянусь. Хотя нам здесь не очень-то нужны были старые боги и духи, не так ли? Я дам клятву, хотя тебе нет нужды просить об этом. А это я возьму... ради Вейса. Вейс должен уйти отсюда... не твоей дорогой — другой,— ее руки конвульсивно сжали пачку кредитов. Нейл почти ощутил горькую решимость, исходящую от нее. Вейс Диза мог освободиться от Дипила, если бы его мать могла сражаться за него.

— Куда ты записался? — спросила она, ставя греть воду.

— В какой-то мир, называемый Янусом,— ответил он.— Неважно, пусть это будет грубая пограничная планета, лишь бы подальше от Дипила и Корвара.— Он не хотел думать о будущем.

— Янус,— повторила Мара.— Никогда не слышала о такой. Послушай, сынок, ты сегодня ничего не ел. У меня есть немного лепешек для Вейса, но он, наверное, нашел на сегодня работу и не придет. Я...

— Нет. Я улетаю сегодня, помнишь? — он слабо улыбнулся.— Послушай, Мара, ты посмотри вещи... потом, ладно? — он осмотрел комнату. Он ничего не возьмет с собой: в морозильную камеру багаж не берут.— Если тебе что пригодится — возьми. Тут мало что осталось. Только...— он подошел к ящику, где хранил свои бумаги и немногие драгоценности. Браслеты матери и пояс Дона давно проданы. Нейл быстро просмотрел бумаги. Заявки, которыми они никогда не могут воспользоваться,— их можно уничтожить. Опознавательные диски...

— Они пойдут Директору... потом. А вот это...— Нейл покачал на ладони кольцо Мастера, принадлежащее Дону Ренфо.— Продай его и купи цветов... Она любила цветы, деревья... все, что растет.— Я сделаю это, мальчик.

И Нейл был уверен в этом. От воды уже шел пар. Нейл отмерил порцию в чашку и высыпал порошок из трубочки в воду. Они подняли голову Мелани и уговорили женщину проглотить снадобье. Нейл снова прижал к щеке ее исхудалую руку и вглядывался в слабую улыбку на посиневших губах.

легкую краску счастья, как паутинкой покрывшую скулы и подбородок. Она больше не стонала, а шептала что-то — не то слово, не то имя. Некоторые имена были ему знакомы, другие — нет, они исходили из прошлого, в котором он не участвовал. Мелани снова была девушкой, жила на своей родной планете с мелководными морями, усеянными кольцами островов, где высокие деревья шелестели под легким ветерком поздней ночью. Все это она по доброй воле обменяла на жизнь в корабле, когда вышла замуж за человека, называвшего своим домом не планету, а корабль, и пошла за Доном Ренфо в космические просторы.

— Будь счастлива,— Нейл отпустил ее руку. Он отдал ей все, что мог — последнее возвращение от забот, печали, непрощаемого настоящего в ее дорогое прошлое.

— Ты здесь? Ты Нейл Ренфо?

В дверях стоял человек в форме Агентства. На его поясе покачивался станнер. Это был типичный надсмотрщик, загоняющий добычу на борт поджидающего транспорта.

— Иду.

Нейл осторожно поправил одеяло и встал. Он вышел твердым шагом, но у двери Мары остановился и постучал.

— Я пошел,— сказал он.— Ты присмотришь?

— Присмотрю. Я останусь с ней до конца и сделаю все, что ты хотел. Удачи тебе, сынок.

Но было ясно, что это последнее пожелание неисполнимо.

Нейл в последний раз спустился по лестнице, стараясь ни о чем не думать или, по крайней мере, думать о том, что Мелани ушла из Динила на другой путь, неизмеримо более приятный. Страж подобрал еще двух завербованных и доставил всех в обрабатывающую секцию порта. Нейл без всяких вопросов покорился процедуре, которая должна была сделать из живого человека беспомощную часть груза, достаточно ценную, чтобы привезти его неповрежденным и оживить. Он взял с собой в морозный сон только память о слабой улыбке, которую он увидел на губах матери. Долго ли длилось путешествие, в каком направлении и по каким причинам, кроме доставки груза, Нейл так и не узнал, да, в сущности, и не интересовался. Этот самый Янус, конечно, был пограничным миром, иначе там не требовалась бы человеческая рабочая сила — вот и вся его сумма знаний об этой планете. Он не видел громадный темно-зеленый шар на экране пилота, показывающий обширные континенты и узкие моря, землю, задавленную густой зеленью лесов, таких лесов, о каких более цивилизованные планеты давно забыли. Космопорт, на котором приземлился грузовоз, был расположен в голой каменистой местности, в рубцах и ожогах пламени, хлещущего из садящихся и взлетающих кораблей. Из этого центра неправильными линиями шли расчистки, сделанные поселенцами. Участки были вырублены в лесу — голые пятна в темной зелени, зелени с сероватым оттенком, словно на широких листьях этих гигант-

ских деревьев, жадной молодой поросли и кустарников осела серебристая пленка. Люди обрабатывали поля, сажали ровные ряды своих растений, и эти ряды перекрещивались бревнами, выдолбленными, прорубленными или еще как-нибудь приспособленными в качестве крова для людей, рубивших лес. Это была война между человеком и деревом; тут выдергивали вьющееся растение, там атаковали куст или молодое деревце, стремящееся занять расчищенное с таким трудом пространство. Лес все время ждал. И ждали те, кто был в этом лесу... Люди, занятые этой борьбой, были угрюмы, молчаливы, тверды, как здешние деревья, упорны, как очищенный космосом металл. Эта война началась сто лет назад, когда первые разведчики отметили Янус, как пригодный для заселения человеком. Первая попытка завоевать планету для человека провалилась. Потом пришли эти последние инопланетники и остались. Но лес был все еще мало вырублен, очень мало. Переселенцы с разрозненных участков продвигались в сторону порта и образовали город. Они ненавидели его, но терпели, потому что он был связующим звеном между ними и другими мирами. Это были суровые люди, связанные безрадостной верой, самоуверенностью и решимостью, люди, работающие от зари до зари, считавшие красоту и радость смертельным грехом, принуждавшие себя, своих детей и рабов-рабочих к нудной работе, которой они поклонялись. Все так же оставалось и теперь, когда можно было покупать свежую рабочую силу для борьбы с лесом.

2. — Их здесь куча, мастер участка. Я что, повезу свой товар обратно?

Суперкарго покачивался, положив руки на бедра, и в глазах его светилось презрение. По сравнению с покупателем он был тонок, как проволока, и выглядел мальчишкой.

— И вы привезли такое барахло, чтобы они жгли лес и работали на полях? — сказал покупатель. Он тоже был полон презрения — как к космонавту, так и к его товару.

— Люди, у которых есть, что продать, не вербуются в рабочие, как вам известно, мастер участка. Это уже чудо, что мы вообще кого-то привезли.

Поселенец резко отличался от жалкой компании, которая стояла перед ним. Большинство мужчин земного происхождения, как бы они ни были далеки от родной планеты и даже от своего племени, бреют волосы на лице, этот же неуклюжий гигант возвращался в первобытное состояние. Густая борода веером расстилалась по его бочкообразной груди и закрывала лицо, захлестывая скулы. Длинные волосы покрывали тыльную сторону широких рук. Все остальное было серым: грубая одежда, сапоги из шкур, шапка, надвинутая на копну волос. Он говорил гортанно, с новыми интонациями, ходил тяжело, будто давил невидимые препятствия. Высокий, массивный, он и сам напоминал дерево, на которое он и весь его род обрушивали угрюмую ненависть. И люди, находившиеся

перед ним, казались пигмеями слабой породы. Их было десять. Их все еще трясло после оживления, и никто из них физически не мог быть парой мастеру участка. Завербованные были, как указывал суперкарго, людьми без надежды, людьми почти конченными, как физически, так и умственно. Поселенец сердито осмотрел каждого. Его глаза снимали с несчастных то, что на них еще оставалось, отмечая недостатки тощих тел.

— Я — Калло Козберг с Опушки. Мне нужно расчистить сорок просек до первого снега. А кого вы мне предлагаете? Если они как следует поработают час — и то слава богу! И просить за таких груз коры — просто грех!

Выражение лица суперкарго стало сердитым.

— Грех, говорите? Не хотите ли вы обвинить меня в этом перед Спикером? Если так, то я приведу доказательства: сколько кредитов заплачено завербованным, что стоило замораживание и перевозка. Я думаю, вы поймете, что цена вполне в дозволенных пределах. Вы все еще говорите "грех", мистер Козберг?

Тот пожал плечами.

— Это просто манера говорить. Нет, я не собираюсь обвинять вас. Не сомневаюсь, что вы можете привести доказательства, если я это сделаю. Но человеку нужны помощники для расчистки, даже если они еле двигаются. Я возьму этого... этого... и этого...— его палец указал на троих рабочих.— И тебя тоже,— он в первый раз взглянул рабочему в лицо.— Да, ты — третий с конца. Сколько тебе лет?

Нейл Ренфо понял, что вопрос относится к нему. Его голова все еще кружилась, желудок сжимался от варева, которое в него влили, и он с трудом ответил:

— Не знаю...

— Как не знаешь? Ну и пустая же башка у парня, коли он не знает даже, сколько ему лет! Много глупостей я слышал от инопланетников, но такого не приходилось!

— Он сказал правду, мастер. По собранным сведениям, он родился в космосе. Планетные годы на таких не распространяются.

Борода Козберга задвигалась, словно он жевал слова, прежде чем их выплюнуть.

— Рожденный в космосе... так... ладно, он выглядит достаточно молодым, чтобы научиться работать руками. Я его тоже возьму. Они все на полный срок?

Суперкарго ухмыльнулся.

— Для такого пробега — на Янус — разве мы можем тратиться на меньшее? У вас есть готовая кора для груза, мастер?

— Кора есть. Мы сложим ее на погрузочную площадку, чтобы скорее отправиться в путь — мы ведь едем к Опушке! Надо разгрузиться, хотя, если посмотреть на вас, вы много не наработаете.

Космопорт был группой сборных домов вокруг выжженного бетона посадочного поля, имевших странный вид времянок без фундамента, безобразных, схожих с бесплодным

оцепенением Дипила. Понукаемые непрерывным грохотом приказов, рабочие торопились к линии повозок. Их груз — громоздкие связки серебристой коры — складывались вручную в большую кипу под внимательным надзором корабельного приемщика.

— Эй, идите сюда,— Козберг махнул рукой, указывая на повозку и связки коры. Нейл посмотрел на человека, стоящего в ближайшей повозке. В его опущенной руке качалась связка коры. Это было младшее издание Козберга. Можно было безошибочно сказать, что это отец и сын. Борода на его выдающемся вперед квадратном подбородке была еще шелковистой, и губы заметно выступали над ней. Как и отец, он был одет в тяжелую серую, скверно сшитую одежду. Люди, работавшие вдоль этой линии и быстро разгружавшие повозки, представляли собой серо-коричневое однообразие — не то армейское, не то служебное одеяние. Но Нейлу не пришлось долго разглядывать их, потому что перед ним оказалась связка коры и нужно было скорее хватать ее. Так было легче, чем можно было ожидать, хотя объем связки очень затруднял переноску. Нейл осторожно положил ее в стог. Ноги еще плохо слушались его. В три захода повозка была опустошена, и Нейл стоял, оглядываясь вокруг. В каждую повозку было запряжено два тяжеловесных фыркающих животных. Широкие задние ноги и зад не соответствовали слабым передним ногам, совершенно не похожим на задние. Животные сидели на задах и старательно чесали задними ногами густой мех на брюхе. Шкурка их была сланцево-голубой, гривы — пыльно-серые, начинающиеся на круглых, как у грызунов, головах и спускающиеся до крайней точки хребта. Хвоста не было и следа. Широкие ошейники на их плечах крепились к передку повозки паутиной сбруи, но поводьев Нейл не видел.

— Туда! — волосатая рука Козберга махнула перед его носом. И Нейл взобрался в пустую теперь повозку и сел там на куче грубых мешков, от которых шел сильный, но не противный запах коры. Двое его товарищей-иммигрантов последовали за ним. В задней части повозки было отгорожено место для мастера. Сын, не произнесший во время выгрузки ни слова, занял единственное приподнятое сиденье впереди, поднял шест и резко стукнул по обоим запряженным чесальщикам. Те глухо зафыркали, но сошли с полосы порта и двинулись то шагом, а то прыжками, отчего повозка дергалась, причиняя неудобства пассажирам. Одного из людей стало тошнить, и он едва успел перегнуться через борт. Нейл бесстрастно изучал своих спутников. Один был очень крупным человеком с зеленовато-коричневой кожей бывшего члена команды космического корабля, с пустыми глазами, вдребезги пьяного. Он сидел, прислонившись к стенке повозки и опустив руки между коленями — выгоревший корпус. Тот, кого тошнило, все еще висел над бортом, вцепившись пальцами в край. Редкие черные волосы на круглом черепе, кожа белая, как тесто. Нейл видел

таких и раньше. Какой-нибудь портовый лодырь, завербовавшийся из страха перед законом, а может быть, всерьез решил надуть начальство.

— Эй, мальчик! — человек, за которым наблюдал Нейл, повернул голову.— Ты что-нибудь знаешь об этой планете?

Нейл покачал головой.

— Вербовщик сказал: Янус, сельское хозяйство.

Несмотря на скачки повозки, ему удалось встать, чтобы по возможности увидеть окрестности. Они ехали по неровной голой земле между изгородями полей. Первым впечатлением Нейла была мрачность. Ландшафт был лишен красок и жизни, как кварталы Дипила. На полях росли низкие кусты, посаженные перекрестными рядами. Изгороди, защищавшие их, состояли из ободранных кольев, переплетенных лианами. Такие поля тянулись миля за милей, но вдалеке темнело что-то, что, вероятно, было холмами или лесом.

— Что там? — мужчина отошел от заднего борта и по краю добрался до Нейла.

— Не знаю,— пожал плечами Нейл. Они были товарищами по ссылке, но этот человек ему не нравился. Маленькие блестящие и умные глаза пристально смотрели на Нейла.

— Ты из Дипила, друг? Меня зовут Сэм Тэйлос.

— Нейл Ренфо. Да, я из Дипила.

Тэйлос заржал.

— И ты решил сбежать оттуда и начать новую жизнь в другом мире, желторотый? Напрасно. Ты просто сел в другую такую же дыру.

— Может быть,— ответил Нейл. Он смотрел на темное пятно в этом скучном однообразии несчастной страны с зеленоватым небом, и ему вдруг захотелось подойти к темной линии, узнать о ней побольше.

Животные, то прыгая, то раскачиваясь, быстро тащили повозку, и пять повозок держались все время на одном расстоянии друг от друга. Сэм Тэйлос указал пальцем на кучера:

— Может, он чуток расскажет?

— Спроси.

Нейл пропустил Тэйлоса мимо себя, но не пошел за ним. Тэйлос остановился за сиденьем водителя и заговорил умиротворяюще-плаксивым голосом:

— Джентльхомо, не будете ли вы...

— Чего тебе?

Говор Козберга младшего был еще более гортанным, чем у отца.

— Просто немного информации, джентльхомо...— начал Тэйлос.

— Вроде того, куда ты едешь и что ты будешь делать, работяга? — прервал его Козберг-младший.— Ты едешь прямиком к концу полей на Опушку, где, возможно, увидишь чудовищ. А делать ты будешь тяжелую работу, если не хочешь, чтобы Спикер заставил тебя отвечать за твои тяжкие

грехи. Понятно? — он показал концом своего поощряющего шеста на кусты на полях.— Это наш наличный урожай — латтамус. Его нельзя высадить, пока поле не будет чистым от всяких корней и побегов — голое поле. А получить на Опушке голое поле непросто — надо рубить, и выкорчевывать, и резать. Мы собираемся получить несколько хороших латтамусовых полей, прежде чем вы рассчитаетесь за свои грехи.— Козберг-младший наклонился и взглянул прямо в глаза Тэйлосу.— Есть такие грешники, что не хотят помогать в работе Чистого Неба, да, не хотят. Так их выучат — хорошо выучат. Мой отец — хороший учитель. Спикер послал ему Слово, чтобы он сводил счеты с настоящими грешниками. Мы, Небесный Народ, не убиваем инопланетных грешников, но некоторые уроки тяжело ложатся на закоренелого грешника.

Слова его были темными, но смысл их был вполне ясен. Козберг с удовольствием произносил их. Тэйлос попятился и бочком отошел от сиденья кучера. Козберг засмеялся и повернулся к рабочему спиной. Тэйлос стоял, насколько это позволяла тряска повозки, и смотрел на окружающую местность, а затем обратился к Нейлу почти шепотом:

— Дрянная участь — на кое-как не проедешь. Работать тут, похоже, надо без дураков, до смерти. Это пограничная планета, тут, видимо, всего один космопорт.

Нейл решил, что маленький человек скорее думает вслух, чем разговаривает с ним.

— Когда играют, не ставят звезду, если нет уверенности, что она будет на одной линии с хвостом кометы. Никакой поспешности! А тут — малоприятный разговор о выучке. Они что же, так сразу и зажмут нас? Подумать только!

У Нейла болела голова, и подскакивание повозки начало вызывать тошноту. Он сел напротив все еще застывшего экскосмонавта и попытался думать. Договор, который он подписывал в вербовочной конторе, был очень детализирован. Большой аванс — память Нейла испуганно отшатнулась от мысли, как этот аванс истрачен,— большие издержки по переезду в этот мир. Нейл не имел представления о стоимости коры, которой Козберг расплатился за него, Нейла, но это можно узнать. По договору он имел право возместить эту сумму и стать свободным человеком. Но когда это будет? Самое лучшее — это сидеть здесь и узнавать, что можно, держа глаза и уши открытыми. Дипил был статичным видом смерти, здесь же был какой-то шанс... Нейл снова начал надеяться, сам не зная, на что. Дон Ренфо был Свободным Торговцем, его предки также были исследователями и беспечными космическими скитальцами. Хотя Нейл едва помнил отца, интуиция и способности этого неустроенного и неугомонного человека были наследственными качествами. Мелани Ренфо была из пограничного мира, хотя и отличного от Януса, как осень и весна. Она была из третьего поколения первого корабля, и ее народ все еще был скорее исследователями, чем поселенцами. Наблюдать,

учиться, экспериментировать — вот желания и нужды, которые спали в Нейле, живущем в тисках Дипила. Теперь эти нужды проснулись и зашевелились. Когда повозки остановились и люди поели грубого хлеба и сушеных ягод, Нейл присмотрелся к животным, жующим корм. Кучер второй повозки, маленький и тощий, со шрамом от старого ожога бластером на голове, явно был инопланетным рабочим.

— Как вы их называете? — спросил его Нейл.

— Фэзы,— односложно ответил тот.

— Здешнего происхождения? — продолжал спрашивать Нейл.

— Нет. Их привезли с Первым Кораблем,— он указал подбородком на Козбергов.

Первый Корабль. Нейл был поражен. Он пытался вспомнить скудную информацию о Янусе. Конечно, поселенцы обосновались здесь более одного поколения назад.

— Приехали двадцать лет назад. Эти Возлюбленные Неба получили поселение прямо от Угольного Синдиката и двинули сюда. Пока только до дверей в свободную страну.

— Свободная страна?

— Свободная для иноземцев. Все остальное — владения Возлюбленных Неба — семейные участки, понемногу расширяющиеся с каждым годом,— он снова указал подбородком, на этот раз на темную линию на горизонте.— Следи за этими фэзами: выглядят они мирно, но не всегда такие с чужаками. Их зубы могут, коли захотят, грызть не только орехи.

Зубы были длинные, белые и устрашающе выделялись на покрытой темным мехом морде животного. Но сами фэзы казались совершенно поглощенными едой и не обращали внимания на людей.

— Хулла! — заорал Козберг-старший, злясь даже на фэзов.— Готовьте животных в путь! Эй, ты! — он указал Нейлу на задок своей повозки.— Полезай!

Когда наступило послеобеденное время, кусты латтамуса на придорожных полях поредели. Там и тут виднелись полосы хлебов и овощей. Изгороди вокруг них были светлых цветов, будто поставленные на короткое время. А перед повозками по-прежнему ползла темная тень, а может, Нейлу просто казалось, что тень ползет к людям и повозкам, а не наоборот. Теперь уже было ясно, что это темный лес, стена деревьев, и так же ясно, что отогнать ее нелегко. На полях стояли широкие пни, некоторые были обуглены, словно обглоданы огнем. Нейл представил себе, какую работу нужно провести, чтобы вырвать из девственного леса такое поле, и глубоко вздохнул. Он попытался объединить то, о чем догадывался и что знал, насчет участков и людей, которые на них работали. Одежда, повозки, намеки обоих Козбергов и слова рабочего-кучера показали Нейлу, что это был поселок сектантов. Таких было немало на протяжении столетий после путешествия первых землян в глубокий космос и колонизации других миров. Группы, объединенные одной религией, нахо-

дили необитаемые миры и, не тревожимые «мирскими» оккупантами, основывали свои собственные утопии. Некоторые становились столь эксцентричными, что поворачивали свою жизнь в цивилизацию, полностью чуждую прошлому первопоселенцев. Другие же освободились или утратили, забыли прежние мечты, и только развалины и могилы указывали на прошлое. Нейл встревожился. Фермерская работа могла оказаться непосильно тяжелой — похоже на то. И фанатичная вера также была угрозой, казавшейся ему хуже, чем любая естественная опасность на любой планете. У Свободных Торговцев и верования были свободными. Их космополитическое происхождение и работа привели к большой терпимости к людям и идеям. «Ведущий Дух» родной планеты Мелани, сгоревшей во время войны, признавался его поклонниками, как добрая и снисходительная Сила. Узкие жесткие рамки, в которые некоторые люди заключали свою религию, делали ее Силой, стоящей далеко от человеческой борьбы, и это было так же опасно для чужаков, попавших в их среду, как бластер в руках врагов. И это зловещее напоминание Козберга-младшего о «выучке» больно поразило Нейла. Он страстно хотел получить возможность спрашивать. Но вопросы могли привлечь к нему внимание, а этого он не хотел. Вопросы относительно религии и целей чаще всего были запретными даже для своих внутри фанатичной общины. Нет, лучше смотреть, слушать и пытаться соединять обрывки сведений. Повозка свернула с дороги и прошла через ворота в стене из кольев, бывшей значительно выше полевых изгородей и, по всей вероятности, воздвигнутой для защиты, а не просто для отделения одного участка от другого. Их появление было встречено лаем. Собаки, достаточно похожие на земных, чтобы их можно было так назвать, в количестве пяти или шести бегали и прыгали за более низким забором и изо всех сил старались привлечь внимание прибывших. Нейл смотрел на это зрелище и думал, какая угроза заставила жителей участков, находящихся в тени видимого теперь леса, держать такую свору. Может быть — по спине Нейла пробежал холодок — они караулили рабочих? Повозка въехала на пустую площадь, окруженную домами, и Нейл мигом забыл о собаках, с удивлением уставившись на главный дом участка. Этот... эта штука была такой вышины, как двухэтажные дома Дипила, но это был просто ствол дерева, положенный набок, с прорубленными в нем двумя рядами окон и широкой дверью, сохранившей еще остатки коры. Его удивили пни на полях, но то были остатки молодых деревьев по сравнению с этим чудовищем! Вот, значит, из каких деревьев состоит лес Януса!

3. Нейл прислонился к опоре для рукоятки большого обдирочного топора. По его обнаженному до пояса телу, покрытому серебристой пылью, струйками сбегал пот. Солнце, показавшееся ему в первый день таким бледным, показывало

свою силу волнами жара. Он повернул голову, как часто делал это за последние недели, к холодной зелени деревьев, которые они атаковали. Неясная протяженность темной зелени была, как обещание водоема, куда человек мог бы окунуть вспотевшее, опаленное жаром тело, расслабиться, уснуть. Козберг, прибыв на эту часть Опушки, не теряя времени указывал своим новым рабочим на ужасные опасности этой лесистой местности, так соблазнительно манившей. И не меньше опасностей таилось в одинокой полуразрушенной хижине, на которую он указал им — она стояла как раз посередине полоски леса, выдававшегося языком в очищенные с таким трудом акры будущего поля. Теперь это было проклятое место, которое человек не смеет тревожить. Эта хижина — они смотрели на нее с безопасного расстояния — была и оставалась могилой грешного человека, который так страшно оскорбил Небо, что заболел Зеленой Болезнью. Верующие не убивают, нет, они просто бросают в холодное одиночество леса тех, кто подхватывает эту неизлечимую болезнь, посланную в наказание за грехи. И может ли выжить человек, оставшись в дикой местности без ухода, с высокой температурой и бредом в первой стадии болезни? И кто знает, какие еще опасности подстерегают людей в тени гигантских деревьев? Время от времени люди там видели чудовищ, всегда ранним утром до восхода солнца или в сумерках. Нейл задумался насчет этих «чудовищ». Рассказы домочадцев Козберга всегда имели дикий привкус, но описание существ было рождено явно живым воображением. Все рассказы сходились только в одном — что неизвестное существо было такого же цвета, что и окружающая его растительность, и что у него четыре конечности. Как оно ходило, на двух ногах или на четырех, информация, похоже, расходилась. Собаки на участках ненавидели это существо. Любопытно, что характерной чертой поселенцев было отсутствие добра и сочувствия. Первые опасения Нейла относительно качеств общества на Янусе полностью подтвердились. Вера Возлюбленных Неба была узкой и жестоко реакционной. Жители участков явно шагнули назад на тысячу лет, в прошлое своего рода. У них не было желания узнать что-нибудь о природе Януса, они лишь упорно, день за днем дрессировали страну, приспосабливая ее к образу жизни их родной планеты. Там, где другой тип поселенца пошел бы в глубину лесной страны для изучения, Небесные Возлюбленные боялись подойти к дереву иначе, как с топором, ножом или лопатой, и только жаждали рубить, обдирать, выкапывать.

— Эй, Ренфо, наклоняй его! — крикнул Ласья, который тащился по полуразрытому участку, держа топор на плече. Это был давний работник Козберга. Он взял на себя обязанность подгонять новичков. Позади него на шаг шел Тэйлос с ведром грязной воды. Его лицо сморщилось от усилия, которого ему это стоило. Бывший воришка из Корвара старался использовать все хитрости и плутни, каким он научился в своем

грязном прошлом, чтобы облегчить себе жизнь. В первый день расчистки его вернули обратно в усадьбу с распухшей лодыжкой, и Нейл подумал, что это было преднамеренно неудачное обращение с корчевальным крюком. Хромая вокруг строений, Тэйлос добивался расположения на кухне и в ткацкой. Его лукавый язык был столь же быстр, сколь медлительны в работе руки. В конце концов, женское население дома Козберга приняло его в помощники. Таким образом он избавился от полевых работ. Правда, Нейл, слыша резкий голос хозяйки, сомневался, что Тэйлос выбрал благую участь. Сейчас Тэйлос наклонился над стволом поваленного дерева и глупо ухмылялся за спиной Ласьи, подмигивая Нейлу, в то время как последний начал обрабатывать один из чурбанов.

— Видел какое-нибудь чудовище? — спросил Тэйлос, когда Нейл сделал паузу, чтобы подойти напиться.— Полагаю, что за их шкуру можно получить хорошую цену в порту, но никто не был достаточно умен, чтобы взять с собой пару собак и немножко поохотиться.

Его намек только указывал на мысль, которая бродила в мозгу всех новичков — каким-нибудь образом организовать самостоятельную торговлю, открыть кредит в порту и в один прекрасный день, пусть нескоро, получить свободу. Ласья нахмурился.

— Заткнись! Никакой торговли никогда не будет, ты это знаешь, трусливый жук. Все, что ты достанешь или найдешь, принадлежит мастеру участка, не забывай этого! Не хочешь ли ты, чтобы тебя осудили, как грешника первой степени, и Спикер рассчитался с тобой?

Нейл бросил взгляд через край деревянного ковша.

— Что здесь можно достать или найти такого, что вмешается Спикер?

Ласья нахмурился еще больше.

— Греховные вещи,— пробормотал он.

Нейл опустил ковш в бадью. Он заметил, что Сэм Тэйлос внезапно вздрогнул и застыл в ожидании. Так как Ласья замолчал, Тэйлос задал вопрос, интересовавший как Нейла, так и его:

— Греховные вещи, вот как? И какие они, Ласья? Мы не хотим иметь Спикера за нашей спиной, так что лучше скажи нам, чего не поднимать, если мы найдем. А то мы еще влезем в неприятности и уж тогда заявим, что нам не говорили. Козберг — двуногий ужас — это правильно, но он может выслушать нас, если мы так скажем.

Тэйлос был прав. Как ни сурово и узко было кредо мастера участка, его чувство справедливости все еще работало. Справедливость, но не милосердие, конечно. Ласья остановился с поднятым топором. Его нижняя губа подобралась, так что в профиль он стал похож на какую-то хищную птицу.

— Ладно, ладно! — он резко опустил топор.— Иной раз люди, работающие на расчистке, находят вещи...

— Какие вещи? — перебил его Нейл.

Замешательство Ласьи возрастало.

— Вещи... ну, можно сказать, вроде сокровищ...

— Сокровища? — воскликнул Тэйлос, и его бледные губы сжались, в сузившихся глазах блеснул жадный интерес.

— Какого рода сокровища? — спросил Нейл.

— Не знаю... ну, предметы... по виду богатые...

— И что делают с этими вещами? — Тэйлос облизал губы.

— С помощью Спикера их разбивают на куски и сжигают.

— Зачем? — спросил Нейл.

— Потому что они прокляты — вот почему! И всякий, кто их коснется, проклят тоже!

Тэйлос усмехнулся.

— Богатые вещи, значит. Пусть себе будут прокляты, лишь бы мы их нашли. Их можно отнести в порт и свободно обменять или продать. Зачем же их ломать? Может, они окажутся полезными здесь — может, это машины, каких у нас нет, а мы надрываемся, валя деревья и выкорчевывая пни.

Ласья поднял на него тяжелый взгляд.

— Ну, ты-то не надрываешься, Тэйлос. А Небесные Возлюбленные не пользуются машинами. Во всяком случае, если человек попытается сцапать сокровища и об этом узнают, его выгонят туда,— он ткнул большим пальцем в сторону леса,— одного, без еды, без инструментов, без всего, с голыми руками. И ты ничего не продашь в порту. Тебе не позволят идти в порт, пока не будет уверенности, что на тебе нет ничего, кроме штанов на голой заднице. Нет, они правы — эти сокровища не для того, чтобы их брать. Когда их находят, нашедший кричит, и достаточно громко.

— Откуда они появились? Я думал, в этом мире нет местной расы,— сказал Нейл.

— Конечно, нет. Здесь никогда не находили людей. Странное дело, я не раз слышал, что эта планета известна уже сто лет по планетному времени. Угольный Синдикат купил ее на первом аукционе Инспекции — для спекуляции. Это было задолго до войны. Но Синдикат только и сделал, что занес эту планету в свои списки и послал пару экспедиций, которые ничего здесь не увидели. Тут пара маленьких морей, а все остальное — лес. Минералов не обнаружено, по крайней мере, в таком количестве, чтобы имело смысл их разрабатывать, вообще ничего, кроме деревьев. Когда это выяснилось, Синдикат стал избавляться от невыгодных планет и продавать их поселенцам. Эти Небесные Возлюбленные жили на каком-то клочке неплодородной земли на сверхсухой планете и лезли из кожи, чтобы как-нибудь выжить. Каким-то образом они сумели собрать нужную сумму для уплаты Синдикату, и ринулись сюда. Как раз в это время началась война. Акции Синдиката оказались у врага и лопнули, так что никто больше не являлся сюда требовать свою собственность. Насколько я знаю, Небесные Возлюбленные таким образом получили весь Янус. У них есть для продажи латтамус и кора — достаточно

для того, чтобы держать открытым космопорт и быть занесенным в торговые карты. Вот и вся история. И здесь не было и признака туземцев, просто эти сокровища появляются через какой-то промежуток времени. Никаких остатков, никаких развалин — ничто не указывает, чтобы тут когда-нибудь что-то было, кроме деревьев. А эти деревья росли — некоторые, конечно — почти две тысячи планетных лет. Как раз такие мощные, чтобы быть убежищем для рейдеров или им подобных. Но никогда не находили и следов посадки корабля. Небесные Возлюбленные решили, что сокровища насаждает Темная Сила, желающая ввести людей в грех, и до сих пор нет никаких доказательств, что это утверждение неверно.

Тэйлос презрительно фыркнул.

— Ну и глупо же рассуждают!

— Может быть, но это их рассуждение, а они здесь хозяева,— предупредил Ласья.

— А ты сам когда-нибудь видел какое-то из этих сокровищ? — спросил Нейл, возвращаясь к своей обычной работе.

— Один раз, на участке Моргейма — он следующий к югу. Тогда был последний лесоповал, как раз подходящее время для выжигания. И нашел его хозяйский сын. Они сразу позвали Спикера и окружили нас, чтобы молиться и разрушить находку. Однако им это не очень помогло, только подтвердило их точку зрения насчет греховности.

— Как?

— Ровно через неделю сын заболел Зеленой Болезнью. Они вывезли его в лес. Я был одним из сторожей над ним.

— А зачем его сторожить?

— Больной Зеленой Болезнью полностью теряет соображение и иногда бежит, куда попало. Его нельзя подпускать к людям, потому что тот, кого он коснется, заболеет тоже. Так что, если он пытается сбежать, на него накидывают веревку и привязывают к дереву.

— И оставляют больного умирать! — Нейл уставился на Ласью.

— А больше ничего и не сделаешь, болезнь неизлечимая. Врач из порта сказал, что мы все можем ею заразиться. Иногда родня дает больному сонное питье, чтобы он умер во сне, но Спикеры говорят, что это неправильно: человек должен сознавать, какой он грешник. И знаешь, парень, больной ни в чем не нуждается, ни на что не смотрит. Он уже не человек,— Ласья ударил по дереву.— Говорят, что болезнь эта нападает на тех, кто нарушил какие-нибудь правила или был с чем-то несогласен. А этого сына Моргейма отец два раза учил в поле за то, что тот неправильно работал. Так что, когда он заболел, это было вроде наказания.

— Ты веришь этому? — спросил Нейл.

Ласья пожал плечами.

— Видишь, как это срабатывает, или слышишь о таких случаях. Все те, кого поразила Зеленая Болезнь, имели не-

приятности с Правилами. Была одна девушка, вроде слегка свихнутая — все ходила в лес, говорила, что очень любит деревья. Ее крепко проучили за бродяжничество. Она была еще не вполне взрослая. Однажды ночью ее нашли в постели всю в жару и увезли прямо в лес. Неприятно было, она так кричала! А ее мать — вторая жена Козберга — впала в ужасное состояние. Старик запер ее на две недели, пока не удостоверился, что все благополучно прошло.

Нейл яростно спросил: — Почему же ее просто не убили? Это было бы милосерднее!

Ласья хрюкнул.

— Они так не думают. Быть добрыми к ее телу — значит погубить душу. Она умерла трудно, в соответствии с ее грехом. Они думают, что если человек умрет не в Очищении, как они это называют, он вечно будет во тьме. Если на нем большой грех, он должен за него платить: либо принять нелегкую смерть, либо еще что-нибудь. Их образа мышления не изменишь, лучше не ввязываться. Они дают выучку всякому, не только своим верующим. Ну, хватит болтовни! Тэйлос, давай проваливай с ведрами! Скажи мастеру участка, что груз у нас почти готов. И не мешкай по дороге.

Тэйлос, вылив воду, заторопился, пока был в поле зрения Ласьи. По всей вероятности, эта быстрая походка превратилась в еле ползущую, когда он скрылся за кустарником. Поскольку обычно молчаливый Ласья сегодня был вроде бы в разговорчивом настроении, Нейл решил воспользоваться этим и узнать, что можно.

— Ласья, здесь кто-нибудь покупал себе свободу?

— Свободу? — дровосек, видимо, был оторван от каких-то своих мыслей. Он усмехнулся.— Не мучай себя, парень, не думай об этом. Если бы ты мог взять на плечи фэза и обежать с ним дважды вокруг участка, тогда ты мог бы думать о покупке свободы. Это гнусно-нищенский мир, а внешняя Опушка — владения Козберга. И он не отпустит ту пару рук, которую он добыл. Пока они еще могут работать, разумеется. Ты не очень силен, но ты не лодырь, как Тэйлос. Ты выполняешь дневную работу. Я был военнопленным в Авалоне. Они ходили по лагерю и предлагали работу. И я согласился — это лучше, чем оставаться там взаперти и сойти с ума. Когда я сюда приехал, у меня тоже были идеи насчет того, чтобы выкупить себя. Но только здесь вся земля, каждый кусочек вонючего гнилого дерева принадлежит Небу, по их понятиям. И только истинно Верующий может получить право на участок. Это хитрый трюк в их игре. Истинно Верующий должен быть таковым от рождения. Они составили договор, когда покидали тот неудачный мир, где жили раньше, чтобы их не беспокоили посторонние с другими идеями. А раз уж ты не прирожденный Верующий, ты не можешь сказать им, как ты был бы счастлив принять их веру. Ты здесь, и они зажмут тебя в кулак, если ты воз-

мутишься, тебя проучат, а то и выгонят в лес, причем там, где захотят. А теперь давай-ка заглаживай здесь. Нам лучше сделать красивый груз для старика, когда он придет.

Далеко ли они от порта? Добрый день путешествия в повозке, запряженной фэзами. Пешком, наверное, куда больше. Да и можно ли удрать с работы, даже если и добраться до этой единственной связи с космосом? Плата за проезд на космическом корабле будет баснословно высокой, а проситься в члены команды бесполезно. Симпатии офицеров всегда будут на стороне мастера участка, а не рабочего, пытающегося удрать. И если здесь нет законной системы выкупа за свободу... Нейл яростно воткнул топор в твердое дерево. Не хотелось думать, что мрачная информация Ласьи правильная, но, похоже, что так оно и есть. Ласья оторвал его от тяжелых раздумий.

— Возьми-ка веревку и вытащи одно из тех бревен. Подтяни его сюда.

Нейл бросил топор и пошел к тому месту, где лежали сваленные за последние два дня деревья. Он все еще был вне зоны основного леса, но масса начавшей вянуть зелени в какой-то мере освежила его. Здесь страна ощущалась по-другому: здесь были ароматы, свободные от человеческой грязи. Он импульсивно сорвал горсть шелковистых листьев и прикоснулся к ним лицом, вдыхая их пряный аромат. Его наполнило внезапное желание уйти дальше, к деревьям. Что, если человек полюбит лес? Это будет означать изгнание в неизвестную местность. Но будет ли это хуже, чем жизнь на участке? Он думал об этом, пока обвязывал ствол веревкой. При первом рывке веревка больно врезалась ему в плечо. Слишком велико сопротивление. Нейл встал на колени и увидел, что ветка воткнулась в мягкую землю и крепко пришпилила дерево. Он стал обрезать ее обдирочным ножом. Солнечный свет пробивался сквозь листву, и в том месте, где Нейл копал, что-то блеснуло. Нейл зацепил ладонью влажную глину и открыл то, что лежало под ней. Он заморгал. Рассказ Ласьи не подготовил его к такому зрелищу. И в самом деле, что это? По виду вроде бы из дерева — шар, коробочка, стержень длиной в ладонь и толщиной дюйма в два, свернутое кольцом ожерелье из сверкающих зеленых капелек лежали на серой земле. Рука Нейла протянулась к прутику и подняла его к полному освещению. Он глубоко вздохнул в полном изумлении. Сколько лет уныния, безобразия, и вот он не мог дать названия тому, что держал в руке. Прутик приятно холодил руку, как весенняя вода, зачерпнутая из ручья, освежает рот. Он весь светился зеленым, золотым, опаловым цветами драгоценного камня. Его форма, очертания приводили в восторг, очаровывали глаза. Это было сказочное чудо. И оно принадлежало ему. Ему! Движимый инстинктивным страхом, Нейл огляделся вокруг. Разбивают, сжигают — вот что, по словам Ласьи, делают с такими вещами! Да, конечно, таков их узкий

мир. Сломать красоту, разрушить ее, как они ломают и разрушают красоту Леса. У Нейла не было ни малейшей надежды сохранить сокровище целиком, он и не хотел, но этот стержень, эту трубку с ее пленящей магической красотой он не мог отдать разрушению! Ласья мог в любую минуту подойти, и Нейл не сомневался в его реакции. Он тут же позовет Козберга. Где же найти тайник? Нейл крепко сжал в кулаке свое сокровище. Не найдется ли подходящего места в деревьях? Нейл встал, шагнул в тень деревьев и увидел в одном стволе темное дупло. Он сунул в него прутик как раз, когда Ласья замахал ему рукой. Нейл прыгнул обратно, закидал разрытую землю и стал тянуть за веревку. В это время Ласья подошел к нему. Нейл не смел оглянуться, посмотреть, закрылась ли вновь землей его находка.

— Пустоголовый дурень! — накинулся на него Ласья.— Чего ты надрываешь брюхо? Подложи под него сук!

Ласья опустился на одно колено, чтобы копнуть ножом, как только что сделал Нейл, но вдруг откинулся назад, словно наткнулся рукой на притаившегося ядовитого червя. Он вцепился в Нейла, оттаскивая его от дерева и одновременно громко призывая Козберга. Ласья повиновался закону.

4. Тэйлос стоял у изголовья койки, сводя и разводя руки, словно хотел схватить что-то несуществующее. Он наклонился к Нейлу, то и дело облизывая губы бледным языком.

— Ты видел что-то, ты видел! Сокровище? Какое сокровище, парень?

Все двенадцать инопланетных рабочих спали в одном спальном помещении. Все они, кроме Ласьи, который остался снаружи, как проводник, окружили Нейла. Одиннадцать пар глаз уставились на него.

— Ласья его выкопал, потому что дерево зацепилось ветвями. Я тянул веревку, а он копал. Вдруг он оттолкнул меня и позвал Козберга. Я увидел в земле что-то блестящее — вот и все.

— Зачем, зачем звать Козберга? — спросил Тэйлос, обращаясь ко всей компании.— Отнести клад в порт, и любой торговец выхватит его из рук и даст цену, достаточную, чтобы можно было уехать отсюда.

— Нет,— сказал, покачав головой, Ханноза, неразговорчивый человек, один из старших рабочих,— ты не в курсе, Тэйлос. Ни один из торговцев, прибывающих на Янус, не будет иметь дела с нами, потому что в противном случае он потеряет портовую лицензию.

— Капитан — может быть,— согласился Тэйлос.— Но не говори мне, что вся команда так уж и отвернется от выгодного дельца на стороне. Послушай, ты, грязный корчевщик, я с Корвара и я знаю, как можно пристроить сокровища. За диковинные вещи дают большую цену, достаточно большую, чтобы неплохо заплатить всей цепочке — от члена ко-

манды до финального продавца в каком-нибудь богатом месте.

Ханноза по-прежнему качал головой.

— Тут дело в доверии. Ты знаешь или должен знать — это означает полную строгость в любом порту. За последние три года было найдено пять кладов, как мы слышали, в одном этом районе. И со всеми поступили одинаково: уничтожили под внимательным наблюдением.

— Зачем? — спросил Нейл.— Разве они не понимают, что это важные находки?

— Для кого важные? — возразил Ханноза.— Для Небесных Возлюбленных важнее всего их вера и их образ жизни. Если известия о таких находках дойдут до чужих археологов, придется открыть двери всем этим людям, которые бросятся на Янус. Это означает контакт с другими обычаями и верованиями. Небесные Возлюбленные считают, что этого не должно быть. С их точки зрения в этих предметах заложено зло, вот они и уничтожают его.

— Это же глупо! — Тэйлос ударил маленьким кулачком по койке.— Абсолютно глупо ломать такие вещи!

— Подойди, скажи об этом Козбергу,— посоветовал один из рабочих.— Мы же, поскольку мы все во время Церемонии остались работать на полях, должны немного отдохнуть,— и он вытянулся на койке, подав пример большинству других.

Тэйлос подошел к окну, хотя что он мог отсюда увидеть, Нейл не знал. Сам Нейл лег и закрыл глаза. Все его тело дрожало от сильного возбуждения, и он опасался, как бы остальные в комнате не почувствовали этого. Значит, он сделал невозможное, утаив для себя часть находки? Видно, удача благоволила ему. Закрыв глаза, он снова увидел эту трубку, ее цвет, ее узор и ощутил в ладони ее гладкость. Что это такое? Для чего она была сделана? Кто оставил ее там и зачем? Спрятана про запас или поспешно укрытая добыча? Хотелось бы порасспросить окружающих насчет других находок, но можно ли это сделать, не выдавая никому, что он знает об этой находке больше, чем говорит? Если ему удастся сохранить свою находку, то прав ли Тэйлос? Можно ли иметь дело с каким-нибудь членом экипажа? Да и каким образом он сможет впоследствии объяснить наличие у него денег? Впрочем, потом будет время, полно времени, чтобы об этом подумать. Все зависит от того, хорошо ли он спрятал трубку. Зеленый, золотой, красный, синий и другие цвета, названий которых Нейл не знал, смешивались, кружились, составляя то один, то другой узор. Как хотелось бы Нейлу снова взять эту вещь в руки и посмотреть на нее подольше. Это была красота сама по себе, даже больше, чем красота: сердечность. Взять бы ее в руки и принести Мелани... Нейл вертелся на жесткой узкой койке, поворачиваясь к стене из ободранных бревен.

— Выходи! — приказал Козберг, распахнув дверь. Его рев вызвал немедленное повиновение рабочих.

Нейл вышел вслед за Ханнозой и увидел во дворе все население участка. Младенцы протестующе кричали на руках у матерей. Ребятишки стояли нахмуренные, удивленные. Сам Козберг, держа шапку в руках, стоял во главе семейной линии Верующих, лицом к человеку в длинном сером плаще поверх обычной тусклой одежды поселенца. Незнакомец был с непокрытой головой, и его всклокоченные волосы были такими же серыми, как и плащ, так что трудно было разобраться, где кончаются волосы и начинается ткань. На заросшем бородой лице был приклеен острый, как клюв, нос и удивительно бледные, с красным ободком, глаза. Один глаз все время слезился, слезы капали на широкую бороду и блестели на ней.

— Грешники! — щелкнул голос, такой же повелительный, как и у Козберга. Заметный трепет пробежал по линии Верующих при этом обвинении.— Темная Сила пробралась на этот участок, чтобы поставить свою ловушку. Тьма тянется только ко тьме. Ваше Небо закрыто облаками.

Одна из женщин застонала. Два ребенка захныкали. Человек в плаще поднял голову к небу, которое действительно было облачным, более затянутым, чем обычно бывало по утрам, и запел, вернее, захрипел, как ржавая пила. Слова песни Нейл не понимал. Все еще глядя в небо, незнакомец повернулся к лесу и, не глядя себе под ноги, тяжело пошел в том направлении. Верующие потянулись за ним, мужчины впереди, а Нейл присоединился к рабочим, которые держались в тылу. Конечно, это было просто совпадение, но облака сгущались, жара спала и откуда-то поднялся холодный ветер. Он подгонял их, пока они шли на поляну, где лежал клад. Спикер трижды обошел блестящую кучу, лежащую на земле, взял топор, которым раньше работал Ласья, и протянул его Козбергу. Мастер участка перевернул инструмент лезвием вверх и стал бить его тяжелой частью по драгоценным предметам, превращая их в неразличимую массу мелких обломков и пыли, в то время как Спикер продолжал пение. Когда Козберг отошел, старик вытащил из-под плаща бластер старого образца, посмотрел вниз и прицелился в груду осколков. Ослепляющий луч ударил по мишени, и зрители попятились от жара вспышки. Все, что осталось от клада после этой жестокой расправы, ушло в землю. Спикер обернулся к Козбергу.

— Вы будете очищаться, будете искупать грех, будете ждать!

Мастер участка кивнул косматой головой.

— Мы будем очищаться, будем искупать, будем ждать.

Они снова образовали процессию и пошли обратно через поля.

Тэйлос первый спросил у одного из старожилов:

— Что будет дальше?

— Только одно,— ответил ему ветеран Бринхольд.— Ляжем спать на пустое брюхо. Ласья, почему ты не помешал этой

вонючей мессе? Зачем ты навел старика на эту очистительную работу?

— Да уж,— хором поддержали его товарищи.— Теперь мы должны поститься, пока они умиротворяют Небо!

Ласья пожал плечами.

— Вы же знаете Закон. Лучше пару деньков поголодать, чем получить полную выучку.

— Знаете, он прав,— поддержал Ханноза.— Просто нам не повезло, что мы нашли это здесь. Около двух лет назад сам Козберг наткнулся на такой клад.

Нейл повернулся к нему.

— Здесь же?

— Да. Козберг искал свою дочь. Она была странной девочкой и вечно убегала в лес, когда ей удавалось вырваться из дома. Говорили, что у нее голова не в порядке,— спокойное лицо Ханнозы приняло непонятное выражение.— Я бы сказал, что у нее был атавизм — возвращение к тому состоянию, в котором этот народ был раньше, до того, как стал Верующим. В моем мире ходили необычные сказки о том, что раньше существовала другая раса; когда захватчики взяли их землю, эта раса ушла в укрытие. Время от времени люди этой старой расы заходят в дом, где есть новорожденный, и крадут ребенка, оставляя на его месте своего.

— Зачем? — спросил Нейл. На него накатила волна странного возбуждения, как и тогда, когда он думал о спрятанном прутике.

— Кто знает? Может, для обновления крови в их умирающей расе. Во всяком случае, подменыш, как называли оставленного ребенка, был чуждым и странным и обычно рано умирал. Эйли была вроде этого, она вовсе не походила на остальных Козбергов, так что вполне могла быть из другой расы.

— Да, она и в самом деле была совсем другая,— согласился Ласья.— Не повезло ей.

— Что с ней случилось? — поинтересовался Нейл.

— Я же тебе рассказывал — она заболела Зеленой Болезнью, и ее выгнали в лес, как это всегда делается. Только ни к чему было поднимать такой шум насчет того, что она была грешницей. Она никому не делала вреда, просто хотела жить по-своему.

— А это здесь — грех. В других местах — тоже. Никто не должен покидать стадо. Быть другим — настоящий непростительный грех,— сказал Ханноза, ложась на свою койку и закрывая глаза.— Ложись и отдыхай, парень. Мы не будем ни работать, ни есть, пока не кончится период очищения.

— Это долго?

Ханноза улыбнулся.

— Это зависит от вознаграждения, которое Козберг даст Спикеру. Старый Хайзендер весьма сообразителен в смысле выгоды и знает, что наш уважаемый мастер хочет до зимы очистить западные поля, так что они поторгуются.

Они не нашли трубку, думал Нейл, лежа на койке ранним утром. Он не видел ее в той куче разрушаемых предметов. Когда он рискнет вернуться к своему тайнику и взять ее? Здравый смысл говорил ему, что надо ждать долго, но у него чесались руки: он жаждал этой трубки, как его тело жаждало пищи. Где-то в глубине мозга было удивление: почему его так занимает этот чуждый артефакт, почему эта вещь так притягивает его? Может, потому, что она дает шанс на освобождение при условии, что он окажется способным отнести ее в порт и продать? Или он просто хочет иметь ее? И это удивление было окрашено страхом. Нейл, как мог, боролся с этим сильным притяжением. Он устал физически, но его мозг не успокаивался даже во сне. Он старался думать о всяких мелочах: о листьях деревьев, о глубинах леса за вырубкой, об ароматах деревьев, о ветре, качающем ветви и кусты. Видимо, он спал, потому что, когда он открыл глаза, было темно. Он лежал на своей койке, слышал скрип дерева, вздохи, бормотание кого-то из соседей. Он был здесь, на участке Козберга, во владении, вырванном у леса Януса людской волей, упрямством и руками. Но где же он был? Где-то в другом, п р а в и л ь н о м месте. Испуганный Нейл обдумывал это впечатление, пытаясь понять смысл через эмоции. Он был где-то, и то место было правильным. Теперь он здесь — это неправильно, как поставленная не на свое место деталь машины не может работать. Жарко. Он заперт в ящике, в западне. Он осторожно двинулся, прислушиваясь, как животное, проникшее на территорию естественного врага. Ему хотелось выйти наружу, в холодную темноту, а затем, через поля, к своему дереву, где лежало спрятанное. У него так тряслись руки, что он прижал их к груди, где дико колотилось сердце. Выйти отсюда — в ночь, на свободу! Осторожность удерживала его только до тех пор, пока он не перешагнул порог спального дома, а затем его захлестнуло бурное ликование, и он побежал, как бы скользя по грубой поверхности полей, словно его вела связь с тем, что ждало его в дупле дерева. Темно, конечно, но это не та тьма, что скрывается в спальном доме. И опять та часть мозга, которая могла еще удивляться и пока не была еще охвачена желанием, сжигающим Нейла, отметила, что он в и д е л в этой темноте, что от него скрывалась только середина самых глубоких теней. Когда он добежал до грубо расчищенного места, где они работали, ветер закрутился вокруг него, ласково приветствуя. Листья не шелестели теперь под ветром — они пели! И Нейлу тоже захотелось петь. Только последняя гаснущая искра сознания задушила звуки в его горле. Воняет горелым... Нейл миновал то место, где Сликер орудовал бластером, не сознавая, что его губы приподнялись как бы в рычании, что глаза его горят, что в нем поднимается ярость, непропорциональная тому, что случилось здесь несколько часов назад. Нейл прошел сквозь завесу кустов к дереву. Его пальцы прикоснулись к коре, гладкой, приветствующей...

— Почему приветствующей? — спросил почти неслышный голос в Нейле. Но этот голос исчез, когда пальцы перешли от коры к трубке. Нейл достал ее и вскрикнул от восторга. Цвет — плавающий, комбинирующий оттенки, танцующий, цвет откуда-то из того места, где Нейл хотел быть. Это ключ от его собственной калитки, которую он должен найти!

— Ну, так и есть, парень. Ты, значит, это сделал. Я так и думал.

Нейл повернулся, пригнувшись и прижав трубку к себе. Тэйлос! Тэйлос стоял там и ухмылялся.

— Урвал от них, Ренфо? Неплохой фокус. Хватит, чтобы покрыть долг, хватит для нас обоих!

— Нет! — Нейл лишь частично вышел из чар, которые держали его с тех пор, как он проснулся в спальном доме. Единственное решение, в котором он был уверен — что Тэйлос не имеет и никогда не будет иметь той вещи, которую он, Нейл, держит в руках.

— Ну нет, ты не скинешь меня с орбиты, Ренфо. Стоит мне только заорать, как у тебя не останется никакого сокровища. Разве ты не знаешь, что они сделали сегодня с остальными?

— У меня не будет, но и у тебя не будет тоже,— сказал Нейл. Разум постепенно возвращался к нему.

— Тоже верно. Но я не позволю тебе уйти с ним. Парни там говорили, что такие штуки находят здесь во второй раз. А, может, есть и еще? И от такого дела Сэма Тэйлоса не отгонишь ни в жисть, никакому червяку из Дипила этого не удастся! Вот увидишь!

Нейл плотно прижался спиной к дуплу.

— Нет!

— Нет? — голос Тэйлоса все еще держался на уровне обычного разговора, но рука его двинулась. При свете голубовато-зеленой луны Януса блеснуло лезвие ножа, направленное вперед и вверх.— Здешний народ не стоит за кровопускания, так, по крайней мере, говорили парни, но я-то ведь не Верующий, и ты тоже. И ты отдашь эту вещь!

Нож резанул воздух. Тэйлос, вооруженный голым металлом, жаждущий того, что держал Нейл, уже не был попрошайкой и лодырем, каким выглядел раньше.

— Так,— из темноты выступили тени Козберга, его сына и двух рабочих.— Так, Зло все еще здесь, и грешники тоже! Хорошо, что мы следили в эту ночь. Эндон, возьми маленького!

Веревочная петля прижала руки Тэйлоса к бокам, остановив его возможное сопротивление. Козберг посмотрел на Тэйлоса.

— Он не коснулся этого. Намерение — еще не полный грех. Возьми его под стражу. Его поучат, хорошо поучат!

Второй жестокий рывок сбил Тэйлоса с ног и вызвал у него несвязные вопли о пощаде и попытки оправдания. Но пинок Эндона объяснил ему мудрость молчания.

— А ты,— Козберг повернулся к Нейлу,— ты грешник, язычник! Ты нашел и скрыл! Ты навлек на нас гнев Неба!

Его рука вытянулась с такой скоростью, какой Нейл не ожидал, и дубина обрушилась на предплечье Нейла. Он невольно вскрикнул и упал на колени, но, несмотря на боль, не сводил глаз с выпавшей из рук трубки. Она выкатилась на открытое место и лежала, теплая, прекрасная, сияющая в лунном свете. Но так было лишь одно мгновение. Козберг наступил на нее своим тяжелым сапогом и раздавил в порошок все это тепло и жизнь. Нейл закричал, бросился на пляшущую тушу мастера участка, яростно разбрасывающего ногами опавшие листья и землю, но на него тут же обрушился удар, сделавший Нейла слабым и беспомощным. Мрак. Головная боль и вонючий мрак, вызывающий тошноту. Мрак... Почему огонь стал мраком? Конечно же, он лежал в пламени и не мог убежать. Огонь был и внутри, и снаружи — кругом. Весь мир пылал. Много времени прошло с тех пор, как он пришел в себя в огне и мраке, просил воды, катался по земляному полу, разрывая и так уже рваную одежду. Еще больше времени он пробыл в другом месте, о котором ничего не помнил, но оно было куда более важно, чем тьма и огонь. Ударил свет. Нейл зажмурился и закрыл лицо руками. Он отшатнулся от света, который смешался с болью в голове и пожиравшим его огнем. Но свет заполнил весь мир, и не было места, где можно было укрыться от него.

— Взгляните на него!

Отвращение, страх — эти эмоции дошли до него даже там, где он скорчился и дрожал.

— Зеленая Болезнь! Уведите его отсюда, у него Зеленая Болезнь!

Другой голос хрипло каркнул:

— Небо покарало грешника. Поступите с ним по обычаю, мастер участка!

На Нейла накинули веревки, выволокли на свет, причинявший страшную боль глазам. Его подгоняли, толкали, тащили куда-то на подгибающихся ногах и волоком по земле. Это был кошмар. Он не понимал его, а только страдал, как животное, которое тащат на бойню, и надеялся только, что все это скоро кончится, и он снова вернется во тьму.

Вода... вода, бегущая по камням, поток под открытым небом... пить эту воду, лить на горящее тело. Лечь в текущую воду... Нейл полз на коленях, щурясь от причинявшего боль света. Но здесь были места холодных теней, где свет приглушался, экранировался, и эти места становились все шире. Ифткан... Силы Ларша напали на восходе луны, и кто-то слабый позволил им просочиться через Первый Круг. Так пал Ифткан, и Ларши теперь охотятся за беглецами из Башни. Нейл скорчился в зеленоватой тени и закрыл лицо руками. Ифткан... Ларши... Сны? Реальность? Вода... Ах, как нужна вода! Вздрагивая, он тащился между деревьями, ощупывая

руками путь. Ноги тонули в гниющих листьях, в мягкой земле. Над ним шептались ветви, и он, в конце концов, начал понимать их неясную чуждую речь. Теперь он слышал журчание воды. Этот звук рос и резел в его ушах. Нейл, наполовину сполз, наполовину скатился по склону к водоему, куда вода поступала из миниатюрного водопада, который можно было охватить двумя руками. Нейл погрузился в воду, омыл руки и голову, всю верхнюю часть своего горящего тела. Он жадно пил из сложенных ладоней и чувствовал, как жидкость бежит по его воспаленному горлу. Наконец он вылез и лег, глядя на кружево листьев и ветвей над головой, а высоко наверху был кружок чистого неба. Нейл провел руками по лицу, по голове. Что-то запуталось в его пальцах, и он поднес их к глазам. Волосы, длинные, мокрые волосы! Он долго смотрел на них, затем снова поднял руку к голове и ощупал ее. Купание частично освежило его мозг. Он — Нейл Ренфо, инопланетный рабочий на Янусе. Он был болен... болен. Он резко вскочил, холодная дрожь сотрясала его. Его пальцы ощущали голый череп; прядка волос, что выпала при его первом прикосновении к голове, была последней. Что с ним? Что с ним случилось? Его руки еще раз прошлись по голове, по ушам, и застыли. Он сел, прижав колени к груди и тяжело дыша. Затем его глаза, все еще болевшие от света, увидели второй водоем, поменьше, в котором отражалась нависшая листва.

— Не может быть! — вырвалось у него полусловами-полустоном, и он ударил кулаком по поверхности воды, чтобы разбить это лживое зеркало, стереть то, что оно показывало. Но рябь на воде успокоилась, и он снова увидел, не очень отчетливо, но достаточно...

Он опять потрогал голову — проверить правдивость отражения. Безволосая голова, уши шире человеческих, с заостренными концами, выступающими над верхней линией головы. И...— он вытянул перед собой дрожащие руки, заставляя свои глаза смотреть: его смуглая кожа стала зеленой. И это не отражение зелени деревьев, не шутки солнечного света Януса — он вправду стал зеленым! Лохмотья его рубашки давно исчезли, и он увидел свою голую грудь, плечи, ребра. Все было зеленым. Не стоило снимать еще остававшиеся на нем брюки и разбитые сапоги — он знал, что цвет везде один. Он снова посмотрел на свое отражение в воде. Он больше не человек. Он был Нейлом Ренфо... И был Айяром... Айяром? Он сжимал и выкручивал свои руки, не сознавая этих отчаянных жестов. Айяр из Ифткана, лорд Ки-Кик. Ларши сломали Первый Круг, они были во Внешних Посадках. Был сезон Серого Листа, и другого посева быть не могло. Нейл раскачивался взад и вперед. Он не издал ни звука и ожидал, что у него нет голоса. Конец... Конец... Настали предсказанные времена — конец. Потому что варварство Ларшей не было секретом. Они разрушали и не сажали вновь. Когда Ифткан пал, Старая Раса умерла, и свет жизни и знания ушел с

планеты. Но он же был Нейлом Ренфо! Ифткан, Айяр, Ки-Кик, Ларш... Он отодвинулся от водяного зеркала и затряс головой, пытаясь забыть то, что он увидел. У него жар, он просто бредит, вот и все. Его глаза болят от света, так ведь? Вот они и сыграли с ним злую шутку. Ну, конечно! Иначе и быть не может! Однако он больше не чувствовал сжигающего его жара. И он был голоден, очень голоден. Нейл медленно поднялся, обнаружил, что может держаться прямо, и пошел. Спотыкаясь, он то поднимался, то опускался по небольшим плотинам, под которыми плескались маленькие водопады. Тут росли кусты со стручками величиной с мизинец. Он механически сорвал их, вылущил семена и положил их в рот. Он сделал это несколько раз и вдруг удивился: откуда он знает, что они съедобны? Почему, когда он взялся за них, ему казалось, что он ел их и раньше? Ну, конечно, ел. Это же фисан, друг охотника, на него всегда можно было рассчитывать в это время года, и он издавна угощался ими. Он не знал о таких вещах, не мог знать! Он снова сел на землю, обхватил руками колени и опустил на них голову. Его тело свернулось в клубок, словно хотело опять вернуться в небытие, в забвение. Может быть, если он заснет, то проснется по-настоящему, в своем обычном виде? Но когда он снова поднял голову, то почувствовал себя живым и проворным, его ноздри раздувались, ощущая знакомые запахи, уши насторожились и указывали на источники звуков. Приносящий боль солнечный свет ушел, сумерки были бальзамом для глаз, мягкие тени не мешали видеть. Нейл видел каждую жилку на листьях — такого зрения у него никогда не было! Он легко пошел, мягко и уверенно ступая. Ниже по ручью кормился берфонд с детенышем. Нейлу не потребовалось смотреть из-за кустов: нос сказал ему, а уши уловили звук жадно жующих зубастых челюстей. А поодаль, на ветке дерева, распластался кикфин, с любопытством поглядывая на Нейла. Берфонд, кикфин. Нейл с удивлением повторял эти слова тихим шепотом. А в мозгу рисовались образы живых существ, которых Нейл никогда, конечно, не видел. Его охватила паника, тяжелая, как луч бластера. Бластер? — спросила другая часть Нейла — Что такое бластер? Его руки скользнули по голове, прижали чудовищные уши. Берфонд — бластер... Воспоминания, чужие для разных половин его мозга, боролись между собой. Он был Нейлом Ренфо, сыном Свободного Торговца, рожденным в космосе. Мелани... Дипил... Янус... проданный Козбергу... участок... все правильно. Он должен уйти отсюда, уйти к людям. Нейл отвернулся от ручья и побежал, петляя между деревьями, но деревья росли гуще и гуще, и он повернул обратно к открытому пространству ручья. У него не было ведущей тропы, но была цель. Должны же деревья где-то кончиться. Было открытое место, и там были люди, люди его собственной породы. Это просто горячечный сон, бред, и Нейл должен доказать это! Но пока он шел, уши и глаза рапортовали

его мозгу, мозг давал ответы на то, что они обоняли, слышали и видели, а Нейл Ренфо совершенно в этом не участвовал. Его паническое бегство замедлилось, когда он больно ударился о дерево. Его прерывистое дыхание стало успокаиваться, он снова поднял голову и отогнал дрожь и страх. Легкий шепот ветерка в листве, тепло... Тот же ветерок гладил его ласково по голой груди и плечам, и к нему пришло ощущение, что все хорошо, все правильно, так и надо жить. Будто он тоже пустил корни в землю под ногами, поднял качающиеся ветви-руки к небу в знак родства с миром леса. Он пошел более медленным шагом. Еще раз остановился, сорвал длинные узкие листья с низко наклонившейся ветки, растер их в руках и глубоко вдохнул их запах. В голове прояснилось, усталость ушла, появились легкость и нетерпение. Однако это нетерпение сменилось другим чувством, когда он вошел в прорубленную полосу, где поселенцы вели войну с диким лесом. Обломанные ветви, увядшие листья... Ноздри Нейла задвигались в спазме отвращения, он зажмурился, не замечая этого. И еще один противный запах — запах чужой жизни. Он вышел по этому запаху в вырубки, хотя разреженные кусты царапали и рвали его ноги, когда он продирался. И вот он очутился на краю поля, где пни еще стояли, как безобразные монументы смерти, напавшей на них несколько дней назад. Нейл зарычал на это разорение, в нем поднялось нежелание идти дальше по открытому месту. Вдали показались светящиеся точки. Его прищуренный взгляд остановился на них. Вероятно, это участок Козберга. Можно ли рискнуть подойти ближе? Придется. Он человек, а там были люди. Если он увидит их, поговорит с ними, он будет знать, что глаза его обманули там, в водном зеркале, что он вовсе не такой, каким себя увидел. Хотя это желание узнать гнало Нейла вперед, он не пошел открыто — не столько потому, что понимал, к чему может привести это действие, а скорее инстинктивно, и этот инстинкт был совершенно чужд Нейлу Ренфо. Он шел бесшумно, ставя ноги с бесконечной осторожностью, и перебегал, согнувшись, от одного укрытия к другому — глубокая разведка во владениях врага. Зловоние по-прежнему было тяжело для его носа, оно вызывало тошноту и усиливалось по мере приближения к усадьбе. Он был еще в поле, когда тишину прорезал лай — собаки! Это был их военный клич. Каким-то образом Нейл знал — будто не собаки лаяли, а люди стреляли и кричали — что он, Нейл, являлся дичью. Значит, он в свое время правильно догадался — на участках держали четвероногих охотников на сбежавших рабочих. Но Нейл вспомнил также обычай Козберга: ночью собаки в поле не выпускались, поскольку они могли увлечься охотой, убежать в лес и не вернуться. По ночам собаки охраняли усадьбу внутри ограждающей ее стены. Да, это были владения Козберга. Нейл узнал очертания главного дома, вырисовывающегося в ночном небе. Там было одно место, где ловкий человек мог влезть на внешнюю

стенку и заглянуть в окно верхнего этажа, не спускаясь во двор. Нейл должен был это сделать. Зачем? Этого он не мог себе объяснить. Вздрагивая от собачьего лая, он бежал зигзагами от тени к тени, пока его рука не уперлась в стену дома. Он прыгнул, не зная, что это движение окажется куда более эффективным, чем когда-либо мог добиться Нейл Ренфо. Убежища делались из убитых деревьев. Неужели эти люди не понимали, что деревья могли бы жить и радоваться жильцам? Нет, эта порода обязательно должна убивать, пользоваться мертвыми, наваливать их вокруг себя до тех пор, пока от их берлоги не понесет вонью разложения, как из норы хищного келрока! Вонь была такая сильная, что он почти не мог ее переносить — его желудок протестовал. Нейл скорчился перед открытым окном и заглянул в освещенную комнату. Он дернулся и едва не потерял равновесие. Там... там существа, даже два! Они были чудовищами, такими же ужасными, как запах их мертвых логовищ! Люди — долбила малая часть его мозга. Козберг-младший и женщина. Чудовища! Отвратительно волосатые, как животные, чуждые не только телом, но и разумом. Разглядывая их, Нейл мог теперь, сам не понимая как, видеть их несчастные мысли, их ограниченность, и обе части его собственного разума безжалостно отталкивали это. Женщина повернула голову и случайно бросила взгляд в окно. Рот ее исказился в истошном крике, пронзительном, бессмысленном. Нейл соскочил со стены и легко приземлился на ноги. Женщина увидела его как раз тогда, когда он возмутился и отказался от родства с этими образцами расы. Он бежал от вони мертвых деревьев и от тех созданий, что делали в них свои логовища. Он держал путь к лесу с его чистыми убежищами. Час спустя он лежал усталый, задыхающийся, все еще слыша остервенелый лай собак. Жители участка пустили собак по его следу. Его спасло только то, что они держали собак на поводках. Однако, судя по звукам, они не пошли дальше расчищенного места. Может, они решили дождаться утра? А что, если они преодолеют свою ненависть к лесу и либо пойдут по его следу, либо спустят собак с поводков? Не лучше ли уйти в лесные глубины? Уйти дальше и оставить свое племя... Его племя? О, Дух Космоса, кто же теперь был его племенем? Нейл вздрогнул. Отвращение к участку было столь же реально, как горячечный жар, как головная боль. Он не может идти к этим людям и заявить о родстве с ними, и никогда не пойдет. Этот факт нельзя было не признать. Что-то странное случилось с Нейлом — и внутри, и снаружи. Он больше не был Нейлом Ренфо. Хотя он сейчас и не видел собственного отражения в воде, но заглянул внутрь себя и понял, что его мозг изменился так же, как тело. Айяр... Кто этот Айяр? Если он не Нейл Ренфо, то он Айяр. И он знал, кто или что был Айяр: его настоящим домом был лес, его странные воспоминания приходили к Нейлу отрывочно, кусками. Он должен найти Айяра. Да... но где

искать этот странный след? Физически, на лесных тропах, или мысленно? Этого Нейл не знал. Он должен был идти в единственном направлении, в котором был уверен — назад к тому озерцу, где он впервые увидел отражение чужого лица. И чем больше он допускал, что он уже не Нейл Ренфо, тем сильнее эта новая личность захватывала его, брала верх над мозгом Нейла. Он остановился и дернул шнурки тяжелых ботинок, висевших грузом на его ногах. Обувь должна быть совершенно другой — из кожи берфонда, хорошо прилегающей, высотой до колен, охотничьи сапоги, в которых чувствуешь каждую неровность почвы, а не эти неуклюжие покрышки, что замыкают ноги в тюрьму. Он раздраженно подергал брюки. Это тоже не такое бесформенное, грубое. Зеленовато-серый шелковистый материал, ласкающий тело — скрученная паутина кладется на ростки стесса, и все вместе прессуется, чтобы высохло и выдержалось — вот настоящая одежда для леса. Ифткан... Но ведь здесь были Ларши. Нейл наткнулся на дерево, остановился и потер голову. Нет ясной памяти, одни обрывки, отдельные странные сцены. Горсточка людей, похожих на него, охваченных отчаянием, защищается среди деревьев, тех деревьев, в которых живет, и умирает по одному перед ордой дикарей... Орда рассыпается, крушит все... Каким-то образом он знал, что это был конец его племени. А каково его племя? Кто такой Айяр? Нейл шел вслепую, хотя знал, куда идет. Он должен прийти к озерцу. И он пришел, упал в этом спокойном месте, снова напился, омыл вспотевшее тело. Нейл глубоко вздохнул. За рекой Ифткан, высокий, прекрасный, с серебряными поющими листьями, деревья-башни Ифткана! Но он устал, так устал! Он расслабился здесь, у воды, и усталость охватила его. Ноги болели — наверное, не надо было сбрасывать с них те сковывающие покрышки, но он просто не мог больше выносить их прикосновения. Он опустил ноги в воду, и вода пошла рябью вокруг них, успокаивая боль. Он вытер ноги пучком травы и свернулся подремать. Звук пробудил Нейла от глубокого сна. Он не сразу пришел в себя, и каждая часть его мозга допрашивала чувства, куда более специализированные, чем у любого инопланетника. Он откатился под куст и посмотрел в небо. Солнце еще не встало, но небо светилось зарей, и на ее фоне — искусственное пятно. Флайер из порта, маленький, двухместный. Летел он низко. Память Ренфо узнала его. Но зачем он здесь? Может, Козберг вызвал его на помощь, чтобы охотиться за ним, Нейлом? А зачем? Скоро наступит день, Нейл уйдет в чащу леса и не покажется открыто при дневном свете. Лучше уйти сейчас же: на берег и через реку в Ифткан. Есть ли еще там дикари? Нет, это было в Ифткане очень, очень давно. Ифткан тянул Айяра, и Нейл Ренфо получил одобряющий ответ. Он пошел вниз по ручью, укрываясь под деревьями. Над его головой то усиливалось, то затихало мурлыканье мотора флайера. Пилот явно искал что-то. Он вел машину кру-

гами над лесом. Но что он мог увидеть внизу, кроме сплошного ковра крон деревьев, недоумевал Нейл. Однако круги были такими правильными, что не было никаких сомнений: пилот преследовал определенную цель. Ручей, который вел Нейла, слился с другим, расширился, заметно ускорил течение. Там плавали водяные существа — а может, прыгали в воду из кустов, когда Нейл проходил мимо. Он обнаружил еще один куст фисана, нарвал стручков и стал жевать зерна на ходу. Затем нос предупредил его об опасности. Не человеческий запах, но в некотором смысле даже худший. В мозгу вспыхнула яркая картина: опасность многоногая, она прячется в засаде и кидается на любого, проходящего по ее охотничьей территории. Нейл вздрогнул и ухватился за низко висящую ветку. Он взобрался на дерево и таким образом прошел над тропой со злым запахом, перебираясь по ветвям с одного дерева на другое, пока наконец не исчезли последние следы запаха. Наступил день, но яркие лучи солнца не добрались сюда. Затем Нейл увидел перед собой его ослепительный свет, отражающийся в быстро бегущей воде. Он прикрыл рукой глаза и попытался разобраться, что лежит на другом берегу. Неужели это и есть Ифткан?

Темная зелень, но только местами. Есть и белые пятна — абсолютно белые стволы мертвых деревьев, вокруг которых растет лишь мелкий кустарник и несколько задержавшихся в росте чахлых молодых деревьев. В мозгу Нейла ожили серебряно-зеленые высокие и прекрасные деревья-башни Ифткана. Нейл смотрел сквозь щелочки между пальцами. Река была такой широкой, но в ней были камни, выступавшие над ее понизившейся за лето поверхностью. По ним можно было перебраться, но... под открытым небом, где слышался гул флайера. Можно, конечно, скользнуть в воду чуть восточнее и плыть по течению к тому месту, где из воды торчат камни. Там прибились сломанные грозой ветви и листья, они могут служить укрытием. Нейл прислушался к угрожающим звукам над головой, пытаясь определить, как далеко находится флайер и какую часть берега может видеть пилот. Он не рискнул глядеть на небо, его глаза протестовали даже против незначительного количества света, и он боялся ослепнуть. Он снял брюки — зеленое тело менее заметно. Пора! Насколько Нейл мог судить, флайер был в дальнем конце описываемого им круга. Нейл пополз к воде, стараясь все время быть под прикрытием. Флайер развернулся. Нейл замер, распластавшись по земле, как насекомое под гигантским сапогом, который вот-вот его раздавит, отчаянно желая слепоты пилоту и невидимости себе. Мотор громко гудел в его ушах. Может, машина зависла и направляет сжигающий луч прямо на него? Страшным усилием воли он заставил себя лежать неподвижно, слушать и ждать. Нет, не зависла. Прошла с юга. Когда она стала поворачивать, Нейл бросился в воду. Он прислушался, а затем двинулся. Вода холодила его голое тело, когда он

вошел в нее без предательского всплеска и отдался на волю течения. Флайер возвращался. Ногти Нейла царапали скалу, когда он вцепился в ее теневую сторону, стараясь быть как можно более незаметным. Ему повезло — машина прошла мимо. Нейл отпустил камень и опять поплыл по течению. Ухватившись за следующий камень, он уже не смог держать себя, выскочил из воды, пробежал по камням и нырнул под прикрытие куста на другом берегу, в футе от белеющих костей мертвого дерева-башни Ифткана. Некоторое время он просто лежал, прислушиваясь, боясь, что выдал себя этим приступом паники. Но жужжание снова ослабло — флайер ушел к северу. Значит, он не заметил Нейла. Теперь надо найти место и ждать вечера, благоприятного для его болевших глаз. Нейл протянул руку к высохшей коре мертвого дерева. Он был огромен, этот ствол. Ведь это Ифткан, где деревья насчитывали тысячу планетарных лет своего роста. Он отдернул руку, как от мертвеца, и почувствовал такое же отвращение, что и на участке. Живые не должны укрываться среди мертвых. Нейл пошел прочь от берега, держась под прикрытием. Вокруг были деревья, лишенные листвы, давным-давно погибшие, но все еще стоявшие, как памятники их собственного конца. Тут была тишина, в этих боковых пределах Ифткана. Шаги Нейла не встревожили ни птиц, ни мелких насекомых. Жизни здесь не было. И не было здесь песни ветра, той песни, слова которой Нейл почти понимал. И флайер не последовал за ним, а по-прежнему кружил над рекой. Нейл прошел Первый Круг. Здесь был пояс густой зелени, и в нем возвышались кроны двух молодых деревьев, бесформенные, неухоженные, просто живые образцы, и только. Нейл подошел к одному из них и погладил ствол. Кора, казалось, пульсировала под его ладонью, как если бы он гладил любимое животное, которое в ответ выгибало спину, плотнее прижимаясь к его ладони. Он монотонно, почти шепотом, запел:

Дальше, дальше, сначала семя,
Затем саженец
От корней идет в рост.
Тело дышит, шевелятся листья,
Ифт — это дерево, дерево — Ифт!

Что означают эти слова? — спросил Нейл Ренфо. Рост слов, власть слов, слова узнавания,— ответил Айяр. Мертвое не полностью умерло! Торжество Ларшей не полное. И эти молодые деревья посажены правильно — хоть одна-две из Великих Крон еще живы! Идя петляющей тропой между мертвыми, Нейл углублялся в неизвестное. Вот еще одно живое дерево. А там... Он остановился в изумлении. Старое. Очень старое. Огромное. Это... Его запутанная память выделила, нашла — это была Ифтсайга, древняя цитадель Юга. И она была жива! Никакой лестницы не свисало с громадных веток, распростертых высоко над головой Нейла. Не было никакой возможности добраться до дупла, которое он видел среди мощных

ветвей. И у Нейла не было крыльев. Он медленно повернул голову, потому что в ветерке, пробегающем по листьям, он уловил слабый намек на какой-то другой запах. Идя по этому запаху, он обнаружил, что в другом случае обязательно пропустил бы — лежащую на земле и заботливо прикрытую лестницу из молодого деревца. Иноземец или колонист принял бы ее просто за мертвое дерево с обрубками веток, все еще выступающими из ствола. Айяр из Ифткана тотчас узнал ее, приставил к стволу Ифтсайги и проворно взобрался по ней на ветку такой толщины, что по ней могли пройти в ряд четверо людей. Он пошел по ней и только на минуту задержался у входа в дупло, прежде чем шагнуть в прошлое — далекое, далекое прошлое. Стены этой круглой комнаты были очень толстыми, как были и в те времена, когда жизнь и сила Ифтсайги еще обитали в них — живая оболочка, скрытая в выдолбленном центре. Запах, приведший Нейла к лестнице, здесь был сильнее. Но верхняя комната была пуста. На потолке над головой Нейла пульсировал свет — ларгас, личинки, гроздьями сидящие в сердцевине дерева, привлекали своими фосфоресцирующими телами крошечных насекомых и пожирали их. Они расположились кольцом вокруг отверстия, через которое вверх и вниз по середине ствола проходил столб. Нейлу захотелось спуститься вниз. Держась руками и ногами за старые пазы в стволе, он быстро спустился. Тот запах все еще держался здесь, но было ясно, что те, кто были здесь, ушли дня четыре назад. Еще одна комната, на этот раз не пустая. Нейл огляделся. Мягкий свет, исходящий от такой же группы личинок, был вполне достаточным. В комнате несколько резных табуретов, сложенные кучей циновки. А у дальней стены... Он бросился туда, нетерпеливо протягивая руки, чтобы откинуть узорчатую крышку с сундучка, мастерски сработанного из разных пород дерева в сложной их комбинации. Опустившись перед сундучком на колено, он отвернул защитную покрышку из коры и свистнул от восторга, достав оружие из промасленного гнезда. Оно сияло мягким зеленовато-серебряным блеском, это оружие — меч с листовидным лезвием, отлично сбалансированный. Этот меч, наверное, был выкован специально для Нейла, так как его украшенная драгоценными камнями рукоятка удобно лежала в руке, когда Нейл взмахнул рукой для проверки. Для Нейла Ренфо этот меч был необычным, хотя и прекрасным оружием. Для Айяра он был самым подходящим ответом на его желание иметь защиту... Меч, дополненный ножнами и плечевым ремнем, был не единственным, в чем Нейл нуждался. Он начал осматривать другую мебель в древесной комнате. В длинной плетеной корзине — аккуратно сложенная одежда. Когда он встряхнул ее, чтобы посмотреть и примерить на свое тощее тело, из складок посыпались ароматические листья. Нейл оделся. Мягкий зеленовато-серебряно-коричневый материал растягивался и сам прилаживался к каждому движению тела: узкие штаны, ту-

ника, вышитая на груди серебряным шнуром, мягкие сапоги, о которых он мечтал, плащ с капюшоном и драгоценной пряжкой у шеи — все было странным и, однако, очень знакомым. Нейл разглядывал материал на бедрах. Он удивлялся, почему и как он знает все мелочи этой другой жизни. Он охотно принял Айяра с его отрывочными воспоминаниями, его чуждым знанием, а не отталкивал, как чужака, вторгшегося в его мозг. Это был мир Айяра, а не его. Мудрость говорила, что нужно принять этот факт и, насколько возможно, строить на нем будущее. Он сел на груду матов, жуя хрустящее печенье из чего-то, и пытался привести свои мысли в порядок, вернуться к началу всего этого. Нейл Ренфо нашел спрятанное таинственное сокровище, которое неизвестно почему не раз уже появлялось во владениях Верующих. Отсюда и пошло все остальное. Он смутно помнил о Зеленой Болезни. Его вытащили из комнаты-тюрьмы на участке Козберга и решили его судьбу: ссылка и смерть в лесу. Но Нейл Ренфо не умер. Не полностью умер, а стал Айяром из Ифткана, у которого тоже были свои воспоминания — о сражении в городе громадных деревьев, о горечи окончательного и полного поражения. Он и физически не был Нейлом Ренфо; он был зеленокожим большеухим жителем леса, и его появление спровоцировало панику среди жителей участка. Он был чудовищем. Зеленая Болезнь — изменение — чудовище... Последовательность событий заставляла думать, что все они одного порядка. Но ведь заболевали и другие — они тоже изменились. Руки его, подносившие ко рту подобие хлеба, замерли. Если так, то они тоже, может быть, были здесь! Может быть, он не одинок в своем изгнании! Они были здесь и оставили свое имущество аккуратно сложенным до их будущего возвращения. Наверное, лучше всего ждать их здесь. Все равно ему нужен отдых, и он не хотел делать что-нибудь такое, что может вызвать любопытство со стороны людей из флайера. Он подождет до ночи, потому что ночь принадлежит ему. Нейл покончил с хлебом и улегся на циновках, накрывшись плащом. Обнаженный меч лежал рядом, чтобы в любой момент его рука могла схватить его рукоятку. Он сонно щурился на кольца личинок. Некоторые выпускали нить с липкими точками, чтобы лучше захватить свою законную добычу, лениво парившую в воздухе. Спокойствие сошло на Нейла. Казалось, живое дерево закрыло эту комнату успокаивающими чарами, и Нейл уснул. Он не знал, долго ли спал, но проснулся он сразу, с настороженными чувствами. В комнате ничего не изменилось, никаких звуков он не слышал. Он встал, подошел к столбу и, повинуясь инстинкту, спустился на другой уровень Ифтсайги. Там была третья круглая комната, чуть шире предыдущей. Вдоль стен стояли сундучки, один был выдвинут. Нейл поднял крышку, сдвинул кожаную упаковку и не смог удержаться от изумленного восклицания. Зеленые камни ожерелья, ящичек, трубка, сверкающая разными цветами, еще что-то — все эти вещи были точной

копией сокровища, найденного им на вырубке! Нейл вытащил цветную трубку. Она был такой же, какую Козберг растоптал в порошок: та же игра красок, меняющийся узор на поверхности. Как это могло быть? Он осторожно брал каждую вещь, разглядывал ее и осторожно откладывал в сторону. Сундучок еще далеко не опустел; там лежал еще второй слой кожаного материала, а под ним еще сокровища. Нейл осторожно развернул предметы, сел на пол, все еще придерживая рукой крышку сундука, и задумался. Два ряда сокровищ, и оба — те же самые, что уничтожил Козберг. А все другие клады, найденные на участках и сожженные, были такими же? И если да, то почему? Что это? Ритуальные предметы, принесенные в жертву, или важные отметки? Нейл поискал ответ в памяти Айяра, но не нашел. То ли Айяр об этом не знал, то ли между памятью его и Нейла Ренфо был поставлен барьер. Но все же была какая-то причина прятать эти вещи здесь, в лесу, в хранилище. Этот сундук был отодвинут от других — зачем? Чтобы легче было извлечь из него часть содержимого? Может быть, где-нибудь еще в Ифтсайге он найдет ответ. Но когда он прошел еще ниже по шесту-лестнице, он увидел, что вход в нижние комнаты запечатан. И как он в раздражении ни колотил по закрытым отверстиям, закругленное дерево не поддавалось. Расстроенный, он вернулся в ту комнату, где спал, и решил подняться выше. Тусклый предвечерний свет проникал через отверстие у ветви, когда он достиг выхода. Снаружи не доносилось ни звука, кроме шелеста листьев. Через две-три секунды он поднялся на следующий уровень. Здесь не было личинок ларгас на потолке, лишь серый свет проникал сквозь дупло-окно. В комнате не было ничего, кроме пыли и легких остатков давно увядших листьев. Возможно, и на более высоких уровнях было то же самое, но Нейл решил все-таки пройти еще одну-две комнаты. Он был еще на столбе-лестнице, когда услышал яростное щелканье, закончившееся свистящим призывом низкого тона, в котором явно слышалась настойчивость. И Айяр ответил на это взрывом скорости. Нейл увидел хлопающие крылья, лицо в перьях и громадные глаза, окруженные темным, отчего они казались еще больше. И когда глаза Нейла встретились с этим неподвижным взглядом, он оторопел. Речь? Нет, свист и щелканье большого изогнутого клюва не укладывались в человеческую речь. Однако это крылатое существо узнало его, просило о помощи, напоминая о союзе между ними! Союз... Не тот, что существует между человеком и животным, а союз между равными формами жизни, с равными, хотя различными разумами. В первый момент понимания Нейл был так поражен, как если бы дерево, укрывшее их обоих, заговорило по-человечески. Птица была ранена. В нее стреляли из бластера. У Нейла возник странно искаженный мысленный образ охотника, похоже, переданный ему другим разумом. Кто-то из порта от скуки решил поохотиться. Нейл смотрел на волочащееся крыло: опаленные перья, ссадина

от луча бластера. Эта птица с Януса была не маленькой — размах крыльев почти в пять футов. Ее тело, одетое в пушистые бело-серые перья, стоящее на мощных когтистых лапах, было создано для охоты. Теперь просьба о помощи и внимании резко отпечаталась в голове Нейла. Птица позволила ему осмотреть ожог. Рана была не столь значительна, чтобы полностью вывести птицу из строя. Нейл принял еще одно расплывчатое мысленное впечатление жертвы, перелетавшей с дерева на дерево, чтобы уйти в лес подальше от инопланетников, но не имел ни малейшего представления, что делать с этим повреждением. Птица присела перед Нейлом, сложив здоровое крыло и распустив больное. Нейл вздрогнул, когда чужой мозг сознательно вторгся в его собственный. Казалось, будто мозг имел две записи, в основном похожие, но различающиеся в мелких деталях. И эти записи должны были быть подогнаны друг к другу для создания образа. Они совпадали, но не полностью, а лишь в главных точках, но и этого было достаточно.

— Да! — сказал Нейл вслух, словно птица могла его понять.— Да! — и он быстро спустился в свою бывшую спальню. В той плетеной корзине, где он взял одежду, он видел мешочек. Повесив его за шнурок на руку, он снова поднялся туда, где ждала его птица. Осторожно смешав измельченные в порошок листья из одной коробочки с пастой из другой, он бережно обмазал обожженное место на крыле. Птица снова засвистела и пошла по кругу, словно пробуя свои возможности, но взлететь не пыталась.

— Кто ты или что? — неожиданно спросил Нейл. Но за птицу ответил Айяр.

Кваррины, древесные жители, в далеком прошлом заключили пакт о дружбе и союзе с Ифтами, которые тоже были древесными жителями и любили лесной мир. Охотник на двух ногах и крылатый охотник; воин с мечом и воин с когтями охотились и сражались бок о бок при необходимости, потому что по какому-то капризу природы они были способны в какой-то мере общаться друг с другом. Это не был союз между мыслящим человеком и управляемым инстинктом животным или птицей, это было партнерство равной, хотя и различной доблести. Раненый кваррин вернулся туда, где надеялся найти помощь, и требовал ее от Нейла по праву. Движимый каким-то непонятным чувством, Нейл протянул правую руку. Круглая голова с ушами из пучков перьев, напоминающими остроконечные уши Нейла, чуть наклонилась вперед. Большие глаза с оранжевыми огнями в глубине изучали протянутую руку со странной настойчивостью. Затем голова наклонилась ниже, страшный крючковатый клюв раскрылся и сомкнулся на человеческой плоти, но не щипал и рвал, а лишь крепко сжал, как человек пожимает товарищу руку в знак благодарности и дружбы — быстро сжал и почти сразу же отпустил. Нейл медленно улыбнулся. Нейл-Айяр больше не одинок в мертвом Ифткане.

6. — Хуррр,— Нейл назвал птицу по имени.— Я думаю, что они не вернутся скоро.

Он сидел в верхней комнате Ифтсайги на насесте, который он сделал для себя, пока ждал возвращения незнакомцев. Три дня, вернее, три ночи, потому что теперь активным временем для него стала ночь — и нет никаких признаков, чтобы какой-нибудь Ифт взбирался по этой лестнице или устраивал себе лагерь в дупле дерева. Теперь нос Нейла говорил, что он прибыл сюда всего лишь спустя несколько часов после их ухода. Несмотря на терпеливые мысленные пробы и попытки общения с кваррином, он не мог понять, то ли птица отстала от какого-то Ифта, то ли связь между крылатыми и двуногими была большей, нежели случайное знакомство. Без общей речи мысленный контакт мог передать только самые необходимые мысли и нужды. Но Хуррр составлял компанию Нейлу, и тот привык разговаривать с птицей. Не было причин оставаться в Ифтсайге, если она сейчас пуста. Но кто были временно жившие здесь? Другие измененные, такие же, как и он, или остатки настоящих Ифтов, кто выжил и является теперь лишь тенью того, чем они были раньше? Тревожило, что знания Айяра все еще доходили до Нейла только отрывками, кусками, их разделяла пустота, и они не соединялись. То, что имело отношение к повседневному кругу поддержания жизни, легко пришло к Нейлу. Он точно знал, куда идти внутри дерева за водой и пищей. Но насчет всего остального эти чужие воспоминания были смутными и разрозненными. Когда-то на Янусе было две расы: Ифты, жители деревьев, обладатели знания, позволявшего им формировать растения и заботиться о них, так что у них было родство, если не телом, то чувством с лесом; и Ларши, более примитивные, не похожие ни умственно, ни физически на лесных людей. Ларши боялись «магии» древесного народа, этот страх привел их к желанию убивать, уничтожить Ифтов полностью, как сейчас люди участков старались уничтожить лес. Однако Ларши не были инопланетными колонистами, и война между Ифтами и Ларшами велась столетиями. Ифты вымерли давно, очень давно. Но почему же Айяр помнил? И каким образом Айяр стал частью Нейла Ренфо; или Нейл Ренфо стал частью Айяра? Как только мысли Нейла попадали в привычное русло, он чувствовал тревогу и начинал ходить по древесной комнате, в то время как Хуррр нетерпеливо щелкал клювом.

— Нет,— повторял Нейл,— они не вернутся. Все здесь сложено на долгий период ожидания. Мечи были смазаны маслом, все остальное убрано. Они ушли... Я опоздал!

Если бы он мог поднять след тех, кто был здесь, найти их, он узнал бы правду. И не было признаков, чтобы поселенцы или портовые флайеры появлялись на этом берегу реки. Он никогда не слышал об Ифткане, а ведь такой участок леса с почти мертвыми деревьями вполне мог быть захвачен поселенцами, если бы они знали о его существовании.

— Хурурр,— Нейл пристально посмотрел в большие глаза птицы,— я должен пойти за ними.

Как словами, так и мыслью Нейл старался показать свою нужду, пользуясь этой удивительной парной смесью мысленных образов. Птица распахнула крылья, проверяя поврежденное крыло, и издала охотничий клич. Хурурр был в порядке, но Нейл должен был идти один. Кварриn не хотел оставлять Ифткан и свои охотничьи угодья. Одно дело принять решение, а другое — его выполнять. Нейл выбрался из Ифтсайги и убрал лестницу туда, где нашел ее. Он не думал, что те, кого он ищет, еще в районе Ифткана, даже если есть еще другие деревья-башни. Но куда идти? На север, на юг, на запад? На юге располагались участки. Он почему-то был уверен, что не найдет тех, кого ищет, вблизи мест обитания инопланетников. На запад, где, как говорят карты, лежал один из узких пальцев моря? В конце концов, он решил, что направление выберут случай и... ветер. Потому что ветер, вздыхающий среди листвы, странным образом сопутствовал судьбе, он был успокаивающим голосом над головой. И ветер гнал Нейла на запад. Он сделал ошибку, что задержался слишком долго в Ифтсайге, запах, который мог бы вести его, теперь пропал. Однако он все еще надеялся на свой нос, который заметит намек на жизнь в мертвом лесу. Жизнь там была, память Айяра указывала на большую ее часть — животные, летающие создания на клочках растительности, кое-где имеющейся возле голых стволов мертвых деревьев-башен, особенно в Первом Круге. Там деревья были опалены мертвым огнем и сгнили, потому что лежали на земле. И расстилавшаяся далеко вокруг местность выглядела уныло, но уже наполовину закрылась буйно растущими рядами тех растений, которые Ифты в старые времена никогда не приняли бы и не позволили бы укорениться возле своего города. Полузнание Нейла советовало ему держаться подальше от некоторых растений с их вонючим запахом, скручивающим ноздри. И там были усыпанные колючками лианы, стелющиеся по земле и готовые схватить неосторожную ногу. В этой нездоровой массе прятала жизнь, недружественная человеку. Разрушение, произведенное Ларшами, превратилось в Осквернение и Зло, которое всегда ждет случая разбить защитную стену, вошло и жадно захватило когда-то чистый город. Внутренняя часть Ифткана стала дурным местом, мерзким склепом, и Нейл заколебался, идти ли в этом направлении. Пока он стоял так, память Айяра зашевелилась и выдала странные эмоции. Нейл почувствовал не только отвращение, но и опасность, явное предупреждение, что здесь находится нечто чужое и опасное. Оставалась река. Если идти по берегу, можно дойти до моря. А зачем ему море? Страной Ифтов был лес, а не беспокойная вода на западе. Однако ветер толкал его в сторону моря. Нейл отошел от края пустоши к бегущей воде и пошел по берегу в надежде найти место, где можно будет безопасно свернуть. Луна пре-

вратилась в серебряную ленту, сминаемую и прерываемую течением, и показывала ему дорогу. На заре он устроил себе гнездо в густой чаще, укрывшей его от солнца, и лежал там, слушая убаюкивающее бормотание воды. В этом полусонном состоянии он увидел еще одну отрывочную картину из памяти Айяра — лодку с гребцами, одетыми в одежду Ифтов, смотрящими глазами Ифтов, с мечтами Ифтов. Они направляли лодку между страшными скалами, где кипела вода. Это были морские воины Ифта, они шли по древнему пути — по воде. Поздним вечером Нейл вновь пошел по следу и обнаружил во впадине скалы стоянку. Он остановился, ловя желанный след запаха, который еще не успел унести ветер. Он осмотрел пол впадины, пытаясь найти какой-нибудь след, доказывающий правильность его догадок. Эту каменную чашу заполнял речной песок. Просеивая его между пальцами, Нейл нашел расплющенный стручок фисана. Поблизости не было ни одного куста фисана, так что стручок не мог попасть сюда естественным путем. Значит, Нейл был прав. Здесь проходила тропа тех, кого он искал. Как и те люди в лодке, они шли к морю! Он ушел со стоянки, и его шаг сменился рысью — его гнало вперед усиливающееся чувство, что ему совершенно необходимо догнать незнакомцев, и как можно скорее, иначе будет поздно. Нейл не мог отогнать это ощущение, оно все усиливалось, так что он даже не остановился с восходом солнца и шел дальше, стараясь передвигаться под укрытием. Но к середине утра ему стало ясно, что дальше идти нельзя, потому что лес стал редеть, стало меньше больших деревьев, и они стояли далеко друг от друга. В основном была мелкая поросль и кустарник с обширными травянистыми полянами между ними. Нейл нашел себе убежище в тени, но она была непостоянной и недостаточно густой, чтобы ему было по-настоящему удобно. Все его тело болело от усталости, ему нужен был отдых, но его грызла необходимость торопиться, так что этот отдых был все же нетерпеливым ожиданием вечера. В сумерках он вышел на открытое место, на вершину холма. Прямо перед ним была низина, где река впадала в море. С каждой стороны стеной стояли утесы. Нейл спустился с холма и пошел к северной точке утеса. Может, расстояние оказалось обманчивым, может, ноги вязли в песчаных дюнах, только шел он медленно. Он не мог измерить время, но ему казалось, что прошло не меньше часа, когда он дошел до подножия утеса. Он чувствовал запах моря и ветра, слышал, как волны бьются о берег. Он взобрался на утес и перегнулся через край северного склона. Он увидел внизу море. Утес, на который он взобрался, имел двойника в полумиле ниже, и между ними волны омывали землю, создавая естественную гавань. И в этой гавани укрывался теперь... Корабль? Нет, этот предмет не походил на корабль, какие когда-либо видел Нейл. Он скорее напоминал гигантское бревно, обтесанное волнами сверху и снизу. Не было ни весел, ни парусов,

ни отверстий в закругленной части поверхности, лежащей над ватерлинией. И на этот раз память Айяра не давала никаких объяснений. Однако Нейл знал, что огромное бревно просто так не плавает по морям. Есть ли в нем люди? И если есть, то куда оно несет их теперь? Нейл рассматривал спуск, ища тропу. Он отступил на некоторое расстояние и увидел тропу, спускающуюся к морю. Когда он спустился, бревно, которое, казалось, плавало само по себе, вдруг повернулось носом к морю и поплыло, рассекая волны. Нейл закричал и, споткнувшись, бросился к воде. Волна захлестнула его ноги. Он не видел ничего, кроме бревна. Оно управлялось и плыло к какой-то цели — это было ясно. Теперь оно быстро уходило в открытое море. Нейл опоздал! Он медленно отступил от пены прибоя и только тогда увидел целую гроздь отпечатков на песке. Место посадки? Нейл осмотрел следы. Они, как ему показалось, отмечали конец вполне определенного пути, идущего изнутри континента. Единственный источник ответов на все его вопросы — бревно, которое, конечно, было не просто бревном. Оно теперь недосягаемо. Но откуда идет этот след? Из Ифткана? Или из какого-нибудь другого, более понятного начала? След был совсем свежим. Когда бревно стало черной точкой, Нейл отвернулся от моря и пошел по следу тех, кто вел это странное судно.

Много позже он лежал на ковре из листьев и смотрел сквозь завесу кустов. Он никогда не думал, что через две ночи след приведет его снова через реку и на юг, к Опушке поселенцев. Последний час он шел вдоль границы участка — не Козберга, много западнее. Этот участок был меньше, более новый, менее благоустроенный. Незнакомцы обследовали его, придя сюда с северо-востока, возможно, прямо из Ифткана. И они потратили некоторое время, чтобы обойти вокруг других вырубок к югу и к западу, словно охотились за чем-то или за кем-то. Нейл нашел место, где двое отдыхали некоторое время — может, день, а то и больше. Не следили ли они за деятельностью на участке? Может, планировали набег? Конечно, они приняли меры, чтобы их не заметили. Они следили, выслеживали... что? Из этого места их след вел к морю. Значит, миссия здесь была либо выполнена, либо брошена. Было раннее утро. У Нейла оставалось очень мало времени на расследование: надо было прятаться в дупло, в котором те прятались раньше от дневного света. Он слышал звуки пробуждающейся на участке жизни — лай собак, беспокойство фэзов у стены. Если мастер участка был достаточно напорист, его рабочие могли начать свой рабочий день еще до восхода солнца. У Нейла вдруг забрезжила мысль: может быть, здесь захоронено сокровище. Тайник мог быть устроен так хитро, чтобы кто-нибудь с участка мог его найти, и это сокровище вовсе не осталось от старых времен, а положено недавно. И если его отгадка правильна, то он знает, где увидеть подтверждение. И он пополз вокруг бревен, осторожно осматривая

землю Но то, что он искал, было помещено не вблизи поваленных деревьев, а среди диких ягодных кустов. Усыпанные ягодами ветки были заботливо поправлены, чтобы скрыть разрытую землю, но блеск металла привлекал взгляд. И ягоды тоже. Нейл знал это. Они были сладкие и радовали всех, кого мучила жажда. Приманка была отлично задумана. Любой, работающий здесь, захочет полакомиться ягодами и, конечно, увидит металлические предметы... Голоса на участке заставили Нейла поспешить к убежищу. Он был прав: рабочие спозаранок шли на работу А что, если они возьмут с собой несколько собак? Он шмыгнул в кусты и побежал. Через несколько минут он был в потайном месте и внимательно прислушивался к усиливающемуся шуму повозок, едущим по полям к вырубке, где был ягодный куст. Незнакомцы, теперь он был в этом уверен, поставили ловушки с приманкой! Он сам попал в такой капкан. В его разрозненной картине появился еще один кусочек. Трубка, которую он спрятал, желая сохранить, и Зеленая Болезнь — были ли они связаны друг с другом? Вполне возможно. Те, кто грешил, пряча или просто беря в руки сокровище, бывали быстро наказаны — причина и следствие, которые были даже ближе к истине, чем думали поселенцы. Но цель этой хитро продуманной схемы все еще ускользала от Нейла. Он уверился теперь, что его болезнь была не случайной, естественной, а вызванной и контролируемой чьей-то волей. И он стал другим человеком, чужим самому себе, не только физически, но и умственно. Ловушки — охотники — бревно — судно — Ифткан — Айяр... Голова Нейла тупо ныла, будто в его черепе что-то билось в наглухо закрытую дверь... Какая-то тайная часть его самого сражалась за свою свободу. Нейл почувствовал неприятный запах людей и животных, но собачьего лая не было слышно. Он знал, что должен оставаться поблизости до тех пор, пока не увидит, как ловушка захлопнется, пока не узнает, что последует затем. Нейл обнаружил, что убежище, где он скрывался, было не зря выбрано теми, как наблюдательный пункт — из него хорошо просматривалась вырубка. Рабочий отряд здесь был меньше, чем у Козберга,— всего два раба и трое бородатых Верующих, один из которых был почти мальчиком. Они начали работать далеко от ягодного куста. Мастер участка работал энергично и сосредоточенно и, как видно, управлял участком железной рукой. Работа была точно такой же, на какой раньше потел и Нейл. Но теперь в нем поднялась злоба — они разрушали хорошее, правильное и отвратительно оголяли место. Когда он смотрел на лидера этой банды, его пальцы бессознательно сжимали эфес меча. Ужасно было оставаться здесь, но Нейла удерживала необходимость узнать, что произойдет, если кто-нибудь найдет клад. Скроет ли нашедший его от хозяина, не постарается ли завладеть частью сокровища? Нейл внимательно следил за рабочими и не сразу заметил, как в конце вырубки появилась еще одна маленькая

группа. Он вздрогнул, увидев юбку. По первому впечатлению, женская часть Верующих так же усиленно старалась казаться некрасивой, как женщины других миров стараются поддерживать красоту. Мешкообразное коричневое одеяние, проношенное до серого цвета, волосы зачесаны назад в тугой узел. Выходя из дому, женщины следовали диктатам Правил и закрывали лицо тряпичной маской с прорезями, что делало их всех одинаковыми и отвратительными. Они не отходили далеко от домов и участков. За все время, что Нейл пробыл у Козберга, он ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из женщин ходил дальше поля или конюшни, исключая те случаи, когда их вели в дурацкой маске и плаще с капюшоном на еженедельный Небесный Съезд. Но здесь женщину сопровождали две фигуры поменьше. Все замаскированные, они шли собирать ягоды.

— Хо! — мастер взмахнул топором и опустил его, не сделав полного удара. Женщина остановилась и повернулась к нему. Ее маленькие спутницы чуть отступили за ее спину. Так они и стояли, пока мастер перелез через ствол срубленного дерева и подошел к ним.

— Что тебе надо, девушка, здесь? — спросил он.

Красная от работы рука показала на обильный урожай ягод.

— Кусты должны быть выкорчеваны,— сказала она тихим невыразительным голосом,— зачем же пропадать урожаю?

Мастер обдумал эту точку зрения, подошел ближе к кустам, как бы прикидывая ценность ягодного изобилия, и, наконец, кивнул.

— Делай свою работу, девушка,— приказал он,— и поторапливайся, мы хотим до ночи расчистить тут все.

Как только он отошел, дети бросились собирать ягоды. Женщина некоторое время стояла, повернув голову к лесу, и Нейлу показалось, что ее глаза смотрят не на ягоды, а на лесную страну. Затем она сделала необычную вещь: потянула пальцами стебель с гроздью белых мелких цветочков, быстро оглянулась по сторонам, понюхала цветущую ветку, а затем стала собирать ягоды в корзинку быстрыми уверенными движениями. Случайно или намеренно она шла, срывая на ходу ягоды, до тех пор пока кусты не заслонили ее от рабочих. Добавив последнюю горсть ягод в корзинку, она поставила ее на землю и вытянулась, вглядываясь в глубину леса. Ее руки отбросили капюшон, нетерпеливым жестом она скинула маску, и подбородок ее вздернулся, как показалось Нейлу, с вызовом. У нее была бледная кожа, как у всех женщин участка, черты ее лица не имели ни намека на красоту, но она была молода, почти девочка. Нос с высокой переносицей, маленький рот с бледными губами, глаза хорошего разреза, но кустистые брови над ними казались грубым и отталкивающим обрамлением. Нет, она даже отдаленно не была миловидной по иноземным стандартам, а тот чужак, что был в

Нейле, нашел ее бледную кожу отталкивающе безобразной. Она прижала ладони к щекам — Нейл не понял этого жеста,— а затем быстро пошла вперед. Ее убогая юбка цеплялась за кусты. Скрывшись за нависающими деревьями, она опять остановилась и стояла неподвижно, подняв голову, будто чего-то ждала. Ее рука опять нерешительно потянулась к цветущей ветке. Она взяла цветы в ладони, как в чашу, и поднесла к лицу, а затем, быстро и воровато оглянувшись через плечо, сунула цветы за ворот платья. Голова ее поднялась, глаза искали что-то в зеленовато-серебристой завесе деревьев.

— Эшла!

Девушка вздрогнула. Рука ее быстро вытащила из-за ворота цветы и отбросила их жестом отречения, а затем стала быстро прилаживать маску. Подозвав девочку, она взглянула в ее корзинку.

— Ты хорошо поработала, Самира,— сказала она одобрительно и с теплотой в голосе, чего не было, когда она разговаривала с мастером участка.— Скажи Эльзе и Арме, что вы теперь можете съесть горсточку и сами.

Замаскированный ребенок поднял голову и с сомнением спросил:

— Это разрешено?

— Разрешено, Самира. Я отвечаю за это.

Когда девочка убежала, Эшла вернулась к своему сбору, продвигаясь к ветке, склоненной над ловушкой. Глаза Нейла болели; солнце пробивалось отовсюду и слепило его. Но он должен был быть свидетелем того, что сейчас произойдет. Найдет ли она? Или спрятанное останется ждать кого-нибудь из рабочих, который придет корчевать куст? Девушка потянула ветку к себе и стала обеими руками срывать ягоды. Потом она отвела ветку во всю длину и застыла, наклонив замаскированное лицо. Она повернула голову к детям, но те уже почти скрылись из виду, лишь их темная одежда пятнами виднелась меж кустов. Девушка схватила сухую ветку и быстрым ударом воткнула ее в землю. Зеленый огонь сверкнул так ярко, что Нейл прикрыл глаза рукой. Когда он снова открыл их, девушка уже держала перед собой ожерелье. Выражения ее лица нельзя было видеть под маской, но она не издала ни звука, не звала людей, а растянула ожерелье, так что кружево из камней мягко свисало последовательными рядами. Нейл, уделивший не слишком много внимания этой части клада, не мог сейчас не оценить всей его красоты. Если камни были настоящими, девушка с участка держала теперь в руках стоимость целого королевства. Такое ожерелье могла бы надеть на свою коронацию императрица. И у Нейла не было причин думать, что это не драгоценные камни. Как бы не в силах совладать со своим желанием, Эшла приложила прекрасную вещь к себе, и грубая ткань платья по контрасту показалась еще безобразнее. Может быть, девушка тоже подумала об этом, потому что она быстро отвела от себя камни. Затем,

к удивлению Нейла, она сложила ожерелье, завернула его в большой лист, сорванный с ближайшего дерева, и обвязала травяным жгутом. Быстрый взгляд показал ей, что дети не обращают на нее внимания. Она быстро пошла в лес. Обутые в грубые сандалии ноги выглядывали из-под ее широкого платья, когда она разгребала ногой влажные листья, потом положила туда свою находку и быстро завалила камнем. Это было сделано так ловко, словно такие действия она производила и раньше. Эшла в последний раз осмотрелась и заторопилась обратно к кусту. Своей воткнутой в землю веткой она прикрыла оставшиеся сокровища.

— Эшла! — раздался голос мастера, и одна из девочек схватила за юбку девушку. Та быстро кивнула ребенку, и все трое пошли к открытому месту.

Итак, даже Верующие не застрахованы от искушения! Нейл вспомнил историю дочери Козберга. Наверное, она тоже спрятала часть сокровища, как пытался сделать и он сам и как только что сделала Эшла. Звон топоров и громкие голоса рабочих отметили перемену их направления работы. Скоро они дойдут до ягодной тропинки и будут слишком близко от его наблюдательного пункта. Придется отползти дальше. Нейл нашел убежище, куда звуки топоров едва доносились, и проспал остаток дня. В сумерках он проснулся. У него еще оставался хлеб, взятый из запасов Ифтсайги, и он, не торопясь, поел. В эту ночь не было луны, ветер был мягкий, насыщенный влагой. Скоро будет дождь. Он мог бы остаться в дупле и переждать грозу, но он хотел знать, нашли ли тайник те, кто работал на расчистке. Есть ли у них здесь сторож? Или страх перед ночным лесом удержит их? Нейл перебрался к вырубке с большой осторожностью, нюхая воздух, прислушиваясь к каждому шороху, смотря во все глаза. Камень, оставленный Эшлой для отметки, оставался нетронутым. Но дальше кусты были выкорчеваны, и... Нейл почувствовал запах врага. Готовый к неприятностям, он быстро отступил в лес и тут же услышал кашляющий лай собаки, сопровождаемый возбужденными криками по крайней мере двоих людей. Сторожа правильно сделали, взяв с собой сторожевую собаку. Но Нейл не думал, что они рискнут преследовать его; суеверный страх перед лесной страной, вероятно, ночью удваивался. Кроме того, он был уверен, что они его не видели. Поселенцы, по крайней мере Козберг, были убеждены, что лес населен невидимыми врагами. Шум, поднятый собакой, могли объяснить появлением какого-нибудь животного. Но охота не пойдет дальше. Присутствие сторожей на вырубке означало, что тайник открыт, что завтра или послезавтра, как только мастер участка сумеет вызвать Спикера, греховные предметы будут торжественно уничтожены и "грех" всей маленькой общины будет очищаться постом и ритуалами. Самое лучшее — лежать тихо, пока все не кончится. Зато он узнал, что его догадки относительно ловушек правильны. Теперь он должен узнать,

последует ли Эшла тем же путем — заболеет Зеленой Болезнью, будет изгнана, как заразная, и, в конце концов, станет такой же, как он. Кому и зачем это надо? Эти вопросы все еще стояли перед ним, но важнее было другое: что ему теперь делать? Вернуться в Ифткан и ждать? Или?.. В этот момент до Нейла дошло, что лес населен не только друзьями и забывать об этом нельзя. Он упал ничком, когда в нос ему ударила ошеломляющая вонь, не в силах освободить правую ногу из клейкой петли. Наконец он повис головой вниз над ямой, откуда доносилась тошнотворная вонь. Келрок! Так память Айяра определила врага и метод его нападения. Нейл извивался, пытаясь поднять голову и плечи. Меч болтался в его руке. Ему удалось упереться локтями в стенку ямы и частично повернуть плечи. Он выставил острие меча лишь за секунду до того, как фосфоресцирующая масса на другой стороне прыгнула. Келрок сделал летящий прыжок, чтобы приклеить своим весом качающееся тело жертвы к земляной стене, но со всей силы насел брюхом на меч, выставленный Нейлом. Нейл вскрикнул, когда когти полоснули по его ногам, когда отвратительная тяжелая смердящая масса ударилась об него. Затем раздался тонкий визг. Он был так высок, что вызвал резкую боль в голове Нейла. Келрок упал вниз, кувыркаясь и визжа, в глубину своей ловушки, унося с собой глубоко вонзившийся ему в брюхо меч. Нейл, близкий к беспамятству, опять опустил голову вниз. Но память Айяра подстрекала его к усилиям. Висеть так — смерть, даже если келрок тоже получил смертельный удар. Надо пытаться двигаться. На одной руке была кровоточащая ссадина, ноги тоже были изодраны, но Нейл должен освободиться — должен! Он крутился и извивался, обдирая тело о стенку. Возможно, сила прыжка келрока уже ослабила толстую, как шнурок, паутину, что держала Нейла, а может, и его собственные усилия перетерли ее о грубый край ямы — только она подалась, и Нейл упал вниз, на дно ямы. Светящаяся глыба, бывшая хозяином этой западни, лежала на спине. Ее когтистые лапы еще двигались, рукоятка меча торчала из брюха. Нейл кое-как поднялся на ноги и нагнулся, чтобы вытащить свое запачканное оружие. Он воткнул меч в земляную стенку, чтобы очистить его, и ошеломленно огляделся. Взобраться на эти стены было явно невозможно. Они были хитроумно сделаны, чтобы предупредить побег жертвы из ловушки. Но келроки должны были иметь внизу дверь. Они не могли зависеть в своем пропитании только от ловушки. Но... такой выход мог быть только через гнездо келрока, и там могли быть еще обитатели. Память Айяра была достаточно отчетлива, чтобы заставить Нейла вздрогнуть. Нейл обошел вокруг, придерживаясь рукой за стену. Боль в израненных ногах усилилась. Надо идти, пока он не лишился способности двигать ногами вообще. Так и есть: отверстие в темноту, откуда исходило зловоние. Поборов страх и отвращение, Нейл просунулся туда

с мечом наготове и пополз по проходу. Стенки были гладкими, отполированными телом келрока. Это было давнее, хорошо устроенное логово — тем больше оснований опасаться выводка! И там было так темно, что даже ночное зрение Нейла, при всем его высоком качестве не могло помочь. Нос? Но можно ли выделить один злой запах из общего зловония в этом дьявольском месте? Уши? Теперь судьба Нейла целиком зависела только от них, поэтому продвигался он медленно. Так он полз, раскачивая перед собой меч, чтобы проверить, нет ли других отверстий с боков или сверху, часто останавливаясь и прислушиваясь. Если есть поблизости обитаемое гнездо, предупредит ли оно его шорохом ног по земле, движением тела? Острие меча встретило слева пустоту. Нейл застыл, прислушиваясь. Ничего. Может, дети чудовища затаились для прыжка? И есть они тут вообще? Задерживаться Нейл боялся. Это было труднейшее испытание для его мужества и воли, когда он медленно пополз вперед, в невидимое отверстие, с единственной защитой — мечом — впереди, а позади лежала смерть, не внезапная, но очень страшная. Кончик меча уперся в стену. Тупик. Теперь придется пятиться назад, не зная, откуда произойдет нападение. Это был такой же бесконечный кошмар, от какого он, бывало, просыпался в поту, дрожа. Тишина. Никаких звуков позади. Но Нейл все еще не был уверен, что гнездо пусто. На такую удачу не стоило рассчитывать. Одна неосторожность может все изменить. Быть начеку, прислушиваться, ползти... Правда, Нейл не представлял себе, как он сможет повернуться в этом узком проходе, если придется сражаться. Вдруг поверхность под ним стала круто подниматься. Он глубоко вздохнул. Выход! Он воткнул меч в землю, чтобы упереться в него и выползти. Он встретил холодный дождь, хлестнувший в его тело. Неподалеку слышался шум реки. Река... А за ней — Ифткан! Впоследствии Нейл считал, что в эту минуту Айяр полностью овладел им, как в то время, когда болезнь держала его и обрывки сна окутывали его сознание. Реальны ли были те минуты, когда он лез по мокрым камням и бурный поток перекатывался над ним, когда он шатался под ударами ливня и стрелы молний показали ему мертвую башню города деревьев? Раздался оглушительный удар грома, молния сверкнула так ослепительно, что почернел весь мир. И о дальнейшем Нейл уже ничего не помнил. Ифтсайга! Нейл лежал и смотрел вверх, на мощную древнюю цитадель, на ее серебристо-зеленую крону, поднимающуюся так высоко, что листья казались цветным туманом в небе, почти так же высоко, как и звезды. Ларши! Нейл сел и схватился за меч, оглядываясь в поисках врага. У него болело все тело от ран, полученных в сражении. Он выжил тогда, проскочил во Второй Круг.

— Джагна! Майдар! — позвал он слабым шепотом.

Над его головой пронесся свист. Нейл держал меч наготове. Захлопали широкие белые крылья, и ноги птицы кос-

нулись земли. Кваррин подошел к Нейлу, в его клюве болтался мешочек.

— Хурурр! — Нейл выпустил рукоять меча и заморгал, снова ощутив то, что знал Айяр.— Хурурр!

Птица уронила мешочек в руку Нейла, треща и щелкая в ответ. Затем кваррин медленно обошел вокруг Нейла, как бы осматривая его раны. Нейл вернулся под защиту Ифткана, хотя решительно ничего не помнил с тех пор, как выполз из норы келрока.

7. В лесу бушевал шторм, когда Нейл вышел победителем из колодца келрока, и с тех пор гроза так и не прекратилась. Нейл лечил свои раны тем же лекарством, которое употребил для обожженного крыла Хурурра. Он устроился в Ифтсайге и лежал там на матах, а живое дерево стен комнаты трепетало и пело под яростным ветром. Однажды раздался грохот более сильный, чем громовой раскат, и вся Ифтсайга вздрогнула от сотрясения, а Нейл испугался, не угрожает ли землетрясение корням цитадели, но потом понял, что одно из деревьев-башен разрушено молнией и сбито ветром — отсюда и грохот. Здесь нельзя было определить течение времени, не было периодов солнечного жара и благословенной прохлады ночи. Хурурр сновал из комнаты в комнату, складывая крылья, чтобы подняться или спуститься по лестнице, навестить Нейла и снова уйти. Кваррин был недоволен, что гроза держала его здесь в плену. Однажды Нейл проснулся в тишине, попробовал вытянуть ноги и почувствовал, что они болят значительно меньше. Значит, он уже может кое-как двигаться. И ветер стих, дерево молчало, его не давило и не било грозой. Нейл сменил свою рваную и грязную одежду на чистую из складов, поднялся к выходу и посмотрел на лес при бледном водянистом свете солнца. Гроза и вправду наделала бед. Деревья, что стояли белыми скелетами в зелени молодой поросли, были разбиты, расщеплены. От обугленных стволов поднимался дымок. На западе, где простиралась опустошенная Злом земля, медленно перемещался мрак, будто где-то вблизи горел огонь. Со своего насеста Нейл видел сквозь обтрепанную штормом листву другой берег реки. В воздухе было по-прежнему холодно. Сколько же времени прошло с тех пор, как он высадился на Янусе? Он попытался подсчитать число прожитых планетных дней, сначала в уме, а потом по-детски, на пальцах, и обнаружил слишком много противоречий. Козберг взял его в середине лета. В конце сезона дни стали холоднее. И на участке он слышал, что зима на этой земле бывает сухой и жестокой. Однако — это опять память Айяра — в давние времена были другие зимы, когда люди не прятались в убежища от ударов шторма, и листья на деревьях оставались, только становились более серебряными. Но это было до смерти Ифткана. Теперь участки готовятся к холодному сезону. И этот недавний ураган был первым

предвестником конца осени. Нейл радовался, что на нем плащ, когда ветер ищущими пальцами добирался до ветки, на которой сидел Нейл. Зима — это опавшие листья, голый лес, и если случится охота, у беглеца было куда меньше шансов. Как знать, может, именно приближение зимы и погнало незнакомцев из Ифткана в море? Он поворачивал эту мысль, соображая, не остаться ли в Ифтсайге, но участки выжигают именно зимой. За огнем никто не следит, как бы далеко в лес он ни распространился. Чем дальше вгрызется пламя в лесную страну, тем лучше для поселенцев. А здесь мертвые деревья могли бы сделать из всего мертвого города один гигантский факел. Куда-нибудь на запад, поближе к морю... В таком походе на запад он может пройти мимо пограничного участка и посмотреть, что случилось с Эшлой. Сегодня... Нет, надо, пожалуй, отдохнуть еще денек. Раны подзаживут, и он пойдет легче и быстрее.

В эту ночь он охотился с Хурурром. Птица бесшумно нападала на берфонда, била его крыльями и лапами, а меч Нейла клал конец жизни животного. Человек разводил на камнях небольшой костер, поджаривал на заостренных прутьях ароматное мясо и находил его очень вкусным, особенно после долгого пребывания на хлебе из запасов незнакомцев, ягодах и стручках. Память Айяра говорила, что так делалось часто в старой свободной жизни Ифтов.

На четвертую ночь после окончания шторма Нейл вынул из запасника дорожный мешок на тот случай, если он не сможет вернуться быстро и путешествие затянется. Он положил туда смену одежды, включая сапоги из шкур, хлеб, мешочек с целебной мазью, нож. Он осмотрел во время сборов все ящики и сундуки, но ничего из сокровищ нижней комнаты не тронул. Почему-то ему теперь не хотелось иметь дело с этими предметами. Он готов был согласиться с поселенцами, что над тайниками висит проклятие, а проверять эту теорию у него не было желания. Когда он остановился у подножия Ифтсайги, собираясь уйти, его толкнуло внезапное ощущение опасности, такое сильное, что лишь усилием воли он заставил себя двинуться. Откуда-то появился Хурурр и пролетел над Нейлом со страшной воркотней и криками. Кваррин передавал человеку искаженное сообщение: опасность! Встревоженный Нейл остановился и посмотрел на птицу, усевшуюся теперь прямо над его головой.

— Где? — мысленно и вслух спросил он. Но понятия, полученные в ответ, были настолько отрывочными, настолько чуждыми, что не выглядели настоящим ответом. Ясно было только, что опасность не немедленная, что она древняя, древнее, может быть, самого Ифткана.

— Огонь? Поселенцы? — спрашивал Нейл.

Нет, это было что-то другое. И затем пришел ответ, более четкий, более ясный. С запада шла угроза — с пустынного пятна. Берегись, держись подальше от этого. Там живет древнее зло, оно может снова развиться, если его разбудить. Каким

образом разбудить? Но Хурурр не дал вразумительного ответа.

— Ладно,— согласился Нейл,— я пойду той дорогой,— он мысленно изобразил юго-западную дорогу вниз к реке, к участку, где жила Эшла.

Круглые глаза Хурурра глядели на него оценивающе. Теперь от птицы не исходило мерцающей мысли. Может быть, он рассматривал ответ Нейла, поворачивая его в мозгу и сравнивая с собственным мнением?

— Ты тоже пойдешь? — спросил Нейл. Иметь спутником остроглазого крылатого охотника означало бы для Нейла двойную безопасность. Он не сомневался, что у кваррина чувства были куда острее, чем у человека. Хохлатая голова Хурурра повернулась. Кваррин посмотрел на запад, против которого он только что предупреждал Нейла, расправил крылья, как бы собираясь напасть на добычу или на врага, и негромко зашипел. В этом шипении слышались ярость и холодная змеиная злоба. Он олицетворял собой вызов. Да, это был вызов! Хурурр выступал против чего-то страшного. Нейл отчаянно пытался добраться до мозга кваррина, получить информацию, скрывавшуюся в этой хохлатой голове. Снова прижав крылья к телу, скребя когтями по ветке, кваррин боком подошел к месту точно над головой Нейла и еще раз подал голос, но уже не шипел, а щелкал клювом. Нейл понял, что это знак согласия. Вода в реке поднялась, скалы покрылись ожерельем пены. Обломки, оставленные штормом, во множестве плыли по течению. Переправиться через реку для Хурурра не составляло проблемы: несколько взмахов крыльями — и он сел на дереве на том берегу. Нейл же прошел вдоль берега, изучая положение скал и прикидывая возможность воспользоваться ими, как ступеньками. Когда-то здесь был мост. Его высокие арки с тех пор обрушились и были разломаны многочисленными наводнениями. Наверное, только память Айяра помогла глазам Нейла найти эти точки, выстроить их мысленно в линию и увидеть, как надо идти. Рискованный путь по мокрым камням, скрытым под бурлящей водой. На той стороне реки штурм явно поработал в полную силу. Не будь тут Хурурра, Нейл дал бы большой круг, чтобы не запутаться: деревья такие же высокие, как в Ифткане, и такие же широкие, они повергали инопланетников в изумление, были повалены со своими меньшими братьями. Кратчайшая дорога к участку была так завалена обломками, что прошел добрый час, пока Нейл пробрался через все это, днем служившее ему убежищем. Когда он услышал этот тонкий жалобный плач? Солнце уже не было бледным: его лучи били в отверстие, оставленное яростными крыльями шторма, и держали Нейла пленником в яме под вывернутыми корнями. Над ним проносились звуки, издаваемые дневными жителями леса. Но этот звук... Нейл лежал, положив голову на мешок, и прислушивался. Нет, это не крик животного, не зов птицы! Низкий, продолжительный, утомляющий уши звук шел издалека. Сколько времени прошло, прежде

чем этот звук ассоциировался с болью? Какое-то существо попало в ловушку, томится между поваленными стволами и землей, может быть, покалеченное и страдающее? Нейл сел и повернул голову на юг, прослеживая звук. Иногда он пропадал, а потом снова становился отчетливым, поднимаясь до плача. Наконец Нейл расслышал почти различимые слова. Заблудившийся поселенец? Нейл пополз к другому отверстию своей норы, щурясь и пытаясь разглядеть что-нибудь в рассеянном солнечном свете. Ему пришлось раскидать массу зелени с тропы. Близко или далеко? Если он выйдет, то будет, в сущности, слепым. Если он дойдет до следующего участка леса, он, вероятно, будет способен на некоторый прогресс. И зов — если это был зов — подгонял его, не позволял ему спокойно сидеть в норе. Нейл вытянул губы и издал звук, имитирующий крик Хурурра — он научился призывать так птицу. Ответный щелчок клюва пришел сверху — кваррин устроился на вывернутых корнях дерева над головой Нейла.

— Посмотри... кто... зовет...— послал он мысль-приказ.

Хурурр протестующе защелкал, но перескочил на другой ствол и пошел вдоль него. Его серо-белое оперение ослепительно горело на солнце, когда он поднялся, взмахнув крыльями. Кваррин предпочитал ночь, но и днем он видел много лучше Нейла. Нейл попытался отметить кратчайшее расстояние через открытое пространство к деревьям впереди. Крик шел оттуда. Он надел заплечный мешок и пошел, щурясь. В рытвине он подвернул лодыжку и ободрал полузажившую рану, так что шел дальше, хромая. В этом крике были слова, слившиеся вместе, неразличимые, но все-таки слова. И шел этот звук откуда-то неподалеку от полей участка. Что случилось? Может, опустошающий ветер снес участок, и люди загнаны в лес, которого смертельно боятся?

— Существо... одинокое... неправильно...— пришло сообщение Хурурра.

Существо одно. Но что значит «неправильно»? Вред — ловушка? Нейл заторопился, дошел до края прогалины и понял. Козберг показывал своим новым рабочим ветхую заброшенную хижину, как предупреждение. Эту развалюху избегали все на участке. Здесь была другая такая же, готовая упасть от толчка. Хурурр сидел на самой высокой точке ее кровли. Нейл сделал второй рывок через открытое место и остановился у входа в хижину. Голос упал до бормотания. Нога Нейла запнулась за глиняный кувшин для воды. Кувшин был пуст. На ней не было ни маски, ни капюшона, платье было разорвано, так что видны голые, непрерывно шевелящиеся руки. Бледная кожа была испещрена зелеными пятнами. Масса спутанных волос спадала с запрокинутой головы. Глаза были открыты, но ничего не видели. Нейл приподнял ее качающуюся голову, прислонил к своему плечу и стал смачивать ее потрескавшиеся губы водой из фляги. Она облизала губы, и он смог напоить ее. Кожа ее была горяча, как огонь, она явно была

в жару от Зеленой Болезни. Нейл снова уложил ее и огляделся вокруг. Девушка лежала на куче старых, выпачканных землей мешков, в которых, вероятно, раньше хранилось зерно. У двери стояло блюдо с какими-то корками и массой раздавленных и испорченных фруктов, по которым уже ползали насекомые. Нейл выбросил блюдо за дверь с угрюмым восклицанием. Ничего себе! Пища, вода и постель для больной! Но на что больше могла надеяться грешница? А Эшла — он узнал ее, несмотря на болезненную перемену — конечно, была признана грешницей по законам своего народа. Нейл, злобно оскалившись, глянул в направлении участка, откуда ее выгнали, как только поняли, что она больна. Но сам-то он выжил и предполагал, что не он один, так что не было причин считать, что с Эшлой будет иначе.

— Воды...

Нейл помог ей напиться еще раз, а затем обтер ей лицо и руки влажной тряпкой. Девушка вздохнула.

— Зеленый... зеленый огонь...

Сначала он подумал, что она говорит о своей болезни, потому что помнил свой собственный бред, но она развела руки, и он вспомнил, как она стояла в тот день, держа таким жестом прекрасное ожерелье.

— Холодная зелень Ифткана...

Он жадно схватил эти слова. Ифткан! Значит, у Эшлы в ее болезненном жару тоже измененная память и знание того, что никогда не было частью ее поселенческой истории. Нейл импульсивно взял ее руки в свои и крепко сжал, несмотря на слабые попытки освободиться.

— Ифткан,— тихонько повторил он.— В лесу... в прохладном лесу.

— Ифткан стоит... в лесу.

Голова Эшлы замедлила свое беспрерывное движение, из ее закрытых глаз вдруг покатились слезы.

— Ифткан умер,— твердо сказала она, и ее авторитетный тон поразил его.

— Нет, не весь,— тихо уверял он.— Ифтсайга стоит, она еще жива. Прохлада, зелень, живой лес. Думай о лесе, Эшла!

Над ее закрытыми глазами собрались морщинки. Кустистые брови, придававшие грубость ее лицу, исчезли, как и большая часть волос. Нейл удивлялся, как быстро она прошла полное изменение. И глаза... Да, они стали шире обычных человеческих. Руки ее больше не пытались вырваться, а плотнее прижались к его рукам.

— Лес... Но я не Эшла,— снова твердые решительные нотки.— Я — Иллиль!

— Иллиль,— повторил Нейл.— А я — Айяр.

Если она и слышала его голос, то его слова ничего для нее не значили. Слезы все еще катились по ее лицу. Губы издавали слабый стон, а уже не тот крик, что привел сюда Нейла. Ему нужно больше воды. Но идти к реке слишком

далеко при свете солнца. Нейл послал мысль Хурурру в надежде, что птица сможет привести его к лесному ручью.

— Сверху — на листьях, — пришел ответ. Нейл понял его только тогда, когда вышел на прогалину перед хижиной. Кваррин слетел с крыши на высокую ветку дерева и пошел по ней к грозди различной формы листьев, которую человек сначала не заметил — какая-то паразитирующая лиана. В центральной части ствола-ветви был большой круглый нарост, вроде чаши. Нейл залез туда и действительно нашел там источник воды — в этом плотном волокнистом резервуаре было по меньшей мере две полных чашки воды. Нейл перелил ее в свою флягу, вернулся в хижину и стал умывать ею лицо Эшлы, когда приглушенный вздох заставил его обернуться. В дверях стояла фигура в маске и в плаще, но маленькая — та же девочка, что сопровождала ее за ягодами несколько дней назад. Фигура держала перед собой корзинку. Теперь она отвела ее назад и подняла, как бы собираясь защищаться от неожиданного нападения.

— Ой, не надо! — раздался громкий плач, быстро поднявшийся до визга. — Уходи! Убирайся!

Девочка замахнулась на Нейла корзиной. Оттуда вылетела фляжка и стукнула Нейла по руке.

— Оставь Эшлу, оставь! — снова завизжала девочка.

За его спиной зашевелилась сама Эшла, ухватила его за плечо, встала.

— Самира...

Голос ее был хриплым карканьем, но в нем чувствовалось пробуждение сознания. Ребенок застыл. Бешеные глаза сверкали в прорезях маски. Девочка снова завопила, на этот раз без слов — слишком велик был ее ужас. Она упала, перевернулась и поползла, продолжая визжать, и в ее визге было столько ужаса, что Нейл боялся сделать лишнее движение.

— Самира! Самира! — Эшла качнулась вперед, желая подойти к ребенку. Нейл взял ее за плечи и прижал к себе, несмотря на ее слабое сопротивление. Теперь он в какой-то степени понял ужас Самиры: перемена в Эшле завершилась полностью, он держал женщину, такую же измененную, как и он сам. Эшла действительно стала Иллиль, чудовищем в глазах ее родичей. Глаза Эшлы закрылись, голова свесилась на грудь, и Нейл снова уложил ее в постель. Крики Самиры еще были слышны, но уже слабее — видимо, она отбежала достаточно далеко. Не привлек бы этот шум людей с участка! Нейл присел на пятки. Девушка изменилась достаточно для того, чтобы вызвать страх и отвращение, это было видно по поведению Самиры. Верующие не убивают — это их кредо. Но его гнали с собаками на участке Козберга, а собаки Закона не знают. И теперь Самира могла вызвать такую охоту. Сам он легко оставит свору позади, но Эшла... Нейл ничего не должен поселенцам — но ведь теперь Эшла — уже не женщина с участка, она из его рода. Сможет он поднять ее и унести?

— Иллиль! — Нейл опять взял ее за руки, движимый надеждой, что ему удастся вызвать ифтянку, часть Эшлы.— Иллиль! Ларши идут! Нам пора домой, в Ифткан.

Он медленно и настойчиво повторял эти слова ей на ухо. Она приоткрыла глаза, взглянула на него из-под полуопущенных век и, кажется, узнала. В ее лице не было ни страха, ни отвращения, а что-то вроде узнавания, словно она и надеялась увидеть его таким.

— В Ифткан? — почти беззвучно прошептали ее губы.

— В Ифткан! — подтвердил Нейл.— Пошли!

Когда он стал поднимать ее, она, к его удивлению, оказалась вполне способной встать на ноги. Если у Иллиль было получужое тело Эшлы, зато у нее была нужная энергия. Нейл на всякий случай обнял ее за плечи и вывел из хижины, подобрав по дороге свой заплечный мешок. Когда они вышли, она вскрикнула и закрыла лицо руками.

— Ай, как больно! — в голосе ее были совсем другие интонации.

— Не смотри,— посоветовал он,— но иди.

Он полуповел-полупонес ее через прогалину в лес, посылая в то же время мысли Хурурру:

— Последи, не пойдут ли те за нами.

Он услышал шелест крыльев: кваррин улетел.

Дух или решимость поддерживали Эшлу, позволяли ей достаточно твердо держаться на ногах. Когда она обрела равновесие и энергию, шаги ее стали тверже. Далеко ли они ушли? Не привлекли ли охотников вопли Самиры? Нейл помнил рассказы людей Козберга о «чудовищах», но никто не говорил о их пленении. Люди никогда не заходили в глубину леса, так как считали, что там «нечисто». Если он переведет Эшлу через реку, то, конечно, никто не пойдет за ними в Ифткан. Они быстро прошли лесом и опять оказались на открытом месте, где свистел ветер. Вести полубессознательную девушку под ярким солнцем... Нейл сомневался, сможет ли он. Он прислушался, но все еще не слышал собачьего лая. Возможно, девочка пошла в хижину тайно, вопреки приказу мастера участка. Если это так, то она не выдала ужаса другим, чтобы не подвергнуться наказанию.

— Закрой глаза, Иллиль,— сказал Нейл.— Здесь яркий свет.

Он повесил свой мешок на левое плечо, а правой рукой поддерживал горевшее в лихорадке тело девушки. Он сощурил глаза до щелочек и попытался держать курс через завалы скошенной штормом растительности. Там и сям несколько навесов из сломанных веток давали им временное укрытие, где можно было отдохнуть и попить и протереть закрытые глаза мокрой тряпкой. Нейл боялся останавливаться надолго, чтобы его спутница могла полежать, но и подгонять ее не мог тоже. Однако она шла довольно долго и твердо, погруженная в другой мир. По ее бормотанию он понял, что у нее были те

же сны, какие посещали и его — бой за Ифткан. Широкое платье, висевшее лохмотьями, цеплялось за сломанные ветки. Наконец Иллиль отстранилась от Нейла, расстегнула пояс и воротник и уронила платье на землю.

— Плохо! — она оттолкнула одежду ногой. На ней осталась короткая тонкая сорочка.

Когда они продирались через густой кустарник, она потеряла последние оставшиеся волосы, и зеленая пигментация кожи окончательно завершилась. Раньше она была некрасива, в ней не было ничего привлекательного, кроме юности. Теперь же, если согласиться с таким цветом кожи, лысым черепом и длинными остроконечными ушами — ну да, она была красива! Как глубоко вошла Иллиль в Эшлу? Испугается ли она, когда узнает, что с ней произошло, как испугался он? Подала голос собака, и ей ответила свора позади. Нейл схватил девушку за руку.

— Пошли!

Ее глаза скользнули по нему без настоящего внимания. Она покачала головой и попыталась вырвать руку.

— Ларши! — воспользовался Нейл древней памятью, и это сработало: Эшла бросилась к ближайшей тропинке, а он, прихрамывая, поспешил сзади. Их скрыла прохлада леса. Вероятно, память Айяра усилилась в Нейле, потому что он почувствовал, как сзади бегут и принюхиваются... не собаки с участка, а которые еще не были людьми, но ходили прямой походкой, как люди. Нейл чувствовал, что должен добраться до Ифткана, пока Ларши не собрались вместе на последнее испытание силы против силы, жизни против жизни... Над головой зашелестели крылья. Прилетел Хурурр и послал человеку мысленное изображение веревки. Нейл заковылял в зеленый мир, будто нырнул из палящей пустыни в море.

— Трубин! Трубин!

Нейл повернулся. Крик подействовал на него, как удар по лицу. Эшла прижалась спиной к стволу, ноздри ее раздувались, глаза горели, но по щекам текли слезы.

— Иллиль! — Нейл шагнул к ней.

— Ты не Трубин! — резко бросила она и исчезла между деревьями.

Колодец келрока, слабость, падение — куча опасностей, с которыми она могла встретиться. Нейл захромал следом. Может, та же память, которая вела его в Ифткан, ведет ее теперь? Но неужели она рискнет перебираться через реку одна?

— Хурурр! — позвал он кваррина и увидел только отблеск белых крыльев, машущих вслед за исчезнувшей девушкой.

— Здесь,— пришел с запада ответ Хурурра.

Продолжая беспокоиться, Нейл кое-как перепрыгнул через упавшее дерево и бросился налево. Где была ловушка келрока? Даже если ее ужасного хозяина нет в живых, сам колодец угрожал неосторожному. Нейл нашел Эшлу в лесистой ложбинке у ручья. Она скорчилась, все ее тело тряслось.

— Иллиль! — тихо окликнул ее Нейл, боясь подойти ближе, чтобы опять не спугнуть.

При звуке его голоса тело Эшлы застыло, но она не подняла головы.

— Иллиль! — он сделал шаг, второй. Она медленно подняла голову с плотно зажмуренными глазами.

Теперь Нейл понял, что повергло ее в состояние дикого страха. Как он сам увидел в озерце Айяра, так и она увидела Иллиль вместо собственного отражения. Опустившись на колени, Нейл плеснул воды на свое разгоряченное тело, а затем на искаженное лицо Иллиль. Она открыла глаза. Ужасно было видеть, как в ней увеличивается страх. Она откатилась от Нейла, рот ее был искажен в беззвучном крике. Видимо, в эту минуту она ничего не соображала. Она была за стеной, воздвигнутой потрясением, и здравый смысл не мог туда проникнуть. Нейл подался вперед и схватил ее за руки. Она вырывалась. Самым лучшим и быстрейшим способом излечения было бы нокаутировать ее полностью, но Нейл сомневался, сможет ли он потом донести ее до реки. Он попытался представить себе ориентиры, и снова уловил собачий лай, слабый, но с заметной ликующей ноткой. Собаки обнаружили след беглецов и шли по этому свежему следу. Нейл надеялся, что они еще на сворках. Нейл сомневался, сумеют ли они перебраться через реку, даже если Эшла очнется от шока и пойдет с ним, но отдать ее в руки людей с участка еще хуже, чем бесполезная попытка. Эшла сжалась в комок и дикими глазами следила за каждым движением Нейла. Если бы ему удалось вызвать память Иллиль на поверхность ее мозга...

— Ты Иллиль из Ифткана,— медленно говорил он.— Ты Иллиль, а я — Айяр. За нами охотятся, мы должны бежать в Ифткан.

Она издала слабый приглушенный звук и наклонилась над водой, притянув и Нейла. Как видно, сходство Нейла с его отражением удовлетворило ее

— Я... не...— она снова задохнулась.

— Ты Иллиль,— ответил он.— Ты была больна, у тебя был дурной сон.

— Значит, это сон? — она коснулась его.

Нейл покачал головой.

— Это реальность. Там,— он указал на юг,— сон. А теперь — слушай!

До их ушей донесся лай.

— Собаки! — она узнала их, непроизвольно оглянувшись через плечо.— Зачем?

— Потому что мы из леса! Бежим!

Нейл повесил мешок на плечо и взял конец лианы, связывавшей руки Эшлы. Он не слишком хорошо понимал, почему так важно взять девушку с собой, увести ее от родных. Но ведь они не были ее родными, это был отряд охотников, преследующих с собаками «чудовищ». Он и она, явно изме-

ненные, равно одинокие. Он знал одиночество в Дипиле, когда Мелани заболела и часто блуждала в грезах, убегая от действительности. Но то одиночество, которое он испытал, став Айяром, было куда хуже.

— Пошли! — приказал он и помог ей встать. Она завертелась в его руках, отворачивая лицо, будто боялась взглянуть на него. Неужели она так и не примет изменения? Нейл дернул за лизну и пошел. Эшла пошла за ним, полузакрыв глаза, сжав губы. Она шла твердо, не отставая.

— Ты ранен... Кровь...

Нейла изумили ее первые слова. На его больной ноге оставались еще пятна крови, но уже высохшие.

— Я попал в колодец келрока,— ответил он и подумал, не дополнят ли его слова память Иллиль.— Это злое создание, частично живущее под землей,— добавил он.— Рана зажила, но я упал и снова разбередил ее.

— Ты убил этого келрока? — как-то по-детски спросила она.— Большим ножом? — она указала связанными руками на меч в ножнах, висевший на его поясе.

— Мечом,— рассеянно поправил Нейл.— Да, я убил его, потому что мне повезло.

— Ты всегда жил здесь, в лесу?

— Нет,— Нейл ухватился за шанс направить ее мысли на их общую судьбу.— Я был рабочим на участке и нашел клад.

— Клад,— подхватила она тем же детским тоном.— Зеленый, красивый, ах, какой красивый! У меня тоже было... зеленое, как листья.

— Да,— согласился он,— такой же клад, как нашла ты. Потом я заболел Зеленой Болезнью и стал Айяром, хотя раньше был Нейлом Ренфо.

— Я Эшла Хаммер. Но ты называл меня по-другому.

— Ты — Иллиль, или Иллиль часть тебя.

— Иллиль,— тихо повторила она.— Красивое имя. Но я согрешила! Я грешница, иначе я не стала бы чудовищем.

Нейл остановился и повернулся к ней.

— Посмотри на меня, Иллиль, хорошенько посмотри на меня и подумай. Разве ты видишь чудовище? Ты вправду видишь чудовище?

Сначала она, казалось, готова была ответить утвердительно. Но его пристальный взгляд остановил ее, в этом взгляде была мольба, и девушка заколебалась.

— Нет,— медленно сказала она,— ты другой. Ты не чудовище; ты просто другой.

— И ты другая, Иллиль, и ты не чудовище. Ты не урод, ты просто другая, и как ифтянка, ты красивая.

— Не чудовище... не урод... как ифтянка красивая...— задумчиво повторила она.— Пожалуйста,— она протянула к нему связанные руки,— развяжи. Я не убегу. Ты Айяр, а также и грешник Нейл Ренфо.

Он снял лиану. Она приняла изменение быстрее и полнее, чем он мог надеяться.

— Скажи мне, мы идем в город, в город деревьев? Мне кажется, я помню деревья-башни. Но как я могу помнить? — рассеянно спросила она.

— Да, есть такой город, Ифткан, но большая часть его умерла. Ты помнишь его с давних времен.

— Но как? И почему? — она задавала те же вопросы, что он задавал себе сам.

— Как — я частично догадываюсь. Почему,— Нейл пожал плечами,— не знаю. Но вот что я узнал.

Они шли, и Нейл рассказывал о том, что нашел в Ифтсайге, о зарытом на участке Эшлы сокровище, обо всем, что узнал и о чем догадывался.

— Значит, те, кто совершил грех, взяв запретные вещи,— подытожила Эшла,— были наказаны и стали такими, как мы. И, значит, нас искушал Лесной Дьявол, как всегда говорил Спикер.

— Но разве это так? — возразил Нейл.— Разве это и в самом деле наказание, Иллиль? Разве ты ненавидишь лес и ты несчастлива здесь, как это должно быть при наказании?

Может, Нейл и не очень умело аргументировал, но он был уверен, что должен изменить в ней кредо Верующих и его приложение к их проблемам. Если она верит, что лес — наказание за грехи, тогда для нее это так и есть.

— Спикер говорил...— начала она, но остановилась, обдумывая какую-то мысль, возможно, не новую для нее, но к которой она относилась осторожно. Она резко остановилась у дерева и коснулась его древним жестом — будто ее теплая плоть прикоснулась к чему-то своему, любимому и прекрасному.— Это... это не зло! — громко крикнула она.— И город деревьев, который видела во сне, тоже не зло! Это доброе, очень доброе! Для Эшлы это зло, а для Иллиль — добро. Для Иллиль тут нет Спикера, никто не скажет ей, что плохо то, что хорошо! — она посмотрела на Нейла с улыбкой, глаза ее сияли, все лицо сияло открытием радости свободы,— теперь я Иллиль, мир для меня хорош, а не полон греха — вечно все грех, их так много, этих грехов, в списке Правил!

Нейл невольно улыбнулся, и она тут же ответила ему улыбкой. Между ними как бы пронеслось ощущение радости, и Нейл на мгновение забыл усталость и боль. Но позади лаяли собаки, и в его мозг глубоко вошло предупреждение Хурурра: — Они идут быстрее. Уходи, лесной брат!

Нейл схватил Иллиль за руку и пошел быстро, насколько мог.

8. Досаждавшее им солнце скрылось за густыми облаками. Иллиль смотрела на открывшееся им речное ложе. За ней на высоком камне примостился Хурурр, медленно поворачивая голову от Нейла к северу и обратно и издавая недовольное

пощелкивание. По ту сторону воды лежал каменистый берег, где вялыми шлейфами тянулся туман или дым от погасшего костра.

— Что там? — спросила Иллиль.

— Не знаю. Но...

— Там зло! — уверенно сказала Иллиль, подняла руку к голове, чуть наклонилась вперед и прищурилась. Нейл положил руку ей на плечо.

— Тебе плохо?

Она покачала головой. Кваррин зашевелился, посмотрел на девушку с таким явным удивлением, какое могло появиться лишь на человеческом лице. Из горла Хурурра вырвалась серия мурлыкающих звуков, каких Нейл еще ни разу от него не слышал. Кваррин приподнял правую ногу, затем левую, словно собираясь начать церемониальный танец. Нейл увидел, что голова Иллиль тоже стала поворачиваться в том же ритме, в такт переступам Хурурра и его негромким крикам. А может, кваррин подражал ей? Нейл не понимал, что это, но в нем росло убеждение, что лидерство в их маленьком отряде перешло от него к Иллиль. Он попытался еще раз взять ее за плечо, но она легко уклонилась, метнулась вперед, в мелкую воду, и пошла вброд, в основном по течению. Хурурр громко закричал и полетел кругами над девушкой. Нейлу ничего не оставалось, как тоже идти за девушкой. Иллиль без колебаний шла вперед, словно точно знала, куда идет и зачем. Она отклонилась от своей линии, обходя нанесенные штормом обломки деревьев, но тут же возвращалась к своему курсу, который, по-видимому, вел ее к выступу скалы на другом берегу. Один из шлейфов тумана протянулся над рекой, и Нейл уловил запах дыма. Девушка вскарабкалась на выступ, прошла по нему на четвереньках до вершины скалы. Хурурр кружил над ней, но больше не кричал. На плоской вершине скалы Иллиль остановилась и напряженно стояла. Мокрая одежда прилипла к ее телу, к исцарапанным и избитым ногам. Руки ее были опущены, глаза широко раскрыты, но, как показалось Нейлу, не видели никакой определенной точки вдали. То ли она видела дальше, чем он, то ли она смотрела на что-то внутри своего мозга.

— Собирайтесь тайно, собирайтесь тайно.
Берите мечи и факелы,
Собирайте всю силу страны для похода.

Голос ее был очень тихим, близким к шепоту, и она странно выговаривала слова нараспев.

— Хууурррр! — громко отвечал ей кваррин.

Когда Нейл добрался до нее, она повернула голову, и он опять увидел сияющие искры в ее глазах.

— Силы малы. Видимо, больше нельзя собрать.

Что означали эти слова? Видимо, она так глубоко вошла в память Иллиль, что Нейл не мог понять ее.

— Пошли,— сказал он, глядя на восток, в сторону Ифткана.

— Этот путь закрыт,— теперь уже ее рука удерживала его.— Барьер уплотнился.— На ее губах появилась улыбка.— Ни один воин не может прорубить тропу через Белый Лес.

— Что? —.Нейл растерялся, но понял, что ее загадочное предупреждение имело действительно серьезное значение, тем более, что память Айяра зашевелилась при упоминании о Белом Лесе.— Как же мы тогда пройдем?

Иллиль подняла голову. Ноздри ее затрепетали. Темную массу туч прорезала стрела молнии, над рекой запел ветер, и ему вторил громкий голос:

— Они собираются, о, они собираются!
Но сила их так слаба!

Нейл потерял терпение. Быть застигнутым такой же грозой, как предыдущая, на открытом месте — безумие, близкое к самоубийству. Он повысил голос, чтобы перекричать ветер:

— Мы должны укрыться от грозы!

Она взяла его за руку и побежала к западу, по каменистому выступу вдоль реки. Нейл чувствовал, что замедляет бег девушки: его больная нога не гнулась. Иллиль посмотрела на него и пришла к какому-то решению.

— ...не... бежать...— ее слова уносил ветер. Она круто повернулась от реки в мрачную часть пустыни. Нейл упирался и протестовал. Какая-то великая цель, видимо, перебарывала ее прежнее отвращение к этой местности.

— Зеркало! Зеркало Танта!

Память Айяра... На мгновение в мозгу Нейла появилось изображение чего-то серебряного в раме из остроконечных камней. Место Силы — не Силы Леса, но все равно Силы. Изображение исчезло, и множество его значений пропало для Нейла, когда ветер разогнал мрачный туман на их пути и расчистил им тропу в унылой растительности пустоши.

Нейл не сразу заметил, что у него под ногами не изрытая земля с ловушками из спутанных лиан, а мостовая из серого камня, очень древняя, с пыльными выбоинами и трещинами, как бы истертая ногами, ходившими здесь много столетий. Древняя... и чуждая даже для Ифтов... но не запретная. Иллиль бежала чуть впереди. Она выпустила его руку, когда он перестал спотыкаться и пошел следом. В ней чувствовалась радость и нетерпение, не только в глазах и в изгибе губ, но и в каждой линии ее сухощавого тела. Она словно спешила на долгожданное свидание... или домой. Мостовая была неширокой, местами песок и земля осели на ней, так что камень был едва различим. Однако девушка не смотрела под ноги, она глядела вперед, ища какого-то другого гида, а может быть, этот гид уже вел ее. Стемнело. И вместе с этой темнотой... Нейл огляделся по сторонам. Но его ночного зрения не хватало, чтобы видеть в грозовом мраке. Там двигались тени — то ли кусты, качаемые ветром, то ли еще что-то. Но ни один из этих обманчивых кустов не касался дороги, даже близко не приближался к ней. Дорога обрам-

дялась камнями и голой землей. И камни сначала были круглыми валунами и выглядели совершенно естественно, но затем они столпились у краев дороги, сплотились в грубые стенки — сначала высотой по пояс бегущим, затем до плеч и, наконец, вознеслись башнями над головами людей, и гигантские плиты с каждой стороны оставляли только полосу угрюмого серого неба над ними. Нейл подумал, что стены были построены не зря — они защищали дорогу и укрывали тех, кто шел по ней. В проходе между этими каменными стенами ветра не было, но время от времени можно было видеть отдаленную игру молний. Начавшийся дождь лил на них, как в воронку, и бежал потоками по дороге, собираясь в ручьи и захлестывая ноги бегущих почти до колен.

— Иллиль, если вода поднимется...— начал Нейл.

— Этого не будет. Мы скоро выйдем на Сторожевой Путь.

— Куда мы идем? — осведомился он.

— Наверх, к Зеркалу. К Центру Земли.

Она не ошиблась: дорога поднималась, стала ступенчатой. И шла она на север, значит, они зашли далеко в пустошь. Но на этом пути не было такого мрака, не было мерзкого запаха, приносимого дрейфующим туманом. Здесь был только камень, омытый дождем. Иллиль замедлила шаги.

— Сторожевой Путь? Ты знаешь слово?

— Нет.

Нейл жадно смотрел вперед. Камни в стене разошлись и образовали темный рот, за которым, вероятно, был туннель. Это была защита от грозы, но тут могло быть и кое-что другое, о чем следовало подумать. Потому что по неизвестной причине рука Нейла легла на рукоятку меча и вытащила его из ножен. Серебро в темноте. Зеленые пятна светятся и горят на остриях камней. Затем Нейл увидел на камнях арки другие зеленые пятна, вспыхивающие, но не умирающие. На замковом камне арки пылал символ — входящего в жизнь. Иллиль засмеялась.

— Не смерть, не смерть, только переход к пробуждению,— ее голос перешел в торжествующий крик:

— Блеск звезд, блеск меча Ифта.
Приветствуйте вернувшихся странников.
Далекое путешествие, долгий сон,
Но Сила вернулась...

Она стояла под широкими изгибами арки и раскачивалась, протягивая Нейлу руки широким жестом гостеприимства.

— Носитель меча, назови свое имя!

Нейл Ренфо,— с отчаянием упрямства твердила часть Нейла, но вслух он сказал:

— Я — Айяр, из родословного дерева Ки-Кик — Капитан Первого Круга Ифткана.

— Носитель меча, входи и будь свободен на Сторожевом Пути.

Там оказалась лестница, а не туннель, ступени шли вверх под каменный свод. Но куда — Нейл не мог догадаться. И

память Айяра не дала ответа. Пока Нейл с трудом поднимался, Иллиль помогала ему, и они плечом к плечу осиливали подъем. От ее поддерживающей руки в его усталое тело входило чувство безмятежности и комфорта. Скоро ли эта лестница кончится? Сколько времени они уже поднимаются по ней? На этом странном пути они были уже вне обычного времени. Нейл Ренфо не мог бы подобрать слов для объяснения, но Айяр находил все правильным и естественным. Вокруг них было прошлое, и в любой момент некий барьер рухнет, и прошлое вольется в них обоих. И тогда они будут знать ответы на все вопросы, да и вопросов больше не будет. Однако этого не случилось: лестница кончилась раньше, чем упал этот неосязаемый барьер. Они прошли через арку и оказались на гладком прямом выступе чаши, которая, по-видимому, была конусообразным кратером небольшого вулкана. Крепкие стены поднимались от спокойной воды; это серебряное зеркало не отражало света, потому что света над ними не было, даже света звезд, оно содержало в себе мрак, словно это была не вода, а расплавленный металл.

— Зеркало,— сказала Иллиль очень тихо, потому что они вторглись сюда и потревожили что-то огромное — выше человеческого понимания,— что-то такое древнее, полное силы и власти, что Нейл поднял руку с мечом и заслонил лицо. Горячие пальцы Иллиль потянули его руку вниз.

— Смотри! — скомандовала она столь повелительным голосом, что он невольно повиновался.

Спокойное блестящее зеркало, обширное, как океан, и достаточно мелкое, чтобы его можно было вычерпать пригоршнями, растягивалось и сжималось, притягивало и отталкивало. И над всем этим эмоциональным стрессом Нейла — страхом и благоговением — рос болезненный голод. То, чего он желал больше всего, не приходило. Здесь тоже был барьер между ними и тем, что ожидало вдали, чем-то таким удивительным, таким изменяющим разум, что Нейлу захотелось громко закричать о разрушении своих надежд, разбить этот барьер мечом. Здесь было все знание, а он не мог до него дотянуться! Из глубин своих желаний и печали Нейл услышал крик Эшлы. Этот звук вернул Нейла к реальности, он увидел и понял не то, что могло быть, а то, что было. Девушка перегнулась через край над Зеркалом и смотрела в него, как недавно в ручей, когда к ней впервые пришло сознание ее изменения. Но теперь в ней не было ни страха, ни отвращения. Нет, она, как Нейл, оплакивала потерю того, чего не имела, не могла достичь. Нейл опустился на колени рядом с ней и обнял ее. Им было хорошо вместе, потому что к ним пришло окончательное поражение.

— Мы обмануты? — прошептала она наконец.

— Так и должно быть,— ответил он, зная, что говорит правду.— Мы — только часть тех, кто должен стоять здесь. Мы — Иллиль и Айяр, но мы также Нейл и Эшла. Если бы

мы были только теми или другими, мы были бы либо полностью напуганы, либо... получили бы все.

— Я не могу...— она закрыла руками мокрое от слез лицо.— Как может человек идти к знанию, которое здесь есть, и не получить его? Это наказание свыше.

— Ты уверена, что так будет всегда — наказание в финале? — твердо начал Нейл и сам себе удивился.— Допустим...— он путался в словах, а слова были, как вода для иссушенного зноем путника,— что Иллиль и Айяр стали большими, а Нейл и Эшла уменьшились. Прошло слишком мало времени с тех пор, как мы изменились.

— Ты действительно так думаешь или просто говоришь по доброте?

— Я считал, что эти слова — утешение, но теперь... теперь я так не считаю.

— Это Зеркало Танта. В нем Сила и Видение. Когда-нибудь, возможно, Видение будет нашим... И богатство Видения!

— А теперь,— Нейл встал и потянул ее за собой,— нам лучше уйти.

Эшла кивнула.

— Если бы я могла вспомнить побольше — Путь Просящего и Дающего...

— Я помню меньше тебя,— быстро сказал Нейл.

— Но ты воин, носитель меча, для тебя Путь Дающего, а не Просящего,— нетерпеливо воскликнула она и остановилась, прижав руку к губам, словно испугавшись своих слов.— Я вспоминаю только обрывки... Но когда-нибудь я узнаю все! Иллиль придет полностью, тогда я и узнаю. Но ты прав: сейчас это место для меня запретно. Мы избежали Гнева только потому, что пришли с чистым сердцем и в неведении.

Они спустились по лестнице. Когда они дошли до ворот Сторожевого Пути, Нейл поскользнулся и тяжело упал на каменную мостовую под аркой.

— Не думаю, что смогу идти дальше, независимо от того, вызову я Гнев или нет,— просто сказал он.

— А я не верю, что этот кров откажет нам,— ответила она.— Дай мне свой меч, потому что я что-то вспомнила.

Она взяла его оружие за лезвие в форме листа и положила его на мостовую прямо перед аркой.

— Ключ сохранит путь открытым.

Затем Эшла открыла мешок Нейла и ахнула, увидев его содержимое. Они поели хлеба, выпили воды из фляги. Последнее, что Нейл увидел перед тем, как заснуть,— Эшла вытряхивала из мешка его запасную одежду и прикладывала ее к себе. Затем он уснул, положив голову на плащ. Его убаюкивало бормотание воды, бегущей по древней дороге. Сияющий меч перед ним — предупреждение... Нейл пошевелился, больно оцарапал плечо о каменную стену и сел. Да, меч лежал на полу и сиял, но не зеленым светом, как это было ниже ворот, а холодным светом серебра. Нейл засмеялся: это

было отражение дневного света — бледного, но достаточного, чтобы его захватила отличная полировка лезвия. Шорох в противоположном конце их убежища — Эшла тоже села, сонно щурясь. Теперь, когда она была одета в костюм охотника, взятый из мешка Нейла, на ее поясе был длинный нож, который Нейл, ложась спать, положил рядом с собой.

— Как спала? — спросил он вместо приветствия.

— Видела много снов,— уклончиво ответила Эшла.— У меня такое ощущение, что нам надо уходить отсюда.

Она выразила ту же мысль, что была у Нейла. Здесь было холодно, и, казалось, что они пришли незваными, им тут не рады. Им давно пора уходить. Нейл прошелся, проверяя ногу. Трудновато, но идти можно — прихрамывая. Он разломил пополам кусок хлеба и протянул половину Эшле.

— Теперь назад, к реке,— сказал он.

Да, конечно, к реке, и на запад, к морю. Они должны найти тех, кто ставил ловушки с сокровищами, и узнать, что стоит за всем этим.

— Назад, к участку Хаммера.

Нейл был так погружен в планирование их путешествия на запад, что слова Эшлы не сразу проявились в его мозгу. Но когда он осознал сказанное ею, он в изумлении уставился на нее.

— Зачем?

— Там Самира,— ответила Эшла, как будто это имя все разъясняло.

— Самира? Маленькая девочка? — Нейл все еще не понимал, в чем дело.

— Самира — моя сестра. Когда меня бросили в лес умирать, как, по их мнению, следует поступать с осужденными грешниками, она пришла с водой и пищей. Если бы они узнали, ее побили бы. Теперь она, может быть, тоже больна. Я должна узнать, неужели ты не понимаешь? Я не могу оставить Самиру! Новая жена отца — Хранительница Правил Дома. Она ненавидела меня и всегда была недоброй к Самире, потому что мы от первой жены. Пока я была там, я заступалась за Самиру, а теперь она совсем одна и еще слишком мала для одиночества.

— Для Самиры ты теперь чудовище. Это ведь она навела охотников на наш след,— сказал Нейл. Это была правда, хотя и жестокая.

— Может, и так, но все-таки я не могу оставить Самиру. Тебе совершенно не нужно идти со мной. Я спрячусь в лесу, а ночью постараюсь добраться до сестры.

— Она не пойдет с тобой. Испугается.

— Она узнает меня и тогда не будет бояться.

— А как ты войдешь ночью во двор? Как ты найдешь запертого ребенка?

— Я знаю только одно: я не могу оставить Самиру, она пропадет без меня.

— Послушай, Иллиль, я скажу тебе правду. Мы больше не одной породы с твоей сестрой. Ты не узнаешь ее, и она тебя не узнает.

И Нейл рассказал о своем возвращении на участок Козберга. Эшла почувствует такое же изменение.

— В этом деле я все еще Эшла, а не Иллиль. И я пойду к Самире!

Нейл стиснул зубы и поднял на плечо уменьшившийся мешок.

— Ну, тогда пошли!

— Но тебе это вовсе не нужно.

— Нужно. Либо мы идем вместе, либо не идем совсем.

9. — Скажи, зачем ты пошел со мной?

В лесной одежде Эшла выглядела почти тенью, когда они остановились между двумя деревьями с поникшими ветвями. По ее настоянию они пошли к западу, в обход, а не прямо на юг, чтобы подойти к участку Хаммера с другой стороны и избежать часовых на Опушке.

— Зачем тебе искать Самиру? — ответил Нейл вопросом на вопрос.

— Она моя сестра. Я за нее в ответе.

— Ты ифтянка, я ифт, так что мы теперь родственники.

— Но не кровная родня,— возразила она.— Ты можешь идти к морю и найти тех, о ком ты говоришь. А Самира — не твоя забота.

— Могу? — неторопливо спросил Нейл.— А я уверен, что те тоже из Ифткана? Какое у меня доказательство? Кое-какие следы, и то довольно слабые. Ясно только, что кто-то двуногий шел по земле и по песку. И еще зрелище бревна, уплывающего в море... Нет, я не видел ифтов, я только угадывал, складывая кусочки, но я мог и ошибиться в своих догадках.

— Но ведь и другие болели Зеленой Болезнью, и они стали такими, как мы.

— Много ли их было?

— Не знаю,— покачала головой Эшла.— Болезнь — это наказание грешникам. Ни один участок не хотел объявлять о вине своих людей. Иногда доходили слухи. Я, например, знала пять таких случаев.

— Пять — с одного округа?

— С линии южной Опушки. И это за пять лет.

— Устойчивая утечка. Но зачем? — повторил он свой старый вопрос.— Интересно было бы знать, сколько их было за все эти годы, с тех пор, как инопланетники поселились здесь. И все ли они теперь... ифты?

— Ты свободен. Поищи — найдешь,— сказала Эшла.

— Я не свободен. Я останусь с ифтянкой, которую я нашел. Но взамен прошу обещания.

Эшла вздернула подбородок.

— Если насчет Самиры — ничего не обещаю.

— Выслушай. Если ты увидишь, что желала невозможного — либо ты не сможешь до нее добраться, либо она не захочет идти с тобой — пойдешь ли ты тогда без промедления?

— Почему ты так уверен, что она не пойдет со мной?

— Я не смогу объяснить тебе это словами. Сама увидишь.

— Она пойдет, лишь бы мне найти ее,— с непоколебимой уверенностью ответила Эшла.— Уже совсем стемнело. Может, пойдем?

Хурурр исчез два дня назад, когда они шли к Зеркалу, и Нейл очень жалел об этом. С птицей-разведчиком вторжение на участок казалось менее рискованным. Без Хурурра они могли надеяться лишь на свои органы чувств. Он вынудил Эшлу сделать ему одну уступку: подчиниться его приказам в лесу, пока они не дойдут до полей. Девушка держала свое обещание, слушалась Нейла и, как могла, усваивала его знание леса. В эту ночь не было луны, и в воздухе снова чувствовалось приближение дождя.

— В этом году зима, наверное, наступит рано,— заметила Эшла.— Так всегда бывает, если много грозовых дождей.

— Когда она может наступить?

— Дней через двадцать может быть снег с дождем, потом снегопады, один хуже другого...

Нейл отложил эту печаль на будущее, потому что сейчас были другие дела.

— Тихо? — его рука легла ей на плечо, как сигнал. Лай. Они отчетливо слышали его.

— С участка,— шепнула Эшла.

Напряжение Нейла не ослабевало. Одна собака могла быть во дворе, но это не значит, что другие не патрулируют со стражниками поля. Он сказал об этом.

— Нет. Лес ночью — страшное место, а Хаммер — человек осторожный: он всех будет держать на участке, за закрытыми воротами.

— Однако ты собираешься войти туда,— уколол ее Нейл.

Впервые в решении Эшлы появилась трещина.

— Но ведь... я должна...

Твердость обета победила появившуюся нерешительность.

— В какой части дома может быть Самира? — спросил Нейл, вспоминая экспедицию на участок Козберга, когда увидел там существа, с которыми не имел более ничего общего.

— Все девочки спят вместе в верхнем этаже. Там два окна... — Эшла старалась представить себе то, что описывала.— Да, сначала крытый навес, где находятся два детеныша фэзов. А с крыши навеса легко дотянуться до окна. Оттуда я позову Самиру.

— А когда она увидит тебя?

Помолчав, Эшла резко ответила:

— Ты думаешь, что она испугается меня и закричит, как тогда, в хижине? Может, тогда она испугалась тебя. А ведь я Эшла, я люблю ее, она не может меня бояться! К тому же

на верхнем этаже нет света, так что она только услышит мой голос, а он ее не испугает.

В этом аргументе была своя логика. Да и не мог Нейл силой оттаскивать Эшлу, значит, оставалось только уступить ее желанию и помочь ей, насколько это в его силах. Они обошли участок с юга, чтобы идти против ветра. Единственным освещением на участке был ночной фонарь на дворе. Похоже было, что обитатели дома мирно спали. Они быстро пересекли поле и очутились у забора, окружающего строения. Нейл поморщился от запаха участка и его населения. Так же сильно пахло и на участке Козберга. Но сейчас удар по обонянию Нейла был даже сильнее. Он услышал, как его спутница слегка задохнулась, и увидел ее руку, поднявшуюся к носу.

— Это,— уточнил Нейл,— запах инопланетников.

— Но ведь мы... — она была смущена и потрясена.

— Мы — ифты, мы не убиваем деревья, не живем, закрывшись в мертвых вещах. Теперь ты понимаешь, что мы — это мы, а они — это они?

— Самира тоже может стать такой же, как мы! — упрямо сказала Эшла. Но Нейл подумал, что она рассматривает строения перед ней новыми глазами и уж, конечно, не предполагает вернуться в семью.

Прыжком с разбега Нейл преодолел расстояние до крыши и спустил вниз свой пояс, чтобы помочь Эшле взобраться. Они слышали, как внизу ворочаются и принюхиваются животные. Эшла легла на крышу и тихо монотонно запела. Животные утихли.

— Они будут молчать,— прошептала она.— Я их кормила, и они знают мой голос. А вот окно!

Она поползла по крыше и скорчилась над окном, затем медленно поднялась и заглянула внутрь. Она долго смотрела, и Нейл подумал, что там слишком темно даже для ночного зрения Ифта. Затем она подала сигнал чуть свистящим шепотом — какие-то слова, которые Нейл со своего места не расслышал. Она произнесла их трижды. Нейл уловил движение внутри. Рама открылась, в окне появился ребенок, протягивающий руки к Эшле. Но когда руки Эшлы протянулись в ответ, ребенок отшатнулся, и Нейл услышал испуганный крик.

— Нет, это не Эшла, это демон! Здесь демон!

Она вопила так же дико, как тогда, на вырубке. Нейл бросился к Эшле, схватил ее и потащил с собой вниз. На участке послышались другие звуки. Вопли Самиры потонули в яростном лае собак.

— Бежим! — Нейл схватил Эшлу за руку. Они уже промчались через первое поле, когда Нейл осознал, что он не тащит Эшлу, что она бежит так же уверенно и быстро, как и он. Только она рыдала на бегу.

— Не... не... — она старалась выговорить то, что Нейл и так знал.— Не Эшла,— всхлипывала она.— Эшлы больше никогда не будет!

У самого Нейла отвращение к роду землян было завершено, но он ни с кем не был связан у Козберга ближе, чем пассивным товариществом. Насколько же тяжелее это дается тому, кто узнает, что даже крохотной связи не существует больше между поселенцами и Ифтами. Не будет ли это таким же шоком для Эшлы, как в тот раз, когда она увидела отражение Иллиль вместо своего? Самое главное — уйти отсюда под покров леса. Люди с участка могут выпустить собак на поля и караулить до утра, но заходить далеко в лес не рискнут. И Нейл хотел уйти до зари как можно дальше на запад.

— Ты был прав,— сказала Эшла, когда он повернул ее к оврагу.— Это была Самира, но мы... мы больше не сестры. Она испугалась меня, а я, поглядев на нее, увидела знакомое лицо, лицо кого-то, кого я больше не держу в сердце. Почему так?

— Спроси тех, кто ставил ловушки с кладом,— ответил Нейл.— Я не знаю, зачем им подменыши. У нас нет больше никакой связи с инопланетниками.

— С тобой тоже так?

— Да. Как только я увидел тех людей, я понял, что возврата нет.

— Возврата нет,— безнадежно повторила она.— Куда мы пойдем?

— На запад, к морю.

— Ну что ж, это место не хуже всякого другого,— согласилась она.

И они углубились в лес. Они шли и утром, потому что день был пасмурным. Дождя не было, но поднялся туман и принес холод, так что они были рады плащам с капюшонами. В этих плащах они настолько сливались с общими тонами леса, что Нейл подумал: ни один следопыт без собак не заметит их, даже пройдя рядом. Река загибалась к северу. Они еще не дошли до берега, когда Нейл понял, что недооценил врага, и это может принести им смерть: послышалось жужжание флайера и щелканье энергетических разрядов. Гарь и дым отмечали каждое место удара огненного хлыста, посланного с высоты. Пилот вел флайер кругами на уровне вершин деревьев и обстреливал из переносного флаймера более низкую лесную поросль у реки. Несмотря на сырой туман и недавний дождь, растительность не могла противиться огню, который начал распространяться с такой силой, что погасить его мог бы только ураган. Не надеясь на собственные охотничьи методы, поселенцы, как видно, обратились за помощью к администрации порта. Таким образом, будь Нейл и Эшла на открытом берегу, они стали бы легкой добычей. Безжалостности этих огненных хлыстов было достаточно, чтобы вызвать панику у беглецов. Нейл силой воли обуздал свой страх.

— Что это? — спросила Эшла, увидев дым и услышав треск деревьев, по которым луч бил наугад.

— Флайер, а в нем флаймер, огнемет,— ответил Нейл.

— Флайер, флаймер... — Эшла растерялась.— Но ведь это

внешнее оружие, поселенцы им не пользуются.

— Значит, они обратились к администрации порта.

— Как они могли? Верующим не разрешается объединяться ни с какой частью Внешних миров.

— Значит, по какой-то причине вышла портовая полиция.

Когда Нейл шел в Ифткан, над рекой тоже кружил охотящийся флайер. Но это было давно! Или они все еще патрулируют дикую местность? Такой охотничий отряд в лесу прострелил крыло Хурурра. Но дело сейчас не в том, как и зачем они тут появились; главное, что они методически обстреливали лес своими разрушительными лучами. И вместе с беглецами — Ифтами бежали и другие существа. Небольшая группа берфондов продралась сквозь кусты и бежала в нескольких шагах позади Нейла и Эшлы, а потом снова нырнула в кусты. Птицы перелетали с дерева на дерево, другие существа слетали или сползали с веток и двигались к северу, спасаясь от огня. Эшла остановилась, сдернула с себя плащ, свернула и бросила через плечо, чтобы он не мешал ей бежать.

— Мы пойдем к реке?

Нейл готов был признать, что это было бы наилучшим выходом... Странно, но Нейл ни разу не подумал о попытке общения с пилотом этой машины. Взаимное отвращение между измененными и поселенцами было так велико, что он не надеялся ни на какое понимание со стороны официальных лиц порта. Но все равно — к реке. Они изнемогали от усталости. К счастью, пилот флайера был поглощен тем, что посылал лучи крест-накрест. Эшла спотыкалась, почти падала, ей не хватало дыхания.

— Не могу!.. — задохнулась она.

— Можешь! — закричал Нейл с уверенностью, которой не чувствовал. Его лодыжка опять разболелась. Но река была уже близко. Косматое животное размером несколько меньше фэза проковыляло мимо них, задев тяжелым плечом Нейла. Нейл снова побежал, таща за собой девушку, вслед за животным, которое бросилось на открытую тропу прямо через кусты. Наконец они оказались на берегу и пробежали шагов десять над линией воды. Косматое животное было уже в воде и то шло вброд, то плыло в глубоких участках потока, где уже плескалась другая живность. Вниз по реке шла толкающая и кричащая смесь разных форм жизни, и Нейл подумал, что много миль леса осталось без обитателей, которые теперь в сомнительной безопасности на этом небольшом отрезке реки.

— Как мы пойдем туда? — Эшла вцепилась в Нейла, следя за борьбой широко раскрытыми от ужаса глазами.

Нейл бросил взгляд через реку. Мрак над пустошью сгустился, в нем виднелись красные искры. Нейл был уверен, что это пламя. Даже если им и удастся проплыть среди дерущихся животных, они не смогут выйти на берег. Но все-таки в воде был шанс на спасение, а здесь — нет.

— Пошли! — крикнул он и повернул Эшлу к краю берега.— Вот! — он указал на плывущую между камнями ветку

дерева,— схватишься за нее, и она поможет тебе держать голову над водой. Но у них не оказалось времени осторожно спуститься с кручи: откуда-то позади пахнуло очень знакомым. Нейл круто обернулся, подтолкнул Эшлу к самому краю обрыва и загородил ее собой. В темном колодце Нейл видел келрока, когда тот, как обычно, предстал перед своей жертвой. Сейчас Нейл оказался перед взрослым образцом той же ужасной породы на открытом месте. Шелковистые волосы на его броне были опалены, видимо, он отсиживался в логове до последней минуты и потом прорвался через огонь. Боль от ожогов превратила его естественную злобу в безумную ярость. Свернутым плащом Нейл, как цепом, ударил животное по голове. Плащ был вырван из его рук, и Нейл отступил назад, но тут же почувствовал, что падает. Он упал в песчаную яму, неловко подвернув под себя левую руку, и лежал, задыхаясь. Сверху над ним раздалось рычание, перешедшее в вой. Оттуда сыпались песок и земля, но келрок не прыгнул на него. Потрясенный и ослабевший, Нейл приподнялся на колено. Где Эшла? Барьер из скал возвышался между ним и маленькой бухтой, где плавал тот кусок дерева. Рука, похоже, была сломана, но Нейл пополз вдоль камней, высматривая девушку. Обломок все еще бился об скалы, но Эшлы не было и в помине. Может, она ушла под воду, и теперь ее несет поток? Нейл пополз к воде, но, к счастью, вовремя увидел массу красноватого меха, катящуюся сверху. Из многочисленных ран животного сочилась светло-красная жидкость. Зубастая пасть еще издавала рычащий вой, когда животное упало в воду, забарахталось и затем тихо поплыло к тому самому куску дерева, который должен был поддерживать Эшлу. У Нейла как раз хватило сил, чтобы отползти от бухточки. В нем пробудилась слабая надежда, что девушка не в воде, а где-нибудь ждет его. А затем послышалось жужжание флайера. Инстинкт самосохранения бросил Нейла ничком на землю. Он лежал, слегка постанывая, потому что рука нестерпимо болела, и боль отдавалась во всем теле, и каждую минуту ждал, что его прошьет луч флаймера. В нем загорелась угрюмая ненависть к этому иноземному пилоту, ко всем, кто убивал деревья, выжигал страну. Все это было племя Ларша! Если он, Нейл, чудом выживет, уйдет от этой огненной охоты, он станет преследовать этих новых Ларшей и устроит такой праздник меча, какого древние и не видывали! Он — Айяр, и это страна Ифтов, и пока он жив, останется страной Ифтов. Боль... Луч флаймера? Нет, луч прикончил бы его. И флайер улетел. В этом маленьком отрезке времени победил Ифт — если считать победой сохранение жизни.

— Ааааайяаар!

Нейл повернулся и оцарапал щеку о гравий. Почему такой пустяк вывел его из тумана боли? Он сражался с келроком и вышел победителем из его колодца... Нет, не то; он встретил другого келрока на берегу реки и упал.

— Ааааайяаар!

Его глаза невольно открылись. Над ним клубился дым, от которого он закашлялся. Кашель разбередил боль. С дымом прицел жар, его обжигающие пальцы тянулись к Нейлу. Вода... здесь была вода. Нейл полз, пока его здоровая рука не коснулась воды. Затем он скатился в реку, сам не зная, как, окунулся с головой и снова потерял сознание.

— Айяр!

Что-то тащило его. Он пытался отбиваться, потому что ему причиняли мучительную боль.

— Не надо! — закричал он или подумал, что кричит.

Вода... Нейл был в воде, но голова его была на поверхности, на чем-то, что двигалось, вертелось, тянуло его в одну, затем в другую сторону. Затем в голове прояснилось, и Нейл огляделся, уже кое-что соображая. Его поврежденная рука лежала на мокром бревне, а здоровая болталась в воде по другую сторону бревна, так что его голова и плечи были под водой. Когда он с бесконечным трудом сумел поднять голову и повернуть ее, он увидел, что он не один. Зеленое лицо, очень большие глаза, остроконечные уши на безволосой голове... Значит, он все-таки нашел Эшлу, и они были в реке — это Нейл понял. Все остальное несущественно. Дым или сумерки? Река затуманилась. Перед ним маячила узкая полоса земли между скалами и густой кустарник. Туда пробирались из реки другие беглецы. Дно резко поднялось под Нейлом, его колени заскребли по песку, а руку так дернуло, что он вскрикнул. Они поползли вместе с другими, бежавшими от огня. Тут было много скал, сходящихся вершинами, и под такую арку они протиснулись. Нейл был почти без сознания, только валун за его плечами поддерживал его в сидячем положении. Эшла склонилась над ним.

— Покажи-ка мне руку.

Красный жар агонии копьем ударил в плечо, спустился на грудь. Нейл старался избежать этой пытки, но Эшла навалилась на него, обеими руками держа его за подбородок и медленно говорила, чтобы дошло до его сознания:

— Кость сломана. Я постараюсь укрепить ее неподвижно. Держись сам вот так... и так.

Ее руки чуть заметно двигали его. Он смутно понимал, чего хочет Эшла, и старался делать это. Затем... такая боль, какой он еще никогда не испытывал. Он завертелся, не чувствуя ни камней, ни твердой земли под собой, ничего, кроме окутавшей его боли. На его теле лежал груз, рука пульсировала. Нейл поднял голову. Свет... Он зажмурился, но заставил себя снова открыть глаза. Груз на его груди оказался его левой рукой в лубке и на перевязи. А свет — это был день. Иллиль! Она была с ним в реке, она вывела его из тумана и боли и теперь подходит к нему, держа сложенный чашей лист.

— Ты можешь идти? — требовательно спросила она и подсунула руки под его плечи, помогая встать.

— Это необходимо?

— Необходимо.

Он встал с легким головокружением, но уже готовый идти. В сущности, он шел не сам, Эшла вела его, обняв за плечи и проводя между скалами. По-видимому, они шли берегом в голой пустыне. Ни единой травинки, только скалы блестят в утреннем свете. Найдется ли убежище от солнца, или они так и будут слепнуть до вечера?

— Куда мы идем? — спросил Нейл, надеясь на конкретный ответ.

— Вверх.

Они действительно поднимались вверх. Земля была грубой, растрескавшейся и создавала как бы естественные ступени.

Наконец они осилили подъем и с высоты оглядели землю в трещинах и рытвинах, откуда поднимались языки зеленого дыма. Качались верхушки растений, скорее серых, чем зеленых. И там не было гостеприимного леса.

— Это пустошь,— сказал Нейл. Ощущение места захватило его, как захватывает дух от запаха разложения в колодце келрока. Нейл видел только скалы и овраги, где задыхалась больная растительность, но чувствовал — как раньше, по дороге к Зеркалу — засаду, слежку, наблюдение. Не за ним, не за Эшлой, но что-то... откуда-то...

— Пустошь,— подтвердила она почти бесстрастно.— Но солнце поднимается, мы не сможем вернуться к реке. И флайер из порта дважды пролетал над нами.

Нейл смотрел на голую местность и вспоминал предостережение Хурурра. Они прошли незаметно, без вреда для себя, к Зеркалу, и вернулись, но в течение последней части их путешествия Нейл знал со странной уверенностью, что безопасность лежит только на древней дороге между теми двумя стенами, и что стены эти как раз и были воздвигнуты для защиты... от чего? Эта дорога была очень древней. Неужели угроза, от которой отгородились стенами, еще существует?

— У нас нет выбора,— продолжала Эшла, и ее рука, обнимавшая Нейла за плечи, дрогнула.— Далеко мы не пойдем.

Нейл увидел теперь, что его меч свисает с его плеча. Каким образом она нашла его и сохранила в путешествии через реку? Он почему-то был уверен, что в это время и в этом месте оружие, выкованное Ифтами, — слабая защита. Но выбора у них действительно не было. Найти тень в расщелине, лечь под этой растительностью и ждать вечера — больше ничего нельзя было придумать.

— Оставь меня там,— он указал на ближайшую яму,— а сама иди, держась ближе к воде, и иди на запад, пока солнце не поднимется высоко. Я не знаю, далеко ли это простирается и сможешь ли ты выйти за час пути.

Она ничего не сказала и повела его вперед. То, что он предлагал, сулило очень мало шансов на успех, но все-таки это было лучше для нее, чем оставаться здесь. Эшла заговорила только для того, чтобы указать кратчайший путь к овражку и предупредить о возможном спуске. Кусты, через которые они

продирались, были ломкие, удивительно сухие, словно несмотря на их живой вид, были давно мертвыми и только сохраняли сходство с настоящими кустами. От сломанных веток и раздавленных листьев шел резкий запах, ничуть не напоминавший здоровый аромат лесной страны. Когда они спустились на дно оврага, Нейл увидел бледные здоровые растения, почти у самой земли, кустики с мясистыми, туго скрученными листьями.

— Сюда,— Эшла направила его прямо и остановила. Часть древесного ствола, еще казавшаяся настоящим деревом, торчала из стенки оврага. Его сердцевина давно сгнила, но оболочка представляла собой нечто вроде древесной пещеры, что для Нейла было более естественным кровом, нежели псевдоживая растительность вокруг. Но когда он протянул руку к старой коре, он коснулся не давно умершего дерева, а чего-то твердого, как скала. Дерево окаменело.

— Это хорошо послужит мне,— быстро сказал он,— а ты иди, пока есть время.

Эшла помогла ему забраться под каменную кору и спокойно устроилась рядом с ним.

— Мы пойдем вместе или совсем не пойдем.

Нейла встревожил этот намек на предчувствие.

— Совсем не пойдем?

Эшла наклонила голову и закрыла лицо руками. Нейл был уверен, что она не плачет, но во всей ее фигуре чувствовалось отчаяние, даже страх. Но уже через минуту она снова подняла голову и положила руки на колени. Только глаза ее оставались закрытыми.

— Только бы вспомнить... знать! — воскликнула она, но не Нейлу, а обстоятельствам их бытия.— Иллиль знала, многое знала, а Эшла — нет. И иногда я не могу добраться через Эшлу к Иллиль. Нейл, что ты знаешь об Айяре, по-настоящему знаешь? Она открыла глаза и смотрела на Нейла так напряженно, словно его ответ был самым важным на свете и мог привести к спасению их обоих. И это зажгло в нем необходимость искать в своем мозгу Айяра и то, что Айяр знал.

— Я думаю,— неторопливо заговорил Нейл, ожидая полной уверенности в каждом отдельном факте,— он был воином и лордом Ки-Кик, но что это значит, я не помню. Он был Капитаном Первого Круга Ифткана и сражался там, когда Ларши напали на Башни. Он был охотником и большую часть времени скитался в лесу. Вот и все, в чем я уверен. Иногда я срываю плод, перехожу след, вижу или слышу животное или птицу — и знаю о них то, что знал Айяр. Но о самом Айяре я знаю очень мало.

— Достаточно знаний, чтобы жить в лесу,— резюмировала Эшла.

Нейл выпрямился. Это дало ощущение нового пути!

— Может, Айяр больше ничего не предполагал дать мне! — выпалил он.— Достаточно знаний, чтобы выжить в лесу, а все остальное, насчет падения Ифткана, считалось забытым, но не забылось!

— Если у человека есть записывающий аппарат и нужно срочно составить сообщение, которое находится среди других сообщений, человек может особо отметить кассету, но все равно часть рапорта окажется навязанной.

— Записывающий аппарат! — удивился Нейл.— Разве Верующие пользуются ими?

— Нет. Но когда у моей матери было кровотечение, а молитвы Спикера не помогли, пришел ее отец и отвез ее в порт, к инопланетному врачу. Я поехала с ней, потому что она не могла позаботиться о себе. Но было уже поздно. Если бы мы привезли ее раньше, ее можно было бы спасти,— Эшла помолчала и продолжала: — Там я видела записывающие аппараты и много других вещей, тех, что заставляют думать и удивляться. Я часто вспоминала и думала о том, что видела там. Ну, допустим, эти лесные знания важны для того, чтобы выжить, вот ты и получил память Айяра. Но другие части памяти тоже прицеплены тут.

— А как насчет Иллиль? Она тоже снабдила тебя такой помощью?

— Да. Знание животных, страх перед врагами, несколько съедобных растений, умение лечить,— Эшла нахмурилась,— которое может стать и оружием. Только... Иллиль была когда-то персоной власти. Она знала Зеркало и имела право стоять перед ним и вызывать то, что находится в глубине воды. Я думаю, что она была кем-то вроде Спикера у своего народа, Спикера с невидимым оружием и невидимыми инструментами. И в том месте я это особенно почувствовала, и поэтому хочу иметь это оружие.

— Против кого?

Она помрачнела.

— Не знаю! — Она снова поднесла руки к голове.— Это закрыто, но я знаю, что оно здесь! И вспомнить то, что знала Иллиль, очень важно. Здесь опасность худшая, чем флаймер, собаки или охотники с участков. Она осталась с древних времен — не то спит, не то терпеливо ждет... а теперь... — уронив руки, она посмотрела на Нейла с ужасом, поднимавшимся из глубины ее глаз, а голос опустился до шепота, когда она закончила: — Оно хочет съесть.

Нейл почувствовал, что слушает не только ушами, но и всем существом, как охотник, который слушает фыркающую и принюхивающуюся собаку. И он знал, что им угрожает не животное, не человек. Это много старше, много сильнее и сложнее, чем любая форма жизни, известная Нейлу. Может, оно уже здесь? Или еще не проснулось, но уже начинает понимать, что долгий голод будет теперь утолен?

— Белый Лес! — вдруг сказала Иллиль, и страх Нейла вспыхнул от этих слов.— Это Опушка Белого Леса.

Меч Ифта, рука Ифта,
Сердце Ифта, род Ифта
Забыты во мраке, охлаждены луной.

Рожденный воином встанет,
Когда Круг разорвется,
И упадет дерево-башня.
Меч Ифта, рука Ифта!

Песня тянулась в тишине. В этой песне слышался мерный шаг воинов, звон мечей, рокот деревянных барабанов.

— Меч Ифта! — повторила она и быстрым движением подняла меч, который Нейл нашел в Ифтсайге.— «Забытый во мраке, охлажденный луной»!

— Это было частью памяти Айяра,— сказал Нейл.— Ты понимаешь, что это означает?

— Мало. Чуть-чуть. Это пророчество, обещание, сделанное Ифтом-героем в день Голубого Листа. И оно было выполнено. Но тогда был Голубой Лист, а наш лист — серый и увядший,— она поворачивала в руках меч, разглядывая его.— Это был ключ к Сторожевому Пути, мы с тобой видели это. Но, может быть, он не только ключ. Возможно, это меч Кимона или такой же. Если так, то в нем сила и власть в самой его субстанции. Иллиль, Иллиль, дай мне больше знания! — последние слова она выкрикнула почти с рыданием.

Нейл взял у нее меч. Правильно, он видел зеленые искры, горевшие на кончике лезвия, и символ на замковом камне пылал в ответ. Но в руке Нейла этот меч был просто хорошо сработанным оружием.

— А что сделал Кимон? Он был героем пророчества?

— Да... Это было очень давно — в памяти туман. Кимон не побоялся опасностей Белого Леса и завоевал мир для Ифткана, так что люди его крови могли жить в Великих Деревьях. А то, что питало Белый Лес, было связано Клятвой Забвения и Отстранения. Затем Голубой Лист стал Зеленым, но Клятва все еще держалась между Ифтами и ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ. Но когда Зеленый Лист опал, Ифтов было меньше, и ЖДУЩЕЕ зашевелилось. Клятва была громко произнесена перед Ифткаком, так что Пустошь не смела наступать. Но Ларши, не дававшие Клятвы потому, что в день ее произнесения они не умели говорить, ответили на приглашение ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ и пошли к нему под начало. Таким образом они создали нацию и росли количественно, в то время как Ифты уменьшались в числе. Когда Серый Лист дал почки, ТО-ЧТО-ЖДЕТ опять зашевелилось, и Башни Ифткана задрожали. Клятва была заслоном для Горящего Света, но Ларши, не дававшие Клятвы, стали руками ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, ЕГО оружием. Ларшей было много, а Ифтов — горсточка...— Эшла сложила руки чашей и развела пальцы. Айяр в Нейле отвечал волной ярости и отчаяния.— Так пришел конец Ифткану и Ифтам. Связующей Клятвы больше не было, и ЖДУЩЕЕ вольно было делать, что хочет, со своими слугами Ларшами.

— И это есть в памяти Иллиль? — тихо спросил Нейл.

— Это передано Иллиль, но приходит ко мне туманно...

Значит, теперь День Ларша, а Ночь Ифта прошла?

— Я думаю, что День Ларша тоже прошел. Здесь нет никаких легенд о них с тех пор, как первый инопланетный корабль приземлился на Янусе сто планетарных лет назад.

— Ларши, может, и исчезли, но то, что послало их, не исчезло! В этой стране дремлют древние силы! — голос ее окреп. — Может, это и не тот меч, что выковал Кимон и принес на Великий Праздник Меча в Белый Лес, но я знаю, что у этого меча есть своя сила и... — она сделала паузу, затем кивнула, словно ее мысль подтвердила неслышимый для Нейла голос, — что ты участвуешь в происходящем, участвуешь в достижении цели. Скоро наступит день, а день — это время ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Нам надо отдохнуть. Дай мне меч, Айяр-Нейл, и поспи, а во мне что-то шевелится, может, я вспомню побольше. Если же я усну, я смогу пропустить...

Она говорила так уверенно, что Нейл не стал спорить, а лег на землю, и в его мозгу закружились обрывки рассказанного Иллиль: Кимон, герой, заставивший произнести Клятву, так что деревья Ифткана могли служить гаванью его народу, и прошли века, а Клятва удерживала в отдалении безжалостный Белый Лес до тех пор, пока Ифтов осталось совсем немного... Слишком слаба линия крови, слишком тяжел груз древней памяти, чтобы поддерживать свои крепости и свою жизнь против накатывающихся волн Ларшей, только что вышедших из животного состояния и отважных в своем молодом невежестве, против их растущей ненависти, любви к разрушению того, что они не строили и никогда не смогут построить, к уничтожению того, чего они не понимали. Да, память Айяра говорила Нейлу, что Эшла права... Иллиль-Эшла была Хранительницей Зеркала.

10. Обнаженный меч лежал на коленях Нейла, здоровая рука лежала наготове на рукоятке меча. По другую сторону поросшего кустарником овражка высушенная зноем земля была залита слепящим светом солнца. Но здесь, в стволе окаменевшего дерева, можно было смотреть и прислушиваться — для предупреждения. Эшла, свернувшись, спала. Капли пота блестели на ее лбу. Если слепящий глаза свет не проникал сюда, то жар проходил свободно. Нейл сидел и, не отрываясь, смотрел вдоль оврага. Когда солнце добралось до пятен толстой мясистой растительности, ее листья открывались, расплющивались и питались. Нейл видел, как на эти листья заползали мелкие насекомые, крепко приклеивались, а затем медленно втягивались в поверхность листа. Это место по своей природе было чуждым человеку. Лесная страна была окружена поселенцами, которые боялись и ненавидели ее, но она была домом Ифтов и была близка всякой жизни, кроме той, что была побеждена или куплена и принята в пределы врага. В глазах Нейла все здесь было либо мертвым, либо умирающим. Он не ошибался: жизнь пустоши просто была совершенно иной и устрашающей.

Айяр дал Нейлу уши охотника и шестое чувство лесного

жителя. И Нейл ощутил движение и осознал его. Затем он отметил регулярное пощелкивание, вначале очень слабое, затем более громкое и опять слабое. Словно кто-то шел по краю оврага, не имея причины подкрадываться — сторожевой патруль. Может, это воображение? Однако, ощущения говорили обратное, и так определенно, как если бы он своими глазами видел проходящего здесь. До каких пор беглецы будут сидеть здесь, в этой яме? Это «до каких пор» могло иметь много значений: до вынужденного боя, до гибели, до прихода высшего авторитета. Память Айяра не снабдила Нейла изображением того, с кем связан этот щелкающий шаг. Теперь щелканье стало громче и шло уже с другой стороны оврага. Либо часовой обходил весь овраг, либо их было двое. Разумнее было бы выскочить из укрытия, пока здесь только один часовой или даже двое, но беглецы не решались на такой шаг: их ослепит солнце, и они не смогут ни бежать, ни сражаться. Какое-то летающее создание спланировало вниз и пронеслось прямо над растительностью в овраге. Хурурр? Нейл на секунду поддался невозможной надежде, но эта надежда обманула его и почти предала; он попытался послать мысль-контакт летящему и получил ответ настолько вне его понимания, что тот показался ему чудовищным взрывом, швырнувшим Нейла к противоположной стенке ствола. Это не летающее существо отвечало, слабо подумал Нейл, а разум, интеллект, пославший меньшее и слабейшее создание искать его, Нейла. Кажется, Нейл закричал, но он не был в этом уверен, возможно, он только противился этому вторжению чужого мозга. Но он уже был не в стволе дерева, а в каком-то месте, которое не мог бы описать словами, против существа или разума, не имеющего формы, а только силу и чуждые цели, существа, для которого Нейл и его род были ненужной загадкой. И именно этот факт непохожести показался Нейлу щитом. Нейл чувствовал, что в нем есть какой-то барьер для врага, ударивший прямо в сердце этой поглощающей уверенности.

— Ка-Как! — вырвался у Нейла древний боевой клич.

— Нейл!

Его голова была у окаменевшего дерева. Руки Эшлы лежали на его плечах, ее глаза смотрели на него так пристально, будто силы этого взгляда было достаточно, чтобы вернуть Нейла назад оттуда, где он стоял перед Врагом.

— Оно движется! Оно знает! — лицо ее было застывшим, суровым, ее глаза все еще держали его, как бы обыскивая его мозг в поисках какой-то мысли, какого-то ощущения, которых в нем не могло быть. Затем она чуть заметно кивнула.— Встает древняя истина! ЭТО может убить, но не сломить нас, даже если здесь Нейл-Айяр, а не настоящий Айяр!

Нейл ответил, сам не зная как, потому что мысль была еще неясна ему самому:

— Возможно, именно из-за Нейла, а не несмотря на Нейла.

Она подхватила его смутную мысль:

— Если так, то все в порядке. Проиграв в древнем знании, мы что-то выигрываем взамен. Но... ЭТО знает о нас!

Нейл осторожно пробрался вдоль внутренней части ствола. Он не знал, сможет ли увидеть часовых, тех, что щелкали, или летающих. Эшла предупреждающе подняла руку и показала вверх. Крылатый разведчик все еще был наверху и подал голос. Не зовущий посвист или щелканье клюва кваррина, а долгий дрожащий плач, более подходящий для грозового неба и сильного ветра, чем для залитого солнцем дня. И Нейл увидел, как пролетело это создание. Увидел ли? Он сомневался: свет был слишком ярок для его глаз. Может, это проплыло облако. Нейл знал только, что оно было блестяще-белым и неопределенной формы.

— Вряд ли это птица,— высказал он свою первую догадку.

— Это Следящий и Ищущий... — Эшла вытерла лоб тыльной стороной руки.— Все время узнаешь только кусочек чего-то. Сам по себе он не страшен, он только добавление к чему-то другому...

— Тихо! — сказал Нейл беззвучно, одними губами, так как боялся, что часовой сможет расслышать даже шепот. Щелканье раздавалось с противоположной стороны оврага. Нейл посмотрел в дырку в стволе, прикинул расстояние и высоту растительности, а затем дернул повязку, на которой висела его поврежденная рука. Эшла хотела протестовать, но Нейл показал знаками, что он хочет сделать, и она ослабила тугую травяную перевязь, чтобы освободить его руку. Нейл начал медленно и осторожно выползать на открытое место. Щелканье смолкло — часовой перешел к дальнему склону оврага. Нейл нашел себе шпионский пост — ровный бугор, с которого можно было видеть небольшую часть края оврага. Но вот щелканье возобновилось. Нейл медленно сполз в кустарник, который стал экраном между ним и патрульным. Нейл думал, что он со своей зеленой кожей и созданной для лесного камуфляжа одеждой не будет обнаружен, если, конечно, не станет шевелиться. Часовой появился в поле зрения, и Нейл, не веря своим глазам, уставился на него: это было не чудовище из прошлого Януса, не чужеземный кошмар, а то, что Нейл уже видел, и не один раз. И теперь, когда его растерянность прошла, он осознал, что эта штука неправильна в одной детали. Инопланетник в космическом костюме шел прыгающей походкой человека, одетого в неудобную одежду. Щелкающий звук происходил от магнитных пластинок на подошвах — обычное снаряжение инопланетника с какого-нибудь космического корабля. Весь костюм был тяжелым, объемным, шлем марки Форс-Дженала имел на затылке что-то вроде петушиного гребня. Эти гребни были сняты много лет назад. Нейл вспомнил дни, когда он свободно расхаживал по отцовскому кораблю. На всех костюмах были шлемы Халмейкера. Ну, конечно, Форс-Дженалы можно увидеть только в музеях устаревшего оборудования. И этот костюм был по крайней мере

столетней давности! Нейл хотел удостовериться, что это не какая-то галлюцинация, вызванная его слабым дневным зрением, и с нетерпением прислушивался, когда вернется щелканье сапог по камню. Зачем патрульный носит скафандр на планете, условия которой для человека благоприятны — ведь, судя по всему, он землянин или потомок землян. Щелк... щелк... Нейл поднял голову как можно выше, но не высовывался из-за маскирующего куста. Да, конечно, Форс-Дженал! Когда он установил этот анахронизм, он обратил внимание на другое: костюм был древним. Ни один современный космолетчик, каковы бы ни были его средства, не доверит свою жизнь скафандру из далекого прошлого. Конечно, он не мог пользоваться им, возможно, даже не знал, как приводятся в действие некоторые детали этого архаичного сооружения. Зачем же? С дрожью внутри, несмотря на жару, Нейл подождал, пока щелканье затихнет, и быстро вернулся в ствол дерева.

— Что там? — спросила Эшла.

Нейл замялся. Странное дело: он частично принимал то летающее существо за инструмент чужого разума. Он принял собственное физическое изменение, память Айяра, как часть его, Нейла, мозга — все это было легче принять, чем этот костюм столетней давности, методично шагающий по краю оврага в этой пустыне. Может, из-за того, что силы Ифтов были чужды ему, он принимал их на веру, как ребенок верит старой сказке, в то время, как ходячий костюм — вещь конкретная, не связанная ни с памятью, ни с эмоциями, являющаяся просто фактом,— и вдруг этот факт оказывается ошибочным. Скафандр шел, но кто был внутри? Со своего наблюдательного пункта Нейл не мог разглядеть черт лица за лицевой пластиной шлема. Было только странное, полностью непонятное и тревожное ощущение пустого костюма, одушевленного кем-то, кого Нейл не ощущал, и костюм повиновался, как повиновалось летающее создание.

— Что там? — Эшла села рядом и положила руку на его здоровое плечо.— Что ты видел?

— Идущий скафандр,— ответил Нейл.

— Скафандр... Кто?

— Что,— поправил Нейл.— Это очень древний костюм.

— Старый? Однажды говорили, что охотничий отряд из порта потерял...

— Древний. Ни один охотник не наденет космического костюма здесь. На Янусе никто их не носит. Эта планета полностью подходит потомкам Земли.

— Я не понимаю.

— Я понимаю только отчасти,— сказал Нейл.— Тот, кто здесь... имеет другого слугу, бывшего инопланетника, но теперь он... или оно...

— Через два часа солнце зайдет. Сумерки более благоприятны для нас. Этот костюм станет неуклюжим. Тот, кто носит его, не может быстро передвигаться по изрытой земле.

— Ты права,— Нейл уже вывел такое же заключение.

Но он знал еще кое-что: на этой фигуре был пояс для оружия. Если не было бластера, то были инструменты, которыми можно пользоваться, как оружием. Нейл сказал об этом Эшле.

— Все очень старое,— сказала она.— Могли ли сохранить активность заряды в кэлкоте или в симере?

Нейл опять удивился ее знакомству с инопланетными машинами и инструментами.

— После смерти матери я несколько дней пробыла в порту. Там было на что посмотреть и над чем поразмыслить,— сказала она в ответ на его невысказанный вопрос,— и там не было тех, кто сказал бы, что такое знание — зло.

— У тебя всегда было стремление к иноземным знаниям?

— После порта — да. Как раз тогда я хотела побольше узнать о лесе — не об уничтожении его, как делали на участке, а знать, какой он — свободный, высокий, прекрасный. Такие желания у меня были еще до того, как я стала Иллиль. Но все это не относится к скафандру и к тому, что он может сделать. Я не думаю, что мы сможем переждать его здесь.

— Нет,— Нейл уже решил.— Вода у нас на исходе, пища тоже. Как стемнеет, мы пойдем. Овраг длинный и узкий, идет с северо-востока на юго-запад, насколько я помню, хотя, когда мы шли сюда, в моей голове не было ясности.

Эшла закрыла глаза, представляя себе местность.

— Ты прав. Другой конец очень узкий, почти как лезвие меча, направленного вот так,— она изобразила пальцами.

— Если мы сумеем пролезть через этот узкий конец, это для нас лучший путь. Костюм идет ровным шагом. Как только будет достаточно темно, мы должны укрыться на дне оврага и ждать, пока костюм пройдет в этот конец, а затем продираться на запад, пользуясь тенью, как укрытием.

— Тут слишком много случайностей.

— Рискнем или будем сидеть здесь, пока не сдохнем или пока нас не выкурят отсюда, как крыс! — озлился Нейл.

К его удивлению, Эшла мягко улыбнулась.

— Нет, воин, я не ставлю под сомнение твой план, потому что у меня в мыслях тоже только это. Но есть ли у нас скорость в ногах, хватит ли у нас ловкости, чтобы найти способ выйти отсюда?

— Так увидим.

Против его ожидания это утверждение прозвучало не так искренне, как ему хотелось. И за то медленно ползущее время, пока они ждали темноты, Нейл впервые познал нетерпение, а затем растущее чувство полнейшего безумия того, что они собираются сделать. По биению пульса он мог точно измерить шаг часового и прикинуть, сколько времени тому потребуется, чтобы обойти весь овраг. Эшла легла снова и положила голову на руки. Нейл удивлялся, как она может сейчас спать. Солнце заходило. Тени росли. И все время регулярно звучал клик-клак часового. Наконец Нейл слегка толкнул девушку.

— Пошли. Держись низко, под кустами, но по возможности не касайся растений.

— Ты имеешь в виду плотоядных? Да, я видела их работу. Не подвязать ли тебе руку снова?

— Нет. Пусть уж будет сбоку, если придется ползти. А теперь — держись позади и старайся не колыхать кусты.

Наступил момент, когда минута быстрого движения сменялась часом прислушивания и минимального движения. Нейлу хотелось вскочить и бежать по долине с обнаженным мечом, а приходилось ползти. Так они добрались до узкой щели. На высоте десяти футов — открытый камень равнины. Идти назад, к реке, означало пройти в открытую мимо патрульного, а на это Нейл пока не решался — разве что если не будет другого выхода. Он начал подниматься, молясь, чтобы не соскользнули пальцы, и упираясь носками сапог. Снизу его подталкивала Эшла. Наконец он лег на край расселины и опустил вниз здоровую руку, чтобы помочь девушке подняться. Часовой шел по другой стороне оврага.

— Налево! — Нейл с благодарностью взглянул на черное пятно тени от обломка скалы.

Их выдал меч. Нейл вложил его в ножны перед тем, как лезть, и теперь оружие с шумом зацепилось за камень.

— Быстро! — Эшла ухватилась за Нейла и потащила его вперед.— Ох, пожалуйста, быстрее!

Они проползли в это темное пятно, но регулярное щелканье космических сапог сменилось громким стуком. А затем тишина. Может быть, патрульный достал оружие из-за пояса? Взметнется ли полоса огня, предназначенная для сварки треснувшей обшивки корабля, вокруг их скалы, как кнут пастуха, загоняющего отставшее животное обратно в стадо?

— Айяр! Сзади!

Нейл круто обернулся. С той стороны шел не космический костюм, а скачками бежали бледные существа, похожие и не похожие на собак с участков. Но собаки были животными, их род с давних пор знал и подчинялся человеческому роду. Эти же создания были совершенно другого племени, вне всяких законов природы, насколько мог понять Нейл.

— Байты Ларшей!

Теперь Айяр вспомнил такие стаи, охотящиеся меж деревьев Ифткана. Это охотилось само зло, но одного такого зверя он встретил с мечом в руке, как и сейчас. Узкая голова с горящими желтыми глазами оскалилась на Нейла. Он размахнулся, разрубил череп вожака и отшвырнул назад, к стае. Выбирать следующего не было времени, потому что зубы уже подбирались к горлу Нейла. Он ударил мечом снизу вверх, и второй вайт упал.

— Держись позади меня,— приказал Нейл Эшле.

— Нет, в эту ночь я тоже охочусь на вайтов! — услышал он ее ответ и увидел, как она отражает их атаки своим длинным охотничьим ножом. Нападение дорого обошлось своре, и она немного отступила. Один вайт поднял голову и издал долгий вой. Ему ответили с темного неба... кричало летающее созда-

ние, парившее над оврагом. А затем, пока вайты держали людей в кольце, появилась фигура в скафандре. Странное партнерство — вайты и закованный в металл незнакомец. Однако вайты приняли фигуру в космическом костюме как своего вожака и расступились, дав ему проход. Он шагнул в круг и остановился прямо перед беглецами. Нейл пытался рассмотреть лицо за пластиной шлема. Одноцветная поверхность была затуманена, покрыта паутиной тонких линий и трещин и полностью скрывала носителя шлема.

— Берегись! Эй, берегись!

Нейл так увлекся попыткой распознать врага, что не видел движения рук в перчатках, пока Эшла не закричала. Однако предупреждение не могло спасти их. Старинный костюм был, может, и неуклюжим по современным стандартам, но зато прекрасно задуман и экипирован для опасной работы, и ничто, кроме бластера, не могло удержать его от выполнения задания. Они уже не могли бороться за существование. Они были беспомощными пленниками того, кто был в этом костюме, прятался за растрескавшейся пластиной... или его хозяина. Он что-то накинул на них и повел.

10. Темная чаша долины раскинулась ниже того места, где они остановились. Появление луны превратило неопределенное мерцание в яркий свет. Нейл прикрыл глаза рукой. Пальцы Эшлы сомкнулись на его локте.

— Белый Лес,— сказала она, и голос ее звучал сухо и невыразительно, но, подумал Нейл, вряд ли от усталости, вызванной их путешествием по изрытой равнине пустоши.

С тех пор как брошенный костюмом луч окружил их и повернул обратно к краю этой запретной территории, они шли прямиком на север, в неизвестность, во главе с захватчиком в скафандре. Свора вайтов трусила на расстоянии, прикрывая тыл. Луч сделал их достаточно послушными и заставил двигаться по команде, исходящей откуда-то из костюма. На все их попытки общения ответа не было. Куда они шли? В этот лес? Это был лес, если этот термин приложим к поросли, вертикально поднимающейся от земли и протягивающей густые ветви, но лес этот был из ветвящихся сверкающих кристаллов. Здесь не шелестели листья, не было цвета, кроме радужного мерцания в лунном свете. Деревья были как бы сделаны изо льда. Контролирующий луч тянул их вниз по склону в это место холода и смертоносной красоты. И оно действительно было смертоносным. Память Айяра несла Нейлу страх, ужас, когда человек стоит перед каким-то неизмеримо большим, чем он сам, врагом, и врагом не лично его, а всего его рода. Как раньше земные племена боялись тьмы и того, что невидимо ходит во тьме, так Ифты издавна чувствовали отвращение к яркому свету, и к тому, что может жить в этом сиянии. Но у Нейла и Эшлы не было выбора — их вели на поводке, как упирающихся собак. Когда они спустились в этот белый свет, вайты уже не провожали

их. Возможно, они тоже считали это место страшным и не собирались преодолевать этот страх. Поверхность хрустела под ногами Нейла. Он поглядел вниз и увидел следы разбитых кристаллов, превратившихся в искрящуюся пыль. Тяжелые отпечатки ног стража в костюме были отчетливо видны, и они накладывались на другие следы, возможно, многие. От дерева шел звон. Подойдя ближе, Нейл увидел, что горизонтально вытянутые ветви находятся очень высоко — не в подавляющей вышине, как деревья-башни Ифткана, но все-таки очень высоко.

— Белый Лес,— сказала Эшла,— растет высоко и прямо,— в ее голосе слышались странные нотки, и Нейлу показалось, что это говорит сама Иллиль.— Но он не настоящий, он не живой... Значит, его нет!

Он не понял, что она хотела этим сказать, но ему показалось странным такое отрицание того, что они оба видели.

— Сделано — выращено волей,— продолжала она,— оно живет по воле и умрет по воле. Но воля эта не может сделать второй Ифткан, как ни пытается.

Они прошли под большими твердыми ветками первого «дерева». Звон колокольчиков стал громче, но в нем появилось злобное шипение. Эшла засмеялась и показала на другое дерево.

— Выращивай листья — не можешь! Питай живое — не можешь! Дай тень путнику — не можешь! Накорми его своими плодами — не можешь! Ненастоящий лес боится жизни, грозы, всего, чего у тебя нет... — ее голос снова стал напевным, она опять схватила Нейла за руку.— Почему я это сказала? Если бы я могла держать в голове древнее знание так же крепко, как ты держишь меч в руке, мы с тобой, возможно, пошли бы тропой Кимона и... и... — она покачала головой.— Даже способ победы Кимона и то сейчас для меня потерян. Я скажу тебе, Нейл-Айяр, только одно: имей мы древнее знание, мы могли бы бороться. В пробелах моей памяти есть какая-то тайна; когда я хочу узнать дальше — именно это всегда уходит от меня. Здесь место Власти, но не Власти Ифткана, и, значит, одну власть можно противопоставить другой, если только иметь надлежащий ключ.

Шипящее теньканье леса звучало все громче. Их окружил какой-то странный шорох. Но шаг костюма не изменился, державший пленников луч тащил их следом. Чуть заметная тропинка, змеившаяся под склоном, повела их теперь между стволами хрустальных деревьев, а лунный свет переливался на сверкающих поверхностях и гранях, смущая и сбивая с толку людей. Если слабый свет луны вызывал такой потрясающий эффект, то что же делает солнце с этим лесом, с его сверкающими стволами? Никакой жизни тут не было. Это было место смерти.

— Иллиль помнит это? — спросил Нейл.

— Слабо. Очень слабо.

— Ты представляешь, куда мы идем?

— Нет. Знаю только, что это будет опасное место, потому что оно противоположно тому, что живет в Зеркале. Они в равновесии.

Земля все еще шла под уклон. За время их короткой остановки на краю долины Нейл не мог оценить, какова протяженность хрустального леса. Возможно, тот, кто контролирует часового в скафандре, вайтов и летающих существ, находится в самом центре этой местности У Нейла пересохло во рту, нога тупо болела, рука тоже. Он знал, что Эшла тоже голодна, устала и хочет пить. Пища, вода, отдых — они страшно нуждаются в этом и будут нуждаться все сильнее, пока не закончится их путешествие. Хрустальные ветви над их головами сплели перекрещивающуюся сеть, закрывавшую ночное небо. Люди шли, как под ледяным пологом. Могли ли они отметить свой след для возможного возвращения? Нейла вывели из этих соображений пальцы Эшлы, впившиеся в его руку. Он удивленно оглянулся, но глаза ее не видели его; она пристально смотрела на дерево впереди. В стволе отражался... Сначала Нейл подумал, что эта зеленоватая фигура — он сам или Эшла, но потом сообразил, что под таким углом они не могли отразиться. Это был Ифт, но другой. Кто он? И где? Они сделали еще два шага, и изображение исчезло, будто его и не было совсем. Но они чувствовали и знали, что они не одни в этой сверкающей тюрьме. Если скафандр и видел отражение, он ничем не показал этого. Нейл почти убедил себя, что и он сам ничего не видел, но Эшла была уверена в реальности виденного.

— Ифт такой же, как и мы,— сказала она.— Тоже пленник.

— Почему ты так думаешь?

— В Белом Лесу может быть только Ифт-пленник. Это место — смерть для нас.

Теперь земля стала ровной. Видимо, они приблизились к центру долины и к тайне, содержащейся в ней. Хрустальные деревья были теперь очень высокими, немного ниже деревьев-башен Ифткана, и почти не имели веток, только на самом верху была крона в виде крыши. Пленники вдруг оказались у лестницы, похожей на ту, что вела к Зеркалу, только здесь они спускались вниз, в другую долину или расселину, как бы прорезанную в земле мечом гиганта. Только это была не земля, а стеклянная глазурь, мучительно бьющая в глаза своими нестерпимыми бликами. Нейл с сомнением оглядел лестницу. Спуск под острым углом представлял собой испытание даже для сильного мужчины. Их страж поднял закованные в металл руки и лениво подбросил маленький диск. Эшла закричала, Нейл тоже вскрикнул, потому что их потащило за этим крутящимся диском. Ноги их катились и скользили по гладкой поверхности стеклянного края, а затем их подняло в воздух над расщелиной, и удержаться не было никакой возможности. Однако быстрого падения не последовало, как боялся Нейл. Они полетели вниз, в пропасть, но не настолько быстро, чтобы разбиться внизу. Вокруг них под-

нимались молочно-белые стены, гладкие, если не считать ленты лестницы. Нейл вертелся вокруг своей оси и вспоминал, что так однажды было на корабле. Но если он пытался приблизиться к Эшле или к лестнице, то оказывалось, что он все время находился под невидимым контролем. После первой вспышки ужаса Эшла успокоилась, хотя Нейл слышал ее тяжелое дыхание, видел откровенный ужас в широко раскрытых глазах. У нее не было защиты против странности этого полета, потому что воспоминания о невесомости не поддерживали ее.

— Это... свободное падение... как на корабле... — выкрикнул Нейл. Его рука схватила ее запятье, так что они чуть-чуть приблизились друг к другу.— Это управляется, видимо, лучом диска.

Но сейчас важно было, к у д а они летели, а не к а к. Под ними были какие-то мрачные волны, не то пар, не то дым, однако жара в воздухе не ощущалась. Когда первые волны этого мрака захлестнули их, Нейл не заметил изменения температуры. Их несет не в пламя, и это уже хорошо. Темнота сгущалась. Долго ли им еще падать? Они все летели вниз. Пробившись сквозь тьму, они вновь оказались среди кристаллов. Эти не походили на деревья наверху, а напоминали гроздья грубых геометрических форм. Может, это были башни, укрепления, чуждые здания, и все они пульсировали линиями света, узора которых Нейл не мог понять. Они были еще над поверхностью, когда на их ногах вспыхнули искры. То, что держало людей в воздухе, исчезло, и они упали между двумя высокими хрустальными стенами. Нейл встал и потянул за собой Эшлу. Звон колокольчиков, бывший частью этого мира с тех пор, как они вошли в Белый Лес, теперь смолк, и полная тишина испугала их.

— Что это за место? — спросила Эшла, крепко ухватившись за Нейла.

— Иллиль не знает?

Эшла покачала головой.

— Иллиль спит... или ушла,— в ее ответе слышалась печаль одиночества.

Нейл попытался обрести контакт с Айяром, но ничего не получил из памяти последнего. Они были полностью предоставлены самим себе, чужие, пленники в чужом месте. Но это не означало, что они должны сидеть и ждать беды! И Нейл подумал, что когда контрольный луч коснулся земли, он уничтожился, так что они теперь свободны от его уз.

— Пошли! — он поднял Эшлу. Его рука в лубке все еще была привязана к боку. Можно ее так и оставить, он может пользоваться правой рукой, а меч у него не отобрали. Но может ли меч быть защитой от разума, ответственного за их теперешние несчастья?

— Куда мы пойдем? — спросила Эшла.

Вопрос был резонным. Над стенами клубился туман. Видимости хватало лишь на несколько ярдов в любом направле-

нии. Но инстинкт предупреждал Нейла оставаться там, где их высадил диск. Туман был помехой, но мог также оказаться и укрытием. Нейл так и ответил.

— Тогда в какую сторону? — Эшла повернулась, изучая невидимую местность.

— Когда мы падали, там была лестница,— сказал Нейл.— Может, дойти до ее подножия?

— Есть ли у нас надежда найти пищу и воду? — она облизала сухие растрескавшиеся губы.— Наверное, есть, потому что нас доставили сюда бережно. Если бы собирались убить, зачем было заботиться о нашем спуске? — Эшла говорила медленно, как бы рассуждала сама с собой.— Так ведь?

— Так... Значит, где-то здесь есть пища и вода? Наверное, ты права, но сколько времени мы потратим на поиск вслепую?

— Пока человек жив, у него есть и надежда. Если мы взберемся по лестнице, мы опять попадем в Белый Лес, и там нас будет ждать эта штука в скафандре, а то и солнце в зените. А оно так там сияет!

Все было ясно. Подняться в солнечный свет, сияющий ослепительным блеском в этих хрустальных деревьях, означало верную смерть.

— Тогда куда же? — теперь уже спросил Нейл.

— Видимо, нам придется надеяться на удачу,— Эшла остановилась, подняла что-то и стала перекатывать в руке.— Это то, что принесло нас сюда. Посмотри, может, нам повезет, и он доставит нас и дальше?

Она закрыла глаза и, быстро повернувшись, отбросила от себя диск. Раздался слабый звон. Диск отскочил от стены и лег на землю у отверстия. И они решили войти в эту дверь. Там было что-то вроде уходящего вдаль коридора. Хрустальные стены, полузатянутые туманом, поднимались выше головы.

— Слышишь?

Эшла уже бросилась вперед, безошибочно узнав шум воды. Они шли, торопясь, оступаясь, а шум воды становился все сильнее. Они прошли через одну дверь и вышли, по-видимому, на открытое пространство, хотя ничего и не было видно. Это не было настоящей рекой, как они сначала подумали. Вода текла, как ей положено, но ее русло было хрустальным желобом. Упав на колени, Эшла погрузила обе руки в воду, как бы проверяя реальность того, что видели ее глаза, а затем напилась. Возможно, верить в доброкачественность того, что они найдут, было величайшей глупостью, но сопротивление Нейла тут же улетучилось, и он последовал примеру Эшлы. Вода ничем не отличалась от той, что он пил в лесном ручье — чистая, холодная, она как бы вливала в тело новую жизнь.

— Как видишь,— улыбнулась Эшла,— фортуна к нам благосклонна. Воду мы нашли.

Утолив жажду, Нейл присел на корточки. Разум его снова заработал.

— Мы нашли не только воду,— сказал он.— Вода ведет...

— Ты хочешь сказать — следовать этому потоку до его начала или до конца? Да, это хорошо.

— Вода — хороший гид. К тому же, если мы уйдем от нее, у нас нет возможности взять с собой запас воды.

Мешок с флягой и остатками пищи пришлось оставить в том окаменевшем дереве.

— Но какой путь мы выбираем: вверх по течению или вниз?

Нейл не успел ничего сказать, как Эшла вдруг вскрикнула, бросилась к воде и выловила стручок, полный зерен и совсем свежий.

— Он приплыл сверху! Где один, там могут быть и другие!

У Нейла появилась та же надежда. Он поднялся.

— Раз он плывет сверху — пойдем вверх!

— Я думала,— Эшла облизала губы,— что мечтаю только о воде, но теперь чувствую голод и усталость. Будет ли когда-нибудь конец этому потоку?

— Похоже, что мы к чему-то подходим.

Нейл вглядывался в туман. Неопределенный контур, который он видел, твердо держался, несмотря на наплывы и колыхания этой разряженной массы. Перед ним была хрустальная стена, тянущаяся, насколько можно судить, через всю долину. Водный поток, что вел их, стремительно выливался из прохода в стене, но проход был слишком узок, чтобы через него можно было пройти. Эшла обессиленно села.

— Я не пойду обратно. Мне очень жаль, но я не могу,— просто сказала она и ее спокойный тон подчеркнул капитуляцию перед этим последним ударом.

— Не обратно! — Нейл подошел к стене. Она была неровной, там и сям встречались впадины. Через нее можно перебраться — ну, может быть, не ему с одной рукой, но хотя бы Эшле.— Не обратно,— повторил он,— а через стену. Она дырявая, как лестница.

Эшла подошла к стене и бросила взгляд на Нейла.

— А ты? Распустишь крылья и перелетишь?

— Нет, но есть вот что,— он снял перевязь для меча.— Поднявшись наверх, ты зацепишь ее за уступ и спустишь мне конец.

Эшла с сомнением поглядела на стену и на Нейла. Он старался победить ее сопротивление.

— Мы должны сделать это немедленно, пока у нас еще остаются силы. Или ты предпочитаешь остаться здесь и оплакивать нашу судьбу, пока нас не прикончит голод?

Эшла улыбнулась, но на ее исхудавшем лице не было видно настоящей радости, а скорее намек на грусть.

— Ты прав, воин. Сражаться лучше, чем сдаваться.

Вообще-то говоря, Нейл вовсе не был уверен, что даже с помощью ремня сумеет одолеть стену. Но это был их единственный шанс. Судя по собственному головокружению и слабости,

он думал, что назад они все равно не смогут вернуться. Эшла медленно и осторожно карабкалась, ощупывая каждую впадину, прежде чем зацепиться за нее. Нейлу казалось, что она взбирается уже целые часы. Но вот наконец ее голова и плечи поднялись над краем, и она заглянула на ту сторону. Когда она обернулась к Нейлу, ее лицо сияло радостью.

— Там настоящий лес! Мы поступили правильно!

Ее сообщение помогло ему напрячь последние силы и энергию, чтобы подняться с помощью ремня и рук Эшлы. Теперь они смотрели на приветливый серо-зеленый лес. Это был не Ифткан и даже не тот лес, в котором бесчинствовали поселенцы, но все-таки лес. Нейл не видел ничего, кроме этой зелени. Внезапно напрягшееся тело Эшлы вывело его из оцепенения. Голова девушки повернулась, остроконечные уши отогнулись от головы, глаза пристально смотрели в лес.

— Что там? — Нейл подавил толчок тревоги. Он ничего не слышал и не видел в ожидающей их лесной стране.

Но Эшла уже перекатилась через край и быстро спускалась. Затем, даже не оглянувшись, будто Нейл больше не существовал для нее, она побежала по мелкому кристаллическому песку к деревьям и исчезла.

— Эшла! Иллиль! — глухо прозвучал голос Нейла, и этот единственный звук умер в слабом эхе.

Нейл медленно и неуклюже сполз на землю. Здесь тоже тянулся туман, то скрывая, то показывая местность. Тут был, как подумал Нейл, настоящий лес. И Эшла исчезла в нем. Нейл пошел по слабому следу, оставленному ею на песке. Внешне это был лес как лес, но уши Нейла напрасно прислушивались, ища тихие звуки насекомых и другой лесной живности; тут стояла тишина. Этот лес был как бы уменьшенной копией других лесов. Его глаза охотника находили знаки поспешного бега Эшлы — сломанные веточки, сорванные листья, отпечатки ног на земле. Похоже, что она бежала к какой-то цели; не обращая внимания на препятствия. Куда и зачем? Наконец Нейл очутился на поляне. Два... три... четыре, считая с тем, кто стоял напротив Эшлы. Четыре зеленокожих, большеухих — измененных? Или настоящих Ифтов? Все они были мужчинами в разорванной лесной одежде, такой же, как у Нейла. У двоих были такие же мечи, как у Нейла, у одного — деревянное копье с хрустальным наконечником. Нейл быстро оглядел группу и все внимание перенес на человека, стоявшего перед Эшлой. Незнакомец был примерно на дюйм выше других, но в остальном ничем не отличался. Нейл пытался понять, в чем дело. Когда он смотрел на этого оборванного спокойного человека, он чувствовал к нему уважение, готовность поступиться своей независимостью и свободой. Такое чувство появилось у него на минуту, и Нейл побо́рол его.

— Кто ты? — спросил человек. Нейл готов был ответить, но сообразил, что вопрос относится к Эшле.

— Иллиль. А ты — Джервис, — ответила она уверенно,

почти нетерпеливо, как бы считая такой вопрос ненужным.

Рука человека поднялась в предупреждающем жесте.

— Я Пит Сейшенс.

— Ты Джервис, Мастер Зеркала!

Человек быстро шагнул вперед. Его ладонь закрыла ей рот, другой рукой он крепко схватил девушку. Нейл прыгнул с обнаженным мечом. Эшла отчаянно, но тщетно вырывалась из рук человека. Нейл замешкался, боясь задеть девушку, и это колебание оказалось для него роковым. Инстинкт предупредил его, но на долю секунды позже, чем следовало. Тупой конец копья ударил его по голове, и Нейл упал.

Холод... зелень... он лежал на траве в Ифткане, и ветви над ним пели в осеннем ветре. Ночью будет праздник Прощания с Листьями, и он пойдет во Двор Девушек для выбора. Девушки... Одна... С худым бледным лицом, немного усталым и печальным, Эшла, нет, Иллиль. Иллиль-Эшла, одно имя уравновешивает другое...

— Вот таким образом, сестренка. Мы как были здесь, так и останемся, пока не победим.

Слова из воздуха. Нейл не понял их, но услышал ответ:

— Ну, тогда я Эшла с участка.

— Здесь ты всегда Эшла, не забывай этого. А я — Пит, а это — Монро, Дерек и Торри. А твой порывистый друг — Нейл. Мы инопланетники, поселенцы, только и всего.

— Но ведь это не так. Достаточно поглядеть на нас.

— Мы полностью чужды этой Силе. Дело не в физическом облике, а в мозге, в памяти, содержащейся в нем. Теперь ОНО в сомнении, в неуверенности насчет нашей идентичности. Но в один прекрасный день ОНО узнает правду...

— Понимаю.

Нейл ничего не понял, но заставил себя открыть глаза и повернуть голову. Он лежал на мате из листьев под грубым навесом. Он увидел небольшой костер, вокруг которого сидели четверо мужчин и Эшла. Человек, сидевший рядом с ней, повернул голову, встретился глазами с Нейлом.

— Как ты себя чувствуешь?

— Кто ты? — вопросом ответил Нейл.

— Я Пит Сейшенс, Перворазведчик Инспекции. А это, — он махнул рукой в сторону людей у огня, — Хэф Монро, астропилот с «Торстоуна».

В Нейле шевельнулось далекое воспоминание: «Торстоун» — давно пропавший крейсер... Неужели это правда?

— Дерек Верстер с участка Верстеров, и Ледим Торри, врач Синдиката.

Синдикат? Но люди Синдиката покинули Янус тридцать лет назад! Однако зеленокожий Ифт, которого Сейшенс представил как врача, казался совсем юным. Перворазведчик, астропилот, мастер участка, врач Синдиката — широкий ряд должностей на Янусе, охватывающий, возможно, все то время с какого планета стала известна Инспекции.

— Вы все... — Нейл споткнулся на слове, впервые услышанном им на участке Козберга,— подменыши!

Большеухая голова Сейшенса медленно качнулась в знаке отрицания, тем более выразительном, что этот жест был медленным.

— Мы — инопланетники из разных времен и миров, пришедшие на Ганус по разным причинам. Вот кто мы сейчас и кто мы будем з д е с ь. А кто ты?

— Нейл Ренфо, купленный рабочий.

— Хорошо. Не забывай этого, Нейл Ренфо, и мы легко договоримся. Прости, что нам пришлось тебя ударить, но на уговоры не было времени.

— Что это за место? Как вы сюда попали? — Нейл приподнялся на локте. В голове его была тупая боль, но сам он уже не был настолько туп, чтобы не понять определенный метод речи Сейшенса — он предупреждал о какой-то вполне реальной опасности.

— Это... в некотором роде тюрьма. Мы сами не слишком много знаем о причинах нашего ареста, разве что это означает беспокойство. Как мы сюда попали? Ну, мы пришли разными путями и в разное время. Монро и я искали друга, который пошел в этом направлении и исчез. Нас захватил...

— Одушевленный скафандр? — перебил Нейл.

— Ходячий скафандр,— согласился Сейшенс.— Торри мы нашли уже здесь — он был первым в резиденции. Его схватили возле реки, где он пытался сократить путь на запад. А Дерек пришел позже с товарищем, который предпочел уйти.

— Значит, вы можете уйти? — удивленно спросил Нейл.

— Ты можешь уйти, если хочешь совершить самоубийство. Подвижный человек с большим запасом решимости и без соображения может взобраться к Белому Лесу.

— Значит, вы просто сидите кружком и ждете, не случится ли чего-нибудь? — ошеломленно спросил Нейл. Насколько он понимал Сейшенса, подобный мягкотелый курс был явно чужд его природе, и Нейл не мог поверить, что Сейшенс говорит серьезно.

— Именно так, ждем,— уверил его Сейшенс.— Мы ждем и помним, кто мы и где мы.

Опять подчеркнутое предупреждение. Нейл сел. Они смотрели на него как-то особенно, словно ждали движения, которое повлияет на их важное суждение или оценку.

— Долго ли нам ждать? — спокойно спросил он.

— Не знаем. Возможно, до тех пор, пока сопротивление двинется, и мы узнаем, кто или что ОНО. Или до тех пор, пока не найдем собственного решения. Теперь же... — Сейшенс взял чашку и подал ее Нейлу. В ней было что-то горячее. Нейл попробовал и жадно съел тушеное мясо.

— Становится светло,— Торри встал, держа в руке копье с хрустальным наконечником.— Давайте-ка обратно в нору.— Он подошел к Нейлу и помог ему встать.

— Куда мы идем?

— От солнца,— коротко ответил бывший врач.— Днем мы здесь, как слепые. Плохо оказаться на открытом месте.

— А попасть в Белый Лес при солнце — это конец,— добавил Сейшенс.— И мы никак не можем разработать способ прохода через него ночью. Это и есть засов нашей тюрьмы, Ренфо.

Нейл видел правоту этого рассуждения. Смотреть на хрустальный лес было тяжело даже при лунном свете.

— Там был кто-то из нашей породы; когда мы шли сюда, то видели его отражение в хрустальном дереве,— сказал он.

— Холсвид! — подскочил Дерек.— Где он был, у края леса? Пит, может быть, и мы сможем?

— Мы не можем сказать,— ответил Нейл.— Отражение могло быть обманчивым.

Сейшенс согласился.

— Могло быть из любого направлеия. Но даже если он достиг края леса до восхода солнца — так что из этого?

И в самом деле, что? Много миль голой и пустой каменистой местности без всякого укрытия, подумал Нейл. Да, это настоящая тюрьма. И безнадежная борьба — не ответ. Теперь Нейл лучше понимал Сейшенса.

— Дом,— сказал Монро, останавливаясь у темного отверстия, закрытого занавесью из зеленых листьев. За Монро туда влезла Эшла, а за ней — все остальные.

Это было дерево с высоко выдававшимися корнями, которые тянулись из ствола над их головами, как мощные ветви, но не горизонтально, а наклонно, так что ствол в центре как бы стоял на подпорках. Внутри и снаружи корни были оплетены скрученными листьями, сухими лианами и полосками коры, так что образовывалось помещение с живым деревом в центре. Эшла подошла прямо к дереву и приложила ладонь к его коре.

— Дорога Ифтов, крыша Ифтов
Живое, живое дерево...

Так же, как на поляне, рука Сейшенса зажала ей рот. Она отняла руки от дерева и оторвала его пальцы от губ.

— Ты слишком много забыл! — это уже говорила Иллиль со всей своей силой, какую показывала в то время, когда брала верх над землянкой в Эшле.— Это Ифткар из древесного семени. Он не выдаст нас. Хотя зачем ему расти в Белой Стране?.. А! — она кивнула какой-то своей мысли или воспоминанию.— Когда Кимон пошел дальше, у него был мешочек, освященный Счетчиками Семян, и они дали Кимону свою власть. И здесь упал орех Ифткара, и за долгое время Истинных Листьев он вырос. Загляни в свою память, Джервис, Мастер Зеркала, ты слишком робок!

Она закрыла лицо руками. Сейшенс двинулся к ней, как бы собираясь оттолкнуть ее, но вдруг выпрямился и медленно, очень медленно приложил ладони к стволу, как это только что делала Эшла. Она отодвинулась в сторону и вскинула руки в жесте приветствия.

— Ифткар! Мы укрываемся здесь. Именем Серого Листа мы требуем то, что ты можешь дать нам.

— Пит! Пит! — Монро положил руку на плечо Сейшенса, но девушка оттащила его.

— Оставь его! Он получает силу, которую должен был получить еще много лет назад. Он забыл, хотя должен был вспомнить! Оставь его! У тебя нет Видения!

Руки Сейшенса упали.

— Я и впрямь дурак. Там может быть ключ, а мы не старались, иначе он уже был бы в наших руках.

— Если у тебя нет правильного воспоминания, разумнее не охотиться за потерянными ключами. У вас всех, как и у нас с Нейлом, только часть памяти, а не полный возврат самих ваших Ифтов?

— Да.

— И ты боишься, и правильно, действовать без контроля и знания. Я уверена, Мастер Зеркала, что такая осторожность — не глупость, а мудрость.

— Может, две памяти, объединенные вместе, дадут нам ключ от этой тюрьмы! — Сейшенс протянул руки к Эшле, и она положила на них свои руки.

Нейл смотрел на них со странным ощущением потери. Кто, в сущности, был Айяр? Воин, потерпевший поражение в последнем сражении. Простой солдат, который не смел пользоваться Зеркалом Танта, удрал от него. А Нейл Ренфо — раб-рабочий из Дипила. Ни одна его часть не имела ни силы, ни власти, а целое, возможно, было еще меньшим...

— Мало воспоминаний,— сказала Эшла. Ее глаза переходили с одного человека на другого,— Но они могут быть очень различны. Чтобы собрать власть, нужно единство. Мы можем сделать попытку с тобой, поскольку ты был Джервисом.

— Что вы делаете? — резко спросил Монро.

— Мы были, видимо, излишне осторожны,— сказал Сейшенс в своей обычной манере инопланетника.— Этот домдерево даст нам здесь иммунитет против неких сил. Теперь же... — он оглядел их требовательно, настойчиво,— мы попытаемся объединить наши ифтянские воспоминания и, возможно, соберем то, что нам нужно,— чаша весов фортуны поднята для нас.

— Но ведь ты говорил,— Дерек хмуро взглянул на Эшлу,— что она, пожалуй, способна быстро изменить наш мозг.

— Мы никогда не были способны решить, заложена ли в нас эта память ифтов по плану или случайно. Может, мы так и не узнаем правды. Но сегодня впервые встретились двое, имевшие некогда власть в наших ифтянских аналогах, и мы хотим объединить эту власть, эту силу и добыть другое знание от вас,— Сейшенс высоко поднял голову, пыл в его голосе отражался на лице,— и это приведет нас к свободе. Мы попытаемся... Хотите присоединиться к нам?

Они поколебались, но один за другим дали согласие.

11. Нейл прислонился к корню дерева, осторожно примостил руку в лубке на колене и задумался.

Они откликнулись на призыв Эшлы, объединили свои ифтянские воспоминания, но выяснили, что воспоминания эти были настолько разными, что почти не имели общей почвы. Их ифтянские личности, видимо, пришли не только из разных мест, но и из разных эпох, далеко отстоящих друг от друга. И ключа от их тюрьмы они так и не нашли. Чтобы пройти через Белый Лес и окружающую его пустыню, требовалось надеть космические костюмы, потому что нечего было и думать преодолеть этот путь за одну ночь. Космический костюм... Нейл отбросил все ифтянские воспоминания и вызвал в памяти то, что знал Нейл Ренфо, совсем юный Нейл Ренфо. Сколько ему было тогда? Шесть? Семь? Восемь? Родившийся и выросший в космосе, он знал, что в его детстве планетное время не учитывалось. Тогда у Нейла был костюм, сделанный по его росту. И он помнил, что инструкции по его использованию он получил в гипносне. Он два раза надевал его: когда выходил с отцом на жаркую пустынную планету и когда выходил в открытый космос вокруг корабля, что составляло часть его обучения и тренировки. Да, он отлично помнил этот костюм, как он работал, как управлялся и как был экипирован. Здесь есть костюм, подвижный, но пользовалось им что-то неземное — в этом вся разница. Пусть нельзя захватить этот костюм и существо, что пользовалось им,— все равно костюм означал, что здесь был какой-то корабль. И Нейл был уверен, что ни один инопланетник не стал бы разгуливать далеко от корабля в этом громоздком снаряжении, да еще в стороне от космопорта. Это было ясно. Кроме того, в порту не знали о существовании этой пустыни и о том, кто управляет ею. От поселенцев Нейл ничего на этот счет не слышал. Эти пленники были захвачены лишь тогда, когда они появились в пустыне. Кто бы или что бы ни правило тут, оно не старалось искать добычу, оно ждало, когда жертва сама подойдет поближе. Следовательно, космический костюм означает, что корабль где-то поблизости. А для Нейла корабль означал также и возможность иметь оружие, надежду на защиту и нападение. Пусть Эшла и Сейшенс пользуются ифтянскими методами против врага, этого так и не определенного врага,— однако должны быть и другие средства. Но если это так, то здешние люди наверняка уже обыскали все. Сейшенс утверждал, что он перворазведчик. Эти исследователи Инспекции славились эластичностью ума, способностями к импровизации и к эксперименту. А Монро был астропилотом, и все его внимание должно быть сосредоточено на кораблях.

Мысль об этих двух вещах — костюме и корабле — продолжала занимать его мозг. Нейл приводил старые аргументы — что такой корабль, если он существует поблизости, давным-давно разграблен. Костюм был старой модели, очень старой.

— Как твоя рука? — Торри вывел Нейла из задумчивости, присев рядом.— Болит?

— Время от времени побаливает,— Нейл вдруг осознал, что за последнее время не чувствовал боли, но все-таки рука в лубке, туго завязанная — серьезное неудобство,

— Дай-ка я посмотрю. Ты знаешь, мы поправляемся намного быстрее с тех пор, как сменили кожу. Мы стали крепче во многих отношениях. Хотел бы я знать побольше о том, что с нами случилось...

— Ты ведь из порта? — спросил Нейл.— Как ты подхватил Зеленую Болезнь?

— Тем же путем, что и все мы. Я был слишком любопытен. Пошел на прогулку, хотел сорвать какое-то местное растение для изучения, а нашел спрятанное сокровище и свалился, не успев дойти до своих. Я решил, что у меня что-то исключительно заразное, и решил сначала поправиться. А потом было уже поздно — я изменился и не захотел возвращаться обратно.

— Какова же цель этих тайников и перемен? — спросил Нейл, глядя, как врач разбинтовывает его руку.

— Больно? — пальцы быстро, но с нажимом пробежали по руке.

— Нет.

— Я бы сказал, что кость срослась. Береги руку, но все остальное можно выбросить. А насчет цели тайников — ты и сам видишь. Вербовка рекрутов.

— Для кого и зачем?

— Этого мы не знаем, у нас только основная идея. Сейшенс был захвачен первым и с тех пор помогал с вербовкой. В определенное время года мы чувствовали необходимость ставить ловушки и ничего не могли с этим поделать. Насколько мы можем судить, на Янусе с давних времен была своя цивилизация. Они работали с природой, не стараясь подавлять или управлять ею. Машин у них не было. Настало время, когда эта раса стала клониться к упадку и в конце концов была разорена и уничтожена.

— Ларшами! — перебил Нейл.— Я помню!

— Помнишь? Дерек тоже помнит, а Пит, я и Монро — нет. Мы из более раннего периода. Во всяком случае, после падения Ифткана выжило очень мало. Однако в этой горсточке оставшихся в живых, по-видимому, были ученые. Они сконструировали сундучки с сокровищами, закопали некоторые из них и оставили ждать. Они наверняка надеялись или предполагали, что либо возникнет, либо придет из космоса другая раса и включит эти устройства. Тот, кто возьмет в руки особо приглянувшийся ему предмет, принимает изменение личности и тела в соответствии с особенностями тайника. Мы не знаем, каким образом это срабатывает, но есть какая-то связь между нашедшим и одним из предметов этой коллекции.

— Но если Пит Сейшенс был перворазведчиком Инспекции, то он должен был высадиться здесь... — Нейл уставился на Торри.

— Примерно сто двадцать лет назад? — Торри кивнул.— Да.

— Но он же... он же молодой! — возразил Нейл.

— Мы не имеем понятия о продолжительности жизни Ифта и не знаем, что случилось с нашими телами во время Зеленой Болезни. Можно только сказать, что после изменения мы почти не старсем. Я нахожусь здесь почти семьдесят пять планетарных лет. Но число измененных растет очень медленно, потому что не все спрятанное находится и не на всех людей действует.

Нейл пытался переварить мысль о нестареющем организме. Он знал, что некоторые чуждые расы стареют неизмеримо медленнее, чем земное племя. Но каким образом такое изменение сработало в земном организме?

— Тайники притягивают только определенный тип людей,— продолжал Торри.— Но методы отбора таких привлеченных и контроль над ними — опять-таки неразгаданная тайна. Нас всего чуть больше сотни, из них тридцать — женщины. Родилось пятеро детей, они — изначальные Ифты, и воспоминаний у них поэтому нет. Мы все еще обязаны ставить ловушки. Сейшенс и я как раз выполняли эту миссию, когда нас взяли в плен.

— Вы жили в Ифткане?

— У нас там база. Именно там Пит нашел первый клад, с которого начался путь всех нас. Но наш новый дом на западе, за морем. Пока мы не узнаем побольше, мы должны терпеливо ждать и делать все, что можем, для восстановления нашего рода.

— До каких пор?

— До тех пор, пока мы снова не станем нацией. Ты знаешь Первый Закон: мир, населенный разумными аборигенами и имеющий цивилизацию, имеет право выбора — присоединиться к Федерации или отказаться от всяких контактов. Со временем Янус будет нашим, и инопланетники не смогут удерживать эту планету против нашей воли.

— Но поселенцы...

— Они не аборигены. И они хотят изменить Янус по образцу своей родины, образцу узкому, бесплодному, смешному. Они мало увеличиваются в численности, потому что все больше их уходит к нам. Этот мир для них неприветлив, и они радуются, когда находят тайник и оказываются в наших рядах, как это было с тобой и Эшлой. Какая часть клада привлекла тебя настолько, что ты взял ее в руки и оставил себе?

— Трубка,— тут же ответил Нейл.— Ее цвет... ее узоры. Что-то тянуло меня, только не могу объяснить.

— А меня — статуэтка,— улыбнулся Торри.— Когда я ее нашел, я держал ее в руках чуть ли не всю ночь. Те, кто не может устоять перед этими вещами, становятся одним из нас. И в каждом — форма и поступки древнего Ифта. Я — Торри, но также и Килмарк из Ифтленсера. Я ухаживал за молодыми деревцами и изучал травы и другие растения.

— Никто из вас не пытался вернуться в порт, в поселок?

— А ты пытался?

— Да, но это был участок, у них суеверный страх перед лесом и всем, что приходит из него. А Зеленая Болезнь, по их понятиям, наказание за грехи. Естественно, они охотились на меня.

— А ты сам, когда туда пришел, хотел остаться? Эти люди были т в о и м народом?

— Нет.— Мы думаем, что это тоже была часть плана: став Ифтами, мы впитали в себя отвращение к своему бывшему племени. Итак, если планирующие имели целью восстановить их расу независимых, настоящих Ифтов, то они считали, что мы должны быть в стороне от племени, к которому принадлежали раньше. И чем дольше мы живем в лесу, тем сильнее наше отвращение к иноземцам. Мы делаем набор среди них, но не смешиваемся с ними.

— А это? — Нейл указал на окружение.— Какую роль это играет?

— Мы знаем только то, что удалось собрать по крохам из воспоминаний. Твоя Эшла, похоже, знает больше, чем мы. Ее ифтянская часть была не то жрицей, не то пророчицей в древние времена. Здесь есть силы, издавна враждебные Ифтам. Они снова зашевелились, потому что Ифты возродились через нас. Но что это и почему держит нас здесь — мы абсолютно не знаем.

— А скафандр?

Торри помолчал.

— Я много думал об этом. Не думаю, чтобы нормальный человек ходил здесь в этой штуке, хотя она из другого мира и такого типа, как я сам носил.

— Каковы границы этого места?

— У нас здесь самая узкая полоса леса, идущая на большое расстояние на север и юг. Кругом стена, через которую ты перелез, а за ней хрустальный лес. Мы делали разведки ночью, но не нашли ничего, кроме лестницы и стен с коридорами, и так и не поняли, куда они ведут и зачем они.

— Только? А где же то, что всем этим управляет?

— Мы не смогли установить место ЭТОГО. Мы обнаружили, что хрустальные деревья простираются на большое расстояние, но мы не могли далеко заходить из опасения, что там нас застанет день.

— Значит, вы так и согласились остаться в плену? — Нейл все больше и больше удивлялся недостатку предприимчивости со стороны пленников.

Торри криво улыбнулся.

— Ты думаешь, Ренфо, что мы полностью бездеятельны? Нет, не совсем. Выход не всегда бывает открытым настежь. Со временем увидишь сам.

— Айяр! — вошла Эшла, держа в руках свернутый лист. — Смотри, ягоды сансан. Спелые! — она показала три грозди темно-красных плодов. Ее глаза затуманились.— Ах, как сладко пахнут их цветы в сезон Нового Листа!

— Иллиль,— спросил Торри,— ты вспомнила о Великой Цели?

— Многое, но еще недостаточно,— глаза ее вновь прояснились, но выглядела она несколько печально.— Я была уверена, что все вместе мы пробьемся, найдем потерянное. Тем более, что здесь Джервис, который был Мастером Зеркала. Но он оказался не столько Джервисом, сколько Питом, и мы ничего не смогли сделать. А остальные все из разного времени, разной власти. Может быть, в этом виновато Превращение Листьев?

— Превращение Листьев, Иллиль? — Сейшенс вошел следом и взял Эшлу за руку.— Что это такое?

Эшла нетерпеливо поморщилась.

— Когда мир был юн и Ифты сильны и мощны, здесь был Голубой Лист. Тогда на это место пришел Кимон, сражался с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ, и две Силы дали друг другу Клятву. Никто из нас не жил в то время, те могучие люди давно исчезли, так давно, что и не вспомнить. Потом пришел Зеленый Лист, и в это время жил ты, Джервис, хотя ты, похоже, не помнишь об этом. И настало Испытание Клятвы. Слово еще держали. Со временем оно ослабело, но все-таки еще связывало. Третьим был Серый Лист. Это было время конца, и в то время жила Иллиль, тот, кто сейчас Дерек,— тогда он был Локатат, Повелитель Моря, и Айяр, Капитан Первого Круга в Ифткане. Это было мрачное время, потому что людей осталось мало, дети родились все реже. И тогда выступили Ларши. Настал конец, и Листья опали. И вот мы пришли из разного времени, из разной жизни и не смогли объединить силу и власть, как я надеялась.

Все эти люди старше меня, размышлял Нейл, и, судя по воспоминаниям Иллиль, все они были когда-то важными лицами в Ифткане. И он, Нейл Ренфо, бездомный скиталец, позднее — купленный рабочий. Однако что-то поднялось в нем, и он сказал:

— У нас не одна наследственная сила,— он сделал паузу и был слегка озадачен, что все на него уставились.— У нас есть двойное наследство. Здесь есть скафандр, сделанный нашим собственным народом. Скафандр мог появиться только с корабля. Пусть этот корабль и попорчен теперь, но он тоже наш!

Пит Сейшенс улыбнулся.

— Все правильно. Торри, как у него с рукой? Может он путешествовать?

— С разумной осторожностью. Вообще-то зажило быстро, как обычно.

— Тогда я думаю, нам пора идти,— он взглянул на ствол дерева, вокруг которого была сделана хижина.— Ифткар, видимо, является естественной изоляцией от проснувшегося ЭТОГО,— он указал на полосу леса.— Но сегодня там движение, я чувствую его. ЭТО мало знает о нас, но что-то ощущает. ОНО встревожено и просыпается.

— Да! — вмешалась Иллиль.— Это правда! ОНО шевелится. ОНО знает свою силу и умеет пользоваться ею.

Она и Пит как-то умели улавливать в воздухе то, чего другие не замечали, но никто не сомневался в их искренности.

— В последний раз мы были очень близки к тому, чтобы пробиться,— заметил Монро.— А сейчас вечер только начинается, так что у нас в запасе вся ночь.

Они собрали кое-что из оборудования дома, наполнили водой кожаные фляги, упаковали сушеные ягоды и орехи. Видимо, они не собирались возвращаться сюда. Нейл взял одну из сумок и повесил на плечо, не задавая вопросов. Он решил, что у них какой-то давно задуманный план. Если судить по запасам воды и пищи, путешествие должно быть достаточно длительным. Сейшенс шел впереди. Эшла за ним. Она редко отходила от человека, которого называла Джервисом и Мастером Зеркала. За ней шли Дерек, Торри и Нейл, а Монро замыкал шествие.

Вооружение их состояло из трех мечей и двух копий. Нейл был несколько удивлен уверенностью, с которой Сейшенс шел впереди. Тень от деревьев падала на тропу в открытом месте. Стена не была одета в стекло, а поднималась белой скалой с проломом, в который лился поток воды. Сейшенс зашел по колено в воду и пролез в пролом. За ним последовали остальные. Русло было гладким. Сильное течение толкало их назад, так что им пришлось выбраться на закраину. Стало так темно, что даже их ночное видение не помогало, и Нейл удивился, как они еще находят свою тропу. Затем они вышли на широкое пространство, освещенное тусклым серым светом. С двух сторон были гладкие хрустальные стены. Остальная часть ограды была из грубого и попорченного то ли взрвом, то ли землетрясением камня. Через узкую щель в хрустальной стене пробивался свет. Щель эта была затянута каким-то прозрачным веществом. По выступу на каменной стене можно было добраться до этой трещины, но между ней и выступом оставалось пространство. Сейшенс забрался на выступ с легкостью, свидетельствовавшей о том, что он делал это не впервые. Добравшись до самой высокой точки выступа, он обвязал вокруг талии фибровую ленту, закинул петлю на острие каменного рифа и откинулся назад на этой хрупкой опоре. Он вытянулся наружу и налево под устрашающим углом и принялся за работу. Инструментом ему служил меч. Раскачиваясь, он нацеливал острие меча на нижний конец трещины и бил по заклеенному месту. Четыре взмаха... пять... После десятого он сделал передышку.

— Поддается? — окликнул его Монро.— Может, сменить тебя?

— Вроде поддалась при последнем ударе. Попробую еще раз.

Видно было, как ходили его мышцы под лохмотьями лесной куртки. Острие меча глухо стучало и наконец прошло

насквозь. Раздался громкий треск. По поверхности стены пошли трещины. Кто-то в восторге закричал. Сейшенс ударил еще раз и уже не встретил сопротивления. Вниз полетел дождь осколков, и в пробитое отверстие ворвался свежий ветер.

— Веревку! — коротко приказал Сейшенс.

Дерек уже был готов карабкаться наверх с тяжелым мотком свитой из лозы веревки. Долгое время они проверяли ее на прочность, и наконец Сейшенс отвязал поддерживающую его лямку и заменил ее веревкой. Затем он прыгнул и ухватился за нижний край щели. В следующий момент он подтянулся, сел на край и выглянул наружу.

— Ну, как там? — спросил Монро.

— Насколько я могу судить, чисто,— он повернулся и взглянул на Нейла.— Твой корабль ждет там, Ренфо.

Он спустился на ту сторону, а Дерек и Монро вытравили веревку. Следом пошел бывший пилот, затем по очереди Торри, Эшла, Нейл, а Дерек держал веревку и смотрел на них сквозь щель. За стеной была другая долина, но там не толпились хрустальные деревья, там были только песок и камень. И на песке стоял корабль, прямой, высокий, с виду не поврежденный. Люк открыт, и трап спущен. У подножия трапа намело песку, так что опоры не были видны. Группа осторожно подошла к старому кораблю. «Странник-5». Это значило, что ему по меньшей мере сто лет. Видимо, он переходил из рук в руки, и, когда его сочли устаревшим для внутренних линий, для границы он еще представлял некоторую ценность. Может, это был Свободный Торговец. На его корпусе не было опознавательных знаков. И он был слишком мал для транспортного или регулярного грузового судна.

— Мертвый,— сказал Монро, остановившись у трапа.

— Возможно,— согласился Сейшенс.— Но ограблен ли? Если нет...

Если нет, то есть и еще скафандры, в которых можно будет пересечь пустошь, есть оружие, лучшее, чем мечи и копья. Монро уже поднимался по трапу, остальные вереницей растянулись позади. Поразило ли это всех сразу или кто-то был более стоек, чем другие? Эшла вскрикнула, остановилась, вцепившись в перила, покачнулась и чуть не упала. Знакомое Нейлу по посещению участка отвращение, но стократно усиленное, ударило по всем. Двигаться вперед — означало бороться с протестующим нутром за каждый дюйм. Это было не просто отвращение, но отвращение, дошедшее до предела, до ужаса! Они качались, держась за перила. Эшла на коленях сползла обратно. Монро тоже повернул назад. Сейшенс спотыкался позади. Теперь Нейл был первым в линии и крепко держался за перила, глядя в открытое отверстие люка. Его воля боролась с телом, он заставлял себя двигаться — не вниз, а вверх!

Он был Нейлом Ренфо. В нем не было ни Айяра, ни Ифта. Он был Нейлом Ренфо, и это был всего лишь космический корабль, похожий на тот, что принадлежал его отцу.

Вешалка для скафандров была пуста. Под ногами — мягкая пыль. Запах древнего, столетнего запустения... Он, Нейл Ренфо, осматривает старый корабль. Итак, космических скафандров нет. Но, может быть, осталось еще что-то, что может им пригодиться? Нейл пошел дальше, твердо держа в мыслях свое человеческое инопланетное прошлое и те вещи, которые ему необходимы. Оружейный отдел тоже пуст. Второе разочарование. Как видно, из этого отсека было вытащено все, что могло помочь экипажу выжить. Возможно, это была вынужденная посадка, команда вышла со снаряжением и не вернулась. Ни оружия, ни скафандров.

Нейл прислонился к стене и пытался вспомнить склады на отцовском корабле, их местоположение. Это было трудно, поскольку приходилось бороться с ужасом, разрывающим мозг, выворачивающим желудок.

Не там ли? Нейл с трудом потащился. Надо проверить еще одно место. Нейл был уверен, что у него не хватит сил идти по другим отсекам, подняться на другой уровень. Здесь! Он вздохнул и нажал панель. Здесь должны быть инструменты и припасы для наружного ремонта. Внутреннее устройство кораблей не слишком изменилось, даже если сами корабли делались по разным образцам. Нейл открыл панель. По коридорам разнесся его торжествующий крик. Он взял в руки защитные очки, которые надевают при сварке. Вот их ключ к свободе! Нейл крепко прижал их к груди, шатаясь, прошел по коридору в открытый люк и спустился по трапу.

— Ну, что? — встретил его Сейшенс.

— Вот... — у Нейла было только начало плана, и он показал очки бывшему работнику Инспекции.— С ними солнце нам не помеха.

— Всего одни, а нас шестеро,— возразил подошедший Торри.

— Их оденет ведущий,— объяснил Нейл.— А остальные завяжут глаза и обвяжутся одной веревкой. Очки можно надевать по очереди.

Сейншенс примерил очки.

— Сработает! Как по-твоему, Торри?

Бывший врач в свою очередь надел очки и посмотрел на Сейшенса.

— С уверенностью сказать не могу, надо попробовать. Пользоваться не подолгу, меняться, как советует Ренфо... Знаете, лучшей возможности не будет. Хотя, кто знает, сколько нам придется идти на запад, пока мы не найдем приличное укрытие.

— Не на запад! — сказала Эшла так выразительно, что все повернулись к ней.— В западном направлении нас будет ждать ЭТО... будет ждать, как только узнает, что мы убежали.

— Значит, на юг, к реке? — неуверенно спросил Дерек. Девушка, казалось, так уверена была в своих словах, что эта уверенность подействовала на всех.

— Нет! — столь же твердо сказала она.— На восток!

— Обратно в Ифткан? — спросил Монро.

Нейл внимательно смотрел на Эшлу. Она была в том странном состоянии, в каком он не раз видел ее в течение их совместного бегства. Как он упирал на свое человеческое наследство, корабль, так она теперь тянулась в свою ифтянскую личность.

— Не в Ифткан,— покачала она головой.— Дни Ифткана сочтены. Лес высох, листьев больше не будет. Мы должны идти к Зеркалу. Это наш долг! — с силой выкрикнула она, обращаясь к Сейшенсу.— Мы о б я з а н ы идти к Танту.

— А я считаю, что нам надо идти на запад,— протестовал Дерек.

— Она права в одном, — перебил его Торри.— Они, кто бы ни управлял этим местом, будут думать, что мы пойдем именно на запад, чтобы не делать большой круг. Если же мы пойдем на восток, а затем на юг, к реке, это будет, пожалуй, как раз ближе.

— Мы пойдем к Танту! — повторила Иллиль, и теперь Сейшенс согласился с ней, хотя и не полностью.

— На восток... сначала.

И они пошли от заброшенного корабля на восток, стараясь пройти как можно большее расстояние за оставшиеся ночные часы. Долина, в которой приземлился старый корабль, замыкалась утесом. Перебравшись через него, они оказались в пустыне с хрустальным песком, а в нескольких ярдах стоял Белый Лес, где отражался и горел лунный свет.

— Здесь нет пути,— сказал Монро, указывая на лес.— Как мы узнаем, что действительно идем на восток?

— Те ветки,— Сейшенс указал на ближайшее «дерево», — все под прямым углом и растут по определенному образцу. Посмотри на это и вон то. Мы будем смотреть на третью ветку каждого второго дерева и постараемся пройти до восхода солнца.

Странный способ прокладывать тропу в прозрачной дикой местности, но Разведчик Инспекции, тренированный, замечающий всякие такие странности, был совершенно прав. Третья ветка каждого второго дерева указывала то же самое направление — длинный сверкающий палец был обращен на восток. И они поочередно смотрели сквозь очки на этот палец, а остальные прикрывали глаза от яркого блеска. Была очередь Нейла вести группу, когда он увидел на стволе ближайшего дерева отражение темного пятна и резко остановился. Несмотря на искажение, можно было безошибочно узнать космический костюм. Беглецы собрались кучкой и уставились на ломаное отражение. Они не знали, где находится оригинал отражения.

— Он не движется,— нарушила молчание Иллиль.

— Это верно. Может, он ждет, когда мы подойдем, и снова схватит нас,— прокомментировал Монро.

— Не думаю,— покачал головой Сейшенс и перевел взгляд

с отражения на другие деревья.— Он позади нас и, возможно, правее. И он совершенно неподвижен.

— Скоро рассветет,— сказал Торри.— Может, эта штука считает, что ей незачем торопиться, поскольку нас можно поймать и утром. По-моему, нам надо поторапливаться.

Все ускорили шаги. Время от времени они оборачивались к отражению, но оно по-прежнему не шевелилось. Может быть, предположение врача не было лишено справедливости — страж Белого Леса имел основание не торопиться.

Беглецы снова остановились, чтобы окончательно подготовиться к восходу солнца. Торри объявил, что он первый поведет, чтобы как следует проверить очки. Остальные завязали глаза лоскутками одежды, а затем обвязались одной веревкой. Они шли медленно, чуть ли не ползли, а Торри снабжал их описанием дороги, предупреждая от неверного шага. Но, конечно, и падали, и ушибались, и натыкались на хрустальные деревья. Вообще это была отчаянная попытка, и только ободряющая уверенность Торри помогала им продвигаться вперед. Солнечные лучи уже обжигали тело, и свет в какой-то мере проникал через повязки на глазах.

— Как очки? — хрипло спросил Сейшенс.

— Не хуже, чем идти в лунном свете,— ответил Торри.

Значит, они могли идти. Но что, если их ждет впереди стая вайтов? Сражаться вслепую нельзя. Да еще костюм — может, он лениво тащится за ними, готовый схватить их с такой же легкостью, с какой взял Нейла и Эшлу на границе пустоши?

— Лес кончился,— сказал Торри.— Впереди открытое пространство. Я буду говорить насчет рельефа.

Но наступила очередь Нейла. Он протянул руки за очками. Через несколько минут он уже смотрел в утренний свет; очки превратили его в нечто вполне терпимое. Нейл поспешил помочь Торри завязать глаза и повернулся лицом к открытой местности. Там были только скалы и песок. Песок непрерывно двигался потоками, как вода. Один из этих песчаных потоков шел на восток. Нейл погрузил в него ноги и пошел, ведя за собой цепочку товарищей. Время от времени он оглядывался, каждый раз ожидая увидеть часового в скафандре, появляющегося из слепящего сияния Белого Леса, и заодно прислушиваясь, не раздастся ли рычащий вопль вайтов. Песчаная река, которая могла оказаться неплохой дорогой от леса, не могла долго служить им, поскольку повернула на север, и Нейл встал перед фактом, что им придется взбираться вверх по краю. Они отдохнули, поели орехов и сушеных ягод, выпили немного воды.

— Сейчас моя очередь,— сказал Монро, но Эшла резко сказала:

— Подождите! — она стояла лицом к Белому Лесу, который теперь был только блестящим пятном.— ОНО шевелится! ОНО знает! Размышляет! Скоро двинется!

Ее руки сжались в кулаки. Нейл видел только ее губы из-под повязки.

— Иллиль права,— сказал Сейшенс.— Начинается погоня.

— Мы не можем бежать или лететь. Похоже, что нам конец,— сказал Монро.

— Нет! — протестующе вскричала девушка и повернулась к Нейлу, словно видела его через повязку.— Сейчас поведу я!

— Но твоя очередь...

— Дело не в очереди, а в знании. А у меня есть знание, понятно? Как раз время!

— Дай ей очки,— сказал Сейшенс, и тон его приказа победил протест Нейла.

Его повязка была уже на месте, когда Эшла сказала:

— Я готова. Теперь мы возьмемся за руки, не надо веревки.

Ее пальцы крепко сжали руку Нейла. Он осторожно вложил другую руку в ладонь Монро. А затем...

У Нейла не было слов, чтобы описать дальнейшее, а Айяр туманно называл это потоком Силы. Нейл как бы видел — не физически, а мысленно,— что через него течет сознание окружающего, идущее не от его собственных ощущений, но от девушки, и проходит по всей цепочке людей, держащих друг друга за руки. Связанные таким образом, они вышли из песчаной реки и перешли через гребень. Нейл почувствовал такое напряжение и подъем, идущий от Эшлы, что, как и другие, пошел гораздо быстрее, чем раньше.

— ОНО узнало! — сказала Эшла.— Теперь ОНО двинется по-настоящему. ОНО собирает своих слуг.

И Нейл услышал далекий бездушный плач вайтов.

— Соединяйтесь с моей волей! — взмолилась Эшла.— Воины Ифта, Мастер Зеркала, Повелитель Моря, все вы однажды подняли меч и силу против ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Объедините свою волю с моей, боритесь с чужой волей, как сражались мечами в давно прошедшие времена.

Нейл не знал, что ответили ей остальные, но в нем поднялась волна ярости и жестокой решимости встать против Врага. Он издал давно забытый боевой клич, даже не сознавая этого, потому что он был теперь не с группой беглецов, а выступил во главе своих воинов из Первого Круга Ифткана. И его радость и вера были теперь светлыми и чистыми, как зеленая вспышка, что была на кончике его меча на Сторожевом Пути Зеркала. Ифткан и зрелище пустоши слились для него в одно, так что голые скалы как бы покрыла растительность, на песок легла плодородная лесная почва. И он, Нейл, был Айяром, таким, каким тот был в самые великие дни своей жизни.

— Круг Зеркала... О, мои братья, это Круг Зеркала! — голос Иллиль вторгся в мысли Нейла, и то, что она теперь видела, накрыло видение деревьев-башен Ифткана — серая гора с облаками над ней, прорезаемыми солнечным светом. Люди побежали, хотя не видели глазами землю.

И Враг ударил. Жар, свет или что-то похожее плеснуло в лицо. Тот страх, что ожидал за стенами Дороги, теперь навалился на Нейла. Плач вайтов слышался уже рядом, и прежнее

поле битвы Нейла-Айяра уже было здесь. Сам не зная, зачем, он откинул голову, поднял лицо к небу и закричал — не только голосом, но и обеими частями мозга:

— Хууурууурр! — и эхо многократно повторило его призыв.

— Вперед, вперед! — требовала Иллиль. Она вела их, проецируя им дорогу, собирала их волю и силы.

С неба слышались раскаты бормочущих звуков. Порыв ветра ударил им в лицо, закрутил песок, только это был не раскаленный ветер пустыни, а прохладный, пахнущий лесом ветер. И с ветром появились пернатые. Свистящие, возмущенные, закружились над головами бегущих. На зов Нейла откликнулся не один Хурурр, а весь его род, который жил в тенях и на прогалинах Ифткана. Беглецы не могли видеть птиц, но ощущали их мысли, слышали сквозь ветер свист их крыльев. Птицы сделали три круга над бегущими людьми и спикировали на вайтов, воющих над свежим следом. Жар вокруг бегущих тел был жаром ярости. Слишком много времени прошло с тех пор, как ЖДУЩЕЕ принимало участие в каком-либо сражении, и теперь ОНО опоздало, не сумев своевременно собрать древнюю силу и власть. Это спасло людей. Ударь ОНО раньше теми силами, какими располагало,— и люди уже превратились бы в пыль.

— Вперед — вверх! — голос Иллиль прозвучал, как рыдание. Она спотыкалась и едва держалась на ногах. Но перед ними была Стена Дороги к Зеркалу, то место, где скалы были выше человеческого роста.

Иллиль вырвала свою руку из руки Нейла и исчезла из его мозга. Между ними как бы упал занавес.

— Сюда! — позвал он остальных и нарисовал в своем мозгу изображение барьера, каким его помнил. Он помог товарищам перебраться через стену.

Вайты кричали совсем близко. Их охотничий вой перемежался рычанием и щелканьем челюстей — они сражались. Нейл догадывался, что кварины сильно мешали этой части вражеских сил. С невидимой силой обстояло хуже. Нейла толкало назад, оттягивало от дороги, означавшей для них спасение. Еще шаг назад, и он потеряется со всей своей слепотой. Жар ударил в мозг, нервы и мышцы оцепенели. Неизвестно откуда появилась веревка — петля упала на плечи Нейла, больно стянула руки и потащила — но не в пустыню, а к стене. Нейл не мог дышать и почти потерял сознание.

«Темное семя, зеленый лист,
Сила Ифта, вера Ифта...»

Сказал он это или подумал? Откуда это вообще взялось? Как раз в тот момент давление, ставшее нестерпимым, ослабело, и его тело больно ударилось о каменную стену Дороги. Он взобрался на стену и упал в быстрый поток прохладного воздуха и в ожидающие руки товарищей. Загремел гром. Нейл снял с глаз повязку и пошел по дороге вместе с друзьями. Над

ними тянулась серая лента облаков, край мощного тента, идущего с востока, будто он родился над умершим Ифтканом. Ворота Сторожевого Пути. Символ на Ключевом Камне горел сейчас зеленым светом. Они стали терпеливо подниматься по лестнице и остановились только на выступе перед Зеркалом. Началась гроза, такая же, как была, когда Нейл искал убежища в Ифтсайге. Ветер не достигал бассейна Зеркала, но вода в нем заволновалась. Рябь на ней пошла кругами, и с каждым кругом вода поднималась все выше. Здесь собрались силы, о которых Нейл не слыхал, которые держали Айяра в страхе. Иллиль чуть отодвинулась от других. Очки она сняла и теперь следила за движениями воды.

— Здесь был посев. Теперь рост, скоро придет пора Листа. Но без семян не будет Листа! Если Лист нужен — защити семена и ростки. Дай нам теперь твой приговор. Выдержат ли семена до времени появления листьев?

Вряд ли это заклинание было чем-то, совершенно противоположным тому, от чего они бежали, чего-то, что было настоящей жизнью Януса. Нейл подумал, что это так и есть. И они стали свидетелями ответа, который просила Иллиль. Вода поднималась все выше и выше, дошла до краев обрамления Зеркала, лизала край выступа, где они стояли, но никто из них не отошел. Нейл не чувствовал страха. Ему казалось, что он на пороге великого открытия. Может быть, время еще не настало, но скоро оно придет, и он, Нейл, станет частью этого! Первая волна коснулась козырьков, прикрывающих Зеркало, лизнула их и перелилась через верх. Она кружилась все быстрее и быстрее. На ней появилась зеленая пена. Этот поток полился по десяткам каналов и залил пустошь далеко за пределами Круга Зеркала. Завыл ветер, из туч полился второй поток. В этом наводнении беглецы задыхались и шатались, но не искали убежища.

Это был хороший дождь для подрастания семян — новой жизни. Молнии хлестали по западной части неба. А здесь была ответная вспышка: белый свет пронесся по небу и будто тут же высушил тучи. Страшная ярость била в людей даже с такого большого расстояния, как волна разлившейся энергии. Затем дождь прекратился, но Зеркало продолжало изливать свою субстанцию. Долго ли это продолжалось — разлив Зеркала; тучи, освободившиеся от дождя? Несколько часов? День? Нейл не мог бы ответить. Он знал только, что ярости пришел конец. Тучи ушли. В ясном небе показались звезды. Люди все еще стояли на выступе над спокойным теперь Зеркалом, чуточку оробевшие перед силой, величины которой они даже не могли себе представить.

— Нам надо многому учиться,— сказал Джервис, бывший Пит Сейшенс.

— И много надо сделать,— сказал Торри, теперь Килмарк.

— На этот раз ОНО проиграло,— Нейл-Айяр держал руку на мече, когда глядел на запад.

Тот, кто был раньше Монро, а теперь полностью стал Райзеком, улыбнулся, а Иллиль тихо запела.

Нейл-Айяр знал эту песню. Слова падали в его мозг одно за другим. Песня была очень старая — старше Ифткана, потому что деревья-башни Ифткана росли из молодых саженцев под это пение. Это была Песня Первой Посадки.

— Там снова будет город,— Иллиль оборвала песню пророчеством, пришедшим из прошлого, и они все его знали.— Он поднимается там, где было запустение. И Клятва снова будет произнесена, потому что Ифты посажены снова, и вырастет Нация, хотя семена ее и не из этого мира. Была сделана оценка и вынесено решение. Мы увидим Четвертый Лист в полную величину. Но все растет медленно, и садовнику всегда приходится бороться с разрушением извне.— И она снова запела — песню, предназначенную только для Хозяйки Посадок. Остальные жадно слушали.

Она стала спускаться по лестнице на равнину, в ночь. Все радостно шли следом.

Перевод с английского Несмеловой Н. Н.

ПОБЕДА НА ЯНУСЕ

Багровое зимнее солнце пылало над Янусом. Его холодные лучи косо падали на гибнущий Лес. Огонь и грейдеры убивали корни, запрятанные глубоко в землю. Дрожащие ветви бились, словно предупреждая о беде, постигшей Ифткан, древесный город, древний город... В сердцевине Ифтсайги, могучего дерева, последнего из рода Великих Башен, таивших в себе всесильный сок жизни, проснулись от глубокой спячки его жители. ...Ларши! Имя это явилось из памяти почти столь же древней, как и сама Ифтсайга: смерть от людей-хищников. Братья, выходите на защиту Ифткана, встаньте против ларшей с мечом и отвагой в сердце!.. Айяр открыл тяжелые веки, откинул покрывало. В сердцевине гигантского ствола было темно: под потолком не висели гирлянды ларгас — светящихся летних личинок. Похоже, они еще спали в трещинах коры. Тишина, окружавшая его раньше, исчезла без следа, все вокруг трепетало и пульсировало. И хотя он не мог помнить этих сигналов, Айяр мгновенно узнал тревогу Лесной Цитадели. «Просыпайтесь! Опасность!» Каждый удар подстегивал Айяра, но двигаться было так трудно! Зимний сон, сковавший Айяра и его род, не хотел оставить их сразу. Еще не готовый к новой, весенней жизни, ифт тяжело выбрался из гнезда.

— Джервис! Райзек! — хриплым голосом окликнул Айяр сородичей, с которыми делил комнату. Тревожные сигналы усилились, вынуждая его... спасаться... бежать!

Бежать, не сопротивляясь, из Ифтсайги — твердыни, которую не смог разрушить древний враг? Ифтсайга, Вечная, была посажена в легендарные времена, чтобы укрывать расу ифтов при последнем бедствии в дни Зеленого и Серого Листа. Она пережила ярость ларшей, помогла пробуждению нового ифта... Однако предупреждение повторилось:

— Бегите! Бегите!

Айяр, опираясь на слабые, дрожащие руки, подполз к живой стене дерева. Под холодными ладонями древесная плоть казалась теплой, она пульсировала, будто жизнь текла в ней нескончаемыми толчками и волнами. Но сейчас этот поток нес с собой лихорадку, угрозу, смерть.

— Джервис! — ифт пошевелился и стал подниматься. Проснулись еще двое.

— Ларши? — спросили справа.

— Откуда? Ведь дни ларшей давно миновали!

И вновь его память обрела цельность, хотя в ней существовали воспоминания двух разных рас. Таков удел всех нынеш-

них жителей Ифтсайги. Некогда Айяр был инопланетным рабочим-рабом Нейлом Ренфо. При этом воспоминании лицо ифта исказилось. Нейл Ренфо нашел в лесу то, что поселенцы называли «сокровищем» и, выкопав его, был поражен Зеленой Болезнью. Перенеся эту тяжелую хворь, он стал ифтом — зеленокожим безволосым существом, живущим в гармонии с Лесом, сохранившим обрывки памяти Айяра, Капитана Первого Круга последних дней Ифткана. Затем Айяр-Нейл нашел других себе подобных: Эшлу с участка поселенца Хаммера, которая переродилась в Иллиль, Хранительницу Зеркала; Джервиса-Пита, Локатата-Дерека, Райзека-Монро, Килмарка-Торри. По ту сторону Южного моря жили и другие ифты, также прошедшие перерождение, но их было мало: не все инопланетники попадали в сеть сокровищ-ловушек, созданных последними из настоящих ифтов перед гибелью всего рода. Перерождение случалось лишь с теми, кто имел соответствующий темперамент. И никто из переродившихся не был цельным существом, в них всегда сохранялся шаткий баланс — два прошлых боролись друг с другом. Иногда он становился Айяром, иногда — Нейлом. Правда, теперь Нейл спал все дольше, и он мог пользоваться знаниями Айяра.

— Смерть повсюду,— сказал Айяр.— Это предупреждение...

— Но ведь время сна еще не закончилось,— отозвался Джервис.— Есть ли у нас средство, ускоряющее пробуждение...— он пополз на четвереньках к противоположной стене и ощупал живую ткань дерева.— Неужели Ифтсайга откажет нам! — в его голосе звучала надежда и мольба.

Айяр поспешил через комнату к Джервису, который уже жадно пил из ладоней сладкий сок, сочащийся из трубки в стене. Айяр припал рядом и последовал примеру друга. Холод внутри рассасывался, тепло бежало по жилам, наполняя все тело. Они уже могли свободно двигаться, головы прояснились.

— В чем дело? — Райзек тоже подполз напиться сока жизни, даруемого Великой Ифтсайгой.

— Смерть! Пришла смерть Ифтсайги! — Джервис поднялся.— Слушайте!

И они услышали легкий шелест ветвей, бормотание — так древнее дерево пыталось общаться со своими обитателями.

— Это идет с востока! — сказал Джервис, повернувшись.

К востоку лежали поселения — пятна черной смерти на теле Леса. Еще там находились здания порта, куда садились инопланетные корабли.

— Почему... так? — Райзек недоуменно огляделся.— Они же не расчищают землю зимой, а весна еще не наступила.

— Ифтсайга не разбудила бы нас без крайней нужды. Это серьезная опасность...— ответил Джервис.

— Нас зовут,— Айяр направился к лестнице-столбу, связывающему уровни дерева-башни.

— Джервис, Айяр,— тихонько окликнули снизу, едва он поставил ногу на ступеньку.— Быстрее! — голос стал громче, и

показалось встревоженное лицо Иллиль.— Нам надо торопиться.

Они спустились на нижний уровень, где у стен стояло множество сундучков. Там уже суетились Килмарк и Локатат, с лихорадочной поспешностью перетаскивая сундучки вниз, к корневым покоям Ифтсайги.

— Мы должны спасти семена! — сказала Иллиль и подняла один из сундучков.

Там хранились семена, необходимые для возобновления рода ифтов. Это были те самые сокровища-ловушки, несущие перерождение. Если сундучки будут уничтожены, мечты ифтов о новой расе погибнут. Ночное зрение Айяра почти восстановилось. Он уже видел встревоженное лицо Иллиль.

— Куда? — спросил он, подхватывая два сундучка.

— К корневым комнатам.

Если Ифтсайга позволила войти в нижние ярусы — значит, опасность была действительно смертельной, и Великая Цитадель Ифткана не надеялась выжить. Ифты направились к самым дальним корням, своим приходом неся смерть неприступной твердыне, служившей им веками, и пряча там единственную надежду на возрождение рода ифтов. Пока они лихорадочно работали, сигнал тревоги не умолкал. Когда верхние уровни опустели, Джервис и Иллиль запечатали узкие проходы землей, смешанной с древесным соком, и наложили на печать заклятие древних слов власти. Затем Джервис сказал:

— Пока Ифтсайга не умерла, мы должны узнать, кто вызвал ее гибель. Враги ифтов спали — но теперь нужно сразиться с проснувшимися за Великую Башню.

Он и Иллиль встали у противоположных стен, положив руки на дрожащее тело древесного гиганта, и заговорили в один голос:

— Скорбно уходит добро.
Пусть же беда постигнет беду,
Злыми будут дни зла.
Ветви-клинки!
Смола ядовитая капает,
Сук орошает — оружье
Добра твоего, что погибнет,
Стволом разрезая тьму,
Рухнет ей в сердце!
Смерть — продолжение жизни,
Умри же, как будто живешь!
Саженцы к небу проложат путь.
Ифтсайга, сестра наших зерен,
В нашей крови — смола твоих ран.

Ифтсайга закачалась, ее пульсирующее тело издавало уже не стон, а вой и рычание просыпающегося гигантского зверя. И тогда Джервис произнес:

— Мы должны знать, кто наш враг, откуда он пришел и что намерен здесь делать. Разведчики пойдут на восток и на север, а ты, Сеятельница Семян,— назвал он Иллиль ее древ-

ним титулом,— иди за помощью к Зеркалу, оно не оставит нас. Иллиль печально покачала головой.

— Однажды я уже сделала это. Боюсь, что воззвать к Силе Танта во второй раз мне не удастся. Ведь я не полностью Иллиль, во мне живет человеческая память, чуждая ифту.

Потом она повернулась к остальным и более решительно добавила:

— Братья, что бы ни произошло — не выбирайте смерть! Звезды могут нас покинуть, но мы не можем покинуть семена, нашу единственную надежду!

Была уже ночь, время ифтов. Они шли по Лесу, заполненному мечущейся тревогой пробужденных от спячки жителей леса. Пикфриды скользили по ветвям, и их мех серебрился в лунном свете над головами ифтов; берфонды ворчали и скалились на невидимого еще врага; в воздухе носились крылатые тени.

— Хурурр!

В приветствии кваррина, давнего охотничьего товарища ифтов, слышалась ворчливая жалоба. Айяр открыл свое сознание, чтобы услышать мысли птицы.

— Рвут... убивают... ломают!

— Кто?

— Ползающие вещи! Неправильная охота! Убивают! Убивают!

— Зачем?

Кваррин зашипел, взмахнул огромными крыльями и взмыл в темноту.

— Ползающие вещи...— повторил Райзек.— Корчеватели? — он робко пытался воспользоваться информацией из своего инопланетного прошлого.

Машины могут изменить облик любой планеты — было бы только время и человеческая воля. Но машин на Янусе почти не было. Этот мир деревьев был захвачен Возлюбленными Неба — суровой религиозной сектой, которая пользовалась только силой собственных рук и домашних животных. Единственное место на Янусе, где Верующие позволяли держать машины,— это порт. Корчевателей на планете никогда не было: лес вырубался вручную.

— Порт находится на северо-востоке,— сказал Килмарк.— Но они не стали бы выводить машины со своей территории. И охоты сейчас быть не может — поселенцы не занимаются этим зимой.

В самом деле, поселенцы вряд ли стали бы сейчас охотиться на тех, кого они называли «чудовищами».

— Люди с участков никогда не пользуются машинами,— уверенно сказал Локатат. До заражения Зеленой Болезнью он сам был поселенцем.

— Догадки никогда не ведут к правде! — воскликнул Айяр-Нейл. В нем жил ифт-воин, действием отвечающий на вызов судьбы.

— Нам нельзя играть нашими жизнями,— снова напомнила Иллиль.

Айяр улыбнулся:

— Моя жизнь идет рядом со смертью во все мои дни на этой планете, и я привык защищать ее мечом.

— Разделимся,— сказал Джервис, когда они отошли от Ифтсайги,— и встретимся у Сторожевого Пути. Зеркало Танта — наша последняя защита.

Они растворились в Лесу, став его частью. Каждый шел сам по себе, стараясь не терять общего для всех направления. Животных теперь почти не было. Те, что попадались, двигались вяло, только что очнувшись от спячки, но им негде было выпить живительного древесного сока. Ноздри Айяра затрепетали, настороженно ловя лесные запахи. Следовало опасаться не только вони келрока, но и следа человека, ибо вместе с ним шел запах смерти, наступающей на Лес. Теперь же, судя по всему, нужно прежде всего искать запах неведомых машин. Келрока рядом не было, а вот человека... Айяр миновал две Великие Башни, погибшие много веков назад, возможно, еще во времена войны ларшей и ифтов. Айяр был одним из главных защитников Ифткана, но в его теперешней памяти не осталось никаких воспоминаний об этих схватках. Впрочем, он мог погибнуть в одной из них... Никто из переродившихся инопланетников не знал, каким образом Зеленая Болезнь перенесла в них личности и память давно погибших ифтов и как эти личности оказались спрятаны в таинственных ловушках-сокровищах. Айяр знал одно: в прежние времена он охранял Ифткан. Видимо, теперь его роль не изменится. Когда налетели порывы предутреннего ветра, человеческий запах смешался с ужасным запахом гари, который, бывало, налетал на Лес, когда поселенцы расширяли свои участки. Заря была уже не за горами. Айяр сунул руку в карман своей зелено-коричневой охотничьей куртки. Килмарк, бывший когда-то врачом, научился делать защитные очки из нескольких слоев сухих листьев. В них ифты могли свободно передвигаться в любое время суток, за исключением разве что знойных полуденных часов. За вонью горелого леса не чувствовался запах человека, и теперь приходилось полагаться только на зрение. На молодых деревцах и кустарнике еще не распустились листья, в тени лежали голубоватые сугробы. Дымные полосы сплелись с туманом, воздух потеплел, и Айяр смотрел сквозь этот дрожащий экран на царящее вокруг опустошение. Рот его скривился. Когда он уходил, чтобы залечь в спячку, Ифткан был отделен от участков поселенцев речным потоком. Сейчас выжженные тропы расходились от единого центра по всему Лесу. Это работали машины, а не топоры. Но как случилось, что портовикам разрешили расчищать Лес — им это всегда запрещалось?! Да и что могло им понадобиться в Лесу? Айяр бежал вдоль полосы пепла, закрывая рукой нос, когда приходилось преодолевать особенно зловонные участки гари. Лучевая атака на

Лёс явно проводилась не как попало, а с определенной целью. Расположение выжженных просек свидетельствовало, что ведется планомерный и тотальный штурм Леса. Он выбежал на обгорелую поляну, посреди которой стояла машина — черный квадратный ящик на гусеницах, тяжело бороздящих почву. За ней замер корчеватель. Сейчас его рыло неподвижно смотрело вверх, но позади гусениц почва была выворочена. Взошедшее солнце резало глаза даже сквозь защитные очки, и Айяр щурился, вглядываясь в пространство за машинами. Там высились несколько мерцающих полусфер, будто истерзанная земля исторгла из себя тусклые воздушные пузыри. Это был лагерь. И такие передвижные лагеря были только у портовиков. Айяр призвал память. Нейла, пытаясь вспомнить какой-нибудь официальный знак или символ, чтобы определить принадлежность лагеря. После открытия Януса лет сто назад планету отдали гольному Синдикату. Правда, его дельцы мало в чем преуспели — вскоре началась галактическая война. Опустошив миры, она разорвала старые связи между ними. Она же сделала Нейла Ренфо бездомным сиротой. И она же дала Возлюбленным Неба возможность выкупить Янус у обанкротившегося Синдиката. Полеты человека в космос прекратились, остановилась его неудержимая экспансия. Янус с его обширными густыми лесами и малым количеством полезных ископаемых никого теперь не интересовал, и его легко уступили Верующим. Айяр прикинул на глаз расстояние до машин и лагеря. Поляна была слишком хорошо расчищена, чтобы ифт мог рискнуть подобраться поближе. Кроме того, перерождение, коснувшееся и тела, и души, превратившее его из Нейла в Айяра, вызвало в нем отвращение к бывшим сородичам. Ему была тошнотворна сама мысль о возможности близкого контакта с ними. С другой стороны, узнать правду о происходящем можно было, лишь подобравшись на такое расстояние к лагерю, с которого все разговоры людей станут ему слышны. Только надо не забывать про возможность попасть под лучевой удар — раз у них есть машины, этого нельзя сбрасывать со счетов. Из спальных палаток начали появляться люди — двое в мундирах портовой стражи, остальные в униформе работников космопорта. Айяр отметил, что все они были вооружены не обычным для Януса оружием — станнерами, а бластерами, которые использовались только на необитаемых планетах и только в экстремальных ситуациях. Это уже было серьезной причиной держаться, по возможности, подальше: мечи ифтов никак нельзя сравнить с бластерами. Люди ушли в другую полусферу — видимо, столовую, потом до Айяра донеслось характерное жужжание флайера, и он замер под своим маскировочным плащом. Флайер летел со стороны порта и опустился на землю неподалеку от наблюдательного пункта Айяра. Двое выскочили из кабины и направились не к лагерю, а в сторону лучемета. Один из них взглянул на выжженные пятна вокруг поляны.

— На эту работу уйдет уйма времени, пока не очистим весь континент! — сказал он.

Второй глянул через плечо.

— Но не дожидаться же нам инопланетной помощи! Ты еще не видел участок Шмидта. И это уже третий случай. Пока *они* прячутся в лесах, нам с *ними* не справиться.

— А кто *они*?

Второй пожал плечами:

— Вот поймаем хоть одного, тогда и увидишь. Поселенцы — ты же знаешь, они Верующие — называют их зелеными дьяволами. Я...— он сделал короткую паузу, едва ли не нежно поглаживая раструб лучемета.— Я был на Темрисе и Лантуре во время войны и знаю, о чем говорю. Участок Шмидта хуже, чем все, что я там видел. Здесь нам труднее — у врага все преимущества. Единственный шанс вытянуть зеленую нечисть из укрытий — спалить весь этот чертов лес.

— Тогда нечего тянуть. Чем скорее мы этим займемся...

Они повернули к лагерю и остановились в нескольких шатах от полусфер. В воздухе вокруг них возникло слабое мерцание, а когда они шагнули вперед, мерцание осталось позади людей. Айяр понял, что лагерь окружен силовым полем. Это означало, что портовики готовятся к отражению самой серьезной опасности. Зеленые лесные дьяволы? Айяр посмотрел на свои тонкие руки с зеленоватым отливом кожи. Неужели они говорили об ифтах? Но ведь те укрывались на зиму в Ифтсайге. Зеленые демоны не могут быть ифтами. Кто же они?

У рода ифтов был свой заклятый враг. ТО-ЧТО-ЖДЕТ было много древнее и страшнее людей. Его воинство — ларши — появлялось из недр губительной Пустоши. Однако там же, в грозной пустыне, находилась и защита ифтов — священное Зеркало Танта. Под солнцем — оружием ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ — Айяр по изъеденной временем дороге направлялся к кратеру — вместилищу вод Зеркала. Удастся ли им вновь воспользоваться Силой Танта? Несколько месяцев назад Иллиль и Джервис призвали ее, чтобы сразиться с помощью грозы и воды со слугами ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ и остановить их. Бурный поток выплеснулся за каменную кромку Зеркала и омыл часть Пустоши, очищая ее от Зла. В этом было их спасение — и спасение это даровало им Зеркало! Но никто не знал, насколько велика его Сила. Сможет ли она противостоять инопланетникам и их машинам, не подчиняющимся законам природы Януса? У каждой планеты есть свои потаенные силы, которые могут служить оружием для ее обитателей, но ничего не означать для пришельцев со звезд. Для ифтов Зеркало и то, что скрывалось в его глубинах, было священной Силой,— другие же могли видеть в нем просто озеро в каменном бассейне.

— Айяр!

Он поднял голову, не отрывая взгляда от источенных веками камней.

— Да, Килмарк,— отозвался он. Значит, он добрался не первым.

На Килмарке, как и на Айяре, был плащ, у обоих — мечи и заплечные мешки. Но, помимо этого, через руку Килмарка был перекинут кусок рваной, покрытой пятнами ткани. Запах, исходивший от нее, заставил нос Айяра непроизвольно сморщиться. Этот запах не походил ни на человеческий, ни на машинный. Это был запах неизвестного и коварного. Он въедался в ноздри и надолго отравлял легкие. Но во всем остальном ткань лоскута не отличалась от одежды ифта, на нем переливались, переходя друг в друга, зеленый, коричневый и серебряный цвета.

— Что это? — спросил Айяр.

— Я нашел его в колючем кустарнике,— Килмарк протянул руку вперед, и лоскут внезапно затрепетал, как живой. Килмарк испуганно вскрикнул и сбросил его на землю. Запах усилился, и оба ифта попятились, инстинктивно принимая оборонительную позу.

Айяр не помнил, как выхватил меч. Он держал его за лезвие ниже перекрестья рукоятки, направив острие не к невидимому врагу, а к небу.

Молния, Факел, Меч.
Свет высекает ифта, как искру,
Что тени не знает,
Жарче луны
Грудь обжигает.
Над тенью — листья шумят, зелены!

Эти слова возникли из его двойной памяти, когда он совершал мечом ритуальные движения. Он не был ни Мастером Зеркала, ни Сеятелем, ни Хранителем, ни Стражем,— он был простым воином. Но существовали древние приемы защиты от Врага, которые были известны всем. Меч в руках Айяра окружало сияние, и с него начали скатываться капли зеленого огня. Падая на землю, они окружали лоскут огненным кольцом. Но огонь не уничтожил ткань, а лишь огородил ее. В этот момент со стороны лестницы, ведущей к Зеркалу, послышался крик и топот бегущих ифтов. Подбежавшие Иллиль и Джервис остановились, увидев окруженный огнем лоскут.

— Кто и где нашел эту вещь? — спросил Джервис.

— Она висела на колючих кустах, недалеко от выжженного места,— ответил Килмарк,— я думал... Я боялся, что там кто-то из нас... Только подняв его, я понял, что он сделан не ифтами, но все равно в нем что-то очень важное...

Опустившись на колени, Иллиль внимательно рассматривала лоскут. Затем достала из-за пояса тонкую белую лучинку длиной с палец. Хотя дорогу часто заливало водой, кое-где на ней сохранились островки сухого песка. Один как раз находился поблизости. Иллиль направила конец лучины на ткань, а затем коснулась им песка. Она придерживала лучину в вертикальном положении, но та сама по себе двигалась и рисовала. Возникшие на песке линии изображали дерево с

тремя большими листьями — символ ифта. Но рисунок еще не был завершен — дергаясь в пальцах Иллиль, лучина превращала листья в угловатые голые ветви. Айяр смотрел на песок. Кажется, он уже видел эти изломанные ветви.

— Ифт... Нет, это не ифт... Неужели Враг? — прошептал Джервис.— Но что это значит? — он перевел взгляд на Иллиль, которая внимательно рассматривала рисунок.

Она отрицательно покачала головой

— Я не понимаю. Это,— она указала на лоскут,— имеет облик ифта, но оно пришло из Белого Леса,— уронив лучинку, она сжала голову руками.— Я помню слишком мало! Если бы мы были едиными, если бы память ифтов не заглушали инопланетные обрывки воспоминаний, нам все было бы ясно. Но сейчас я уверена только в одном — то, что лежит здесь,— нечто насквозь злое и лживое. Джервис обернулся к мужчинам.

— Что вам удалось узнать?

— Они на той стороне реки,— ответил Килмарк,— выжигают, а потом корчуют. Они хотят уничтожить весь Лес и тех, кто живет в нем.

— Это лагерь портовиков,— добавил Айяр и пересказал подслушанный им разговор.

— Значит, некие зеленые дьяволы нападают на участки,— прервал его рассказ Джервис.— Из-за своего неведения люди боятся нас и считают чудовищами. Но по эту сторону Южного моря сейчас находимся только мы — единственные из ифтов, зимовавшие в Ифтсайге.

— У нас есть только один способ узнать больше,— поднялась с колен Иллиль.— Я спрошу у вод Зеркала. Но ты,— она взглянула на Килмарка,— должен остаться здесь. Тебе нельзя приближаться к Танту, если твоя ифтянская память еще не прояснилась.

Айяру она ничего не сказала, и он последовал за ней и Джервисом вверх по лестнице к выступу над молчаливым озером, хранящим неизвестную Силу. На краю уступа Иллиль встала на колени, протянув руки над водой.

— Да будет благословенна вода, дающая жизнь,— произнесла она и, смочив кончик пальца, поднесла его к губам, чтобы ее уста могли дать нужный ответ. Теперь ее сознание было открыто Зеркалу.

Когда она вновь заговорила, ее взгляд устремился не на спутников, а вдаль, за озеро, и над ней витала аура того, что было Сосудом Власти:

— Ифт — не ифт. Под маской жизни — Зло. Война не кончается поражением. Семя беззащитно, пока не брошено в землю... Айяр не ощущал смысла в этих словах. Однако он видел, что Джервис все понял, и лицо его помрачнело. Джервис простер руку и возложил ее на голову Иллиль, и она заморгала, придя в себя от его прикосновения.

— Пойдемте,— Джервис двинулся обратно под стены Пути, где уже ждали Локатат и Райзек.

— Там ифты, Джервис...— начал Локатат.

— Нет, это не настоящие ифты,— перебив его, крикнула Иллиль,— у них облик ифтов, но они подчиняются воле Белого, а не Зеленого Леса.

Джервис кивнул.

— Да, ТО-ЧТО-ЖДЕТ пробудилось. Используя ненастоящих ифтов, ОНО настроило инопланетников против нас.

— Лжеифты опустошили несколько участков,— продолжил Локатат,— я прятался в скалах у реки и слышал, как об этом говорили люди из лагеря. Фальшивые ифты убивали и разрушали, чтобы восстановить против нас поселенцев и портовиков. Теперь те забыли старые распри и объединились, чтобы уничтожить Лес и всех ифтов.

— Но Лес огромен,— произнесла Иллиль и взглянула на Джервиса.— Смогут ли они это сделать?

— Сейчас людей здесь мало, но они, несомненно, уже вызвали помощь с других планет,— печально сказал Джервис,— и если помощь придет, то смогут.

Рука Айяра стиснула рукоять меча.

— ЖДУЩЕЕ просто пользуется ими — так же, как прежде использовало ларшей...

— Похоже,— согласился Джервис.— В мое время ларши еще не были орудием ЖДУЩЕГО. У меня память Зеленого Листа, а не Серого. Сейчас, наверное, Враг использует инопланетников, как раньше — ларшей, и, возможно, добьется успеха.

— Интересно, всегда ли ТО-ЧТО-ЖДЕТ использовало людей как оружие? — сказал Айяр.— Мы так и не узнали, кем был тот в скафандре, что взял в плен нас с Иллиль. Также непонятно, что происходило, когда ОНО захватило вас в плен Вайты, псы ЖДУЩЕГО, преследовали нас, и мы чувствовали ЕГО присутствие, когда бежали к Зеркалу. Во времена Айяра уничтожение Ифткана было поручено ларшам. А теперь ТО-ЧТО-ЖДЕТ с помощью провокации заставило служить своим целям инопланетников. Вот только почему ТО-ЧТО-ЖДЕТ никогда не действовало без помощников? Вы не забыли о Клятве Кимона?

— Может быть, дело в ЕГО сущности? — спросил Килмарк.— Действительно, Джервис, если ЖДУЩЕЕ обладает такой силой, почему...

— Кимон пришел в Белый Лес, чтобы сразиться с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ, и заставил его дать Клятву, которая соблюдалась во времена Голубого и Зеленого Листа, но при Сером была нарушена,— повторила Иллиль известную всем историю.

— А что известно о природе встреченного Кимоном в Белом Лесу? — допытывался Айяр.

Она покачала головой.

— Джервис, может, ты знаешь?

— Нет. Пока нам известно одно: ТО-ЧТО-ЖДЕТ действует с помощью ментального контроля, а помимо этого...— он огорченно пожал плечами.— Видимо, теперь оно завладело ифтами,

или существами, похожими на ифтов, и заставляет их выполнять свою волю. Нам нужно найти их.

— Нам помогут наши носы,— Райзек кивком указал на дурно пахнущий лоскут.

— А Лес тем временем погибнет,— с горечью сказала Иллиль.— У нас была надежда — восстановить наш народ, чтобы потом законно освободиться от колонизации нашей земли инопланетниками. Но если Лес будет уничтожен, о чем мы станем договариваться с людьми?

— Это верно,— согласился Райзек.— Мы должны дать им понять, что происходит, прежде чем возрождение нашей расы окажется невозможным.

— И как ты собираешься это сделать? — осведомился Локатат.

— Захватим одного из этих фальшивых ифтов и покажем, чем они отличаются от нас,— ответил Айяр.

Все посмотрели на него. После небольшой паузы Джервис сказал:

— Самое простое и, пожалуй, наилучшее решение. Начнем охоту на Врага. Наверное, пробираться к участкам лучше вдоль реки.

— Ты можешь проследить за их движением? — спросил Килмарк у Иллиль.

— Пока нет. Когда они передвигаются, их защищает хозяин, и я не могу разрушить эту защиту. Нам придется полагаться на наши глаза, нос и уши.

Они решили идти вдоль реки, на юг от Зеркала. День клонился к вечеру, но до ночи, больше подходящей для такого путешествия, еще оставалось время, и они, завернувшись в плащи, уснули прямо на дороге. В сумерках они начали путь. Высушенный холодом тростник возвышался над их головами, напоминая маленький Лес. Они обошли его стороной. Ночью еще больше похолодало, и смена температуры изменила запахи Леса, усилив одни и ослабив другие. Из темноты доносились звуки лесной жизни — перекликались крылатые и четвероногие охотники, ящерица тащила по гравию водяного червя. Раз им пришлось затаиться в тишине, когда большая кошка, разинув пасть, сунула морду в воду, прополаскивая рот после еды. Они почувствовали, что пахнет свежей кровью. Они миновали местность, очищенную водами Зеркала. Справа от них темнела грозная Пустошь. Небо на севере было светлым.

— Они продолжают жечь лес и ночью,— заметил Локатат.

— Они очень торопятся, потому что боятся,— добавил Килмарк.

Может быть, огонь добрался уже до Ифтсайги, с грустью подумал Айяр, уцелеют ли семена в сундучках? Достаточно ли глубоко расположен тайник в корнях Цитадели? Не доберется ли до него рыло корчевателя? Внезапно ветер принес нужный запах. Локатат сплюнул, Айяр тоже почувствовал горечь во рту. Эта вонь была гораздо хуже даже мерзкого запаха

собаки взбесились. Фальшивый ифт, на которого собаки не обратили внимания, выскочил из тени, схватил труп женщины за руку и оттащил его назад к пню. Подоспевшие к нему на помощь товарищи поволокли тело дальше.

— Посмотрите наверх! — Райзек вскинул голову.

В ночном небе кружил портовый флайер, поливая землю огненными лучами.

— Быстрее назад! — Айяр схватил Иллиль за руку, и они побежали, спасаясь от беспощадного прожорливого пламени.

— Уходим вниз по реке... На юг,— тяжело дыша, проговорил через несколько минут Райзек.

Он был прав: если бы они успели добраться до реки, опередив пожар, то смогли бы укрыться от огня в прибрежных камнях или на песке. Пока лучи поджигали лес только вблизи участка, но площадь пожара могла и расшириться. Ифтов спасало то, что деревья загораются медленно. Опасность была бы гораздо большей, если бы огненные лучи хлестали понизу, воспламеняя подлесок. Вокруг них слышались звуки, издаваемые бегущими животными, спасавшимися от огня. Потом они увидели, как слева в рощу ворвались двое лжеифтов. Одежда одного из них пылала, но он словно не чувствовал жжения и боли. Они тоже направлялись к реке. Только ли эти двое уцелели после нападения или спасся кто-то из них еще? Наверное, большинство лжеифтов погибло после первого же обстрела из лучемета.

— У нас не получится...— Райзек закашлялся от дыма.

— Направо! — быстро осмотревшись, решил Айяр.

Столетия назад на этом месте рухнуло гигантское дерево, размерами почти не уступавшее Башням Ифткана. Его сухие спутанные корни торчали из образовавшейся при падении ямы, от которой исходил хорошо известный Айяру запах келрока. Запах был старый — видимо, хозяин давно покинул свое жилище. Из-за близости участка дичь в округе разбежалась — и нора оказалась заброшенной.

— Вниз,— скомандовал Айяр, потянув за собой Иллиль, спрыгнул на остатки подстилки. За ними последовали остальные.

Проход в глубь норы, который искал Айяр, находился прямо перед ним. Опасной паутины на стенах почти не было. В этой норе таился их шанс на спасение, и Айяр пополз вперед, в логово келрока.

Они двигались глубоко под землей по узкой норе. Где-то впереди находилось бывшее жилище келрока, которое могло спасти их от яростного пламени. Сердце Айяра все еще гулко колотилось в груди, когда они наконец разместились в этом скверно пахнущем закутке.

— Джервис, Килмарк, Локатат...— послышался голос Иллиль.

Действительно, что с ними случилось? Удалось ли им спастись? Но Райзек уже думал о том, что их ожидает в ближайшем будущем.

— Вокруг все выгорит, и люди без труда смогут обнаружить нас. Им достаточно спустить собак...

— У этих нор несколько выходов,— сказал Айяр, вспоминая свой страшный опыт,— обычно они расположены по прямой линии. Другой лаз должен вести прямо к реке.

— Когда наши собратья вернутся из-за Южного моря, Райзек? — спросила Иллиль.

— Мы проснулись раньше обычного. Они вернутся, когда наступит настоящая весна.

— И обнаружат, что люди настроены против них.

— Они не пойдут в открытую.— Райзек защищал своих переродившихся сородичей, которых их новые инстинкты тянут в Лес, чтобы там поставить ловушки-сокровища, которые помогут новым ифтам превратиться после Зеленой Болезни в их родственников.

— Но они еще никогда не встречались с подобной опасностью,— заметил Айяр,— они придут и увидят, что Лес уничтожен, а все инопланетники будут охотиться за ними. ТО-ЧТО-ЖДЕТ хорошо продумало удар, нанося его зимой, когда ифты спят.

— Не могу поверить,— прошептала Иллиль,— что Зеркало Танта изменило нам. Ведь мы все видели, какой удар нанесли гроза и наводнение по Пустоши. Как же ЖДУЩЕЕ могло выжить?

— Нам ничего не известно о природе ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ,— перебил ее Айяр,— возможно, что опасность лишь увеличила ЕГО силу и позволила набрать еще больше слуг и воинов. По ЕГО воле ларши погубили Ифткан, а теперь инопланетники превратят остатки города в черный пепел. У нас есть только один выход — встретиться со ЖДУЩИМ лицом к лицу.

— Да, и поговорить с портовиками: они должны знать, что происходит на самом деле!

Айяр ощутил, как содрогнулось тело Иллиль. Сам он чувствовал то же, что и она. Одна мысль о том, что надо идти к людям, разговаривать с ними, быть с ними рядом, была мучительной. Если бы нашелся другой способ — поговорить с ними, не встречаясь! Райзек, наверное, думал о том же, потому что он обратился к Иллиль:

— А нет ли на участках коммуникатора для связи с портом?

— Нет,— ответила бывшая поселенка,— ком — это мирское. Такие вещи могут быть только в порту.

— Да еще в том лагере у реки,— добавил Айяр.

Райзек подхватил его мысль.

— Лагеря должны хорошо охраняться. Они наверняка ожидают нападения в отместку за уничтожение Леса.

Айяр почти ничего не помнил о порте. Во время высадки он еще не вполне пришел в себя после замораживания, которому подвергались рабочие при перевозке. Он стоял в охраняемой шеренге таких же рабочих. И снова видел, как бородатый

Козберг придирчиво рассматривает их и отбирает понравившихся. Потом Айяр таскал тюки коры на погрузочную площадку. После этого он ни разу не был в порту Януса.

— Ты знаком с космопортом? — спросил он Райзека.

— С портом? Нет, я вообще не с этой планеты. Я приземлился в Лесу на спасательной шлюпке с корабля «Торстоун». На борту свирепствовала болезнь, но мы держались и надеялись на помощь. Когда корабль проходил через эту планетную систему, я был болен, но еще жив. Меня вместе с другими такими же доходягами запихали в спасательную шлюпку, чтобы избавиться от заразы. Когда шлюпка приземлилась, я был единственным живым на борту. Потом в Лесу я нашел сокровище и превратился в ифта. Так что я совсем не знаю порта Януса. Я в нем даже ни разу не был.

— Локатат был поселенцем,— сказал Айяр.— Зато Килмарк был врачом.

— Да, но со времени Угольного Синдиката прошло больше пятидесяти лет,— напомнил Райзек.— За это время все могло неоднократно измениться. Джервис был одним из Перворазведчиков — тогда еще и порта не существовало.

— Я знаю порт,— неожиданно сказала Иллиль,— я провела в нем двадцать дней. И это было недавно — всего несколько сезонов назад. Ты предлагаешь идти туда, Айяр?

— Нам нужен только ком. Да что там, если бы нам удалось достать хотя бы переносной микрофон!

— Значит, порт...— задумчиво проговорил Райзек.— Не знаю. Мысль о том, чтобы поговорить с помощью кома, неплоха. Но для начала давайте подумаем о том, как нам выбраться из этой дыры.

Он был прав. Айяр уже начинал опасаться, что, убегая от огня, они попали в могилу. Воздуха в норе становилось все меньше, и дышать было все труднее. Они начали задыхаться, а затем впали в состояние, похожее на спячку. Очнувшись, они почувствовали, что хотя воздуха в норе стало больше, вместе с ним внутрь проникли и струйки дыма. Иллиль беспрерывно кашляла, Айяра мучала резь в носу и горле. Если бы снаружи не ждал огонь, ничто не заставило бы их сидеть здесь.

— Вы слышите?

Снаружи шел дождь. Они не могли и надеяться на такой ливень. По-видимому, сезон Молодых Листьев был ближе, чем они думали. Пол в норе стал мокрым — вода просачивалась из ямы, в которой, наверное, уже образовались лужи. Айяр выполз из норы. За ним — все остальные. Хотя снаружи был день, плотные тучи задерживали солнечный свет. Выбравшись из убежища, ифты оказались под ледяным дождем. Огненные лучи с флайера уничтожили подлесок и верхушки деревьев, но громадные обугленные стволы уцелели. По выгоревшему Лесу ифты направились к реке. Между двумя выступавшими из воды камнями лежал труп. Айяр заметил его первым и резко обернулся. Он хотел скрыть это зрелище от глаз Иллиль,

но та уже увидела тело и бросилась к реке, чтобы лучше рассмотреть его. Их волнение улеглось, когда они наклонились над мертвым. У него было человеческое, но странно пустое лицо. Сначала Айяр подумал, что на нем лежит печать смертного покоя, но ни о каком покое не могло быть и речи, потому что горло и верхняя часть груди были разорваны собачьими клыками. Раны обнажили проволоку, металл и покореженные шарниры.

— Это робот! — память Нейла нашла нужное слово.

Райзек наклонился ниже и провел пальцами по руке робота: — Потрогай его!

Айяр с отвращением повиновался. Рука была холодной, мокрой, но неожиданно мягкой и упругой, как настоящее человеческое тело — разве только раны на нем не кровоточили.

— Искусственное создание,— сказала Иллиль.— Но если не знать этого...

— Да, это их ключ,— кивнул Райзек,— это она вопила перед воротами, чтобы разжалобить поселенцев и вынудить их открыть засовы. Только на этот раз хитрость не удалась. Бедные собаки поняли, что это такое, и поплатились жизнью. Лжеифты тащили ее за собой — видимо, она им была зачем-то нужна,— но после бросили. Похоже, это их первая крупная ошибка.

— Почему? — спросила Иллиль.

— Мы нуждаемся в доказательствах. У нас пока нет фальшивого ифта, но уже есть эта кукла, которая заставит инопланетников задуматься. Она не похожа на тех роботов, которых я видел, но тем не менее это робот. Допустим, что мы вытащим его на открытое место. Со временем порт пришлет сюда разведчика — и, скорее всего, не одного. Пусть они найдут ее. Это заставит их поразмыслить!

«Действительно,— решил Айяр,— если подкинуть администрации порта такой аргумент, у них будут основания поверить, что между фальшивыми ифтами и настоящими существует некоторая разница».

— Интересно, а фальшивые ифты тоже роботы? — спросила Иллиль.

— Не исключено. Вот только кто их сделал? И где?

Иллиль глубоко вздохнула, глядя на искалеченное тело робота: — Об этом можно и не спрашивать. Дождь не смысл запаха Зла. Это создание тоже пришло из Белого Леса.

— Не понимаю, что все это значит,— возмутился Айяр. В действительности он очень немного знал о ТОМ-ЧТО-ЖДЕТ. Однажды его и Иллиль пленил ходячий скафандр древнего образца, который гнал их через Белый Лес, чтобы заточить в бездонной пропасти. Но такой робот, как этот, мог быть сотворен только высочайшей технологической цивилизацией, с которой Янус нельзя было даже сравнивать.

— Как ты не можешь понять,— сказала Иллиль,— что мы почти ничего не знаем о ТОМ-ЧТО-ЖДЕТ. Может, в Пустоши

не раз садились звездолеты, и ЖДУЩЕЕ смогло воспользоваться взятыми с них вещами.

Не исключено, что все это было именно так, но тратить время на бесполезные разговоры не стоило. Айяр помог Райзеку вытащить робота из воды и уложить лицом вверх на открытом месте. Если предположения Райзека насчет разведчиков справедливы, то робот вскоре должен оказаться в руках портовиков. Ифтам же сейчас нужно переправиться через реку и идти на поиски своих товарищей.

— Будем надеяться, что им удалось перебраться на тот берег,— Райзек поглядел в том направлении, откуда они пришли накануне,— в такую погоду этот мостик долго не продержится. Где мы должны встретиться? На Сторожевом Пути?

— Нет,— твердо ответил Айяр. Это было лишь предчувствие, но он был уверен, что оно оправдается.— На юге.

Иллиль и Райзек не стали спорить. На юге лежало море, и на его песчаных берегах ифты могли чувствовать себя в относительной безопасности. Разведчики из порта, наверное, до сих пор прочесывали Лес в поисках убежавших дьяволов. В этих местах не было ни деревьев, ни кустов, ни каменных осыпей, которые могли бы надежно укрыть их, поэтому приходилось передвигаться почти на виду. Постоянно прислушиваясь, чтобы флайер не смог застать их врасплох, они перешли реку и направились вниз по течению. Внезапно они услышали жужжание и легли, спрятавшись среди прибрежных камней.

— Зависли,— прошептал Райзек.— Наверное, обнаружили нашу леди.

Вспышка почти ослепила их. Прежде чем посадить флайер, люди на нем обработали местность огненным лучом, чтобы удостовериться, что лежащее тело — не приманка в ловушке, и разогнать предполагаемые засады.

— Бежим!

Пока люди из флайера занимались роботом, нужно было уйти от них как можно дальше. Обежав скалу, Айяр выглянул и осмотрелся. На гравии не было следов, но обоняние подсказало ему, что совсем недавно здесь прошли ифты, причем не фальшивые, а те, в чьих жилах текла истинная кровь. По крайней мере один ифт из их отряда сумел перейти на этот берег и сейчас направлялся к морю. Когда они отошли достаточно далеко от флайера, Айяр свистнул. Уши, не привыкшие к голосам ифтов, приняли бы этот свист за пение речной птицы. Айяр продолжал свистеть с разными интервалами, пока не услышал ответную трель. Идя на звук, они забрались в заросли прореженного зимними холодами, но тем не менее густого кустарника. И в самом центре его, в гнезде из жесткой травы и срезанного тростника, они нашли Джервиса и Килмарка.

— Здесь...

Третья фигура в одежде ифта неподвижно лежала в стороне. Айяр направился к ней. Это мог быть только Локатат, но...

Почему его тело отброшено в сторону? Да и само тело какое-то странное. Это было настолько противоестественное зрелище, что Айяр не сразу понял: странность объяснялась тем, что у лежащего ифта отсутствовала половина черепа!

Райзек остановился рядом с Айяром и тоже поглядел вниз.

— Итак, перед нами еще одна машина! — губы его брезгливо искривились, словно он собирался плюнуть на робота.

— Что значит еще одна?! Вы тоже нашли такую же вещь? — удивился Джервис.

— Да, женщину-подделку под поселенку. Она должна была заставить хозяев участка открыть ворота, но ее прикончили собаки. Впрочем, вы же все это видели.

— Видели. Что вы с ней сделали?

Райзек улыбнулся:

— Мы оставили ее там же, где нашли, чтобы дать инопланетникам пищу для размышлений,— он встал на колени, чтобы рассмотреть робота поближе.— Да, встретишь такого и будешь абсолютно уверен, что перед тобой ифт. Пока не увидишь вот это,— он указал на проломленный череп и массу перепутанных проволочек внутри.

— Он пахнет Злом,— добавила Иллиль.— Твой нюх тут же предупредит тебя об этом.

— Но у инопланетников не такое тонкое обоняние,— напомнил ей Джервис,— и любой человек примет фальшивого ифта за настоящего. Это действительно умно, чертовски умно. Таким вот образом ТО-ЧТО-ЖДЕТ воздвигло стену между нами и инопланетниками.

Райзек кивнул: — Айяр советует нам войти с ними в контакт через коммуникатор.

— Через ком? — Килмарк резко повернулся и уставился в глаза младшему из ифтов.— А где же мы его найдем?

— В порту,— ответил Айяр.— Нам ведь достаточно переносной рации,— и он повернулся к Джервису.— Ты же был перворазведчиком, знаешь все официальные коды. Допустим, передачу будешь вести ты. Они услышат тебя?

— Должны. Эх, если бы у нас был ком! Но как взять его в порту...— Джервис замолчал, лицо его стало задумчивым.

— А где Локатат, с ним ничего не случилось? — спросила Иллиль.

— Нет,— Килмарк покачал головой.— Он пошел к скалам на берегу моря. Там необходимо поставить маяк, чтобы предупредить собратьев.

— Возможно, они приедут не скоро,— добавил Джервис,— но ведь мы так и не знаем, *насколько* рано нас разбудили, а терять этот шанс не стоит.

Джервис расчистил небольшой участок земли и разложил на нем несколько камешков.

— Это порт. Все верно, Килмарк?

Бывший врач космопорта глянул через плечо:

— Я видел его так давно...

— Но Иллиль была там всего лишь несколько сезонов назад,— вмешался Айяр.— Она обращалась туда за медицинской помощью, когда умирала ее мать. Так ведь, Иллиль?

— Да,— она опустилась на землю напротив Джервиса.— Вот здесь,— сказала она, указывая на разложенные камешки,— садятся корабли, но их никогда не бывает много. Раз в десять лет приходит правительственный крейсер. В сезон сбора урожая прилетают корабли торговцев.

— Не забудьте,— предупредил Райзек,— что они могут запросить помощь у Галактических властей.

— Не станем паниковать — будем надеяться на удачу,— ответил Джервис.— Итак, все корабли планеты находятся в западной части порта. Что еще?

— Здесь,— она положила камень побольше,— дома для торговцев и правительственных чиновников. Дальше идет госпиталь, за ним казарма полиции, еще дальше — квартиры рабочих. Здесь вот — склады для хранения латтамусовой коры. Вот и все. Ах да! Здесь здание для рабочих машин.

— Это значительно дальше к северу. К тому же оно теперь должно быть пустым,— заметил Айяр.

— Север,— Джервис внимательно изучал план.— Они обстреливали Ифткан отсюда,— он указал рукой на восток.— А их патруль идет вдоль реки. На северо-западе находится Пустошь и силы ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Да, похоже, мы появились как раз вовремя.

— Жителей всех участков, вероятно, уже предупредили об опасности,— сказала Иллиль.— Возможно, порт даже предложил убежище тем поселенцам, которые рискнут туда прийти.

— А почему они могут отказаться? — спросил Айяр.

— Трудно сказать. Вообще-то их вера запрещает подобное. Но если дойдет до крайностей...— она помедлила.— Участок Хаммера находится вот здесь.— Девушка указала на северо-восток от их укрытия.

Все ждали, что она скажет дальше.

— Участок Хаммера мне знаком. И я знаю животных оттуда. У Хаммера есть два фэза, их в свое время выдрессировали для верховой езды. Они придут на мой зов, и верхом мы быстро...

— Слишком маленький шанс,— отверг предложение Джервис.— По тревоге поднимутся все участки. А у них собаки.

— Да, но каким образом участок, подвергшийся нападению, смог вызвать флайер? — внезапно спросил Айяр.

— Может, в связи с опасностью, уже и на участках есть комы? — подхватил Райзек.

— Но тогда...— начал было Айяр.

— Нет,— оборвал его Килмарк.— Пытаться захватить участок, не зная наверняка, есть ли там ком,— все равно, что невооруженным лезть в паутину келрока, надеясь на его хорошее расположение духа.

— Флайер-разведчик... А что если выставить этого,— Рай-

зек кивнул на робота,— на открытое место. Пускай его найдут.

— Нет уж! Они сначала выжгут все вокруг и только потом сядут, и у каждого в руках будет по бластеру,— возразил Килмарк.

— Но ведь можно обезопаситься от нападения,— вмешалась Иллиль.

— Каким же образом...— начал Айяр, но Иллиль перебила его: — Соленая кора!

И она открыла им древнее лесное знание. Кору снимали с маленького красно-коричневого деревца, которое даже летом из-за своих крошечных листьев казалось по-осеннему голым. Толченую кору сыпали в огонь и получали дым, который усыплял тело и разум. С его помощью удавалось покончить с келроком, когда это чудище забивалось в свою нору. Айяр понял ее мысль:

— Найдем открытое место, поросшее кустарником. Перед тем как сесть, они подожгут его лучеметом. В кустарнике мы заранее рассыпем порошок соленой коры. Если повезет, то в наших руках окажется коммуникатор флайера или ручная рация кого-нибудь из команды.

— А как мы сами сможем подобраться к ним сквозь дым соленой коры? — сухо спросил Райзек.

— Нужно выбрать место поближе к воде,— сказал Килмарк.— Дым не будет держаться долго. Да и вряд ли мы найдем много соленой коры.

Джервис рассмеялся:

— План, конечно, выстроен на славу, но...

— Вы забыли кое-что немаловажное. Или вы теперь больше люди, чем ифты?! — нахмурилась Иллиль.— Люди слишком зависят от того, что видят их глаза и слышат их уши. Они забывают, что есть и другие силы. Я позабыла многое из того, что знала, но когда я была Сеятельницей Семян, я знала, что из сил, которые коренятся в чувствах и перерастают видимое и осязаемое, может вырасти необычная поросль. Этим даром ифты пользовались в те времена; и им мы должны воспользоваться теперь, когда нам грозит опасность!

Благоговейный страх, охвативший душу Айяра над поверхностью Зеркала Танта в тот момент, когда эта слабая девушка вызвала таинственные силы, превосходящие все, что можно увидеть и понять смертным,— этот страх снова проник в его существо. Уверенность Иллиль постепенно передалась всем. Поиски соленой коры увели их далеко от скал. Однако ифты старались не приближаться к окраинам Пустоши. Они знали: в этом саду зла подобные деревья не могут расти. Килмарк был прав: сбор оказался более чем скудным. Айяр вернулся с двумя горстями. Иллиль оказалась предусмотрительнее. Она завязала полу своего плаща так, что получилось что-то вроде мешка. Девушка сумела наполнить его на четверть. Джервис направился вверх по реке выискивать подходящее для засады место. Остальные складывали по крохам собранную

— Но Иллиль была там всего лишь несколько сезонов назад,— вмешался Айяр.— Она обращалась туда за медицинской помощью, когда умирала ее мать. Так ведь, Иллиль?

— Да,— она опустилась на землю напротив Джервиса.— Вот здесь,— сказала она, указывая на разложенные камешки,— садятся корабли, но их никогда не бывает много. Раз в десять лет приходит правительственный крейсер. В сезон сбора урожая прилетают корабли торговцев.

— Не забудьте,— предупредил Райзек,— что они могут запросить помощь у Галактических властей.

— Не станем паниковать — будем надеяться на удачу,— ответил Джервис.— Итак, все корабли планеты находятся в западной части порта. Что еще?

— Здесь,— она положила камень побольше,— дома для торговцев и правительственных чиновников. Дальше идет госпиталь, за ним казарма полиции, еще дальше — квартиры рабочих. Здесь вот — склады для хранения латтамусовой коры. Вот и все. Ах да! Здесь здание для рабочих машин.

— Это значительно дальше к северу. К тому же оно теперь должно быть пустым,— заметил Айяр.

— Север,— Джервис внимательно изучал план.— Они обстреливали Ифткан отсюда,— он указал рукой на восток.— А их патруль идет вдоль реки. На северо-западе находится Пустошь и силы ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Да, похоже, мы появились как раз вовремя.

— Жителей всех участков, вероятно, уже предупредили об опасности,— сказала Иллиль.— Возможно, порт даже предложил убежище тем поселенцам, которые рискнут туда прийти.

— А почему они могут отказаться? — спросил Айяр.

— Трудно сказать. Вообще-то их вера запрещает подобное. Но если дойдет до крайностей...— она помедлила.— Участок Хаммера находится вот здесь.— Девушка указала на северо-восток от их укрытия.

Все ждали, что она скажет дальше.

— Участок Хаммера мне знаком. И я знаю животных оттуда. У Хаммера есть два фэза, их в свое время выдрессировали для верховой езды. Они придут на мой зов, и верхом мы быстро...

— Слишком маленький шанс,— отверг предложение Джервис.— По тревоге поднимутся все участки. А у них собаки.

— Да, но каким образом участок, подвергшийся нападению, смог вызвать флайер? — внезапно спросил Айяр.

— Может, в связи с опасностью, уже и на участках есть комы? — подхватил Райзек.

— Но тогда...— начал было Айяр.

— Нет,— оборвал его Килмарк.— Пытаться захватить участок, не зная наверняка, есть ли там ком,— все равно, что невооруженным лезть в паутину келрока, надеясь на его хорошее расположение духа.

— Флайер-разведчик... А что если выставить этого,— Рай-

зек кивнул на робота,— на открытое место. Пускай его найдут.

— Нет уж! Они сначала выжгут все вокруг и только потом сядут, и у каждого в руках будет по бластеру,— возразил Килмарк.

— Но ведь можно обезопаситься от нападения,— вмешалась Иллиль.

— Каким же образом...— начал Айяр, но Иллиль перебила его: — Соленая кора!

И она открыла им древнее лесное знание. Кору снимали с маленького красно-коричневого деревца, которое даже летом из-за своих крошечных листьев казалось по-осеннему голым. Толченую кору сыпали в огонь и получали дым, который усыплял тело и разум. С его помощью удавалось покончить с келроком, когда это чудище забивалось в свою нору. Айяр понял ее мысль:

— Найдем открытое место, поросшее кустарником. Перед тем как сесть, они подожгут его лучеметом. В кустарнике мы заранее рассыпем порошок соленой коры. Если повезет, то в наших руках окажется коммуникатор флайера или ручная рация кого-нибудь из команды.

— А как мы сами сможем подобраться к ним сквозь дым соленой коры? — сухо спросил Райзек.

— Нужно выбрать место поближе к воде,— сказал Килмарк.— Дым не будет держаться долго. Да и вряд ли мы найдем много соленой коры.

Джервис рассмеялся:

— План, конечно, выстроен на славу, но...

— Вы забыли кое-что немаловажное. Или вы теперь больше люди, чем ифты?! — нахмурилась Иллиль.— Люди слишком зависят от того, что видят их глаза и слышат их уши. Они забывают, что есть и другие силы. Я позабыла многое из того, что знала, но когда я была Сеятельницей Семян, я знала, что из сил, которые коренятся в чувствах и перерастают видимое и осязаемое, может вырасти необычная поросль. Этим даром ифты пользовались в те времена; и им мы должны воспользоваться теперь, когда нам грозит опасность!

Благоговейный страх, охвативший душу Айяра над поверхностью Зеркала Танта в тот момент, когда эта слабая девушка вызвала таинственные силы, превосходящие все, что можно увидеть и понять смертным,— этот страх снова проник в его существо. Уверенность Иллиль постепенно передалась всем. Поиски соленой коры увели их далеко от скал. Однако ифты старались не приближаться к окраинам Пустоши. Они знали: в этом саду зла подобные деревья не могут расти. Килмарк был прав: сбор оказался более чем скудным. Айяр вернулся с двумя горстями. Иллиль оказалась предусмотрительнее. Она завязала полу своего плаща так, что получилось что-то вроде мешка. Девушка сумела наполнить его на четверть. Джервис направился вверх по реке выискивать подходящее для засады место. Остальные складывали по крохам собранную

кору в общую кучу, сразу же укрывая ее плащами от моросящего дождя. Потом Иллиль провела руками над кучей, тихо напевая. Айяр даже не пытался разобрать слова. Он знал, что это священная песнь прорастания, и петь ее может не каждый. Райзек разделил между ними припасы, взятые еще из кладовых Ифтсайги,— в основном лепешки из орехов и мяса. Сок жизни, пробудивший их ото сна, долгое время поддерживал в ифтах силы. Но настало время вернуться к обычной пище.

— С наступлением ночи наши шансы на успех уменьшаются,— сказал Килмарк.

— Будет долгий вечер,— откликнулась Иллиль, стряхивая с пальцев крошки соленой коры.

«Да,— подумал Айяр,— вечер будет долгим. Но время тянется не ко благу человека, ифта или даже ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Однажды ОНО затаилось в Пустоши — и ифты отправились в спячку, поверив в его поражение. Но было ли это поражением? Похоже, то была лишь небольшая стычка в грандиозном поединке сил, когда Зеркало вышло из своих берегов. А силы ЖДУЩЕГО явно превосходят все, что ифты могут себе представить. Так что главное сражение еще впереди. Знание, создавшее фальшивых ифтов, не могло родиться на Янусе. Оно скорее напоминало инопланетные технологии. Если в Пустоши садились звездолеты, их грузы давно перешли во владение ЖДУЩЕГО. С такого корабля могла прийти и женщина-робот — но не фальшивые ифты. Они-то здешние, с Януса. Значит, эти роботы созданы здесь — и для определенной цели: поставить всех ифтов вне закона, подвергнуть их род преследованиям и уничтожению. Может ли быть, что это — порождение инопланетного влияния, а вовсе не цель ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ? Но нет, они были знакомы с древним зловонием, висевшим сейчас над мнимыми ифтами. В покалеченной памяти перерожденных ифтов не было знаний о природе ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Если его сила не сродни поднявшейся из вод Зеркала, значит — она совершенно другого рода». Айяр внимательно посмотрел на Пустошь. Там не чувствовалось никаких признаков жизни, если не считать начинавшейся атаки сил ЖДУЩЕГО. Ифты шли вдоль реки по живой земле. ЕГО слуг не было видно, но неподалеку находились Белый Лес и бездонная стеклянная пропасть, и где-то дальше таилось истинное логово ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Раздался свист. Этим знаком Джервис предупреждал о своем появлении.

— Есть подходящее место неподалеку отсюда, но нам надо подождать до утра. Флайер все еще продолжает патрулирование.

— Что ж,— хмыкнул Райзек,— подождем.

Странно было опрокинуть природный порядок вещей: проспать холодное раннее утро и с нетерпением ждать палящего солнца. Пришлось снова переходить к человеческому времени, раз уж они твердо решили достичь своей цели. Дежурство Айяра было последним в эту ночь. Он наблюдал за западом,

но там царило безмолвие. В Лесу, среди существ, которых Айяр понимал, с которыми он чувствовал родство, было бы легче. А тут — ничего, кроме явственного ощущения собирающейся грозы, но грозы совершенно другого рода, без порывов ветра и рваных туч. Они должны быть готовы к моменту, когда она разразится, и настанет время выполнить все, что им предназначено. От этой грозы нельзя было ни укрыться, ни спрятаться.

В воде — Айяр глядел на нее с неприязнью — плавал лед. Дождь кончился, небо становилось все яснее, и пока заря еще не слепила глаз, они начали готовить ловушку. Робота распластали на камне, стянув с него защитный плащ, чтобы приманку было отчетливей видно. Затем обложили сухим кустарником, добавив соленой коры — побольше с северной, подветренной стороны. Джервис поправил голову робота, слегка передвинул левую руку и отошел. Ловушка была готова. Конечно, она вышла так себе, но ничего лучшего они придумать не смогли. Бросили жребий, и Айяр, в одежде и при мече, лег у самого края воды, ожидая появления флайера. Он сунул руку в воду, ощутив неприятный холод, зачерпнул ее ладонью и, разбрызгивая капли, поднял руку вверх. Древние заклинания помнила не только Иллиль. Ведь и Айяр когда-то лил наземь жидкость из замысловато расписанной чаши и говорил то, что сейчас тихо бормотал Нейл-Айяр:

— Воду я выплеснул с силой,
И в песок просочилась она.
Врагов моих черную кровь пусть
Впитает так же война!

Тому Айяру заклинание не помогло, вряд ли и теперь оно подействует на инопланетников, поселенцев или ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Но Ифту, как и человеку, в эту минуту захотелось уцепиться за веру в нечто его превосходящее. Удар дождя словно распахнул дверцу другому времени года. День ожидался ясный, воздух пах весной. Что-то зашевелилось в клочках тусклой уже памяти, и кровь — как сок, весело бегущий по стволам Великих Башен, по всем лесным растениям,— застучала в жилах, едва он вспомнил весну в Ифткане. Время сажать, а не умирать. Впрочем, некогда смерть поразила Айяра и ныне снова маячила перед ним. Но у него в руках меч! Только так ифт встречает врага! Он услышал жужжание. Давиз? Рановато для насекомых, хотя... Айяр замер: кровосос не трогает неподвижных. И вдруг он уловил звук иной, более настойчивый. Флайер! Джервис мог и не свистеть, Айяр уже укрылся в воде между скалами и поверженным грозой деревом. Звук приближался. Лишь бы они увидели робота... Пора! Айяр нырнул, пламя луча с шипением хлестнуло из флайера. Только бы ветер отнес соленый дым в сторону! Флайер приземлился. Айяр обогнул скалу, присел в тени. Боль пронизала плечо, он чуть не вскрикнул, было досадно: совсем забыл о давизе. И тут же устыдился,

что ему не хватило выдержки: с флайера могли заметить его возню.

— Эй... Прикрой меня!

Как странно звучали слова на бейзике — словно иностранный язык. Айяр втиснулся между скалами. Вверху вился дым. Пилотов было двое: один оставался в кабине, другой со странным простодушием шагнул к роботу, тронул его сгорбленное плечо. Вдруг закашлялся, замотал головой, отгоняя дым. С сердитым бормотанием потянул мнимого ифта, сунул бластер в кобуру, обеими руками рванул, пытаясь высвободить ноги приманки, которые Джервис с Килмарком старательно заклинили между камней.

— Еще один робот, — выкрикнул он.— Крепко, черт, застрял...

Пилот повернулся к флайеру, но сделав несколько шагов, грузно сел на землю.

— Рейшен! — окликнули его из флайера. Он пополз было на зов, но упал, уткнувшись в землю лицом, и затих.

— Рейшен!

Айяр увидел, как вздрогнула рука с бластером. Хватит ли дыма на второго, в кабине? Скорчившись, инопланетник вылез из флайера, огляделся и с подозрением посмотрел на кустарник, окутанный дымом. Схватив приятеля за куртку, он попробовал втащить его внутрь машины, но Рейшен был тяжел, к тому же второй не хотел выпускать из руки бластер. Он с отчаяньем тянул на себя поникшего товарища. Ветер переменился, и дым пошел на него. Человек забился в кашле, бросился к двери и свалился у входа. Айяр тоненько свистнул. Как долго будет действовать наркотик, можно было только гадать. Закрыв нос и рот мокрым рукавом, он побежал к флайеру. Чувствовался лишь запах тлеющего кустарника — похоже, кора уже прогорела. Преодолевая омерзение к машине, Айяр принудил себя забраться внутрь. Ком он обнаружил быстро, тот был встроен в панель управления. Если бы Джервис мог превозмочь отвращение к флайеру, стоило бы воспользоваться передатчиком хотя бы для одного сообщения. Впрочем, у людей могли быть и переносные рации. Тело дрожало, как в лихорадке, и оттого он ощущал себя куда хуже, нежели от укуса давиза. Айяр взял себя в руки. Дрожащими пальцами он нащупал на запястье пилота, лежавшего около входа, передатчик. Застежка не хотела поддаваться, но он сумел-таки ее расстегнуть и взять диск вызова. Айяр едва мог вытерпеть прикосновение к ладони этого крошечного металлического кружка и еще теплого от человеческой руки браслета. Казалось, он сжимает невообразимую мерзость.

Ифт бросился к берегу, огибая еще окутанные редеющим дымом кусты. Рацию он уронил на камень и, почуяв рвотные спазмы, отскочил в сторону. В дрожи, в холодном поту он вернулся, увидев лишь Джервиса и Иллиль. Джервис, в крапинках пота на лысине, изучал передатчик.

— А где же?.. — прохрипел Айяр.

Иллиль мотнула головой: — Отправляют этих обратно, в порт. Райзек включил на панели программу возврата. Пусть летят и прихватят с собой ложного ифта.

— Зачем?..

— Джервис говорит, они вернутся невредимыми, и это докажет, что мы не строим козней. Тогда в космопорте скорее поверят и нашему сообщению, если, разумеется, получат его.

Флайер взмыл вверх, направляясь к порту, а Райзек и Килмарк, пошатываясь, подошли к ним. Райзек рухнул наземь, закрыв глаза. Он хрипло дышал. Влезть в кабину и наладить возврат — это требовало непомерной силы воли, которой от него трудно было и ожидать. И почему перерождение затронуло их чувства, принесло столь непереносимое отвращение к тем, кто некогда был с ними одной плоти, одной крови? Джервис полагал, что такова мера безопасности, которую предусмотрели мастера-биологи, создатели перерожденных ифтов. Новую расу надо было держать на расстоянии от прочих существ, пока она не разрастется в достаточной степени. Но мастера-биологи не могли предвидеть нынешних трудностей. И как ифтам входить в контакт с теми, кто одним лишь своим видом вызывает чисто физическую гадливость? Вероятно, общаться придется только через передатчик.

— Ты думаешь, это удастся? — спросила Иллиль.

— Не знаю... Мы можем лишь попытаться,— Джервис выглядел усталым, совершенно опустошенным. У камня он оставался ценой невероятного усилия. Крышка прибора была снята, но Джервис, вместо того чтоб сказать самое необходимое в крошечный микрофон, выстукивал двумя палочками над самой рацией какой-то диковинный ритмический рисунок. Иногда он прерывался, что-то мучительно вспоминал, глядя вверх, затем снова стучал, то неуверенно, то весьма настойчиво. В одну из пауз его прервал тонкий, но требовательный, с металлическими нотками голос из кома: — Уокерс! Что ты там вытворяешь?

Джервис повторил сообщение, чуть помедленней.

— Да в чем же дело, Уокерс! Во имя седьмой змеи!

Наступило глухое молчание, лишь Джервис выщелкивал код, который некогда знал лучше собственного имени: Пит Сейшенс... И как давно это было! Перворазведчик Пит Сейшенс еще не был ифтом Джервисом.

— Они должны все это записать,— предположил Килмарк,— и расшифровать...

— Если сумеют,— добавил, едва шевеля губами, Райзек.

Ритм стал медленнее. Казалось, чем больше Джервис напрягает память, тем труднее ему вспоминать. Наконец он повернулся, усталый и угрюмый.

— Я сделал что мог. Попытаюсь еще разок. Пожалуй, вышло не так уж скверно.

Он опять взялся за палочки, но из кома вылетел все тот же металлический голос:

— Эй, кем бы вы ни были — мы засекли вас!

Райзек глянул вверх, словно флайер-разведчик уже спускался к ним

— Зачем они предупреждают? — не понял Айяр.

— Быть может, потому, что Джервис не совсем плохо сделал свое дело? — ответила Иллиль.— Быть может, они поняли код. Ну что, будем ждать встречи?

Джервис помотал головой.

— Нет... не стоит. Пока не разузнаем побольше. Но...— намочив палочку и окунув ее в пепел уже совсем зачахшего костра, он начал писать на камне около рации какие-то знаки, в которых был некий скрытый смысл. Джервис думал о том, что их расшифровка потребует от людей немало труда и времени.

Они направились к югу. У Айяра выветрилась вся сила, дарованная соком Ифтсайги. Иногда кружилась голова, и ему казалось, что долго держать темп, который задал Килмарк, он не сможет. Впереди должно быть море, хотя Пустоши справа все еще не было видно конца. Неужели там что-то шевелилось, уж не мерещилось ли это им? В маленькой рощице ифты решили передохнуть. Айяр лег на прошлогодние сухие листья и вдыхал лесную свежесть, не решаясь закрыть глаза. Сон был так близок, веки наливались тяжестью, тело обмякло...

— Они придут проверить? — спросила Иллиль.

— Не знаю,— мрачно проговорил Джервис.— Нет никаких сомнений, что нас заметили. Быть может, они поверили коду, ведь иначе напали бы без предупреждения. Скоро флайер вернется со здоровым экипажем и роботом. Они должны воспринять это, как доказательство нашей благожелательности. И потом они прочтут мои письмена около кома. Символы, известные разведчикам, и за столетия не могут сильно перемениться. К тому же они могут запросить другую планету о некоем Пите Сейшенсе.

— Но это же займет уйму времени! — возразила Иллиль.

— Да. И этого времени у нас может и не быть. Но какой выход ты предлагаешь?

Иллиль молчала. Айяр заметил, что иногда она косится в сторону Пустоши. Неужели и у нее было ощущение, что за ними кто-то следит? Когда они достигли края песчаной дюны, их догнал Локатат. Щека его кровоточила, словно расцарапанная сильным ударом ветки. Он тяжело дышал.

— Они собираются!

— Кто? Инопланетники?

— Нет. Те, оттуда...— Локатат махнул рукой в сторону Пустоши.— Вайты идут, с ложным ифтом, который спешит к реке!

— И много их?

— Не знаю. Мечутся туда-сюда... Кажется, сама земля шевелится, чтобы все запутать.

— Это весьма вероятно,— согласилась Иллиль.— У ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ много сил, и порой самых странных. Вот только почему они идут днем?..

— Да потому, что время — это наш враг,— перебил Райзек.— Ты можешь предложить более вероятную причину? ЖДУ-

ЩЕЕ знает: мы где-то здесь, раз мы не отправились в море, вслед за братьями,— и теперь идет в наступление. Братья вернутся — попадут в самую кашу событий, и не успеют они узнать, откуда на Лес свалилось столько недругов, как их сожгут.

— А что, если люди из порта наткнутся на фальшивого ифта, который их поджидает у рации, и попадут в западню? — по старой привычке Айяр рассуждал вслух.

— Да,— Джервис признал его правоту.— Нам необходимо разузнать, зачем движется эта орда и намеревается ли она оставить Пустошь. Если бы мы могли вспомнить отчетливей! Мне казалось, что слуги ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ не могут пересечь границу Пустоши... А фальшивые ифты перебрались через реку.

— Ты забыл о ларшах. По воле ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ они нарушили Клятву,— заметила Иллиль.— К тому же хозяин редко напоминает слуге свой приказ.

— Я помню довольно отчетливо, как Айяр убил вайта у подножия Великой Башни,— сообщил Айяр.— Но в те древние времена ничего подобного не могло случиться и на подступах к Ифткану. Если люди придут к рации, и окажется, что мы поставили им ловушку... Вот вам и доказательство!

Джервис встал:

— Это не должно оказаться ловушкой! Если мы упустим шанс сказать правду, нас развеет, как ветер разносит сухие листья. Нужно разделиться! Иллиль, тебе более всего следует опасаться внимания ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Если ЖДУЩЕЕ захватит тебя, мы лишимся даже изувеченной памяти Сеятельницы. Иди назад, к берегу моря.

— Но и ты, Джервис,— она тоже поднялась,— должен быть осторожным по той же самой причине. Раньше ты знал все о Словах и Даре, а теперь помнишь об этом меньше меня. А если ТО-ЧТО-ЖДЕТ способно пробудить в тебе память больше, чем ты желаешь? Так что не лезь в сети.

Он усмехнулся.

— Чтобы убедить людей порта, нужна моя память, те сведения, которые сидят у меня в голове. У меня нет выбора. Я должен идти им навстречу и сделать все, что в моих силах. Итак,— он повернулся к остальным,— Райзек со мной, Килмарк с Иллиль — к морю...— он посмотрел на Айяра и Локатата.— Вы — на разведку, один на север, другой вдоль реки. Сами решайте, кто куда.

— А запад? — спросил Локатат.

— Пока оставим. Выслеживать врага на его же территории... На такой риск сейчас идти нельзя. Важней узнать о силах порта и поселенцев.

Они распаковали заплечные мешки, оставив плащи при себе, нагрузили припасами Иллиль и Килмарка, отправив их на юг. Остальные подались в противоположную сторону. Локатат поднял голову и принюхался.

— Чувствуешь?

— Да, попахивает фальшивым ифтом... и этими,— заметил Айяр.

— Если ты не против, я пойду через реку,— сказал Локатат.— Я знаю эту местность.

Снова путь Айяра лежал на север. Сначала — с Джервисом и Райзеком, после идти придется одному, и, возможно, до самых руин Ифткана. Солнце поднялось уже высоко, глаз не спасали даже очки из листьев. Но кроме птиц, животных и обитателей водоемов, ничего движущегося он не видел. По реке все плыли обгоревшие стволы, распространяя в воздухе запах смерти: губители Леса продолжали свое дело. И как можно было переубедить людей из порта, сломить эту ненависть, заставить их изменить свое решение уничтожить Лес?

— Флайер! Северо-восток...— крикнул Райзек. Они бросились на землю.

Послышалось знакомое жужжание. В ярком небе появилась машина.

— Опоздали! — застонал Джервис.— Мы не успеем туда добраться, как они уже будут там!

— Опоздали,— согласился Айяр,— и не только здесь.

Из Пустоши донесся жуткий лай, от которого кровь застыла в жилах. Рука сама собой потянулась за мечом.

— Вайты охотятся!

И он вспомнил, как однажды уже встречался с ними, как они хотели загнать его с Иллиль на мертвую территорию Врага. Вайты, собаки ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, не имели, как собаки поселенцев, собственной плоти. Их трудно убить, они нападают стаей. Он закричал:

— Приближаются!

— Ищут... смотрите! — заорал рядом Райзек.

Летящая машина была больше обычного разведывательного флайера и двигалась быстрее. И вдруг из центра Пустоши ударил луч, словно раскалив ее докрасна. Ифты рухнули на камни, закрыв глаза руками. Едкие слезы брызнули из-под судорожно сжатых век. Мир стал кровавым.

— По... погиб? — слабый голос Райзека просочился сквозь красный мир и достиг ушей Айяра. Тот поневоле открыл глаза. Перед ним все плыло: камни, кусты...

Флайера слышно не было. Айяр подался в сторону, и его плечо стиснула крепкая рука.

— Еще летит... садится...

Айяр заморгал и снова посмотрел. Джервис оказался точен. Флайер спускался как обычно, но без привычного жужжания. Визг вайтов уже резал уши. Айяр вскочил и побежал к флайеру. За ним бросились остальные. Зачем он понесся туда, он и сам не знал. Он лишь чувствовал, что должен это сделать. Айяр выскочил на поляну в ту самую минуту, когда флайер уже коснулся земли, и даже не подумал, что может наскочить на огненный удар бластера. Он остановился, лишь когда к нему вернулся разум. Дверь машины все не открывалась.

— Погибли! — вскричал Райзек.

— Все может быть,— ответил Джервис. Он двинулся к

флайеру тяжелым, скованным шагом: тело едва подчинялось рассудку. И когда ифт оказался у самого носа машины, дверца отворилась. Из нее вывалился человек в мундире офицера службы безопасности порта со звездой на плече. С высоты в несколько футов он рухнул на землю, снова подполз к флайеру и замер, глядя перед собой, как слепой.

Второй человек, много старше и в гражданской одежде, появился следом за ним. Он был такой же беспомощный и полз лицом вниз, поэтому третий — пилот — споткнулся об него.

— Все в шоке,— определил Райзек.

Лай вайтов, отчетливый, громкий, был совсем недалеко. Охотники с флайера могли стать добычей охотников Пустоши.

— Хватайте! Их надо унести! — Джервис уцепился за пилота.

Коснуться людей! Нести их! Каждая клеточка тела Айяра вопила: невозможно! невыносимо! Но он понимал: это необходимо. Нельзя оставить их на растерзание. Задыхаясь, он взял старшего за руку и потянул. Инопланетник, к общему изумлению, встал, будто давно нуждался в поводыре. Он позволил ифту повести себя к скалам, где был — хоть маленький, почти ничтожный — шанс спастись. И так же легко пошли за ифтами остальные. Они смотрели перед собой пустым взглядом, словно превратились в роботов. Спрятав инопланетников в скалах, ифты стали впереди, обнажив мечи.

Временное прикрытие оказалось удачным: сзади защищали скалы, а с любой другой стороны подобраться, миновав вооруженных ифтов, было невозможно. Проход был узок, одновременно напасть могли только два вайта. Но если за ними следуют иные слуги ЖДУЩЕГО... Вдруг настоящим ифтам придется встретиться с фальшивыми? Айяр чутко вслушивался в каждый малейший звук, словно превратился в огромное ухо. Как долго молчат вайты! Почему Враг наступает молча? И вдруг он увидел: нечто белое и тонкое, на худых костлявых ногах, с узкой головой вертится у флайера. Вайт обошел вокруг машины, обнюхал дверь, сунув морду внутрь, понюхал землю, где недавно ползали инопланетники, повернул голову и увидел ифтов. Он открыл пасть, высунув бледный глистообразный язык, откинул голову. Визг его пронзил уши, терзая мозг... Когда Айяр открыл глаза, бледный костлявый пес уже несся в их сторону. Райзек, превозмогая отвращение, шарил рукой по поясу инопланетника. Он судорожно сжал рукоять бластера, вытянул его из кобуры. С неимоверным усилием, будто легкое оружие вдруг стало невыносимо тяжелым, он упер барабан в скалу, прицелился и выстрелил. Вайт не издал ни звука. Да его уже и не существовало, разглядеть можно было лишь странное подобие узловатых корней сгнившего уже дерева. Райзек убил разведчика стаи, и Айяр напряженно ждал ответа.

— Бежим вдоль берегу, к югу...— вдруг приказал Джервис.

Покинуть убежище, пусть и не слишком надежное, и выйти на открытую местность? Айяр чувствовал досаду. Хотя, быть

может, сидеть и ждать неведомо чего тоже не слишком умное занятие.

— Пойдем! — сказал Джервис на бейзике и положил податливую ладонь полицейского на свое плечо. Глаза инопланетника повернулись к Джервису. Они стали оживать, в них пробуждалось сознание.

Ифты повели людей по обледеневшим камням вниз, к воде.

— Осторожно! — Айяр метнулся, ненароком свалив с ног своего подопечного. Райзек выстрелил, и вайты — их было трое — скорчились в огне.

— Что... кто это... кто вы? — заговорил гражданский на бейзике, напугав Айяра. Тому казалось уже, что эти трое — нечто полуодушевленное. Но взор инопланетника был ясный и осмысленный. Его рука потянулась к оружию.

— Встань, если можешь,— сказал Джервис.— Они появятся снова.

Райзек вскрикнул: в его предплечье сидела стрела. Он выронил свое оружие, и Айяр, подхватив бластер, пальнул в зеленую фигуру, видневшуюся среди скал. Луч сжег одежду, но фальшивый ифт стоял, словно и не заметив этого. Вторая стрела ударила в камень рядом с Айяром.

— Бей в голову! — крикнул Джервис.

Превозмогая давнюю гадливость, Айяр упер барабан в предплечье, вздрагивая от каждого прикосновения, и ударил в голову лучника. Мнимый ифт забегал нелепыми, хаотическими шажками, он метался до тех пор, пока не очутился на вершине одного из утесов, откуда рухнул вниз, пропав из виду.

— Назад, через поток. Дорога на юг отрезана.

Гражданский подчинился приказу Джервиса, словно и он превратился в ифта. Он достал бластер и, когда в зловещем молчании вайты хлынули на отряд, выстрелил сам. У Айяра дрожали руки, и он, не успевая целиться, лишь разбрасывал лучи по скалам. Атака оборвалась столь же внезапно, как и началась. В скалах стало тихо, даже душевная тревога схлынула. Похоже, враг отступал.

— Кто вы? — инопланетник направил бластер на ифтов.

— Мы из Леса... Ифты,— ответил Джервис.

— Тоже роботы...— пилот выхватил бластер из рук Айяра.

— Нет, роботы с запада,— Джервис махнул рукой.— Вы ведь только что видели их и собак. Мы оставили вам одного робота, чтобы вы поняли правду...

— Так мы и поверили...

— Хэнфорс! — оборвал его полицейский.— Кто давал сигнал...— он повторил ритмический рисунок.

— Два, семь, девять,— добавил Джервис.— Пит Сейшенс, Перворазведчик.

— Где он?

— Он с нами, он посылал этот код,— ответил Джервис.— Мы не роботы, мы никак не связаны со ЖДУЩИМ, которое управляет ими. Роботов напустили, чтобы поссорить вас с нами.

Полицейский опустил оружие и глянул на старшего. Гражданский усмехнулся:

И вы сбили нас, чтобы все это сообщить?

— Вас сбило ТО-ЧТО-ЖДЁТ, чтобы слуги его могли напасть на вас.

— Что это за странное существо: ТО-ЧТО-ЖДЕТ?

— Не так просто ответить... Сила, которая существовала века и всегда была врагом моего народа. Теперь она опять хлынула на нас через вас.

— Как это?

— Вы уничтожаете Лес, корчуете пни...

Хэнфорс брезгливо фыркнул:

— Еще бы! Как иначе найти норы хищников, которые нападают на поселенцев. Ваши норы!

— Ифты никогда не нападали на людей...

— Что ж...— Хэнфорс обернулся к своим.— Возьмем этих дружков с собой и узнаем правду. Я проверю флайер, а вы смотрите за этими... ифтами.

Он сунул оружие в кобуру и направился вверх, к машине.

— Давайте-ка, разоружайтесь,— произнес старший.

Джервис отстегнул плечевой пояс и бросил меч с ножнами на землю.

— Вы дадите мне осмотреть его рану?

— Разумеется. Только для начала разоружите и вашего приятеля.

Райзек держал поврежденную руку другой рукой. Вокруг стрелы расплылось уже большое пятно. Джервис снял с друга меч, бросил его рядом со своим и принялся за рану.

— Эй, приятель! — инопланетник смотрел на Айяра.— Давай-ка и ты свой меч.

Айяр неохотно поднял руки, чтобы снять свое оружие, но со стороны флайера донесся крик. Хэнфорс, бросив кабину, бежал по склону, задыхаясь:

— Управление сдохло!.. Нам не подняться!

— Пошли вызов.

Хэнфорс замотал головой.

— И мотор сдох, и ком...

— Черт... Чини.

— Сколько ни смотрел — никаких повреждений.

— Повреждений нет, а не работает,— мрачно сострил третий.— Значит, мы находимся вне портового луча, и за нами должны прилететь.

— Когда, Стеф? — он хмуро глянул на Джервиса, который обрабатывал рану Райзека.— Тем более, что это место не такое уж здоровое, чтобы долго здесь засиживаться. Двинемся на север. На этой стороне реки расчищают лес, бригада, наверное, уже включила поисковый ком, когда мы шли над ними. К тому же мы при бластерах. Похоже, что оружие противника...— он покосился на мечи, на стрелу, вынутую Джервисом,— не столь эффективно. Да и три заложника, это кое-что значит.

— Эй ты,— Стеф выругался,— брось меч! Надо идти по берегу, здесь не так уж далеко.

Старший посмотрел вверх по течению, потом на останки вайтов. Айяр бросил меч. Ему казалось, он чувствовал все, о чем думал гражданский. Когда они неслись над Лесом, где его соплеменники выполняли свое задание, Пустошь не привлекала его внимание. Им нечего было опасаться. А теперь идти пешком после нападения столь странных врагов оказалось не так легко и просто. Пустошь была велика, и Лес был уже не просто досадной помехой. Человек словно уменьшился ростом, потерял свою силу. Идти по диким местам, охраняя при этом трех диковинных пленников, добавьте к этому постоянную тревогу, что вот-вот попадешь в засаду...

— Здесь не пустая земля,— сказал Джервис, словно тоже уловив мысли старшего.— ТО-ЧТО-ЖДЕТ и все, кто ему служат, всегда в движении.

— А вы на что? — усмехнулся Хэнфорс.— Разве они станут атаковать, когда вы в наших руках?

— Думаешь, не станут? А откуда прилетела стрела? — Нейл в Айяре пытался найти убедительные аргументы.— Это что же, те стреляли по своим?

Старший улыбнулся лишь уголками губ.

— На все эти вопросы есть ответ. Почему бы вас не забросить к нам, чтобы разыграть спасение и завоевать наше доверие?

— Есть ответ,— прервал Стеф.— Если этот парень стрелял в робота, то к чему ему и печалиться? Роботом легко можно пожертвовать для того, чтобы вы поверили этой истории. А то, что клюнули в руку — эка беда! Вы правы, инспектор Бэрш! Джервис пожал плечами.

— Убежденных не переубедишь, у них мозги на замке. Только знайте, ни для кого мы не заложники. Для тех — враги. Вам не удастся прикрыться нами.

— Может, и так. Но мы найдем, куда вас употребить,— сказал Стеф.— Так что — марш!

Хэнфорс собрал мечи, навесив их на себя. Под прицелом бластера Стефа ифты двинулись на север вдоль реки. Иногда ветер приносил запах мертвых сгоревших деревьев. Айяр чуял, что внимание ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ опять направлено на них, хотя не было слышно ни лая, ни какого-нибудь другого звука, никакого заметного движения. Инопланетники двигались настороженно, шаря по сторонам глазами и навострив уши. Джервис шел у самой реки, рядом — Райзек. Айяр — около стражей. Может, стоило попробовать скрыться? Он споткнется, толкнет Стефа... Успеет Джервис нырнуть? И спасет ли вода от ударов бластера? Вряд ли, Хэнфорс всего на шаг отстает от ифтов. Райзек, похоже, был серьезно ранен. Он шатался, натыкался на Джервиса, хотя и не жаловался. Если бы у них был хоть один шанс... Далеко ли они от погибшей части Леса? Вероятно, день хода. Ночью у ифтов преимущество зрения,

но даст ли им путешествовать ТО-ЧТО-ЖДЕТ? Оно следит, а недалеко отсюда лежит дорога к Зеркалу...

— НЕТ! — как резкий приказ прошло сквозь мозг Айяра. Нельзя тянуть врага в собственную крепость. Зеркало помогло им против ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, но вряд ли защитит, если они появятся с инопланетниками. Отвращение к бывшим сородичам словно тысячекратно умножилось. Близился закат. Джервис, который поддерживал раненого, пошел еще медленней, не обращая внимания на понукания инопланетников.

Вдруг Бэрш остановился: — Слышите?

Звук? Нечто неуловимое? Айяр понял, что это, потому что уже встречался с этим. Посланец ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Крылатая тень в воздухе. Она пошла ниже, Бэрш замотал головой, зажав руками уши. Хэнфорс вскрикнул. Айяр подался назад, налетел на пилота, и они упали. Айяр вцепился в него, вопреки обычному чувству отвращения ифтов к людям, но то ли ударился о камень головою, то ли его пилот стукнул... Мрак, непроницаемый даже для глаз ифта, навалился на него. Его давно волочили. Ему было нехорошо. Тяжело, невыносимо. Он крикнул. Или лишь подумал, что кричит? Его продолжали тащить. Он хотел понять, что случилось. Наконец с усилием открыл глаза. Перед ним была спина Бэрша. Сам он находился между пилотом и полицейским. Вокруг плясали безумные тени и отблески света. Он не мог понять, что это. Но от этой пляски кружилась голова. А где Джервис, Райзек? Неужели и впрямь скрылись в воде? Или напоролись на луч бластера? Он вроде еще шагал вдоль берега, но инопланетники словно переменились. Они шли легко и странно. Бэрш уже не осторожничал, шел глядя только вперед, словно видел уже ему одному понятную цель. И тут Айяр вспомнил! Вспомнил, как появилась тень, глаз ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Он узнал это, когда они с Иллиль впервые встретились с ним. Это был удар, ментальный удар по ифтам и людям. Но ифт не поддается господству ЖДУЩЕГО, а инопланетники? Они шли по ЕГО приказу! Они шли без отдыха, четкими, размеренными шагами, как роботы. Айяр не вырывался, он пытался лишь добиться ясности мысли. Визга вайтов не было слышно. Зато громыхало другое, и тоже — чуждое. Этот лязг грузных машин имел особый смысл для шагавших людей. Они остановились, повернувшись лицом к северу, в сторону звука. С верховья реки доносились слабые крики людей. Послышался треск кустов, деревьев, и появилась машина. Что это было? Не корчеватель, не огнемет, уже знакомые Айяру. Казалось, космический корабль рухнул с посадочных стабилизаторов и гигантским червем пополз по земле. Это был большегруз, мощная машина, способная тащить самые тяжелые стволы. Стрела крана, почти вырванная из гнезда, торчала криво, вокруг нее дрожала увядающая зелень. Обрывки растений цеплялись за каждую щель и каждый выступ на машине и трепетали, когда она двигалась вдоль реки разламывая кромку льда. Грохот усилился, когда большегруз

вступил в схватку с рекой. Казалось, мощь течения, сотрясавшая машину, мало что значила по сравнению с необходимостью перебраться на противоположный берег. Преодолевая толчки воды, металлический гигант шел с редким упрямством, двигаясь под углом. Маленькая кабина вверху пустовала, она была разможжена упавшим деревом, и казалось, машина живет своей странной безмозглой жизнью. Показался огнемет. Его нос был обвит такими же обрывками лианы и указывал согнутым пальцем в сторону Пустоши. Большегруз наконец выполз на берег. Инопланетники все еще стояли, уставившись прямо перед собой, и не выказывали ни удивления, ни тревоги, глядя на появившиеся механизмы. Огнемет выбрался на открытую местность, повернулся к Пустоши и, словно задумавшись, пополз на запад. Следом появилась еще одна машина — корчеватель с поднятым колпаком — и повернула туда же. Крики с противоположной стороны, в кильватере грузовика, зазвучали громче. Айяр увидел покачивающиеся факелы. Инопланетники с Айяром потянулись вслед за ними. Они не обернулись, даже когда факелы достигли края воды. Айяр не думал, что поселенцы с их ущербным ночным зрением заметят с такого расстояния четыре фигуры. Они переходили с места на место вдоль берега. Айяр увидел отблески металла. Косы, топоры, длинные ножи — орудия, пригодные для расчистки, могли превратиться в оружие в руках отчаянных людей. Быть может, их заметили, когда инопланетники по колее от грузовика затянули его на высокий берег, во всяком случае, крики усилились. Но вырваться было невозможно. По тропе шли уже и другие, люди с такими же остановившимися глазами. Все они были одеты в форму работников порта. Айяр напрягся, стараясь вырваться, цепляясь ногами за малейшие неровности в колее. Но это было столь же бесполезно, как противоборствовать большегрузу. ЖДУЩЕЕ собирает еще одну послушную армию? Но ведь с реки кричали. Он не знал, победили они приказ или также подчинились воле ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ? Когда с ними поравнялись двое полицейских с бластерами, никто и не посмотрел на новых спутников. Оружие их покоилось в кобуре, а походка была так легка, что могло показаться, будто Айяр оказался в компании бессмертных и непобедимых. Они добрались до оврага, откуда, рыча и отчаянно фыркая, пытался выбраться застрявший грузовик. Хэнфорс и Стеф свернули влево и поволокли Айяра за собой. Другие направились к машине, примыкая к тем, кто хотел вытолкнуть ее из ямы. Мокрые поселенцы — видимо, только что переплывшие реку — молча присоединились ко всей компании. Грузовик стонал, хрипел, плевался, наконец дернулся, выкарабкиваясь из ловушки, оставив за собой упавших, измаявшихся людей. Но те снова поднимались и тупо шли следом.

Стражники шли за Айяром все тем же размеренным механическим шагом. Теперь они оказались в хвосте большой пестрой толпы, направлявшейся в сердце Пустоши. На севере

возвышалась горная гряда, обрамляющая Зеркало. Но теперь оно ничем уже не могло помочь Айяру... Дорога была тяжелой. Машины медленно ползли по мягкой почве, увязая и оставляя за собой глубокие борозды. Это место, очищенное и освобожденное от Зла наводнением, водой, пролившейся из Зеркала, все же оставалось пустыней. Вперед и вперед. Летающее существо парило над людьми и машинами, то исчезая, то возвращаясь снова. Возможно, мнимые ифты и вайты до сих пор бродили по этой гнилой земле, но сейчас их не было видно. Айяр перестал сопротивляться. Он решил беречь силы. Может быть, позже представится удачный случай... Сознание его было сухо и настороженно, оно тщательно фиксировало окружающее. Время близилось к полуночи. Для инопланетников, пожалуй, эта тьма была вовсе непроницаемой, но, видно, цель, их объединявшая, делала их равнодушными к смене дня и ночи. Порой то один, то другой из них соскальзывал в колею, но тут же вставал и продолжал свой путь. Айяр размышлял. Если один или, еще лучше, оба его стража потеряют равновесие, быть может, удастся затянуть их в какую-нибудь заполненную грязью канаву. Он напряженно вглядывался в местность, по которой они шли. Опыт научил его: бесполезно пытаться изменить направление движения стражников. Но не сможет ли он сбить их с толку, отклонившись в сторону хотя бы на шаг? А вот и вторая остановка. Стражники, будто по сигналу, обошли застывшие машины. Теперь в ситуацию, в какой раньше находился грузовик, попал корчеватель. Молчаливая толпа окружила застрявшую машину и пыталась на руках вытащить ее из грязи. Айяр оцепенел: один из толкавших упал под гусеницы, но стоящие рядом словно не заметили его падения и продолжали свое дело. Машина медленно тронулась с места и раздавила упавшего. Тогда люди отошли в сторону, вяло опустив руки. Их лица были пусты, а глаза словно устремлены в какую-то далекую точку. Корчеватель набрал ход и пошел дальше. Грузовик двинулся за ним. Люди тоже пустились в путь. Человек, попавший под корчеватель, не издал ни звука. Если фальшивые ифты — роботы, то в кого превратились те, кто прежде были людьми? Отвращение Айяра к инопланетникам усилилось десятикратно. Так же, как раньше — к ларшам. Память с трудом повиновалась его воле, но Айяр снова и снова пытался пробудить ее. Похоже, Нейл был сейчас сильнее и разумнее Айяра, и пленник смотрел на этих людей и на эти машины глазами Нейла. «Психическая заторможенность!..» — всплыло в памяти. Но что это, по сути, означает? Говорят, есть наркотики, делающие живого человека безмозглым роботом. Но они так ослабляют волю, рефлексы, что новое существо приходится насильно заставлять есть, спать и выполнять другие присущие живому организму действия. Кроме того, эти люди не принимали наркотиков. Во всяком случае те, что вели его сейчас. Левой, правой... Левой, правой... Неожиданно Айяр осознал, что движется в ногу с остальными.

Как по команде... Но ведь это значит, что он становится похожим на них, сливается с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ! «С ларшами,— настаивала другая половина его сознания.— Нет-нет, только не ифты! Их мозг устроен иначе, чем мозг ларшей!..» Нейл... Айяр... Он разрывался между этими двумя, живущими в нем. Нейл готов был влиться в размеренно шагающую толпу пленников. Айяр же чувствовал к ним только отвращение и страх. Стать Нейлом сейчас — это гибель! Надо держаться за сознание Айяра! Да, он — Айяр! Айяр из рода Ки-Кик, бывший Капитан Первого Круга Ифткана! Ифткан... Ифтсайга... Она лечила его, давала кровь, питала своим соком всего несколько дней назад. Он был един с Великими Башнями, с Лесом, но не с теми, кто методично уничтожал жизнь и красоту! Словно пробившись сквозь дымную пелену к чистому воздуху, Айяр усилием воли освободился от сознания Нейла, готового отдать его во власть ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Дальше медлить было нельзя: каждая минута этого безнадежного пути приближала его к капкану, из которого не выбраться. Он намеренно сбил шаг и все внимание сосредоточил на дороге перед собой. За неимением лучшего, он решил воспользоваться для своей цели кустом, что был наполовину выдран из земли колесами прошедшего здесь грузовика. Слева от колеи торчал обломок ветви; он мог бы зацепить человека где-то на уровне колена. Медленно уклоняясь в эту сторону, Айяр стал подталкивать своих стражей. Еще немного — и Хэнфорс «случайно» споткнется о торчащую ветку. Какие пустяки питают надежду! Левее. Еще левее. Похоже, все складывалось удачнее, чем он ожидал. Хэнфорс брел по глубокой колее, оставшейся от тяжелого грузовика. Стеф — по такой же колее справа. Теперь только Айяр шел по ровному грунту, немного возвышаясь между своими конвоирами. Это давало ему преимущество. Он боялся, что они заподозрят неладное и исправят положение, но, к счастью, этого не произошло. Только бы Хэнфорс не заметил опасности и зацепился за куст. Шаг. Еще один. Пора! Сломанная ветка поддела Хэнфорса ниже колена. Удача улыбнулась пленнику: куст прочно сидел в земле. Хэнфорс пошатнулся и упал ничком. Айяр что было силы рванулся назад, выдирая свою руку из захвата Стефа, но молодой пилот держал крепко. Развернувшись, Айяр резко ударил его в лицо. Тот упал. Освободившийся пленник, отскочив на два шага, бросился бежать, каждую секунду ожидая погони... Видимо, удар и падение замедлили их реакцию, так как спустя минуту он понял: за ним не гонятся. Куда же теперь? К реке, на другом берегу которой обосновались поселенцы? На север, к Зеркалу? Или на юг, к морю? На юге, по крайней мере, были его товарищи по несчастью, и, возможно, Джервису и Райзеку тоже удалось бежать. Повернув к югу, Айяр преодолел уже около трети обратного пути, когда неопределенное движение неподалеку заставило его спрятаться в укрытие. Он пытался увидеть или понять по запаху, что ждет его впереди. Быть может, фальши-

вые ифты и вайты патрулируют берег? Однако лая не было слышно.

— Не может быть,— с ужасом прошептал он.

Навстречу шел еще один отряд сил Пустоши: поселенцы с топорами и прочими инструментами, которые можно было использовать как оружие. Они брели той же размеренной тупой походкой, что и предыдущая партия пленников. И среди них были ифты! Фальшивые ифты гонят пленников! Колонна приближалась. Айяр узнал лицо ближайшего стражника: Джервис! Значит, и он поддался страшному влиянию ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ! Быть может, в нем победило сознание Пита Сейшенса, и он не смог не подчиниться воле, покорявшей всех остальных с такой неизбежностью? С другой стороны колонну охранял Локатат. А ведь он должен сейчас быть в разведке на противоположном берегу реки! Прячась за высохшим кустарником, Айяр подобрался поближе к марширующим. Прыжок! Его руки схватили за шею ближайшего к нему ифта, и тот упал. Если Джервис до сих пор находился под влиянием ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, то теперь он пришел в себя. Резко освободившись от захвата Айяра приемом, известным Питу Сейшенсу, но незнакомым Джервису, он свалил Айяра, полностью лишив его возможности двигаться. Лица противников сблизились... В глазах Джервиса вспыхнуло изумление. Он отпустил своего пленника и сел на землю рядом с ним. Быстрым шагом приблизился Локатат. Значит, это были настоящие ифты, не подвластные воле ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Айяр вопросительно взглянул на Джервиса, и тот успокаивающе кивнул.

— ОНО не действует на нас,— проговорил Локатат, и тут же добавил.— Если только не позволять себе помнить о том, что когда-то мы не были ифтами.

Но что все-таки случилось? Почему эти люди внезапно превратились в такие вот, покорные чужой воле полуавтоматы? Идут, словно по приказу; реку переплыли, как будто с единственной целью достичь этого берега. Чего же хочет ЖДУЩЕЕ?..

— Стать во главе армии, как мне кажется,— и Айяр вкратце рассказал о том, что видел.

— Машины? Люди? — удивился Локатат.

— Видимо, тактика ведения войны при помощи лжеифтов оказалась слишком осторожной для НЕГО. Похоже, ОНО решило отказаться от нее и теперь идет в открытую атаку,— Джервис встал и окинул взглядом мерно шагающих поселенцев.— ТО-ЧТО-ЖДЕТ собирает воедино всех своих слуг, все механизмы и орудия, которые могут пригодиться...

— Зачем? Чтобы выкорчевать весь лес, дерево за деревом? — с недоумением спросил Айяр.— Сражаться с нами? На этом берегу моря нас только шестеро. Стоит ли ковать топор, чтобы срезать пучок травы?

— Как зачем?— Джервис посмотрел на север, в сторону Зеркала.— Есть еще одна Сила, еще один противник, куда более серьезный для ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, чем мы. Не так давно

эта Сила нанесла удар, чем и вызвала нынешнюю отчаянную жажду мщения. Нет, эти люди идут не против нас, и даже не против Леса. Некогда ТО-ЧТО-ЖДЕТ послало ларшей уничтожить Ифткан. А теперь собирает силы для того, чтобы расправиться с главным, что ему противостоит — Зеркалом Танта!

Айяр содрогнулся при мысли о подобном кощунстве. В Зеркале жила Сила — или, быть может, фокусировалась им. Но благодаря ей, под ее защитой, прорастало семя, существовали ифты, простирал свои несущие прохладу ветви Ифткан под ветром зеленых сезонов. Целые столетия Сила хранила жизнь на Янусе. И веками по воле ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ жизни угрожали смерть и гниение, наползала Пустошь, неся страх и безнадежность. Теперь, когда ифтов осталось так немного, а ЖДУЩЕЕ стало так могущественно, недалека последняя схватка. И уже одна мысль об этом приводила в отчаяние. Из груди Айяра вырвались забытые слова глубокой древности. У него не было больше меча, но рука гордо поднялась, словно вознося оружие острием к небу:

Почка набухла и лопнула,
Зов разбудил ифта к борьбе!
Даже лист пораженья опавший
Принесут ветви-клинки!

Локатат оглушительно рассмеялся:

— Хорошо сказано, Айяр! Ты прав, лучше умереть в бою, чем подчиниться власти ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ.

— Только еще лучше,— вмешался Джервис,— жить. И знать, что наши мечи еще могут стать на защиту Танта. Сейчас мы идем в бой, словно калеки, лишенные силы и знания наших предшественников, всех тех, кого мы волей судеб заменили в борьбе. Тогда как ЖДУЩЕЕ может использовать всю свою память, всю свою власть. Разумеется, надо постараться сделать все возможное. Отныне нам нельзя разделяться. Райзек ждет на берегу в укрытии. Рана не помешает ему присоединиться к нам. И обязательно нужно взять с собой Иллиль!

— Беру это на себя,— сказал Локатат.— Хотя... Уже светает. Скоро день — время ЖДУЩЕГО. Мы не сможем быстро идти.

— Не стоит рисковать,— кивнул Джервис.— По дорогам рыщут лжеифты и вайты. И не исключено, что ЖДУЩЕЕ поручит наблюдение еще и поселенцам. Вряд ли ОНО потеряет бдительность, несмотря даже на свой перевес в силах. Так что бежать сломя голову опасно.

— А если пробираться по двое?

— Нет. Ни в коем случае нельзя распылять силы. Ты, я и Райзек двинемся к Зеркалу и будем ждать там столько, сколько потребуется.

Не тратя время на поиски дороги к Зеркалу, они оставили берег реки и прямо через Пустошь направились к зеленеющему пространству, где уже начала укореняться освобожденная от зимней гнили растительность, хотя корни ее еще были позимнему сухими. Вот и стена, охраняющая Сторожевой Путь.

Здесь она выше той, что тянулась вдоль лестницы Зеркала. Пожалуй, будет по плечо. В прежние времена она надежно сохраняла неприкосновенность дороги от притязаний Пустоши. Они быстро перебрались через преграду и с грустью обнаружили, что ее защита ослабела: на узком Пути больше не чувствовалось мира, не было ощущения безопасности, и появилось желание как можно скорее спрятаться, будто некий охотник притаился в засаде и лишь выжидает удобного момента для нападения. Джервис остановился, не приближаясь к ступеням, ведущим к Зеркалу. Товарищи не торопили его. Их было теперь трое: по пути к ним присоединился раненый Райзек. Перед ними встала арка с горящим на ней символом. Айяр помнил его другим. Еще несколько месяцев назад он сиял изнутри ровным зеленым светом. А сейчас знак потемнел и пульсировал. В прошлый раз искра от вспыхнувшего меча Айяра стала ключом, который позволил им войти в святилище. Теперь они молча стояли, глядя на арку. «Мы все гадали, что такое ЖДУЩЕЕ,— подумал Айяр,— а теперь впору спросить, в чем тайна Зеркала? Что движет им и с его помощью общается с ифтами?» Айяру были понятны неуверенность и осторожность Джервиса, медлящего у ступеней. Как безмерно малы их собственные силы! Какими песчинками казались ифты себе, находясь в центре столкновения двух гигантских противоборствующих сил! Джервис сел, скрестив ноги, прямо на дорогу. Лицо его было сосредоточенным, словно он пристально вглядывался в себя. Айяр знал, что сейчас его друг борется за память, чтобы, отрешившись от сознания Пита Сейшенса, стать всецело Джервисом, бывшим Мастером Зеркала. Конечно, не тем истинным мастером, но его преемником. Рейзек закрыл глаза и прислонился к каменной стене, отдыхая. Раненая рука его безвольно повисла на перевязи. А Айяр не находил себе места. Он в нетерпении ходил вдоль стены и все смотрел и смотрел на Пустошь, пытаясь угадать, какую опасность таит в себе серое предрассветное небо... Что это? Крылатый ли вестник ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ или флайер из порта? Неужели ЕМУ подвластны все машины? Или какой-то легкомысленный инопланетник решил разведать обстановку? Не меняя курса, флайер пронесся прямо над Зеркалом. Рука Айяра приподнялась в предупреждающем жесте, но летательный аппарат вдруг резко свернул, будто потеряв управление, и сменил курс, огибая гору и кратер. Миновав Зеркало, флайер исчез в том же направлении, куда двигалась ночная колонна пленников ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Других признаков жизни по ту сторону стены как будто не было. Но восходящее солнце обнаруживало то тут, то там на западе какие-то блестящие пятна. Из-за дальности расстояния Айяр не мог угадать их природу, но блеск был настолько ярок, что слепил глаза. Айяр снова перевел взгляд на стену. Наконец Джервис пришел в себя и посмотрел на своих спутников. Солнце поднималось все выше, их начинал мучить голод, но все припасы пропали

вместе с оружием. Айяр как раз размышлял об этом, когда Джервис спросил:

— Ну как, есть там что-нибудь?

— Нет.

— ЖДУЩЕЕ копит силы,— мрачно произнес Райзек, не открывая глаз.— Что будем делать? Пойдем навстречу судьбе?

— Иного выхода нет,— устало ответил Джервис.

Ему никто не возразил: возврата действительно не было. С тех пор как они приняли в свои руки сокровище, так изменившее их жизнь, с ними не происходило ничего случайного. Теперь они были ифтами и продолжали древнюю борьбу ифтов за существование.

— Надо отдохнуть. Попытайтесь уснуть. Я постою на страже,— сказал Джервис.

Солнце светило ярко, но часть дороги затеняла стена, и Айяр с наслаждением растянулся в тени, закрыл глаза и задремал. Что ему снилось? Ему все казалось, что это было нечто, способное подсказать ответ на все мучившие их вопросы. Но неожиданный толчок разбудил его, разрушив сновидение, и ответ исчез. Это Райзек будил его, тряся за плечо. Айяр открыл глаза и вдохнул прохладный воздух сумерек. Затем посмотрел на арку: символ горел ровным, теплым светом, словно вобрав в себя всю необходимую ему энергию. Вокруг чувствовался такой покой, такая уверенность, что Айяру показалось, будто кто-то еще, спокойный и сильный, присоединился к их компании, пока он спал. Он оглянулся. Джервиса не было. Райзек, отвечая на молчаливый вопрос Айяра, показал головой:

— Он ушел наверх.

Айяр поднялся, намереваясь идти следом.

— Наше время еще не пришло,— остановил его Райзек. Взглянув на символ, Айяр согласился.

Над корнем глубоким — ветка жива,
Лист в голубом огне.
В нем холод луны и звезд синева —
Меч в руке никогда не изменит мне.
Вернется жизнь, ушедшая в бой,
И лист заблестит над тихой землей.

Песня ошибалась: однажды мечи уже изменили, и не исключено, что сделают это еще не раз. Мысли Нейла вторглись в сознание Айяра и смутили его. Но тут за его спиной прозвучало:

Поднимайся, лист, расти,
Свет луны в тебе
Серебристый, заблестит.
В кроне дерева луна,
Ночь сажает семена,
Корень тонок, бел.

Райзек умолк.

— Ушло,— сказал он после паузы.— Сила песни во всей ее мудрости. Нельзя разделять ее на слова. Ах, если бы мы все вместе могли спеть легенду о Мече Кимона! Быть может, тогда нам стала бы ясна природа ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ и то, каким образом Кимону удалось заставить ЕГО дать Клятву. Увы! Пока нам этого не дано.

Айяру казалось странным то, что они задумались над словами песни. Была ли сокрыта в древней легенде тайная мудрость? Весьма вероятно, что Кимон шел когда-то именно этой дорогой — Сторожевым Путем Танта. А может быть, его никогда не существовало. Видимо, старые песни не помогут им теперь. Тем более не помогут их разрозненные отрывки. Но в голове его все еще звучали ясные слова, так много значащие для всех ифтов:

Мертвый Лист Голубой, оживи!
Ветер, сон с него вечный сорви!

Тогда, во времена Голубого Листа, в золотой век их рода, город Ифткан и сами ифты были хозяевами Януса... Ночь казалась бесконечной. Они сидели и ждали знака, страдая от голода и жажды, но пытаясь забыть об этих настойчивых требованиях тела. Пустошь молчала. Они же заставляли себя вновь и вновь вглядываться и вслушиваться. Джервис не появился даже на рассвете. Мучительно хотелось пить. Айяр нашел немного воды в углублении скалы, и они вылизали ее до капли. Все чаще вспоминался животворный сок Ифтсайги. Все чаще приходила мысль о том, надолго ли хватит у них сил и терпения. День протянулся в пустом ожидании. На следующую ночь они услышали шаги. Кто-то приближался с востока. Айяр на всякий случай вооружился камнем — единственным оружием, предоставленным судьбой, но тут же отбросил его, услышав знакомый свист. Из-за поворота дороги показались трое: Локатат, Иллиль, Килмарк. Каждый нес за плечами небольшой мешок. Они приблизились, и на их лица тоже упал теплый отблеск сияющего символа...

Третий раз в жизни Айяр — вернувшийся в жизнь ифт — стоял на скале, нависающей над Зеркалом Танта. И каждый раз озеро было для него иным. Когда он и Иллиль впервые прошли Сторожевым Путем, Зеркало вызвало у него благоговейный трепет, желание отползти назад и не смущать себя созерцанием того, что не умещалось в воображении человека или ифта. Во второй раз, когда все они искали у Танта прибежища от враждебного мира, оно было чашей нарастающей силы, ярость которой и пугала, и поддерживала. Сейчас он видел внизу мятущийся, кипящий туман, некую субстанцию, не существующую ни на Янусе, ни в каком-либо другом мире. В ней не было ни радушия, ни спокойствия, говорящего о безопасности, а лишь непрерывные метания и... нет, не страх, но смятение, напряжение — как перед битвой. Даже Иллиль, легко поднявшаяся сюда, чтобы вступить в общение с Зеркалом, стояла, забыв обо всем. Джервис не оглянулся, когда

они вышли на скалу. Он был неподвижен, как статуя. Опущенные руки, вся его поза выражали ожидание. Наконец Иллиль подошла к нему и встала рядом. Может быть, она вспомнила, а может, интуиция подсказывает ей, что надо делать, думал Айяр, когда она вытянула руки ладонями вверх. И вот Иллиль запела. Некоторые слова Айяр понимал, остальные принадлежали Тайной Речи, на которой обращались к Высшим Силам. Туман, поднявшись до краев котловины, превратился в студенистый язык, готовый слизать смельчаков, которые решились потребовать ответа у Зеркала Танта. Ни разу за две свои жизни Айяр не испытывал такого страха. Не смерть страшна воину — страшно, когда могучая и последняя защита обращается против тебя самого. Однако никто из них не отступил и никто не был унесен. Теперь пел и Джервис, будто голос Иллиль пробудил в нем былого Мастера Зеркала. И страшный язык тумана не слизнул их с камня. Руки Иллиль пришли в движение — она как будто сеяла невидимые семена, и язык тумана качался в том же ритме. Страх Айяра исчез, пришло благоговейное сознание того, что их приняли. Великий и неумирающий гнев, неизмеримая сила, средоточием которой был Тант, приняла и признала их. Туман опустился, оставив холод. Иллиль вздрогнула и, по-прежнему глядя вниз, проговорила:

— Я сказала Зеркалу, что мы готовы. Теперь нужно ждать, какую миссию возложат на нас.

В человеческой жизни время — это число восходов и закатов солнца — дней; число годов — сезонов роста и зрелости. Жизнь требует от человека все более точного счета времени, он делит секунды на доли и доли долей. Нейл Ренфо родился в космосе, время для него было более абстрактным, чем для земных людей. Когда он стал Айяром, время стало считаться по сезонам — росту и зимнему сну. Теперь же он оказался во времени ожидания, в котором его тело ничего не значило. Как долго длилось оно, это время, он не знал, а потом, когда пытался вспомнить, какое оно,— не смог. Но пришел момент, когда туман внизу смешался с водой. Теперь на самом Зеркале появилась рябь голубых и зеленых полос, потом цвета побледнели, и полосы превратились в серебряные линии, сложились в рисунок. Если Зеркало Танта и было когда-то просто водой, теперь оно совсем не походило на озеро. Иллиль и Джервис запели новую песню, смысл которой был не в словах, а в звуках, слагающих мелодию. Серебряные нити вычерчивали фантастические узоры, в них мерцало откровение, но сознание не успевало понять его. Вода поднялась над стенами кратера, как в день, когда гроза и ливень бросили вызов ТОМУ-ЧТО-ЖДЕТ. Из воды поднялся второй язык тумана, более плотный, чем первый. Поднимаясь все выше, он вытягивался, подобно лиане, и оплетал стену. В лиану вплелись серебряные нити, она заблестела, но этот гибкий блеск не ослеплял глаза ифтов. Вот она приблизилась к выступу. Яркая

звезда на ее верхушке кружилась над головами. Потом она закачалась, задерживаясь над каждым ифтом. Над одними — на мгновение, над другими — чуть дольше. Она искала. Вот Иллиль окуталась серебряной пеленой; вот лиана нагнулась над Айяром, коснулась его. Это не прикосновение воды — он почувствовал легкое покалывание в костях и в крови, как будто серебряный поток прошел сквозь его тело. И вдруг все исчезло. Язык вернулся в Зеркало. Волнение внизу улеглось. Они снова видели гладкую поверхность. Айяр понял, что дверь закрылась. Руки и плечи Айяра, по которым пробежала серебряная река, ощущали тепло, голод и жажда отступили, он был полон энергии и желания излить ее. Но куда? Что он должен делать? Он знал, что ответ теперь в нем самом — и в памяти о случившемся у Зеркала. Подошла Иллиль.

— Мы избраны. Прежде был Кимон, теперь — мы. Мы пойдем туда, где скрывается ТО-ЧТО-ЖДЕТ, и, быть может, станем сосудами, из которых гнев Танта выплеснется на Врага.

«Но ведь это не мой выбор,— подумал было Нейл, но тут же понял.— Нет, мой. Я пришел сюда и, значит, предложил себя для битвы. Предложение принято, и уже нельзя отказаться. Но почему я? Я же не Мастер Зеркала. Я только воин, который однажды уже сражался с Врагом. Хотя... Кимон тоже был воином. Если он действительно был. Если это не легенда. И он не возражал, когда был выбран». Айяр повернулся к Иллиль:

— Мы идем сейчас?

— Да.

— Возьми,— Килмарк снял перевязь с мечом и протянул Айяру.

Джервис запахнул плащ.

— Все, что нужно было сделать здесь,— сделано. Значит, пора уходить.

— Но куда? — спросила Иллиль.

— К бухте, если вам суждено добраться туда. Если братья из-за моря придут, мы их встретим,— Джервис помолчал.— Мы были бы рады идти с вами, но поможет ли это вам, защитит ли? — он пожал плечами.— Я знаю, что вы столкнетесь со многими опасностями, но никому из нас не дано взять на себя хоть часть из них. Ты выбран для этого дела, значит, никто не сделает его лучше.

Айяр и Иллиль направились в сторону Пустоши, остановились там, где стены Пути доходили им до пояса. Затянутое облаками небо не слепило глаза, идти было легко, но куда идти? Наугад в цитадель ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ?

— Куда — я догадываюсь. Но что мы будем делать, когда дойдем?

— Узнаем, когда настанет время.

Уверенность Иллиль не рассеяла его сомнений.

— Слепо идти против ЖДУЩЕГО, не скрываясь? Но ведь это значит отказаться даже от той защиты, которая у нас есть.

— Защита? Разве была она у вечного воина, Капитана Первого Круга Ифткана? Бороться можно не только мечом...

— Да,— ответил он,— бластером и лучеметом! Ты же видела армию, которую ТО-ЧТО-ЖДЕТ втянуло сюда. Я знаю, что в нас вложена сила, которая проявится при встрече с Врагом, но для этого надо встретиться с ним. Нужно встать лицом к лицу с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ, как в песне о Кимоне. А для этого нужно пройти мимо Защиты. Помнишь, как легко захватил нас ходячий скафандр, а ведь он мог быть наименьшей из опасностей.

— У нас нет времени ползти и выискивать хорошую тропу.

— А я думаю, что именно это мы и сделаем. Мы не в Лесу, а в стране Врага,— он задумался, и мысль его была ясна, как никогда прежде.— У Врага есть фальшивые ифты, верно? На вид они не отличаются от нас.

— И что же?

— Их посылают в рейды... Значит, мы можем выследить такой отряд на обратном пути и присоединиться к нему...

— Но ведь они неживые. Разве ТО-ЧТО-ЖДЕТ не заметит разницы?

— Надо попробовать. Во всяком случае, это не более опасно, чем идти вслепую.

— А где их искать?

— Они переходят через реку. Локатат был с теми, кто преследовал их, пока его самого не затянуло ТО-ЧТО-ЖДЕТ... След надо искать на юго-западе.

Она нахмурилась.

— Стоит ли тратить время на такой неопределенный план?

— Все наше будущее неопределенно, Сеятельница Семян, а здесь должна решать мудрость воина. Никто не бросается, очертя голову, в нору келрока, только потому, что у него нет времени. Я думаю, что лучше прийти к ЖДУЩЕМУ по нашей воле, а не по ЕГО. Если удастся.

Иллиль, хотя и с явной неохотой, но согласилась. Погода была пасмурной. Айяр не забывал о блестящих точках, которые увидел с дороги, но пока их не было видно. Вот появились первые глубокие колеи, оставленные пленниками ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Айяр поглядывал на небо, боясь найти там летающего слугу ЖДУЩЕГО, но небо было по-прежнему их союзником.

— Ты хоть знаешь, что мы должны будем делать, когда... если дойдем до ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ?

— Я знаю только то, что тогда нас поведут по нужному пути.

Если верить легенде, Кимон перед своим сражением знал больше. Но не исключено, что и он был только орудием одной Силы против другой. Ведь легенда — это тень, а не зеркало истины. Возможно, герой Белого Леса шел так же, как они — неуверенный и непосвященный. Айяр почувствовал новый запах. Так и есть: здесь прошли фальшивые ифты. С вайтами или одни? От этого зависит, как вести себя.

— Они...— шепнула Иллиль. Айяр кивнул, знаком приказав ей молчать.

Чуть западнее... да, запах стал сильнее. Но куда они идут? Если на восток, то преследовать их нет смысла. Айяр неслышно обогнул скалу и нашел на грунте отпечатки узких ступней. На запад! Он снова сделал знак Иллиль и всмотрелся в даль зоркими глазами разведчика. Пустыня была изрезана оврагами, обнажавшими камни такой причудливой формы, что казалось, будто не эрозия, а чья-то разумная рука придала им черты звериных морд и демонических чудовищ. Эта местность так отличалась от Леса, что походила скорее на инопланетный ландшафт. На голом песке лишь изредка встречались кусты с длинными мертвыми корнями, выступавшими наружу, как щупальца. Местами ветер оголил темные пятна настолько твердого грунта, что брошеный камень издавал металлический звон. Айяру вспомнились рубцы от ракетного огня на поле космопорта. Но эти пятна слишком малы и редко раскиданы. Красное чешуйчатое существо блеснуло выпуклым глазом и скрылось между камнями. Айяр подозрительно проследил за ним. Все здесь могло шпионить для ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ.

— Это просто дикое животное,— сказала Иллиль, угадав мысли Айяра.

— Почему ты в этом уверена?

— Все, кто служат ТОМУ-ЧТО-ЖДЕТ, отбрасывают тень своего хозяина. Хотя в этой земле все кажется подозрительным. Ты лучше скажи, что мы будем делать, когда найдем отряд. Фальшивые ифты наверняка не примут нас...

Айяр рванул ее назад, к краю оврага, и прикрыл собой. Воздух наполнился вонью фальшивых ифтов. Стена оврага выворачивалась здесь резким выступом. За ним было отличное место для засады. Айяр осмотрел склон. Успеют ли они взобраться незамеченными? Не хотелось и думать о том, какой мишенью будут распластанные по нему тела. Иллиль достала меч. По лезвию побежали искрящиеся серебряные полосы. Девушка покачала мечом, направляя его то вверх, то вниз и шепнула: — Иди!

Айяр подпрыгнул и ухватился за корни. Впиваясь пальцами в землю, вскарабкался наверх, пополз по гребню. Иллиль подалась вперед. То и дело сверкающее острие меча опускалось, и Айяру казалось, что она с трудом удерживает его в руках, заставляя снова указывать вверх. Айяр не понимал, что она делает, но, во всяком случае, его не заметили и не атаковали. Выглянув наружу, Айяр увидел зеленую безволосую голову, высокие острые уши и плащ ифта, только в руках он держал не меч, а нечто напоминающее бластер. Голова фальшивого ифта была поднята и покачивалась в такт движениям меча Иллиль. Глаза тупо смотрели в стену. Айяр потянулся к своему мечу, еще не вполне понимая, что он сможет сделать с металлическим корпусом робота. Но едва он коснулся ру-

кояти, серебряная рябь, такая же, как на мече Иллиль, брызнула из его пальцев. Некий приказ, вложенный в Айяра, требовал действий. Он поднял меч и направил его на голову противника. Рябь потекла с меча вниз и достигла зеленого черепа робота. Айяр ощущал, что какая-то его новая внутренняя сила выходит из меча вместе с рябью. Фальшивый ифт дернулся, подскочил и упал навзничь. Некоторое время он еще бился в конвульсиях, но даже не пытался встать. Айяр вложил меч в ножны, сам несколько испуганный совершенным. Робот чуть приподнялся в последнем усилии и упал. Айяр сполз со склона неподалеку от него. Когда он нагнулся, чтобы поднять выпавшее оружие, Иллиль резко выкрикнула:

— Нет! — Она медленно приблизилась, держась за стену оврага и объяснила.— Ты несешь в себе Силу. Чужое оружие брать нельзя.

Он поднял камень и бросил в бластер. Оружие, оказавшись неожиданно хрупким, разлетелось вдребезги. Тогда он взял камень побольше и обрушил на череп фальшивого ифта. Внутри был покрытый окалиной металл и оплавленная проволока. Айяр присел на корточки, чтобы рассмотреть получше. Увиденное вселило в воина некоторую уверенность. Энергия, направленная мечом, способна производить страшные разрушения.

— Ты все еще не понимаешь? — спросила Иллиль.— Ты сосуд Силы. Но ее нельзя тратить понапрасну... Куда мы теперь идем?

— В прежнем направлении. И осторожно.

Облака, закрывавшие солнце, стали еще темнее. Было это действие Зеркала или нет, но для них защитный фон значил очень много. Овраги вились, как будто умышленно давая кому-то возможность рассмотреть силуэты идущих вдоль края. До сих пор ни фальшивые ифты, ни их хозяин ничем не обнаружили, что знают о гибели робота, но Айяр предпочитал думать, что они все-таки знают. Над третьим оврагом стояла первая ловушка. Когда их вели через Белый Лес, деревья из сверкающих кристаллов слепили глаза ифтов, лишая их зрения. Здесь был установлен высокий столб из такого же кристалла, который днем ослепил бы их. Холодный грозовой воздух изменил запахи. Ярость обрушившейся на пустыню грозы заставила искать убежища, которое, к счастью, быстро нашлось. Темнота — друг ифтов, но не сбивающий с ног ветер, яростный град и леденящий кровь дождь со снегом. Они втиснулись в расщелину и завернулись с головой в плащи, чтобы спрятать глаза от вспышек молний. Какая бы сила ни вызвала эту грозу, нескончаемая ярость ее казалась Айяру осмысленной.

— Она смоет все следы...— чуть слышно прошептала ему на ухо Иллиль.

Сеятельница права. Когда это кончится, и они смогут выйти, придется снова держать путь на запад, пока... Иллиль ткнула его в бок, но он и сам увидел это, выхваченное вспышкой

молнии. Когда они прятались, этого не было, а сейчас оно стояло чуть западнее, неподвижно, как кристаллический столб. Это не человек. И не ифт. Хотя у него четыре конечности, и стоит оно на двух. Айяр смутно ощущал, что когда-то он знал или хотя бы видел нечто подобное, но где и когда?..

Оно продолжало стоять неподвижно, обращенное лицом к востоку. Если, конечно, у него было лицо. Айяр знал, как опасно будить память Нейла, но знал также, что это необходимо, чтобы понять природу опасности. Он сказал Иллиль о своем плане и о его возможных последствиях.

— Но ведь... У меня есть память Эшлы, и я не нахожу там ничего подобного.

— Поселенцы мало знают об инопланетном. А я много лет жил в Дипиле на Корваре. Это была тюрьма, но мы там общались с половиной Галактики. Корвар — планета развлечений — конечно, не для беспланетных заключенных в Дипиле. Время от времени мне давали однодневную работу в порту, и там попадалось множество странных вещей. Эта штука... я чувствую, что она есть где-то в глубине моей памяти. Если мы хоть что-то узнаем о ней, это может пойти на пользу. Но если проснувшегося Нейла затянет в ловушку для инопланетников... Ты должна быть готова.

Она улыбнулась.

— Не думаю, что омытый в субстанции Танта может быть пойман так легко. Но я буду готова, Айяр... Только к чему? Проткнуть тебя мечом?

Он серьезно взглянул на нее.

— Лучше смерть от руки друга, чем стать таким, как те, что прошли здесь. Если я зашагаю на запад, останови меня любой ценой.

Айяр отвернулся и стал рассматривать непонятное существо. Если у этого ящика были голова и туловище, то границы между ними не существовало. Он стоял на двух тонких ногах, и еще две конечности свисали по бокам. В том месте, которое можно было условно назвать грудью, загорался и гас ряд огоньков. Штуковина, конечно, металлическая. И он уже видел такую. Когда? Где? Нейл Ренфо... Он звал в себе Нейла Ренфо. Что в ранней памяти Нейла могло помочь сейчас? Что-то там было, но так далеко, что извлекать приходилось с трудом и по крупице. Корабль отца... Он заставил себя мысленно пройти по кабине, коридору, в свою собственную каморку — единственный дом, который он когда-либо имел. Свободный Торговец капитан Дон Ренфо и его жена Мелани, вывезенная с теплой веселой планеты, покрытой мелкими морями с множеством островов, с бесконечным ласковым летом. Миры, куда они летали... Потом их корабль захватили в битве на чужой войне... Мелани и Нейл на спасательной шлюпке... Их нашли и отвезли на Корвар... Бесконечная полужизнь-полусмерть в Дипиле — мусоросборнике для тех, кого война лишила родного мира, кому некуда возвращаться. Корабль...

Нейл-Айяр настойчиво возвращал память к кораблю. Нет, ничего похожего на эту вещь на его корабле не было. Значит, в каком-то из миров, где они торговали... Нет, там он ничего не помнит. Значит, только Дипил. Не в бараках, конечно... Город или порт. Скорее всего, последний. Там садились самые разные корабли — торговцы роскошью с тысяч планет, пассажирские лайнеры, частные яхты. Что же?.. Вот! Он ухватился за мелькнувшую картинку. Длинный ряд компьютеров... Лайнер был помещен в карантин — на его борту обнаружили какой-то новый вирус. Но оборванцы из Дипила хватались за любую работу, и их послали через разблокированный проход, чтобы вынести какой-то сверхважный груз. По пути он заглянул в компьютерный зал... Там стоял точно такой же робот! Робот служебного класса, что-то связанное с ремонтом компьютеров. Вот все, что знал о нем Нейл Ренфо. Но что серворобот делает здесь? Неважно. Если пойти за ним, то можно попасть туда, где он нужен. А он, конечно, скоро туда пойдет: что может делать здесь, под дождем и молниями, такая полезная машина? Конечно, нужно идти за ним...

— Айяр!

Нейл хочет идти, а ему мешают. Он сердито отмахнулся. Нейл Ренфо знает, что он должен делать... Так и есть: робот повернулся... уходит... Если он уйдет, Нейл Ренфо не найдет своих, не сможет соединиться с ними, как положено человеку!

— Айяр!

Он отчаянно рванулся, и что-то вспыхнуло перед глазами, ослепив и превратив его в пустую высохшую оболочку. Теперь он был в темноте, и он не был Нейл. Он был никто...

— Айяр! — слабый и далекий зов. Зачем отвечать. Это так утомительно и ненужно.

— Айяр!

Зов преследовал его, вытаскивая из темноты снова в мир. Он неохотно приоткрыл глаза и увидел зеленоватое лицо. Косо поставленные глаза выражали тревогу. Мелани? Нет... Иллиль! Медленно и болезненно мозг начинал работать. Это — Иллиль, а он — Айяр, Айяр — ифт. Они в убежище среди скал Пустоши. Вокруг свирепствует гроза, а над ними... Он пытался встать, но руки девушки давили на его еще слабые плечи.

— Все в порядке. Я — Айяр...

Она увидела подтверждение этим словам в его глазах и отпустила его. Робота на прежнем месте не было, но Айяр не удивился. Шпион? У Врага эта штука работает шпионом? В том, что робот принадлежал ТОМУ-ЧТО-ЖДЕТ, Айяр не сомневался.

— Оно ушло туда,— Иллиль показала на запад.— Теперь ты знаешь что это?

— Знаю, но этого мало. Однажды я видел такого — давно и на другой планете, в компьютерном зале лайнера. Это робот-ремонтник. Больше я ничего не знаю.

— Зачем же он здесь?

— Во всяком случае, не для нашей пользы.

Нейл собирался использовать робота как проводника. Айяр должен был сделать то же самое, только Айяра не радовало такое путешествие.

— Идем.

Гроза утихает, думал Айяр, и они не имеют права терять этот шанс. Они выбрались из расщелины, встряхнули и накинули на головы плащи. В оврагах бежали потоки воды, но робот уверенно шел по высоким местам. Похоже, в него была введена автономная задача. Кто знает, сколько космических кораблей приземлилось в Пустоши и было захвачено ЭТИМ. Один они обнаружили при своем первом бегстве. Торговый корабль такой старой конструкции, каких Нейлу не приходилось встречать. Но ведь могли быть и более совершенные космолеты, могли быть даже лайнеры. Сильный треск и ослепительная вспышка. Иллиль вскрикнула. Айяр тер глаза — идти в залившемся чернотой мире он не мог. По телу пробежала жаркая пульсация, как от прикосновения языка Зеркала. Полуослепший Айяр поддерживал девушку и оглядывался по сторонам. Но не назад — там продолжалось свечение. Инстинкт указал ему скалу, где можно спрятаться, и он заковылял туда, таща Иллиль.

— Что это было? Я ничего не вижу! Я ослепла!

Ее обычная уверенность исчезла, она цеплялась за воина обеими руками и прижималась к нему всем телом.

— Это пройдет. Закрой глаза и подожди. Я не знаю, что это, но позади нас — яркий свет. Нужно идти вперед, там укрытие.

— Но я ослепла. Если ты видишь, оставь меня и иди один.

— Я тоже не очень-то вижу,— сказал Айяр, и это было правдой. Как и то, что потеря зрения могла погубить их.— Подождем, может быть, пройдет.

Они сели. Иллиль до боли сжимала руку Айяра, но молчала, а он не решался спросить, проходит ли ее слепота. Его зрение прояснялось, хотя и очень медленно. Гроза кончалась. Солнца не было, и Айяр не мог сказать, кончилась ли уже ночь. Свет с востока все лился широким веером, от которого их укрывала скала. Айяр понял, что видит это. Значит, зрение вернулось. Он тихо спросил Иллиль:

— Теперь ты видишь?

Она открыла глаза, поморгала.

— Немного... Вижу, но все расплывается. Айяр, что, если...

— Если хоть немного видишь, значит, зрение восстанавливается,— успокоил ее Айяр, надеясь, что говорит правду.— Ты можешь идти?

Если ее слепота не пройдет, придется искать другое убежище, и немедленно. Кто знает, что еще здесь шляется? Найти бы пещеру. Пещеру с узким входом, где может продержаться один воин с мечом. Но как ее найдешь, если Иллиль не сможет идти.

— Веди меня,— решительно сказала девушка.— Идем!

Так началось худшее из их путешествий. От одной тени до другой, с остановками, когда Айяр тщательно выбирал самую безопасную дорогу. Он давно отказался от мысли выследить робота. Оставалось идти на запад, и они шли туда бесконечными зигзагами.

— Тебе лучше? — спросил он во время одной из остановок

— Чуточку. Совсем немного.

Он надеялся, что сказано это не для того, чтобы ободрить его. Впереди, за очередным поворотом появился какой-то блеск. Не такой яркий, как сзади, но настораживающий.

— Что там? — спросила Иллиль.

— Там может быть только одно — Белый Лес.

Хрустальные деревья, отражающий свет с востока, могли давать именно такие блики. А Белый Лес либо охраняет самое сердце ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, либо находится очень близко к нему. Смогут ли они пройти через Белый Лес без проводника? Однажды они вышли оттуда, ориентируясь по ветвям, направленным в одну сторону на призматических стволах. Но тогда они были пленниками и шли в сопровождении ходячего скафандра.

— Лесок! — радостно вспомнила Иллиль.

Да, лесок, пятнышко зеленой жизни на земле Врага, спас тогда пленных ифтов. Но он растет на дне котловины, а им сейчас не спуститься с обрыва. Айяр шел впереди. Блеск стал сильнее, но в нем было что-то странное. Деревья Белого Леса стояли высоко и прямо, а эти, похоже, почти лежали. Подойдя ближе, он увидел непроходимый барьер. Бывшие деревья лежали грудой острых осколков, готовых впиться в тело смельчака, который рискнул бы пойти через них. Возможно, здесь прошла ярость Зеркала Танта, а ТО-ЧТО-ЖДЕТ либо не смогло, либо не пожелало восстановить разрушенное.

— Здесь нельзя пройти,— сказала Иллиль.

— Нельзя.

Если бы они не упустили робота! Теперь оставалось только идти вдоль барьера в надежде на убежище. А когда взойдет солнце и ударит в осколки... Этот свет ослепит их навсегда... Но они должны идти. На север или на юг? На севере — Зеркало, и однажды они уже прошли туда: ТО-ЧТО-ЖДЕТ не забыло этого. Айяр повернул на юг. Нужно найти хоть какое-нибудь убежище. Вряд ли стоит рассчитывать на тучи.

— Айяр! — девушка подняла голову и принюхалась.

В воздухе не пахло ни фальшивыми ифтами, ни каким-либо другим созданием ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ: это был холодный и чистый запах зеленой жизни. Здесь?..

— Туда! — она мотнула головой влево.— Скорее, пожалуйста, скорее!

Перед ними лежали смертоносные осколки кристаллов, и Айяр удержал девушку.

— Этот путь опасен...

— Этот — нет! — она резко повернулась. — Мы должны найти...

Дорога потребовала от Айяра предельной сосредоточенности. Иллиль шагала за ним, напряженно слушая указания, куда ставить ногу. Время от времени он, стараясь не порезаться, отодвигал в сторону крупные обломки, которые нельзя было обойти. А в воздухе все усиливался запах свежей земли и живых растений. Но ведь сейчас зима, думал каким-то уголком сознания Айяр, нигде не может быть никакой зелени. А что если это приманка, перед которой не устоит ни один ифт? Нет, ЖДУЩЕЕ не в силах так подделать жизнь, чтобы обмануть обитателей Леса. Свет... Шел ли он с неба или усиливалось излучение с востока, но кристаллы вокруг вспыхнули, и Иллиль снова уцепилась за Айяра. Он понимал, что глаза ее нестерпимо страдают от блеска. Далеко ли еще?.. Осколки были размолоты в пыль, и перед ними лежали две широких колеи. Айяру очень хотелось повернуть, но запах вел дальше. Воин осмотрел дорогу: по ней ничего не двигалось, но скорее всего здесь...

— Вперед! — толкнула его Иллиль.

Они пересекли открытое пространство, и Айяр завалил место перехода кристаллическими стволами. Вайтов это не собьет со следа, но другие патрули пользуются только глазами. К счастью, по ту сторону наезженной дороги Лес был не так изломан. Овраг, а в нем — зелень. Иллиль выпустила Айяра и протянула руки.

— Деревья? — прошептала она.

Это были не лесные гиганты Ифткана, но это были деревья, и на них даже были листья, хотя Айяр вообще не мог понять, как они выросли на территории ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Иллиль повернула голову. Очки скрывали большую часть лица, но губы улыбались, впервые за все эти дни.

— Не понимаешь? ТО-ЧТО-ЖДЕТ не могло бы вырастить их само, без силы истинного развития. Всегда должно быть семя. Белый Лес был создан и питался, пока рос, энергией ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, поэтому он умер от прикосновения Гнева Танта. Но истинное семя не погибло, и ТО-ЧТО-ЖДЕТ не смогло уничтожить его.

Айяр не знал, насколько верно то, что говорит Сеятельница Семян, но видел, что она уверена в своих словах. В любом случае они не могли отказаться от этого зеленого убежища в пустыне смерти — оно им было просто необходимо. Они спускались, соблюдая лишь самую минимальную осторожность, и как только на них упала тень листьев и веток, Иллиль приникла к земле, обнимая ее руками и даже вонзив пальцы в плодородную землю, будто по ним, как по корням, могут потечь соки силы и здоровья. Айяр прислонился к стволу. После избрания Зеркалом он не нуждался ни в питье, ни в пище, но запахи и звуки Леса, прикосновение к дереву восстанавливали в нем силу и уверенность.

— По дороге,— размышлял он вслух,— шли инопланетники и машины. А если ифт... не фальшивый...

— Подожди,— прошептала Иллиль,— здесь трудно думать. Здесь надо отдаться ощущению и просто существовать...

Айяр согласился бы с радостью, но теперь его сознанием овладели воспоминания Капитана Первого Круга, воина, испытавшего поражение в отчаянной войне. Поверить в благодать этого островка Леса, отдаться его целительной тишине значило забыть о своем предназначении. Нет, дорога... Мысли Айяра, путаясь, сменяли одна другую. Здесь можно оставить Иллиль и не беспокоиться за нее. Он не знал, насколько восстановилось ее зрение, но чувствовал, что необходимо действовать одному, рисковать только собой. А для этого нужно быть уверенным, что Иллиль в безопасности. Но как сказать ей?

— Как твои глаза?

Она села, неуверенно сняла очки и повертела головой.

— Все еще, как в тумане...

— Тогда сегодня ты останешься здесь.

— Но выбрали нас обоих...

— Туда мы пойдем вместе. Сейчас я осмотрю дорогу.

— Днем? Это,— она указала на солнце,— вижу даже я. А в разрушенном Лесу блеск будет в сто раз страшнее.

— Не волнуйся, я буду осторожен. Посмотрю, не идет ли кто по дороге, и если свет окажется слишком ярким — сразу вернусь обратно.

Он вернулся из чистой зелени в тяжелый свет Пустоши. Солнце стояло низко над горизонтом, и Айяру приходилось беречь от осколков не глаза, а кожу. Он услышал хруст и втиснулся между двумя кучами камней. По дороге кто-то шел. Когда он приблизился, Айяр узнал космический скафандр с затуманенной, чтобы нельзя было заглянуть снаружи, лицевой пластиной. Тот грузно шагал на восток. Айяр лежал совершенно неподвижно. Когда-то эта штука (или ее двойник) захватила их в плен с помощью инопланетного оружия. Вот оно, висит на поясе скафандра. Не пришел ли он и сейчас с той же целью? Айяр был готов увидеть, как скафандр свернет к их убежищу. Он был так уверен в этом, что заморгал от растерянности, когда тот прошел мимо. За ним появился второй. Тоже скафандр? Похоже — да, но только не гуманоидный: низкий и необычно широкий. Он передвигался на четырех конечностях, а рук не было вовсе. Сферический шлем был затуманен так же, как лицевая пластина первого. Он тоже шел на восток и таким же широким, размеренным шагом. Осколки кристаллов сверкали все сильнее, но Айяр не уходил, ожидая появления людей или фальшивых ифтов. Их не было, зато прошли еще четыре скафандра. Два — с космических кораблей старого типа, еще один с четырьмя ходовыми конечностями, а последний совсем отличался от других. Тело у него было яйцевидное, и двигался он на двух небольших гусеницах. По экватору «яйца» шел ряд небольших иллюмина-

торов, сейчас закрытых, а сверху болтались две антенны. Вероятно, они были сконструированы упругими и подвижными, но теперь просто висели, ударяясь об оболочку. Вся эта жуткая компания попарно маршировала на восток, выдерживая интервалы между парами. По-видимому, это был патруль. С такой информацией Айяр вернулся в зеленое убежище.

— А раньше ты видел такие странные костюмы?

Айяр рассмеялся.

— Даже когда я был Нейлом Ренфо, я не мог знать все, что встречается в космических закоулках. Скафандры земного типа — старинные, таких давно уже не выпускают; негуманоидные, вероятно, тоже устаревшие.

— А кто в них?

— Мне почему-то кажется, что ничего живого в нашем понимании внутри нет.

— Я тоже так думаю. Послушай,— она положила ладонь на его руку.— Пока я ждала тебя, пришло сообщение — не словесное и даже не мысленное. Я не знаю, как это объяснить, но здесь место Силы, и мы несем часть ее в себе. Я уверена, что если открыть сознание, мы узнаем больше из того, что пыталось достичь меня...

— ТО-ЧТО-ЖДЕТ! — Айяр сразу вспомнил о том, что случилось, когда он вызвал память Нейла.

Она резко помотала головой.

— Ни в коем случае! Мы посланы как орудия, и то, что вошло в нас, теперь будет действовать, если открыть, когда это необходимо, память Иллиль и Айяра.

Он не вполне избавился от настороженности, но радостная уверенность Иллиль убеждала, и он решился попробовать.

Они вновь припали к земле — не к мертвому грунту Пустоши, а к темной плодородной земле — и глубоко погрузили в нее пальцы, как будто стремясь пустить корни, стать частью Леса, который дал им приют. Айяру все еще было страшно открыть мозг, сделать его беззащитным перед вторжением ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Но все-таки они находились в Лесу, а Лес сам — защита. В этом крохотном лесочке не росло ни одного дерева из семьи Великих Башен. Их и не могло быть. Если, как думает Иллиль, это зародыш, из которого ТО-ЧТО-ЖДЕТ взяло жизненную силу для выращивания Белого Леса, то ни одно из благородных семян не проросло бы здесь. И тем не менее это были живые деревья. В чужом лесу, глубоко во владениях ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, ифты нашли зелень, которая всегда означала Ифткан, родной Лес... Память Айяра вернулась к той зелени. Весна, ток возродившегося сока... Пробуждение ифтов. Лето, долгие ночи охоты. Осень — приход потребности во сне. Зима, когда тело покоится в безопасной колыбели Великой Цитадели и только мысль живет и странствует сквозь сон. Каковы были эти сны? Слабые воспоминания рассыпались от прикосновения мысли. Зима... Зимний сон... Время учебы... Учебы... Одно воспоминание не только не ис-

чезло, но начало проясняться. Айяр считывал его, как запись на диске. Да, так можно. Вот ак... Да... Но смогут ли они проделать это? Ведь он не Мастер Зеркала. Какую силу он должен вызвать? Тело сквозь туман сонной памяти ответило на сомнение теплым потоком жизни, что-то внутри него оживало и требовало высвобождения. Айяр открыл глаза и увидел зеленую крышу ветвей над головой. Потребность действия осталась в нем. Взгляд встретился со взглядом Иллиль.

— Теперь мы знаем,— тихо сказала Сеятельница.— Теперь мы знаем...

— Скафандр...— мозг Айяра уже пытался облечь знание в практические планы.

Она нахмурилась.

— Они — чужие. Разве можно вложить в них нашу силу?

— Но другого пути нет. Надо попробовать.

— Тогда иди.

Он с готовностью принял выбор. Идет Айяр-воин, а не Иллиль-жрица. Его жизненная сила может приспособиться к энергии, которая сожгла бы Иллиль. Но с ним, через него пойдет та часть Иллиль, которую даровала ей волна Танта, так что в бой с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ вступит двойной заряд Силы. Правда, Айяр еще не вполне понимал, как это сделать. Однако его собственная часть мозга была уже очищена после таинственного общения со снами о далеком прошлом. Он готов был идти. Как скоро скафандры-пустышки вернутся из своего патрулирования? И как захватить один из них? Фальшивый ифт был бы разрушен энергией, идущей через меч, но подействует ли она на пустышку?

— Если воспользоваться силой, чтобы захватить скафандр, я не ослабею?

— На какое-то время — да. Так было с нами обоими, когда мы уничтожили лжеифта. Но сила возобновляется, иначе нас не послали бы в этот путь.

— А ты?

— Когда нужно будет отдать тебе все, что я получила от Танта, я засну. Нужно найти место, где я смогу отдохнуть, пока ты не вернешься и не разбудишь меня.

Она говорила со светлой уверенностью, удивившей Айяра. Он-то вовсе не был уверен, что, победив, останется в живых и сможет вернуться. Но он промолчал.

— У нас мало времени,— продолжала Иллиль.— Если скафандры не вернутся, придется искать что-то другое...

Дорога означала солнце и сверкание кристаллов, но выбора не было. Айяр надеялся только на очки. Как захватить скафандр? Прыгнуть на него с кучи кристаллов и повалить? Нет, в солнечном свете он может промахнуться. А что, если в скафандре кто-то есть? И *кто?* Буду действовать по обстоятельствам, решил Айяр. Иллиль молча смотрела вслед. Он добрался до своей прежней засады и закрыл глаза. Пока не придет время действовать, можно полагаться на уши — пустышки про-

изводят много шума. Солнечный свет ощущался физической тяжестью. Он давил к земле. Временами Айяру казалось, что больше терпеть невозможно, что он умрет, если не уйдет отсюда сейчас же. Но он оставался на месте и отгонял мысли о неудаче. Слух не подвел. Когда ровный хруст приблизился, Айяр приоткрыл глаза и посмотрел на восток. Гусеничное «яйцо» возвращалось, а за ним, сохраняя дистанцию в несколько шагов, шел скафандр гуманоидного типа. Если все они возвращаются в прежнем порядке, то нужно подождать последнего, чтобы не иметь дело со всем отрядом. Прошло три скафандра. Четвероногий, гуманоидный и опять четвероногий. Айяр ждал, обнажив меч. Пора. Если он все правильно рассчитал, то сейчас пойдет последний. Айяр приготовился к прыжку. Скафандр поравнялся с ним. Еще два шага. Пора! Одним прыжком воин оказался на дороге. Светлое лезвие меча скользнуло вверх и прикоснулось острием к шлему. Сверкнули бесшумные искры, и скафандр остановился — остальные продолжали двигаться по дороге. Айяр ждал, что патруль обнаружит потерю замыкающего. Кроме того, он допускал, что остановленный скафандр еще может оказывать сопротивление. Но пока все шло хорошо: передние удалялись, а его пустышка стояла неподвижно. Айяр вложил меч в ножны и схватил скафандр за плечо. Тот упал так неожиданно, что Айяр отскочил, снова схватившись за меч. Скафандр лежал без движения. Айяр осторожно приблизился к нему, подхватил и поволок к лесу. Ифта тошнило от прикосновения к металлу. Но нужно было терпеть, пока хватает сил. Бесчувственная оболочка выпала из рук на край откоса и покатилась вниз, ломая ветви. Несмотря на немалый вес скафандра, Айяр был почти уверен, что внутри его никого нет. Спустившись, он перевернул скафандр на спину. Конструкция была старая — гораздо старее той, с которой имел дело юный Ренфо, но все же устройство ее отличалось не настолько, чтобы Айяр не сумел найти и открыть архаичную застежку. Он осторожно потянул шлем. Тот подался легко — скафандр действительно был пуст, — но из отверстия вырвался клуб пара, и Айяр, отпрянув, тяжело закашлялся, выхаркивая из легких кислый запах металла и раздирающий горло озон. Преодолевая отвращение, Айяр раскрыл металлическую оболочку. В той части, которая когда-то закрывала грудь владельца скафандра, висела на проволочных растяжках небольшая коробочка. Айяр, с ужасом подумал, что, вероятно, это сердце конструкции. Футляр деформировался, почернел и все еще дымился. Не в силах заставить себя прикоснуться к нему рукой или мечом, Айяр подобрал две сломанные ветки, оборвал проволоку, потом зажал ими коробочку и отшвырнул как можно дальше. Иллиль принесла пригоршню листьев и подала Айяру:

— Протри. Листья очистят его, и тебе будет легче.

Свежие ароматные листья оставили на внутренней поверхности скафандра зеленые пятна и удалили чужой запах. Быв-

ший хозяин скафандра был крупнее Айяра, но это не страшно — хуже, что сам по себе космический костюм оказался тяжеловат. Айяр будет в нем медлительным и неуклюжим. С другой стороны, это сделает его похожим на пустышки, которые служат ТОМУ-ЧТО-ЖДЕТ. Айяр поднял шлем. Затуманенная лицевая пластина совершенно не пропускает взгляд. Без особой надежды он попробовал протереть ее, и это неожиданно дало результат: образовалось небольшое окошко — обзор будет ограниченным, однако немногим хуже, чем в очках в середине дня. Все это вместе не слишком нравилось воину, но выбирать не приходилось, да и медлить тоже. Он повернулся к Иллиль.

— Готово.

— Пока ты не надел... иди сюда.

Она подвела его к противоположной стене оврага и показала на небольшое углубление. Рядом лежала груда недавно принесенных камней.

— Когда ты будешь готов идти, замуруй меня здесь. Я буду спать, пока ты не вернешься и не разбудишь меня.

— А если я...— пора было сказать это.

— Мы ведь и не считали, что будет просто. Наша задача — не остаться в живых, а спасти от уничтожения Семя. То, что подняло нас из пыли столетий, должно идти дальше.

— Да.

— Тогда дай мне руки.

Иллиль встала спиной к стене и негромко запела. Слова Тайной Речи высвобождали скрытую в нем силу и соединяли ее с силой, которую принесла Иллиль. Из тела жрицы струился серебряный поток, данный ей Тантом,— теперь он переливался в Айяра. Из ее рук шло и распространялось по телу воина уже знакомое покалывание. Потом глаза Иллиль закрылись, лицо побледнело и застыло, она покачнулась и упала на Айяра. Он поднял легкое тело, завернул в оба плаща и бережно положил в нишу. Оставалось замуровать и по возможности замаскировать отверстие. Покончив с этим, Айяр влез в скафандр. Запах листьев напоминал об Иллиль, и все же Айяру потребовалось все его мужество, чтобы, надев шлем, полностью заключить себя в оболочку Врага. Телу, привыкшему к свободной и легкой одежде лесного охотника, было крайне неудобно двигаться в тяжелой упаковке. Айяр поднял и повесил на пояс меч:

— Будем надеяться, что его сочтут трофеем. Не идти же без оружия.

Затем он выбрался из оврага и неуклюже заспешил по дороге. Патруль ушел далеко вперед, а каждый шаг в скафандре давался с трудом. Хорошо хоть видимость достаточная, чтобы обходить рытвины. Дорога шла уступами, как гигантская лестница с грудами обломков по краям. Айяр ждал появления пропасти, у которой закончилось их прошлое путешествие по Белому Лесу. Вот и она. Колея повернула на юг и пошла вдоль края обрыва. Внизу клубился густой туман.

Вскоре Айяр дошел до места, где колея спускалась вниз. Он нырнул в туман и пошел между кристаллическими деревьями Белого Леса. Большей частью они были целы, хотя и здесь по краям дороги хватало обломков. На одном таком хрустальном осколке он заметил что-то темное. Оно оказалось человеком. Судя по бороде и превратившейся в лохмотья одежде, это был поселенец с участка. Он лежал, неловко подвернув голову и, скорее всего, был мертв. Впереди сквозь туман различалась долина и несколько черных холмов на ней. Судя по резкому отличию от красновато-желтой песчаной почвы долины и строгим геометрическим очертаниям, они были искусственного происхождения. В таком случае для их сооружения потребовалась циклоническая работа. Подойдя ближе, Айяр увидел, что вокруг холмов происходит постоянное движение. Трудно было сказать, люди ли там или оживленные волей ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ скафандры, но движения их казались странно бесцельными. Точно так же бесцельно перемещались машины. Айяр видел явно без толку крутившийся у подножия холма корчеватель. Рядом с черной громадой механизм казался крошечным. Вероятно, это просто стоянка для слуг ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, если, конечно, можно назвать стоянкой эту тупую суету. Здесь его вряд ли заметят, но как он найдет путь отсюда к сердцу Врага? Впрочем, он не сомневался в том, что найдет. Если для этого придется обойти всю Пустошь — значит, он обойдет ее всю. Почему никто из ранних исследователей Януса не упоминал об этих холмах? Они должны быть хорошо видны сверху, а при таких свидетельствах местного разума планету нельзя было выставить на аукцион, где Угольный Синдикат приобрел право на нее почти сто лет назад. Можно понять, почему исследователи не заметили скрытый деревьями Ифткан, но как они пропустили эти холмы? Чем ближе подходил Айяр, тем больший интерес они вызывали. На здания это не было похоже — скорее, просто кучи земли. Могильники исчезнувшей расы? Но память ифтов не знала других обитателей Януса, кроме них самих, ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ и ларшей. Ларши только-только перестали быть животными в последние дни Ифткана. Правда, потом у них могло быть еще десять веков развития цивилизации под правлением ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. А может, они и сложили эти пирамиды в честь своих предков или в честь Силы, которая вела их против Леса? На дне долины ноги Айяра увязли в рыхлом песке, и он почувствовал себя еще более неуклюжим, чем при первых шагах в скафандре. Навстречу шел человек, и ифт остановился. На приближающемся был мундир портовой полиции; глаза на загорелом лице тупо смотрели перед собой, и шел он так, будто был механической игрушкой, которую завели и пустили шагать, пока не сотрутся детали. Все остальные вокруг двигались так же: шли, поворачивали и снова шли до следующего непредсказуемого поворота. Айяр искал глазами патрульные пустышки, но здесь скафандров вообще не было. И колеи не было. Может,

обойти долину по краю? По крайней мере не придется лавировать среди этих сомнамбул. Из отвесных стен местами торчали кристаллы; на песке он пару раз встречал людей, неподвижно лежавших с раскинутыми руками. Оба раза это были не портовые служащие, а поселенцы. Костюм и песок так измучили ифта, что пришлось сделать то, что могло оказаться очень опасным: он прислонился к стене. Дав отдых мышцам, Айяр осматривал долину. Солнце уже клонилось к западу, и мысль о том, что ночи осталось ждать недолго, придавала надежду, а вместе с ней и силы. Ни ифтов, ни скафандров в толпе не попадалось, очевидно, у них была другая стоянка-ходилка. Он оттолкнулся от стены, покачнувшись, обрел равновесие и двинулся дальше. Что-то заставило его взглянуть на вершину ближайшего холма: там виднелся флайер. Но он явно отдыхал — не было слышно обязательного жужжания. Вдруг что-то вокруг изменилось. Если бы Айяр не рискнул отдохнуть, прислонившись к стене, он мог бы и не заметить этого. Шедший неподалеку поселенец неожиданно остановился с занесенной ногой, мгновение постоял так и упал навзничь. Айяр осмотрелся. Оказывается, теперь во всей долине стоял он один. Поисковая мысль? Не его ли ищут? Нужно не только наглухо запереть сознание, но не думать вообще, стереть Айяра. В нормальном состоянии он бы с этой задачей не справился, но сейчас помогала Сила Зеркала. Мыслей не стало, и даже чувства притупились. Ощущался только происходящий над долиной скрытый поиск, как будто над ней повисла огромная рука с хищными пальцами, готовыми вцепиться в жертву. Проходили минуты, тени холмов поглощали лежащие на песке фигуры, а поиск продолжался... И вдруг ищущей мысли не стало. Ничего не изменилось, никто из пленников не поднялся на ноги и даже не пошевелился, в долине стоила мертвая тишина, но Айяр знал, что охота кончилась, и если дичью был он, то кончилась ничем. Идти дальше? Но движение может выдать его. Сколько же ему изображать статую? До ночи. Темнота укроет его, как ифтянский плащ, и можно будет снова самому стать охотником. Но ждать до ночи не пришлось. Из-за холмов вышли два скафандра-пустышки: земного типа и четвероногий. Они остановились рядом с одним из лежащих на песке, гуманоидная пустышка подняла обмякшее человеческое тело, а четвероногая зачем-то выпрямила его. Затем они двинулись, волоча свой груз, в дальний конец долины. Айяр, забыв о страхе, потащился за ними. Человек, которого они волокли, был в мундире с офицерскими нашивками на воротнике. Похоже, ТО-ЧТО-ЖДЕТ заманило сюда весь персонал порта. Пустышки свернули налево и скрылись за холмом. Айяр, проклиная свою неуклюжесть, черепашьим шагом заспешил вдоль стены, чтобы встретиться со скафандрами, когда холм кончится, но, добравшись до предполагаемого места встречи, не нашел там ни носильщиков, ни ноши. Он подождал. Без толку. Потом рискнул отойти от стены и поплелся вдоль холма,

чтобы, как только появятся пустышки, пойти за ними. Но он обошел весь холм, а скафандры так и не появились. Айяр повернул за угол — никого. Вообще никого. Как будто вся живая-неживая троица растворилась в воздухе или просто привиделась ему. Ифт двинулся в ту сторону, откуда появились скафандры. Попадались только лежащие без движения люди. Но Айяр не оставлял надежды найти хотя бы тропу, проложенную башмаками носильщиков или волочащейся за ними ношей. Тропа нашлась, привела к стене холма и оборвалась там. Здесь они действительно исчезли. Айяр с усилием поднял руку и ткнул перчаткой скафандра в стену холма. На песок упал темный ком. Ифт осмотрелся и увидел такие же комья у конца следа. Влезли наверх? Он пошел вдоль стены, тщательно осматривая ее через окошко в мути лицевой пластины. Водя шлемом почти по стене, он обнаружил в ней отверстие, которое, вероятно, осталось бы незамеченным, не окажись оно почти на уровне глаз. Он сунул руку в дыру. Песок под ногами зашевелился. Айяр медленно увязал в нем и, скованный предательской скорлупой, не мог ничего предпринять. Вот он увяз уже по колено, потом по пояс; рука, не сумев уцепиться, выскочила из отверстия. Песок перестал сыпаться. Похоже, Айяр стоит на чем-то твердом, на какой-то платформе, которая уходит вниз, туда, куда утащили человека и куда теперь спускается он, такой же беспомощный, как и тот.

Стен не было видно, и Айяр инстинктивно передвинулся к центру платформы. Было слишком темно даже для ифта, ничего не было видно, глянуть на здешний мир мешал и шлем. Платформа коснулась пола. Айяр подождал, слабо надеясь, что она поднимется. Но не дождался и осторожно сошел с нее Чтобы осмотреться, пришлось снять шлем, точнее, откинуть его на плечи. Теперь остро ощущалась беззащитность обнаженной головы, но зато можно было оглядеться, что Айяр проделал, радуясь вновь обретенному зрению. Входное отверстие было слишком высоко, чтобы попытаться лезть к нему в скафандре или даже без него. Платформа, по-видимому, среагировав на исчезновение груза, стряхнула песок и двинулась обратно. Айяр, забыв о своей неуклюжести, попытался прыгнуть на нее. Прыжка, разумеется, не получилось, платформа уходила, а он едва не упал на пол. Сохранить равновесие все-таки удалось, но это было слабым утешением — ловушка захлопнулась. Вот только как двигаться дальше в полном мраке? Как только люк наверху закрылся, обретенное было зрение оказалось бесполезным. Айяр стоял перед стеной — это он знал,— но что находится справа и слева? Сзади? Куда идти? Обострившийся с потерей зрения слух уловил в стене жужжание. Там была жизнь, но не жизнь человека или ифта. Потом он заметил вдоль стены... Пульсацию мрака? Да, если можно такое представить, то по абсолютной тьме проходила тень, еще более темная. Энергия? Можно ли увидеть энергию? Запахи! Это напомнило о себе обоняние. Его поведет запах

человека. Принюхиваясь к воздуху, Айяр пошел влево. Несколько шагов по песку, и дальше — твердая и чистая поверхность. Идти гораздо легче, чем по вязкой долине, но время от времени башмаки скафандра, несмотря на все старания, звякали об пол. Характер пульсации на стене не менялся. Если он и включил какую-то сигнализацию, то никаких результатов этого пока не было заметно. Ни проходов в стене, ни каких-либо ориентиров. Воин и охотник, он даже во тьме помнил бы пройденный путь, если бы проклятый скафандр не изменил мышечные усилия. Если это действительно ловушка, то он теперь даже не знает, где вход в нее. И все же Айяр знал, что какое-то новое и пока непонятное, пока ничем не проявляющееся чувство живет в нем и готово повести, когда... Когда? Дальше! Судя по запаху, он идет правильно. Он спешил, насколько позволяли осторожность и тяжесть скафандра. Пожалуй, даже несколько больше, чем требовала осторожность. Свет показался тогда, когда он уже был готов поверить в бесконечность этого прохода. Но вот и дверь. Круглая, как воздушный люк на космическом корабле. Она приоткрыта, а за ней свет. Айяр осторожно потянул ручку на себя и прижался к стене. Стало чуть светлее. Однако он не спешил радоваться — скорее всего, там засада, и почуять ее может только его нос. Кислый дым, вроде того, что едва не отравил его, вырвавшись из скафандра, но слабее; запах человека; еще какие-то запахи, но все — слабые. Нет, его там не ждут. Айяр взялся за меч и перешагнул высокий порог. Он стоял в совершенно круглом помещении, размером в обхват Ифтсайги. Три двери. Он почему-то сразу решил, что за каждой из них по коридору. Вокруг толстой центральной колонны вьется узкая лестница. Все это похоже на космолет. Айяр подошел к лестнице и обнюхал ступени. Запах был, но лезть очень не хотелось. Освободившись от скафандра, он взлетел бы быстро и бесшумно, но снимать мерзкий металл нельзя. Даже откинутый шлем был непозволительным риском, но в шлеме он был бы слеп. С грохотом ползти по ступеням в тяжелом и сковывающем движения железном футляре — риск еще больший... Хватит. Единственный способ избавиться от риска — это сейчас же перерезать себе горло. Он ухватился за ребристые перила и поставил ногу на первую ступеньку. Для таких случаев на подошвах скафандров предусматриваются магнитные присоски, но они, конечно, не действовали, так что приходилось подтягиваться на руках, медленно переставляя скользящие ноги, но почти не опираясь на них. Как ни странно, лестница была преодолена, и ничего не произошло. Теперь он стоял в начале нового, плавно идущего вверх коридора. Тоже без ответвлений, Айяр шел, останавливаясь через каждую дюжину шагов, чтобы слушать, принюхиваться, а главное, чтобы проверить, не заговорит ли внутренний часовой. Чем дальше уходил он, тем светлее становилось, и Айяр смог рассмотреть стены. Если это коридор космического корабля, то

почему нет швов. Как будто весь туннель прорублен в огромном монолите. Нейл Ренфо не знал таких технологий. И такого холода он тоже не знал, хотя хорошо помнил, что такое стылый металл. В конце концов подъем кончился, коридор привел в новое круглое помещение с несколькими выходами, без дверей. Здесь в нос ифту ударила мерзкая мешанина чужих запахов. Дедо было не в отвращении, а в том, что теперь невозможно ориентироваться по обонянию. В какой же из коридоров идти?

— Попробуй...

Айяр, скованный скафандром, не успел выхватить меч, Он только пригнулся и дотянулся до рукояти, когда осознал, что не *услышал* — слово возникло у него в мозгу. ТО-ЧТО-ЖДЕТ?

— Попробуй... меч.

Опять же не глазами он увидел слабые очертания знакомого лица. Глаза закрыты, щеки впали. Иллиль! Не совсем такая, какой он оставил ее, но все-таки: — Иллиль!

Он не произнес, а, ощущая соединившую их тонкую ниточку мысли, передал по ней это имя.

И внутренним зрением увидел, как шевельнулись ее губы.

— Попробуй мечом...

Айяр достал меч и направил его к ближайшему коридору. Он не знал, что должно произойти, но в этот раз ничего и не произошло. Он попробовал другой коридор, третий — есть! Не свечение, а только одна зеленая искра отделилась от острия и тут же исчезла. Предостережение? Скорее, наоборот. Он пошел в указанный коридор. Потолок здесь был выше, чем в той трубе, по которой он поднимался. Кое-где на стенах видны были царапины, знакомые грузчику Нейлу Ренфо, перетаскавшему немало громоздких вещей по узким проходам. Какого же рода грузы носили здесь?

— Иллиль! — мысленно позвал он.

— Следи... меч...

Лица не было. Только слова, и с ними чувство опасности, словно сам контакт грозил ему чем-то. И все же Айяр почувствовал себя лучше, зная, что идет не один. Жужжание в стенах было сильнее, чем внизу, и даже в воздухе чувствовалась пульсация. Все запахи заглушала сильная, застоявшаяся вонь машин. Айяр поравнялся с неплотно прикрытой дверью в стене и осторожно заглянул внутрь. Огромные пыльные и воняющие предметы, приглушенный рев. Машины. Зачем они ТОМУ-ЧТО-ЖДЕТ? Ифты знали о машинах только то, что они принадлежат людям и не идут ни в какое сравнение с силой ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ или Зеркала Танта. Зачем же они здесь? Может, ими пользуются слуги Врага? Во всяком случае, Айяру здесь делать нечего. Больше дверей в стенах не было, но через два десятка шагов Айяр оказался между двумя параллельными кристаллическими пластинами, и меч заискрился. Опасность? Он шагнул вперед, повернулся и прикоснулся мечом к блестящей поверхности. Не ударил, а только прикоснулся, но кристалл мгновенно покрылся паутиной тре-

щин и потускнел. Айяр так же обработал вторую пластину. Если это был датчик, то больше он не работает. А если сигнал уже пошел? Значит, вызов брошен. Теперь он ждал новых пластин. Их оказалось еще две пары. Очевидно, легкие победы над кристаллами сделали его излишне самоуверенным, и то, что случилось с ним потом, едва не повергло его в панику. Когда он остановился отдохнуть, испортив последнюю пару, оказалось, что скафандр движется помимо его воли. Несмотря на все сопротивление, Айяр не мог ни остановить его, ни хотя бы заставить сбиться с шага. Единственное, что удалось сделать ценой невероятных усилий, это вложить в ножны меч, чтобы вышедшая из повиновения, а вернее, вернувшаяся под власть прежнего хозяина оболочка не выронила по дороге единственное оружие ифта. Он-то думал, что, выбросив «сердце», обезопасил скафандр. Выходит, осталось что-то еще, что может принимать команды извне. Скафандр целенаправленно двигался вперед. Мелькали двери, и Айяр, мельком успевая заглядывать в них, видел незнакомые машины. Снова винтовая лестница. Скафандр взобрался по ней гораздо увереннее, чем когда им двигал ифт. Айяру очень хотелось связаться с Иллиль. Он не надеялся получить совет — просто хотелось почувствовать прикосновение живой мысли среди этой веками враждебной его роду антижизни. Но он помнил предостережение, полученное при последнем контакте, и не позволил себе просить этой поддержки. Едва скафандр справился с лестницей, как неподалеку заскрежетало гусеницами «яйцо». Айяр решил было, что яйцеобразный послан за ним, но ошибся — «яйцо» покатило дальше. А может быть, и не ошибся, потому что «его» скафандр зашагал в том же направлении. Ифт беспомощно повторял движения металлической оболочки, и тем не менее Айяр, понимая, что близок к цели своей миссии, ощущал себя не жертвой, а воином, готовым к последней битве. Впереди из двери показался еще один скафандр. Айяр рванулся, сразу забыв о бесполезности усилий: на плече пустышки безжизненно болтались руки и голова голого ифта.

— Иллиль! Как они смогли!..

Его попытка и на этот раз оказалась тщетной. Скафандры двигались каждый к своей цели. Однако, минуя дверь, куда внесли Иллиль, Айяр, выворачивая шею, сумел рассмотреть в комнате зеленое тело, лежащее лицом вверх на столе-манипуляторе. Не она! Он увидел щель на уровне горла. Металлические руки стола поднялись для работы... Фальшивый ифт! Айяр заглядывал после этого еще во многие комнаты, но не понимал того, что там происходит. Наконец скафандр вошел в очередную дверь, и ифту пришлось зажмурить глаза от нестерпимого света. Скафандр прошел вперед, повернул, сделал два шага и остановился. Айяр чуть приоткрыл глаза и попытался осмотреться. Свет лился из нескольких плоскостей, но, к счастью, не бил прямо в лицо. Рядом стояло гусеничное «яйцо», потом — робот-ремонтник, четыре человеческих ска-

фандра разных систем и дальше еще какие-то не то пустышки, не то роботы, но их уже нельзя было рассмотреть. Светильники или зеркала были расположены несколько правее на противоположной стене, а впереди, перед серединой строя, стоял стол с вертикально поднятой крышкой. К ней был привязан инопланетник из долины. Открытые глаза смотрели в зеркало, отражение в котором показалось Айяру каким-то неправильным, хотя оно с абсолютной точностью воспроизводило неподвижного человека. Или труп. Только переведя взгляд на второе зеркало, перед которым ничего не было, Айяр понял, в чем дело. Со своего места он не должен был видеть отражения инопланетника. Во втором зеркале отражался другой поселенец. Густая борода, спутанные волосы, серо-коричневый комбинезон. Но человека-то перед зеркалом не было! Скафандр Айяра понес его к столу. За ним последовал еще один человеческий скафандр. Под зеркало?! Он закрыл глаза. Рукава поднялись, перчатки согнули пальцы Айяра. Начали манипулировать. Он снова приоткрыл глаза. Скафандры освобождали из креплений на стене зеркало с изображением поселенца. Панель была высокая — задача для скафандров непростая, но они действовали без спешки и вполне уверенно. Когда зеркало отделилось от стены, изображение поселенца не исчезло. Конечно, оно не было отражением, а панель — зеркалом. Скафандры понесли зеркало из комнаты. Инопланетник остался лежать на столе. Они двигались в направлении, обратном тому, откуда был доставлен сюда Айяр. Скоро они вошли в помещение с длинным рядом столов. На одном лежало незаконченное тело фальшивого ифта. Вместо рук — пузыри желеобразной массы, на лице еще не проявились черты, остроконечные уши повисли. Тело отражалось в зеркальной поверхности. Но отражение, в отличие от тела, было полным. Очевидно, на самом деле оно было образцом.

На другом столе желе лежало неопределенной дрожащей массой. Над ней плясали вспышки света, поочередно касаясь отдельных участков. Все, что было в Айяре от ифта, восставало против увиденного. Рассудок его готов был помутиться. Однако то ли сработала какая-то защита, то ли просто от физически невыносимой вони — но он потерял сознание, а когда пришел в себя, скафандры уже выходили из комнаты, выполнив, очевидно, свою задачу. На обратном пути Айяр начал думать о том, как освободиться от своей оболочки. Ясно, думал он, что мной здесь никто не занимается. Значит, можно попробовать. Конечно, выбраться из этих нор не удастся, а избавившись от скафандра, он лишится всякой маскировки, но зато опять сможет легко двигаться и управлять своим телом. Вот только как это сделать?

Энергия, вложенная в него Тантом, действует через меч. Значит, нужно вытащить его. Айяр попробовал поднять руку. Не получилось. Повернуть ладонь в перчатке? Вложив всю силу в запястье, он сделал это. Перчатка подалась, шевель-

нулась. Айяр чувствовал, что вздувшиеся мышцы готовы лопнуть от напряжения, но рука дюйм за дюймом двигалась к мечу, пока пальцы не ткнулись в рукоятку. Очень хорошо. Что теперь? Чтобы энергия вошла в меч, он должен коснуться голой плоти. Айяр попытался передать ее через перчатку, но безуспешно. Скафандр же снова вышел из ряда — теперь в паре с четвероногим — и прошагал к столу, где лежал инопланетник. Айяр вынужден был закрыть глаза, уберегая их от яркого света, но теперь он не просто позволял вести себя, а повторял движения оболочки, готовясь к решительному рывку. Скафандры сняли скобы, фиксировавшие тело. Айяр сильным движением, точно скоординированным с движением скафандра, развернул его так, что рукоятка меча зацепилась за скобу. Когда скафандр отступил, меч вышел из ножен и со звоном упал на пол. Ифт получил шанс на спасение. Если он успеет добраться до меча, пока скафандр не отошел от стола — свобода; если нет — оружие утрачено безвозвратно. Скафандр наклонился, чтобы снять зажим с лодыжки инопланетника. Айяр помог ему, завершил движение мощным толчком и обрушил свою оболочку на пол. Меч лежал перед самым лицом. Вытянув шею до тошноты в передавленном горле, Айяр дотянулся зубами до рукоятки. Скафандр вставал. Айяр попытался направить энергию в меч через конвульсивно сжатые челюсти. Лезвие, оторванное от пола движением скафандра, качнулось, коснулось металла, хлынула серебряная рябь... Скафандр замер. Айяр, не встречая сопротивления, поднял руку и взял меч изо рта. Не выпуская оружия, левой рукой он начал расстегивать замки. Айяр не был уверен, что скафандр окончательно выведен из строя, а не только парализован, и потому спешил. Наконец пустая оболочка упала на пол. За это время четвероногая пустышка успела снять тело со стола и понесла его к двери. Айяр надел перевязь с мечом и вышел вслед за четвероногим. Остановить его? Но инопланетник не шевелился, широко раскрытые глаза не мигали. Его уже не спасти. Скафандр вошел в комнату с двумя рядами высоких прозрачных цилиндров. В левых, накрытых тяжелыми куполами из красноватого металла, была темно-розовая жидкость, в которой смутно проглядывались плотные образования. Четвероногий подошел к пустому цилиндру и нажал кнопку у основания. Контейнер опустился. Скафандр сбросил в него свой груз, после чего цилиндр вернулся в прежнее положение, сверху опустился купол, и из подведенной к нему трубки полилась жидкость. Айяр вжался в дверной косяк, едва заметив, как прошел мимо него и скрылся из виду четвероногий носильщик. Заметил ли вошедший Айяра? Если оболочка скафандра пуста, энергия меча легко обезвредит его, однако, если внутри скрывается живое существо, схватка может быть опасной. Айяр посторонился, уступая дорогу: осторожность не помешает. Не проявив ни малейшего интереса к Айяру, скафандр неторопливо зашагал к выходу. Оставшись в одиночестве,

Айяр осмотрелся. Он был потрясен количеством цилиндров, находившихся в громадном помещении. Словно лес из мертвых, злых деревьев стоял вокруг... Заполненных цилиндрических контейнеров было, без сомнения, значительно больше, чем поддельных ифтов, встречавшихся на дорогах. Похоже, здесь формировалась настоящая армия. Но в кого же они превратятся потом, эти спящие матрицы существ, только внешне напоминавших ифтов. Кто они? Ифты, изменившиеся под злобным влиянием ЖДУЩЕГО? Или...— у Айяра перехватило дыхание,— или это выходцы из древних времен, попавшие в плен к ларшам?.. Сможет ли кто-нибудь снова вернуть их к подлинной жизни? Айяр заглянул в контейнер: человек-инопланетник внутри не подавал никаких признаков жизни. Где же ОНО, это проклятое ЖДУЩЕЕ, которое правит здесь всем? Где разыскивать ЕГО — вверху или внизу? И куда ведут эти норы — под холмы или, может быть, под каменные стены долины? Главное сейчас — вовремя заметить пластины, чтобы не попасть впросак... Да вот и они, и совсем рядом! На этот раз Айяр не стал разрушать их, а осторожно, почти вжимаясь в пол, прополз точно посередине узкого пространства, разделяющего пластины... Почудился запах, напоминающий о чистом и остром лезвии ножа, легко рассекающего вонючую паутину келрока. Айяр остановился. От ифта не укроется запах растений. Он ведет его, он необходим, как чувство пути... Как нужен был Айяру запах долины, где он покинул уснувшую Иллиль... Внезапно почувствовав прилив бодрости, Айяр двинулся на запах. Его движения были быстры, но не беспечны: забывать об опасностях нельзя. Иначе он рисковал свернуть себе шею, свалившись в предательскую шахту. Лестницу заменял пологий спуск. С каждым шагом вокруг Айяра усиливался знакомый запах — запах настоящей жизни. Только...— первоначальное радостное возбуждение Айяра угасло, заглушенное природной осторожностью: вдруг пришло сознание того, что сейчас должна стоять зима, а пахло — пахло весной! Проверяя себя, он глубоко вдохнул. Так и есть: ноздри затрепетали от манящего аромата молодых листьев. «Похоже,— подумал Айяр,— на своей территории ТО-ЧТО-ЖДЕТ управляет даже сменами времен года...» Чтобы выйти на открытое пространство, ему пришлось еще дважды пробираться ползком между хрустальными пластинами. Зато теперь снизу поднимался упоительный аромат, сравнимый только с запахом самого Ифткана. И свет — серебряный, лунный, ласковый... Этот свет благодарно воспринимали усталые глаза Айяра, а к телу, словно омываемому целительными волнами, снова возвращались силы. Айяр медленно расслабился: он все-таки дошел. Сознание, впрочем, бодрствовало: чувство опасности, глубоко укоренившееся в мозгу, вернуло его к действительности... Тревога: это не Ифткан, он не имеет права забывать, что находится в самом сердце владений ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ! Не позволять себе обманываться внешней видимостью! Ведь он уже

сталкивался с ложными ифтами и знает, как обманчиво подобие... Но как манил пейзаж, открывшийся внизу, как сладко усыплял, как звал! Все было так знакомо, так похоже на Дом — да это и был его Дом!.. Айяр быстро спускался по узкой крутой тропе, такой узкой и такой крутой, что идти по ней можно было, лишь соблюдая крайнюю осторожность. А внизу росли деревья, целая густая роща. Их зеленые мирные кроны радовали глаз, а ноздри не чуяли запаха зла... Сойдя с тропы, он двинулся по мягкому глубокому мху. В траве то здесь, то там встречались закрытые на ночь головки колокольчиков, а ближе к подножию стены росли высокие лилии-бергеры. Странно: у них, похоже, совсем не было запаха, а ведь расцветающие лишь ночью бергеры Ифткана распространяли далеко вокруг удивительный аромат... Может быть, он ошибся — это другие цветы? Айяр наклонился, потрогал нежный бархатистый лепесток: бергер. Цветок стоял живой, реальный... Но где же запах, куда он подевался?

Айяр насторожился: эта мелочь разрушила начавшееся было слияние ифта с буйной растительностью вокруг. Он стал внимательно приглядываться к другим цветам и травам... Вот — мох... Да, мох настоящий. А вот соленое деревце с капельками ночной росы на крошечных серых листьях... Айяр осматривал одно за другим деревья, кустарники, травы, припоминая их особенности. Пожалуй, все правильно. Вот только лилии... Что это? В воздухе неожиданно разлился резкий аромат бергеров, до пресыщения сладкий и терпкий, словно кто-то окатил цветы свежей струей воды. Воды?.. Айяр облизнул сухие губы. Стоило ему подумать об отсутствии запаха, стоило усомниться в подлинности лилий, остановиться и оглядеться вокруг — и запах возник. Но слишком поздно, чтобы развеять подозрения. Сорвав лист, Айяр размял его в руке: лист издавал сильный, характерный для бергеров запах, совершенно натуральный. Но Айяр больше не верил ни листу, ни всей уютной зеленой рощице: это была западня. Он поспешил к тропе, с которой так необдуманно сошел... Тропа исчезла. На ее месте возвышалась голая каменная стена. Что же... ТО-ЧТО-ЖДЕТ знает о его присутствии. По крайней мере, он предупрежден. Айяр снова осмотрелся. Деревья были невысоки. Для того, кто помнил, эта роща смотрелась миниатюрной копией Великих Башен Ифткана. Обойти рощу было нельзя. Выход из норы закрыт — значит, путь назад теперь тоже отрезан. Остается идти прямо вперед. Попытаться преодолеть хитроумную ловушку, положившись лишь на обычный разум ифта и — меч. Айяр решительно шагнул под ближайшее дерево. Даже при внимательном рассмотрении роща, казалось, ничем не отличалась от привычной маленькой рощицы Януса. Айяр уже было подумал, не померещились ли ему странные лилии. И тут он вышел на поляну. Деревья расступились, и глазам открылось крошечное озерцо, серебрящееся в лунном свете. Айяру захотелось подбежать и напиться вволю холодной,

чистой лунной воды. Он сделал шаг — и замер. Что-то, что поддерживало и предостерегало со времени прикосновения Танта, остановило его и на этот раз. Что было не так? Луна как луна. Обычное озеро, трава, камни... По краю озера, вдоль прибрежных камней гибко протянулась суставчатая лапа с крючковатыми когтями. Быстро погрузившись в воду, она вновь вынырнула, сжимая трепещущую крупную рыбу, и, неуловимо изогнувшись, исчезла... Но и это нормально. Обыкновенный рыболов. Самое естественное явление в этом месте и в этот час. Слух ифта различал множество звуков, издаваемых ночными охотниками леса — летающими и ползающими, большими и маленькими. Не было лишь одного — печального призывного крика кваррина. Кварриныи ифты, издавна жившие бок о бок в Великом Лесу, были скорее партнерами и друзьями, чем хозяевами и слугами. Две разновидности разумных существ мирно соседствовали в дебрях Великого Леса, всегда ощущая присутствие друг друга. И сейчас Айяр остро ощутил, что в лесу нет кварринов. «Если ЖДУЩЕЕ следит за мной, ему ничего не стоит воспроизвести зов кваррина, как ОНО добавило недостающий запах лилии»,— подумал Айяр, не двигаясь с места и прислушиваясь. Но знакомое «ху-урурр» так и не прозвучало. Обогнув озеро, Айяр снова углубился в лес. Он шел и напряженно размышлял над тем, *что* такое этот лес, зачем он встал на его пути. Машины в норах действовали по приказу ЖДУЩЕГО, по ЕГО воле выросло и миниатюрное подобие Великого Леса. Айяр ни секунды не сомневался, что это деяние ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Видимо, Иллиль ошибалась, предполагая противное. Поддельный запах лилий было необъяснимо сродни фальшивому ифту. Не были ли эти подделки вскормлены таинственным иллюзорным лесом?.. Не было слышно ни шорохов, ни звука шагов, но запах усилился. Айяр почувствовал чье-то приближение. Куст вздрогнул, тонкая рука отвела ветку, и на открытое пространство шагнула женщина. Да, он помнил ее, хотя это была не Иллиль в ее охотничьей куртке с капюшоном; Эшла-Иллиль, верный товарищ в любой опасности. Это была другая. Прекрасная девушка-ифтянка в прозрачном платье из живых цветов. Такие источающие аромат платья девушки носили во время Выбора на весенних играх... Вся красота древней расы, казалось, сосредоточилась в ней. Девушка смотрела на Айяра, улыбалась и — манила, манила его к себе ритуальным чарующим жестом Выбора... Включилась древняя реакция, лихорадочное возбуждение, ни разу не посещавшее Айяра после перерождения, вдруг нахлынуло на него, и он послушно пошел на призыв, протягивая руку к стройной ифтянке...

— Ложь,— слабо шевельнулось в сознании, и смутно привиделось другое, родное лицо.— Ложь, фальшь...

Предупреждение было таким робким, а нежная девушка все ближе покачивалась перед Айяром в первых движениях танца Выбора, и ее руки томно тянулись к нему...

— Я — Валлиль, я твоя Валлиль, могучий воин...

Платье из цветов дурманило, травы мягко обвивали ноги, но улыбка девушки стала неуверенной, почти злой. О Валлиль, задумчивая Валлиль, когда-то Айяр жадно искал тебя на Выборе, когда-то это было правдой...

— Ложь! — отчаянно настаивал шепот глубоко в сердце.

— Иди ко мне! — повелительно произнесла девушка. — Валлиль не ждет воина — ее ждут многие!

Память не лгала: многие бы отдали полжизни за то, чтобы танцевать танец Выбора с Валлиль. И колебаться теперь, когда счастье так близко... Она снова поманила его. Бессознательно улыбаясь, Айяр двинулся навстречу Валлиль...

— Фальшивка!..

Рука его дрогнула. Так уже бывало в те моменты, когда скафандр управлял им, а не он — скафандром. Стоп, скафандр... Лабиринт темных нор... комната зеркал... Подобия людей!.. Айяр очнулся — над ним удушающим смрадом нависал запах мнимого ифта... Рука рефлекторно потянула меч из ножен. Девушка перестала улыбаться, страх исказил ее лицо и превратил его в безобразную маску. Красота и очарование исчезли. Лже-Валлиль съежилась, воздела руки в мольбе и ужасе... Если ее создали воля ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, то создание было почти совершенно и превосходно играло свою роль. Айяр заколебался. Да, запах не оставлял сомнений, но убить девушку... Противника для него выбрали удачно.

— Сумасшедший!.. Безумец! — закричала она дрожащим голосом.

Айяр наконец заставил себя заговорить:

— Я не безумец. Ты создана ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ...

Он по-прежнему сжимал в руке меч, зная, что осторожность требует: «убей!». И, словно околдованный, не мог, да и не хотел взмахнуть клинком... Она тихо повернулась и скрылась за деревьями, а Айяр все стоял и смотрел ей вслед, смутно сознавая, что, возможно, только что обрек себя на провал и смерть... Было тихо, но за этой тишиной скрывался обычный ночной шум: шуршание ящериц в траве, порх сонной птицы, треск ветки, сломленной зверем... Опять ошибка. Совсем маленькая, почти незаметная для неискушенного слуха ошибка, вроде лилий без запаха... Но для Айяра не было приметы ясней, знака, верней разоблачающего подделку: в настоящем лесу их ссора и паническое бегство Валлиль вызвали бы на некоторое время полное безмолвие, мертвую тишину. Айяра так и подмывало испытать энергию меча на первом попавшемся дереве, хотя бы на том, к которому он только что прислонялся. Хотелось как-то разрядиться, избыть накопившееся напряжение. Но глупо понапрасну тратить силу. Преодолев минутное настроение, Айяр двинулся дальше с ловкостью истинного охотника, внимательно следя за тем, куда ступает, прислушиваясь к окружающим звукам. Но если в этом лесу и были еще обитатели, то пока Айяр не обнаружил

их. Не появлялась больше и Валлиль, но впечатление дичи, за которой следит зоркое око преследователя, постоянно усиливалось. Айяр неожиданно поворачивался, резко останавливался, прислушиваясь и оглядываясь, но никого не мог обнаружить. В конце концов, измученный ощущением подступающей со всех сторон опасности, он остановился и, тяжело дыша, привалился к дереву. Машинально переводя взгляд, Айяр обратил внимание на лиану, вьющуюся по ветке прямо у него над головой. Зеленое змеистое растение обвивало также и ствол, цепляясь усиками за соседние ветви... Такие лианы встречались кое-где и в Великом Лесу. Они росли быстро, давали множество побегов и если бы так же быстро не отмирали, лиановая масса могла бы повалить дерево своим весом. Но это растение было не из самых больших. На листьях и вдоль стебля собрались капли влаги — то ли роса, то ли сок, подобный тому, что выделяет по ночам соленое деревце. Айяр поднял голову и принюхался к слабому и странному запаху. Неужели ему показалось, что капли стали крупнее, замерцали неверным фосфорическим светом? Нет, они действительно росли и светились даже там, куда не достигало ровное лунное сияние. Несколько капелек помельче слились воедино и скользнули с листа на землю. В месте падения с почвы поднялся крошечный завиток пара и раздалось легкое шипение, такое тихое, что, будь Айяр менее внимательным, он ничего бы и не заметил. Капли падали все чаще. Звук их падения напомнил шелест моросящего дождя... Боль! Айяр едва сдержал крик: левую кисть лизнул язычок огня. На коже осталась маслянистая капля. Попытавшись стряхнуть ее, он резко взмахнул рукой, но капля даже не сместилась. Болезненный жар впился в плоть. Он потянулся было вытереть руку об одежду, но вовремя сообразил, что жгучая гадость может впитаться в ткань. Встав на колено, Айяр поспешно вытер кисть о землю, но тут же другая капля упала на плечо, и он, застонав от боли, выпрямился. Дождь! Огненный дождь! К тому же лиана оказалась не одна: вот еще... и еще, и еще! Они пышными гирляндами висели над Айяром, беспрерывно осыпая его ядовитой изморосью... Айяр бросился бежать, но проклятым лианам, казалось, не было конца. Едва не задохнувшись, он выскочил на поляну и остановился под открытым небом, еще не веря, что избавился от огненного ужаса. Схватив горсть листьев вместе с землей, Айяр тщательно вытер все пораженные жидким огнем места. Стертые капли оставляли после себя красные сочащиеся ранки...

— Вот второй ход ЖДУЩЕГО,— мрачно констатировал он.— Сколько их будет еще?

Айяр не понимал причин, вызывающих очередной ход противника, не мог их предсказать. Он точно знал одно: эта игра — его смертельное единоборство с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ. Человечество сыграло уже немало партий на дорогах космоса, используя опыт и навыки, держа в памяти знание выигрышных ходов, оно даже нередко выходило победителем... Сейчас став-

кой в предложенной Айяру игре была его жизнь и, скорее всего, не только его жизнь. Но ни суть игры, ни ее правила, если, конечно, они существовали, не были известны ему. Возможно, Айяр и имел в своем распоряжении какие-то фигуры, возможно, у него были даже преимущества, но он не знал, как и когда ими пользоваться. Каким должен быть следующий ход? Айяр присел на корточки, одной рукой касаясь земли, а другую держа на рукояти меча. Он знал, что охота продолжается, но вокруг был только будничный шум ночного леса, и ничего, что могло бы... Его спасло только то, что, резко повернувшись, он потерял равновесие и упал лицом вниз. Клейкая нить копьем пролетела сквозь то место, где только что была его голова, и, противно свистнув, упала на землю. Келрок! Послышалось раздраженное фыркание и бормотание голодного келрока, и поперек меча ударила еще одна клейкая нить. Лезвие вспыхнуло, отражая нападение... Айяр, обманутый отсутствием горьковатого запаха, всегда предшествовавшего удару келрока, едва избежал новой атаки — он забыл о силе, которую мог высвобождать меч в критические минуты. На этот раз меч сам рассек паутину. Однако ифт знал, что келрок не откажется от добычи и надо ждать нового нападения — откуда? Ни запах, ни движение не указывали на противника. Руководствоваться памятью о настоящем Лесе было бессмысленно... Попытаться укрыться за деревьями? Но любое из них могло оказаться тем самым местом, откуда чудовище выбрасывает свою паутину. Мгновенно взвесив уже известные опасности и предчувствуя появление новой, Айяр зажал в зубах меч и скачками бросился к ближайшему дереву, на котором вроде бы не было ядовитой лианы. Подпрыгнув, ухватился за нижнюю ветку и бросил послушное тело вверх. Им руководило не сознание, а инстинкт охотника и воина. Определить дерево без лиан. Найти на нем подходящую ветку. Точно прыгнуть и снова искать безопасное дерево. Один прыжок, второй, третий, четвертый. Он потерял направление, весь поглощенный слежкой за подстерегающими опасностями. Странно, что его перемещение не распугало ни птиц, ни других мелких обитателей крон — Айяр слышал звуки, но не видел никого из тех, кто мог их производить. Сколько еще иллюзорного, поддельного в этом кошмарном лесу? Ожоги болели — особенно тот, что на плече,— затрудняя воздушное путешествие. Как и раньше, Айяр не чувствовал ни голода, ни жажды, ни усталости, но надолго ли хватит дарованной ему силы? Местность пошла под уклон, перебираться с дерева на дерево становилось все труднее. Может, спуститься на землю? Сидя на ветке, Айяр прислушался и принюхался. Внизу отдельными островками рос высокий кустарник, по виду напоминающий папоротник. Он был слишком новый и свежий — как лиана,— и наводил на те же подозрения. Пышные листья, шарообразные темно-зеленые с черными прожилками соцветия... Отломив длинную ветку, Айяр лег на прочный сук и

дотянулся до самого высокого шара. Тихий хлопок — и кудрявая головка цветка исчезла в облачке черной пыли... «Нет уж, — поморщившись, решил Айяр,— лучше держаться деревьев, пока это возможно. Или пока внизу не появится что-нибудь более знакомое. Если взобраться повыше, можно, пожалуй, разглядеть, что лежит впереди, тем более, что местность понижается...» Поискав, он выбрал подходящее дерево: на него нетрудно взобраться, а наверху торчали обломанные сучья без мелких веточек — значит, видно будет хорошо. Склон становился все круче, но деревья росли по-прежнему густо. Картина залитых лунным светом древесных крон вызвала в памяти схожую — ту, что он наблюдал еще с тропы, до того, как спустился в этот негостеприимный лес. Лунный свет на листве... Сколько же он будет блуждать здесь, потеряв всякое представление о времени? Сутки? Двое? Трое? Луна — или то, что было луной в этом странном и опасном месте — все в том же положении висела над головой измученного Айяра. Как будто в мире нет ни дня, сменяющего ночь, ни солнечного восхода. Что-то разрушало однообразное течение лунного света по округлым кронам, сковывало и притягивало взгляд, пока, сосредоточившись, он не узнал Ифтсайгу. Ифтсайга! Нет, конечно же, это не она возвышалась над лесным массивом... Но не было сомнений в том, что одна из Великих Башен оказалась каким-то чудесным образом в самом центре угрюмых владений ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Башня Ифткана! То единственное, чего искал бы любой ифт, надеясь на спасение и жизнь... Айяр снова двинулся вперед, подыскивая ветки покрепче, чтобы смогли выдержать его вес. Постепенно лес редел, сменяясь высоким кустарником, и Айяр снова оказался на земле. Это были настоящие дебри: колючие цепкие ветки густорастущего кустарника казались непроходимыми. Что делать? Использовать без крайней нужды силу меча не хотелось: кто знает, что ждет его впереди? Приходилось надеяться только на себя и на удачу. Собравшись с духом, Айяр начал продираться сквозь колючки. Растительность была слишком высокой, и он почти не видел заветной цели. Неверный лунный свет скрадывал знакомые очертания величественного прямого ствола, но Айяр чувствовал: это не фантом, не иллюзия,— и упрямо стремился к цели. Его внутренний голос, предостерегавший прежде об опасности, теперь молчал. С приближением к дереву склон становился все круче. Теперь Айяр видел его полностью — высокое, серебристое, живое, как Ифтсайга, как все деревья в Ифткане в пору его расцвета... Великое Дерево наполнило душу Айяра обещанием и надеждой, и весь мир казался ему растворившимся в этом чувстве... Упругие ветки резко хлестали по его лицу, но стремление вперед было сильнее боли. Почти не замечая ударов, ссадин и глубоких царапин, он рванулся к Великой Башне с радостным ожесточением. Встреться ему на пути келрок, прегради проход ядовитая лиана — он едва удостоил бы их вниманием и

поспешил бы дальше... Айяр смотрел только на дерево и, не заметив бездонного провала, внезапно раскрывшего перед ним, рухнул во тьму. Перед ним стояла небольшая доска, кое-где отмеченная кружками. На некоторых кружках располагались миниатюрные фигурки наподобие шахматных. Их форма показалась знакомой. Айяр вгляделся. Так и есть! Вот крошечный ларш со слегка приподнятым волосатым лицом. Его маленькие живые глазки, казалось, пристально следили за Айяром... Вот поселенец... Инопланетник в униформе космопорта... Игрушечных размеров машинки, похожие на настоящие. Целая армия смотрела на него с противоположной стороны доски, стоя в полной боеготовности: вот-вот начнется атака... На стороне Айяра фигур было немного: горсточка ифтов, объединенных в небольшие отряды, и деревья наподобие Великих Башен, только тысячекратно уменьшенных размеров. Почему-то Айяр знал, что от этой игры ему не уйти. И надо было во что бы то ни стало выйти из нее победителем, несмотря на то, что правил этой игры он не знал. Единственный шанс на успех — это попытаться понять тайное значение происходящего на доске до того момента, когда провал будет неизбежным... Крошечная фигурка ларша выступила вперед. Освободившуюся позицию тут же занял яйцеобразный скафандр. Брешь в рядах наступающих закрылась мгновенно, и Айяр почувствовал, что его противник доволен своим ходом. Это подстегнуло к действию. Айяр выставил против ларша маленького зеленого воина. В отличие от самостоятельно и слаженно маневрирующей армии неприятеля, воинство Айяра представляло собой лишь набор маленьких неподвижных кукол, вроде игрушечных солдатиков, и каждый ход приходилось продумывать и делать самому. Айяр физически ощущал огромный груз ответственности. Когда зеленый воин стал на кружок, по игральной доске проскочила искра, и между стоящими лицом к лицу ларшем и ифтом возник слабо мерцающий зеркальный барьер. В зеркале появилось отражение минифта и на мгновение задержалось там, слегка меняя свои очертания. Потом зеленая фигурка просто исчезла с доски, словно скользнула вниз, став странно плоской. В тот же миг в рядах армии противника появился плоский зеленый ифт... И снова Айяр почувствовал: противник удовлетворен исходом поединка. Хотя он по-прежнему не знал, чья злая воля противостоит ему. Что ж, попробуем разобраться. Очевидно, ифт был побежден ларшем. Но каким образом? Использование зеркала, коррекция отражения, мгновенное превращение зеленого воина в плоскую фишку врага... Что все это значило? Было ли то эхо давно минувших дней? Заключало ли в себе тайный прием борьбы? Могло ли напомнить о чем-то? Память всколыхнулась. Зеркала... Норы... Лунный лес... Как он попал сюда? И где находится?.. Он бежал по роще, залитой луной и увитой ядовитыми лианами; он спасался от смертоносных нитей келрока; он отчаянно продирался сквозь густой и колючий

кустарник к Великой Башне — увенчанному листвой прекрасному маяку... Мысль остановилась. Провал в памяти... Провал... Он смотрел на доску и фигуры на ней, но мысли бродили далеко, стараясь найти объяснение случившемуся. Движение на доске! Нужно быть внимательным и осторожным,— отложить поиски ответов и следить за доской. Снова шевельнулось сомнение: кто ты такой, чтобы играть в смертоносную игру, не зная правил? Он был всего лишь Айяром, одним из многих, поднявшихся на защиту Ифткана. Не мудрым прорицателем, не Мастером Зеркала. Кто дал ему право осуществлять волю... «Тант,— шепнул голос внутри.— Сила Танта, переданная в твое тело и в мое...»

— Иллиль,— мысленно позвал он.— Что мне делать?

— Сам поймешь... Но будь начеку, Айяр. Надо видеть и тайное, и явное... не дай обмануть...— голос затих.

Явное: доска, фигуры на ней... Тайное зрение: не дать себя обмануть... Он растерялся, и это на руку Врагу. Доска? Ее нет, как нет и жалкого строя зеленых фишек, противостоящих мобильной армии противника. Коснувшись рукой игральной доски, Айяр сконцентрировал волю и желание... Зеленая искра пробежала по рядам фишек — и доска исчезла вместе со всеми фигурами. Туман рассеивался.

Он обнаружил, что лежит на боку лицом к стене, усеянной кристаллами, сияющими болезненно-искрящим светом. Поспешно прикрыв рукой глаза, Айяр вскрикнул: все тело ныло, как больной зуб, и малейшее движение пронзало его резкой болью. Но он заставил себя сесть и оглядеться. Внизу, под ним, был мелкий красноватый песок. Рука нащупала сбоку металлический предмет — Айяр облегченно вздохнул, обнаружив, что меч с ним, и сжал рукоять. Рядом отвесно поднималась стена огромного оврага, в который он, очевидно, свалился, когда прорывался к дереву. Эта мысль полностью вернула Айяра к действительности. Только бы скорее добраться до дерева, и силы вернутся к нему. Тогда не страшны любые посланцы ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ!.. Но для чего ОНО явило Айяру эту доску с символическими фигурками, чего добивалось? Надменное пророчество, что все, выступившее против ЕГО воли, поглотится силами ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ так же легко, как зеркальный барьер поглотил в своей плоской глубине беспомощную фигурку ифта? Зеркало! В зеркале — суть тайной силы!.. Но именно эту тайну Айяр не мог разгадать. Пора! Добравшись до стены, Айяр осмотрел ее. Нет, наверх не взобраться. Часть пути еще можно было бы попытаться преодолеть, цепляясь за выступы стены и торчащие из нее кристаллы, но последние несколько футов у самого края обрыва абсолютно гладкие. Выход один — искать другое место для подъема... Он захромал по дну оврага, с трудом сдерживая стоны. Стена не только не понижалась, но становилась еще выше. Обернувшись назад, он увидел, что края постепенно сближались, и вдали расселина замыкалась неглубокой темной

пещерой. Оставалось только идти по дну в тайной надежде на случай. Вскоре дно пошло под уклон, одновременно забирая вправо. Впрочем, это, пожалуй, к лучшему — путь к дереву пролегал в ту же сторону. Подняв глаза, Айяр увидел высоко над головой могучие ветки и поспешил укрыться в их тени. Чем круче дорога поворачивала вправо, тем плотнее становился узор ветвей, тем гуще была тень. Временами Айяр останавливался и глядел наверх, чтобы полнее ощутить себя под защитной сенью Великой Цитадели... Но постепенно пришло сознание того, что дерево было не тем, к чему стремилось его сердце: в нем не было жизни. Это не Башня Ифткана! С его приближением не шевельнулся ни один лист, а он так жаждал неповторимого ощущения жизни, силы и радости, которое испытывает всякий ифт, подходя к зеленеющему Великому Дереву и видя, как шелестящие листья приветствуют его!.. Небытие. Великие Башни тоже знали смерть, но в тишине, опустившейся на Айяра сейчас, в тишине застывшего мертвого гиганта не было смерти — смерти того, что жило прежде. Это было холодное небытие неживого. В тот момент, когда Айяру открылась его ошибка, он обнаружил, что стены — это вовсе не стены, а гигантские опорные корни дерева. И он идет, следуя их изгибам. На первый взгляд, они ничем не отличались от корней Великих Деревьев в Ифткане. Скорее всего, он сейчас действительно шел к Ифтсайге, только не к живой, а поддельной, как Валлиль, что явилась ему в лунном лесу. Та, фальшивая, Валлиль была просто зеркальным отражением настоящей... Зеркальное отражение, безжизненное, как поверхность зеркала... Приманка для любого ифта, встречающего ее. Рукоять меча в руке Айяра нагрелась, вспыхнула зеленая искра. Да, он должен идти по своему пути до конца. Когда Айяр приблизился к стволу дерева-гиганта, стены корней закрывали большую часть неба. Это ли — его цель? Нахлынуло чувство одиночества, оторванности от дома, от своего рода. Входя под темные своды, он мысленно воззвал к Иллиль, к ее помощи. Честно говоря, на ответ он не надеялся, но молчание верной спутницы показалось дурным знаком. Он похолодел, как человек, входящий во тьму и знающий, что никогда не вернется на свет... Да сейчас он и не мог вернуться: его вело нечто сильнее его, иная воля, как тогда, когда скафандр тащил его в норы... Но та воля, то принуждение исходили от ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Сейчас же Айяра вела живущая в нем Сила Танта. Перебравшись через внешнюю стену, Айяр обнаружил, что попал в замкнутое пространство, освещаемое снизу слабыми красноватыми бликами; он словно шел по углям гаснущего костра. И, сделав несколько шагов, столкнулся с ифтом — воином с усталым лицом, покрытым плохо залеченными рубцами... Судя по горьким складкам у рта, он сражался долго и безуспешно, и древко знамени в его руках — повисшего, рваного, покрытого пятнами и потеками,— было сломано...

— Хэфсор,— слабо прошептал Айяр.

Воин не ответил... Было время, когда они бок о бок шли в битву и доблестно сражались с врагом. Теперь же Хэфсор молчал и стоял неподвижный, как статуя, а за его плечами выстроились немые ряды воинов, когда-то ведших ифтов за собою и к славе и к поражению... Некоторые лица были знакомы Айяру — это были его давние соратники. В те дни с его меча не раз стекала кровь убитого ларша. Но большинство из стоящих здесь воинов он знал только по рассказам, они были намного старше его, жили значительно раньше, и имена их уже стали историей... Тут стояли и Ванок, и Силмак, и другие воины Последних дней... Но немало пришло и из времени Зеленого Листа, когда ТО-ЧТО-ЖДЕТ связывала ограничительная Клятва,— они знали славу и расцвет, а не упадок своей расы... В сердце Айяра зародилось сомнение. Если зрелище, представшее сейчас его глазам, означало неизбежный и вечный триумф ЖДУЩЕГО, значит, полной правды не говорил никто или она никому не известна... И это маленькое открытие было важным для Айяра, хотя он пока и не мог понять, почему. Трудно было сказать, стоит ли перед ним длинный ряд статуй или оставшиеся в живых, но побежденные ифты построены траурной шеренгой во славу победителя. Айяр не решался исследовать более тщательно. Он медленно шел вдоль строя и вдруг увидел позади сомкнувшихся стеной воинов-ифтов еще один ряд фигур... Эти были вооружены не только мечами и копьями, но и каким-то другим оружием. Но ближе всех к Айяру, вне всякого сомнения, стояли... ларши! Изумленно разглядывая их, Айяр брел, на мгновение останавливаясь у каждой следующей фигуры, и машинально отмечал про себя все изменения в строении тела, одежде, деталях экипировки. Да, они несомненно менялись. Люди-звери становились иными: прямее, стройнее, выше; шерсть на теле редела и наконец исчезла совсем... Айяр стоял между двумя фигурами, замыкающими параллельные ряды. На ифте была одежда, какой Айяр никогда прежде не видел, но тем не менее это был ифт от головы до пят, тогда как другого, из правого ряда, ларшем уже совсем нельзя было назвать — это был высокий, с ясным лицом... космолетчик. Рука его сжимала оружие, напомнившее Айяру инопланетный бластер... И удивительный порядок, в котором располагались фигуры, был, конечно, не случаен. Строй ифтов, возглавляемый Хэфсором, как бы отражал прямое течение времени из глубины веков к современности. У ларшей же последовательность была обратной, она обнаруживала медленную, но разительную по результату эволюцию от явного примитива к высокой цивилизации; настолько высокой, что она могла осваивать космическое пространство! Пораженный открытием, Айяр замер, подобно изваянию. Сколько же времени прошло с тех пор, как ифты исчезли с Януса? Сколько столетий или тысячелетий должно было пролететь в истории ларшей, чтобы их народ успел подняться, а затем, в свою очередь, тоже исчезнуть из этого мира?..

Мысль о необозримо широком витке времени испугала Айяра, потому что в своем перерождении, ставшем последним ответом ифтов на уничтожение их рода, он нес частицу памяти человека, чья собственная раса превзошла ифтов, ларшей и неведомых космолетчиков из шеренги. Думать об этом невыносимо, и мысли Айяра потекли по иному руслу. Он сосредоточился на конкретном образе ларша-космолетчика. Итак, под властью ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ их цивилизация в конце концов устремилась к звездам... Но что же случилось потом? Что могло бесследно стереть все следы долгих веков их существования на Янусе? Стереть все, до мелочи. Катастрофа?.. И была она в тот период, когда только деревья Ифткана продолжали жить, сохраняя в себе залог будущего возрождения — семена ифтов... Значит, могущество ЖДУЩЕГО огромно, но все же преодолимо. Айяр вспомнил слова из старой боевой песни: «Ларши бродят между деревьев, но Лес — это Дом ифтов...» Лес — это Дом, но сейчас в него пришли другие хозяева. Переродившихся так мало. Но нация, не великий род — крохотная горсточка ифтов будет призвана на Первый Круг... А ТО-ЧТО-ЖДЕТ неутомимо и неизменно готово вести смертельную игру... И несмотря на всю ловкость, знания и волю к жизни, шансы ифтов невелики. Желания еще раз изучить двойной строй ифтов и ларшей не было, разве только для того, чтобы снова подтвердить очевидное: ларши исчезли, и это обнаруживало промах ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Главное, чтобы ЕМУ не удалось возродить к жизни эту шеренгу вражеских фигур... Вот и выход в конце строя немых стражей... Сквозь узкий коридор Айяр попал в соседнее помещение: здесь, тускло поблескивая под слоем пыли, в красноватом свете громоздились ряды машин и непонятных контрукций... Созданные некогда разумом, они были мертвы, как и их творцы. Внезапно меч в руке Айяра резко повернулся, потяжелел, коснулся острием пола. Раздался треск, яркая вспышка на секунду ослепила Айяра, и пол ушел из-под ног. Против ожидания, равновесие удалось восстановить довольно быстро, и Айяр понял, что произошло. Он стоял на платформе, похожей на ту, в долине холмов. Медленно, со скрипом, она двигалась вниз, и Айяр балансировал на шаткой плите. Откуда-то сбоку сочился мутный багровый свет, но различить что-либо вокруг было невозможно. Толчок... Сверху посыпалась тонкой струйкой земля — платформа остановилась. Айяр шагнул на гладкий пол подземелья. Видимо, он вернулся в норы. Платформа не поднялась закрыть брешь в потолке — значит, путь к оступлению пока открыт... Куда двинуться? Направо? Налево?.. Меч в руке засверкал, и от рукояти по телу волной пошло тепло. Искры, обильно сыпавшиеся с лезвия, были не зеленоватые и серебряные, как прежде, а теплые, желтые. Айяр почувствовал прилив мужества и сил: энергия меча поддерживала его.

Он шел вдоль извилистого прохода, ведомый, без сомнений, той волей, которая послала его во владения ЖДУЩЕГО и

которая хранила во всех опасностях... Он почти успокоился и приобрел некоторую уверенность. В стенах коридора не было дверей, только повороты. Он двигался вперед, а сила продолжала прибывать, входить в его тело откуда-то извне. Айяр чувствовал, что эта энергия — не только Сила Танта, но и какая-то здешняя, подземная, поддерживающая и заряжающая новой решимостью. Вот наконец и дверь. Она оказалась наглухо запертой и не поддавалась усилиям Айяра, пока он не коснулся ее мечом. Последовала ослепительная вспышка — Айяр едва успел прикрыть глаза — и клуб едкого, удушливого дыма ударил в лицо... когда он осторожно открыл глаза, дверь оказалась окружена тонкой сверкающей полосой оплавленного металла и упала от первого же толчка. Меч горел ярко и ровно, как факел, но обширное помещение поглощало свет. Айяр увидел тонкие металлические стержни, поддерживающие большие зеркала... Их было множество, покрытых густым слоем пыли и отделенных друг от друга более низкими стержнями. Наклонившись, Айяр стер ладонью пыль с ближайшего зеркала. Под ней оказалась хрупкая непрозрачная пленка, высохшая от времени и облетевшая большими кусками... Айяр поднес меч ближе — и вздрогнул.

Зеркало лежало на боку, и изображение искажалось, но ошибиться было невозможно: на него широко раскрытыми глазами смотрела женщина, белокожая и желтоволосая. Короткая пышная прядь падала ей на лоб...

— Не ифт, но и не ларш,— подумал Айяр.— Скорее, эволюционировавший ларш...

Айяр потянулся к памяти Нейла. В порту Корвара можно было встретить представителей тысячи рас и миров, не только людей. Однако такое лицо он видел впервые. Женщина пристально смотрела на Айяра, и казалось, что она вот-вот заговорит... Зеленая Болезнь, изменившая Нейла, породила в нем отвращение ко всему человеческому. Но сейчас, глядя в эти немигающие глаза, Айяр чувствовал не просто отвращение — его охватила жгучая ненависть! Что случилось? Почему? Какой вред могло принести ему или его роду это недвижное зеркальное отражение? Разве что — мурашки побежали по спине Айяра — разве что зеркальное существо может ожить и покинуть свою тюрьму... Не так ли случилось с ларшами, которых заточили в зеркала и хранили потом на складе? Но если предположение верно, непонятно, зачем ТО-ЧТО-ЖДЕТ ищет новые и новые зеркала для изготовления все новых слуг, рабов и воинов? Ведь здесь, в этом кошмарном хранилище, уже складированы в бессчетных рядах зеркал целые армии, целые расы! Айяр побрел вдоль рядов, время от времени склоняясь и очищая зеркала. Один раз на его взгляд ответил взгляд пожилого мужчины неизвестной расы; в другой Айяр отпрянул, встретившись с бурой мохнатой мордой зверя. Этот ряд зеркал оканчивался красной трубкой; были ряды с трубками почти бесцветными, был ряд, помеченный голубым. На-

гнувшись, Айяр очистил поверхность еще одного зеркала. Оно было вдвое меньше тех, где хранились отражения людей, и отраженное в нем создание было знакомо Айяру. Белое безволосое существо с острой мордой и маленькими круглыми ушами, с острыми клыками в полуоткрытой пасти — это был вайт! Нет, не точная копия собак, известных Айяру, но все-таки произошедший от общего с ними предка. Возможно, вайты тоже изменились за многие столетия, и этот, спящий,— более поздней эпохи... ТО-ЧТО-ЖДЕТ все еще пользовалось услугами вайтов в Пустоши, но они выглядели так же, как во времена Ифткана, память Айяра не давала повода для сомнений. Что же значит это странное изменение?

— Или этот вайт — *еще* не вайт?

Наверное, Айяр долго бродил по пыльным унылым рядам этого места смерти. Но было здесь нечто такое, что обдавало зловонием его мозг, подобно тому, как запах фальшивого ифта оскорблял обоняние. Айяр ускорил шаг, минуя ряд за рядом, но похоже было, что страшному складу не будет конца. Энергия меча все еще наполняла Айяра, и ему казалось, что стоит пошевелить рукой — и с кончиков пальцев посыплются искры... Впервые с тех пор, как он покинул Зеркало Танта, так не похожее на эти мертвые зеркала, родилось ощущение, что перед ним лежит ответ на все вопросы — лежит перед ним, и надо только суметь прочитать его. Но вот склад зеркал закончился. Меч-факел указал стену и дверь, которую Айяр прожег без колебаний. Коридор за дверью оказался несколько шире тех, что встречались до сих пор, пол был покрыт вековой пылью. Меч по-прежнему указывал вперед, и, следуя его воле, Айяр приблизился к новой двери, за которой оказалось круглое помещение с трапом, ведущим наверх. Но меч потянул вниз и заставил Айяра опуститься на колени — так же, как тогда, под деревом, но с еще большей силой. Люк, скрывавший продолжение трапа, оказался запечатанным темной массой металла. Присмотревшись, Айяр понял, что крышка оплавлена намеренно, чтобы закрыть путь вниз. Он попробовал снова воспользоваться мечом, но на этот раз не смог снять даже верхний слой. Меч, как будто отказываясь от дальнейших попыток, перестал вести руку, предоставляя Айяру свободно управлять собой и самому принимать решения. Однако Айяру теперь казалось, что именно внизу лежит то, что он так долго искал — мозг и сердце проклятого места. У него не достало сил проникнуть и выяснить суть ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, тогда как сила самого ЖДУЩЕГО легко могла достать противника и вдали от своего источника.

Неужели проникнув так глубоко, в самый центр территории Врага, он потерпит поражение, как потерпели его Хэфсор и множество других воинов Последних Дней? Айяр опустился на корточки, положил меч на колени и внимательно исследовал оплавленное отверстие. Он чувствовал, что Сила, сообщенная Зеркалом Танта и приведшая его сюда, тоже изучает

преграду и оценивает ситуацию... Никто из ифтов не смог бы в одиночку преодолеть этот заслон, но здесь, в царстве ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, существовали орудия, которые могли бы помочь, и инопланетники знали, как пользоваться ими. Но удастся ли освоить их ифтам? Условия, так резко отделившие ифтов от тех, кем они сами были когда-то, казались непреодолимым препятствием; добраться до космопорта через хаос опасностей, исходящих от ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, тоже невообразимо трудно. Но другого пути к победе, кроме как проникнуть вниз и разрушить сердце зла на Янусе, не было... Механизмы и люди, управлявшие ими, находились в долине холмов, но они были под неусыпным контролем ЖДУЩЕГО... Что же предпринять? Время. Айяр поднялся. Главное уже ясно: где угодно, любым способом ифты должны найти средство, союзников и уничтожить преграду, иначе ничто живое — ни ифты, ни поселенцы, ни инопланетники из порта — ничто и никто не имеет здесь иного будущего, кроме будущего слуг ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ... А встретить смерть в попытке преодолеть небытие лучше, чем без борьбы принять свое поражение. Айяр вложил меч в ножны и направился к трапу. Надо было выбираться наверх, чтобы вернуться в Пустошь, к Иллиль и другим ифтам. Решать придется сообща. Все ифты, прошедшие перерождение, были из разных районов Януса, и, возможно, их разрозненные воспоминания, собранные воедино, помогут составить верный план... Сила, еще несколько мгновений назад жившая в нем и смотревшая его глазами, действовавшая вместе с ним, теперь ушла. Он не ощутил момента ее ухода, просто вдруг почувствовал себя пустым. Он полез по трапу, прошел еще два подземных уровня и продолжал подниматься до тех пор, пока солнце наконец не ослепило его, а в лицо пахнула свежесть открытого воздуха... Айяр решил осмотреться, чтобы понять, куда он попал. Он оказался на гребне какого-то высокого холма. Распластавшись на ближайшем уступе, чтобы от непривычной высоты не закружилась голова, он осторожно заглянул вниз. Долгие блуждания в подземельях нарушили его природное чувство направления, но тем не менее ему показалось — нет, он был почти уверен в том, что лежал на склоне одного из холмов, что видел тогда в долине!.. Айяр принялся искать ориентир, который мог бы подтвердить догадку. Да вот он — корчеватель из порта!.. Итак, он снова в красной долине. Остается только пересечь ее и выйти на дорогу. Только на этот раз его не защищает скафандр.

Раньше здесь были люди: ходили, лежали на песке, обслуживали механизмы... Где же они теперь?.. Никого. Быть может, дорога из долины проходит теперь по другую сторону холмов? Айяр достал очки из листьев и надел их: яркий свет стал окончательно нестерпим. С неосвещенной стороны холма спуск был достаточно крут, зато на нем не росло ни травинки. Легче и быстрее всего — просто съехать вниз, а в случае необходимости можно притормозить мечом в ножнах. Корчеватель далеко и ползет в другом направлении... Он оттолкнулся

и понесся вниз. Земля, веером разлетавшаяся в стороны, пахла застарелой гнилью, и Айяр с трудом подавлял тошноту. Он конвульсивно сглатывал и, выбирая траекторию поудобнее, пытался отвлечься от омерзительного ощущения грязи, облепившей тело. Уже дважды пришлось корректировать направление спуска мечом, чуть не по самую рукоять вонзая его в эту зловонную рыхлую гадость, покрывавшую склон,— Айяр больше не мог называть ее землей... Наконец, наглотавшись пыли и мусора, он затормозил возле кучи песка, пригнувшись, осторожно и внимательно принялся изучать окрестности — прислушиваться, принюхиваться, осматривать каждую выемку, каждый бугорок вокруг своего ненадежного укрытия: здесь следовало опасаться стражи... Прежде чем двинуться дальше, Айяр еще раз оглянулся на холм: надо было хорошо запомнить его, чтобы потом, если удастся сюда вернуться, быстро найти среди других. Там была дверь к Врагу. Вот только ключа от нее у ифта пока не было... Следующие два холма Айяр миновал благополучно, не встретив ни людей, ни машин, но на подходе к третьему вдруг получил резкий удар в левое бедро, потерял равновесие и едва не упал. С трудом удержавшись на ногах, он глянул на ногу — чуть выше колена торчала оперенная стрела... Ифт? Откуда?.. Айяр постарался идти с прежней скоростью: лучника он не видел, и тот в любом случае без труда мог пронзить его второй стрелой... Если бы подул хоть самый слабый ветерок, резкий запах фальшивого ифта выдал бы местонахождение противника, и Айяр смог сразиться с ним. Но ветра не было, а кровь слишком бежала из раны... Долго ли он продержится? Рука инстинктивно сжала рукоять меча... Меч! В сознании всплыла картина: он, рядом Иллиль, робот ждет их в засаде... Меч в руке медленно развернулся, почувствовав волю Айяра. Второго выстрела не было. Похоже, враг уверен, что легко возьмет его, раненого, живьем...

— Выходи!.. Именем Того, кто вложил в меня Силу Танта — выходи!

Айяр далеко не был уверен в том, что сможет подчинить нападающего своей воле, но слова возымели действие: тень лука протянулась по песку, за ней последовала тень воина. Голова тени качалась, подчиняясь ритму качающегося меча Айяра: вперед — назад — вперед...

— Ближе!.. Сюда! Ко мне! — Айяр старался, чтобы слова звучали властно, чтобы мысль стала шнуром, который притянет противника...— Выходи!!!

Он появился из-за холма — ифт по обличью, но только по обличью, как говорили интуиция и память Айяра. Дергающейся походкой, необычно высоко поднимая ноги, словно шагая по воде, он сомнамбулически приближался к Айяру. Зеленая голова механически повторяла движения меча, который сиял серебристым светом... И Айяр почувствовал, что могучая Сила вливается в него — Сила, рожденная Древней Властью...

— Иди сюда,— тихо повторил он,— иди!

Ифт безвольно повиновался. Пустые глаза, бессмысленное лицо... Из какого пьяного зеркала он появился? Шаг... Еще... Внезапно ифт остановился. Зашатался, словно находясь под влиянием двух противоположных сил... Медленно, принужденно руки его стали поднимать лук... Выжидать исхода борьбы Айяр не решился. Он применил боевой прием древних воинов: глубоко погрузив пальцы левой руки в гнилую землю холма и на мгновение перенеся вес тела на раненую ногу, он резко рванулся к фальшивому ифту. Облачко черной пыли летело перед ним, ослепляя врага. И хотя прыжок получился короче, чем рассчитывал Айяр, лезвие меча достало врага и рассекло зеленое тело наискосок от плеча к ноге. Падая, Айяр надеялся, что нанесенная им рана достаточно глубока. Ифт зашатался, выронил лук и закружился в жутком танце. Губы его кривились, издавая хрип, и наконец, нырнув вперед, он упал ничком на холм, судорожно цепляясь руками, сполз по склону и застыл на песке. Сверху на него сыпались комья грязи. Послышался режущий уши визг, но Айяр знал, что убил не живого ифта. Теперь можно было заняться собой. При падении стрела сломалась, и острие еще глубже засело в ране. Морщась от боли, он встал. Выдернуть обломок стрелы из собственного тела не так просто, но он все-таки справился с этим и перевязал рану лоскутом, оторванным от своего плаща. Надо было продолжать путь. Айяр поднял лук поддельного ифта, чтобы воспользоваться им как костылем. Сколько еще неожиданностей таит долина? Айяр с тревогой вглядывался в тени. Вдруг сзади раздался металлический лязг и шум мотора. Из-за холма прямо на Айяра ехал большегруз... Припадая на левую ногу, воин неуклюже заковылял за насыпь. Грузовик поравнялся с местом, где лежал фальшивый ифт. Айяр был уверен, что машина свернет, объезжая тело. Не хотелось верить, что она никем не управляется. Но большегруз, не замедляя хода, вдавил лежащего в песок и прогромыхал дальше. Айяр инстинктивно поднял меч... Хотя что может сделать меч против тонны безмозгло движущегося металла?! Если машина, не доезжая до конца холма, свернет налево, спастись не удастся. К счастью, большегруз пошел прямо, и ифт с трудом перевел дыхание. Шум мотора стих, и Айяр, опираясь на лук, побрел дальше. Он шел чуть сгорбившись, боясь преследования или стрелы нового лучника. Боль от раны отходила на второй план, заслоняемая этой тревогой. Некоторое время, однако, ему не встречались ни механизмы, ни безгласные слуги врага. Вот и дорога вдоль стены. Патрулируют ли ее скафандры? Нужно было укрыться, но между последним холмом и дорогой лежал голый песок. Айяр дохромал до стены и скорчился около нее, сознавая, что выбор плох, но лучшего он не видел. По тропе спускалась на дорогу группа: не патрульные скафандры, которых он ждал и боялся увидеть, а... колонна женщин! Айяр не верил своим глазам. Некоторые женщины

были еще в обязательных для поселенок масках. Узкие прорези для глаз, узкая щель для рта — маска делала женщину похожей на бездушного робота. Несколько женщин потеряли или сбросили маски, но отсутствующее выражение на их лицах производило еще более жуткое впечатление... Женщины-поселенки прежде никогда не выходили за пределы участка с детьми. «Похоже, ТО-ЧТО-ЖДЕТ решило очистить от поселенцев всю территорию Януса»,— подумал Айяр.

Они двигались ровным, мертвым шагом, бесстрастно глядя перед собой. Детей вели за руки, совсем маленьких несли. И все молчали. Даже дети. Все были под властью злых чар... Это зрелище было куда страшнее, чем недавний сомнамбулический парад мужчин. Айяр едва удерживался от желания броситься к колонне и попытаться спасти хоть кого-нибудь. Женщин было около двадцати. Они спустились в долину и так же размеренно зашагали по песку между холмами... Память Нейла требовала сделать что-нибудь, чтобы спасти их от страшной судьбы. Но Айяр обязан был найти путь к ТОМУ, что управляло этим злом. Для этого он должен уйти отсюда и вернуться с помощью. Айяр, не оглядываясь на удалявшихся женщин, поднялся во весь рост и решительно двинулся по дороге в противоположную сторону. Спускаться было несложно, но когда начался подъем, Айяр почувствовал, как мешает ему раненая нога. Он не знал, сколько силы ушло на борьбу с фальшивым ифтом, но понимал, что слабеет с каждой минутой... Выше, выше... Он не удержался от крика, когда блеск осколков Белого Леса резанул глаза. Даже надев очки, он еще некоторое время боялся поднять взгляд. Солнце обжигало тело, но Айяр заставлял себя тащиться по дороге, волоча больную ногу и опасаясь слишком сильно опираться на лук, чтобы не сломать этот ненадежный костыль. Дорога была сильно разрушена, и идти было трудно... Он замер, услышав хруст. Кто? Скафандр или машина? Оглядевшись, Айяр увидел поблизости глыбы белых кристаллов. Достаточно большие, чтобы укрыться за ними. Он протянул руку — и тут же отдернул ее: поверхность кристалла была раскалена жарким солнцем. Но больше прятаться негде, и Айяр заставил себя всем телом втиснуться в горячие камни. Хруст приближался. Черный раструб, появившийся в поле зрения, казался смутно знакомым. Айяр затаил дыхание: машина на гусеничном ходу предназначалась не для покорения земли и Леса, а для уничтожения живых существ! Это был вибратор, входивший когда-то в состав защитных средств космопорта. Его задачей было облучение людей или гуманоидов, нарушавшее нормальный контроль над мышцами, после чего жертва на целые часы, а то и дни превращалась в аморфное желе. Айяр не знал, что на Янусе есть такие машины,— это помнил только Нейл... И вот вибратор полным ходом шел вперед, ведомый неслышной командой из долины, которая делала его еще более подвижным и опасным, чем предполагали конструкторы — люди.

Планомерный сбор машин и людей продолжался, и он мог означать лишь одно: создавалась гигантская армия. Ясно, что ифтам, даже объединившись с братьями из-за моря, не устоять и против сотой ее части. Но Враг нацеливался явно не только на ифтов. Айяр подождал, пока вибратор минует его укрытие, и, обожженный, полуослепший, снова выбрался на дорогу. Он шел и раздумывал о причинах тотальной мобилизации. Когда она началась? Быть может, это он, Айяр, попав в норы, включил сигнал тревоги? Нет, сбор сил начался раньше. Похоже, ТО-ЧТО-ЖДЕТ чувствует себя в опасности... С каких же пор? Айяр нахмурился, пытаясь вспомнить точнее. Их разбудило предупреждение Ифтсайги. Люди из космопорта уже атаковали Лес, но тогда они еще не находились под полным контролем ЖДУЩЕГО. Во всяком случае те, кого видел Айяр в лагере, были вполне нормальны. И рейд мнимых ифтов не был направлен на захват поселенцев и превращение их в рабов. Нет, эта беспредельная власть над людьми не проявлялась до тех самых пор, пока ифты не вызвали флайер из порта, попытавшись наладить контакт с поселенцами и инопланетниками. «Скорее всего, именно так,— думал Айяр.— ТО-ЧТО-ЖДЕТ узнало о нашей попытке и вмешалось. Значит, такая связь для НЕГО опасна». Тогда ифты устремились к Танту, взывая к издревле оберегавшей их Силе. В ответ ЖДУЩЕЕ взяло под контроль всех инопланетников, с которыми смогли бы контактировать ифты. Чем же обладают ифты, что так опасно для ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ? В давние времена легендарный герой народа ифтов, Кимон, отправился в ЕГО цитадель и заставил ЕГО дать Клятву, вынуждавшую злую силу оставаться в определенных ей пределах. Впоследствии ЖДУЩЕЕ преступило Клятву, ифты же не смогли устоять перед его разрушительной мощью. Так пал Ифткан. С тех пор ОНО уже не страшится Клятвы и собирает армию новых ларшей, чтобы положить конец всякому сопротивлению... Клятва... Если когда-то действительно существовал Кимон и он наложил Клятву на Врага, то впоследствии эта история так обросла легендами, что ифты более поздних времен могли не знать, что было в действительности... Он, Айяр, спускался в норы, он нашел закрытый ход вниз. Он подозревает, что именно под этой печатью находится твердыня ЖДУЩЕГО. Вот и все, что он нес тем, кого сейчас искал. Прежде всего надо найти Иллиль. Вместе они пересекут Пустошь и доберутся до моря, до остальных ифтов. Наверное, результат его похода можно определить так: «провал». Но честный рассказ обо всем, что он видел и перенес, необходимо донести до своих. Может быть, собравшись вместе, они объединят свои ифтянские знания с обрывками памяти о человеческом прошлом каждого из них, и это сможет помочь... Айяр смертельно устал. Каждый новый шаг давался все с большим и большим трудом... «Скорее всего,— думал он,— Сила была дана мне лишь для одной цели... А я ее не достиг. И раз я не выполнил задачи, Сила

уходит... Капает из меня, как кровь из-под повязки...» Ему казалось, что он идет целую вечность, во всяком случае, день уже должен был клониться к вечеру, но обжигающе-яркий свет все еще лился с неба, и глаза слезились и болели все сильнее, как ни старательно Айяр прикрывал их. Поэтому надеяться приходилось только на слух и обоняние... Как он жаждал ночи, ее прохлады и целительного полумрака!.. Но время словно остановилось. Нужно быть по-прежнему внимательным: нельзя пропустить поворот в долину, туда, где растут настоящие деревья... Голод и жажда становились невыносимыми. Губы высохли и потрескались. Он мысленно окликнул Иллиль, но ответа не было. Вот наконец и место, где он оставил отметку — раздвоенный обломок кристалла. Пора сворачивать. Запах рощи тянул его, обещая кров и отдых. На склоне Айяр, оступившись, упал и покатился вниз. Боль от растревоженной раны была так сильна, что потемнело в глазах... Он пришел в себя, радуясь тени, упавшей на лицо. Пролежать бы здесь до утра, под зеленым тентом, защищающим от жестокого света! Но надо вставать. Вставать, чтобы идти к морю и искать Иллиль... Айяр со стоном приподнялся. Поврежденная нога одеревенела, распухла и совсем перестала подчиняться, так что на нее невозможно было опереться. Вцепившись в дерево, он попытался подтянуться и встать.

Стань опорой мне в слабости, дерево,
Дай мне силу шепотом листьев,
Протяни ко мне ветки, спаси меня!

Древнее заклинание сорвалось с его губ. Руки Айяра судорожно сжимали гладкий ствол обыкновенного молоденького деревца, но он обращался к нему со словами мольбы и надежды, как если бы стоял перед жизнедающей Ифтсайгой и его ладони опирались на грубую, шершавую кору Великой Башни Ифткана... Наверное, его воля и сознание железной необходимости собрали воедино остатки таинственной энергии, вложенной в него Тантом. Медленно, с частыми остановками, от дерева к дереву двигался он к той части стены, где в глубоком и непонятном сне ждала его Иллиль. Айяр опустился на здоровое колено и стал вынимать камни, за которыми была укрыта спящая Иллиль. Его руки тряслись от слабости, он напрягал свою волю ради каждого движения. Хорошо, что вокруг был полумрак, создаваемый тенью от растительности, и легкие, изголодавшиеся по живому воздуху Леса, благодарно вбирали его освежающие ароматы. Иллиль лежала в той самой позе, в какой он ее оставил. На исхудавшем, обострившемся лице светилась необычная печаль.

— Иллиль!..— тихо позвал он.

Но тяжелые веки не поднялись. Айяр даже не видел, дышит ли она...

— Иллиль! — он настойчиво потряс ее за плечи, потом осторожно привлек к себе. Тело девушки было мягким, безвольным, холодным и тяжелым. Ноги волочились по земле. Айяр

сжал ее руки, отчаянно надеясь, что Сила, которую она передала ему, вновь вольется в нее и пробудит к жизни. Но ничего не произошло. Неужели он настолько пуст, так иссяк в нем запас Силы, что поднять Иллиль на ноги не удастся?.. Ему стало страшно. Это был не тот страх, что постоянно сопровождал его в пути от Зеркала к ТОМУ-ЧТО-ЖДЕТ — страх воина, вызываемый ощущением опасности вокруг и необходимостью самозащиты... Сейчас он боялся только за Иллиль, и так сильно, что все остальное меркло перед этим страхом. Ее могли бы оживить Джервис или Зеркало Танта, будь они неподалеку. После ранения Айяр не смог бы нести Иллиль через Пустошь. Значит, как это ни ужасно, придется опять оставить ее здесь, самому же идти к Джервису уже не только ради известия о ТОМ-ЧТО-ЖДЕТ, но и ради спасения Иллиль. Не торопясь, с мукой в сердце, со всей возможной заботливостью, Айяр уложил ее тело снова в ту же расщелину и прикрыл отверстие камнями. Потом постарался уничтожить все следы своего пребывания здесь. Завершив этот печальный труд, он долго сидел, отдыхая и размышляя над тем, где раздобыть пищу и воду, без которых пускаться в дальний путь к морю было бессмысленно. Наконец он заставил себя встать и почти наугад искать их под деревьями. Споткнувшись, он покачнулся и схватился за какой-то куст, пытаясь сохранить равновесие. И тут же заметил на его ветках созревающие стручки. Семена фисана! Там в Лесу еще была зима, а здесь стоял более мягкий сезон... Айяр нарвал горсть стручков, раскрыл их, съел семена. Они были еще терпкие, не сладкие, но все-таки поддержали его. Поев, он собрал остальные стручки и завязал их в уголок плаща, взятого из склепа Иллиль. Теперь вода... Он сосредоточился и уловил чуть слышный запах: неподалеку протекал узкий ручеек. Преодолевая слабость, Айяр добрался до него, напился всласть и смыл с себя грязь гор и долины. Взять с собой воды было не во что. Того, что он выпьет здесь, должно хватить на весь путь через Пустошь... Айяр побрел к краю долины. Дальше — на юго-запад! Звезды поведут его... Проходя мимо места, где лежала Иллиль, Айяр не остановился: побоялся, что не хватит мужества уйти. Надежды на то, что удастся дойти до своих и прийти сюда с помощью, почти не было. Но Айяр заставил себя не думать об этом. Необходимо было хотя бы ползком подняться по склону в Хрустальный Лес. Ночь была надежным покровом. И это придавало ему сил. Боль в ноге терзала Айяра. Время от времени он останавливался и жевал семена фисана. Прошло несколько часов. Хрустальный Лес был давно позади, и Айяр уже почти пересек Пустошь, когда в небе вдруг возник луч света, откуда-то с запада, похожий на сигнал маяка.

Прижавшись к скале, Айяр следил за лучом. Луч брал начало где-то в узком логу между Пустошью и расчищенными землями. Сейчас он, как палец, указывал в небо и иногда по нему, словно по поверхности воды, пробегала рябь. И в эти

мгновения Айяр чувствовал в груди нечто вроде ответной дрожи, и в сознании возникал импульс: идти к лучу. Впрочем, двойное сознание Нейла-Айяра успешно сопротивлялось опасному зову. Маятник луча неожиданно качнулся вниз, теперь он был направлен не в небо, а на участки поселенцев за рекой. Сначала луч, как бы уточняя направление, перемещался в малом диапазоне, но затем, очевидно, найдя цель, установился, и световая рябь по нему побежала все быстрее и быстрее. Яркость все увеличивалась, и в конце концов стала невыносимой для глаз. Айяр опустил веки. Он понял, что неведомый луч, захватывая какие-то определенные участки земли, очевидно, призывает их обитателей под власть ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Однако ифтами Враг управлять такими методами не мог, и в этом заключалось их маленькое преимущество. Хотя — кто знает, что еще в этой сожженной местности служит ЖДУЩЕМУ и может нести опасность жизни и свободе ифтов?

Один раз ему послышался далекий вопль вайта, и он остановился, со страхом ожидая ответа откуда-нибудь поблизости. Но то был единственный звук, не считая редких порывов ветра. По небу потянулись облака; стало холодно. Айяр споткнулся о камень и так сильно навалился на лук, что сломал его. Близился рассвет. Пора было отдохнуть: казалось невозможным заставить себя тащить свое измученное тело дальше. Наконец ему попался участок безлиственного кустарника, и Айяр, со свойственным ифтам инстинктом доверять растениям, забился в самую середину кустов, устроил гнездо и расправил ветви так, чтобы скрыть лаз. Страшно хотелось спать. Он пожевал семян фисана, устроился поудобнее и уснул. ...Он снова находился в туманном месте, и снова перед ним стояла игральная доска. Ему казалось, что ифты и фигурки деревьев как бы сплотились в единое целое на его стороне доски, словно готовясь к последнему бою, тогда как на стороне невидимого противника перестраивала ряды целая армия марионеток — инопланетники, ларши, лжеифты, поселенцы... Иные фигуры внезапно выдвигались вперед, словно совершали ложный выпад, пытаясь спровоцировать Айяра на опрометчивый шаг. Но он не двигался, изучая пестрый состав вражеских соединений, фиксируя в памяти каждую фигуру. Дольше всех его внимание задержали двое: мнимый ифт и ларш. На ум пришло воспоминание об огромном зале зеркал, об ифтах, заточенных в границах стеклянного изображения... Кто создал эти зеркала-тюрьмы? Были ли их пленники отражениями настоящих ифтов, попавших в неволю в незапамятные времена? Или это просто роботы? Как много таких узников томится в норах, и можно ли их освободить? А ларш?.. Чья сила превратила его, неуклюжего прежде человека-зверя, в человека в скафандре, стоявшего в строю рядом с Хэфсором в подземелье мертвого стеклянного Дерева? Теперь Айяру казалось, что в то время, как он смотрел на фигурку ларша, контуры ее изменились, и мгновениями образ человека просвечивал сквозь об-

личье зверя...

Это смущало и раздражало Айяра, нарушая естественную логику размышления. Какая-то неясная мысль мелькала и ускользала снова. Он знал: лишь толщина высохшего листа преграждает ему путь к постижению истины, но преодолеть эту малость ему пока что не дано. Он ждал от невидимого игрока первого решительного хода, который мог бы угрожать его маленькой армии защитников. И вдруг понял: армия марионеток готова к бою, но ее глава — второй игрок у доски — отсутствует. Но это обстоятельство вызывало у Айяра скорее тревогу, чем облегчение или радость: хотелось видеть противника сидящим у доски и готовым к большой и дерзкой игре — к такой схватке, которую сам Айяр начать не решался... Порыв ветра принес мерзкий запах лжеифтов. Айяр мгновенно очнулся.

Сна как не бывало. Не делая ни одного лишнего движения, чтоб не обнаружить себя, он напряг зрение и слух. Кругозор, правда, был ограничен плотной завесой растительности, но слышно было хорошо. Враг не пытался скрыть свое появление: подошвы громко стучали по камню, одежда цеплялась за кусты...

Стараясь не шуметь, Айяр осторожно вытащил меч: даже во сне он сжимал его рукоять. Тревожила мысль: не покинула ли меч энергия Танта? Разве сможет он одолеть роботов без этой надежной поддержки! В неверном свете зари показалась фигура... Айяр вгляделся и едва не окликнул:

— Эмбер!

Время повернуло вспять, поток воспоминаний захватил Айяра. Когда-то Эмбер был едва ли не самым близким его другом, братом по крови. Плечом к плечу стояли они в последней битве за Ифткан! Ах, Эмбер... Сначала Валлиль, потом Хэфсор, теперь Эмбер!.. У Айяра болезненно сжалось сердце. Мнимый Эмбер стоял всего в нескольких шагах от укрытия Айяра, но не поворачивался больше лицом к кустам. И это спасло Айяра, дало ему время опомниться, понять, что перед ним всего лишь телесная оболочка, подобие друга. Поддельный ифт слегка наклонил голову и, очевидно, прислушивался.

Айяр замер, закусив губу. Если робот повернется еще немного в сторону кустарника и если зрение у него такое же острое как было у воина, тело которого он теперь носит, то Айяру не скрыться за стеной сухих веток, и враг без колебаний убьет свою добычу. Вдалеке раздался свист — тонкий, пронзительный. Он был похож на сигнальный свист настоящего ифта-разведчика, но чем-то неуловимо отличался от него. Лже-Эмбер поднял голову и повторил условный знак — так, чтобы его услышали дальше в Пустоши. «Интересно,— подумал Айяр.— Это облава на меня или просто патруль, хватающий любого, кого луч привел на службу ТОМУ-ЧТО-ЖДЕТ...» Затаив дыхание, Айяр следил за роботом. Ему казалось, что

даже если Эмбер существует в этом мире только как фиктивная сущность, он не может не чувствовать, что его бывший друг, Айяр, лежит сейчас рядом, чуть прикрытый ветками кустарника. И, оттягивая время, лже-Эмбер ждет, когда нервы у Айяра сдадут, и он выдаст свое присутствие. Однако робот не повернул головы. Запахнув плащ, он быстро пошел прочь. Айяр все еще не верил в свое спасение, ждал и прислушивался. Он заставлял себя сохранять неподвижность еще какое-то время, хотя все существо его требовало: бежать! Скорее оставить это тоскливое место — место нелепой встречи живого и мертвого!

Так открылся Айяру еще один момент в замысле ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ: лжеифты — это зеркальные отражения, копии тех, кто некогда жил в Ифткане. Пустые бездушные оболочки, тени на службе у зла заменили собой живых, подлинных и населили Янус.

Теперь у ифтов было две ипостаси на планете — одни, прошедшие через перерождение, взяли на себя миссию добра и жизни; другие, телесно воссозданные ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ, не имели души и служили злу и смерти. Айяр выполз из кустов, сломал крепкую ветку и, опираясь на нее, пошел вперед. Наступал день, но дожидаться ночи было неразумно: мнимым ифтам и другим обитателям Пустоши темнота не мешала, и не было смысла понапрасну терять время.

Вдоль дороги было много укрытий: трещины в почве, большие камни, густой кустарник, хотя последний иногда казался таким странным и злым, что Айяр старался обходить его стороной. В полдень путник съежился в тени скалы и доел последние стручки. Хотелось пить. Но воды поблизости не было. Его начали мучать воспоминания о холодных озерах Леса, язык словно ощущал вкус свежей речной воды... Ветер усилился и принес запах морской соли. Значит, цель близка. Хотя где и как он отыщет своих на бескрайнем берегу, пока было неясно.

Солнце жгло невыносимо. Пришлось остановиться и укрыться в тени. Но покоя не было: тяжелые мысли преследовали Айяра. «Эмбер...— думал он.— Сколько же тех, кого я прежде знал и любил, служат теперь ТОМУ-ЧТО-ЖДЕТ? Тот зал был весь уставлен зеркалами, и в них отражались чужаки, каких я на Янусе не видел. Быть может, здесь в древности жили другие расы? Существовала иная цивилизация? И это мы, ифты — пришельцы, инопланетники? Когда же возникло ОНО? Каков ЕГО возраст? И что ОНО такое, чтобы держать в рабстве все живое на планете в течение необозримых веков?» Так вопрошал себя Айяр, а вокруг него кружил ветер, наполненный дыханием древнего моря, и сулил ему скорый отдых, вселял надежду...

Это не был сладкий воздух Леса, но когда-то ифты бывали у моря и считали его добрым. Что же ждало Айяра на берегу неглубокой океанской лагуны, к которой он так стремился?

Каждый холодный сезон переродившиеся ифты уходили за море. С приходом весны горстка их снова приплывала к этому берегу, чтобы расположить в нужных местах тайники-сокровища: со временем те сделают свое дело и обеспечат прирост их сообществу прошедших перерождение. Конечно, это был очень медленный путь воссоздания лесной расы, но другого они не знали. Удастся ли повторять это снова и снова на опустошенных теперь территориях поселенцев и в районах, где бывали люди из порта, теперь целиком находящиеся во власти ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ? Если бы можно было вернуть к жизни пленников зеркал и подвергнуть их перерождению! Как сильно вырос бы тогда народ ифтов! Но кому под силу отнять добычу у ЖДУЩЕГО? Айяр с нетерпением дожидался, когда время перевалит за полдень. Наконец тени стали длиннее и гуще, и он двинулся дальше, навстречу ветру. Местность менялась, начали попадаться песчаные участки. Потом начались дюны. Айяр помнил бухту, из которой несколько месяцев назад отплывали ифты. Сам он в прошлый раз добрался туда слишком поздно и не смог присоединиться к собратьям. Но куда вышел теперь и в какую сторону следовало двигаться, чтобы найти заветное место? К востоку? Или к западу? Этого Айяр не знал.

Чем ближе к морю, тем холоднее ветер. Плотнее запахнув плащ, Айяр шел между дюнами и плоским берегом, стараясь не оказываться слишком на виду, избегая открытых мест. Солнце все еще было очень ярким, но небо приобрело какой-то странный, угрюмый фиолетовый оттенок, и Айяру стало не по себе. Впервые после перерождения он предпочел бы сейчас свет мраку. В блеклом небе и в тусклом свинцовом море словно растворено было чувство одиночества и тяжесть дурных предзнаменований... Здесь память Айяра не была ему помощницей: он был воин и охотник, но не моряк. Он не рискнул выйти на самый берег — там было слишком пусто и открыто. Он бы почувствовал себя совсем одиноким и беззащитным, не знал бы, куда спрятаться в случае опасности.

Лучше уж держаться поближе к дюнам и издали высматривать знакомые утесы, обрамляющие бухту ифтов. Наконец рельеф слева показался похожим на тот, что он искал. За неимением лучшего знака, Айяр повернул на восток и медленно двинулся вдоль береговой линии. Впереди поднимались утесы. Из-за одного донесся условный свист — и лишил идущего остатка сил. Как будто, достигнув наконец места встречи с товарищами, Айяр утратил последнюю волю и решимость, которые так долго заставляли его идти вперед. Теперь он не мог сделать ни шагу. Голова закружилась, Айяр покачнулся, тяжело навалившись на трость. Палка под его весом глубоко ушла в песок, и ифт упал.

Свист повторился. Теперь он прозвучал слева. Айяр лежал и устало ждал прихода друзей. Первым рядом с ним оказался Локатат, за ним Джервис и еще кто-то, кого он не знал. «На-

верное,— подумал Айяр,— те, что уходили за море, вернулись раньше срока. И в самый опасный момент». Айяр торопился поделиться всем, что он узнал и понял. Но теперь, когда настало время говорить, пересохшее горло и потрескавшиеся губы не слушались его. Айяра отнесли за утес. Там, в бухте, на воде покачивалось огромное дерево — корабль ифтов. На маленькой лодке его перевезли к отверстию в стволе. Влезть сам он не мог: его втащили на ремнях и понесли по длинному коридору вниз, в каюту, которая напомнила ему дорогие сердцу комнаты Ифтсайги. Ее стены уютно окружили Айяра, подобно тому, как теплый плащ спасает замерзшего путника от укусов холодного ветра. Последнее, что помнил Айяр, — это мягкая постель, куда его уложили, и склонившееся над ним озабоченное лицо Килмарка. Иллиль... Это имя разбудило его. Он пошевелился, с усилием освобождаясь от сна. По телу разливалось приятное тепло, новая энергия наполняла его, словно он пил сок Ифтсайги...

— Что с Иллиль? — повторился вопрос, и Айяр открыл глаза.

Рядом стоял Джервис, испытующе глядя на него, и ждал ответа.

— Я оставил ее в укромном месте. Мне не удалось ее разбудить,— сказал Айяр.— Она...— и он снова на мгновение потерял сознание.

Потом было уже легче. Он сосредоточился и смог связно рассказать обо всех подробностях путешествия от Зеркала через Пустошь, в самый центр владений ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ и обратно, к морю. Столпившись позади Джервиса, его жадно слушали все бывшие на корабле ифты. Но Айяр рассказывал только для Мастера Зеркала.

Когда он поведал о хранилище зеркал, о лесе-оборотне, о мертвой Великой Башне и об отряде фигур под корнями этого дерева, среди его слушателей возникло замешательство, и Айяра впервые прервали. Кто-то, невидимый за Джервисом, приказал:

— Еще раз расскажи об этой компании ларшей!

Айяр устал и разволновался, вновь переживая прошлое. Ему хотелось скорее закончить рассказ, но он подчинился и заново описал шеренгу безмолвных слуг ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ — ларши, эволюционирующие от зверей до космолетчиков.

— Ты уверен, что они стояли именно так? Ифт последних дней в паре с ларшем, а ифт ранних времен — рядом с человеком?

Айяр молча кивнул. Джервис, в свою очередь, обернувшись, спросил:

— Ты полагаешь, Омирон, это имеет особое значение?

— Вполне возможно; продолжай, Айяр.

И Айяр снова заговорил. Когда он дошел до описания оплавленного люка, Омирон снова вмешался:

— Ты уверен, что ТО-ЧТО-ЖДЕТ находится именно там, внизу?

Айяр не сомневался, как не сомневался он в том, что ему в одиночку просто не достало сил и умения пробиться сквозь металлическую пробку. Он закончил повествование тем, как в Пустоши увидел Эмбера... Слабость опять навалилась на него. Килмарк, кажется, понял это и предложил Айяру деревянную чашу с живительным соком Ифтсайги, по-весеннему сладким, освежающим мозг и смывающим усталость. Большинство слушателей вышли из каюты, но Джервис, Килмарк и названный Омироном остались. Последний, вздохнув, произнес:

— Итак, к сожалению, дело еще не закончено.

Слова прозвучали отчужденно, и Айяру показалось, что Омирон считает выбор Зеркалом в качестве орудия его, Айяра, неудачным и осуждает его. Айяр ожесточился и холодно взглянул на Омирона. Но Джервис ободряюще улыбнулся, и на Айяра повеяло теплом.

— Все не впустую,— сказал Джервис.— Теперь нам ясно, что эту войну не выиграть с налета. Скажи, Омирон, есть ли среди нас кто-нибудь, кто помнит, как управляться с машинами, которые смогли бы открыть люк?

Айяр приподнялся в постели и осторожно передвинул раненую ногу: она все еще болела, хотя и не так мучительно, как прежде.

— Мне кажется, что пользоваться инопланетной памятью там, во владениях ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, опасно. Можно незаметно попасть под ЕГО власть.

— Тогда, быть может, создадим цепочку памяти,— предложил Джервис.— Пусть каждый ифт вспомнит свои человеческие знания, но сам ими не пользуется, а расскажет другому ифту. Инопланетная информация, полученная из вторых рук, будет безопасна, и тот, кто ею воспользуется, останется неуязвим, как ифт. Так, Омирон?

Тот согласно кивнул:

— Видимо, да. В этой истории настолько много деталей, что трудно выделить главное. Я чувствую, что для нас очень важно понять смысл строя ларшей. Но мне это никак не удается... Да еще все эти зеркала, отражающие людей и производящие из их отражений послушных роботов... Что-то тут есть... Скажем, те ифты, что попали в зеркала, — они только там и остались или существуют еще и в реальном мире? Нас ведет Сила, исходящая от Зеркала Танта. Но эта — живая сила воды. И само Зеркало Танта — бесконечная водная гладь, отражающийся в ее поверхности не умирает. А какова судьба отражений, собранных в хранилище зеркал? Плен? Или — смерть?

Джервис посмотрел куда-то сквозь стену и произнес:

Место козней,
Где измельченные кости
Склеены кровью —
В Тулроне,
Скованы чарами, держат
Пленников вечного зла.

Там, где никто не живет —
Время утопло в колодце...

Айяр видел, что Килмарк и Омирон поняли из песни Джервиса не больше, чем он сам. Джервис усмехнулся:

— Воспоминание. Это древняя легенда о злом и искусном мастере, который построил темницу, где держал пленников. Они не могли освободиться, потому что пол этой тюрьмы был смешан с кровью и костями тех, над кем злодей имел почти полную власть. Пленники могли стать свободными лишь в том случае, если в темницу добровольно придет кто-то, кто сможет преодолеть злые чары и принесет себя в жертву, смешав свою кровь и кости с кровью и костями тайного заклятия... Сам не знаю, почему мне это сейчас пришло в голову,— и Джервис вздохнул.

— Нет ли здесь связи? Между Тулроном и ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ? — спросил Килмарк.

— Я не помню. Не знаю.

— Во многих легендах скрыта истина,— задумчиво произнес Омирон.— Быть может, эта легенда не случайно вспомнилась тебе именно сейчас. Если бы нам побольше было известно о Клятве Кимона!.. — Он помолчал немного и добавил:

— Но твоя идея с цепочкой памяти неплоха. Ты уверен, что найдешь тот холм, через который выбрался на поверхность? — обратился он к Айяру.

— Думаю, да. Я постараюсь. Но что же будет с Иллиль? — Айяр повернулся к Джервису.

— Перенесем ее сюда и, надеюсь, разбудим. Разделимся на две группы: одна пойдет за Иллиль, другая — к холму.

— А стоит ли разделяться? — с сомнением спросил Омирон.— Унести тело Иллиль можно на обратном пути.

— Одна группа может не вернуться. Нужен запасной вариант,— Айяр спустил ноги с кровати.

Омирон направился к двери.

— Я опрошу команду и выясню, чье прошлое может нам помочь.

— Тогда обойдемся без помощи инопланетников,— одобрил Джервис.

— А все нужные инструменты есть в порту,— добавил Килмарк.

— Тоже не помешают,— согласился Джервис.— Хотя неизвестно, сможем ли мы ими воспользоваться. И как справимся с отвращением ко всему человеческому?

— Иллиль натерла скафандр изнутри листьями Ифтсайги, и я смог его носить,— сказал Айяр.

— Хороший выход. Надо запомнить,— одобрительно откликнулся Килмарк.— У нас тоже есть тут кое-что. Стоит попробовать эти штуки в действии. Пойду-ка я посмотрю.

И он вышел. Мысли Джервиса опять были где-то далеко.

Он смотрел мимо Айяра и мучительно пытался соединить разрозненные обрывки воспоминаний.

— Что же за проклятье на наши головы! Почему мы так зависим от того, чего не знаем! — Джервис в отчаянии обхватил голову.— Я уверен, что ты видел там ответ на все наши вопросы, но я не могу раскрыть его!

Собравшиеся на корабле соединяли свои воспоминания — человеческие и ифтянские. Пока ифты один за другим покидали Совет, Омирон сказал оставшимся:

— Не кажется ли странным, братья, что наши воспоминания распределяются более или менее равномерно между Зеленым Листом и Серым, но ни у кого нет воспоминаний поры Голубого Листа — золотого века нашего рода? И Клятва, данная Кимону ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ, помнится только как легенда? Если те, кто вызвал наше перерождение, могли выбирать в двух веках — мощном Зеленом и увядающем Сером,— почему они никого не взяли из самого лучшего — Голубого? Может, он был так давно, что они не могли вызвать из прошлого живших в нем, чтобы «заселить» ловушки-сокровища? Или было еще что-то, из-за чего это век оказался закрыт для них?

— Важное до сих пор? — спросил один из братьев.

— Не знаю. Знаю только, что воспоминания о времени Кимона могли бы вести нас. Идти на эту борьбу вслепую — значит быть обреченным на поражение.

— Если нам не хватает знаний Кимона,— напомнил Джервис,— то мы, по крайней мере, обладаем знаниями Джетто Нкойо,— он кивнул на одного из ифтов.

Из всех опрошенных только Джейкин, бывший ранее механиком по обслуживанию роботов и носивший имя Джетто Нкойо, обладал самыми ценными человеческими воспоминаниями. Но их необходимо было использовать через вторые руки, чтобы ТО-ЧТО-ЖДЕТ не смогло уничтожить Джейкина, обратившегося к памяти Нкойо.

— Не слишком рассчитывайте на то, что я могу дать вам,— сказал Джейкин.— По-настоящему вам нужен техник-механик и инструменты.

— Поскольку мы ничего не можем взять из воздуха,— сухо сказал Омирон,— мы возьмем все, что можно, у тебя. Пусть Джинджир разместит в своей памяти твои прежние знания, а заодно и наблюдения Айяра, которые тоже могут нам пригодиться.

— Я подумал о столбе в Пустоши и его луче,— вмешался Джервис.— А вдруг он может подзывать космические корабли? Ведь ожившие скафандры взяты с кораблей. Прошлым летом мы нашли один космолет в Пустоши. Очень древний. Но ведь там могут быть и другие.

— Значит, ты предлагаешь штурмовать маяк? А если штурм повредит нам самим?

— Айяр полагает, что с помощью маяка слуги ЖДУЩЕГО могут загнать других поселенцев в Пустошь. Тогда это дейст-

вительно угроза,— ответил Джервис.— Мне кажется, мы должны послать туда третью группу.

Омирон скептически посмотрел в его сторону, словно удивляясь, как они хотят выполнить этот план, не имея ни машин, ни инструментов. Внутренне Айяр был с ним согласен. Если даже Джетто Нкойо и был мастером-робототехником, вряд ли он обладал достаточными инженерными знаниями, чтобы пробить ход на лестницу. Однако он еще раз подробно рассказал обо всем, что успел тогда рассмотреть и запомнить. Наконец бывший робототехник посмотрел на ифта, от которого зависела техническая сторона дела.

— Пожалуй, это все-таки нереально. Если бы у нас был высокочастотный резак, им бы можно было вырезать пробку. Или, если нижний коридор параллелен верхнему, прорезать перекрытие и спуститься вниз. Но без разреза...— он с сомнением покачал головой.— Ты говорил, что на скафандрах все еще нацеплены пояса с инструментами?

Айяр кивнул.

— И все-таки сама пробка должна быть очень прочной. Вряд ли ее удастся пробить ручным инструментом... Энергия меча подействовала на двери... Двери...— повторил он задумчиво.

— Что — «двери»?! — спросил Джервис, едва Джейкин замолчал.

— То, что ты называешь норами, надо полагать, сделано космонавтами. У тебя не было ощущения, будто они тебе знакомы?

— Было!

— На сколько уровней ты поднялся по лестнице?

— На два.

— И каждый раз коридоры расходились совершенно одинаково?

Айяр закрыл глаза и представил лестницу. Действительно ли все коридоры были одинаковы?

— Мне кажется, на втором и первом уровнях одно и то же количество коридоров, и идут они в одном направлении. Но про другие не помню. И число ступенек назвать не могу.

— В таком случае... Я бы предложил пробиваться из коридора.

— Сквозь металл и камень? Чем, голыми руками? — усмехнулся Джервис.— Когда-то я перекопал немало земли, но у меня была лопата, да и земля вроде бы помягче этой...

Джейкин не ответил. Он развернул на столе неумело сделанные чертежи, на которых Айяр изобразил коридоры и закупоренную лестницу.

— Вот здесь можно попробовать,— бывший механик указал на дверь коридора.— Если это действительно сделано космонавтами, то двери на всех уровнях должны выходить в вертикальную колонну и располагаться друг над другом. Кроме того, в стене должно быть отверстие для ремонта. На корабле

этим занимается серворобот, крепкая броня позволяет ему работать как внутри корабля, так и в открытом космосе. Таким образом, пространство в ремонтной нише должно вмещать одного человека. Если выжечь замок, как Айяр прожег дверь, можно получить доступ к центральному кабелю. Он проходит через колодец, по которому легче всего спуститься на запечатанный уровень.

— Опять «если»,— сказал Джервис — Все зависит от того, действительно ли норы созданы космонавтами.

— Короче, нам нужен резак,— сказал Джейкин.— Другого выхода я не вижу.

— Но мой меч утратил силу,— сказал Айяр.

— Значит, надо взять в плен скафандр и снять с него бластер,— ответил Джейкин.— Его энергии хватит, чтобы врезаться внутрь. А ты, Джинджир, обрати внимание вот на что...— он пустился в объяснения принципа действия служебных дверей и расположенных за ними механизмов.

Айяр сел на койку. Он не рассчитывал на особый успех планов, столь сильно основанных на случайности, как не доверял сделанному наугад. Лучше признать поражение, спасти Иллиль, отступить за море и оставить уничтоженный Лес и всех инопланетников ЖДУЩЕМУ...

— Но нам нельзя...— Айяр встретился взглядом с Джервисом и замолчал.

— Нельзя или не хочется? Или тебе проще смириться с мыслью о том, что посадка семян провалится, что наш род никогда не достигнет расцвета?

В душе Айяра что-то дрогнуло. Питье из сока разбудило и укрепило тело, но не его ослабевший мозг. Теперь он понял, что Джервис прав, что в самом их перерождении заложена необходимость сохранить род, создавая ловушки-сокровища, которые и произведут новых ифтов. Они так же не могут уйти из этой изначальной заданности, как инопланетники не могли избежать зова ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Не исключено, что борьба положит конец посадкам, но зато он наступит в битве с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ, а не в медленном, бесплодном прозябании. Айяр встал. Он почувствовал достойную цель, а это чувство вернуло ему уверенность в себе, с которой он уходил от Зеркала. Оживший в нем воин решил пройти свой путь до конца.

— Но что будет с Иллиль?

— Как только найдем ее, Килмарк и Локатат принесут ее сюда.

Они дождались ночи. Едва стемнело, две группы покинули бухту. Корабль, спеша вернуться за море, высадил третью, маленькую группу, и та укрылась на берегу. Один отряд должен был подняться по течению реки и попытаться захватить маяк. Интересно, хоть кто-нибудь из них верит, что это удастся? — думал Айяр, провожая из взглядом. Группа побольше во главе с Айяром направились прямо в ту западню, из которой он недавно вырвался.

Боль в ноге, доставлявшая Айяру столько мучений, стихла, хотя рана еще мешала идти. Каждый нес с собой фляжку с густой пряной смесью, которая, по мнению Килмарка, должна была побороть их отвращение к инопланетным инструментам. Они шли немного быстрее, чем прежде Айяр, все время прислушиваясь и принюхиваясь. Похоже, что так далеко на юг слуги ЖДУЩЕГО не забирались, во всяком случае, следов их не попадалось.

— ЖДУЩЕЕ, кажется, пока не беспокоится,— заметил Айяр, когда они остановились на отдых.

— Похоже,— согласился Джервис.— А может быть, ОНО занято другими делами и к тому же уверено, что мы слабые противники и нас легко будет раздавить, когда будут решены более важные задачи.

— Но ведь ТО-ЧТО-ЖДЕТ первым атаковало Лес. Может быть, как намекнул Джервис, цель действительно изменилась, и ОНО отказалось от уничтожения оставшихся ифтов ради более важных дел?

— Возможно, борьба с умирающим Лесом сейчас не представляет для него интереса,— продолжал Джервис.— Предположим, ТО-ЧТО-ЖДЕТ решило, что инопланетники и поселенцы являются лучшими слугами и исполнителями и, используя их, забыло о взятых в плен ифтах. ОНО спало несколько столетий, ожидая появления более сильных...

— Но ЖДУЩЕЕ — древний враг Ифткана и ифтов,— возразил Джинджир, словно обиженный предположением, что их, как песчинки, сдувают с того места, на котором возводится нечто новое.

— Да, для ифтов ЖДУЩЕЕ — большой враг. Мы знаем, что ЕГО держали в бессилии много лет, пока ОНО не победило нас с помощью ларшей. Но может быть, у ЖДУЩЕГО есть иная цель, и наша долгая борьба просто отсрочила ее достижение. А теперь ОНО нашло материал для осуществления своих планов.

— Но ведь поселенцы и портовики живут здесь уже давно. Почему же ОНО ждало до сих пор?

Джервис пожал плечами.

— Возможно, ЖДУЩЕЕ просто не знало о них до тех пор, пока ифты снова не нарушили ЕГО покой. Включив древнюю память, ОНО двинулось на нас. ТО-ЧТО-ЖДЕТ могло и не знать, что нас так мало. Нуждаясь в слугах, ЖДУЩЕЕ нашло поселенцев. Я уверен, что фальшивые ифты — эксперимент; может, не совсем удачный. Помнишь женщину-робота, которую использовали как приманку при нападении на участок? ТОМУ-ЧТО-ЖДЕТ нужны были новые данные и сырье для дальнейших экспериментов...

— И увлеченное своими попытками, ОНО забыло о нас? — спросил Килмарк.— Приятная мысль. Но можно ли на нее слишком полагаться?

— Смотрите! — Райзек указал на северо-восток. Там све-

тился луч, но теперь он был направлен не на участки, а в сторону порта.

— Все еще собирают,— тихо сказал Джервис.— Сначала с участков, теперь из порта, а может, и с корабля.

Следя за лучом, Айяр удивлялся собственной уверенности в том, что они смогут захватить этот луч и тем самым хоть немного разрушить планы Врага. Они двинулись дальше, время от времени поглядывая на застывший в небе луч. Других признаков бодрствования ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ не было. Пустошь казалась безжизненной. В полдень перед ними блеснули руины Белого Леса. Айяр указал на них:

— Я думаю, что ЖДУЩЕЕ увидело вблизи себя настоящего ифта и использовало долину как западню.

— Похоже, что так. Гляди в оба, Айяр,— сказал Джервис.— Я зайду с севера. Будьте осторожны.

Они остались впятером: Килмарк с узелком лекарств под плащом, Локатат, Райзек, а из заморской группы Джинджир и Мирик. Все они исчезли в темноте. Айяр решил войти в долину не с дороги, а с юга. Он шел осторожно, но при желании его можно было заметить. Он полагался на свой нюх, но пока запах слуг ЖДУЩЕГО не чувствовался. На этой стороне зеленой долины ничего не было видно из-за густой листвы на ветвях.

Ничто не свидетельствовало об опасности. Он нашел место, где можно было спуститься, и устремился вниз. И сразу же оказался почти по колено в зеленой поросли. Впереди рос кустарник, и он решил, что источник с озерцом неподалеку. Поглядев туда, откуда ожидался Джервис, он увидел поднятую руку и ответил на сигнал. Айяр осторожно пробирался под куполом крон. Обогнув одно из деревьев, он резко остановился, увидев раздавленные и переломанные растения. Кто-то прошел здесь, круша все на своем пути. Айяру не понадобилось долго вглядываться в глубокие следы, чтобы понять, кто здесь побывал. Скафандр — судя по отпечаткам, гуманоидного типа — спустился здесь в долину, а затем вернулся обратно. След привел Айяра к сужающемуся краю долины. Еще не дойдя, он знал, что увидит. Камни, которые он так старательно укладывал, были разбросаны; впадина, в которой оставалась Иллиль, пуста. Айяр остановился, не веря собственным глазам. Какой позор! Он должен был придумать, как унести ее, а не бросать обессиленную спутницу. Теперь ее отыскал слуга ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, унес в плен и рабство. Если, конечно, она еще жива...

— Ты укрыл ее здесь? — спросил подошедший Джервис.

Айяр тупо кивнул. Сколько времени прошло с того момента, как ее забрали? Если бы ифты — и он вместе с ними — не задержались в бухте до ночи, они успели бы...

Джервис крепко взял Айяра за локоть.

— Успокойся! — резко приказал он, и это вывело Айяра из оцепенения.— Что сделано, то сделано. Пойдем отсюда...

— К зеркалам в норы,— Айяр рванулся, стараясь освободиться, как только вспомнил, *что* он там видел.

— Возможно. Но что хорошего для нас и для нее, если мы бросимся сломя голову, не подумав? Я уверен, они ничего не могут сделать с ней, пока она в глубоком сне...

— Да что ты-то знаешь об этом! — огрызнулся Айяр.

— Она впала в сон, когда отдала Себе Силу Зеркала,— спокойно ответил Джервис.— Конечно, я не помню всего, что знал Мастер Зеркала, но твердо знаю: тот, кто был Сосудом Силы и опустошил себя для другого, находится под защитой Танта. Однажды ты был свидетелем мощи Танта. И теперь вокруг нас, над этой долиной, вновь чувствуются ее признаки. Природа ЖДУЩЕГО — тайна, природа Танта — тоже, но мы, ифты, знаем, что если в момент опасности воззвать к Танту от всего сердца, он придет на помощь...

— Я не Мастер Зеркала,— отмахнулся Айяр,— но в воспоминаниях, которые я вызвал из тумана древности, есть смерть и есть поражение. Где же был тогда Тант?

— Кто знает? Но ты стоял перед Зеркалом, когда оно пришло к нам на помощь по нашему зову. И не будешь же ты говорить, что его Сила не бросила вызов ЖДУЩЕМУ? К тому же ты сам несешь эту Силу в своем теле. Ты ведь не станешь отрицать этого? Я знаю одно: наши дороги предопределены, но их цель — за пределами нашего разума и наших знаний. И еще я могу поклясться: мы сделаем все возможное, чтобы вернуть Иллиль.

— По крайней мере, след хорошо заметен и еще свеж.

— Но сейчас мы не можем пойти по нему.

До Айяра не сразу дошел смысл сказанного. Осознав его, он вырвал свою руку.

— Это ты не можешь, а я пойду!

— Нет!

Это прозвучало столь весомо, что Айяр осекся.

— Сначала дверь, а потом...

— Нет! — закричал Айяр.

— Да! — что-то в тоне Джервиса удержало Айяра на месте, хотя он уже рванулся, чтоб уйти.— Сперва покажи Джинджиру дверь, а уж потом мы отправимся спасать Иллиль. Или ты сомневаешься в моем слове? — в его голосе чувствовалась уверенность, и это удержало Айяра.

В конце концов Джервис одержал верх. В лучах солнца исчез свет маяка, и теперь ифты не знали, сумел ли второй отряд побороть зловещий источник излучения. Айяр всей душой стремился в путь, но идти средь бела дня было невозможно, так как очки имелись только у четверых. Он пытался отвлечься, пристально вглядываясь в разбитую дорогу к разоренной роще. Но ничто не шевелилось на земле или в воздухе; лишь чувствовалось напряжение — как это бывает, когда враг собирает силу перед решающей схваткой.

— Айяр,— спросил Локатат,— ты говорил о женщинах и детях, уведенных с участка...

Айяр рассеянно кивнул. Все это осталось в далеком прошлом; теперь перед его глазами были только ниша и след в долине...

— А ты не знаешь, с какого участка?

Айяр нетерпеливо пожал плечами. Какая разница? Поселенцы были ему совершенно безразличны. Прежде он был рабом, потом превратился в ифта,— но никогда жители участка с их грубой и жестокой религией и мрачными обрядами не были ему симпатичны.

— Вот уж не знаю...

— Я так и думал. Прошло так много лет, я даже перестал их считать. Но иногда я вспоминаю, что был когда-то Дереком Вистерсом, вижу знакомые, знакомые лица, слышу голоса. Жизнь была такой грубой и невыносимо тяжелой, такой узкой, словно ни солнце, ни лунный свет никогда не достигали ее дна. И никто не пел, как поем мы, ифты, познавшие радости Леса. И все-таки вспоминаешь... и задумываешься, как живут те, кого знал когда-то...

— У тебя остались близкие? — какая-то нотка в голосе друга тронула Айяра. У него ведь тоже остались воспоминания о прежней жизни.

— Отец, который отправил меня в Лес, как только меня поразила Зеленая Болезнь, и плачущая мать. Я помню их слезы. Скорее всего, их обоих уже нет в живых; труд на участке не способствует долгой жизни. Наверное, я не узнал бы их, если бы встретил. По их понятиям я не был хорошим сыном. Это и привело меня к сокровищу, а потом превратило в ифта — те, кто к этому склонен, непременно схватят приманку и переродятся.

— Послушай! — Айяр повернулся к подъему, за которым сверкали обломки кристаллических деревьев. Что-то двигалось по разбитой дороге.

Айяр взобрался наверх и осторожно пополз к развалинам, зная, что Локатат следует за ним. Они укрылись среди призм кристаллов, разбитых стволов и ветвей. Люди, настоящие люди, шли ровным тяжелым шагом вверх по долине. Их было десять, все в униформе портовых рабочих, и шагали они бесстрашно, словно неведомая цель поглощала все их внимание.

— Опять роботы? — прошептал Локатат.

Айяр не мог определить, но это было вполне вероятно. Они были вооружены станнерами и бластерами, но оружие лежало в кобурах — слугам ЖДУЩЕГО было дано другое поручение.

— Возможно, ТО-ЧТО-ЖДЕТ держит в порту своих слуг для встречи и захвата корабля, — размышлял Джервис, глядя на марширующих.

— Тебе не приходило в голову,— спросил Райзек,— что Враг может быть вовсе не уроженцем Януса? ЖДУЩЕЕ могло прийти из космоса и теперь пытается вернуться туда. Что, если ОНО и раньше пробовало проникнуть на корабли, но

ни разу не удавалось, и вот теперь делается новая попытка?

— Зачем же тогда поселенцы? — спросил Локатат.

— Они — слуги, предназначенные только для этой планеты. Или ЖДУЩЕЕ просто подстраховалось на случай, если кто-то вздумает ему помешать. Я не могу забыть те зеркала с изображениями. Может, они прибыли сюда вместе с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ...

— Но ларши,— прервал Джинджир,— были его слугами и прежде. Почему бы не пользоваться слугами из зеркал, если они для этого предназначены?

— У ЖДУЩЕГО могло быть несколько видов слуг,— сказал Джервис,— но твоя мысль не лишена оснований, Райзек. Ифты помнят только Янус. О природе ЖДУЩЕГО не имели представления ни мы, ни те, чьими индивидуальностями мы теперь обладаем. Если ЖДУЩЕЕ пришло из космоса столетия назад, то объяснимы и норы, похожие на коридоры космического корабля, и все прочее. Разве вы не видите? ЖДУЩЕЕ с самого начала было совершенно чуждо ифтам, не встречалось с ними, не чувствовало их мыслей именно потому, что ифты всегда были привязаны к этой планете, глубоко укоренились в ее земле, как их Великие Башни, и никогда не желали ей ничего другого. А мы можем понять мысли ЖДУЩЕГО именно потому, что сами были когда-то людьми и знали другую жизнь.

— Стало быть, мы больше подходим для того, чтобы иметь дело с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ и разгадать его загадку? — спросил Мирик, ифт с того берега моря.

— По крайней мере, это предположение объясняет многое. ЖДУЩЕЕ всегда было чуждо ифтам. Раса, прикованная к планете, всегда может оказаться пораженной ксенофобией. Может быть, наше нынешнее отвращение к инопланетникам и всему, что с ними связано, — не просто элемент Зеленой Болезни, призванный держать нас подальше от нашего бывшего рода. Скорее, это отзвук того чувства, которое ифты всегда испытывали к чужакам. Для них, как и для нас теперь, ЖДУЩЕЕ — воплощение зла, но ведь для других все может быть иначе.

— Но ТО-ЧТО-ЖДЕТ было всегда. Кимон жил в пору Голубого Листа, и он уже знал ЖДУЩЕЕ. А с тех пор ведь прошли века...

— Давно ли ты стал ифтом? — спросил Джервис.

Мирик прикусил губу. Айяр подумал, что тот считает годы.

— Я был Раулем Орсвайном, служащим Угольного Синдиката. Я приехал в 4570 году. В следующем сезоне я подхватил Зеленую Болезнь во время охоты на южных островах.

— А ты? — обратился Джервис к Айяру.— Ты пришел к ифтам последним. В каком году ты высадился на Янусе?

— В 4635-м.

— А я в 4450,— продолжал Джервис.— Кто из нас старше, Мирик? Значит, мы можем утверждать, что ифты живут больше двухсот лет. А Закатанцы доживают почти до тысячи лет —

это самая долгоживущая раса из всех, известных в Галактике. Но много ли мы вообще знаем о Галактике, несмотря на все наши исследования? Что мы вообще знаем о том, как измеряют время на звездах? Может, есть такие расы, для которых жизнь Закатанца — один день?

— А если окажется, что ЖДУЩЕЕ не гуманоид? Или вообще не имеет ничего общего с другими расами? — предположил Райзек.— Или для НЕГО что ифты, что инопланетники — не более, чем животные?

— Вполне возможно. Мы не узнаем правды, пока не встретимся с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ. Наша двойная индивидуальность может дать нам силу против того, что находится за запечатанной дверью, ведь наши воспоминания уходят в глубины прошлого — и здешнего, и находящегося за пределами Януса. И если ТО-ЧТО-ЖДЕТ чуждо Янусу, мы можем все же рассчитывать на помощь нашего прежнего «я».

«Все это, может быть, и правда, но она не приближает нас к Иллиль»,— думал Айяр. Он следил за отрядом инопланетников, пока тот не скрылся из виду. Но что стоит ЖДУЩЕМУ послать и других. А что могли ифты противопоставить инопланетному оружию? Айяр высказал свои сомнения вслух. Райзек кивнул.

— Я думаю, солнце не зайдет еще часа четыре. Если мы пойдем сейчас, нам придется туго. Надо ждать...

Айяр был вне себя. Ждать и ждать! А у Иллиль, может быть, нет времени ждать. Он не слишком доверял предположениям Джервиса, будто она находится в полной безопасности, пока не проснется. Что они знают об этом? Может, Иллиль просто поскорее превратят в зеркальное отражение. Ифт ненавидит и боится ЖДУЩЕЕ, а все силы ЖДУЩЕГО преследуют ифта. Да к тому же ифтом владеют страхи его прежней жизни. В науке ведь есть свои демоны и темные силы. Проще воспринимать ЖДУЩЕЕ так, как воспринимает его ифт — громадной и жуткой бесформенной силой зла,— чем приуменьшить ЕГО в своем сознании, придав ЕМУ форму. Рука Джервиса оттащила Айяра в зеленую тень, пока Райзек встал на стражу.

— Расскажи нам еще раз о коридорах.

Айяр рассказывал об этом уже не однажды. Зачем повторять снова? Но раз надо... Он вяло, шаг за шагом, мысленно повторил свой путь по норам, описывая в деталях все, что мог вспомнить. Джервис дважды прерывал его: один раз при описании комнаты, где Айяр видел, как тело портового офицера помещали в контейнер, а второй — когда речь шла о помещении, где стояли рядами ифты и ларши.

— Похоже, что тела отраженных в зеркалах сохранились,— прокомментировал Мирик.— Значит ли это, что процесс обратим? Если так, что сталось с теми, кто служил образцом для создания мнимых ифтов? Ведь Айяр узнал в одном из роботов своего бывшего товарища и вспомнил имя девушки в искусственном лесу.

— Шеренга ларшей...— размышлял Джервис.— Я думаю, именно в ней кроется разгадка или одна из разгадок.

Солнце все еще было высоко. Как медленно тянется время!.. Когда наконец наступил вечер и Джервис дал сигнал к походу, Айяр, не помня себя, пустился бегом по разбитой дороге. Райзек обогнал его и преградил путь.

— Ты хочешь раньше времени сломать себе шею, брат? Не лучше ли поберечь силы на будущее?

Это было разумно, и Айяр согласился с ним. И вот они в долине холмов. Айяр высматривал женщин и детей, но их словно и не бывало. Не было и самодвижущихся машин, хотя ифты прошли по оставленным ими бороздам. Килмарк поднял щепотку черной земли, понюхал и вытер пальцы.

— Она не с Януса,— сказал он,— или что-то ее преобразило.

Он знал, что говорил. Бывший портовый врач первым попал в лес в поисках трав для опытов. Хотя его доифтянские воспоминания были другими — воспоминаниями лорда из процветающей страны,— но во всем, что касалось лечения, он соответствовал своей нынешней природе. Джинджир с дрожью огляделся. Стоило ТОМУ-ЧТО-ЖДЕТ проснуться, и вся Пустошь изменилась. Не осталось ничего чистого! Айяр решительно прошел мимо холма, через который впервые проник в норы. На песке мешалось множество нечетких следов. Видимо, недавно здесь все бурлило и двигалось. Они подошли к другому холму, поднялись на гребень. Айяр разбросал землю, которой засыпал вход, и они спустились по лестнице на верхний уровень. Мирик пошел обследовать другие выходы, но через минуту вернулся. На этот раз все двери оказались крепко запаяны. Коридоры второго уровня шли чуть дальше, но так же резко заканчивались пробкой. Затем ифты спустились к тому месту, где пробка плотно подходила к самой лестнице. Мирик провел руками по спекшейся массе.

— Та же работа, что и наверху. И я уверен, что сделано это очень недавно. Интересно знать, почему не закрыт и самый верх лестницы?

— Кто может понять мотивы поступков ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ? — сказал Джинджир. Он тоже обследовал пробку.— Это не сдвинешь, тут нужен такой взрыв, который мог бы опрокинуть Великую Башню.

— Или лучевой резак. А как насчет двери для ремонта, о которой говорил Джейкин? — напомнил Райзек.

Айяр привел их в коридор, ведущий в хранилище запасных зеркал. Джинджир, Мирик и Райзек стали искать предполагаемый вход, а Айяр тем временем переминался с ноги на ногу, горя желанием поскорее направиться на поиски Иллиль.

— Примерно здесь! —Джинджир очертил рукой неопределенный овал на стене.— Айяр, к твоему мечу вернулась Сила?

Тот вытащил меч, но искр с острия не посыпалось, да и в себе он не чувствовал ответной волны.

— Нет.

— Тогда попробуем вот этим. Но работа займет много времени, если нам вообще удастся ее завершить.

Джинджир достал из-за пояса сумку из коры, открыл ее и показал миниатюрные инструменты, предназначенные для работы по дереву. Они были сделаны из того же материала, что и мечи ифтов, но разве ими можно резать металл?

— Что ж, попробуй,— и Джервис повернулся к Килмарку и Локатату.— Пошли?

Под предводительством Айяра все четверо снова поднялись по лестнице на вершину холма, уже окутанного ночной мглой. Локатат поднял голову и принюхался:

— Пахнет! Там!

От одного холма к другому мелькнула одинокая тень. Но запах был слишком силен: врагов должно быть намного больше. Айяр внимательно осмотрел холм со всех сторон. Локатат пополз в противоположном направлении, а остальные в тревоге ждали. Айяр разглядел фигуру, распластавшуюся на склоне холма. Она была вооружена не луком, а мечом — оружием ифтов. Тогда как робот, которого Айяр и Иллиль убили в пустыне, имел оружие совершенно нового типа. Паучья фигурка замерла на склоне, словно знала, что о ее присутствии уже известно там, наверху. Айяр внимательно оглядел весь склон: он был уверен, что там есть и другие.

— Окружают,— тихо прошептал Локатат.— Поднимаются сюда...

— Назад,— обратился Джервис к оставшимся в норе.

Айяру пришлось повиноваться.

— Сколько их?

— По крайней мере шестеро,— ответил Локатат.— Но, возможно, и больше. Что будем делать?

— Можно попробовать другой путь,— мысли Айяра вертелись вокруг Иллиль.— Через холм зеркал и ненастоящий лес...

Он уже поставил ногу на лестницу, но Килмарк сдержал его.

— Ребятам нужно время для работы.

— Снимайте плащи! — приказал Джервис.

Айяр расстегнул и сбросил одежду с плеч.

— Клади. Вот так,— Джервис бросил свой плащ возле лестницы, рядом с плащом Айяра. Теперь весь пол вокруг лестницы был покрыт тканью.

— А сейчас — в проход!

План Джервиса оставался для них тайной, но они подчинились приказу. Коридор был коротким, и расплавленный металл оказался прямо за спиной Айяра, когда он повернулся, чтобы взглянуть на лестницу. Он успел увидеть, как Джервис бросил на плащи что-то похожее на обыкновенные камешки. И тогда он понял, что их преследователей ждет непреодолимое препятствие. Лес был не просто домом для ифтов. Он забо-

тился о них, рожденных и воспитанных в его тени, питал их своими соками. Среди растений Януса встречались странные создания, столь же опасные, как дикие животные, бродившие по полянам и чащам лесной страны. Эти создания выглядели, как обыкновенные серые камешки, — однако это были семена, которые ифты использовали как оружие. Вот только подействуют ли они на фальшивых ифтов? Джервис не торопился воспользоваться ими. Айяр смотрел сквозь пролет лестницы, как тот встал на одно колено, держа в руке фляжку сока, нацеженного из Великой Башни, и поднял голову, словно прислушиваясь.

Ждать всегда тяжело, но от этого ожидания пересохло во рту, хотелось хоть как-то действовать. Айяр стоял с мечом наготове в своем укрытии, прислушивался к звуку шагов на лестнице и время от времени поглядывал на лжекамешки, невинно лежавшие на плащах и едва видимые в темноте. Наконец Айяр услышал впереди шум. Джервис вынул пробку из фляжки. Свет, не очень яркий, но смертоносный, охватил брошенные плащи, затем показался завиток дыма. Джервис метнул фляжку. Сок брызнул на камешки-семена. Секунда тревожного ожидания, затем тихий всплеск, хорошо слышный в тишине, и там, где сок попал на обгоревшую ткань, поднялся пар. Из семян вырвались корчащиеся ростки, по-змеиному изогнулись вокруг лестницы, вцепились в нее. Простая вода, вероятно, тоже вызвала бы жизнь в этих семенах, но сок вдвое ускорил их рост. Стебли тянулись в никуда, хватали пустоту и создавали из нее нечто чудовищное. Сначала ростки были не толще пальца, но быстро росли, выбрасывая все больше стеблей. Они поднимались по лестнице, как по шпалере, прыгая по ступеням со страшной скоростью, и наконец заполнили ее всю, закрыв отверстие. От стеблей исходило слабое оранжевое свечение. Оно поднималось вверх, похожее на облако танцующих пылинок. Спрятавшиеся в коридоре ифты подхватили полы двух оставшихся у них плащей и укрылись ими от облака. Но пылинки, как всегда, не разлетались в стороны, а поднимались вертикально в отверстие входа. Ифты в своем укрытии под плащами не слышали и не знали, вцепились ли пылинки в роботов, как они сделали бы с живой плотью. Во всяком случае, отверстие было надежно закупорено. Джервис подал знак, Килмарк подполз к трапу и спустился вниз, а остальные стояли наготове. Айяр подошел следующим, не спеша, стараясь избежать удушающих стеблей. Он задерживал дыхание, чтобы не вдохнуть пылинки: иначе они пустят корни и будут расти в теле. Пройдя через отверстие в полу, Айяр стал ждать Локатата и Джервиса.

— Наверху ни звука,— сообщил Джервис.

Ткань, лежавшая на полу, отяжелела от того, что росло на ней. Ифты ушли вовремя. Локатат удовлетворенно посмотрел вверх.

— Они поедают что-то, иначе перестали бы расти,— пробормотал он.

— Ну,— сказал Джервис,— теперь мы пойдем другой дорогой.

Наверху творилось нечто невообразимое: белый стебель свободно качался, изгибаясь, затем закрутился вверх, проталкиваясь в отверстие; он явно рвался наружу, не желая оставаться в норах. Айяр с облегчением вздохнул. Он знал природу этих растений, и все-таки опасался, что они потянутся за ним. Но, как сказал Локатат, им, похоже, хватило пищи, чтобы стремительно распространиться дальше; лжеифты хотя и были роботами, но не могли защититься от этих сорняков. Ифты вернулись к тем, кто работал у дверей. В стене уже зияли дыры, но, глядя на обилие проводов, Джинджир скептически покачал головой.

— Как дела? — спросил Джервис, коротко рассказав о том, что случилось наверху.

— Вот,— Джинджир показал четыре сломанных инструмента.— У нас нет самого необходимого.

— Инструментов полно! — вмешался Райзек. — Он на складе под фальшивым деревом. Среди них наверняка найдутся подходящие.

— Верно,— сказал Джинджир,— пойдемте.

Они поспешили по коридору на склад зеркал.

— Сколько же их? — Килмарк посмотрел вокруг.— Наверное, сотни!

— Целый род,— грустно ответил Райзек. Он остановился у одного виденного раньше зеркала и вгляделся в негуманоидное мохнатое создание с удивленной мордой.— Что это? Разумное существо или животное?

— Пошли дальше,— оборвал его Айяр, и все быстро зашагали за ним.

Отверстие в потолке вело в комнату с машинами. Один встал на плечи другому, третий взобрался по ним, как по лестнице. Затем поднялся Айяр, связав перевязи мечей так, чтобы по ним могли бы подняться и спуститься остальные. Они нетерпеливо смахивали пыль с машин, рассматривали их, открывали дверцы, за которыми были места для грузов или пассажиров. Конструкции были непонятны даже для их двойных воспоминаний, но ифты с отвращением продолжали поиски. В конце концов Джинджир выбрал инструменты странной формы. Они как будто не предназначались для тонкой работы, но были гораздо лучше тех, что ифты принесли с собой.

— Возьмем эти,— он поглядел на Джервиса.— Хотя лучше бы бластер со скафандра.

— Да, но где его найдешь? Начнем этими.

«Во всяком случае, скафандры и Иллиль должны быть где-то рядом» — подумал Айяр. Неужели ему опять помешают?

Их было пятеро против неведомой силы, таившейся в по

рáх. Айяр, не оглядываясь, шел впереди. Вот он выбрался к складу, где рядом стояли ифты и ларши. Он не задерживался, даже если товарищи хотели рассмотреть эти фигуры, и вскоре достиг узкого прохода, в который провалился в прошлый раз, торопясь к фальшивой Башне Ифткана.

— Куда теперь? — спросил Локатат.

— Наверх. Только я не помню точного направления.

Локатат оглянулся на подъем к дереву.

— Это... одна из Башен...— в голосе его звучали странные ноты.

Айяр взглянул на своего спутника. Локатат уставился на дерево и хотел было идти к нему, но Айяр схватил его за руку и держал, пока не подошли остальные.

— Не смотри туда,— приказал он.— Это же ловушка, в которую тебя хотят заманить.

Остальные невольно подняли глаза, но Джервис тут же отвернулся и, по примеру Айяра, схватил Килмарка и Райзека.

— Он прав. Это страшная вещь для нас! Отвернитесь! — он отталкивал их в сторону.— Не смотрите! Нельзя!

Но искушение нелегко было побороть. Айяр стал торопливо искать, как бы выбраться из оврага. Они встали друг к другу на плечи и, добравшись до верха, вошли в рощу, держась друг за друга. Здесь могли быть и другие ловушки, кроме тех, с которыми встречался Айяр. Они шли цепочкой в кущах зелени и, с деланным равнодушием, подозрительно оглядывались вокруг. Дойдя до настоящих деревьев, они поднялись наверх, стараясь держаться в тени, и наконец добрались до дальней стены, где находился вход в норы.

В роще все изменилось. Звуки, вызвавшие подозрение Айяра, стихли. Ифты шли в полной тишине. Казалось, исчезла душа этой местности. Айяр поделился своим наблюдением с товарищами.

— Исчезла? — повторил задумчиво Джервис. — Может быть, она просто переместилась? Но куда?

— К двери, которую хочет взломать Джинджир,— предположил Локатат.

— Возможно. Но я не уверен. ТО-ЧТО-ЖДЕТ собирает теперь всю силу и созывает всех своих слуг.

— Тогда нам тем более стоит поторопиться,— с этими словами Айяр стал подниматься по склону. К его удивлению, они добрались до стены, не увидев ни одного из слуг ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ.

Проход под скалой исчез, но они без колебаний срубили деревья и наскоро сделали лестницу.

Войдя в норы сверху, они остановились, тревожно оглядываясь и принюхиваясь. Из коридора шел отвратительный запах, но определить его источник было трудно.

— Машины,— сказал Джервис.

— А я думаю, это фальшивые ифты,— начал Локатат.

— Похоже на химические реактивы,— Килмарк сосредоточенно принюхивался.

Райзек приложил ладонь к стене.

— Отсюда исходит энергия.

— Впереди — хрустальные пластины,— предупредил Айяр.— Они, наверное, включены, так что будьте осторожны.

Он снова пошел вперед и прополз сквозь первую пару кристаллов.

— Вот комната, где они складывают тела,— сказал он, остановившись у двери. Килмарк осторожно рассматривал ряды контейнеров.

— В прошлый раз,— прошептал Айяр,— заняты были только четыре, а теперь — все.

— А где делают отражения? — спросил Джервис.

— Иллиль! — вспомнил Айяр и почти побежал по коридору. Он должен освободить ее, если еще не поздно.

Прежде чем войти в каждую дверь, Айяр принюхивался, но везде было пусто — и ни одного скафандра. Только в стенах чувствовалась жизнь. Они вошли в комнату, в которой он видел, как делают отражения. Стол был пуст, и на стене — ни одного зеркала. Но зато здесь стояли два скафандра. Гуманоидные, но не знакомого Айяру типа. У одного была вывернута рука и разворочено плечо. У другого не хватало шлема.

Поскольку оба металлические калеки не могли двигаться, Айяр решил, что они безвредны. Райзек осторожно осмотрел их. Как бывший астронавигатор он хорошо знал устройство скафандров. Но сейчас он качал головой:

— Никогда не видел ничего подобного.

Айяр подошел к столу и обнюхал его. Явно пахло поселенцами и портовиками. Но не ифтом. Однако Иллиль не могли не привести сюда. Из пустой зеркальной комнаты Айяр поспешил в лабораторию, в которой делались искусственные тела. Столы были также пусты, и на зеркальном ложе не булькало желе. Килмарк с силой втянул в себя воздух:

— Я чувствую запах искусственной плоти... Что-то вроде протоосновы...

Была еще третья комната, где, как помнил Айяр, собирали тело фальшивого ифта, но она тоже оказалась пустой.

— Где же...— голова Айяра резко повернулась. Раз мозг бессилен, не поможет ли ему нос?

Вдоль коридора шли другие двери, из одной шел запах, очень слабый, но различимый даже среди множества навязчивых запахов. Конечно, это Иллиль!

Его руки потянулись к двери, толкнули ее, потом дернули, но замок не поддавался.

— Заперто,— решил Джервис.

— Подождите! — Райзек бросился назад, в комнату с зеркалами.

Айяр продолжал толкать упрямую дверь, но тщетно. Судя

по всему, Сила, заложенная в него Зеркалом Танта, совершенно иссякла! Он обернулся к Джервису.

— Мастер Зеркала, можно ли призвать Силу Танта к нам на помощь?

Джервис строго взглянул на него, потом — снова на дверь.

— Если данная тебе энергия истрачена, Тант больше ничем не поможет.

Значит, энергии нет? Но ведь именно Зеркало Танта послало его сюда, наполнив своей Силой. Потом это же сделала Иллиль. Да, на перекрытой лестнице он потерпел неудачу, и Сила убывала с каждым шагом отступления. Но теперь он пришел освободить Янус от нечисти, заполнившей его землю. Он не отказался от поисков, не бежал в сражении. Он вернулся, полный решимости. Айяр закрыл глаза, пытаясь вспомнить выступы над Зеркалом, увидеть искрящийся язык тумана, касающийся его и Иллиль и источающий в них Силу. Воин даже не заметил, что вытащил меч и, сжав обеими руками рукоять, направил лезвие в пол. Тогда, над Зеркалом, он познал благоговение и веру в таинственную власть. Было ли то пробуждение прежнего Айяра или эта вера была вложена именно тогда, и сколь сильной оставалась она, когда воин ушел из Танта?..

Зеркало, язык из искрящихся капель... Айяр попытался вновь вызвать в себе ту вошедшую в него рябь. Он словно отделился от собственного тела и погрузился в какое-то пространство; в этом пространстве он сидел за игральной доской против кого-то невидимого. Все это уже происходило однажды, но теперь и пространство было иным, и присутствие невидимого игрока он ощущал как-то по-иному.

Из глубоких семян, из земли
Зеленые листья на крону пришли:
Дерево ифтов шумит.
Дождь по листьям дробью стучит,
Ветер серым летит соловьем.
Мы, его повторяя, поем.

Растения вились по его ногам, но он не видел и не ощущал их, они стали частью его, а его плоть и кровь стали частью их. Ласковый летний ветерок овевал тело Айяра, щеки и губы освежали капли дождя, и это утоляло жажду и голод.

Меч — холодный огонь под рукой,
Лист на ветке легко,
Незаметно качнулся, зеркально,
Словно в озере, в Зеркале блик
Ловит месяца яркий, прозрачный язык.
Ифт встает, страх исчез...

Глазам ифта не дано было видеть Танта, но что-то глубокое и темное удерживала в своем свете луна. Ее отражение дрожало и дробилось тысячами серебряных точек, свободно перетекающих друг в друга. Они поднимались, соединяясь с ветром, с легким дождем. И вот они окружили тело Айяра, вошли в него...

Молния ифта — меч,
Руки, как руны, хранящие меч,
Сердце — луна, оковавшая мрак
Светлым лучом.
Род его вечен, как вечен
Яркий на небе месяц
В мраке ночном.

Да ведь эта баллада Кимона. Ее пел не Айяр, она звучала в нем, приходя откуда-то извне. Из каких же глубин она достигла его?

Встань, воином рожденный,
Дерево выше растет,
А тень его, длинную, черную
Рубит сверканье мечей.
Чист станет утренний мир от теней!

Тант снова вошел в Айяра своими серебряными искрами. И опять пришло ощущение, что эта странная жизнь связана с происходящим. Он открыл глаза и увидел перед собой Джервиса. Ифт, бывший когда-то Мастером Зеркала и, как Айяр, способный призывать Силу, тоже вернулся из глубин, в которых обрел волю.

— Сила вернулась к тебе, брат.

— Да, она вернулась,— Айяр уверенно поднятым мечом очертил контуры двери. Блеснувший из острия луч легко вонзался в поверхность, оставляя за собой яркую линию расплавленного металла. Айяр толкнул дверь, и она упала внутрь как раз в тот момент, когда появился Райзек с бластером.

В комнате лежали на полу женщины и дети — по-видимому те, кого видел Айяр у входа в долину. Все они были из поселенцев, но нюх подсказал Айяру, что где-то среди них — ифт. Они нашли Иллиль в дальнем углу; она была небрежно брошена туда, словно сломанная машина, в которой ТО-ЧТО-ЖДЕТ больше не нуждалось. Джервис поднял девушку, вынес в коридор, и там Айяр взял ее руки в свои. Когда-то он получил от Иллиль Силу и теперь возвращал ее. Все остальные тихо пели:

Семя вонзается в черную землю,
Взымает птицей зеленоперой,
Крылья расправив, смотрит вниз,
И взгляд ее — ствол, что держит землю
С неба — корнями вверх,
Ифт — это дерево — песни
Ветер в перьях поет —
В его шелестящих листьях.

Килмарк держал у губ Иллиль фляжку, из которой капал сок жизни. Наконец она открыла глаза и посмотрела на них

невидящим взглядом, будто видела не друзей в подземных норах, а незнакомые просторы, в которых она затерялась.

— Иллиль! — тихо окликнул Айяр.

Теперь она увидела и узнала его. В глазах ее мелькнула тревога.

— Разве вы не чувствуете? — хрипло спросила она. ЖДУЩЕЕ знает!

Все огляделись, словно оказавшись неожиданно в кольце врага. Иллиль была права: спокойствие, через которое они шли прежде, исчезло. Их обнаружили.

— Пошли, — Джервис, поддерживая Иллиль, провел ее мимо остальных комнат. Райзек и Локатат отстали, но вскоре догнали отряд — к бластеру Райзека прибавились еще два непонятных орудия.

Ифты были настороже. Они дошли уже до искусственного леса, а ЖДУЩЕЕ до сих пор ничем не проявило себя, не показало, что знает об их присутствии. Айяр удивлялся, почему обитатели нор не нападают, почему ТО-ЧТО-ЖДЕТ не раздавило их — ведь даже обладая Властью Зеркала, они не выстояли бы против инопланетного оружия. В роще тоже что-то изменилось. Луна исчезла, стало темно, как во время грозы. Но обнаженный меч Айяра горел в темноте ровным светом, и растения уклонялись от меча, чего не было раньше. Иллиль положила левую руку на плечо Айяра.

— Пойдем цепью, братья. Я чувствую, что Силы Зеркала хватит на всех нас. Объединимся, чтобы она прошла через всех одинаково.

Ее прикосновение не отняло у Айяра энергию, как ему сначала показалось. Наоборот, в него вошло что-то новое, придав уверенности. Не оглядываясь по сторонам, они шли кратчайшим путем к тому дереву, которое словно злобно передразнивало Башню Ифткана. Все разбегалось с их пути. Лишь однажды они услышали в тишине неразборчивый зов ифта. Иллиль повернула голову на этот звук и запела что-то в ответ — не то песню-заклинание, не то предупреждение. Слова ее были необычны, и Айяр подумал, что Иллиль помнит их из далекого прошлого, в котором была Сеятельницей Семян и прикасалась к истокам жизни, а не к ее концу. Сейчас же они находились в месте, которое отрицало жизнь. Когда они спустились в помещение, где рядами стояли навеки застывшие ифты и ларши.

Иллиль и Джервис, словно по наитию, которого не испытал Айяр, стали окликать некоторых ифтов — словно эти статуи могли сойти со своих мест и присоединиться к ним. Затем они миновали комнату с машинами, прошли через коридор и оказались в зале зеркал. Вдруг Иллиль пошатнулась, выпустила руки Айяра и Джервиса, разомкнув цепь, и, закрыв лицо руками, словно не смея смотреть на постаменты с зеркалами, закричала:

— В них — дети ЖДУЩЕГО! Их нужно разбить — и все прекратится.

Потом она снова протянула дрожащие руки к Айяру и Джервису и зажмурилась. Дрожь в них утихла, только когда они вышли из зала. Вдруг они услышали голоса и бросились туда, где оставили Джинджира и Мирика. Айяр был уверен, что слышит звуки схватки. Его меч ослепительно вспыхнул, но этот свет не вредил глазам воина. У распахнутой ремонтной двери в коридоре громоздилась куча изогнутых и разорванных проводов. На ней, в самом центре, лежал мертвый Джинджир. Мирик тоже распростерся на полу, и над ним метались лучи. Пришедшие спрятались за груду, которая, впрочем, не была достаточной защитой. Райзек и Джервис, забравшие у скафандров бластеры, начали отстреливаться. Мирик поднял голову.

— Нужно попытаться уйти через дверь.

Взятыми из запасника инструментами они перерезали оставшиеся кабели и решили спускаться. Неизвестно, что ждало их внизу, но оставаться здесь означало смерть под лучами.

— Я пойду! — Локатат подполз к отверстию и начал спускаться, но продвигался так медленно, будто ему что-то мешало.

— Теперь ты! — бросил Айяру Джервис.

Сам он и Райзек прикрывали отход. Когда в этой огненной перестрелке наступило затишье, Айяр, вложив меч в ножны, протиснулся в отверстие и, опираясь на обрывки проводов и металла, спустился по трубе. Внизу был такой же коридор, как тот, что располагался наверху, но энергия, пульсировавшая в стенах, была здесь намного сильнее. Когда Айяр рискнул дотронуться до стены, заряд, пробежавший по руке, причинил такую боль, что он вскрикнул. Другая рука инстинктивно схватилась за меч и выдернула клинок из дымящихся ножен. Закаленное лезвие стало голубовато-зеленым, потом пошло рябью, с него сыпались искры. Питался ли меч Силой Танта, извлекач ее из Айяра, или сам питал своего хозяина? Нет, хозяином был меч, а Айяр — лишь орудием. Чувствуя приказ меча, он отвернулся от спутников и побежал назад по коридору.

Он знал, что там подстерегает опасность, и не удивился, когда все, прежде разбегавшееся от света, теперь преградило ему путь. С ним явно хотели сразиться. Меч сам собою поднялся; энергия его так возросла, что он подрагивал в руке, и Айяр с трудом удерживал рукоять, едва успевая поворачивать кисть.

Вдруг он увидел, что к нему с грохотом катятся боевые машины. Их лучи, задевая, резали стены, но невидимый барьер, воздвигнутый мечом, они преодолеть не смогли. Меч жил, и его энергия входила в Айяра. Когда-то Айяр был человеком, потом ифтом — теперь он стал сгустком энергии. Она была чужда этому месту, но обладала властью питать собственную силу силой Врага. Машины продолжали атаку, пока свет меча не коснулся их. А тогда он увидел яркие вспышки и почувствовал острый запах разрушения. Айяр торопливо переступил через

дымящиеся обломки. Сколько их еще встретилось в этом коридоре? Он не считал. Он шел вперед, влекомый волей найти центр, управлявший машинами, распространявший чуму, которая поражала Янус.

Коридор кончился. Айяр стоял на возвышении, доходящем почти до потолка огромной комнаты. Повинуясь мечу, он пошел вниз по винтовой лестнице. Все здесь дышало такой силой, что Айяр подумал, не испепелит ли его самого оружие, которое, как он чувствовал, еще не вступило в дело по-настоящему. Он спускался все ниже и ниже. Перед ним возникло странное сооружение. Оно щелкало, вспыхивало огнями и наполняло помещение стоном и гулом. Некоторые его части были темны и мертвы — быть может, давно мертвы, но другие казались живыми, состоящими из плоти и крови. Айяр никогда не видел машин, которые человеческий мозг создает, чтобы они заменили его самого; но память Нейла подсказала нужное слово. Айяр оказался в самом сердце гигантского компьютера.

— Компьютер! — голос Мирика перекрыл жужжание, которым была наполнена комната, словно Лес — шепотом листьев.

Айяр оглядел длинные ряды мигающих огоньков. Сюда его привела энергия меча. Но чем может помочь меч, если не видно ни одного живого существа, которое можно атаковать и обратить в бегство?

Хотя... Кто-то должен был создать этот гигантский мозг. Наверное, это и есть — Враг. Айяр пошел вдоль высоких стен машины и вновь вернулся к площадке возле лестницы, где его ждали спутники.

Другого выхода в комнате не было; вообще ничего не было, кроме машины — полумертвой-полуживой. Айяр был обескуражен отсутствием Врага.

— Это компьютер,— сказал Джервис, изучив стены машины.— И в нем работает какая-то программа.

Мирик прошел по комнате, внимательно вглядываясь в панели машины.

— Да, это компьютер. Но я никогда не видел таких. Работает только часть его. Как будто запустили программу, а потом почему-то остановили. Идите-ка сюда.

Они робко прошли за ним к одному из потемневших блоков, из которого висели сгоревшие провода. Видно было, что его пытались ремонтировать, и явно безуспешно.

— Те машины, которые набросились на Айяра в коридоре,— пояснил Мирик,— предназначались для ремонта компьютера. Похоже, они работали здесь дольше, чем мы можем представить...

— Кимон! — закричала Иллиль.— Кимон был здесь! Но машина... Зачем?

— Она предназначалась для чего-то очень важного,— сказал Джервис.— И создана не ифтами. Когда-то она была на-

половину разрушена, а теперь часть ее снова работает. И мы видели результаты этой работы.

— Но кто поставил перед ней эту задачу? — спросила Иллиль.— Кто или что? Или это и есть ТО-ЧТО-ЖДЕТ?

Райзек отошел к стене, следя за мигающими огоньками.

— Я думаю,— медленно произнес он,— мы нашли то, что искали.

— К этому я и стремился! — воскликнул Айяр.

— Вряд ли эта машина создана на Янусе,— добавил Джервис.— Здесь нет ни одной детали, сделанной ифтами. А мы уверены, что именно ифты — исконные жители планеты, иначе они не могли бы так слиться с ее природой. Следовательно, эта машина...

Райзек вдруг засмеялся.

— Скажите, никому из вас не приходило в голову, что перед нами какая-то часть космического корабля?

— Корабля? — переспросил Килмарк.— Эта махина — часть? Но разве корабль может быть таким огромным?

Локатат как бывший поселенец предположил:

— Корабль колонизаторов!

Джервис резко обернулся, но Райзек подхватил эту мысль.

— Вполне возможно. Корабль с компьютером, запрограммированным на колонизацию. Может быть, он никогда и не собирался на Янус, а лишь потерпел здесь аварию. И тогда компьютер начал выполнять свою задачу в новых обстоятельствах.

Джервис развил мысль дальше — говоря уже от имени Пита Сейшенса. Перворазведчика, предтечи подобных полетов:

— Компьютер попытался изменить местность, приспособить ее для чужеземных колонизаторов. И был готов уничтожить все, что могло бы им повредить...

— Например, ифтов! — добавил Локатат.

— И тогда Кимон,— подхватила Иллиль,— пришел сюда, вооруженный Силой Танта, и разрушил часть машины. Со временем, правда, она восстановилась. Но почему компьютер опять ожил именно теперь?

— Вероятно, он действовал все это время,— предположил Айяр,— но из-за полученных увечий очень долго не замечал врагов, пока на Янусе не появились первые перерожденные ифты. Но почему он не разбудил колонизаторов? Или все они погибли при аварии?

— Зеркала! — Иллиль широко раскрыла глаза.— Колонизаторы — в зеркалах.

— Разумное предположение,— согласился Килмарк.— Теперь моя очередь строить догадки. Ты был прав, Джервис, когда уверял, что многое объясняют ряды ифтов и ларшей, что стояли у подножия ложного дерева. Я не знаю, на какой ступени находились ифты, но ларши были не началом процесса, а его завершением!

Джервис, кажется, понял.

— Не эволюция, а регресс. Компьютер оживил нескольких пассажиров, решив, что на Янусе можно ничего не менять и не переделывать. Но, вероятно, все ресурсы, оставшиеся у компьютера, были брошены на выполнение этой задачи, когда...

— Что ты имеешь в виду? — спросил Локатат.

— Те, кого он разбудил, не избежали перерождения, — объяснил Джервис.— Они регрессировали от поколения к поколению, и наконец из людей превратились в ларшей, человекозверей. Потом ларши были брошены против нас, чтобы очистить Янус, пока машина проектировала новый мир, приспособленный для колонизаторов. Потом компьютер оказался почти разрушен — возможно, легендарным Кимоном, но наверняка этого сказать нельзя. Во всяком случае, разрушение было явно сознательным, и потребовалось много времени даже на частичный ремонт.

— Разрушение не удалось...— задумчиво протянул Мирик.

— Потому что его производил ифт, не знавший настоящего назначения компьютера. Он наносил беспорядочные энергетические удары, уничтожил кое-что, но сердце машины сохранилось.

— А Клятва? В чем же тогда заключалась Клятва?

Джервис пожал плечами.

— История всегда становится легендой. Разве мог Кимон, ифт, объяснить даже самому себе, что он увидел здесь? Просто он встретился с ЖДУЩИМ и всей ЕГО мощью. Но что нам делать теперь? Мирик? Как вы думаете?

— Можно, конечно, разрушить компьютер, как это уже было сделано однажды. Но это опять лишь на время; хотя это «время» — века. Ведь компьютер имел неизвестную программу, охрану, ремонтников. Мало ли что еще находится в этих норах! Мы должны найти центральный процессор и уничтожить его навсегда.

— Джервис! — Иллиль встревоженно заглянула ему в лицо.— А что же будет с теми, кого сначала спрятали в зеркала, а потом превратили в роботов? Их можно спасти?

— Не знаю,— ответил Джервис.— Для этого нужны время и знания. А пока эта машина распоряжается в Пустоши, пока она способна выставить целую армию, времени у нас нет.

С ним согласились все. Айяр поднял меч, собираясь сжечь управляющие блоки, но Райзек преградил его дорогу.

— Не здесь! — он смотрел на светящиеся и пощелкивающие панели.

— А где?

— Мы не знаем,— ответил Мирик.— ЖДУЩЕЕ контролирует здесь все, в том числе и вентиляцию. Если ты разобьешь блок, компьютер может закрыть двери, отключить доступ воздуха и заживо похоронить нас здесь. А сам он так и не будет уничтожен. Ничего нельзя предпринимать, пока мы не изучим все досконально.

— Смотрите! — воскликнула Иллиль.

По блоку, который они считали мертвым, пробежала вспышка. За ней — другая. Искорки вспыхивали и гасли, но никто не знал, таилась ли в этом угроза.

— Назад! — шепотом приказал Джервис, словно боялся, что машина услышит его и перекроет выход.

Айяр тоже испугался. Видимого, открыто наступающего врага, будь то келрок, лжеифт или ходячий скафандр, можно встретить лицом к лицу, но огоньки на панели компьютера, таящие в себе угрозу, — совсем другое дело. Искры трижды пробежали по панели: сначала они были голубыми, потом синими и, наконец, пурпурными. Айяр знал, что товарищи тоже напряглись и пытаются определить, откуда грозит опасность.

— Мирик, как по-твоему, где находится центр управления? — спросил Джервис.

— Где угодно. Я не разбираюсь в древних компьютерах.

— Айяр, что говорит твой меч? — спросил Мастер Зеркала.

Айяр поднял меч и направил его на панель, в которой только что забрезжила жизнь. Он сразу почувствовал, как Сила Танта рванулась из его тела, словно ей стало тесно в оковах плоти, и она должна наконец сразиться с другой, чуждой ей и всему Янусу силой. Закрыв глаза.

Айяр стал медленно поворачиваться, чтобы по этим приливам и отливам энергии определить центр, где находится сердце ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Наконец он почувствовал легкий толчок справа. Он еще чуть-чуть повернулся, и его охватила настоящая буря. За приливом следовал отлив, а затем — полное спокойствие. Айяр открыл глаза.

Перед ним были мертвые блоки, перекрещенные старыми рубцами без всяких следов ремонта. Глаза закрылись снова — так, с закрытыми глазами Айяр инстинктивно воспринимал эту силу. Поворот — волна, поворот — отлив — волна, резкая и сильная — ослабление — смерть. Но не он один почувствовал жизнь в блоках.

— Попробуй под ногами,— предложила Иллиль.

Айяр отступил на шаг. Меч в его руке наклонился, указав блоки по полу. Айяр снова начал медленно поворачиваться. Вдруг его рвануло вперед. Увлекаемый мечом, Айяр упал на колени, а меч погрузился в пол. Он находился в футе от лестницы, по которой они пришли. Искры от меча взлетали все выше, пол в этом месте раскалился докрасна, так что было больно глазам. Меч входил в пол все глубже и тянул за собой руку Айяра.

— Руби! — Джервис встал на колени и схватился за рукоять меча, но тотчас отдернул руку.

Еще не вполне понимая, что он делает, Айяр стал резать пол. Отверстие расширилось, но он старался сделать его еще больше. Теперь он чувствовал, как его собственная энергия входит в меч. В отверстии уже мог поместиться человек; оттуда пахнуло раскаленным металлом...

— Все на лестницу! Осторожно! — крикнул кто-то.

Снизу вырвался луч, слился с искрами от меча и вспыхнул ослепительным светом. Ничего не видя, Айяр закричал. Меч тянул его за собой, тело пронзало жаром и невыносимой болью.

Айяр упал; он не мог ни действовать мечом, ни выпустить его. Меч стал тяжелым и неповоротливым. Айяр не мог даже пошевелить рукой. Но тут же из него снова полилась энергия — сокрушающая Сила Танта, распространяя почему-то отвратительный запах горелого...

Он снова сидел за игральной доской. На ее поверхности ярко сияли странные линии, квадраты, точки, смысла которых он не понимал. Его противником было ТО-ЧТО-ЖДЕТ — он не видел ЕГО, но ощущал. ОНО же не обращало на Айяра внимания. Нет, ЖДУЩЕЕ не отступило, а просто окружило себя неодолимой защитой.

Вдруг Айяр заметил, что все фигуры на доске — скафандры, ларши и прочие — упали. Правда, некоторые из них пытались подняться, но тут же оказались сметены с доски. Тогда как редкий строй ифтов на его стороне дрожал и качался, все-таки не сдаваясь. А уверенное в себе ЖДУЩЕЕ, собираясь начать неизвестную Айяру игру, окружало себя все надежнее. ОНО боялось, потому что было теперь безумным... безумным... Вероятно, Айяр выкрикнул это вслух. Чьи-то руки вцепились в него, и доска исчезла.

— ТО-ЧТО-ЖДЕТ — безумно...

Руки терзали его тело. Он ничего не видел.

— Оставьте меня...

Но крик его остался без ответа. Он чувствовал себя словно выпотрошенным, лишенным энергии, и не отбиться было от этих рук...

— На воздух! Скорее отнести его! И осторожнее! Шевелись!

Высокие голоса выкрикивали бессмысленные фразы, но уже ничто не имело значения... Он чувствовал только боль, то резкую, то тупую, но не затихавшую ни на минуту. Потом он забился в кашле, и боль стала еще сильнее. Он жаждал темноты — казалось, она спасет от боли.

— Осторожно... Да ОНО же спятило...— пронзительный голос сверлил мрак.— Райзек, берегись деревьев!

Вдруг Айяру стало легче дышать. Руки все еще держали его, в рот тонкой струйкой лилась какая-то холодная жидкость. Что-то холодное, смягчающее ожоги, освежило глаза. Он вздохнул. Земля под ним качалась. Издалека слышался обезумевший визг.

Айяр не мог пошевелиться, хотя ему хотелось бежать из этого безумного места. Руки прижали его еще крепче, снова причиняя боль. Он хотел закричать, но любой звук все равно не был бы слышен в грохоте. И снова закачалась земля, что-то затрещало... Он заморгал, стараясь хоть что-нибудь

разглядеть в тумане. Метались тени, мимо пролетело что-то большое. Он снова услышал треск.

— Бегом! Это ловушка. Прочь отсюда! — раздалось над самым его ухом.

Кто-то поднял и понес его. Ноги волочились по земле, цепляясь за что-то.

Но вот земля перестала качаться. Кто-то ощупал его тело и туго перебинтовал под мышками. Повязка причинила такую боль, что он снова погрузился в черноту небытия, чтобы избавиться от мук.

— Айяр! Айяр!

Он лежал в корабельном трюме, холодный, мертвый. Он был Нейлом Ренфо, он только что продал себя в рабство вербовщикам с далекой планеты. Но его почему-то разбудили раньше времени, и теперь он умирал в капсуле для эмигрантов, его легким не хватало воздуха, тело застывало в космическом холоде. Он пытался взмахнуть руками, надеясь разбить этот гроб. Хотя бы несколько мгновений жизни!.. Снова темно, но холода больше нет. Мягкая влага на губах, на глазах, на лице.

Неужели его услышали и решили спасти? Нет смерти меж звезд — только жизнь! Когда с его глаз убрали холод, он разлепил веки. Он видел! Как в тумане, но видел! Над ним склонились... нет, не офицер и не корабельный врач. Овальное лицо, зеленая кожа, большие, косо поставленные глаза. Приятное лицо, пожалуй, даже красивое. Правда, нет ни бровей, ни ресниц, ни волос над широким лбом...

— Айяр! — произнесли губы.

Что такое «айяр»? Приветствие? Или, может, вопрос? Он хотел бы знать, но не было сил спросить.

Рядом появилось другое лицо — похожее на первое, но чем-то от него отличающееся.

— Айяр! — зеленая рука второго мелькнула перед глазами Айяра.

— Как он?

— Похоже, проснулся...— с сомнением ответило первое.

— Наконец-то он начал видеть!

Так что же это — «айяр»? «Айяр из Ифткана!» — торжествующе подсказала память. Айяр — это он сам. Открытие обрадовало его.

— Уже вспоминает... Теперь он снова Айяр! — сказал первый.

Ифты! Да, это правильное название.

— Айяр, мы должны идти.

Одна из зеленокожих фигур — повыше ростом — подняла Айяра, положила его на плечо.

Айяр посмотрел вниз: земля закружилась у него перед глазами, но вскоре успокоилась. Красная земля была здесь перемешана с черной, словно какой-то гигант поработал здесь лопатой или мечом. Меч? Рука потянулась к поясу. Видимо,

Айяр произнес это слово, потому что фигура поменьше быстро ответила:

— Меч погиб в битве с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ. Видимо, меч Кимона был в свое время так же могуч, как меч Айяра...

— Легенды создадутся потом,— сказал тот, что нес Айяра.— А сейчас пойдем, пока есть силы.

Подошел еще один мужчина. Айяр всмотрелся в лица. Память подсказала имена:

— Джервис... Килмарк...

Оба радостно улыбнулись. Они шли медленно: приходилось продираться сквозь колючий кустарник. Мир вокруг зазеленел — сначала появились слабые стебельки с мелкими листочками.

Айяр вдохнул полной грудью и окончательно проснулся. Голова его была ясной, но тело бессильным.

Он осмотрелся: они стояли на опушке леса, была весна. Не сон ли это?

— Где мы? — спросил он; ему важно было узнать, что они все-таки выбрались из нор.

Иллиль улыбнулась.

— В дикой местности на севере.

— В Ифткане?

— Нет. Ифткана нет и больше не будет,— по лицу ее пробежала тень.— Он никогда не возродится, потому что для этого нужны новые корни, а не прививки к старым...

Айяр не пытался понять ее ответ. Он был рад, что они наконец в лесу, хотя и не ифтянском. Но вскоре подошли другие ифты, и ему захотелось узнать подробности.

— Мы победили ТО-ЧТО-ЖДЕТ,— сказал Джервис.— Вернее, победила Сила Танта, потому что именно она, войдя в твой меч, выжгла управляющий блок компьютера. Но ОНО сошло с ума, когда мозг был разрушен. Фальшивые ифты и машины тоже сошли с ума и уничтожили сами себя. Что случилось с пленниками, мы пока не знаем. Мы сейчас идем в порт. Если там тоже есть роботы-инопланетники, да еще и потерявшие управление, мы постараемся одолеть их. Вот что случилось, вот как далеко зашло проклятье, наложенное на Янус...— он покачал головой.— Но главное: мы покончили с ТЕМ-ЧТО-ЖДЕТ навсегда, потому что со сгоревшим мозгом ОНО никогда не возродится. Хаос ЖДУЩЕГО оставил много жертв. Если мы не сможем освободить бывших пленников ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ, то, по крайней мере, оставим в порту ленту с описанием всего, что с нами произошло, и межпланетный сигнал бедствия. Секрет нашего перерождения мы пока оставим при себе. Ведь мы можем общаться с каждым, кто захочет поселиться на Янусе. Но пока нам придется отступить за море... если не удастся помочь пленникам.

Тут он задумался и посмотрел на Айяра.

— Ифткан исчез и больше не возродится. Мы не знаем, много ли ифтов из прошлого лежит под руинами владений

ЖДУЩЕГО в Пустоши. Может быть, инопланетники помогут нам это узнать. Мы создадим новый род, и он будет свободен от ТОГО-ЧТО-ЖДЕТ. Но каждому дню — своя задача. Посев и рост нельзя торопить.

Он замолчал, и Айяр, забыв, что был когда-то Нейлом, подставил лицо ночному ветру. Ветер был сладок и холоден; он обещал весну. Уставшие ифты отдыхали среди обломков прежнего мира, а вокруг поднималась новая жизнь, к возрождению которой они были причастны. Ифткан умер, но Великие Башни вырастут снова, и потомки ифтов будут петь об этом времени. И, может быть, легенда окажется совсем не похожей на действительность.

Молния ифта — меч,
Руки, как руны, хранящие меч,
Сердце — луна, оковавшая мрак
Светлым лучом.
Род его вечен, как вечен
Яркий на небе месяц
В мраке ночном.
Встань, воином рожденный,
Лезвие в сердце врага погрузи!

Радостно пела Иллиль. Айяр покачал головой.

— Я не Кимон. Тот был одинок. Да и какой из меня герой песни!

Джервис рассмеялся:

— Оставим потомкам судить об этом. А мы поем сегодня для себя! — Он протянул руки Айяру и Иллиль, и они пошли вперед, с песнью о Кимоне — лучшей песнью этого счастливого дня победы.

Содержание

ВТОРЖЕНИЕ К ДАЛЕКИМ ПРЕДКАМ 3
ГАРАН ВЕЧНЫЙ 144
СУД НА ЯНУСЕ 237
ПОБЕДА НА ЯНУСЕ 343

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЯ.

В следующих выпусках зарубежной фантастики выйдут следующие книги.

11/1 — «Колдовской мир» А. Нортон.
11/3 — «Колдовской мир» А. Нортон.
13 — «Королева Солнца» А. Нортон
14/1 — «Крыса из нержавеющей стали» Г. Гаррисон
14/2 — «Крыса из нержавеющей стали» Г. Гаррисон
15/1 — «9 принцев Амбера» Р. Желязны
15/3 — «9 принцев Амбера» Р. Желязны
16 — «Счастливчик Старр» А. Азимов.
17 — «Рассвет в 2250 году» А. Нортон.
18 — «Рифы космоса» Ф. Пол.
19 — «Война крылатых людей» П. Андерсон.

Издательство «ЭЯ» приступает к выпуску серии авантюрно-исторического романа

Серия начинается собранием сочинений в 14 томах немецкого писателя Г. Борна

Тираж 50 000 экземпляров.